

ИЗДАТЕЛЬСТВО

И. М.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

10-11
10-12.

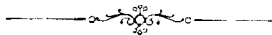
Путешествія

Н. М. Пржевальскаго.

Составилъ по подлиннымъ сочиненіямъ

А. В. Зеленинъ.

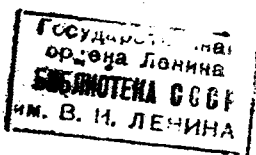
(Съ рисунками и картами).

С.-Петербургъ
Изданіе Л. Л. Сойкина
12, Стреляная, 12.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 30 НОЯБРЯ 1899 ГОДА.

56062-48

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Какъ извѣстно, труды знаменитыхъ путешественниковъ, въ родѣ Пржевальскаго, Мичлухо-Маклая, у насъ, или Кука, Бекера и др. заграницевъ, заключаютъ въ себѣ массу цѣннаго и интереснаго матеріала для чтенія. Вся бѣда лишь въ томъ, что подлинныя описанія ихъ путешествій являются недоступными для большинства публики по своей дороговизнѣ и объему, а нѣкоторыя и по рѣдкости изданія. Особенно у насъ, въ Россіи, гдѣ такъ бѣдна общедоступная литература путешествій, уже давно назрѣла потребность въ такомъ изданіи трудовъ путешественниковъ, которое бы, сохраняя всѣ достоинства оригинала, могло быть доступно широкому кругу читателей и по своей небольшой цѣнѣ, и по легкости изложенія. Эти обстоятельства побудили насъ приступить къ изданію путешествій Н. М. Пржевальскаго.

Издатель.

Н. М. Пржевальскій.

ВВЕДЕНИЕ.

„Есть счастливы имена, которыя довольно произнести, чтобы возбудить въ слушателяхъ представленіе о чемъ-то великомъ и общевѣстномъ. Таково имя Пржевальскаго. Я не думаю, чтобы на всемъ необъятномъ пространствѣ земли Русской нашелся хоть одинъ сколько-нибудь образованный человѣкъ, который бы не зналъ, что это за имя... Имя Пржевальскаго будетъ отнынѣ синонимомъ безстрашія и энергіи въ борьбѣ съ природою и людьми и безавѣтной преданности наукъ“...

Рѣчь К. С. Веселовскаго въ торжественномъ собраніи Академіи Наукъ, 29 декабря 1886 года.

Личность Пржевальскаго, какъ путешественника и натуралиста.

На рубежѣ земли русской, въ киргизской степи, на крутомъ, обрывистомъ берегу пустынного озера Иссыкъ-Кула, у подножія исполинской стѣны Небеснаго хребта (Тянь-Шаня) стоитъ одиноко величественный памятникъ. Сложенный изъ большихъ глыбъ мѣстнаго мрамора, памятникъ этотъ представляетъ скалу около 4 саж. высотой, на вершинѣ которой помѣщается символическая бронзовая фигура орла (двойной натуральной величины, около 1½ сажени въ размахѣ крыльевъ), съ развернутою картою Азіи подъ когтями и съ оливковою вѣтвью въ клювѣ—эмблема мирныхъ завоеваній науки въ этой части Свѣта. На лицевой сторонѣ памятника вдѣлана въ скалу огромная медаль *) съ надписью надъ нею: «Николай Михайловичъ Пржевальскій», а ниже: «первый изслѣдователь природы Центральной Азіи».

Съ надписью того же имени стоитъ бюстъ великаго путешественника въ Александровскомъ скверѣ въ С.-Петербургѣ, съ лежащимъ у подножія нагруженнымъ верблюдомъ, который, кстати сказать, при своемъ двухъ аршинномъ ростѣ, сравнительно съ могучей фигурой Пржевальскаго, выглядит нѣсколько карикатурно.

*) Около 2 арш. въ діаметрѣ. Медаль эта представляетъ увеличенную копию съ большой золотой медали, выбитой И. Академіей Наукъ въ честь знаменитаго путешественника по постановленію конференціи 3 мая 1886 г.

Памятники эти и название «Пржевальскъ», присвоенное городу, расположенному въ 12 верстахъ отъ вышеописанной могилы на берегу азіатскаго озера, показываютъ, что русское общество отнеслось съ большимъ почтеніемъ къ заслугамъ знаменитаго путешественника, а длинный списокъ почетныхъ наградъ, полученныхъ имъ въ разное время *), свидѣлствуютъ о томъ, что Пржевальскаго не менѣе, чѣмъ въ Россіи, оцѣнили и за границей.

Вообще Пржевальскому выпала рѣдкая, счастливая доля во всей полнотѣ развернуть свои природные таланты, направленные къ полезной дѣятельности на поприщѣ науки и, что случается рѣдко, рано быть понятымъ и еще при жизни оцѣненнымъ по заслугамъ.

Когда на 50-мъ году его жизнь внезапно пресѣклась въ самомъ началѣ 5-й экспедиціи въ Центральную Азію, то всё, сколько-нибудь причастные къ наукѣ, какъ въ Россіи, такъ и за границей, ясно видѣли, что міровая наука понесла громадную утрату въ лицѣ этого замѣчательнаго изслѣдователя; предыдущіе его подвиги не оставляли никакого сомнѣнія въ драгоцѣнности его дѣятельности, когда каждый, можно сказать, день его жизни обогащалъ науку массой новыхъ цѣнныхъ матеріаловъ.

Приступая къ описанію этой грандіозной личности, мы слѣшимъ оговориться, что имѣемъ въ виду не подробную біографію Пржевальскаго, а лишь характеристику его, какъ научнаго дѣятеля. Мы постараемся освѣтить эту личность, какъ путешественника и ученаго естествоиспытателя и попытаемся выяснитъ генезисъ его врожденной страсти къ путешествіямъ въ невѣдомыхъ странахъ, разобрать, на сколько это доступно по количеству находящихся въ нашемъ распоряженіи матеріаловъ, какую роль въ созданіи этой личности можно

*) Николай Михайловичъ Пржевальскій въ разное время своей блестящей дѣятельности удостоенъ былъ слѣдующихъ почетныхъ титуловъ: 1) Доктора зоологій Имп. Московскаго Университета „honoris causa“, т. е. безъ представленія диссертациі и безъ согласія съ своей стороны; избранъ почетнымъ членомъ: 2) Имп. Академіи Наукъ, 3) Имп. Русскаго Географическаго Общества, 4) Имп. С.-Петербургскаго Университета, 5) Имп. Ботаническаго Сада, 6) Общества Любителей Естествознанія и Антропологій при Московскомъ Университетѣ, 7) С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей, 8) Уральскаго Общества Любителей Естествознанія, 9) Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, 10) Имп. Общества Садоводства, 11) Общества Любителей Правильной Охоты; почетнымъ членомъ слѣдующихъ заграничныхъ Географическихъ Обществъ: 12) Парижскаго, 13) Берлинскаго, 14) Вѣнскаго, 15) Венгерскаго, 16) Итальянскаго, 17) Ролландскаго, 18) Франкфуртскаго, 19) Лейпцигскаго, 20) Дрезденскаго, и 21) Сѣв. Китайскаго отдѣленія Королевскаго Азіатскаго Общества; дѣйствительнымъ членомъ: 22) Германской Академіи естественныхъ и медицинскіхъ наукъ въ Галле и 23) Шведскаго Антропологическаго и Географическаго Общества; 24) сѣтудникомъ Французскаго Министерства Народнаго Провѣщенія.

Ему присужданы были слѣдующія золотыя медали: 1) Именная Императорской Академіи Наукъ съ его портретомъ и надписью: „Первому изслѣдователю природы Центральной Азіи“, 2) Константиновская медаль Имп. Русск. Географическаго Общества, 3) Медаль Гумбольдта Берлинскаго Общества Землеислѣдствія; Географическаго Общества: 4) Лондонскаго, 5) Парижскаго, 6) Итальянскаго, 7) Медаль Вегги Шведскаго Антропологическаго и Географическаго Общества и 8) Французская *Rhyme d'Académie*.

Кромѣ того Пржевальскому присуждена была Имп. Русскимъ Географическимъ Обществомъ серебряная медаль за его академическое сочиненіе, первая по времени изъ всѣхъ полученныхъ имъ наградъ.

приписать наследственнымъ и врожденнымъ качествамъ Пржевальскаго, условіямъ его первоначальнаго воспитанія и обстоятельствомъ, сопровождавшимъ дѣйствіемъ его дѣятельность.

Нужно сознаться, что для выясненія намѣченныхъ нами вопросовъ сдѣлано пока не много, хотя и существуетъ полная біографія Николая Михайловича, составленная его другомъ и товарищемъ, академикомъ Н. Ѳ. Дубровинимъ *), вскорѣ послѣ безвременной смерти Пржевальскаго, на основаніи воспоминаній о покойномъ, его собственныхъ и многихъ другихъ лицъ, близко знавшихъ Николая Михайловича при жизни. При всеобщемъ сочувствіи всѣхъ, кому дорога была память о великомъ русскомъ путешественникѣ, г. Дубровину удалось въ короткое время собрать около 600 писемъ покойнаго къ разнымъ лицамъ, а также и масса документальныхъ данныхъ, собранныхъ въ разныхъ архивахъ, имѣющихъ отношеніе къ его дѣятельности.

Тѣмъ не менѣе, даже и въ настоящее время, когда прошло уже болѣе 10 лѣтъ со времени смерти Пржевальскаго, подробное «историческое» изслѣдованіе о его личности невозможно, такъ какъ лица, съ которыми ему приходилось сталкиваться, еще живы и принадлежать къ числу дѣятелей на различныхъ поприщахъ науки и администраціи. По этимъ же обстоятельствомъ современные біографы не могутъ свободно пользоваться въ высшей степени интересными архивными документами, связанными съ дѣятельностью Пржевальскаго въ области дипломатическихъ и политическихъ отношеній Россіи къ Китаю.

Но что касается научной дѣятельности Пржевальскаго, то въ этомъ отношеніи въ настоящее время итоги уже совершенно подведены, и разработка его трудовъ недана, послѣ многолѣтнихъ трудовъ цѣлой плеяды русскихъ перво-классныхъ ученыхъ **). Поэтому въ настоящее время существуетъ полная возможность вновь охарактеризовать научныя заслуги Пржевальскаго по изслѣдованію большой части азіатскаго континента.

*) Н. Ѳ. Дубровинъ. „Николай Михайловичъ Пржевальскій“. Біографическій очеркъ. С.-Петербургъ, 1890.

***) Подробный списокъ ученыхъ трудовъ, результатовъ разработки научныхъ матеріаловъ, собранныхъ имъ въ своихъ экспедиціяхъ, см. дальше.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Первые периоды жизни Пржевальскаго.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Наслѣдственность.

Родословная Пржевальскаго.—Наслѣдственность по отцовской линіи и со стороны матери.—
Обновленіе выродившагося дворянскаго рода.

Родъ Пржевальскихъ ведетъ свое начало отъ запорожскаго казака Корнилы Анисимовича Паровальскаго, который поступилъ на службу польскихъ королей и за воинскія отличія получилъ отъ короля Стефана Баторія въ 1581 году дворянскій титулъ съ особымъ гербомъ *) и помѣстья въ нынѣшней Витебской губ. Сдѣлавшись польскимъ шляхтичемъ, онъ усвоилъ польскую транскрипцію своей фамиліи и такимъ образомъ «Паровальскій» перешло въ «Пржевальскій» **). Впрочемъ православіе еще долго сохранялось въ этомъ родѣ; такъ, напр., Христина, жена внука Корнилы, Григорія, въ завѣщаніи своемъ 1701 г. оставляетъ родовыя имѣнія своимъ 3 сыновьямъ съ условіемъ, что если кто изъ нихъ уклонится отъ православной вѣры, то лишается своей наслѣдственной части.

Впослѣдствіи однако же фамилія Пржевальскихъ перешла въ католичество, но когда это произошло—неизвѣстно.

Съ переходомъ Бѣлорусскихъ областей къ Россіи, родъ Пржевальскихъ снова обрусѣлъ и вошелъ въ число русскихъ дворянскихъ фамилій. Дѣдъ Николая Михайловича, Казиміръ, воспитывался въ іезуитской коллегіи, въ Полоцкѣ, но до

*) Въ красномъ полѣ этого герба изображенъ былъ натянутый лукъ со стрѣлою, направленною вверхъ, а въ шлемѣ—три страусовыхъ пера.

**) По объясненію Н. Дубровина, фамилія „Паровальскій“ имѣла значеніе „храбраго человѣка“—„паромъ валить“. „Прже“ по-польски означаетъ „черезъ“, а „валить“— „воевать“. Такимъ образомъ и польская транскрипція имѣетъ значеніе „храбрости“, которымъ несомнѣнно прославился Корнила, родоначальникъ Николая Михайловича. Впрочемъ такое измѣненіе фамиліи произошло, вѣроятно, не сразу, такъ какъ еще въ 1623 г. въ одномъ документѣ встрѣчается транскрипція *Превальскій* (см. Дубровинъ, стр. 1).

окончания курса въ ней, бѣжалъ, перешелъ въ православіе, принявъ имя Кузьмы Омича и находился на гражданской службѣ въ разныхъ городахъ коренной Россіи, подъ конецъ въ Твери, гдѣ въ 1825 году зачисленъ былъ въ родословную книгу тверскаго дворянства. Сынъ его Михайлъ поступилъ въ военную службу, участвовалъ въ кампаніи 1831 г. противъ польскихъ повстанцевъ, но былъ тѣлосложенія слабого, болѣзненнаго. Главнымъ недугомъ у него была болѣзнь колтуновъ, которая отразилась на всей организаціи: при сильномъ поврежденіи зрѣнія онъ страдалъ кровохаркавіемъ и болями въ груди, часто подвергался обморокамъ и вообще часто находился въ расслабленномъ и извуренномъ отъ болѣзни состояніи.

Вслѣдствіе этого онъ на 32 году жизни вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ у отца, близъ Смоленска. Недалеко оттуда находилось небольшое имѣніе Каретникова, и Михайлъ Кузьмичъ Пржевальскій, черезъ три года послѣ этого, т. е. въ 1838 г., женился на младшей дочери его, Еленѣ Алексѣевнѣ Каретниковой. Отъ этого брака въ 1839 г. 31 марта родился сынъ Николай—будущій великій путешественникъ, прославившій всю свою фамилію.

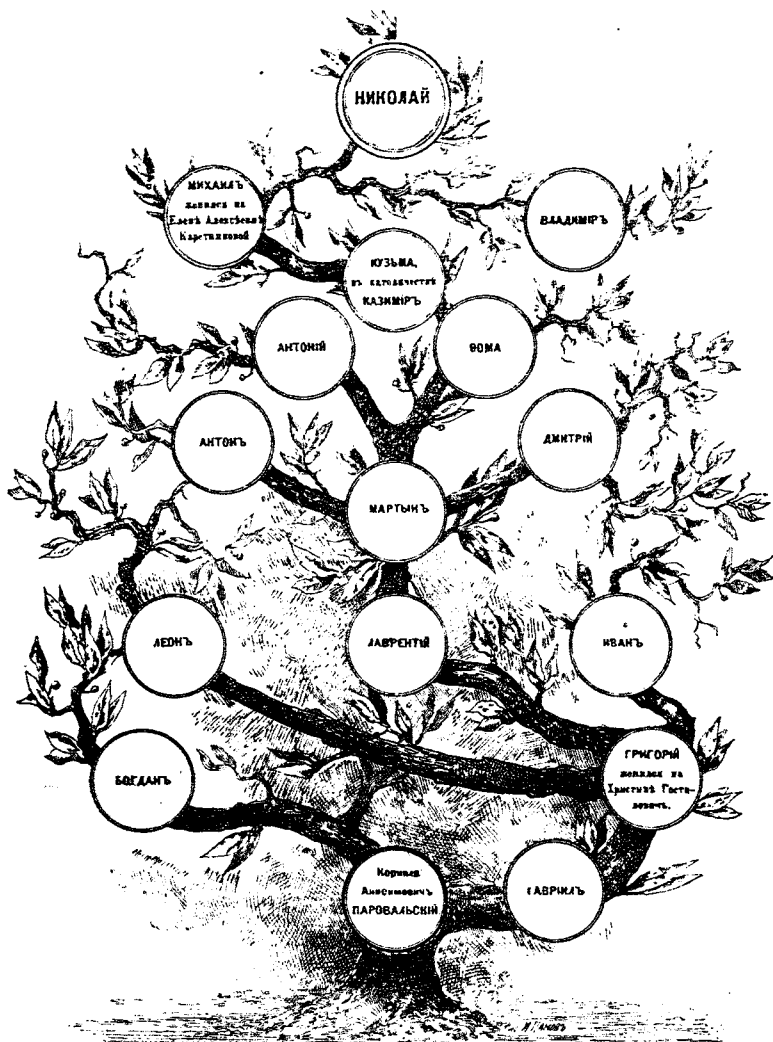
Попробуемъ теперь нѣсколько разобраться въ данныхъ этой родословной нашего героя, для опредѣленія его наслѣдственныхъ чертъ.

Нельзя, конечно, съ этой точки зрѣнія оставить безъ вниманія тотъ фактъ, что предки Пржевальскаго съ отцовской стороны были въ отдаленныя времена безпokoйныя и удалые казаки, и весьма вѣроятно, что бродяжническія наклонности, свойственныя казакамъ, энергія и закаленность физической организаціи, входили въ кругъ фамильныхъ чертъ рода Пржевальскихъ, по крайней мѣрѣ, у первыхъ предковъ, и такой, несомнѣнно выдающійся и энергичный человѣкъ, какъ Корниллъ Паровальскій—является вполне подходящимъ предкомъ талантливаго, энергичнаго и неутомимаго изслѣдователя средне-азиатскихъ пустынь, каковымъ впоследствии заявилъ себя Николай Михайловичъ: ему положительно не сидѣлось на одномъ мѣстѣ и можно смѣло говорить о его «страсти» къ путешествіямъ въ далекіе, неизвѣстные края.

Однако же, если мы дальше станемъ разбирать личности членовъ этой фамиліи, то не найдемъ среди нихъ ни одного выдающагося предка: по крайней мѣрѣ нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя бы заставляли видѣть въ комъ-нибудь изъ нихъ проявленіе какихъ бы то ни было чертъ гениальности. Правда, мы не имѣемъ достаточно матеріаловъ для сужденія о родоначальникахъ Пржевальскаго по отцовской линіи, и наше заключеніе не исключаетъ возможности существованія подобныхъ чертъ у нихъ, такъ сказать, «in potentia»: при благоприятныхъ условіяхъ воспитанія и жизни тѣ или другія фамильныя черты, быть можетъ, и проявились бы въ какого-либо рода широкой дѣятельности. Но безусловно выдающіеся таланты, которые не могутъ быть затуманены и подавлены даже и неблагоприятными жизненными условіями—мы не видимъ и поэтому вышеприведенную ссылку на «безпokoйныя бродяжническія наклонности», унаслѣдованныя Пржевальскими отъ предковъ—запорожскихъ казаковъ,—считаемъ натяжкой. Вѣрнѣе будетъ,

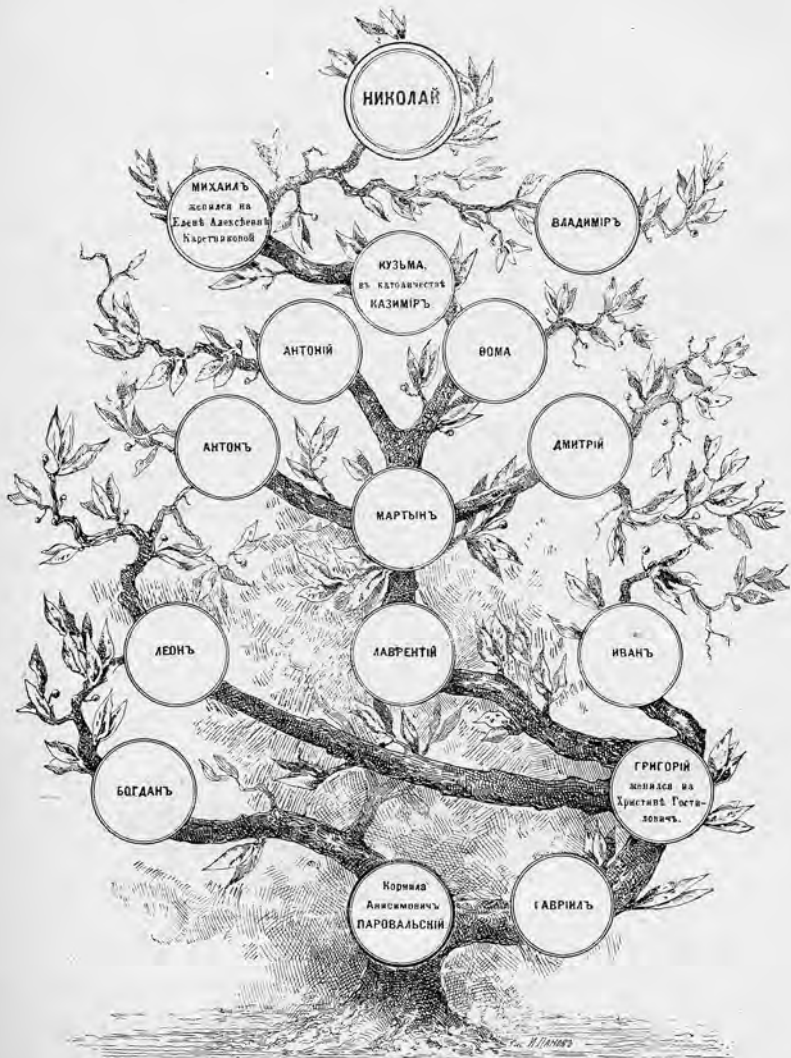
намъ вается, сказать, что предки Николая Михайловича съ отцовской стороны— были люди заурядные, не выдающиеся надъ посредственностью.

Въ особенности это относится къ ближайшему предку, къ отцу знаменитаго

Родословное дерево Н. М. Пржевальскаго.

путешественника, физическая организація котораго менѣе всего могла способствовать происхожденію отъ него такого вѣпикаго, бодрого и выносливаго путешественника, который легко переносилъ всевозможныя крайности континентальнаго климата на заоблачныхъ высотахъ Тибета или въ раскаленныхъ безводныхъ средне-азиатскихъ

Родословное дерево Н. М. Пржевальскаго.

пустынях. Далѣ, отецъ Пржевальскаго былъ, по отзывамъ знавшихъ его людей, некрасивъ собою, худой и блѣдный *) и это было причиною того, что Каретниковъ сначала далъ почувствовать Михаилу Кузьмичу, что ему не нравятся частыя его посѣщенія ихъ семейства. Наоборотъ, какъ видно по прилагаемому портрету, Николай Михайловичъ былъ очень красивый и видный мужчина, съ желѣзнымъ здоровьемъ.

Обратимся теперь къ предкамъ Николая Михайловича съ материнской стороны. Здѣсь прежде всего останавливается на себѣ вниманіе дѣдъ Пржевальскаго, Алексѣй Степановичъ Каретниковъ.

Онъ происходилъ изъ крестьянской семьи Центральной Россіи (Тульской губ.) и былъ дворовымъ. Попавши въ военную службу рядовымъ, онъ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе и черезъ пять лѣтъ сдѣланъ уже былъ магазинъ-вахтеромъ, а затѣмъ переведенъ былъ въ фельдъ-егерскій корпусъ. Въ 1805, 1807 и 1808 гг. онъ находился въ свитѣ Государя, причемъ возвышеніе его неуклонно продолжалось, такъ что въ 1809 г. онъ вышелъ въ отставку уже съ награжденіемъ чиномъ коллежскаго регистратора и, поступивъ на гражданскую службу, вскорѣ составилъ себѣ довольно блестящую, для человѣка съ его происхожденіемъ, карьеру.

Самъ Алексѣй Степановичъ былъ большого роста и обладалъ красивой наружностью. Женился онъ на женщинѣ также не родовитой, дочери тульского купца, которая съ своей стороны отличалась крѣпкимъ здоровьемъ и красивою наружностью.

Алексѣй Степановичъ въ это время обладалъ уже значительнымъ состояніемъ и имѣлъ въ Петербургѣ три дома.

Такимъ образомъ Каретниковъ, дѣдъ Николая Михайловича, оказывается личностью безусловно выдающеюся: изъ низкаго званія онъ сумѣлъ выдвинуться, хотя условія воспитанія, а также и то обстоятельство, что онъ попалъ въ солдаты, несомнѣнно, этому мало благоприятствовали. Во всякомъ случаѣ, мы въ правѣ предположить въ немъ выдающіяся способности и энергію и сдѣлать отсюда заключеніе, что въ нашемъ знаменитомъ путешественникѣ воспроизведенными явились нѣкоторыя изъ его чертъ путемъ наслѣдственной передачи.

Подробное разсмотрѣніе характерныхъ чертъ этой личности заставляетъ насъ еще болѣе утвердиться въ этомъ предположеніи.

Такъ, напр., оказывается, что Алексѣй Степановичъ имѣлъ большую склонность къ заграничнымъ путешествіямъ и настоящую страсть къ животнымъ: въ Петербургѣ у него отведена была особая комната, въ которой собрано было множество птицъ, а другая комната была предназначена для помѣщенія обезьянъ. Едва-ли будетъ поэтому нѣтяжкой найти въ этой чертѣ нѣкоторую связь наслѣдственной передачи его внуку: извѣстно, что Николай Михайловичъ былъ страстный любитель природы (Алексѣй Степановичъ, несомнѣнно,

*) Воспоминанія смеженскаго помѣщика Севрюкова, сосѣда Каретникова по Елмбору, см. Дубровинъ, стр. 6.

также любилъ природу, такъ какъ онъ, выйдя въ отставку, продалъ свои петербургскіе дома и поселился въ деревнѣ, гдѣ съ большою любовью занимался сельскимъ хозяйствомъ) и съ большимъ увлеченіемъ занимался зоологіей, приче́мъ, замѣтимъ встать, орнитологія *) была постоянно его любимою спеціальностью. Точно также и въ страсти Николая Михайловича къ путешествіямъ, на основаніи вышеуказанной склонности Каретникова къ заграничнымъ поѣздкамъ, можно видѣть наследственную черту.

Переходя къ другимъ членамъ фамиліи Каретниковыхъ, можно указать на дядю Николая Михайловича, Павла Алексѣевича Каретникова, который былъ страстнымъ охотникомъ и если не въ смыслѣ наследственности, то во всякомъ случаѣ въ воспитательномъ отношеніи, оказалъ, несомнѣнно, громадное вліяніе на молодого Пржевальскаго, такъ какъ онъ, вмѣстѣ со своимъ дядей въ ранней молодости, даже еще въ дѣтствѣ, цѣлые дни проводилъ на охотѣ, и какъ увидимъ дальше, Николай Михайловичъ во всю жизнь свою былъ страстнымъ охотникомъ.

Наконецъ, мать Пржевальскаго, Елена Алексѣевна Каретникова также должна быть причислена къ личностямъ далеко не зауряднымъ. Это была женщина очень умная и энергичная. Съ мужемъ она прожила всего 8 лѣтъ, и по смерти Михаила Кузьмича осталась съ весьма ограниченными средствами и съ двумя малолѣтними сыновьями на рукахъ.

Еще и при жизни постоянно больного и слабого мужа, Елена Алексѣевна лично вела всѣ дѣла, а послѣ его смерти, оставшись безъ всякой поддержки, сумѣла хорошо воспитать дѣтей и до конца своей жизни постоянно оставалась нравственною руководительницею ихъ на жизненномъ поприщѣ. Между тѣмъ имущество Пржевальскихъ было весьма не велико. Года черезъ три послѣ брака, отецъ ея Каретниковъ выдѣлилъ въ качествѣ приданаго изъ своего Кимборовскаго имѣнія небольшую часть, заключающую въ себѣ хуторъ или фольваркъ, гдѣ стояла одинокая хижина посреди лѣса въ полтора верстахъ отъ Кимборовской усадьбы. Молодымъ пришлось на первое время жить въ этой «хатѣ» и положеніе ихъ было очень затруднительное, пока Елена Алексѣевна не получила по завѣщанію отъ умершей старшей сестры 2½ тыс. рублей. На эти деньги выстроена была скромная усадьба съ необходимыми хозяйственными постройками, названная «Отрадное».

Въ 1842 г. Алексѣй Степановичъ Каретниковъ умеръ, и тогда каждому изъ его дѣтей досталось по 35 душъ крѣпостныхъ крестьянъ. Елена Алексѣевна немедленно же заложила Отрадное за 15 тыс. рублей и купила части матери и одного изъ братьевъ, но два другіе брата не согласились продать своихъ частей и, ведя разгульную жизнь, вскорѣ очутились безъ всякихъ средствъ. Тогда одинъ изъ нихъ: Гавріилъ Алексѣевичъ, пріютился у одного богатаго смоленскаго помѣ-

*) Наука о птицахъ.

щиа, а другой, Павелъ Алексѣевичъ, поселился въ Отрадномъ и жилъ тамъ до самой своей смерти.

Такимъ образомъ Елена Алексѣевна выказала несомнѣнную энергію въ борьбѣ съ неблагопріятными жизненными условіями, на ничтожные доходы отъ своего имѣнія жила, хоть и скромно, но доставляла горячо любимымъ дѣтямъ все необходимое и содержала домъ и хозяйство въ образцовомъ порядкѣ. По отзывамъ многихъ знавшихъ ее людей это была жевщина весьма умная, красивая брюнетка, высокаго роста и нѣсколько полная *). Характера она была твердаго и настойчиваго и строго относилась ко всѣмъ, не исключая и дѣтей**).

Вотъ тѣ данныя, на основаніи которыхъ мы сдѣлаемъ попытку выяснитъ наследственные черты Николая Михайловича. Хотя данныя эти и довольно скудны, но все же можно сдѣлать заключеніе, что наиболѣе характерныя черты будущаго великаго путешественника и естествоиспытателя унаслѣдованы имъ скорѣе отъ предковъ съ материнской стороны, чѣмъ съ отцовской. Повидимому, въ родѣ Пржевальскихъ первые члены, начиная отъ запорожца Корнилы Паровальскаго, были дѣятельные и энергичные, которые своими личными качествами сдѣлались выдвигаться изъ своей среды и вошли въ ряды дворянскаго сословія. Но уже въ отцѣ Николая Михайловича можно усмотрѣть признаки физическаго вырожденія***).

Въ лицѣ Алексѣя Степановича Каретникова мы видимъ несомнѣнно даровитую личность, который черезъ дочь свою передалъ Николаю Михайловичу нѣкоторыя свои черты. Замѣтимъ, что Каретниковъ вышелъ изъ крестьянскаго сословія, жена его была также не дворянка. Поэтому въ бракѣ Елены Алексѣевны съ отцомъ Николая Михайловича можно видѣть обновленіе выродившейся дворянской семьи путемъ смѣшенія съ членомъ выдающейся фамиліи изъ низшаго сословія.

*) Склонность къ полнотѣ и ожирѣнію была ясно замѣтна и у Николая Михайловича, и это обстоятельство отчасти оказалась причиною его преждевременной смерти.

***) Въ заключеніе характеристики Елены Алексѣевны, упомянаемъ еще, что въ 1854 г. на 33 году жизни она вступила во второй бракъ съ Иваномъ Демьяновичемъ Толпыго и отъ второго брака имѣла еще троихъ дѣтей: дочь Александру, вышедшую впоследствии замужъ за М. А. Пыльцова, спутника и друга Николая Михайловича, и сыновей Николая и Ипполита. И. Д. Толпыго былъ человѣкъ очень добрый, всегда очень хорошо относился къ своимъ пасынкамъ и былъ искреннимъ другомъ ихъ. Въ воспитаніи Николая Михайловича онъ однако же имѣлъ сравнительно мало значенія, такъ какъ будущему великому путешественнику въ 1854 г. было уже 15 лѣтъ и слѣдовательно первый періодъ его жизни прошелъ подъ исключительнымъ руководствомъ матери.

****) Къ сожалѣнію, г. Дубровинъ, у котораго мы заимствовали генеалогію Пржевальскихъ, не сообщаетъ никакихъ данныхъ для сужденія о промежуточныхъ членахъ этого рода, хотя въ его рукахъ были архивные документы касательно этой фамиліи; не приведены даже даты рожденія и смерти ихъ, хотя уже одно это могло бы пролить нѣкоторый свѣтъ на интересующій насъ вопросъ, такъ какъ это дало бы возможность судить о сравнительномъ долговѣтнѣи членовъ семьи Пржевальскихъ. Известно только, что Михаилъ Кузьмичъ прожилъ 42 года.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

В о с п и т а н и е.

Жизнь въ деревенской глуши.—Первоначальное обученіе.—Няня Макарьевна.—Смоленская гимназія.—Каникулярное время.—Страсть къ охотѣ.—Наблюденія природы.—Феноменальная память.

Переходимъ теперь къ разбору условій воспитанія Николая Михайловича, чтобы выяснитъ по возможности, насколько они вліяли на развитіе его грандіозной личности. При этомъ мы коснемся его природныхъ способностей, хотя этотъ вопросъ по существу и относится къ предыдущему отдѣлу, такъ какъ способности составляютъ унаслѣдованныя отъ предковъ свойства, но о нихъ гораздо удобнѣе говорить при обзорѣ воспитанія.

Первую молодость Пржевальскій провелъ въ глуши, въ усадьбѣ Отрадное, и первоначальное его воспитаніе было, какъ говорится, «спартанское». Мать держала его строго и за провинности наказывала розгами *), но предоставляла мальчику полную свободу въ распоряженіи собою. Онъ могъ во всякую погоду выходить изъ дому и вдоволь блуждать по лѣсамъ и болотамъ, въ одной рубашкѣ бѣгалъ подъ проливнымъ дождемъ, свободно игралъ зимою на снѣгу и проч. «Росъ я въ деревнѣ дикаремъ», говорилъ о себѣ Пржевальскій **). Лѣтомъ любимымъ его занятіемъ была ловля бабочекъ, собираніе цвѣтовъ, и онъ съ утра до вечера бродилъ по лѣсу и полямъ, окружавшимъ усадьбу.)

Ученіе его началось весьма рано, 4—5 лѣтъ. По народной примѣтѣ въ первый разъ посадили его за изученіе грамоты 1 декабря, въ день, когда празднуется память св. пророка Наума, чтобы наука пошла и а умъ. Первоначальнымъ его обученіемъ кромѣ матери занимался также дядя, Павелъ Алексѣевичъ, который, какъ уже раньше указано, жилъ въ Отрадномъ до самой своей смерти. Учился Николай Михайловичъ вмѣстѣ со своимъ братомъ Владиміромъ, и они шли наравнѣ и дальше, во время школьнаго періода. Когда мальчики нѣсколько подрасли, то для нихъ стали нанимать учителей изъ семинаристовъ. Педагогами тѣ, въ большинствѣ случаевъ, оказывались плохими и ихъ часто мѣняли, только одинъ изъ нихъ, г. Зезюлинскій, оказался удовлетворительнымъ и, проживъ въ семьѣ Пржевальскихъ 3—4 года, приготовилъ мальчиковъ къ поступленію въ гимназію.

Подобно Пушкиной Аригѣ Родіоновнѣ, у Пржевальскаго была также любимая няня, Макарьевна, оказавшая на него вліяніе, подобное тому, какое на

*) Вслѣдствіи Николай Михайловичъ безъ всякаго неудовольствія вспоминалъ объ этихъ розгахъ и, вѣроятно, извѣдавъ на самомъ себѣ ихъ благотворное вліяніе, былъ сторонникомъ тѣлесныхъ наказаній. Такъ, увѣжая въ послѣднюю свою экзекунцію, онъ писалъ своему другу Ф. А. Фельдману, относительно сироты Кости, въ воспитаніи которой онъ принималъ большее участіе: „Въ случай лѣни въ наукахъ, а тѣмъ наче невыдержанія экзамена—усердно противу дравъ и дравъ“, Дубровинъ, стр. 452.

***) Въ своей автобіографіи, см. „Русская старина“, 1888 г., № 11.

А. С. Пушкина—Родионова: она познакомила его своими сказками съ русскимъ народномъ эпосомъ, съ этимъ чуднымъ міромъ фантазій, гдѣ идеализируется мощь человѣка въ образѣ сказочныхъ героевъ, и въ душѣ ребенка бессознательно создаются первые идеалы. Вѣроятно, не безъ вліянія на пылкую натуру Николая Михайловича остались рассказы его няни о подвигахъ «Ивана, великаго охотника» и о другихъ сказочныхъ герояхъ; быть можетъ, такіе рассказы внушили ему первое бессознательное стремленіе къ подобнымъ подвигамъ—и онъ совершилъ ихъ въ дѣйствительности. Не безъ основанія Пржевальскій сравнивается въ рѣчи П. П. Семенова *) со сказочными русскими богатырями, такъ какъ подвиги его въ Центральной Азіи дѣйствительно имѣютъ героическій оттѣнокъ, и память о немъ надолго осталась среди полудикахъ кочевниковъ азіатскихъ пустынь, гдѣ личность Пржевальскаго еще въ первое его путешествіе, какъ увидимъ дальше, стоустою молвою превращена была въ неземное существо, и цѣлыя громадныя толпы монголовъ приходили къ нему на поклоненіе, какъ божеству.

Первые годы жизни Николай Михайловичъ росъ почти что безъ сверстниковъ. Единственными его товарищами были братъ его Владиміръ и одинъ дворовый мальчишка Васька, «шалунъ, никого не боявшійся и не признававшій надъ собою никакихъ властей»; это и былъ для нихъ самый подходящій товарищъ.

Усадьба ихъ стояла въ глухомъ лѣсу и въ близкомъ сосѣдствѣ былъ только одинъ сверстникъ—Петя Семичевъ, сынъ сосѣдей, но этотъ для молодыхъ Пржевальскихъ не подходилъ, такъ какъ былъ тихій, скромный и слабого здоровья, поэтому они видѣлись рѣдко.

Когда Николаю Михайловичу исполнилось 10 лѣтъ, то его, вмѣстѣ съ братомъ, отвезли въ Смоленскъ и опредѣлили въ гимназію. Оба мальчика отлично выдержали экзаменъ и были приняты во 2-й классъ. Ихъ помѣстили на очень маленькой квартиркѣ, нанятой за 2¹/₂ р. въ годъ, подъ присмотромъ дядьки Игната, отца ихъ деревенскаго товарища Васьки.

Привыкнувъ въ родной деревнѣ къ полной свободѣ, мальчики съ большимъ трудомъ поддавались дисциплинѣ въ школѣ и дома. Игнатъ часто жаловался матери, что съ «панячами» сладу нѣтъ, и, несмотря на предписанія строгаго обращенія, никакъ не могъ обуздать ихъ чрезмѣрной живости, несомнѣстимой съ новыми условіями ихъ городской жизни. Дѣти вовсе не боялись его и очень любили, какъ человѣка добраго и сердечнаго, съ своей стороны искренно къ нимъ привязаннаго.

Сообразно съ небольшими средствами, которыя были въ распоряженіи матери, дѣти жили очень скромно, жилище, столъ и одежда были болѣе, чѣмъ нероскошны, и для нихъ наступалъ настоящій праздникъ, когда изъ деревни пріѣзжала мать, привозившая запасы домашней провизіи.

*) Въ чрезвычайномъ собраніи И. Р. Георг. Общ. 9 ноября 1888 г., происходившаго по случаю полученія извѣстія о внезапной кончинѣ Николая Михайловича. См. Изв. И. Р. Г. О. т. XXIV, вып. IV.

По своимъ лѣтамъ Николай Михайловичъ былъ моложе всѣхъ своихъ товарищей по классу, но его спартанское воспитаніе оказалось прекраснымъ физическимъ развитіемъ, и потому онъ являлся однимъ изъ первыхъ «силачей» въ своемъ классѣ, что вмѣстѣ съ твердымъ, настойчивымъ характеромъ давало ему возможность постоянно играть значительную роль среди товарищей, которую онъ однако-же никогда не злоупотреблялъ: онъ первый заступался за новичковъ, когда къ нимъ приставали, и постоянно покровительствовалъ всѣмъ обижаемымъ. Вообще онъ былъ прекраснымъ товарищемъ и являлся вожакомъ класса во всякаго рода школьныхъ шалостяхъ и проделкахъ. Стоя по своимъ нравственнымъ качествамъ и по развитію выше громаднаго большинства, онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ, однако-же неохотно сближался съ товарищами и не имѣлъ настоящихъ друзей. Первые годы жизни, проведенные въ деревенской глуши, безъ сверстниковъ, сказались въ немъ склонностью къ сосредоточенности въ себѣ самомъ. Этому отчасти способствовалъ и образъ домашней жизни молодыхъ Пржевальскихъ въ Смоленскѣ. Ихъ держали подъ строгимъ контролемъ и безъ пристрастія дядки никуда не выпускали. Въ гости къ товарищамъ они никогда не ходили и кромѣ гимназій встрѣчались съ ними только на крѣпостномъ валу, или на Смоленской стѣнѣ, куда они вмѣстѣ съ дядькой иногда ходили поиграть и «ловить воробьевъ».

Впрочемъ, то обстоятельство, что Пржевальскіе не особенно дружили со своими школьными товарищами и не имѣли съ ними частаго общенія, имѣло и хорошую сторону. Составъ гимназистовъ въ то время былъ весьма разнообразный: рядомъ съ 10-лѣтнимъ мальчикомъ сидѣли «бородачи» — взрослые лѣтнія *), которые, конечно, въ большинствѣ случаевъ, оказывали на своихъ младшихъ товарищей дурное вліяніе; поэтому нравственный уровень гимназистовъ, вообще, былъ не высокъ, и о томъ, что Пржевальскій сторонился отъ нихъ, не приходится жалѣть. Тѣмъ не менѣе, недостатокъ сверстниковъ въ дошкольный періодъ и отсутствіе хорошихъ, искреннихъ товарищей въ гимназій, съ которыми можно было-бы часто дѣлиться своими мыслями и душевными движеніями — несомнѣнно наложило свой отпечатокъ на личность Николая Михайловича, и онъ на всю жизнь остался замкнутымъ въ себѣ самомъ и до нѣкоторой степени чуждающимся людского общества. Далѣе мы еще обратимся къ этой сторонѣ душевнаго міра Пржевальскаго и обратимъ вниманіе на ту громадную роль, которую играла въ его жизни мать, возмѣщавшая этотъ недостатокъ близкихъ товарищей и друзей своею горячею любовью и теплымъ участіемъ, а главное тѣмъ, что она сумѣла постоянно сохранить свое благотворное вліяніе на него и даже впоследствии, когда имя Николая Михайловича прогремѣло уже по всему свѣту, оставалась для него

*) Въ гимназическихъ воспоминаніяхъ Николая Михайловича сохранился слѣдующій случай, характеризующій до нѣкоторой степени школу того времени: одинъ изъ взрослыхъ лѣтняевъ, кое-какъ добравшійся до 4-го класса, выражалъ по какому-то случаю свое неудовольствіе учителю, имѣвшему взрослую дочь, слѣдующими словами: „Я на твоей Каткѣ не женюсь“ (см. Дубровинъ, стр. 14).

руководительницею и, пожалуй, даже авторитетомъ въ сферѣ духовной и нравственной жизни знаменитаго путешественника.

Что касается умственного развитія и ученія, то оно шло у Николая Михайловича очень успѣшно. Выше было уже указано, то онъ блестяще сдалъ экзамень для поступленія во 2-й классъ; за хорошимъ началомъ послѣдовали и дальнѣйшіе успѣхи, такъ что онъ во все время пребыванія въ гимназіи былъ однимъ изъ первыхъ учениковъ. Особеннымъ прилежаніемъ онъ, впрочемъ, не отличался, что и понятно, если принять во вниманіе, что тогдашній составъ педагоговъ былъ далеко не блестящій. Преподаваніе въ гимназіи велось примитивнымъ способомъ: обыкновенный приемъ обученія состоялъ въ задаваніи выучивать наизусть отъ такой-то страницы учебника до такой-то. На умственное развитіе учениковъ педагоги эти не оказывали вліянія. Да и по самымъ своимъ личнымъ качествамъ учителя не въ состояніи были хорошо вліять на своихъ воспитанниковъ: подборъ ихъ, за весьма немногими исключеніями, былъ невозможный. Весьма часто они приходили въ классъ въ пьяномъ видѣ, позволяли себѣ по отношенію къ ученикамъ всевозможныя ругательства, широко пользовались всякаго рода тѣлесными наказаніями: таскали за волосы, разсыпали на право и на лѣво подзатыльники, ставили на колѣни—словомъ, въ смоленской гимназіи того времени система преподаванія весьма близко подходила къ тому режиму, который такъ талантливо изображенъ Помяловскимъ въ его «очеркахъ бурсы». Изъ педагоговъ въ этомъ отношеніи особенно отличался одинъ учитель, какъ говорятъ бывший вольноотпущенникъ, у котораго, во время урока, человекъ 15 учениковъ постоянно стояли на колѣняхъ. Между прочимъ, онъ былъ религіозный фанатикъ, и не взирая на вѣроисповѣданіе, всѣхъ обращалъ въ православіе *).

При такихъ условіяхъ, конечно, весьма трудно было ученикамъ проникнуться любовью къ наукамъ, и кромѣ того, по словамъ Пржевальскаго «дурной методъ преподаванія дѣлалъ рѣшительно невозможнымъ, даже и при сильномъ желаніи, изучить что-либо положительно» **).

«Хотя я, писалъ Николай Михайловичъ, отлично окончилъ курсъ въ смоленской гимназіи, но, скажу по истинѣ, слишкомъ мало вынесъ оттуда ***), а по словамъ Владиміра Михайловича Пржевальскаго,—«умственное развитіе его и покойнаго брата началось послѣ окончанія гимназіи». Были, конечно, и исключенія въ средѣ преподавателей. Такъ, Николай Михайловичъ сохранилъ добрую память о директорѣ гимназіи, человекѣ мягкомъ, но мало обращавшемъ вниманіе на учениковъ и вообще на гимназію, о законоучителѣ и объ учителѣ исторіи, человекѣ строгомъ, но интереснымъ изложеніемъ своего предмета увлекавшемъ своихъ учениковъ. Но самое тяжелое воспоминаніе у него

*) Автобіографія Н. М. (см. раньше), стр. 529.

***) Собственноручная черновая записка, оставшаяся въ бумагахъ Николая Михайловича, отъ 6 февраля 1862 г., см. Дубровинъ, стр. 14.

***) Вышеприведенная собственноручная записка.

сохранилось про инспектора, который усиленно съѣзъ учениковъ по субботамъ «для собственного удовольствія».

«Вообще,—замѣчаетъ Пржевальскій,—въ гимназїи науки было мало, а свободы много», и гимназисты не отличались скромнымъ поведенїемъ. Къ числу «сорванцовъ» принадлежалъ и Николай Михайловичъ. «Розогъ не мало мнѣ досталось въ ранней юности и дома, и въ гимназїи... бывавшіе въ гостяхъ деревенскіе сосѣди обыкновенно совѣтовали моей матери отправить меня со временемъ на Кавказъ, на службу».

Но разбитной мальчикъ умѣлъ по возможности увертываться въ гимназїи отъ наказанїя и только одинъ разъ страшно «попался». Это было уже въ 6 классѣ. Ученики сообща рѣшили уничтожить у одного учителя списокъ съ несправедливыми, придирчивыми отмѣтками, и по жребїю исполненїе этого рискованнаго предпрїятїя выпало на долю Николая Михайловича, который и выполнилъ блистательно свою миссію: стащилъ списокъ и бросилъ его въ Дятвирь. Начальство приняло строгія розысканїя и многихъ подозрѣваемыхъ, въ томъ числѣ и истиннаго виновника, посадило въ карцеръ. Послѣ нѣсколькихъ дней сидѣнїя Пржевальскій сознался, и его рѣшено было исключить. Узнавъ о такомъ «казусѣ», мать просила вмѣсто этого высѣчь хорошенько ея сына. Ей отвѣчали, что въ 6-мъ классѣ съчь уже нельзя, однако-же по ея настоянїямъ сдѣлали исключенїе, и несчастнаго мученика за общественное дѣло примѣрно «отодрали», но оставили въ гимназїи. Случай этотъ глубоко запалъ въ душу Николая Михайловича и внослѣдствїи овъ всегда былъ противникомъ отмѣны розогъ въ учебныхъ заведенїяхъ. «Если-бы меня не высѣли, а исключили, то навѣрное изъ меня вышель-бы повѣса изъ повѣсы», говорилъ онъ не разъ въ товарищескихъ бесѣдахъ.

Какъ можно уже заключить изъ предыдущаго, ученье въ гимназїи, да и вообще смоленская жизнь, послѣ полной свободы, которою Пржевальскій пользовался раньше въ деревнѣ, не могла показаться ему привлекательной. Скучный, тяжелый зимній періодъ ученья проходилъ среди нетерпѣливыхъ ожиданїй отъѣзда домой на праздники Рождества Христова, масленицы, Пасхи и въ особенности на лѣтніе каникулы. Къ великому удовольствїю гимназистовъ начальство ихъ, очевидно, что называется, «не торопилось съ ученїемъ», и почти всегда ремонтъ зданїя или какая либо перестройка до крайности затягивались, такъ что каникулы обыкновенно начинались съ мая и продолжались до октября, а иногда даже чуть не до половины ноября*).

Такое долгое пребыванїе въ родной семьѣ, въ своемъ дорогомъ Оградномъ имѣло для Николая Михайловича хорошую сторону: не говоря уже про благотворное влїяніе домашнихъ условїй на его нравственное развитїе, болѣе чѣмъ полугодовые перерывы въ тогдашнемъ рутинномъ преподаванїи съ избыткомъ

*) Такъ, напр., въ годъ поступленїя Пржевальскіихъ въ гимназїю ученье началось лишь 7 ноября.

возмѣщались тою пользою, которую Николай Михайлович извлекалъ изъ долговременнаго пребыванія въ деревнѣ.

Съ возвращеніемъ домой, въ Отрадное, послѣ отпуска на лѣтніе каникулы, оба брата вмѣстѣ съ дядею, Павломъ Алексѣевичемъ, помѣщались въ отдѣльной избѣ, гдѣ они только ночевали, и гдѣ помѣщались всевозможныя охотничьи и рыболовныя принадлежности. Всѣ они съ ранняго утра и до поздней ночи проводили время или на охотѣ, или на рыбной ловлѣ. Къ охотѣ Николай Михайловичъ пристрастился еще до поступленія своего въ гимназію, при чемъ громадное влияние на него оказывалъ дядя, самъ страстный охотникъ. Будучи еще малымъ ребенкомъ, онъ съ большимъ увлеченіемъ стрѣлялъ изъ игрушечнаго ружья желудами, затѣмъ изъ лука, а когда онъ немного подросъ, то получилъ ружье, оставшееся послѣ отца, старое и испорченное, ксе какъ починенное. Дядя научилъ его стрѣлять и снабжалъ боевыми припасами, однако же дѣти въ своемъ увлеченіи постоянно чувствовали въ нихъ недостатокъ и потому пускались на всевозможныя ухищренія: вырѣзывали дробинки изъ заборовъ, тщательно собирали свинцовую бумагу—чайную обертку и, переплавляя на свѣчкѣ, отливали себѣ пули.

Окрестности Отраднаго были очень благопріятны для охоты и изобиловали дичью, такъ что мальчики постоянно доставляли добычу своей охоты ко столу. На двѣнадцатомъ году своей жизни Николай Михайловичъ совершилъ первый «подвигъ» — убилъ лисицу и, не помня себя отъ радости, запыхавшись, вбѣжалъ съ этимъ трофеемъ къ своей матери. Окровавленное платье мальчика сначала сильно испугало ее и она запретила ему привносить дичь такимъ образомъ, но не лишила его возможности вдоволь бродить по окрестнымъ лѣсамъ и болотамъ.

Хотя дальнѣйшая біографія будетъ изобиловать всевозможными охотничьими приключеніями Николая Михайловича, но мы здѣсь уже охарактеризуемъ вкратцѣ эту страсть, игравшую не малую роль въ избраніи имъ впослѣдствіи ареною своей знаменитой дѣятельности дикія, неизслѣдованныя области земного шара.

Многіе факты показываютъ, что охота для Николая Михайловича въ болѣе зрѣлые годы сдѣлалась не развлеченіемъ только, а прямо необходимостью.

Такъ, въ бытность свою въ Варшавѣ (см. дальше), среди своихъ научныхъ занятій и служебныхъ обязанностей, онъ старался урвать для охоты хоть одинъ разъ въ недѣлю. Если иногда ему это вочему нибудь не удавалось, то всю слѣдующую недѣлю онъ страшно скучалъ и это отзывалось даже на его здоровьѣ: онъ страдалъ головными болями и даже подвергался обморокамъ *). Увлеченіе охотой доходило у Пржевальскаго до того, что изъ-за нея онъ забывалъ даже иногда свои прямыя обязанности, не разъ подвергался непріятностямъ и много разъ подвергалъ свою жизнь опасности. Въ бытность свою въ академіи, отправившись лѣтомъ на съемку, онъ почти все время охотился и черезъ это не окончилъ своей работы, сдѣлавъ ее неудовлетворительно, самый планшетъ ока-

*) Дубровникъ, стр. 40.

зался грязнымъ—и черезъ это Пржевальскій чуть было не принужденъ былъ оставить академію.

Во время польскаго возстанія Николай Михайловичъ посланъ былъ съ однимъ конвойнымъ казакомъ на рекогносцировку и по обыкновенію захватилъ съ собою охотничье ружье и собаку. Когда послѣдняя почуяла дичь и бросилась по слѣду, то онъ въ своемъ увлеченіи забылъ все, соскочилъ съ лошади и съ ружьемъ въ рукахъ послѣдовалъ за нею въ лѣсную чащу. Поглощенный всецѣло охотою, онъ не замѣтилъ, какъ вблизи появились повстанцы, и только по счастливой случайности избѣгнулъ смерти или плѣна, такъ какъ казавъ во время поспѣлъ съ лошадей, и Пржевальскій успѣлъ ускорить отъ неприятелей.

Сдѣлавшись уже подъ конецъ своей жизни человѣкомъ со средствами, Николай Михайловичъ купилъ себѣ имѣніе въ самомъ глухомъ мѣстѣ, какое только могъ сыскать—со специальною цѣлью приспособить его къ охотѣ и рыбной ловлѣ. Интересы сельскаго хозяйства въ этомъ имѣннѣ безусловно приносились въ жертву удобствамъ охоты. Овесь, напр., сѣялся со специальными соображеніями, чтобы привадить медвѣдей, нарочно разводились зайцы и т. п. Если нужно было ѣхать на охоту или рыбную ловлю, то хозяинъ нисколько не задумывался брать рабочихъ лошадей, хотя бы это было въ самую горячую пору. Такой способъ веденія сельскаго хозяйства выводилъ изъ себя управляющаго, и у него были частыя пререканія съ Николаемъ Михайловичемъ.

Пржевальскій самъ рассказываетъ, что охотою онъ иногда увлекался до того, что въ раннюю весеннюю пору не задумывался раздѣться до нага и войти въ рѣчку, если это оказывалось нужнымъ для преслѣдованія добычи, и затѣмъ, не давая себѣ времени одѣться, въ костюмѣ Адама продолжалъ свои поиски*). На охотѣ онъ часто забывалъ все остальное и не обращалъ никакого вниманія на происходившее кругомъ его.

Вообще Пржевальскій, можно сказать, родился охотникомъ. Твердость его руки и вѣрность глаза поражала всѣхъ бывавшихъ съ нимъ на охотѣ... Иногда рѣшительно являлся онъ виртуозомъ: бьетъ дробью волка, а изъ другого ствола пулей владеть въ летъ мелкую пачужку**). Вислѣдствіи, уже во время путешествія въ Центральной Азіи, подобные «фокусы» необыкновенно мѣткой стрѣльбы между прочимъ не мало способствовали его популярности у полудикихъ монголовъ, гдѣ о немъ создалась слава, какъ о сверхъ-естественномъ существѣ. Не разъ также онъ избавлялся отъ смерти***) только благодаря замѣчательному присутствію духа и мѣткости выстрѣла.

Не особенно подвижной въ обыкновенной жизни, съ тяжелою, медленною походкой въ развалку, Николай Михайловичъ совершенно преобразался на охотѣ:

*) „Воспоминанія охотника“ въ „Журн. Коннов. и Охоты“, 1862 г., № 7 стр. 114.

***) Немира. Воспоминанія о Н. М. Пржевальскомъ. См. Дубровинъ, стр. 18.

****) См. напр. дальше эпизодъ съ тремя медвѣдями во время путешествія въ усурійскихъ лѣсахъ.

быть чуток ко всякому шороху, дѣлался, наоборотъ, чрезвычайно подвижнымъ и безъ усталы выхаживалъ десятки верстъ.

Постоянный моціонъ на открытомъ воздухѣ сообщалъ Николаю Михайловичу замѣчательную физическую крѣпость организма и онъ съ малолѣтства уже закалился въ перенесеніи всевозможныхъ неудобствъ и лишеній, связанныхъ съ постоянными скитаніями по лѣснымъ дебрямъ и болотамъ, что дало ему возможность впоследствии переносить необыкновенныя трудности и лишенія во время безпрестанныхъ путешествій по азіатскимъ пустынямъ.

Что касается умственного развитія, въ смыслѣ изученія «книжной премудрости», то въ этомъ отношеніи домашняя жизнь въ Отрадномъ обставлена была плохо. Книгъ въ Отрадномъ почти никакихъ небыло, и читать было нечего. Какъ большинство помѣщиковъ того времени, мать Николая Михайловича пріобрѣтала книги лишь случайно, по большей части отъ разносчиковъ-коробейниковъ, которые ходили по селамъ съ разнымъ мелочнымъ товаромъ и приносили иногда книги. Это были по большей части сказки или дубочныя изданія, житія св. отцовъ или, наконецъ, разрозненные журналы. Всѣ купленные книги съ жадностью читались мальчикомъ и перечитывались по нѣсколько разъ, но это была конечно недостаточная умственная пища. Такихъ книгъ, какъ сочиненія Пушкина, Гоголя, Лермонтова и болѣе новыхъ писателей — ему никогда не попадалось и Николай Михайловичъ говорить, что съ литературой онъ началъ знакомиться лишь во вслѣдствіи, уже по окончаніи гимназіи. О какомънибудь систематическомъ подборѣ матеріаловъ для чтенія въ Отрадномъ, да вѣроятно и въ Смоленскѣ, не могло быть и рѣчи: первая книга, прочитанная молодыми Пржевальскими, была какая то иллюстрація, а потомъ басни Крылова.

Однако же, живой, впечатлительный умъ мальчика не заглохнулъ при столь скудномъ удовольствіи духовныхъ потребностей. Находясь постоянно въ лѣсу, на лугу или въ полѣ, постоянно присматриваясь къ животному міру и къ растительному, что отчасти находилось въ связи съ его любимымъ занятіемъ — охотою, Николай Михайловичъ еще ребенкомъ научился всматриваться и своеобразно разгадывать многочисленныя явленія природы, сблизился съ нею и горячо полюбилъ ее. Стремленіе въ деревню, въ свое дорогое Отрадное, обуславливалось у Пржевальскаго не только привязанностью къ своему семейному кругу или страстью къ охотѣ, но и вообще желаніемъ быть поближе къ природѣ, жить ея жизнью.

По разсказамъ одного изъ школьныхъ товарищей Николая Михайловича, какъ только раннею весною начиналось пробужденіе природы, Пржевальскому положительно не сидѣлось ни въ классѣ, ни вообще въ городѣ. Природа такъ сказать звала его къ себѣ и притягивала, и онъ употреблялъ всевозможныя ухищренія для того, чтобы убѣжать въ окрестности Смоленска и хоть немного побродить по лѣсамъ и по полямъ. «Онъ любовался природою, увлекался ею» *).

*) Докторъ Сердечный, см. Дубровинъ, стр. 16.

сочувствіи природы есть что-то особенное, что-то безконечно глубокое», писалъ впоследствии Николай Михайловичъ *).

Своеобразное наблюденіе природы и знакомство съ ея простѣйшими проявленіями съ лихвой вознаграждало для впечатлительнаго и любознательнаго мальчика недостаточность систематическаго ученія въ начальный періодъ жизни и можно съ увѣренностью сказать, что рутинеры-педагоги, со своими сухими, убивающими всякую любознательность методами преподаванія, не могли бы принести ему столько пользы въ смыслъ развитія, какъ простое наблюденіе природы въ тѣ мѣсяцы, которые по недобросовѣстности гимназическаго начальства отнимались отъ учебнаго времени и проводились Пржевальскимъ на зонѣ природы въ родной деревнѣ. Какъ мало духовное развитіе Николая Михайловича связано было съ ученіемъ въ гимназіи, видно изъ того, что даже и въ естествознаніи онъ шелъ совершенно самостоятельно и несмотря на свою врожденную и упорченную условіями воспитанія склонность къ этимъ наукамъ, ничего не вынесъ изъ гимназическаго курса естественной исторіи, такъ какъ вѣзломшный и малознающій учитель этого предмета, по отзыву Пржевальскаго, своимъ преподаваніемъ способенъ былъ скорѣе навсегда поселить отвращеніе къ естествовѣдѣнію въ каждомъ изъ своихъ учениковъ.

Въ гимназіи однакоже, какъ уже раньше сказано, Николай Михайловичъ все время шелъ однимъ изъ первыхъ учениковъ. Интересы къ ученію у него не было никакого, точно также и прилежанія, но, обладая блестящими способностями, Пржевальскій шутя выполнялъ всѣ требованія, которыя учителя предъявляли къ своимъ воспитанникамъ. Требованія эти при выше указанной рутинной системѣ преподаванія заключались главнымъ образомъ, если не исключительно, въ заучиваніи наизусть учебниковъ. Слѣдовательно, для успѣха ученія требовалась хорошая память. Между тѣмъ Николай Михайловичъ, обладая вообще блестящими способностями, въ особенности отличался своею по истинѣ феноменальною памятью.

Объ этой поразительной способности его сохранилось много разсказовъ среди его гимназическихъ товарищей и близкихъ ему лицъ въ болѣе поздніе періоды жизни.

Ему достаточно было прочесть одинъ разъ заданные уроки, чтобы быть въ состояніи отвѣтить ихъ безъ заинки, и потому онъ безъ труда всегда получалъ хорошія отмѣтки. По словамъ І. Л. Фатѣва, близкаго друга и товарища Николая Михайловича по академіи, а впоследствии сослуживца въ варшавскомъ юнкерскомъ училищѣ, съ нимъ иногда продѣлывали слѣдующіе опыты: Пржевальскій предлагалъ раскрыть какую-либо знакомую ему книгу на любой страницѣ и прочесть въ слухъ одну—двѣ строки, а затѣмъ уже онъ продолжалъ говорить наизусть цѣлыя страницы, нисколько не отступая отъ текста сочиненія. Такіе

*) „Воспоминанія Охотника“, журн. „Конвоз. и Охоты“ 1862 г., № 6.

опыты производились компаніей собиравшихся у Николая Михайловича друзей надъ многими книгами, между прочимъ, какъ помнитъ Фатѣевъ, надъ слѣдующими сочиненіями: Костомарова «Сѣверно-русскія народоправства», Мори «Физическая географія моря», Митчела «Небесныя свѣтила» и др.

«Замѣчательно,—прибавляетъ Фатѣевъ,—что, какъ мнѣ было достовѣрно извѣстно, ни одна изъ этихъ книгъ не была взята Николаемъ Михайловичемъ въ свое первое путешествіе въ Уссурійскій край. И вотъ, когда онъ почти черезъ три года, пріѣхавъ изъ Сибири, навѣстилъ насъ въ Варшавѣ, то я по этимъ же самымъ сочиненіямъ провѣрялъ, насколько текстъ удержался въ его памяти, и былъ пораженъ ея силою и свѣжестью» *).

Николай Михайловичъ говорилъ тому-же самому І. Л. Фатѣеву, что избытокъ памяти является для него способностью, отчасти даже мѣшающею ему въ научныхъ занятіяхъ. Въ особенности это было такъ въ примѣненіи къ занятіямъ математическими науками. Не то, чтобы усвоеніе ихъ было для него затруднительно: при усилии вниманія все понималось легко, но бѣда въ томъ, что изумительная память мѣшала ему сдѣлать такое усиліе мыслительной способности, или вѣрнѣе, дѣлала всякое напряженіе излишнимъ. Память и даръ представленія хотя-бы одинъ разъ прочитаннаго мѣста въ руководствѣ всегда выручали его, и онъ прекрасно могъ отвѣтить требуемое, не давши себѣ труда серьезно продумать это. Во время отвѣта ему всегда съ отчетливостью представлялась и страница книги, гдѣ былъ отвѣтъ на заданный вопросъ, и то, какимъ шрифтомъ данное мѣсто напечатано, и буквы на геометрическомъ чертежѣ, и самыя формулы со всѣми ихъ знаками и обозначеніями.

«Если-бы,—говоритъ Пржевальскій,—преподаватель въ гимназій или въ академіи догадался въ своемъ вопросѣ употребить иное обозначеніе или построеніе чертежа, чѣмъ то, которое стоитъ въ руководствѣ, я навѣрняка все спуталъ-бы и провалился самымъ пошлымъ образомъ». Но, къ счастью, такого «казуса» съ нимъ никогда не случалось, и онъ такимъ образомъ считался всегда знающимъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ основательнаго усвоенія пройденнаго у него не было.

Но что касается другихъ наукъ, то феноменальная память была для него, конечно, весьма полезною способностью, которая позволяла ему въ самое короткое время усваивать массу фактовъ, цифръ, именъ и всевозможныхъ свѣдѣній.

*) Дубровникъ, стр. 12—13.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Военная карьера.

Поступленіе въ военную службу.—Разставаніе съ роднымъ гнѣздомъ.—Разочарованіе.—Переходная жизнь.—Производство въ офицеры, характеристика офицерскаго общества.—Первая неудачная попытка выйти изъ своего положенія.—Академія генеральнаго штаба.—Жизнь въ полку.

Какъ уже раньше указано, Николаю Михайловичу въ школьный періодъ его жизни приходилась по условіямъ жизненной обстановки мало читать книги, такъ какъ доставать ихъ было очень затруднительно. Но тѣ сочиненія, которыя ему случайно попадали въ руки, онъ читалъ съ увлеченіемъ, и обыкновенно всякая порядочная книга производила на него сильное впечатлѣніе. Не задолго передъ окончаніемъ курса въ гимназій, ему попала въ руки книга «Воинъ безъ страха», которая произвела на впечатлительнаго, увлекающагося юношу настолько сильное впечатлѣніе, что оказала рѣшительное вліяніе на его судьбу. Читая эту книгу, написанную очень увлекательно и прекраснымъ языкомъ, пылкій юноша воспладалъ жаждою военныхъ подвиговъ. Ему постоянно мерещились герои, идеализированные въ прочтенной книгѣ и надѣленные достоинствами, которыя, какъ онъ въ своемъ увлеченіи полагалъ, одни только способны украсить человѣка и прямѣе всего ведутъ къ великой цѣли служенія человѣчеству.

И вотъ, Николай Михайловичъ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, прекращаетъ дальнѣйшую подготовку къ поступленію въ университетъ и рѣшаетъ поступить въ военную службу. Немедленно-же онъ заявляетъ о принятомъ рѣшеніи начальству и въ виду этого освобождается отъ изученія латинскаго языка.

Слѣдуетъ замѣтить, что не одно только прочтеніе указанной книжки привело его къ такому рѣшенію, и Пржевальскій не представлялъ собою тогда единичный примѣръ: это было тяжелое, смутное время, критическій моментъ, переживаемый всею Европою, когда Россія цѣлымъ рядомъ крупныхъ территориальныхъ пріобрѣтеній и необычнымъ ростомъ своего политическаго могущества возбудила безпокойство въ политическомъ мірѣ Европы, и три великія европейскія державы, въ интересахъ возстановленія нарушеннаго европейскаго политическаго равновѣсія, вступили въ коалицію, для того, чтобы оказать помощь беззащитному «босфорскому полумѣсяцу» противъ агрессивныхъ замысловъ «Сѣвернаго медвѣдя», выступающаго подъ знаменемъ двуглаваго Орла съ цѣлью захватить въ свои руки «ключи» отъ Понта Эвксинскаго, ревниво оберегаемые англичанами проливы Босфоръ и Дарданеллы—короче: это была эпоха кровопролитнаго, братоубійственнаго побояща культурныхъ народовъ—Севастопольская война.

16-ти лѣтній Пржевальскій былъ выпущенъ изъ гимназіи *) какъ разъ въ 1855 г., когда геройская защита Севастополя волновала всю Россію.

Пылкій, энергичный Николай Михайловичъ рвался на войну. «Геройскіе подвиги защитниковъ Севастополя, писалъ онъ нѣсколько лѣтъ спустя**), постоянно разгорячали воображеніе 16-ти лѣтняго мальчика, какимъ я былъ тогда. Не имѣя ни малѣйшаго понятія о дѣйствительной обстановкѣ военной службы, читая постоянно увлекательные рассказы о подвигахъ разныхъ героевъ, я не иначе представлялъ себѣ каждого, какъ Баярдомъ, съ его знаменитымъ девизомъ: «sans peur et sans reproche», и съ нетерпѣніемъ ожидалъ той минуты, когда на дѣлѣ могъ видѣть все, о чемъ зналъ только по книгамъ».

Такимъ образомъ мы видимъ, что Пржевальскій по пылкости своей впечатлительной, увлекающейся натуры былъ захваченъ волною патриотическаго воодушевленія, пробудившагося въ этотъ критическій для отечества моментъ въ нѣкоторыхъ слояхъ русскаго общества.

Однако, немедленное поступленіе на службу, какъ того желалъ Николай Михайловичъ, пришлось отложить до сентября, такъ какъ мать рассчитывала ѣхать въ Москву сама, чтобы разомъ отвезти своихъ обоихъ сыновей и опредѣлить старшаго, Николая, въ полкъ, а младшаго, Владимира— въ университетъ.

Въ ожиданіи желаннаго отъѣзда, Николай Михайловичъ не скучалъ и по обыкновенію со страстью предавался охотѣ, рыбной ловлѣ и другимъ деревенскимъ удовольствіямъ. Въ такихъ пріятныхъ развлеченіяхъ онъ и не замѣтилъ, какъ подошелъ сентябрь, и наступило время отъѣзда изъ родительскаго гнѣзда.

Съ приближеніемъ роковаго дня, какъ ни рвался молодой воетель къ своимъ воображаемымъ подвигамъ и къ скорѣйшему осуществленію того, что сдѣлалось уже его завѣтною мечтою, но близость разлуки со всѣмъ дорогимъ, что сдѣлалось для него съ самыхъ раннихъ лѣтъ милымъ, роднымъ, святымъ, невольно шемила его сердце, нагоняла тоску и внушала неопредѣланныя тревожныя опасенія за будущее. Последніе дни онъ уже не веселился беззаботно какъ раньше, а ходилъ въ мрачномъ настроеніи духа: вообще будущій герой чувствовалъ себя порядкомъ таки неловко.

Наканунѣ отъѣзда онъ въ послѣдній разъ обошелъ всѣ свои любимыя мѣста и съ тягостнымъ чувствомъ прощался со всѣми дорогами ему предметами. Даже то, на что онъ раньше не обращалъ вниманія, теперь приобрѣло въ его глазахъ особенную цѣну, и все Отрадное стало для него какъ-бы еще болѣе дорогимъ и близкимъ. Сходилъ онъ въ болото, гдѣ, въ продолженіе столькихъ лѣтъ, съ самаго ранняго возраста онъ стрѣлялъ дичь, и гдѣ каждое деревцо, чуть не каждая кочка вызывали въ немъ массу счастливыхъ воспоминаній; взобрался наконецъ на гору, чтобы бросить оттуда еще одинъ прощальный взглядъ на

*) Съ аттестатомъ, дающимъ право на первый гражданскій чинъ, что соответствовало медали.

**) Воспоминанія охотника. „Журн. Конно. и Охоты“, 1862 г., № 6—8.

свое избранное болото, сдѣлалъ прощальный салютъ изъ своего ружья и съ стѣсненнымъ сердцемъ отправился домой.

Очень плохо спалось въ эту ночь обитателямъ усадьбы, и на разсвѣтѣ всѣ были уже на ногахъ. Начались окончательные сборы въ путешествіе, а сами отъѣзжающіе юноши, виновники всей этой печальной суматохи, безсознательно бродили изъ угла въ уголъ. Повсюду видѣли они заплаканныя молчаливыя лица...

Наконецъ, наступила тяжелая роковая минута разлуки. По христіанскому обычаю всѣ стали на колѣни передъ образомъ... «Глубокая тишина,—говорить Пржевальскій въ своихъ воспоминаніяхъ,—водворилась въ комнатахъ, лишь изрѣдка прерываемая тяжелыми вздохами»... «Да сохранить тебя Господь Богъ во всей твоей жизни!»—сказала мать и начала благословлять. Этой минуты не вынесла моя переполненная душа. Долго сдерживаемыя слезы разомъ брызнули изъ глазъ, и я зарыдалъ, какъ ребенокъ. Братъ тоже сильно плакалъ...

«Прощай, мой голубчикъ», сказала, поцѣловавъ меня, старуха-няня.— «Прощайте, баринъ, прощайте, дай Богъ вамъ счастья!»—слышалось со всѣхъ сторонъ. Да, это была минута тяжелаго испытанія, я не забуду ея никогда*).

Такъ окончилось счастливое дѣтство Николая Михайловича, и съ этого времени начинается уже второй періодъ его жизни, періодъ трудный, представлявшій много опасностей къ тому, чтобы будущему великому путешественнику пойти по совершенно иной дорогѣ, которая привела-бы его не къ всесвѣтной славѣ, а къ ничтожеству, къ жалкому прозябанію въ какомъ-нибудь захолусты въ испорченной средѣ армейскихъ офицеровъ того времени.

Но прекрасныя задатки, полученные въ наследство отъ предковъ, упроченныя и сильно развитыя въ благопріятную сторону разумнымъ воспитаніемъ, которое сдѣлала ему дать умная и энергичная, горячо любящая своихъ сыновей вдова-мать,—сообщили ему нравственную устойчивость, жажду знаній и энергію для достиженія высшихъ намѣченныхъ цѣлей.

Въ дѣтствѣ Николай Михайловичъ былъ дитя природы; возмужавъ, онъ сдѣлался выдающимся ученымъ и чрезвычайно полезнымъ общественнымъ дѣятелемъ и государственнымъ человѣкомъ.

Своимъ мощнымъ развитіемъ онъ обязанъ не рутинерамъ-педагогамъ, заставлявшимъ его безмысленно долбить учебники: главною его наставницею была мать-природа. Лѣса выработали въ Пржевальскомъ человѣка здороваго душою и тѣломъ, нравственно чистаго, тонко наблюдательнаго, неутомимаго и энергичнаго въ борьбѣ съ физическими и нравственными препятствіями.

По приѣздѣ въ Москву, Николай Михайловичъ, 11 сентября 1855 г., поступилъ унтеръ-офицеромъ въ сводно-запасный Рязанскій пѣхотный полкъ и черезъ нѣсколько дней уже выступилъ въ походъ. Послѣ 12-ти дневнаго перелома, полкъ прибылъ въ Калугу, а оттуда черезъ нѣсколько дней выступилъ въ

*) Дубровинъ, стр. 21—22.

т. Вѣлевъ, гдѣ изъ всѣхъ юнкеровъ и вольноопредѣляющихся была образована особая юнкерская команда.

Въ Вѣлевѣ Николай Михайловичъ пробылъ до лѣта слѣдующаго года, и здѣсь произошло его первое знакомство съ военною службою, со всѣми неприглядными порядками ея,—и всѣ иллюзіи неопытнаго, увлекающагося юноши сразу-же разлетѣлись прахомъ.

Закаленность организма, приобретенная имъ раньше въ привольной деревенской жизни въ родномъ Отрадномъ, сразу-же, по поступленіи на службу, пригодилась ему. Молодому унтеръ-офицеру на первыхъ-же порахъ по выступленіи изъ Москвы пришлось выносить всѣ тягости и невзгоды походной жизни, дѣлать пѣшкомъ въ день по 30 верстъ и болѣе, спать, какъ попало, и питаться, чѣмъ Богъ послалъ. «Кормили насъ такими кушаньями, писалъ матери въ своемъ первомъ письмѣ Николай Михайловичъ *), что просто объѣденіе, вездѣ почти намъ давали щи, цвѣтомъ они были похожи на самыя грязныя помои, да и вкусомъ-то немного отличались отъ помоевъ; но съ голодухи намъ и такія щи были хороши»...

Въ Вѣлевѣ Пржевальскому съ товарищами отвели квартиру въ кухнѣ, въ которой, по его словамъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ было такъ холодно, что даже и въ то время, когда топилась печь, было 5° морозу. Единственнымъ спасеніемъ были палаты, на которыя забирались всѣ, желавшіе прогрѣться. Ежедневно съ 10 ч. утра до часу по полудни юнкера собирались для обученія строевой службѣ въ такъ называемый манежъ — по просту: длинный погребъ, выкопанный въ землѣ и настолько темный, что на разстояніи 20 шаговъ съ трудомъ можно было различить человѣка. Юнкера собирались на ученье въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ: «кто безъ сапогъ, кто въ изорванномъ халатѣ, а кто и въ свртугѣ безъ рукавовъ». Это былъ, можно сказать, сбродъ порочныхъ людей, картежниковъ и пьяницъ, занимавшихся кражею вещей и пропиваніемъ ихъ въ кабацѣ.

«Всѣхъ насъ человѣкъ 60, писалъ Николай Михайловичъ **), но большая часть изъ нихъ негодны, пьяницы, картежники. Видя себя между такими сотоварищами, невольно вспомнишь слова, что я буду алмазь, но въ кучѣ вагоза. Впрочемъ, есть и хорошіе, но число ихъ весьма ограниченное»...

«Среда юнкеровъ, въ которую попалъ Пржевальскій, по выраженію покойнаго проф. Э. Ю. Петри, представляла собою ту-же бурсу, которая не нашла еще своего Помяловскаго» ***).

Служба въ полку поставлена была чрезвычайно плохо, никто ничего не дѣлалъ. На юнкеровъ не обращали вниманія, но съ солдатами обращались

*) 27 сентября 1855 г. изъ Калуги, см. Дубровинъ, стр. 22.

**) Въ письмѣ къ матери 3 декабря 1855 г. изъ Вѣлева.

***) Рѣчь въ засѣданіи Русскаго Антропологическаго Общества, 10 октября 1898 г.

жестово. Офицеры вели жизнь разгульную и все время проводили среди картъ и пьянства.

Вообще обстановка, въ которую онъ попалъ, рѣшительно не оправдала его ожиданій, и онъ потерялъ полное разочарованіе во всѣхъ своихъ иллюзіяхъ относительно военной службы. Такое быстрое крушеніе идеаловъ, конечно, не легко далось юношѣ. При каждомъ удобномъ случаѣ онъ искалъ уединенія, ходилъ въ лѣсъ на охоту и часто горько тамъ плакалъ. Въ то время вѣдь онъ былъ еще такъ молодъ, что походилъ скорѣе на ребенка, чѣмъ на воина.

— За что это тебя, спрашивали часто сострадательные крестьяне, такого молодого въ солдаты отдали? Имъ, конечно, не могло придти въ голову, чтобы кто-нибудь безъ крайней необходимости, а тѣмъ болѣе по увлеченію пошелъ на такую каторгу.

Въ тяжелыя минуты мысли Николая Михайловича всегда переносились на далекую родину, въ дорогое Отрадное, ко всѣмъ близкимъ и милымъ его сердцу, и при этихъ воспоминаніяхъ окружающая обстановка, разгульные бездѣльники-сотоварищи и такіе-же начальники-офицеры производили на него еще болѣе удручающее впечатлѣніе.

На рождественскіе праздники онъ взялъ отпускъ и поѣхалъ къ матери, чтобы хоть немного отдохнуть въ благодѣтельной домашней обстановкѣ, въ кругу родной семьи, и хоть на нѣсколько дней забыть тяжелыя условія военной службы.

Въ январѣ слѣдующаго, 1856 г. онъ снова уже находился въ той-же неприглядной и скучной обстановкѣ, но ко всему прежнему прибавилось еще то, что лишній расходъ на поѣздку домой совершенно истощилъ его карманъ, и теперь ему нельзя было даже покупать себѣ по прежнему хотя изрѣдка молоко, яйца, мясо и т. п. и приходилось довольствоваться исключительно полковою пищей.

Жилъ онъ по прежнему, на той-же квартирѣ, но прикомандированъ былъ въ Бѣлевскому полку, куда и ходилъ на ученье.

Этотъ полкъ готовился въ февралѣ выступить въ Финляндію, предстояли разные смотры вышнихъ начальниковъ, и въ виду этого все приводилось въ порядокъ, всѣ чистились, охорашивались и приготавливались къ параду. Низшимъ чинамъ выдали полушубки и лапти *).

Въ предстоящемъ походѣ полкъ долженъ былъ проходить черезъ Москву и Петербургъ, и Николай Михайловичъ заранѣе предвкушалъ радость встрѣчи въ Москвѣ съ братомъ и матерью, которая въ этому времени также намѣревалась туда пріѣхать. Однако же выступленіе въ Финляндію въ концѣ концовъ не состоялось, а вмѣсто этого Бѣлевскій полкъ лѣтомъ 1856 г. двинулся въ г. Козловъ Тамбовской губ.

Интересенъ разговоръ Николая Михайловича объ этомъ походѣ, рису-

*) Письмо Николая Михайловича къ матери 30 января 1856 года; см. Дубровинъ, стр. 24.

щій военные порядки того времени. Пржевальскій въ своихъ воспоминаніяхъ *) называетъ это шествіе Бѣлевскаго полка «передвиженіемъ шайки грабителей, потому что обыкновенно ничего не покупалось ни для людей, ни для лошадей, а все бралось даромъ». Въ этомъ грабительствѣ мѣстныхъ жителей наблюдалась очередь, «и разъ, когда пришелъ мой чередъ, рассказываетъ Николай Михайловичъ, я, между прочимъ, закололъ штыкомъ индюка, котораго потомъ съѣли на станціи». Все это было въ обычае тогдашняго времени, и Бѣлевскій полкъ не представлялъ исключенія. Воровство на продовольствіе офицеровъ совершалось совершенно открыто, такъ что, по словамъ Пржевальскаго, его человекъ Иванъ Марковъ постоянно кормилъ даромъ и офицеровъ, и ихъ лошадей.

Стоянка въ Козловѣ ничѣмъ не отличалась отъ жизни въ Бѣлевѣ: та же разгульная жизнь офицеровъ и юнкеровъ, то же ничего недѣланіе и то же отсутствіе порядочнаго общества.

Это было еще первое лѣто во всей жизни Николая Михайловича, которое онъ проводилъ не въ родномъ своемъ гнѣздѣ Отрадномъ. Къ счастью служба не очень стѣсняла его и оставляла много свободы въ распоряженіи своимъ временемъ. Поэтому Николай Михайловичъ обыкновенно уходилъ въ окрестности Козлова на охоту. Но такъ какъ здѣсь не было того изобилія дичи, къ которому онъ привыкъ на родинѣ, и вообще не было того приволья, то ему приходилось больше обращать вниманіе на растенія.

Съ обычнымъ своимъ увлеченіемъ Пржевальскій принялся за собраніе ботанической коллекціи и за лѣто составилъ довольно объемистый гербарій. Здѣсь Николай Михайловичъ уже сознательно почувствовалъ, какъ дорога для него природа, и какъ страстно желаетъ онъ изучить ее, и это впервые навело его на мысль о томъ, что онъ непременно долженъ отправиться путешествовать. Уже съ этого времени посѣщеніе отдаленныхъ невѣдомыхъ странъ сдѣлалось для него завѣтною мечтою, которой однако же по условіямъ жизни и военной службы еще не скоро суждено было исполниться.

Кромѣ той отрады, что было лѣто и не было большихъ стѣсненій бродить по полямъ и лѣсамъ въ окрестностяхъ города, стоянка въ Козловѣ была лучше предыдущихъ еще въ томъ отношеніи, что у Пржевальскаго здѣсь уже завелась въкоторыя болѣе порядочные товарищи, съ которыми онъ иногда вмѣстѣ читалъ много книгъ; по большей части это были сочиненія историческія, разныя путешествія и романы.

Осенью окончился срокъ службы Пржевальскаго въ низшемъ чинѣ, и 24 ноября 1856 г. онъ былъ произведенъ въ офицеры; въ чинѣ прапорщика онъ назначенъ былъ въ Полоцкій пѣхотный полкъ и отправился въ родную Смоленскую губ., въ г. Бѣлый.

*) „Русская Старина“ 1888 г., № 11.

Производство въ офицеры однако не очень улучшило обстановку его жизни, такъ какъ въ Полоцкомъ полку онъ попалъ едва-ли не въ худшее еще общество, чѣмъ прежде. Офицеры этого полка имѣли такую дурную репутацію, что ихъ никто не хотѣлъ пускать къ себѣ на квартиру, и вотъ какъ, по разсказу Николая Михайловича, они жили:

«Посреди города на площади навѣтъ быть особый домъ; мебели никакой, кромѣ кроватей, да и то не у всѣхъ. Посреди комнаты стояло ведро съ водкой и стаканы. День начинался и оканчивался пьянствомъ, въ перемежку со скандалами въ родѣ сбѣвенія квартального и т. п. Мѣстные жители обходили этотъ домъ далеко, чтобы не попасть на глаза офицерамъ и избѣжать скандала» *).

Можно судить, какъ пріятно чувствовалъ себя чистый, любознательный юноша, понавѣ въ такую компанію. По возможности Николай Михайловичъ, конечно, сторонился офицерскаго общества, но жизнь его была крайне тяжелая, и онъ все чаще и чаще началъ задумываться надъ тѣмъ, какимъ бы способомъ выйти изъ этой компаніи и вообще изъ этого невыносимаго положенія.

Болѣе трехъ лѣтъ Николай Михайловичъ провелъ въ Бѣломъ, въ этой тяжелой средѣ, разгульных бездѣльниковъ, своихъ товарищей офицеровъ. Въ началѣ 1860 г. Полоцкій полкъ былъ переведенъ въ г. Кременецъ, Волынской губ., по служебная обстановка отъ этого не измѣнилась къ лучшему. Впрочемъ Николай Михайловичъ очень радъ былъ такому перемѣщенію.

Городъ Кременецъ бѣденъ и грязенъ, но за то окрестности его замѣчательно красивы. Авратынская возвышенность образуетъ здѣсь прекрасный горный ландшафтъ. Возвышенности покрыты превосходными лиственными лѣсами, а къ сѣверу тянется обширная равнина, сливающаяся вдаль съ горизонтомъ; верстахъ въ 5—6 отъ города протекаетъ рѣка Инва, притокъ Горыни, быстрый горный потокъ, который весной, разливается версты на 2 въ ширину и въ это время представляетъ необыкновенно живописный видъ.

«Великолѣпная панорама, говоритъ Николай Михайловичъ **), представлялась съ вершины горъ, когда весной, во время разлива, всѣ низменности около рѣки были покрыты водою...» ...«невольный трепетъ пробѣжалъ по моимъ нервамъ, и это былъ трепетъ безотчетнаго восторга... Но что въ особенности важно было для нашего страстнаго охотника, такъ это то, что рѣка во многихъ мѣстахъ образуетъ быстрины, гдѣ вода не покрывается зимою льдомъ, и на такихъ мѣстахъ постоянно, даже зимою, держатся утки. И Николай Михайловичъ, конечно, не давалъ имъ спуску. Впрочемъ въ это время у него уже не было времени для постоянной охоты: онъ по дѣльнымъ днямъ усиленно занимался.

Мы уже говорили, что Пржевальскій еще въ бытность свою юнкеромъ въ Козловѣ поставилъ себѣ будущую дѣлю путешествія въ отдаленныхъ странахъ

*) Письмо Н. М. Пржевальскаго О. А. Фальдману отъ 20 октября 1889 г., см. Дубровнянъ, стр. 26.

***) „Воспоминанія Охотника“, „Журн. Коннозаводства и Охоты“ 1862 г., № 1.

и изученіе природы. Съ теченіемъ времени онъ все больше и больше укрѣплялся въ этомъ намѣреніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознавалъ, что при тѣхъ жизненныхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ находился, завѣтная мечта его мало осуществима.

«Прослуживъ пять лѣтъ въ арміи, пишетъ онъ^{*)}, потаскавшись въ карауль и по всевозможнымъ гауптвахтамъ и на стрѣльбу со взводомъ, я, наконецъ, ясно созналъ необходимость измѣнить подобный образъ жизни и избрать болѣе обширное поприще дѣятельности, гдѣ бы можно было тратить трудъ и время для разумной цѣли»...

Пржевальскій ясно видѣлъ, что оставаясь въ полку, онъ въ концѣ концовъ неизбежно долженъ будетъ послѣдовать общему теченію, а потому онъ рѣшилъ прежде всего измѣнить свою жизненную обстановку.

Однако же первая его попытка выйти изъ своего положенія и разомъ приблизиться къ исполненію завѣтной цѣли была крайне неудача. Николай Михайловичъ подалъ начальству просьбу о переводѣ на Амуръ, но вмѣсто отвѣта его посадили на трое сутокъ подъ арестъ. На менѣе энергичнаго человѣка такая рѣшительная неудача первой попытки могла бы подѣйствовать подавляющимъ образомъ и отбить у него охоту къ дальнѣйшимъ попыткамъ. Но Николай Михайловичъ былъ не изъ такихъ, и эта первая неудача принесла ему даже пользу. Онъ понялъ, что болѣе вѣрный путь, ведущій къ его цѣли, заключается въ образованіи, и потому рѣшилъ поступить въ Николаевскую академію генеральнаго штаба.

Порѣшивши на этомъ, Пржевальскій съ необыкновенною энергіей принялся за приготовленіе къ экзамену. Дѣло было нелегкое. Военныя науки ему были совсѣмъ неизвѣстны, и ему пришлось самому проходить все, начиная какъ говорится съ «азовъ». По 10 часовъ въ сутки работалъ Николай Михайловичъ и окончательно истомленный умственнымъ напряженіемъ, бросалъ книги и отправлялся въ живописныя окрестности Кременца, гдѣ въ охотѣ получалъ высшее свое удовольствіе. Сослуживцы офицеры почти не видѣли Пржевальскаго и называли его «ученымъ».

При такой усидчивости, обладая прекрасными способностями, Николай Михайловичъ могъ бы изучить все требуемое и въ короткое сравнительно время, но, не имѣя понятія о размѣрахъ требованій, которыя къ нему предъявятъ на экзаменѣ, онъ неустанно работалъ цѣлый годъ, такъ какъ думалъ, что на экзаменъ можно явиться не иначе, какъ основательно изучивши каждый предметъ, входящій въ программу.

Послѣ предварительнаго испытанія въ корпусномъ штабѣ, Николай Михайловичъ отправился въ Петербургъ. Денегъ у него для этой поѣздки совершенно не было и ему съ большимъ трудомъ удалось занять у одной знакомой 170 р. съ обязательствомъ уплатить 270 р. Въ виду этого въ Петербургѣ ему пришлось

*) Въ черновой запискѣ, сохранившейся въ его бумагахъ, помѣченной 6-мъ февраля 1862 г.

страшно бѣдствовать и часто онъ оставался даже совсѣмъ безъ обѣда. Однако же экзаменъ онъ сдалъ однимъ изъ первыхъ, несмотря на то, что конкуренція была очень велика, такъ какъ число желающихъ поступить сильно превышало число свободныхъ вакансій.

Во время экзаменовъ и послѣ, когда уже начались лекціи, Николай Михайловичъ сторонился отъ своихъ новыхъ товарищей и держался особнякомъ, не принимая участія ни въ какихъ кружкахъ, на которые разбиваются обыкновенно слушатели въ академіи. Главнѣйшею причиною этого было, безъ сомнѣнія, его стѣснительное матеріальное положеніе, тѣмъ болѣе, что онъ среди остальныхъ слушателей въ этомъ отношеніи представлялъ рѣдкое исключеніе. Но, безъ сомнѣнія, въ этомъ сказывались также и условія воспитанія и предыдущей полковой жизни. Дальше мы еще обратимся къ этой чертѣ характера Пржевальскаго.

Левціи онъ посѣщалъ аккуратно и въ свободное время очень много читалъ преимущественно сочиненія историческія и по естественнымъ наукамъ. Что же касается военныхъ наукъ, то онъ ими совсѣмъ не занимался въ теченіе года, не чувствуя къ нимъ никакого влеченія. Кромѣ того, будучи уже хорошо подготовленъ предыдущими своими самостоятельными занятіями, онъ рассчитывалъ на свою замѣчательную память и былъ увѣренъ, что предъ экзаменомъ ему легко будетъ приготовиться къ отвѣту по литографированнымъ запискамъ профессоровъ. Такъ и вышло въ дѣйствительности.

Упомянемъ еще, что, крайне нуждаясь въ деньгахъ, Николай Михайловичъ написалъ не разъ уже цитированную нами статью автобіографическаго содержанія «Воспоминанія охотника» и снесъ ее въ редакцію «Коннозаводства и охоты». Статья была принята, но не особенно добросовѣстный редакторъ объявилъ ему, что гонораръ за нее не будетъ уплаченъ, «такъ какъ это первое произведеніе начинающаго автора». Тѣмъ не менѣе, Николай Михайловичъ былъ безконечно радъ, что его статья появится въ печати.

Съ наступленіемъ лѣта слушателей академіи обыкновенно посылаютъ на практическія занятія топографическою съемкою, и Николай Михайловичъ попалъ въ Боровичскій уѣздъ Новгородской губ. О томъ, какова у него вышла съемка вслѣдствіе страсти къ охотѣ, мы уже говорили.

Ему поставили 4 балла и еслибы не прекрасный устный отвѣтъ на экзаменѣ изъ геодезіи, то ему пришлось бы совсѣмъ распротиться съ академіей, поступления въ которую онъ такъ добивался.

Перебравшись такимъ образомъ кое-какъ на второй курсъ, Николай Михайловичъ взялъ темой для своего курсоваго сочиненія «Военно-статистическое обзоріе Приамурскаго края». Сочиненіе это вышло хорошимъ и явилось систематическою научною обработкою всѣхъ матеріаловъ, которые можно было найти въ литературѣ. Рукопись эта, доставленная въ Н. Р. Географическое Общество, возбудила тамъ большое вниманіе и Пржевальскій тогда же былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ Общества. Николай Михайловичъ не отдавалъ своего сочиненія въ печать, но, какъ

увидимъ дальше, оно все-таки было впоследствии опубликовано, хотя и безъ вѣдома автора: произведение это было настолько цѣннымъ, что одно лицо *) рѣшилось изъ-за него на литературное воровство.

Въ маѣ 1863 года, когда началось польское возстаніе, въ академіи объявлено было, что тѣ изъ офицеровъ старшаго курса, которые вмѣсто лѣтнихъ занятій съемкою пожелаютъ отправиться на театръ военныхъ дѣйствій въ дѣйствующую армію, будутъ выпущены на льготныхъ условіяхъ, т. е. безъ выпускныхъ экзаменовъ.

Быть можетъ опасаясь, что въ этомъ году судьба съемки будетъ такая же, какъ и въ предыдущемъ, Николай Михайловичъ одинъ изъ первыхъ заявилъ свое желаніе на отправку въ Польшу.

По своемъ возвращеніи въ Полоцкій полкъ, Пржевальскій съ перваго же дня былъ назначенъ адъютантомъ полкового командира. Въ этой должности Николай Михайловичъ выказалъ себя съ очень хорошей стороны и вскорѣ заслужилъ всеобщее уваженіе своихъ сослуживцевъ въ полку. Вскорѣ онъ приобрѣлъ большое вліяніе на своихъ товарищей. Къ его мнѣнію, всегда прямому и откровенному, прислушивались, всѣ видѣли въ немъ человека безукоризненной честности, искренняго, съ теплымъ сердцемъ, всегда готовымъ на всякое доброе дѣло**).

Однако же, несмотря на хорошее положеніе, которое Николай Михайловичъ приобрѣлъ себѣ среди сослуживцевъ, онъ бывалъ въ ихъ средѣ очень рѣдко, и все время посвящалъ научнымъ занятіямъ, причемъ прекраснымъ отдыхомъ для него служила по прежнему охота. Въ карты Николай Михайловичъ игралъ очень рѣдко, но всегда въ азартныя игры. Женскаго общества онъ положительно избѣгалъ. Онъ говорилъ, что женщины исключительно занимаются пересудами о достоинствахъ и недостаткахъ, какъ знакомыхъ, такъ и мало извѣстныхъ имъ людей, и называлъ ихъ поэтому фантазерками и «судашницами», очень мало придавалъ значенія ихъ сужденію, относился къ нимъ съ недовѣріемъ и вообще бѣжалъ отъ ихъ общества, казавшагося ему назойливымъ и крайне неприятнымъ.

Такое отношеніе къ женщинамъ осталось и впоследствии на всю жизнь Николая Михайловича. Онъ всегда упорно отказывался жениться и умеръ холостякомъ. На всѣ представленія родныхъ, особенно матери, которые позднѣе доказывали ему, что надо обзавестись семействомъ, чтобы подъ старость не очутиться одинокимъ, онъ говорилъ, что его профессія путешественника не позволяетъ ему

*) Докторъ П., см. дальше.

**) Н. О. Дубровинъ приводит слѣдующій примѣръ его дѣятельности среди товарищей. Когда обнаружилось, что полковой квартирмейстеръ растратилъ значительную сумму казенныхъ денегъ и дѣло доходило до суда, то Николай Михайловичъ употребилъ свое вліяніе полковаго адъютанта и убѣдилъ всѣхъ офицеровъ полка разложить между собою растроченную сумму (5,823 р.) и такимъ образомъ спасъ несчастнаго. Жертва со стороны офицеровъ была не малая, такъ какъ на долю cadaго пришлось уплата болѣе 100 р. Если мы припомнимъ, что это были тѣ самые офицеры Полоцкаго полка, которые въ г. Вѣломѣ наводили ужасъ своими безчынствами на обывателей, то станетъ яснымъ, что вліяніе Пржевальскаго между ними было громадно.

жениться. «Я уйду въ экспедицію,—говорилъ онъ,—жена будетъ плавать: брать же съ собою «бабье» я не могу. Когда окончу послѣднюю экспедицію, буду жить въ деревнѣ, охотиться, ловить рыбу и разрабатывать свои коллекціи. Со мною будутъ жить мои старые солдаты, которые мнѣ преданы не менѣе, чѣмъ была бы законная жена».

Къ этой чертѣ характера знаменитаго путешественника мы также еще вернемся, пока же замѣтимъ только, что на такія воззрѣнія несомнѣнно оказало вліяніе его воспитаніе.

Въ дальнѣйшей его полковой службѣ мало было переменъ. Упомянемъ только, что начальникъ дивизіи обратилъ вниманіе на Пржевальскаго и, не спрашивая ни его собственнаго согласія, ни полкового командира, назначилъ Николая Михайловича старшимъ адъютантомъ своего штаба. Однако же такое повышеніе было очень непріятно ему, такъ какъ новый его начальникъ оказался человекомъ неуживчивымъ, съ тяжелымъ, капризнымъ характеромъ; прослуживъ нѣкоторое время въ своемъ новомъ положеніи, Николай Михайловичъ подалъ прошеніе объ увольненіи въ 4-хъ мѣсячный отпускъ и былъ отчисленъ обратно въ полкъ. Время этого отпуска онъ провелъ въ своемъ родномъ Отрядномъ и безпрестанно продолжалъ свои научныя занятія зоологіей и ботаникой.

Чѣмъ болѣе углублялся онъ въ свои занятія, тѣмъ сильнѣе назрѣвала въ немъ мысль объ осуществленіи своего давнишняго завѣтнаго желанія отправиться путешествовать въ отдаленныя, невѣдомыя страны; ему хотѣлось проникнуть туда, гдѣ еще ни разу не ступала нога европейца. Николай Михайловичъ мечталъ отправиться въ африканскія дебри и сильно завидовалъ Ливингстону и Беккеру. Однако же очень простое разсужденіе показывало ему трудность осуществленія такого намѣренія. Для путешествія въ Африку нужно было имѣть значительныя средства, и онъ постоянно вздыхалъ о томъ, что бѣдность препятствуетъ осуществленію его намѣреній. Дальнѣйшимъ выводомъ изъ его разсужденій явилось то, что онъ обратилъ свое вниманіе не на Африку, а на Азію, путешествіе по которой связано было съ гораздо меньшими затрудненіями въ вышеуказанномъ смыслѣ. Николай Михайловичъ сознавалъ, что въ Азіи, гдѣ существуютъ обширныя территоріи русскихъ владѣній, ему, какъ офицеру, гораздо легче будетъ сдѣлать первый опытъ научнаго путешествія. Изучая источники еще при работѣ надъ своимъ академическимъ сочиненіемъ, онъ ясно увидѣлъ, какъ много еще предстоитъ дѣла изслѣдователямъ въ азиатскихъ русскихъ владѣніяхъ.

Итакъ Николай Михайловичъ рѣшилъ избрать ареной своей дѣятельности Азію и съ жаромъ принялся за серьезное изученіе матеріаловъ касательно этой части свѣта по литературнымъ источникамъ, какіе только онъ могъ достать. Но съ стѣсненнымъ сердцемъ онъ видѣлъ, какъ трудны серьезныя научныя занятія вообще, а въ особенности изученіе специальнымъ вопросамъ въ томъ случаѣ, если живешь въ глуши.

Если бы еще были матеріальныя средства, то онъ могъ бы себѣ вы-

писывать нужные книги, но офицерскаго жалованья было далеко недостаточно для этой цѣли. Поэтому онъ началъ подумывать объ томъ, какимъ бы образомъ попасть въ какой-нибудь крупный культурный центръ, чтобы имѣть возможность пользоваться хорошими библіотеками и другими научными пособіями.

Замѣтимъ встать, что сама по себѣ городская жизнь Николаю Михайловичу всегда не нравилась и онъ безусловно предпочиталъ деревню или какое-нибудь захолустье, гдѣ можно было жить ближе къ горячо любимой имъ природѣ. Но въ данномъ случаѣ онъ имѣлъ въ виду исключительно умственные интересы и ясно сознавалъ, что въ крупномъ культурномъ центрѣ ему гораздо легче будетъ удовлетворить своимъ умственнымъ запросамъ и жадѣ знаний.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Жизнь въ Варшавѣ и переводъ въ Сибирь.

Педагогическая дѣятельность въ юнкерскомъ училищѣ. — Научныя занятія. — Домашняя жизнь. — Внутреннее міросозерцаніе. — Заключенія о личности Пржевальскаго. — Ходатайство о переводѣ на службу въ Сибирь.

Разъ прія къ какому-нибудь рѣшенію, Николай Михайловичъ немедленно же со свойственной ему энергичностью принимался за приведеніе его въ исполненіе.

Онъ съѣздивъ въ Варшаву и сталъ добиваться поступленія въ только что открытое предъ тѣмъ юнкерское училище, въ чемъ и достигнулъ успѣха: въ декабрѣ 1864 г. онъ былъ уже назначенъ взводнымъ офицеромъ въ это училище и вмѣстѣ съ тѣмъ преподавателемъ исторіи и географіи.

Назначеніе это имѣло громадное вліяніе на дальнѣйшіе успѣхи въ его жизни и принесло Николаю Михайловичу громадную пользу. Пржевальскій не помнилъ себя отъ радости, когда изъ захолустья, изъ скучной невѣжественной среды армейскихъ офицеровъ попалъ вдругъ въ европейскій городъ, обладающій громадными научными средствами. Впослѣдствіи Николай Михайловичъ говорилъ, что «Варшава его окончательно сформировала» и воспоминанія о варшавскомъ періодѣ его жизни всегда были самыя пріятныя.

Въ училищѣ онъ съ самаго начала поставилъ себя прекрасно. Всегда веселый и шутливый, онъ привлекалъ къ себѣ всеобщее вниманіе и былъ одинаково любимъ, какъ своими товарищами-преподавателями, такъ и юнкерами. Къ своимъ педагогическимъ занятіямъ Николай Михайловичъ относился съ большимъ увлеченіемъ и ученики его боготворили. Онъ всегда очень внимательно и съ большою любовью относился къ своимъ ученикамъ и очень умѣло руководилъ ихъ занятіями. За время своего пребыванія въ училищѣ Пржевальскій успѣлъ составить тамъ прекрасную библіотеку и постоянно руководилъ систематическимъ чтеніемъ юнкеровъ, причемъ обнаружилъ большую способность въ умѣніи приновряться къ индивидуальнымъ способностямъ, уровню развитія и къ характерамъ ихъ; съумѣлъ

заинтересовать их и внушить своимъ питомцамъ стремленіе къ самообразованію. Исполняя обязанности дѣлопроизводителя и взводнаго офицера, завѣдуя библиотекой и читая лекціи по двумъ предметамъ, Николай Михайловичъ былъ въ училищѣ почти постоянно и болѣе другихъ своихъ коллегъ имѣлъ точекъ соприкосновенія съ учениками: его можно было видѣть въ училищѣ ежедневно и утромъ, и вечеромъ.

Работалъ онъ очень много. Вставши очень рано, часа въ четыре, даже не одѣваясь, въ одномъ бѣльѣ, онъ сразу садился за работу: или въ широкомъ смыслѣ готовился къ своимъ лекціямъ, перечитывая массу литературы по исторіи и географіи, составляя записки для юнкеровъ, которыя потомъ литографировались, или же предавался своимъ собственнымъ специально научнымъ занятіямъ по зоологіи и ботаникѣ.

Къ 8 час. утра Пржевальскій являлся въ училище и шелъ на лекціи, которыя онъ читалъ въ высшей степени увлекательно. Кромѣ обширнаго запаса научныхъ свѣдѣній и громадной начитанности въ литературѣ, онъ обладалъ еще даромъ слова и поэтому привлекалъ обыкновенно къ себѣ массу слушателей даже изъ постороннихъ классовъ *). Говорилъ онъ громко, ясно и въ особенности увлекалъ своихъ слушателей тѣмъ, что цитировалъ на память обширныя выдержки изъ различныхъ писателей, что, при его феноменальной памяти, не составляло для него никакого затрудненія. Между тѣмъ для той аудиторіи, которую Николай Михайловичъ имѣлъ передъ собою, это былъ весьма удачный и подходящий педагогическій приемъ. Надо принять во вниманіе, что составъ юнкеровъ былъ далеко не блестящій; по большей части это были юноши, весьма мало учившіеся, бѣжавшіе изъ разнаго рода школъ, «убоявшіеся бездны книжной премудрости и обратившіеся вспять», и въ то же время юноши эти уже въ сущности вышли изъ школьнаго возраста, и рѣдко кто изъ нихъ имѣлъ менѣе 20 лѣтъ отъ роду. Обыкновенные методы преподаванія для нихъ уже по предыдущимъ опытамъ оказались не примѣнними, и сами предметы не могли уже для нихъ имѣть интереса новизны; громадное большинство юнкеровъ явилось въ училище уже съ отвращеніемъ къ «той» наукѣ, которую они до того времени безуспѣшно «лазнули» въ школахъ, гдѣ они раньше воспитывались. Поэтому ихъ нужно было какъ-нибудь встряхнуть, вывести ихъ изъ умственного оцѣпенѣнія и уничтожить у нихъ апатичное отношеніе къ наукѣ. И въ этомъ отношеніи методъ преподаванія Николая Михайловича своеобразною наглядностью являлся въ высшей степени подходящимъ; то, что онъ сумѣлъ такимъ образомъ примѣниться къ своимъ ученикамъ, внушить имъ стремленіе къ развитію и пробудить дремлюшія умственныя силы—повызываетъ въ Пржевальскомъ несомнѣнный педагогическій талантъ. Строгая научная систематичность въ подборѣ лекціоннаго матеріала для

*) Это вызвало зависть и неудовольствіе у другихъ преподавателей и они обращались съ комическими жалобами къ начальнику заведенія, „что Пржевальскій отбиваетъ у нихъ слушателей“.

такого состава слушателей была бы непримѣнима, между тѣмъ какъ блестящее легкое изложенеіе, кстатіе разсказанный анекдотъ или увлекательная страница изъ какого-нибудь талантливо написаннаго путешествія, въ особенности легко процитированная на память, т. е. являясь въ передачѣ живымъ словомъ, необыкновенно сильно заинтересовывали слушателей и пробуждали въ нихъ дремлющія душевныя силы. Не мудрено поэтому, что Николаю Михайловичу удавалось вызвать у своихъ учениковъ охоту въ изученію предмета, такъ сказать подогрѣть ихъ и побудить къ самостоятельной работѣ. Насколько велико было вліяніе талантливаго и краснорѣчиваго лектора на своихъ учениковъ, можно видѣть изъ того замѣчательнаго факта, что многіе изъ его питомцевъ настолько увлекались наукою, что по окончаніи юнкерскаго училища, оставляли уже предрѣшенную этимъ военную карьеру и поступали въ университетъ (на естественный факультетъ) или въ земледѣльческую академію и т. п. высшія учебныя заведенія и посвящали себя серьезному изученію науки.

Такимъ-то образомъ проявлялъ себя Николай Михайловичъ на новомъ ему педагогическомъ поприщѣ. Вместе съ тѣмъ, на масляницѣ 1866 г. онъ прочелъ четыре публичныхъ лекціи по исторіи географическихъ открытій съ благотворительною цѣлью; здѣсь Николай Михайловичъ впервые и съ большимъ успѣхомъ выступилъ передъ «большою публикою»: лекціи его привлекли массу слушателей, въ числѣ которыхъ были между прочимъ и профессоръ варшавскаго университета.

Время отъ 8 до 12 часовъ Пржевальскій всецѣло посвящалъ училищу, а затѣмъ, позавтракавъ гдѣ нибудь на дорогѣ, отправлялся въ зоологическій музей при университетѣ или въ ботаническій садъ и занимался практическими работами по естествознанію, проверяя и закрѣпляя въ памяти познанія, приобретенныя изъ книгъ. Онъ вскорѣ же по приѣздѣ въ Варшаву свелъ знакомство съ нѣкоторыми профессорами мѣстнаго университета и широко пользовался ихъ руководствомъ въ своихъ научныхъ занятіяхъ. Въ особенности сошелся онъ съ В. К. Тачановскимъ, консерваторомъ университетскаго зоологическаго музея, съ которымъ поддерживалъ постоянныя сношенія до конца своей жизни и въ началѣ своей ученой дѣятельности часто обращался къ нему за совѣтами; что касается занятій ботаникою, то здѣсь наибольшую пользу принесъ ему директоръ ботаническаго сада, Александровичъ.

Къ 3 час. дня онъ снова являлся въ училище, гдѣ у него всегда было дѣло или по канцеляріи (Пржевальскій исполнялъ обязанности дѣлопроизводителя) или по библіотекѣ. Вечеромъ лекцій онъ не имѣлъ и вечера по большей части проводилъ дома за своими занятіями. Въ гости онъ ходилъ рѣдко, но у него былъ особый небольшой кружокъ изъ товарищей-сослуживцевъ изъ 5—6 лицъ, которые часто собирались то у одного, то у другого, при чемъ бесѣды велись преимущественно на различныя научныя темы. Впрочемъ, не всегда бывало такъ, и собравшаяся компанія иногда засаживалась за карты «преимущественно въ

азартныя игры», гдѣ, по словамъ одного изъ участниковъ*), «Николай Михайловичъ обыкновенно металъ банкъ, собирая съ насъ иногда почетную дань». Кромѣ этого общества Пржевальскій никуда не показывался, а если выпадала свободная минута, то онъ пользовался ею для удовлетворенія своей давнишней страсти и отправлялся куда-нибудь въ окрестности поохотиться**). Никакихъ общественныхъ увеселеній онъ не посѣщаль, а театровъ положительно не любилъ.

По этому поводу другъ Николая Михайловича, I. Л. Фатѣевъ, говоритъ: «какъ человѣкъ вполне цѣльный и послѣдовательный, онъ не терпѣлъ самообмана. Этимъ и слѣдуетъ объяснить его не любовь къ театру и подобнымъ увеселеніямъ***).

Впрочемъ, Николай Михайловичъ не скучалъ и дома, да и некогда было скучать за тою массою разнообразныхъ занятій, которая была на его рукахъ. Дома отъ былъ весьма рѣдко одинъ, такъ какъ его почти ежедневно посѣщали самые любимые изъ его учениковъ.

Иногда онъ устраивалъ настоящія научныя бесѣды, въ училищѣ во время дежурства или на своей квартирѣ дѣлился съ юнкерами своими обширными научными познаніями и сообщалъ имъ различныя научныя новости, съ которыми онъ самъ всегда былъ хорошо знакомъ. Почти каждую свободную копейку онъ затрачивалъ на приобрѣтеніе научныхъ книгъ и даже когда у него не было денегъ, то забиралъ въ долгъ въ одномъ знакомомъ магазинѣ, куда онъ заходилъ почти ежедневно справиться о различныхъ библиографическихъ новостяхъ.

Приглашая къ себѣ гостей-юнкеровъ, Николай Михайловичъ заготовлялъ для нихъ обильное угощеніе. У него былъ преданный слуга Занкинъ, который былъ большой мастеръ приготовить всякаго рода фруктовыя воды и закуски.

Въ кругу знакомыхъ и близкихъ Николай Михайловичъ вообще извѣстенъ былъ за человѣка въ высшей степени добраго, радушнаго, гостепріимнаго. Принимая гостей, онъ всегда придерживался русской пословицы: «Что есть въ печи, все на столъ мечи». Самъ онъ былъ большой охотникъ покушать: ѣлъ много, но скоро и любилъ, чтобы и гости слѣдовали его примѣру, не копались надъ яствами, но насыщались по скорѣй и, какъ говорится «вплотную».

Вотъ какъ, напр., описываетъ въ своихъ «воспоминаніяхъ» одинъ изъ постоянныхъ посѣтителей Пржевальскаго его обѣдъ: «Николаю Михайловичу подали большую миску супу. По размѣру посуды я думалъ, что вѣроятно онъ ожидаетъ кого-нибудь изъ гостей; но каково было мое удивленіе, когда между разговорами онъ уничтожилъ все содержимое въ мискѣ, затѣмъ налилъ полстакана краснаго

*) М. Лауницъ „Взгляды замѣтки изъ воспоминаній моихъ о покойномъ Н. М. Пржевальскомъ“, см. Дубровникъ, стр. 40.

**) При тогдашнемъ политическомъ положеніи въ Польшѣ, охота въ окрестностяхъ была сопряжена съ значительными затрудненіями: однажды, напр., его даже арестовали на охотѣ и ему пришлось довольно долгое время отсидѣть въ полицейской части, до тѣхъ поръ, пока не разъяснились обстоятельства и его личность (Лауницъ, см. раньше).

***) „Воспоминанія о Н. М. Пржевальскомъ“.

вина, залпомъ выпилъ его, затѣмъ стаканъ сельтерской воды и приказалъ подавать второе блюдо, которое заключалось въ подобной же мискѣ, но меньшихъ размѣровъ. Въ этой мискѣ находилось три куска бифштекса, которые были уничтожены одинъ за другимъ, при этомъ повторилось запиваніе ихъ краснымъ виномъ пополамъ съ сельтерскою водою» *).

Собственныя научныя занятія Николая Михайловича не страдали отъ ревностнаго исполненія имъ своимъ служебныхъ обязанностей въ качествѣ увлекающагося педагога и руководителя юношей въ развитіи ихъ любознательности.

«Мы никогда не стѣсняли его и не мѣшали ему», говорить одинъ изъ питомцевъ Николая Михайловича **): «да онъ и не принадлежалъ къ числу такихъ лицъ, которыя церемонятся. Чутьемъ мы знали, когда онъ намѣревался заниматься; тогда никто изъ насъ не дерзалъ войти въ ту комнату, гдѣ онъ сидѣлъ. Въ такихъ случаяхъ мы брали съ завѣтныхъ полокъ книги и просиживали цѣлый вечеръ за чтеніемъ. Случалось, бывали и такіе дни, когда мы уходили, не видѣвъ его, пробывши въ квартирѣ его 6—7 часовъ. Закинъ въ такіе вечера, подавая чай и всевозможныя закуски, грозилъ намъ пальцемъ и непрерывно говорилъ шепотомъ: «Тихе, тихе, господа юнкаря, Николай Михайловичъ не уважають шуму, когда въ книжку читають». Затѣмъ, онъ наливаль чай, клалъ на тарелку яства и на цыпочкахъ входилъ безмолвно къ своему господину».

Но вообще говоря, въ варшавскій періодъ жизни Николай Михайловичъ почти всегда былъ окруженъ юношествомъ, и если до сихъ поръ по различнымъ условіямъ ему приходилось по большей части обходиться безъ общества, то здѣсь былъ въ значительной степени восполненъ этотъ недостатокъ.

По мнѣнію лицъ, близко знавшихъ Пржевальскаго, постоянное общеніе съ молодежью соответствовало его природнымъ наклонностямъ, стремленію вліять на другихъ и являться въ качествѣ руководителя. По словамъ І. Л. Фатѣва, «при громадной впечатлительности Николая Михайловича, быть постоянно окруженнымъ юношествомъ для него было необходимымъ условіемъ всей его жизненной обстановки; иная обстановка—и онъ становился мнительнымъ, раздражительнымъ и неспособнымъ къ умственной работѣ. Любовь и преданность къ нему молодежи, живое и горячее ихъ отношеніе къ нему подогрѣвало и его самого и держало всегда въ дѣятельномъ и живомъ напряженіи силъ. Онъ сознавалъ это и, съ своей стороны, ласками и заботами о молодежи проявлялъ свойственную ему нѣжность» ***).

По своимъ природнымъ способностямъ, а въ значительной степени также и по общему уровню своего образованія Николай Михайловичъ возвышался надъ посредственностью и потому всегда игралъ значительную роль въ томъ обществѣ, гдѣ ему не приходилось умышленно отстраняться отъ товарищей (какъ это было,

*) Валентинъ Вольшевъ, см. Дубровинъ, стр. 42.

***) В. Немиръ, „Воспоминанія о Н. М. Пржевальскомъ“.

***) См. Дубровинъ, стр. 41.

напр., въ дурной, испорченной средѣ юнкеровъ съ самаго начала по поступленіи его на военную службу и далѣе, среди разнузданнаго общества армейскихъ офицеровъ, а также и въ академіи, вслѣдствіе крайняго стѣсненія въ матеріальныхъ средствахъ). Въ гимназіи, какъ уже было указано, онъ являлся вожакомъ класса во всякаго рода школьныхъ продѣлкахъ; далѣе, въ бытность свою въ полку въ должности адъютанта полкового командира, онъ игралъ весьма значительную роль среди своихъ сослуживцевъ, но полавъ въ училище, онъ почувствовалъ себя въ своей сферѣ среди молодежи, болѣе воспріимчивой къ его вліянію, и съ жаромъ принялся за педагогическую дѣятельность.

Не только среди юношей-учениковъ, но даже и среди своихъ товарищей, собесѣдниковъ на собраніяхъ кружка Николай Михайловичъ всегда старался захватить инициативу разговора и стать во главѣ бесѣдующихъ. Здѣсь онъ обнаруживалъ громадную начитанность, умѣнье обобщать и подмѣчать характерныя особенности. Онъ самъ увлекался и увлекалъ другихъ*). «Ваше письмо, писалъ ему впоследствии одинъ изъ его товарищей по училищу: «какъ нѣкогда Ваше присутствіе, имѣеть что-то такое, что будить душу, требуетъ оглядки. Вы были мнѣ близки, какъ человѣкъ, возлѣ котораго всегда глубже чувствовалось, шире думалось. Помню хорошо, какъ вы умѣли и любили дѣлиться вашею любовью къ прекрасному «Божьему міру»**).

Такимъ образомъ, мы видимъ что благотворное вліяніе и даже руководительство Николая Михайловича сказывалось не только на ученикахъ, но также и на сотоварищахъ, преподавателяхъ; вообще видно, что роль его въ училищѣ была весьма видная. Къ этому упомянемъ еще одинъ фактъ, показывающій необыкновенную увѣренность Николая Михайловича въ своихъ силахъ. Передъ отправленіемъ въ свою первую экспедицію, онъ въ Иркутскѣ сдѣлался членомъ Восточно-Сибирскаго отдѣла И. Р. Географическаго Общества, получилъ отъ него нѣкоторыя порученія касательно научныхъ изслѣдованій въ той мѣстности, куда онъ направлялся (въ Уссурійскій край) и небольшую денежную субсидію. Въ засѣданіяхъ, когда обсуждалась программа его будущаго путешествія, Николай Михайловичъ съ такою увѣренностью говорилъ о значительныхъ результатахъ своихъ предстоящихъ изслѣдованій, что многіе изъ членовъ этого общества приписали это излишней самонадѣянности и хвастовству молодого человѣка, не имѣвшему въ своемъ прошедшемъ никакихъ данныхъ на такую смѣлую увѣренность»***).

Однако же ближайшія послѣдствія блистательно опровергли такое мнѣніе, когда Пржевальскій научными заслугами этой первой своей экспедиціи превзошелъ всѣ, даже самыя смѣлыя ожиданія.

«Послѣдствія показали, однакоже», писалъ черезъ нѣсколько времени послѣ

*) См. Дубровинъ, стр. 45.

**) А. Белевскій, въ письмѣ отъ 25 января 1874 г.

***) См. Дубровинъ, стр. 50, 81.

того одинъ изъ бывшихъ членовъ Восточно-Сибирскаго отдѣла общества, участвовавшій на этихъ засѣданіяхъ*): «что въ увѣренности этой сказывалась сила генія, проявленіе котораго весьма рельефно обнаружилось въ трудѣ, къ которому онъ готовился».

Замѣтимъ кстати, что и на П. П. Семенова**), при первомъ его знакомствѣ съ Николаемъ Михайловичемъ, послѣдній произвелъ подобное же впечатлѣніе.

Позднѣе, въ своихъ путешествіяхъ, Пржевальскій являлся какъ-бы отцомъ для своихъ спутниковъ, солдатъ и помощниковъ и постоянно заботился объ нихъ со своеобразною вѣжностью. Но въ то же время, впоследствии въ немъ сказалась отчасти черта деспотичности, и въ составъ экспедиціонныхъ отрядовъ Николай Михайловичъ не допускалъ лицъ, равныхъ собѣ, являясь единственнымъ и безусловнымъ руководителемъ въ производимыхъ изслѣдованіяхъ.

Про «деспотизмъ» въ научныхъ изслѣдованіяхъ Пржевальскаго, впрочемъ, далѣе будетъ сказано болѣе подробно, а теперь мы обратимся къ одной изъ основныхъ характерныхъ чертъ Николая Михайловича, къ его особаго рода пессимистическому воззрѣнію на городскую жизнь и вообще на цивилизацію.

Періодъ жизни въ Варшавѣ былъ однимъ изъ счастливейшихъ въ жизни Николая Михайловича, и здѣсь закончилось сформированіе личности: здѣсь онъ завершилъ свою научную подготовку и привелъ въ систему всѣ раньше приобретенныя познанія; здѣсь же окончательно сложились основныя черты его характера и его своеобразно-пессимистическое міровоззрѣніе получило теоретически-научное обоснованіе.

Раньше было уже указано, что Николай Михайловичъ въ раннемъ дѣтствѣ росъ въ глуши, безъ сверстниковъ, что впервые наложило на него неизгладимый отпечатокъ и уже въ школьный періодъ сказалось склонностью къ уединенію, къ сосредоточенности въ себѣ самомъ и къ нѣкотораго рода отчужденію отъ товарищей. Уже въ то время Николай Михайловичъ не влюбилъ обстановку городской жизни и постоянно рвался въ родную деревню, въ родную семью. Когда онъ попалъ въ тяжелую среду юнкеровъ и офицеровъ, гдѣ сразу-же разлетѣлись въ прахъ всѣ его иллюзіи о военной дѣятельности, и впечатлительный юноша, съ своей уже въ значительной степени предвзятой точки зрѣнія, поприсмотрѣлся къ многочисленнымъ отрицательнымъ сторонамъ жизни въ провинціальныхъ захолустьяхъ, гдѣ ему пришлось начинать свою общественную дѣятельность,—у него сложилось уже опредѣленное, весьма неблагоприятное мнѣніе о городской цивилизаціи и о городской жизни. Онъ безусловно отдавалъ предпочтеніе жизни въ деревнѣ, поближе къ природѣ и подальше отъ сутолоки городской жизни; деревню онъ на первыхъ порахъ идеализировалъ по аналогіи со своимъ роднымъ Отраднымъ,

*) В. Липинскій въ письмѣ Ф. А. Фельдману, 22 ноября 1888 г., см. Дубровинъ, стр. 51.

**) Высшій вице-предсѣдатель И. Р. Геогр. Общ., см. дальше.

куда безпрестанно стремились всё его помыслы, а позднѣе это понятіе расширилось и получило у него значеніе природы, на которой по возможности меньше сказалось вліяніе цивилизованнаго человѣка, т. е. страны внѣ европейскія, и вотъ у Николая Михайловича является страстное желаніе отправиться по слѣдамъ Ливигстона и Беккера въ лѣса центральной Африки, а позднѣе, по зрѣлому размышленію, онъ обратилъ свои помыслы въ Азію, какъ страну болѣе доступную по его служебному положенію.

Впослѣдствіи такіе взгляды на жизнь еще болѣе укрѣпились и сдѣлались болѣе обоснованными. У Николая Михайловича составилось опредѣленное воззрѣніе на городскую цивилизацію, въ которой онъ видѣлъ гораздо болѣе дурныхъ сторонъ, чѣмъ хорошихъ.

Сдѣлавшись преподавателемъ исторіи и занимаясь специальнымъ ея изученіемъ, Пржевальскій составилъ себѣ своеобразный взглядъ на исторію культуры и на историческія судьбы человѣчества. На вышеупомянутыхъ собраніяхъ варшавскаго кружка друзей и сослуживцевъ Николая Михайловича, историческія темы дебатировались столь-же часто, какъ и вопросы изъ области естествознанія, и по отзывамъ и «воспоминаніямъ» его тогдашнихъ собесѣдниковъ можно составить довольно полное понятіе о воззрѣніяхъ Пржевальскаго.

Любимымъ его историкомъ былъ Юганъ Шерръ—«Вотъ это я понимаю», говорилъ Николай Михайловичъ: «вотъ это исторія. На исторію надо смотрѣть, какъ на зеркало, въ которомъ отражаются всѣ глупости человѣческія *).

Пользы современной цивилизаціи для человѣчества онъ не признавалъ: «статистическія данныя, говорилъ онъ, доказываютъ, что прогрессъ не можетъ возмѣстить человѣчеству его *нравственныхъ утратъ за послѣдній вѣкъ*.

«Вѣяніе человѣка, пишетъ Николай Михайловичъ **),—страшнѣе и истребительнѣе всяческихъ невзгодъ природы! Ни холода и бури, ни скудный кормъ, ни разрѣженный воздухъ—ничто это далеко не можетъ сравниться съ тою роковою гибелью, которую несутъ для дѣтей созданий прогрессивно возрастающая культура и «такъ называемая цивилизація рода человѣческаго». Равновѣсіе природы нарушается, искусство замѣняетъ творчество и со временемъ, какъ говоритъ Уэллсъ, быть можетъ, только одинъ океанъ въ своихъ недоступныхъ нѣдрахъ останется дѣвственнымъ и непокорнымъ человѣку».

По мѣрѣ того, какъ съ годами жизненный опытъ Николая Михайловича увеличивался, воззрѣнія, подобныя вышеприведеннымъ, только больше укрѣплялись, обобщались и получали болѣе научныхъ обоснованій, но сущность ихъ, вытекающая

*) См. Дубровинъ, стр. 44.

**) „Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ“, стр. 190.

изъ основныхъ чертъ характера Пржевальскаго, сложившихся еще въ дѣтствѣ и въ юности, — оставалась все той же пессимистической.

«Въ блага цивилизаціи не особенно вѣрую», писалъ онъ уже за годъ до своей смерти *). — «Эти блага вѣдь сводятся главнымъ образомъ къ тому, что горькія пилюли нашего существованія преподносятся въ капсюляхъ или подъ разными соусами, не говоря уже про уничтоженіе всѣхъ иллюзій, которыми только жизнь и красна. По моему, *умственная ограниченность — одно изъ непрелюбимыхъ условий продолжительности личнаго счастья*».

Николай Михайловичъ очень рѣзко критиковалъ городскую жизнь и городское общество и безусловно предпочиталъ скитаніе по дикимъ азіатскимъ пустынямъ спокойной жизни въ городѣ, обставленной всевозможными удобствами.

«Не одинъ разъ, говорилъ онъ неоднократно и писалъ различнымъ лицамъ, — сидя въ плотно застегнутомъ мундирѣ въ салонѣ какого-нибудь вельможи, я вспоминалъ съ сожалѣніемъ о своей свободной жизни въ пустынѣ, съ товарищами-офицерами и съ казаками. Тамъ кирпичный чай и баранина пились и ѣлись съ большимъ аппетитомъ, чѣмъ здѣшнія заморскія вина и различныя французскія блюда; тамъ была свобода, а здѣсь позолоченная неволя, здѣсь все по формѣ, по мѣрѣ; нѣтъ ни простора, ни свѣта, ни воздуха. Каменные тюрьмы — называемыя домами, изуродованная жизнь — жизнью цивилизованною, мерзость нравственная — тактомъ житейскимъ именуемая, продажность, безсердечіе, безпечность, развратъ — словомъ всѣ гадкіе инстинкты человѣка, правда, прикрашенные тѣмъ или другимъ способомъ, фигурируютъ и служатъ главными двигателями во всѣхъ слояхъ общества, отъ низшаго до высшаго **). Могу сказать только одно, что въ обществѣ, подобномъ нашему, очень худо жить человѣку съ душой и сердцемъ. Нѣтъ, видно никогда не привыкнуть вольной птицѣ къ тѣсной клеткѣ, никогда и мнѣ не сродниться съ искусственными условіями цивилизованной, правильнѣе — изуродованной жизни».

«Грустное, тоскливое чувство, пишетъ Николай Михайловичъ въ одной изъ своихъ книгъ ***)», — всегда овладѣваетъ мною, лишь только пройдутъ первые порывы радостей по возвращеніи на родину. И чѣмъ далѣе обѣжитъ время среди обыденной жизни, тѣмъ болѣе и болѣе растетъ эта тоска, словно въ далекихъ пустыняхъ Азіи покинуто что-либо незабвенное, дорогое, чего не найти въ Европѣ. Да, въ тѣхъ пустыняхъ, дѣйствительно, имѣется исключительное благо — свобода, правда, дикая, но за то ничѣмъ не стѣсняемая, чуть не абсолютная.

«Путешественникъ становится тамъ «цивилизованнымъ дикаремъ» и пользуется лучшими сторонами крайнихъ стадій человѣческаго развитія: просторомъ и прихотью жизни дикой, наукою и знаніемъ жизни цивилизованной. При томъ

*) А. А. Штрауху, 27 іюня 1887 г.

**) См. Дубровинъ, стр. 366.

***) „Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ“, стр. 469.

самое дѣло путешествія для человѣка, искренно ему преданнаго, представляетъ величайшую заманчивость ежедневною смѣною впечатлѣній, обиліемъ новизны, сознаниемъ пользы для науки. Трудности же физическія, разъ онѣ миновали, легко забываются и только еще сильнѣе отгѣняютъ въ воспоминаніяхъ радостныя минуты удачъ и счастья».

Изъ приведенныхъ отрывковъ видно, какое предубѣжденіе имѣлъ Николай Михайловичъ противъ «такъ называемой» городской цивилизаціи, а съ другой стороны здѣсь ярко обрисована его страсть къ путешествіямъ.

«Истому путешественнику, говорить онъ, невозможно позабыть о своихъ странствованіяхъ, даже при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ дальнѣйшаго существованія. День и ночь неминуемо будутъ ему грезиться картины минувшаго прошлаго и манять промѣнять вновь удобства и покой цивилизованной обстановки на трудовую, по временамъ непривѣтливую, но за то свободную и славную странническую жизнь».

Резюмируя все вышесказанное о личности Пржевальскаго, можно отмѣтить два фактора, содѣйствовавшихъ развитію въ немъ качествъ «геніальнаго путешественника», каковыми названъ Николай Михайловичъ однимъ изъ авторитетнѣйшихъ представителей географической науки и отчасти собратомъ по профессіи путешественника, президентомъ Берлинскаго географическаго общества, барономъ Рихтгофеномъ *): съ одной стороны, богато одаренная отъ природы натура мальчика заключала въ себѣ всѣ данныя, позволявшія возлагать на него будущее, большія надежды (блестящія умственныя способности, любознательность, настойчивость въ достиженіи намѣченной цѣли, физическая крѣпость и т. д.), съ другой—цѣлый рядъ благоприятныхъ (съ принятой нами точки зрѣнія) условій воспитанія, которыя способствовали развитію въ Пржевальскомъ стремленія къ изученію природы (дѣтство въ деревенской глуши, свобода, предоставленная ему матерью, примѣръ дяди—страстнаго охотника и т. д.). Въ то же время, отсутствіе сверстниковъ въ первые годы дѣтства, недостаточность общенія съ товарищами въ гимназій, оттапливающая среда юнкеровъ, а на первыхъ порахъ также и офицеровъ, способствовали развитію отчасти врожденной уже склонности къ уединенію и къ сосредоточенности въ себѣ самомъ и еще болѣе укрѣпили въ немъ сильную привязанность къ родной семьѣ, особенно къ матери, съ которой онъ до самой ея смерти поддерживалъ живую, сердечную переписку. Не удивительно, что при такихъ обстоятельствахъ у Николая Михайловича сложилось отрицательное отношеніе къ городской жизни со всеми атрибутами «такъ называемой цивилизаціи», такъ какъ годы счастливаго дѣтства были неразрывно связаны съ деревенской глушью, гдѣ люди стоятъ ближе къ природѣ.

Первоначально всѣ помыслы Николая Михайловича стремились въ родное Отрадное, лѣсныя, болотистыя заросли котораго представлялись для любознатель-

*) См. П. П. Семеновъ, Извѣстія И. Р. Г. О., т. XXIV, вып. IV, стр. 242.

наго мальчика привлекательнымъ, но таинственнымъ міромъ, гдѣ онъ впервые научился всматриваться въ устройства прекраснаго Божьяго міра и своеобразно разгадывать явленія природы.

Но по мѣрѣ того, какъ знанія его съ лѣтами росли, и онъ, по выраженію П. П. Семенова: «понемногу научился читать страницы той кнага, которую передъ нимъ раскрывала природа» *), явилось сознаніе важности расширить районъ наблюдений и стремленіе къ путешествіямъ въ далекихъ странахъ, не только съ цѣлью пополнить запасъ собственныхъ знаній, но и для пользы науки, которой Николай Михайловичъ предался со всѣмъ пыломъ своей увлекающейся и страстной природы и посвятилъ ей всю свою жизнь.

Это послѣднее увлеченіе (Пржевальскій все дѣлалъ по увлеченію: охотился, избралъ военную карьеру, занимался педагогической дѣятельностью, изучалъ естественныя науки, путешествовалъ...), беззавѣтная преданность наукѣ, принесла громадную пользу Россіи и всему научному міру и придала особенную цѣну его путешествіямъ.

Способы путешествій Пржевальскаго, методы его научныхъ изслѣдованій и оцѣнка его научной дѣятельности будутъ приведены дальше. Но здѣсь мы укажемъ на одно чрезвычайно важное достоинство Николая Михайловича, чѣмъ онъ выгодно отличался отъ большинства другихъ знаменитыхъ путешественниковъ, напр., Стэнли, Ливингстона, Беккера и др. Мы говоримъ о необыкновенной добросовѣстности его и осторожности въ своихъ выводахъ, доходящихъ до крайнихъ предѣловъ скромности **). Онъ всегда строго различалъ свѣдѣнія, полученныя путемъ разспросовъ мѣстныхъ жителей, отъ того, что онъ самъ изслѣдовалъ.

Свѣдѣнія первой категоріи принимались имъ во вниманіе лишь съ большою осторожностью и при всякомъ удобномъ случаѣ провѣрялись. Но все, что публиковалось отъ имени Пржевальскаго, всегда было безусловно достоверно, въ чемъ очень скоро убѣдился весь ученый міръ. Всѣмъ его изслѣдованіямъ безусловно довѣряли даже и въ томъ случаѣ, если не было возможности его провѣрить, тогда какъ, напр., сообщенія Стэнли принимались учеными съ осторожностью и считались требующими тщательной провѣрки.

Какъ можетъ видѣть читатель, Пржевальскому хорошо жилось въ Варшавѣ въ кругу любимыхъ учениковъ и друзей-товарищей, среди разнородныхъ научныхъ занятій и чтенія лекцій въ училищѣ.

Однако-же природа съ ея безчисленными красотами увлекала и манила къ себѣ Николая Михайловича, его постоянно преслѣдовала мечта о путешествіяхъ и изслѣдованіяхъ въ далекихъ, неизвѣданныхъ странахъ, и онъ твердо рѣшился воспользоваться первымъ-же удобнымъ случаемъ для исполненія своей давнишней

*) Рѣчь 9 ноября 1888 г., см. „Изв. И. Р. Г. О.“, 7, XXIV, стр. 237.

**) Между тѣмъ какъ въ другихъ отношеніяхъ Пржевальскаго нельзя было назвать скромнымъ; наоборотъ, это была натура властная.

завѣтной мечты, а пока употреблялъ всѣ усилія на то, чтобы какъ можно лучше подготовиться къ производству научныхъ изслѣдованій. Пѣтя въ виду отправиться въ глубь азіатскаго континента, онъ тщательно изучалъ всѣ литературные источники касательно этой части свѣта, и колоссальное почти 20-ти томное произведеніе «Азія» Карла Риттера было у него настольною книгою.

Однако-же привести въ исполненіе свое намѣреніе Пржевальскому довольно долго не удавалось. Онъ былъ не болѣе, какъ штабсъ-капитанъ Полоцкаго пѣхотнаго полка, почему Николай Михайловичъ сталъ добиваться перечисленія въ генеральный штабъ. И въ этомъ отношеніи первыя попытки были неудачны, причемъ главнымъ препятствіемъ для него послужило то обстоятельство, что давнишніе его предки были польскаго происхожденія, да и самая его фамилія казалась польскою. Къ счастью въ немъ принялъ участіе помощникъ начальника штаба Варшавскаго округа, генераль-маіоръ Черницкій.

Этотъ послѣдній, познакомившись съ Николаемъ Михайловичемъ и узнавъ про его стремленія къ путешествіямъ, сильно заинтересовался молодымъ даровитымъ офицеромъ и въ мартѣ 1866 г. представилъ докладную записку начальнику военно-учебныхъ заведеній, генералу Н. В. Исакову, въ которой просилъ о командированіи штабсъ-капитана Пржевальскаго на службу въ Туркестанскій край, для перечисленія вполнѣдствіи въ генеральный штабъ.

«Офицеръ этотъ», писалъ Черницкій: «при обширныхъ познаніяхъ въ географіи, исторіи и статистикѣ, будетъ весьма полезенъ для составленія статистическаго обзоренія нашихъ областей въ Средней Азій, до сихъ поръ еще мало изслѣдованныхъ».

Исаковъ передалъ ходатайство Черницкаго начальнику главнаго штаба, графу Гейдену при слѣдующемъ собственномъ замѣчаніи:

«И видѣлъ Пржевальскаго въ преподаваніи; онъ, кажется, очень способный и бойкій офицеръ; онъ жаждетъ дѣятельности и не можетъ ее тамъ удовлетворить» *).

Прошло дѣлныхъ 8 мѣсяцевъ послѣ этого, и Николай Михайловичъ, стравнившій нетерпѣливѣе и не получая никакаго отвѣта, рѣшилъ возобновить свою просьбу. Въ октябрѣ уже и начальникъ штаба Варшавскаго округа, генераль-лейтенантъ Минквицъ просилъ о причисленіи Пржевальскаго къ генеральному штабу и о назначеніи его, если не въ Туркестанскій округъ, то хотя-бы въ войска, расположенныя въ Восточной Сибири. Вмѣстѣ съ тѣмъ генераль Черницкій въ частномъ письмѣ къ помощнику начальника главнаго штаба, І. В. Мещеринову, писалъ слѣдующее:

«Зная лично этого офицера съ весьма хорошей стороны, я, независимо сдѣланнаго представленія, считаю долгомъ и съ своей стороны покорѣннѣе просить ваше превосходительство о причисленіи Пржевальскаго, тѣмъ болѣе, что онъ вполнѣ соответствуетъ условіямъ службы въ генеральномъ штабѣ».

Послѣднее затрудненіе явилось въ томъ, что Пржевальскій былъ вывущенъ

*) См. Дубровинъ, стр. 46.

изъ академіи на льготныхъ условіяхъ, т. е. не держаль выпускного экзамена. Однако-же на справку генераль Леонтьевъ, начальникъ академіи, далъ отзывъ, что Пржевальскій во все время пребыванія въ академіи «извѣстенъ былъ, какъ способный и усердный офицеръ».

Такимъ образомъ, исключительно благодаря тому, что Николай Михайловичъ успѣлъ себя хорошо зарекомендовать вездѣ, гдѣ ему приходилось дѣйствовать, желаніе его наконецъ исполнилось, и 17 ноября 1866 г. состоялся приказъ, по которому Пржевальскій причисленъ былъ къ генеральному штабу съ назначеніемъ для занятій въ Восточно-Сибирскій военный округъ.

Итакъ, весьма важный для осуществленія завѣтныхъ желаній Николая Михайловича шагъ, наконецъ, былъ сдѣланъ.

Всѣ ученики и сослуживцы Пржевальскаго по Варшавскому юнкерскому училищу, а также и всѣ его варшавскіе друзья и знакомые были очень опечалены, узнавъ о состоявшемся назначеніи, но самъ онъ былъ безконечно радъ и весьма торопился уѣхать на мѣсто своего новаго служенія.

Закончивъ очеркъ сформированія замѣчательной личности Николая Михайловича, мы сдѣлаемъ нѣкоторое отступленіе и прежде чѣмъ приступить къ изложенію его путешествій, бросимъ взглядъ на Центральную Азію, гдѣ совершилъ Николай Михайловичъ свои знаменитые подвиги, доставившіе ему всеобщую извѣстность.

Позволяемъ себѣ это съ тою цѣлю, чтобы читатель могъ въ полной мѣрѣ оцѣнить заслуги гениальнаго путешественника, на основаніи сравненія его подвиговъ съ тѣми, что было сдѣлано въ Азіи всѣми другими изслѣдователями русскими и иностранными.

Многочисленные препятствія, неизбѣжно встрѣчающіяся въ Центральной Азіи, для всѣхъ изслѣдователей казались непреодолимыми до тѣхъ поръ, пока Пржевальскій совершилъ свои четыре путешествія, и поэтому баронъ Рихтгофенъ говоритъ, что «заслуги Пржевальскаго приняла размѣры, заслуживающіе крайняго удивленія»^{*)}.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Взглядъ на исторію изслѣдованія Центральной Азіи.

Центральная Азія.—Прогрессъ географической науки въ XIX вѣкѣ.—Азія—область русскихъ изслѣдованій.—И. Русское Географическое Общество.—Ислѣдованіе окраинъ Центральной Азіи до Пржевальскаго: съ с.-в. Арало-каспійская впадина и Туркестанъ, съ с. и с.-в.—Сибирь и Амурскій край.—Попытка проникнуть внутрь Центрально-Азіатскаго нагорья.—Быстрый ростъ русскаго вліянія въ Азіи.—Опасность со стороны Китая для европейской культуры, значеніе Китая для Россіи.—Превосходство Пржевальскаго предъ другими изслѣдователями.

Николай Михайловичъ Пржевальскій, является самымъ выдающимся изъ русскихъ путешественниковъ-изслѣдователей.

^{*)} Дубровинъ, 475.

Чтобы вполне отплатить его громадные заслуги передь наукой, нужно принять во вниманіе не только его личные качества, дающія ему безусловное право на названіе «геніальнаго путешественника» *), но также и тѣ условія, при которыхъ ему приходилось путешествовать и, наконецъ, важность научнаго изученія той области, которую избралъ Николай Михайловичъ ареною своихъ изслѣдованій, для науки вообще и для Россіи въ частности.

Четыре экспедиціи Пржевальскаго, доставившія ему всемірную извѣстность, по необыкновенной важности научныхъ матеріаловъ, добытыхъ имъ, были совершены въ самой недоступной части азіатскаго континента, въ области Средней Азіи.

Бросимъ бѣглый взглядъ на исторію изученія этой области земнаго шара.

Подъ именемъ Центральной или Внутренней (Средней) Азіи обыкновенно понимается въ географіи обширная площадь внутри азіатскаго континента, высоко поднятая надъ уровнемъ моря и представляющая величайшее въ свѣтѣ плоскогорье (Восточно-азиатское, Центрально-азиатское) отъ Сибирскихъ горъ на сѣверѣ до Гималайскихъ на югѣ и отъ Памира до Китайской низменности.

Уже при первомъ взглядѣ на карту можно составить себѣ понятіе о крайне суровыхъ условіяхъ жизни въ этой странѣ. Расположенная почти по срединѣ величайшаго изъ континентовъ—Восточнаго, Центральная Азія представляетъ примѣръ почти полной изолированности отъ морей, окружающихъ континентъ, такъ какъ съ сѣвера и сѣверо-запада расположены необъятныя пространства суши, а съ востока юга и юго-запада, хотя пространства суши, отдѣляющія Центральную Азію отъ окружающихъ океановъ, и не такъ велики, во за то здѣсь поднимаются величайшія въ свѣтѣ возвышенности: Гималайскія горы, Памиръ, а съ другихъ сторонъ Тянь-Шань, Алтай, Саянскія горы, Даурскія, Становой хребетъ, Хивгань и пр., которые представляютъ непроходимую преграду для воздушныхъ теченій со стороны океановъ.

Изолированная такимъ образомъ почти со всѣхъ сторонъ отъ вліянія влажныхъ морскихъ вѣтровъ и приподнятая во многихъ своихъ частяхъ на заоблачную высоту, Центральная Азія представляетъ замѣчательный примѣръ крайней континентальности климата, со всѣми характерными для такихъ областей крайностями температуръ и необыкновенною сухостью атмосферы...

Въ послѣдующемъ изложеніи экспедицій Пржевальскаго читатель найдетъ подробное описаніе климата Центральной Азіи, такъ какъ именно ему наука обязана первыми, наиболѣе обстоятельными изслѣдованіями всей этой области.

До середины текущаго столѣтія вся огромная площадь Центральной Азіи оставалась совершенно неизслѣдованною. Имѣлись лишь неточныя и неполныя

*) Такъ называлъ Пржевальскаго, въ своемъ отзывѣ о его трудахъ, извѣстный нѣмецкій геологъ и географъ, председатель Берлинскаго Географическаго Общества, баронъ Рихтгофенъ, являющійся отчасти и собратомъ Николая Михайловича по профессіи путешественника, такъ какъ онъ путешествовалъ также по Китаю.

свѣдѣнія, почерпнутыя изъ китайскихъ источниковъ, изъ описанія знаменитаго путешественника XIII столѣтія—Марко-Поло, а также изъ сообщеній немногихъ миссіонеровъ, которымъ удавалось иногда проникнуть въ эти страны. Даже объ орографическомъ строеніи Центральной Азіи было болѣе или менѣе гадательное представленіе, о природѣ же этой страны, т. е. о геологическомъ строеніи ея почвы, о климатѣ, флорѣ и фаунѣ, наконецъ, о населеніи—не знали почти ничего достовѣрнаго и положительнаго.

XIX столѣтіе характеризуется, какъ эпоха могучаго развитія человѣческихъ знаній во всѣхъ областяхъ науки; то же самое можно сказать и относительно географіи.

Въ самомъ началѣ текущаго столѣтія окончательно установлено было все—болѣе широкое и болѣе научное пониманіе географіи; ранѣе накопленный и въ значительной степени безпорядочный и разбросанный матеріалъ, заключающій въ себѣ разнообразныя свѣдѣнія о землѣ и ея обитателяхъ—трудами Карла Риттера (1779—1859 гг.), Александра фонъ Гумбольдта (1769—1859 гг.), Оскара Пешеля (1826—1875 гг.) и другихъ «отцовъ» современной научной географіи былъ систематизированъ и подвергнулся основательной разработкѣ. Географія съ этого времени перестала быть сухимъ сборникомъ названій и всякаго рода статистическихъ цифръ, а съ другой стороны собраніемъ болѣе или менѣе интересныхъ описаній различныхъ путешествій, вѣрнѣе: приключеній отважныхъ путешественниковъ въ различныхъ невѣдомыхъ странахъ. Географія сдѣлалась настоящей наукой, выяснены были ея принципы, границы ея области, методы и задачи, и съ этого времени измѣняется и самый характеръ и способы собранія новыхъ географическихъ матеріаловъ.

Путешествія по неизвѣстнымъ странамъ все болѣе приобрѣтаютъ характеръ «научныхъ изслѣдованій», которыя производятся не случайными путешественниками-авантюристами, а лицами съ широкой научной подготовкой, по заранѣе обдуманному плану, для выясненія тѣхъ или другихъ намѣченныхъ цѣлей.

XIX вѣкъ теперь заканчивается, и если подвести итоги тому, что сдѣлано за эту эпоху въ области географіи или «землеведѣнія» и «народовѣдѣнія», каковыя опредѣленія установлены вышеупомянутыми «отцами» этой науки («Erdkunde» К. Риттера и «Völkerkunde» О. Пешеля), то несомнѣнно, что итоги эти весьма велики. За исключеніемъ небольшой сравнительно области вокругъ точки сѣвернаго полюса и нѣсколько болѣе пространныхъ областей антарктическихъ, можно сказать, что вся остальная поверхность земнаго шара въ настоящее время намъ болѣе или менѣе извѣстна, по крайней мѣрѣ нигдѣ уже, за вышеуказанными исключеніями, нельзя ожидать теперь какихъ-либо крупныхъ географическихъ открытій, какія въ теченіе текущаго столѣтія были весьма не рѣдки. Можно съ увѣренностью сказать, что по крайней мѣрѣ предварительное знакомство съ землей теперь уже закончено и наступило время болѣе подробнаго, научнаго изученія ея.

Всѣ культурные народы потрудились въ различной мѣрѣ на этомъ поприщѣ въ дѣлѣ изученія земли, при чемъ сферы дѣятельности каждой націи подсказывались географическимъ положеніемъ собственной ея территоріи, экономическими, историческими и политическими условіями развитія каждой изъ нихъ.

Что касается Россіи, то по всѣмъ этимъ условіямъ на долю ея выпало изученіе Азіи, гдѣ еще въ XV и XVI столѣтіяхъ русскія владѣнія занимали огромную площадь, и съ того времени граница неуклонно подвигается къ югу и къ юго-востоку.

Но разъ мы коснулись вопроса о роли русскихъ изслѣдователей въ дѣлѣ научнаго изученія огромнаго азіатскаго континента, нельзя не остановиться нѣсколько болѣе подробно на дѣятельности Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, этого центрального учрежденія, объединяющаго ученныя силы Россіи, посвященныя научнымъ географическимъ изслѣдованіямъ своего отечества и «странъ сопредѣльныхъ», общества, которое, по выраженію знаменитаго ученаго географа, Э. Реклю, представляетъ изъ себя: «вѣчто въ родѣ министерства по части географическихъ изслѣдованій и открытій».

На долю Географическаго Общества выпала весьма почтенная роль въ изученіи огромныхъ пространствъ азіатскаго континента, преимущественно русскихъ владѣній и сосѣднихъ областей Центральной Азіи. Все это изученіе произведено было или непосредственно членами Общества или же посторонними лицами, но при болѣе или менѣе дѣятельномъ участіи и руководствѣ этого центрального учрежденія.

Такимъ образомъ исторія географическаго общества заключаетъ въ то же время и почти полную исторію изслѣдованія Азіатской Россіи и Центральной Азіи, и потому мы вкратцѣ рассмотримъ исторію дѣятельности этого общества въ этомъ направленіи, причемъ постараемся выяснитъ, въ какомъ положеніи находилось изученіе областей Центральной Азіи въ собственномъ смыслѣ и ближайшихъ сосѣднихъ районовъ, до экспедицій Пржевальскаго, которыя составили новую эпоху въ научномъ изслѣдованіи азіатскаго континента. Данныя для этого находятся въ обширномъ трудѣ П. П. Семенова, изданномъ въ 1896 г. ко дню празднованія предстоящаго юбилея И. Р. Географическаго Общества: «Исторія полувѣковой дѣятельности И. Р. Г. О.».

Включая въ своемъ составѣ часто лучшія научныя силы и многихъ представителей высшей администраціи, обладая громадными средствами и пользуясь широкимъ покровительствомъ правительства и даже Верховной Власти, общество это принесло большую пользу географической наукѣ.

Русское географическое общество основано въ концѣ 1845 г., хотя мысль объ его учрежденіи первоначально возникла еще равнѣе въ средѣ воспитателей Великаго Князя Константина Николаевича. Инициатива учрежденія общества принадлежала главнымъ образомъ двумъ лицамъ: вице-адмиралу О. П. Лнтке и К. И. Арсеньеву.

Первый кружокъ «учредителей» сформировался изъ 17 членовъ, въ составѣ

которых вошли представители слѣдующихъ трехъ главныхъ группъ: 1) группа моряковъ, въ числѣ которыхъ были знаменитости того времени: И. О. Крузенштернъ, Ф. П. Врангель, О. П. Литке и др.; 2) кружокъ академиковъ въ лицѣ нѣсколькихъ тогдашнихъ европейски извѣстныхъ свѣтилъ науки, каковы: естествоиспытатель Бэръ, астрономъ Струве, статистикъ Келпепъ, геологъ Гельмерсенъ, а немного спустя сюда же примкнулъ и знаменитый ученый и извѣстный

Графъ Ф. П. Литке, учредитель Географическаго Общества.

путешественникъ по Сибири — Миддендорфъ; 3) третью группу составили нѣкоторые изъ видныхъ представителей высшихъ военныхъ сферъ, офицеры генеральнаго штаба, какъ, напр., Бергъ, прославившійся своими изслѣдованіями въ Арало-Каспійской впадинѣ и открывшій плоскую возвышенность Усть-Уртъ, Вронченко — извѣстный геодезистъ и ученый изслѣдователь Малой Азіи, Муравьевъ и др.

Къ формирующемуся обществу примкнули съ самаго начала также нѣкоторые извѣстные въ то время публицисты и литераторы, какъ, напр., В. И. Даль — заслужившій себѣ громадную извѣстность своими изслѣдованіями русскихъ нарѣчій, народного быта и преданій, литераторъ В. О. Одоевскій, путешественникъ Чихачевъ и, наконецъ,

нѣкоторые представители высшей администраціи, какъ, напр., А. И. Левшинъ, директоръ департамента сельскаго хозяйства, извѣстный своими изслѣдованіями въ Киргизской степи.

Программа дѣятельности, намѣченная себѣ новообразованнымъ обществомъ, въ связи съ широкимъ пониманіемъ науки географіи, была весьма обширна.

Общество въ первомъ же засѣданіи сформировало изъ среды своихъ членовъ четыре секціи, т. е. специальныхъ отдѣленій, преслѣдующія свои особыя цѣли: 1) секція общей географіи, 2) географіи Россіи, 3) этнографіи и 4) статистики. Впослѣдствіи программа эта подверглась нѣкоторымъ измѣненіямъ и переработкѣ, но основная задача общества — возможно полнѣе охватить науку о землѣ и ея обитателяхъ — осталась неприкосновенною.

Графъ Ф. П. Литке, учредитель Географическаго Общества.

Въ настоящее время въ географическомъ обществѣ существуетъ также четыре отдѣльныя секціи: 1-я секція занимается математической географіей и картографіей, 2-я — физической географіей въ весьма широкомъ смыслѣ, куда входятъ области геологии, климатологии, изученіе растительнаго и животнаго міра различныхъ областей, а обѣ первыя секціи вмѣстѣ исчерпываютъ область научнаго познанія *земли*, 3-я — посвящена этнографіи, антропологии и исторической географіи, 4-я — статистикѣ и политической географіи; двѣ послѣднія секціи вмѣстѣ обнимаютъ во всей полнотѣ кругъ наукъ, имѣющихъ своимъ предметомъ *обитателя земли—человѣка*.

Такимъ образомъ, молодое географическое общество понимало географію въ весьма широкомъ объемѣ и соотвѣтственно съ этимъ ставило себѣ чрезвычайно обширныя задачи.

Съ другой стороны, перечисленныя выше лица, которыя вошли въ его составъ, представляли весьма надежныя научныя силы и давали полное основаніе ожидать, что намѣченная программа не остается безъ исполненія.

Новообразованное общество очень скоро привлекло къ себѣ сочувствіе во всѣхъ научныхъ сферахъ, и число членовъ начало необыкновенно быстро увеличиваться: въ первое же засѣданіе избрано было болѣе 50 новыхъ членовъ, число которыхъ въ 1896 г. возросло до 1000.

Съ самаго своего возникновенія и до настоящаго времени, изъ странъ вѣвропейскихъ, общество это постоянно обращало свою дѣятельность на Азію и главнымъ образомъ на области, прилежащія къ русской границѣ, которая протянулась на много тысячъ верстъ почти по срединѣ азіатскаго континента. Колониальная политика Россіи въ Азіи шла рука объ руку съ научнымъ изученіемъ областей и, по большей части, территориальному приобрѣтенію, передвиженію границы, предшествовало болѣе или менѣе подробное изслѣдованіе русскими присоединяемой области.

Вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно измѣнялись и политическія условія въ средне-азіатскихъ странахъ, что оказывало громадное вліяніе на успѣхи географическихъ изслѣдованій; области, въ которыя при однихъ условіяхъ доступъ путешественникамъ былъ крайне затруднителенъ и даже совсѣмъ невозможнымъ, черезъ нѣсколько времени, при измѣненіи политическаго положенія, дѣлались легко доступными даже для подробнаго научнаго изученія.

Въ послѣдующемъ изложеніи читатель найдетъ главные моменты этихъ измѣненій, которыя совершались въ Средней Азіи на протяженіи нѣсколькихъ десятилѣтій.

Уже на третій годъ существованія молодого общества, дѣйствительный членъ, путешественникъ Чихачевъ сдѣлалъ предложеніе обществу организовать ученую экспедицію въ бассейны рѣкъ Сыръ-Дарья и Аму-Дарья и изъявилъ готовность принять на себя изслѣдованія въ этомъ районѣ. Предложеніе это было

В. Ф. Одоевскій.

А. И. Левшинъ.

К. И. Арсеньевъ.

В. И. Даль.

П. А. Чихачевъ.

М. П. Вронченко.

Ф. Ф. Бергъ.

Члены-учредители Географическаго Общества.

В. А. Струве.
 Баронъ Ф. П. Врангель.
 П. И. Кешень.

И. Ѡ. Крузенштернъ.
 К. М. Бэръ. Г. П. Гельмерсенъ.
 П. И. Рикордь.

Члены - учредители Географическаго Общества.

принято совѣтомъ общества очень сочувственно, и уже сдѣланы были нѣкоторыя приготовления къ предстоящей экспедиціи, но неожиданно встрѣтилось препятствіе къ осуществленію этого плана со стороны Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, которое нашло неудобнымъ въ дипломатическомъ отношеніи допустить эту экспедицію, такъ какъ районъ предполагаемыхъ изслѣдованій находился внѣ предѣловъ русскихъ владѣній. Такимъ образомъ, по независящимъ отъ самого общества обстоятельствамъ, не суждено было осуществиться въ то время предпріятію, которое должно было бы имѣть весьма важные результаты въ научномъ отношеніи, такъ какъ до того времени область Верхняго Туркестана была еще совершенно неизслѣдованной.

«Между тѣмъ, говорить П. П. Семеновъ, можно сказать, наперекоръ боязливой политикѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, сила обстоятельствъ неудержимо влекла Россію въ глубь Азіи» *). Киргизскія орды, одна за другою, безъ всякихъ постороннихъ побужденій, а единственно въ силу сознанный ими самими выгоды и необходимости, переходили въ русское подданство и требовали у русскихъ защиты отъ набѣговъ и захватовъ со стороны своихъ южныхъ сосѣдей.

Съ другой стороны, необходимость обезопасить отъ постоянныхъ набѣговъ и грабежей хищныхъ степныхъ кочевниковъ южную границу степныхъ владѣній Россіи и желаніе упорядочить быстро развившіяся торговля сношенія русскихъ коммерсантовъ съ туркестанскими государствами, въ то время еще независимыми— все это побудило русское правительство выдвигать свои опорные пункты все дальше и дальше въглубь континента.

Такимъ образомъ осторожная политика по отношенію къ Туркестану оказывалась излишней и даже неумѣстной: граница русскихъ владѣній фактически, самымъ ходомъ историческихъ событій, неуклонно передвигалась на югъ.

Упомянемъ главнѣйшіе моменты этого движенія. Въ 1846 г. у восточнаго берега Каспійскаго моря, на Мангышлакскомъ полуостровѣ основано было Новопетровское укрѣпленіе, и въ томъ же году въ открытой киргизской степи— заложено было «Уральское укрѣпленіе»— нынѣшній городъ Иргизъ, а затѣмъ и «Оренбургское укрѣпленіе» — впоследствии переименованное въ г. Тургай. Въ слѣдующемъ году на низовьяхъ Сыръ-Дарьи, близъ Аральскаго моря, построено было Раймское укрѣпленіе, а въ 1848 г.—Копальское, въ бассейнѣ озера Балкаша, у подножія хребта Семирѣченскаго Алатау.

Выборъ всѣхъ этихъ пунктовъ, для постройки въ нихъ опорныхъ укрѣпленій, былъ далеко не случайный: основанію ихъ всегда предшествовали мѣстныя изслѣдованія русскихъ въ этой области. Такъ, напр., основанію Новопетровскаго укрѣпленія предшествовала научная экспедиція въ эту область Г. С. Карелина, И. Ф. Вларамберга и Заблоцкаго-Десятовскаго, которые въ періодъ съ 1832 по 1837 гг. обследовали все восточное побережье Каспійскаго моря. Постройкѣ Раймскаго

*) „Исторія полувѣковой дѣятельности П. Р. Г. О.“, стр. 27.

укрѣпленія предшествовали поѣздки въ Хиву гг. Н. В. Ханькова и ботаника А. Лемана въ 1840 г., а въ 1842 г. — полковника Данилевскаго и естествоиспытателя Базинера. Балхашскій бассейнъ въ 1840 — 1842 гг. изслѣдованъ былъ гг. Карелинымъ вмѣстѣ съ ботаникомъ Кирилловымъ и А. П. Штейномъ, и какъ послѣдствіе этого 6 лѣтъ спустя здѣсь появилось Копальское укрѣпленіе.

Разъ утвердившись въ дикой степи, среди кочевниковъ, Россія уже съ меньшими затрудненіями могла двигаться и дальше. Всѣ вышеуказанныя укрѣпленія послужили опорными и исходными пунктами для дальнѣйшихъ розысканій русскихъ изслѣдователей, и изученіе средне-азиатскихъ областей пошло еще успѣшнѣе. Не вдаваясь въ подробности, упомянемъ лишь про главнѣйшія изслѣдованія: гг. Иванова въ районѣ Мангышлакскаго полуострова (1846 г.), Макшеева, Бургарда, Лемма, Бутакова, Поспѣлова въ низовьяхъ Сыръ-Дарьи и Аральскаго моря (1847—1850 гг.) и др.

Основаніе географическаго общества, какъ центральнаго учрежденія, завѣдующаго научными географическими изслѣдованіями и притомъ пользующагося покровительствомъ правительства, имѣло большое значеніе для развитія науки въ Россіи уже по одному тому, что съ этого времени измѣнился взглядъ на пользование результатами, добытыми тѣмъ или другимъ изслѣдователемъ. Что касается Средней Азіи, то и раньше, еще до основанія географическаго общества, были нѣкоторыя мѣстныя изслѣдованія, произведенныя преимущественно офицерами пограничныхъ русскихъ войскъ. Многія изъ такихъ изслѣдованій, безъ сомнѣнія, представляли собою большую цѣнность уже по одному тому, что въ то время свѣдѣнія относительно всѣхъ этихъ областей были чрезвычайно скудны. Однако же по понятіямъ того времени всякое открытіе и наблюденіе считалось секретнымъ, тщательно скрывалось учрежденіемъ, куда оно попадало, а отнюдь не публиковалось и не дѣлалось общимъ достояніемъ науки. Поэтому нерѣдко случалось, что записки, заключающія въ себѣ результаты наблюденій, затеривались въ архивахъ, про нихъ забывали, и, слѣдовательно, самыя изслѣдованія бесполезно утрачивались.

Молодому географическому обществу на первыхъ порахъ пришлось вести борьбу съ такими отжившими свой вѣкъ воззрѣніями, что было, впрочемъ, не особенно трудно, благодаря тому, что въ числѣ членовъ насчитывалось не мало лицъ, принадлежавшихъ къ высшимъ административнымъ сферамъ, а еще болѣе потому, что само правительство оказывало поддержку и покровительство обществу и прислушивалось къ его мнѣнію въ вопросахъ, касающихся его научной спеціальности.

Такимъ образомъ обществу удалось извлечь изъ архивной пыли въ различныхъ правительственныхъ и административныхъ учрежденіяхъ много цѣнныхъ документовъ и частныхъ изслѣдованій (напр., Карелина, Бларамберга, Заблоцкаго-Десятовскаго, Шренка и др.). Между прочимъ найдена была и опубликована интересная замѣтка Бюде о туркменскихъ племенахъ ям удахъ и гокланахъ, весьма важная записка, составленная при Сибирскомъ штабѣ и заключающая въ

себѣ обзоръ современнаго состоянія Кокавскаго ханства (1849 г.), изслѣдованіе П. С. Савельева «Средняя Азія», и іеромонаха о. Палладія «о торговыхъ путяхъ по Китаю».

Считая изслѣдованіе Азіи, и при томъ именно средней ея части, сопредѣльной съ русскими владѣніями, одною изъ главнѣйшихъ своихъ задачъ, Географическое Общество такимъ образомъ начало съ того, что постаралось подвести итоги всѣмъ предыдущимъ изслѣдованіямъ и приступило къ опубликованію ихъ.

Съ этою же цѣлью Общество вскорѣ приступило къ изданію карты Азіи по новѣйшимъ источникамъ, соответствующимъ тогдашнему состоянію науки, а также и къ изданію на русскомъ языкѣ самаго капитальнаго въ то время сочиненія касательно азіатскаго континента «Азіи» знаменитаго нѣмецкаго ученаго Карла Риттера. При этомъ имѣлось въ виду не просто перевести сказанное сочиненіе, но по возможности дополнить его по новѣйшимъ источникамъ.

Несмотря на то, что въ выполненіи этихъ двухъ задачъ Общество встрѣтило серьезную поддержку со стороны одного частнаго лица, П. В. Голубкова, который пожертвовалъ для этой дѣли значительную денежную сумму (22,000 р.) оба предпріятія исполнены были только отчасти. Составленіе карты, заказанной сначала самому извѣстному въ то время картографу, Киперту, а затѣмъ порученное русскимъ специалистамъ Ханыкову и Болотову, вслѣдствіе неблагоприятнаго стеченія различныхъ обстоятельствъ*) сильно затянулось и была издана только небольшая часть ея (бассейнъ Аральскаго моря и Хивинское ханство), а затѣмъ матеріалы уже устарѣли и дальнѣйшее изданіе ея было оставлено.

Что же касается риттеровой «Азіи», то издава была только часть этого сочиненія, именно области, имѣющія ближайшее отношеніе къ Россіи (Сибирь, Китай, Туранъ, Афганистанъ, Персія), да и то изданіе этихъ томовъ окончено было очень не скоро.

Вниманіе Географическаго Общества болѣе всего привлекали области Центральной Азіи.

Въ то время всеобщее вниманіе обращалъ на себя загадочный хребтъ Тянь-Шань и по поводу этихъ горъ въ наукѣ велась оживленная полемика. Дѣло въ томъ, что знаменитый Гумбольдтъ, на основаніи китайскихъ источниковъ, предполагалъ (въ своемъ классическомъ сочиненіи, вышедшемъ въ 1841 г.) въ Тянь-Шаньскомъ хребтѣ дѣйствующіе вулканы, тогда какъ другіе знаменитые геологи не допускали возможности проявленія вулканической дѣятельности въ Центральной Азіи и ими уже тогда предложена была, въ настоящее время общепринятая, теорія вулканическихъ явленій, по которой для проявленія вулканическихъ силъ необо-

*) Кипертъ сотрудничалъ въ Веймарскомъ картографическомъ институтѣ и по условію исполнилъ нѣсколько пробныхъ листовъ заказанной карты. Однако же, Географическое Общество нашло его работу неудовлетворительной и Кипертъ отказался отъ продолженія работы. А Я. В. Ханыковъ и А. П. Болотовъ одинъ за другимъ умерли, не успѣвъ окончить предпріятого труда.

дима непосредственная близость какого-либо значительнаго воднаго бассейна къ области нарушеній земной коры, а такъ какъ Центральная Азія занимаетъ средину огромнаго материка и сильно удалена отъ морей, то и невозможно было допустить существованіе дѣйствующихъ вулкановъ во всей этой области. Поэтому Тянь-Шаньскій хребетъ, гдѣ, по китайскимъ источникамъ, наблюдались будто бы еще не такъ давно вулканическія изверженія, являлся весьма загадочнымъ и изслѣдованіе его было очень желательнымъ.

Престарѣлый Гумбольдтъ, по словамъ П. П. Семенова, говорилъ, что «онъ умретъ спокойно только тогда, когда увидитъ передъ собою обломки отъ скалы Тянь-Шаня»^{*)}.

Интересъ къ Центральной Азіи и въ частности къ Тянь-Шаню былъ столь великъ во всемъ ученomъ мѣрѣ, что одновременно снаряжалось нѣсколько экспедицій для изслѣдованія этой области.

Такъ, Адольфъ Шлагинтвейтъ, подъ начальствомъ котораго въ Германіи въ то время готовилась ученая экспедиція для изслѣдованія Индіи и Гималайскаго хребта, задумалъ смѣлый планъ проникнуть изъ Индіи черезъ Кара-кorumскій перевалъ во внутрь Азіи до Тянь-Шаня съ южной его стороны. Въ то-же время въ Россіи Академія Наукъ командировала Сѣверцова для производства естественно-историческихъ изслѣдованій въ области Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи, и этотъ изслѣдователь точно также поставилъ своею задачею проникнуть до загадочнаго Тянь-Шаньскаго хребта съ западной его конечности. Наконецъ туда же стремился и прославившійся внослѣдствіи своими путешествіями и геологическими открытіями, геологъ и географъ Фердинандъ Рихтгофенъ.

Первымъ изъ русскихъ изслѣдователей, проникнувшихъ въ Тянь-Шань, былъ П. П. Семеновъ, нынѣшній вице-предсѣдатель П. Р. Географическаго Общества. После основательной научной подготовки къ путешествію, для чего онъ ѣздилъ на 1½ года заграницу, въ 1856 г. онъ отправился въ свою экспедицію.

Раннею весною онъ прибылъ въ г. Омскъ, совершилъ экскурсію въ западномъ склонѣ Алтая, а затѣмъ черезъ Семипалатинскъ, Копаль и возникавшій въ то время г. Вѣрный достигнулъ берега оз. Иссык-Куля.

Съ высокаго мыса, впащагося въ это озеро, передъ П. П. Семеновымъ впервые предсталъ весь Тянь-Шаньскій хребетъ во всемъ своемъ величіи, увѣнчанный множествомъ снѣжныхъ вершинъ. Это было въ августѣ 1856 г. Семеновъ оказался первымъ европейскимъ ученымъ изслѣдователемъ, увидѣвшимъ всю необозримую цѣпь Тянь-Шаньскаго хребта.

Ровно годъ послѣ этого, въ августѣ 1857 г. Адольфъ Шлагинтвейтъ, о которомъ мы уже упоминали, осуществилъ свое намѣреніе и проникнулъ изъ Индіи въ Туркестанъ. Изъ Кашгара онъ увидѣлъ издали южный склонъ Тянь-Шаньскаго хребта, но здѣсь же смѣлый и доблестный путешественникъ нашелъ

^{*)} „Исторія полувѣковой дѣятельности П. Р. Г. О.", т. I, стр. 92.

себѣ преждевременную трагическую смерть, такъ какъ казненъ былъ временнымъ правителемъ Кашгарскаго царства, хаджею Валиханомъ *).

Мы упоминали также про приготовленія русскаго изслѣдователя Н. А. Сѣверцова проникнуть въ Тянь-Шань съ западной стороны. Въ 1858 г. въ апрѣлѣ онъ дѣйствительно достигъ оконечности этого хребта съ запада, именно горь Кара-Тау, но случилось это при самыхъ тяжелыхъ и трагическихъ обстоятельствахъ: разбитый, несмотря на мужественную защиту и взятый въ плѣнъ хищными коканцами, онъ былъ проташенъ на арканѣ къ подножію Кара-Тау, откуда открывался видъ на «Небесный Хребетъ» (Тянь-Шань).

Политическое положеніе этой части Средней Азіи было въ то время очень тревожное. Туркестанскія независимыя государства постоянно враждовали между собою, что въ особенности отражалось на полузависимыхъ отъ нихъ ордахъ дикихъ кочевниковъ, киргизовъ, которые безпрестанно производили опустошительныя набѣги другъ на друга и въ то же время враждебно относились какъ къ китайцамъ, такъ и къ русскимъ. Въ виду этого путешествіе въ при тянь-шаньскихъ странахъ въ то время было далеко не безопасно.

П. П. Семенову, однако же, посчастливилось болѣе, чѣмъ двумъ вышеуказаннымъ изслѣдователямъ. Возвратившись въ г. Вѣрный послѣ посѣщенія озера Иссыкъ-Куля, онъ присоединился къ военной экспедиціи, снаряженной русскимъ полковникомъ Хоментовскимъ въ страну Кара-киргизовъ, обитавшихъ въ области рѣки Чу **), для наказанія ихъ за постоянныя грабежи русскихъ подданныхъ—киргизовъ Большой орды и русскихъ торговыхъ каравановъ.

Отрядъ благополучно совершилъ переходъ черезъ Заилійскій Алатау, спустился въ долину р. Чу и ночными переходами, минуя попадавшіяся на пути коканскія укрѣпленія, достигъ западной окрестности оз. Иссыкъ-Куля.

Здѣсь П. П. Семенову удалось произвести нѣкоторыя изслѣдованія въ со-

*) Черезъ 32 года послѣ этого, 3 іюня 1881 г. П. Р. Г. Обществомъ поставленъ съ разрѣшенія китайскаго правительства въ Кашгарѣ, на мѣстѣ казни Шлагинтвейта, скромный памятникъ.

Обстоятельства, сопровождавшія эту казнь, хорошо рисуютъ общественную жизнь среднеазиатскихъ странъ; первыя подробныя свѣдѣнія о трагической гибели знаменитаго путешественника собраны были русскимъ офицеромъ, Чекканомъ Валихановымъ, который проникнулъ въ Кашгаръ, переодѣвшись подъ видомъ киргиза.

Шлагинтвейтъ попалъ въ Кашгаръ къ несчастью въ то время, когда здѣсь во главѣ, возставшаго противъ китайскаго владычества, народа сталъ кровавадный тиранъ Ходжа Валиханъ-Тюрѣ. Кашгарцы, увидѣвъ въ своемъ городѣ фряга (т. е. чужеземца) обрадовались, думая, что онъ поможетъ имъ избавиться отъ осаждающихъ городъ китайскихъ войскъ и повели его къ Валихану. Послѣдній какъ разъ въ это время находился въ припадкѣ умоиступленія подъ вліяніемъ гашиша, хотя онъ и въ обыкновенномъ состояніи не отличался кротостью. Когда у Шлагинтвейта потребовали его бумаги и онъ отвѣтилъ, что можетъ вручить ихъ только Коканскому хану, на имя котораго онъ адресованы изъ Бомбея, то Ходжа пришелъ вдругъ въ необычайную ярость и велѣлъ немедленно же казнить дерзкаго иноземца, что и было исполнено въ самое короткое время его покорными слугами. Отрубленная голова несчастнаго Шлагинтвейта была помѣщена на вершинѣ большой пирамиды, сооруженной Валиханомъ изъ головъ казненныхъ имъ людей.

**) На этой самой рѣкѣ Н. М. Пржевальскій впоследствии заразился тифомъ и намель безвременную кончину (см. дальше).

сѣдной горной области Тянь-Шаня, откуда онъ вернулся въ Копаль и посѣтилъ г. Кульджу. Отсюда Семеновъ снова отправился въ область Алтая, гдѣ производилъ дополнительные изслѣдованія и зиму провелъ въ Барнауль. Ранней весной онъ отправился въ Вѣрный.

Въ то время бассейнъ оз. Иссыкъ-Куля раздѣленъ былъ между двумя племенами Кара-киргизовъ (Дико-каменныхъ киргизовъ): Сара-Багшны занимали западную часть этого бассейна, Богинцы—восточную. Первые считались подданными Коканскаго ханства, вторые — Китайской имперіи. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ оба племени находились въ кровавой враждѣ. Знаменитый Урманъ манапъ, т. е. старшій султанъ племени Сара-Багшны, за два года до посѣщенія Семеновымъ оз. Иссыкъ-Куля, былъ убитъ въ кровавой стычкѣ съ Богинцами, а въ слѣдующемъ 1855 г. сынъ Урмана, хитрый Умбетъ-Ала, въ отмщеніе за поражение и смерть отца, произвелъ на Богинцевъ новый набѣгъ и до такой степени разгромилъ ихъ, что тѣ побросали свои исконныя кочевья на Иссыкъ-Куль и вынуждены были укрываться въ горныхъ долинахъ Тянь-Шаня въ верхнемъ теченіи р. Или.

Въ зиму 1856 — 1857 гг. Сара-Багшны заняли своими кочевьями уже весь бассейнъ озера, и Богинцы очутились въ такомъ стѣсненномъ положеніи, что обратились съ просьбою о помощи къ приставу Большой Орды, русскому полковнику Перемышльскому и заявили, что они готовы перейти въ русское подданство.

Перемышльскій находился въ большомъ затрудненіи, такъ какъ не имѣлъ никакихъ полномочій принять эту орду въ русское подданство, а вмѣстѣ съ тѣмъ не желалъ оставить безъ вниманія ихъ просьбу и совершенно прекратить переговоры по этому дѣлу. Какъ разъ въ это время въ Вѣрный явился Семеновъ и Перемышльскій, снабдивъ послѣдняго конвоемъ изъ 40 казаковъ, отправилъ къ самому отважному изъ султановъ Большой Орды, къ Тезеку, приглашая послѣдняго подать помощь Богинцамъ.

Такимъ образомъ для Семенова явилась полная возможность изслѣдовать всю территорию, принадлежавшую прежде Богинцамъ, т. е. значительную часть сѣвернаго склона Тянь-Шаня, но въ другіе области хребта проникнуть было невозможно, такъ какъ въ виду происходящихъ смутъ и недавно возгорѣвшагося мятежа въ Илійской провинціи и въ Алтышарѣ, китайцы все лѣто 1857 г. стягивали свои войска къ южной подошвѣ Тянь-Шаня.

Быстро прошелъ отрядъ по знакомому уже отчасти Семенову пути черезъ перевалы Зайлійскаго Алатау къ подножію Тянь-Шаня, гдѣ около перевала Сантышъ ихъ съ радостью встрѣтили Богинцы со своимъ манапомъ, Бурамбаемъ во главѣ. Среди ихъ тотчасъ-же разнесся слухъ, что прибылъ начальникъ отъ Бѣлаго Царя на ихъ защиту съ огромнымъ войскомъ. (Дѣйствительно, вслѣдъ за экспедиціей прибылъ султанъ Тезекъ и привелъ съ собою 800 всадниковъ). Молва объ этомъ вскорѣ разнеслась и дальше, и Сара-Багшны, не ожидая столкновенія, сами послѣдили очистить не только прежнюю территорию Богин-

цевъ, но даже весь южный берегъ Иссыкъ-Куля: они откочевали частью въ долину р. Чу къ западной оконечности озера, подъ защиту коканскихъ укрѣпленій Пишпека и Токмака, частью въ верховья Сыръ-Дарьи.

Подъ прикрытіемъ своего отряда и при помощи Богинцевъ и султана Тезека, Семеновъ вступилъ въ обширное плоскогорье—сыртъ, по которому разбросаны были полузамерзшія озера, служація истоками великой среднеазиатской рѣки Яксарта (Сыръ-Дарьи), называемой здѣсь, въ своемъ верховьѣ, Нарыномъ. Ему такимъ образомъ первому изъ европейцевъ выпала счастливая доля посѣтить верховья этой исторической, знаменитой еще въ глубокой древности, но до послѣдней четверти текушаго столѣтія, совершенно неизслѣдованной въ своихъ верховьяхъ рѣки.

Между тѣмъ дѣла принимали еще болѣе благоприятный для его экспедиціи оборотъ.

Умбетъ-Ала не только прекратилъ всѣ враждебныя дѣйствія по отношенію къ Богинцамъ, но сталъ заискивать расположенія передъ русскими *) и запретилъ подвластному ему султану Джантаю, замышлявшему напасть на тянь-шанскихъ сыртахъ на русскую экспедицію, всякія враждебныя дѣйствія противъ послѣднихъ.

Пользуясь этимъ, Семеновъ проникъ въ самый центръ тяньшаньскаго хребта и изслѣдовалъ величественную группу вершинъ Хас-Тенгри, высочайшихъ во всей Тянь-шаньской системѣ, около 24,000 ф.

Въ сопровожденіи 7 казаковъ Семеновъ совершилъ восхождение на исполинскія вершины и изслѣдовалъ ледники, изъ которыхъ одинъ въ настоящее время носить имя этого путешественника (ледникъ Семенова), — совершилъ еще нѣсколько экскурсій въ различныя стороны и собирался предпринять восхождение къ прославленному китайцами Муссартскому проходу, какъ вдругъ явился гонецъ съ извѣстіемъ, что султанъ Тезекъ, главная опора экспедиціи, захваченъ въ плѣнъ и подвергается сильной опасности.

Изъ разспросовъ оказалось, что Тезекъ попалъ въ руки одного изъ подвластныхъ ему султановъ Большой Орды; мятежный султанъ возмущенъ противъ Тезека изъ-за какой-то личной распри, коварно напасть на него и перебилъ его конвой, съ которымъ тотъ возвращался въ свои владѣнія, захватилъ его въ плѣнъ и держалъ въ оковахъ въ одномъ изъ укрѣпленій, въ дикой и пустынной долинѣ Занлійскаго Алатау.

Дѣло принимало весьма дурный оборотъ, такъ какъ Богинцы еще не настолько оправились отъ своихъ прежнихъ пораженій, чтобы быть въ состояніи противостоять Сара-Багшамъ безъ посторонней помощи, т. е. безъ русскаго отряда, а главное безъ вспомогательнаго отряда Тезека. Гибель этого послѣдняго

*) Семеновъ по просьбѣ Бурамбая написалъ Умбету-Ала письмо относительно выкупа плѣнныхъ женщинъ, родственницъ Бурамбая, захваченныхъ во время погрома. Умбетъ-Ала, въ отвѣтъ на это, изъ любезности къ своему бывшему тамыру (гостю, т. е. П. П. Семенову), возвратилъ плѣнницъ безъ выкупа.

такимъ образомъ могла повлечь за собою гибель экспедиціи и новый разгромъ Богинцевъ.

Въ виду этого Семеновъ, оставивъ свой караванъ, медленно двигавшійся въ обратный путь, поскакалъ къ стойбищамъ Бурамбая, быстро собравъ здѣсь отрядъ добровольцевъ и отправился на выручку Тезека.

Отрядъ выступилъ въ 5 часовъ вечера, а рано утромъ прибыли уже къ мѣсту заключенія узника, проскакавъ такимъ образомъ при помощи заводныхъ*) лошадей менѣе чѣмъ въ 12 часовъ около 120 в. При такой поспѣшности численность отряда сильно сократилась: при выѣздѣ изъ ауловъ Бурамбая насчитывалось около 800 всадниковъ, а когда сдѣлали перекличку передъ самымъ прибытіемъ на стойбище, гдѣ заключенъ былъ узникъ, то оказалось всего 90 человекъ—всѣ остальные постепенно отстали по дорогѣ, заморивъ своихъ лошадей.

Но такая поспѣшность являлась единственнымъ залогомъ успешнаго исхода всего предпріятія; при неожиданномъ появленіи отряда, враждебные киргизы захвачены были врасплохъ и не оказали серьезнаго сопротивленія такъ что Тезекъ былъ безъ труда освобожденъ.

Угрожавшая опасность такимъ образомъ была устранена, и спокойствіе среди киргизскихъ ордъ восстановлено.

Тѣмъ не менѣе обстоятельства уже измѣнились, удобный случай къ дальнѣйшему изслѣдованію въ Тянь-шаньской горной системѣ былъ упущенъ, и Семеновъ отправился въ обратный путь, въ г. Вѣрный.

Во время обратнаго слѣдованія черезъ Заилійскій Алатау, Семеновъ изслѣдовалъ весьма интересную группу Капу, замѣчательную тѣмъ, что подземные пожары каменнаго угля производятъ здѣсь явленія, сходныя съ вулканическими изверженіями.

Изслѣдованія эти въ значительной степени объясняли, какимъ образомъ произошли разсказы о вулканическихъ изверженіяхъ, которыми Гумбольдтъ былъ

*) При поспѣшной ѣздѣ киргизскій всадникъ держитъ въ поводу осѣдланную заводную лошадь, которая называется заводною.

всѣмъ нутеш. пржевальскій.

Вице-президентъ Имп. Русск. Геогр. Общ.
Сенаторъ П. П. Семеновъ.

Вице-президентъ Имп. Русск. Геогр. Общ.
Сенаторъ П. П. Семеновъ.

введенъ въ заблужденіе. Позднѣйшія изслѣдованія проф. Мушкетова окончательно доказали, что за вулканическія изверженія въ Центральной Азіи принимаемы были каменноугольные пожары. Тѣмъ не менѣе геологическими изслѣдованіями установлено, что дѣйствующіе вулканы существовали въ Средней Азіи еще въ недавнюю эпоху, такъ какъ найдены обнаженія эруптивныхъ породъ во многихъ мѣстностяхъ: около Тянь-Шаня, у Иркутска, Селенгинска, у с.-восточнаго угла Байкальскаго озера. Однако-же противорѣчія господствующей теоріи вулканизма въ этомъ нѣтъ: оказывается, что всѣ древніе вулканы находились близъ береговъ исчезнувшихъ въ настоящее время древнихъ внутреннихъ морей.

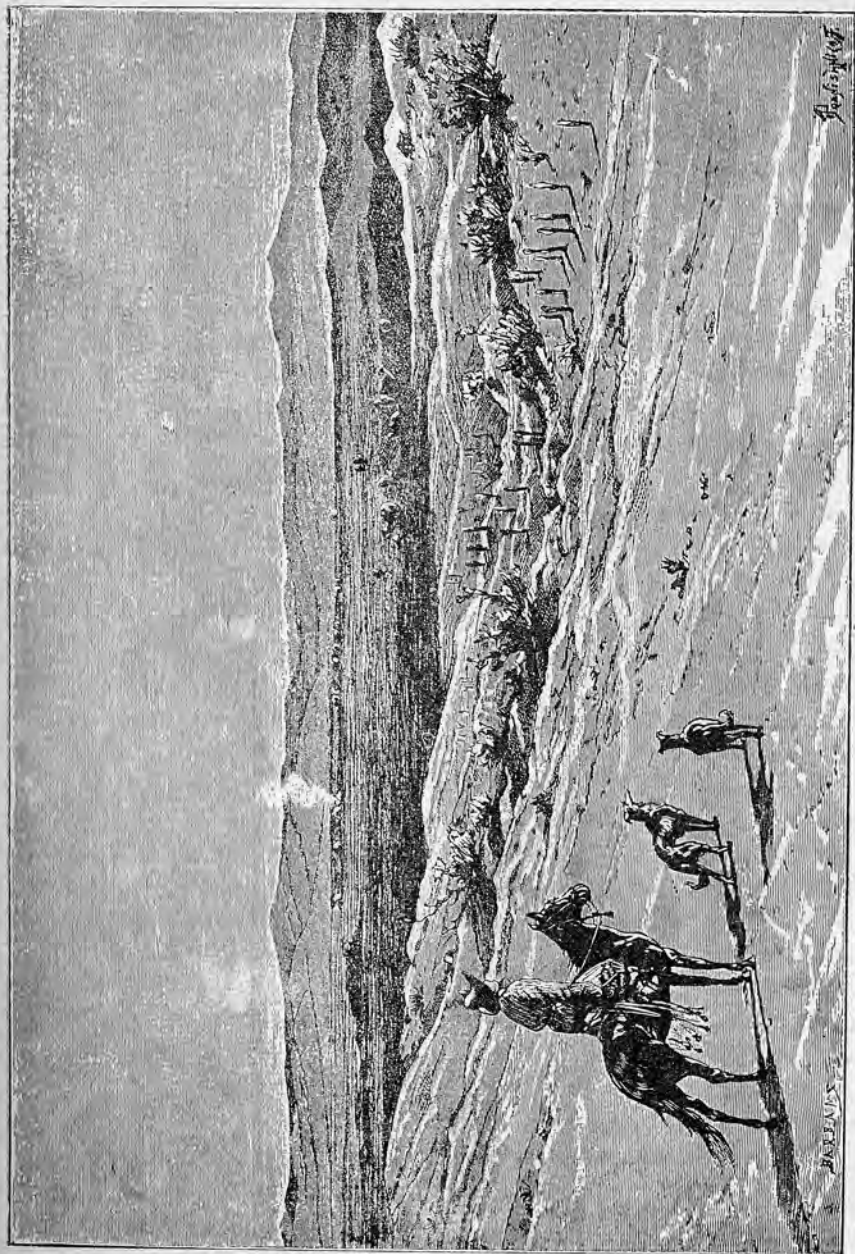
Изъ изслѣдователей, ближайшихъ по времени къ Семенову, упомянемъ про романтическую личность Валиханова.

Сынъ одного изъ киргизскихъ султановъ Большой Орды, Чекканъ Чингисовичъ Валихановъ былъ внукомъ хана Валія, правнукъ знаменитаго Албай-Хана и является потомкомъ самого Чингисъ-Хана. Получивъ образованіе въ Омскомъ кадетскомъ корпусѣ, онъ сдѣлался русскимъ офицеромъ и обращалъ на себя вниманіе своею замѣчательною талантливостію. Генераль-губернаторъ Гасфордъ послалъ Валиханова въ секретную командировку въ орду киргизовъ областей Кашгара, Алтышара и Китайскаго Туркестана, для производства среди нихъ научныхъ изслѣдованій.

Г. Валихановъ переодѣлся въ національный киргизскій костюмъ и подъ видомъ купца отправился съ однимъ караваномъ въ Кашгаръ. Здѣсь ему удалось собрать массу этнографическихъ и статистическихъ свѣдѣній, а также и драгоценные матеріалы касательно внутренняго состоянія Кашгара и его общественной жизни. Между прочимъ онъ впервые разузналъ обстоятельства трагической гибели путешественника Адольфа Шлагинтвейта (см. раньше) и о дальнѣйшей судьбѣ ходжи Валихана-Тюре. Вскорѣ послѣ казни Шлагинтвейта (1857 г.), террористическое правленіе тирана сдѣлалось невыносимымъ для народа, такъ что когда къ Муссартскому горному проходу приблизилось значительное китайское войско, то кашгарцы съ радостію встрѣтили вѣсть объ этомъ. Валиханъ-Тюре бѣжалъ въ Коканъ, китайцы вступили въ городъ и произвели въ немъ жестокое избиеніе...

Чекканъ Валихановъ пробылъ среди киргизовъ около полгода, а въ 1860 г. пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ занялся пополненіемъ своего научнаго образованія и разработкою богатыхъ матеріаловъ, собранныхъ имъ во время своей рискованной и оригинальной командировки. Однако-же вредный петербургскій климатъ неблагоприятно отразился на его здоровьѣ, и преждевременная смерть свела его въ могилу, прежде чѣмъ закончены были его весьма интересныя работы.

Между тѣмъ въ русской политикѣ въ Средней Азіи произошелъ переворотъ. Сдѣлалось очевиднымъ, что спокойное обладаніе огромными степными пространствами невозможно до тѣхъ поръ, пока граница будетъ проходить по открытой равнинѣ, гдѣ орды кочевниковъ находятся въ неопредѣленномъ положеніи: отчасти вошли въ русское подданство, отчасти оставались полунезависимыми, и что

Видъ степи Кизиль - Кумь.

громадная по своему протяженію Иртышско-Сибирско-Оренбургско-Уральская пограничная линія давно уже отжила свой вѣкъ. По самому ходу обстоятельствъ явилась необходимость въ перенесеніи этой линіи на естественную грань, каковою могли послужить хребты Александровскій, Каратау и сѣверо-западный склонъ Тянь-Шаня. Такимъ образомъ связывались главнѣйшіе передовые опорные пункты русскихъ владѣній—Вѣрный и фортъ Перовскій.

Въ 1861 г. взяты были Пишпекъ и Токмакъ—опорные пункты коканцевъ въ бассейнѣ Иссыкъ-Куля, и вслѣдствіе этого Сара-Багишы со своимъ султаномъ Умберъ-Алюю перешли въ русское подданство, занять былъ Семирѣченскій край, и въ 1862 г. министерство Иностранныхъ Дѣлъ снарядило разграничительную комиссію для установленія определенной пограничной линіи съ Китаемъ между Алтаемъ и Тянь-Шанемъ (Семирѣченскій и Заилійскій край).

Снаряженіе этой комиссіи явилось весьма удобнымъ случаемъ для географическаго общества, такъ какъ черезъ это сдѣлалось возможнымъ продолжать научныя изслѣдованія въ этой интересной части Средней Азіи, въ широкомъ районѣ по обѣ стороны отъ устанавливаемой пограничной линіи. Работы разграничительной комиссіи съ перерывами продолжались около 10 лѣтъ, и за это время русскія изслѣдованія въ областяхъ Средней Азіи, сдѣлали громадныя успѣхи.

Благодаря участію членовъ географическаго общества (К. В. Струве, полковникъ Бабковъ и др.), дѣятельность разграничительной комиссіи выходила далеко за предѣлы своей спеціальной задачи; кромѣ топографической съемки по мѣрѣ возможности дѣлались также наблюденія метеорологическія, изучались флора, фауна и этнографія мѣстностей, лежащихъ даже значительно далеко вглубь континента отъ пограничной линіи.

Между прочимъ подробно изслѣдовано было теченіе Чернаго Иртыша и бассейна оз. Зайсана. Сдѣлана была даже попытка установить пароходное сообщеніе между Верхнимъ и Нижнимъ (Чернымъ и Бѣлымъ) Иртышемъ при посредствѣ соединяющаго ихъ оз. Зайсана. Для этой цѣли посланъ былъ подполковникъ Зряковъ на особомъ пароходѣ, который, во время своего двухмѣсячнаго плаванія, весьма подробно осмотрѣлъ теченіе этихъ рѣкъ и самое озеро и произвелъ съемку береговъ.

На Черномъ Иртышѣ произведены были также и спеціальныя этнографическія изслѣдованія. Здѣсь впервые выступилъ, прославившійся впослѣдствіи своими путешествіями по Центральной Азіи, Г. Н. Потанинъ, одинъ изъ самыхъ выдающихся дѣателей географическаго общества.

Г. Н. Потанинъ происходилъ изъ Сибирскихъ казаковъ и воспитывался въ Омскомъ кадетскомъ корпусѣ. Сдѣлавшимъ офицеромъ, онъ занимался разработкою омскихъ архивовъ и изслѣдованіемъ различныхъ вопросовъ изъ сибирской исторіи. Черезъ нѣсколько времени, послѣ того какъ онъ познакомился съ П. П. Семеновымъ, Г. Н. Потанинъ вышелъ въ отставку и почти безъ гроша въ карманѣ, чуть не пѣшкомъ, отправился въ Петербургъ. Здѣсь онъ кое-какъ перебивался,

но сумѣлъ добиться главной своей цѣли—пополненія образованія и прослушалъ курсъ наукъ С.-Петербургскаго университета по физико-математическому факультету. Въ то-же время онъ очень усердно занимался этнографіей и филологіей, а время лѣтнихъ каникулъ посвящалъ научнымъ экскурсіямъ.

Въ 1863 г. географическое общество снарядило небольшую экспедицію К. В. Струве и Г. Н. Потанина въ область Чернаго Иртыша и оз. Зайсана, которая принесла богатые результаты, причѣмъ большую пользу русскимъ изслѣдователямъ оказали, приглашенный ими въ качествѣ спутника, знаменитый мнрза Тана Тлемисовъ, весьма уважаемый и извѣстный во всей киргизской степи. Изслѣдованія эти продолжены были и въ слѣдующемъ году, благодаря щедрому пожертвованію М. П. Сидорова (5,000 р.).

Однако-же проникновенію русскихъ изслѣдователей дальше въ глубь Азіи неожиданно встрѣтилось новое препятствіе. Осенью 1864 г. во всемъ Западномъ Китаѣ вспыхнуло Дунганское возстаніе, о которомъ дальше мы будемъ имѣть еще случай сказать болѣе подробно, и тогда разграничительная комиссія прекратила свои работы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дальнѣйшее продолженіе ученыхъ экспедицій сдѣлалось опаснымъ и весьма затруднительнымъ.

Между тѣмъ наступательное движеніе русскихъ въ Туркестанъ продолжалось. Въ 1864 г. изъ Вѣрнаго со своимъ корпусомъ двинулся знаменитый Черняевъ, а въ то же время изъ Янгъ-Кутана выступилъ съ оренбургскимъ отрядомъ Веревкинъ, вслѣдствіе чего взятъ былъ Ташкентъ, и Россія прочно укрѣпилась въ Туркестанѣ, завладѣвъ всѣмъ среднимъ теченіемъ Сыръ-Дарья.

Географическое общество не преминуло воспользоваться столь благоприятными обстоятельствами для пополненія научныхъ свѣдѣній о Туркестанѣ и Тянь-Шанѣ и поспѣшило присоединить къ экспедиціи Черняева Д. Чл. Н. А. Сѣверцова, который въ короткое сравнительно время успѣлъ въ значительной степени пополнить прежнія изслѣдованія въ западномъ Тянь-Шанѣ и въ особенности въ продолженіи его—хребтѣ Александровскомъ. Въ слѣдующемъ 1865 г. по инициативѣ Военнаго Министерства снаряжена была новая серьезная экспедиція К. В. Струве и Н. А. Сѣверцова, которые подробно изслѣдовали какъ съ топографической и географической стороны, такъ и относительно природы значительную область въ районѣ Западнаго Тянь-Шаня, бассейнъ рѣки Чу, Кара-Таусскія горы, Нарынскій край.

Въ 1866 г. политическія обстоятельства въ сѣверо-западной окраинѣ Центрально-азиатскаго нагорья сдѣлались еще болѣе благоприятными для дальнѣйшаго научнаго изученія этихъ областей. Взятіе Ходжента не только упрочило русское владычество на среднемъ теченіи Сыръ-Дарья, но совершенно обезсилило Коканское ханство, такъ какъ оно оказалось такимъ образомъ замкнутымъ въ Ферганской долинѣ, выходъ изъ которой находился въ рукахъ русскихъ. Сара-Багиши сдѣлали послѣднюю попытку отложиться отъ Россіи, но неудачно. Въ это время въ Восточномъ Туркестанѣ образовалось новое государство, гдѣ энер-

гичный авантюрист Якубъ-Бекъ сумѣлъ сплотить вокругъ себя мусульманское населеніе и отложился отъ Китая *). Отношеніе Россіи къ Якубъ-Беку въ то время было еще неопредѣленнымъ, и этотъ новоявленный самозванный монархъ сильно заискивалъ расположенія русскихъ. Смуты, созданныя во всемъ западномъ Китаѣ дунганскимъ возстаніемъ, побудили русское правительство сосредоточить значительныя военныя силы въ пограничной заилійской провинціи; всѣ эти обстоятельства сдѣлали Тянь-Шань болѣе, чѣмъ когда-либо раньше, доступнымъ для русскихъ изслѣдователей.

Кромѣ новой поѣздки Сѣверцова въ Тянь-Шань, въ 1867 г. состоялась еще интересная Запарынская экспедиція Полторацкаго, Остенъ-Сакена и Матусовскаго, во время которой произведена была съемка на громадномъ пространствѣ около 12,000 кв. верстъ и собраны были богатые зоологическія и ботаническія коллекціи.

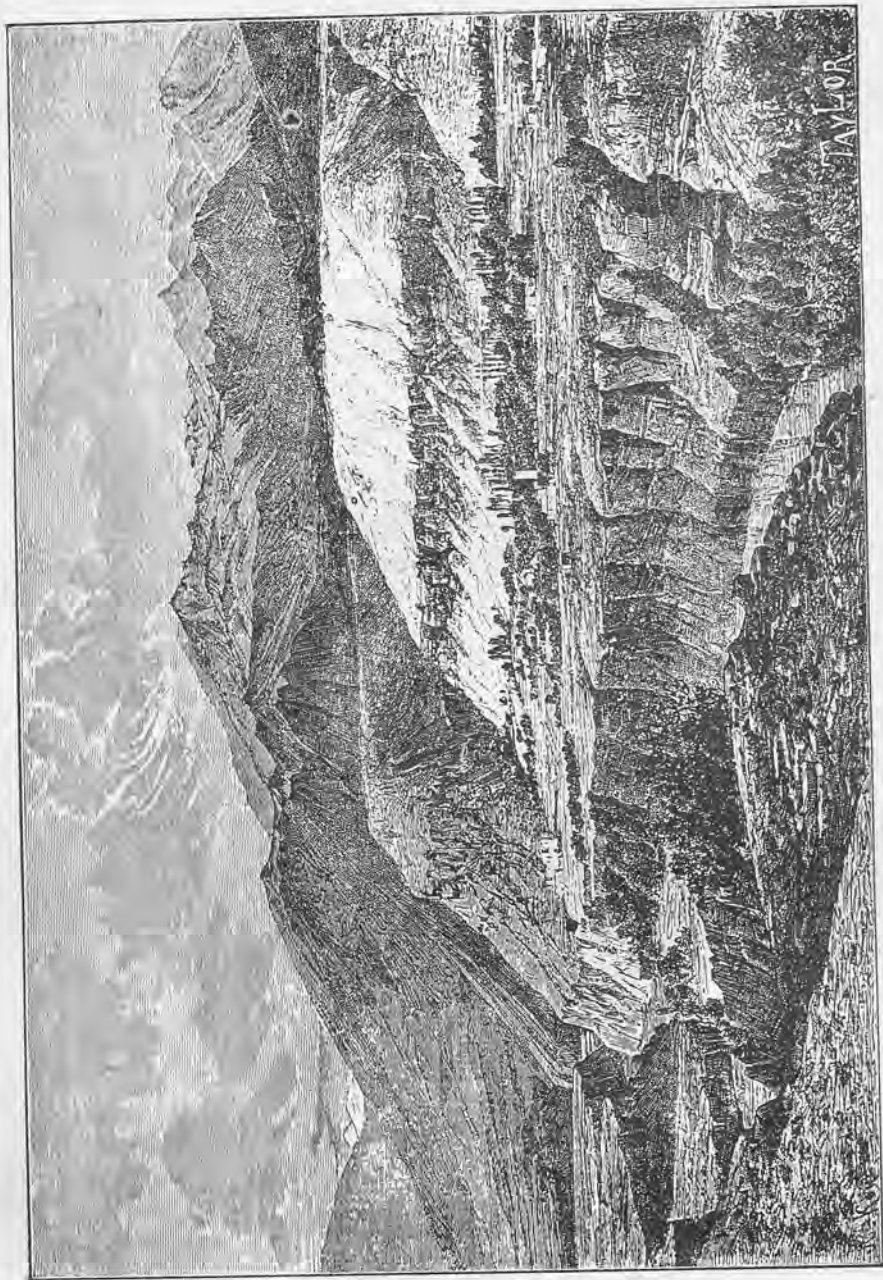
Къ 1867 году относятся также изслѣдованія Д. Чл. И. Р. Г. Общ. А. И. Макшеева, результатомъ которыхъ явился трудъ его «Географическіе, этнографическіе и статистическіе матеріалы о Туркестанскомъ краѣ». Трудъ этотъ представлялъ первую и довольно удачную попытку разносторонняго, въ значительной степени полнаго, описанія Туркестана. Авторъ далъ здѣсь подробный списокъ всѣхъ городовъ и селеній края, даже съ обозначеніемъ числа домовъ или дворовъ, исчисленіе кочевого населенія и его племенной составъ, о климатѣ, промышленности, о состояніи путей сообщенія и т. д.

Трудъ Макшеева до нѣкоторой степени подводилъ итоги всѣхъ предыдущихъ изслѣдованій въ Туркестанѣ, и изъ сочиненія этого видно было, что результаты научныхъ трудовъ русскихъ изслѣдователей были уже весьма значительны. Наибольшій пробѣлъ въ матеріалахъ оказывался лишь въ этнографическомъ изученіи края.

Вслѣдствіе этого Географическое Общество озаботилось снарядить въ 1868—1869 г. экспедицію спеціалиста этнографа и знатока тюркской и монгольской филологіи В. В. Радлова, который въ то время занималъ скромное мѣсто учителя въ барнаульской горной школѣ, но впоследствии сдѣлался европейскою знаменитостью и членомъ Императорской Академіи Наукъ.

Радловъ началъ свои ученныя изслѣдованія въ районѣ г. Ташкента, но, благодаря содѣйствію начальника только что образованнаго передъ тѣмъ Туркестанскаго генераль-губернаторства, К. П. фонъ-Кауфмана, вскорѣ ему представился случай чрезвычайно расширить область своихъ экскурсій. Генераль-губернаторъ, по окончаніи военныхъ дѣйствій, снарядилъ особую экспедицію для обозрѣнія передовой линіи русскихъ владѣній, и В. В. Радловъ, присоединившись къ этой экспедиціи, получилъ возможность обследовать почти всю восточную половину Бухарскаго ханства (Зарявшанскую долину къ западу отъ Самарканда и продолжную долину между хребтами Нуратанынгъ-Акъ-Тагъ и Нуратанынгъ-Кара-Тагъ,

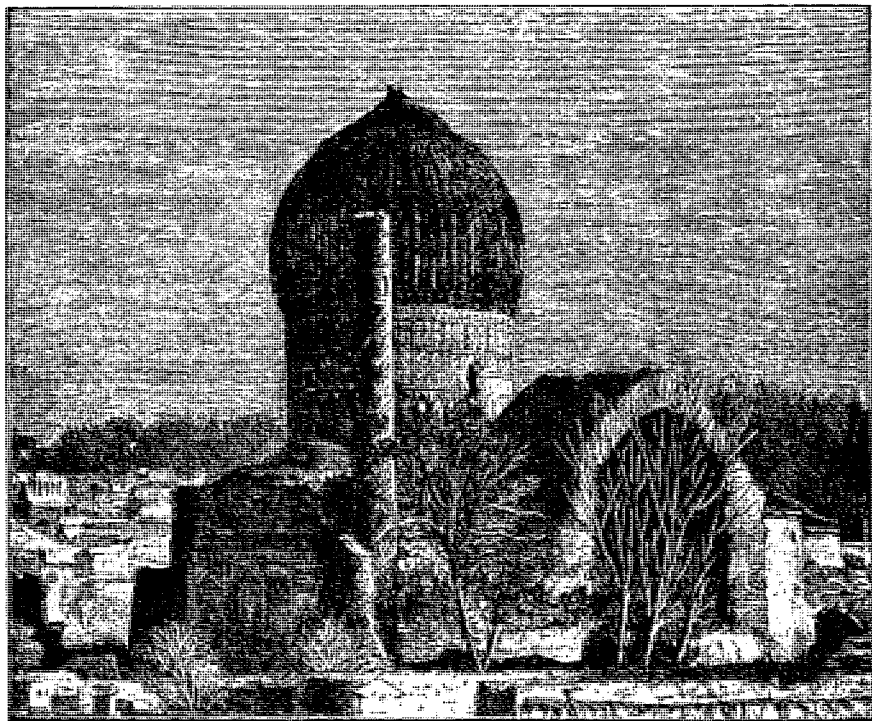
*) О Якубъ-Бекѣ см. дальше, при изложеніи путешествій Н. М. Пржевальскаго.

Варзамикоръ, въ долинѣ Зарявшана.

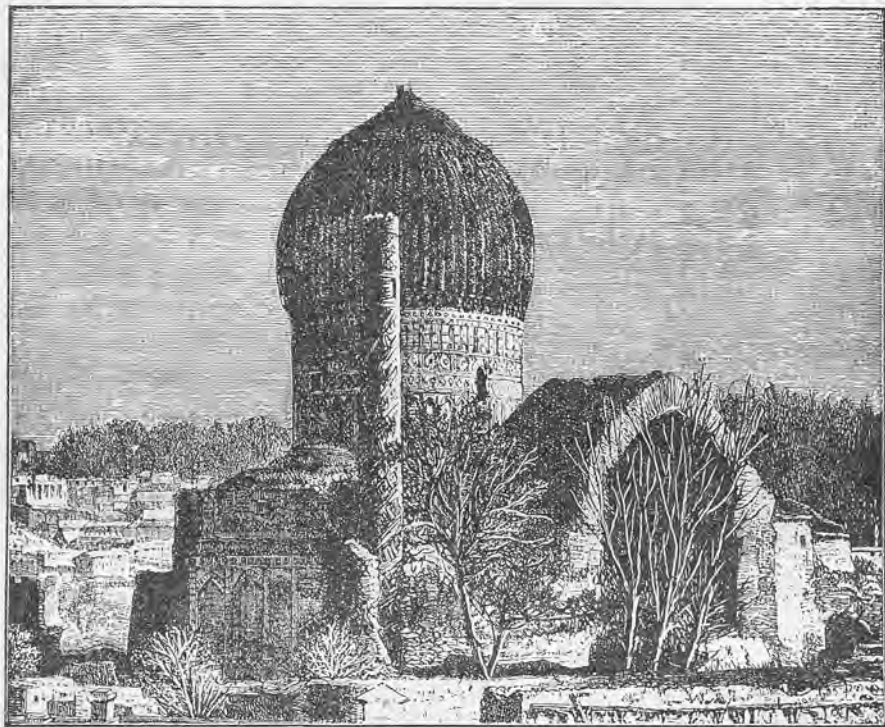
через Чалекъ). Въ его трудѣ: «описание Зарявшанской долины» (1869 г.) приведена масса этнографическихъ матеріаловъ, подробныя свѣдѣнія о гидрографіи и топографіи этой области (полная маршрутная съемка), свѣдѣнія о промышленности, о приемахъ ирригаціи, о нарѣчіяхъ и т. д.

Въ маѣ 1869 г. В. В. Радловъ предпринялъ вторую экспедицію въ области Джунгарской степи, имѣя въ виду главнымъ образомъ изслѣдованіе Илійской долины и въ частности двухъ даурскихъ племенъ сибо и солоновъ, съ лингвистической стороны. Оказалось, что языкъ сибо совершенно тождественъ съ древнимъ

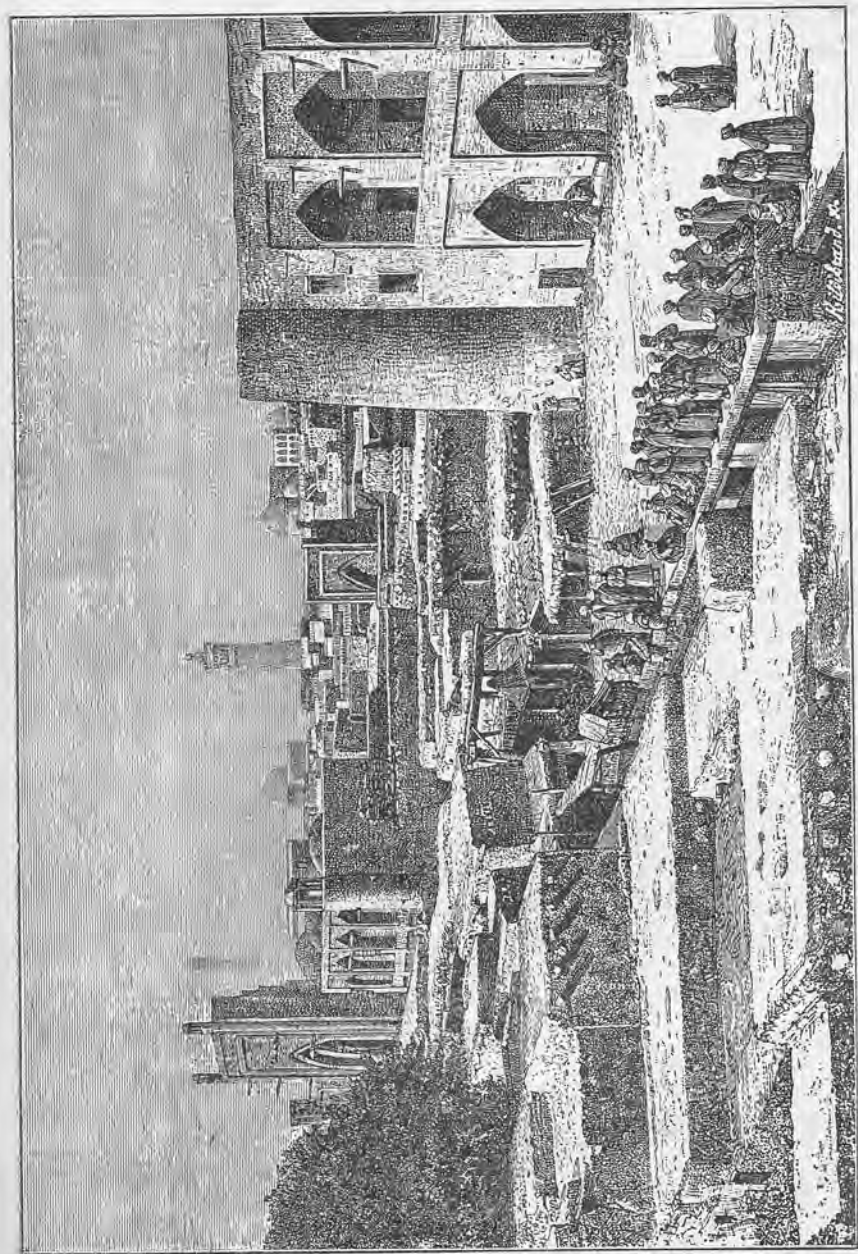

Самаркандъ.—Гробница Тамерлана.

маньчжурскимъ языкомъ, на которомъ говорили древніе завоеватели Китая. Среди этихъ племенъ Радловъ собралъ множество цѣнныхъ матеріаловъ касательно религиозныхъ воззрѣній и социальныхъ отношеній, открылъ массу древнихъ рукописей, собралъ свѣдѣнія о прежнемъ и современномъ положеніи Илійской долины. Кромѣ того онъ посѣтилъ озеро Иссыкъ-Куль и занимался этнографическими и лингвистическими изслѣдованіями среди Дико-каменныхъ киргизовъ Чуйской долины. Злокачественная лихорадка, которой онъ заразился въ одной изъ нездоровыхъ приозерныхъ мѣстностей, прекратила его интересныя труды, и экспедиція была закончена ранѣе назначеннаго срока.

Самаркандъ.—Гробница Тамерлана.

Видъ города Хивы.

Въ то время, какъ И. Р. Географическое Общество такимъ образомъ трудами своихъ членовъ непрерывно и весьма успѣшно расширяло область научнаго познанія въ сѣверо-западной части Центральной Азіи, туда же обратило свою дѣятельность и другое подобное русское ученое общество, вслѣдствіе чего завоеванія русской науки на почетномъ поприщѣ изученія азіатскаго континента пошли еще успѣшнѣе прежняго.

Въ 1869 г. Московское Императорское Общество любителей естествознанія снарядило прекрасную экспедицію въ Туркестанъ подъ главнымъ руководствомъ талантливаго естествоиспытателя А. П. Федченко.

Удачно воспользовавшись походомъ полковника Абрамова, экспедиція эта проникнула далеко вглубь Зарявшанской долины, причемъ совершенно было множество отдѣльныхъ экскурсій въ боковыя долины притоковъ Зарявшана. Громадные научные результаты этой экспедиціи разработаны Федченко въ его книгѣ «Путешествіе въ Туркестанъ».

Въ 1869 г. снова начались работы разграничительной комиссіи и въ результатѣ ея дѣятельности получилась масса новыхъ съеомокъ въ системахъ Алтая, Тянь-Шаня и въ области, примыкающей съ востока къ склонамъ этихъ горъ.

Пятидесятые и шестидесятые годы въ русской исторіи характеризуются, какъ эпоха возрожденія послѣ бѣдствій Крымской кампаніи, пробужденія и быстрого развитія національныхъ культурныхъ силъ, промышленности и торговли.

Быстрый ростъ производительныхъ силъ государства сказался въ стремленіи къ расширенію рынковъ внѣ предѣловъ національной территоріи и въ попыткахъ оживить торговыя сношенія съ сосѣдними странами Передней Азіи; правительство и русское общество заботилось о распространеніи сферы русскаго вліянія съ этой стороны. Успѣхи этого рода по отношенію къ сѣверо-западной окраинѣ Внутренней нагорной Азіи, т. е. въ Туркестанѣ и въ Джунгаріи, какъ видно изъ предыдущаго, были весьма значительны. Въ то же время естественнымъ ходомъ историческихъ событій вниманіе Россіи обратилось также и на болѣе южную область Азіи, на страны, сосѣднія съ Каспійскимъ моремъ.

Этотъ обширный водный бассейнъ, разобщенный съ океаномъ, не можетъ играть значительной роли въ міровой торговлѣ, но по отношенію къ Россіи онъ является весьма важнымъ, такъ какъ принимаетъ въ себя самую важную водную артерію Европейской Россіи—Волгу. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ отдаленныя времена, когда народы Передней Азіи играли крупную историческую роль, черезъ Каспійское море велись весьма оживленныя сношенія съ Европой, и Великіе-Болгары, предшественникъ Нижняго-Новгорода, древній хозарскій городъ Итиль и др. являлись нѣкогда очень важными торговыми центрами...

Вслѣдствіи Туранскія и Иранскія государства пришли въ упадокъ, а въ Восточной Европѣ многовѣковые безпрестанные натиски дикихъ, некультурныхъ сыновъ Средней Азіи, на долго остановили культурное развитіе. Но съ тѣхъ поръ какъ Россія окрѣпла, вниманіе ея постепенно начало обращаться въ сторону древняго востока.

Петръ Великій уже замышлялъ о сношеніяхъ съ Индіей, объ установленіи владычества на Каспійскомъ морѣ и о торговлѣ съ Китаемъ, хотя препятія его въ этомъ направленіи и не увѣнчались успѣхомъ *).

При Петрѣ же сдѣлана была первая попытка Россіи распространить свое вліяніе на Персію. Возстаніе афганцевъ дало ему поводъ вмѣшаться въ дѣла странъ закаспійскихъ, и послѣ предварительной развѣдочной миссіи Волинскаго, онъ въ 1723 г. лично отправился въ походъ противъ Персіи. На Каспійскомъ морѣ, гдѣ до того времени лишь изрѣдка совершали свои набѣги болѣе или менѣе сильныя разбойничьи шайки донскихъ, поволжскихъ и уральскихъ казаковъ, грабившихъ отъ времени до времени берега Кавказа и Персіи, появилась сильная флотилія подъ начальствомъ самого императора.

Мимоходомъ онъ высадился въ Аграхамскомъ заливѣ и овладѣлъ важными пунктами западнаго берега моря: Тарками и Дербентомъ. «Можемъ сказать», писалъ онъ послѣ этого въ сенатъ: «что въ здѣшнихъ краяхъ мы ногу поставили и крѣпкое основаніе на Каспійскомъ морѣ получили»

Результатомъ войны съ Персіей было то, что Россія укрѣпилась уже на южномъ берегу моря, когда по миру къ ней отошли города: Гилянъ, Мазандеранъ, Астрабадъ.

Поздѣе, при измѣнившихся политическихъ условіяхъ, Россіи пришлось отказаться отъ этихъ завоеваній, сдѣланныхъ Петромъ, и въ настоящее время русскія владѣнія охватываютъ силою все Каспійское море, за исключеніемъ именно южнаго берега.

Ходъ изученія бассейна Каспійскаго моря съ географической стороны и исторія распространенія русскаго вліянія въ этихъ странахъ въ общихъ чертахъ были указаны выше. Дальнѣйшими предпріятіями для оживленія сношенія съ областями Передней Азіи, соосѣдными съ Каспійскимъ бассейномъ, были: дипломатическая миссія Н. П. Игнатьева (1858 г.) въ Хиву и Бухару, гидрографическое изслѣдованіе Каспійскаго моря и его побережья, учрежденіе «Закаспійскаго Торговаго Товарищества» и научно-торговая Аму-Дарьинская экспедиція.

Наконецъ, въ 1858 г. снаряжена была научная «Хорассанская экспедиція» подъ начальствомъ Н. В. Ханькова и при участіи многихъ ученыхъ специалистовъ:

*) Въ 1716—17 гг. Петръ послалъ съ значительными военными силами кабардинскаго князя, полковника Вековича-Черкаскаго съ дипломатическимъ порученіемъ предложить хану хивинскому, а затѣмъ и бухарскому принять къ себѣ русскіе отряды въ качествѣ гвардіи, такъ какъ въ то время въ этихъ государствахъ происходили постоянныя смуты и «хань», по выраженію собственноручной инструкціи Петра, «обѣдствовали отъ подданныхъ». Исходъ этой многообѣщающей экспедиціи былъ весьма печаленъ. Хивинскій ханъ Ширгванъ (1715—1728), видя невозможность открытаго сопротивленія русскимъ, заключилъ мирныя условія и пригласилъ Вековича слѣдовать за нимъ въ г. Хиву. Предъ вступленіемъ въ городъ, онъ просилъ командира раздѣлить свой отрядъ на нѣсколько частей, для того, будто бы, чтобы удобнѣе развѣстить русскихъ солдатъ на квартирахъ. Когда же это было исполнено, и силы русскихъ были разъединены, вѣроломные хивинцы неожиданно бросились на нихъ и истребили поголовно. Другія попытки Петра завязать сношенія съ Востокомъ: посольство Иванцова въ Китай и духовная миссія туда же Иннокентія — также были неудачны.

проф. Бунге (въ качествѣ ботаника и врача экспедиціи), геолога Гебеля, проф. Ленца, для изслѣдованій по части физической и математической географіи, графа Кейзерлинга и др. Научные результаты этой экспедиціи, которая по справедливости причисляется къ наиболѣе удачнымъ изъ предприятий географическаго общества, были важны и многосторонни, но вслѣдствіе крайняго истощенія матеріальныхъ средствъ общества, ему не удалось издать полную научную разработку собранныхъ богатыхъ матеріаловъ *).

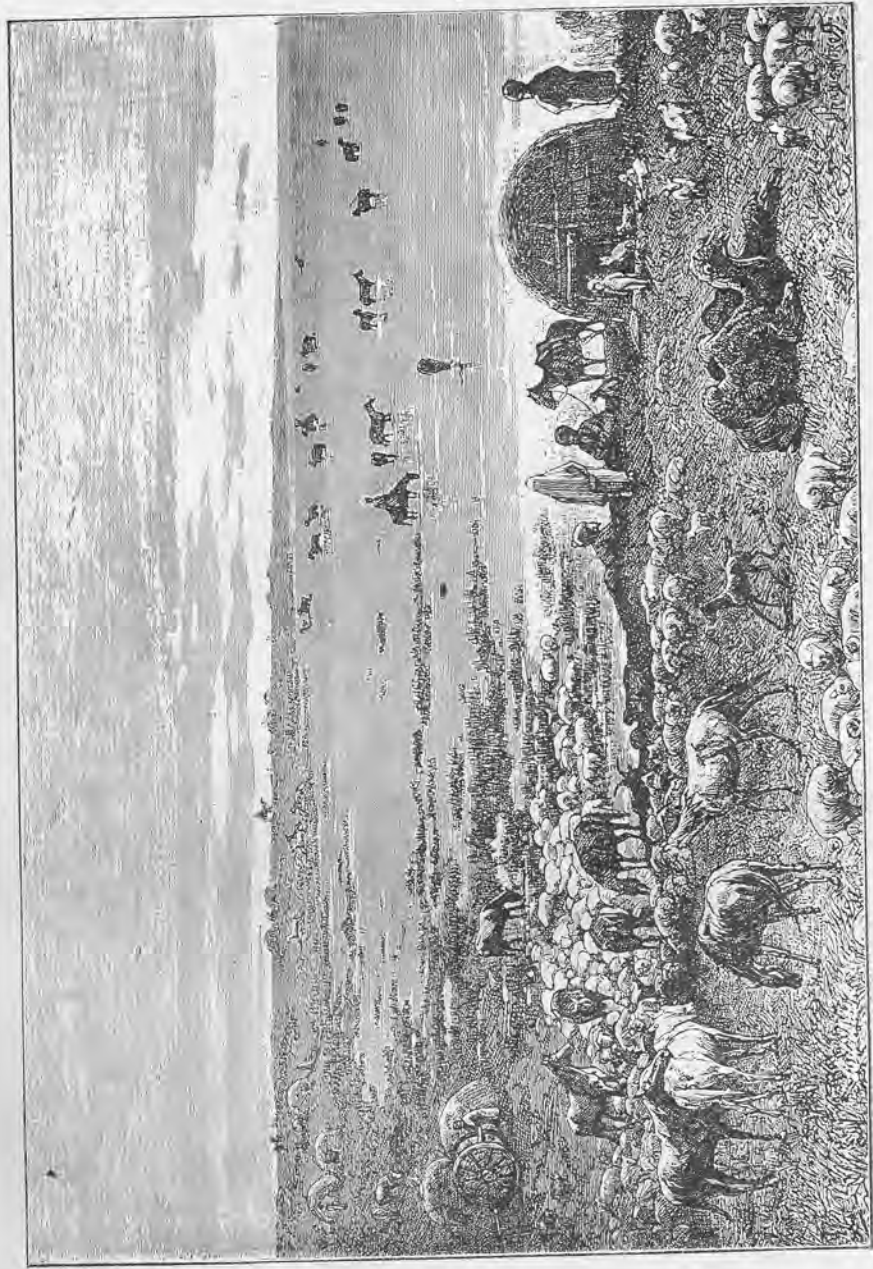
Въ то же время организована была подъ начальствомъ Н. А. Ивашинцова весьма важная по своимъ результатамъ гидрографическая экспедиція. Экспедиція эта продолжала свои работы въ теченіе 10 лѣтъ (въ навигаціонные періоды), и за это время изученъ былъ рельефъ дна Каспійскаго моря, и составлена была карта глубинъ, произведена подробная съемка береговъ, и опредѣлено было положеніе множества пунктовъ, изслѣдована фауна моря и физическія свойства воды и т. д.

Отмѣтимъ замѣчательную случайность, по которой трагическая судьба постигала астрономовъ экспедиціи. Въ самомъ началѣ ея снаряженія, когда изслѣдователи прибыли въ исходный пунктъ, Астрахань, здѣсь заболѣлъ и быстро скончался отъ холеры астрономъ Остолоповъ; на его мѣсто назначены были для производства астрономическихъ опредѣленій лейтенантъ Кокшудъ и Симоновъ, которые работали въ продолженіе лѣта 1857 г.; при входѣ ихъ въ Апшеронскій проливъ, старый пароходъ «Куба», на которомъ они ѣздили, потерпѣлъ крушеніе, и оба астронома со всѣми журналами — результатомъ всей предыдущей работы, и инструментами — погибли.

Расширенію свѣдѣній объ Арало-Каспійской впадинѣ много содѣйствовали ранѣе снаряженныя по Высочайшему повелѣнію въ 1858 г. дипломатическая миссія Н. П. Игнатъева въ Хиву и Бухару и экспедиція полковника В. Д. Дандевила для обозрѣнія почти всего восточнаго берега Каспійскаго моря, отъ Мангышлакскaго полуострова до Персидской границы. Результатомъ этихъ экспедицій явился весьма важный трудъ М. Н. Галкина-Врасскаго: «Этнографическіе и историческіе матеріалы по Средней Азійи и Оренбургскому краю»; за свои выдающіяся достоинства увѣнчанъ медалью Общества.

Упомянемъ, наконецъ, про Аму-Дарьинскую экспедицію, снаряженную казакскимъ отдѣломъ Географическаго Общества, зоолога Радде, геологовъ Сиверса и Кошкуня, Стебницкаго и др., которые въ 1869—70 гг. весьма подробно изслѣдовали Закаспійскій край, преимущественно нижнее теченіе р. Аму-Дарья. Въ отчетѣ о результатахъ экспедиціи, въ трудѣ г. Стебницкаго «Замѣтки о Туркменіи» представлено подробное физико-географическое и этнографическое изслѣдованіе этой страны, съ картой. Собраны были богатые коллекціи, въ особенности

*) Чисто географическіе и отчасти этнографическіе результаты экспедиціи, спустя нѣсколько времени изданы, были на французскомъ языкѣ на средства Парижскаго Географическаго Общества, а также использованы были въ дополненіи къ I тому сочиненія Риттера „Иранъ“ и по частямъ опубликованы были въ различныхъ періодическихъ научныхъ изданіяхъ, русскихъ и иностранныхъ.

Берегъ Каспійскаго моря.

зоологическія *) и впервые разрѣшенъ интересный вопросъ о существованіи древняго, высохшаго русла р. Аму-Дарьи, впадавшей прежде не въ Аральское, а въ Каспійское море: русло это было подробно изслѣдовано и составленъ планъ его и нѣсколько профилей.

Изученіе сѣверной окраины центральнаго нагорья Азіи началось ранѣе, чѣмъ съ запада и сѣверо-востока, въ особенности съ геологической стороны, съ тѣхъ поръ какъ оказалось, что страны эти изобилуютъ драгоцѣнными металлами. Болѣе подробныя научныя изслѣдованія стали производиться лишь во второй половинѣ текущаго столѣтія, съ того времени, какъ географическимъ обществомъ выполнено было одно изъ самыхъ главныхъ его предпріятій, обширная Восточно-Сибирская экспедиція.

Мы остановимся нѣсколько подробнѣе лишь на обзорѣ хода изслѣдованій въ сѣверо-восточной окраинѣ Центрально-азиатскаго нагорья—въ бассейнѣ Амура.

Расширеніе русскихъ владѣній въ Амурскомъ краѣ совершилась очень быстро при генераль-губернаторѣ Н. Н. Муравьевѣ, который въ 1853 г. занялъ уже низовье этой великой азиатской рѣки и часть побережья Японскаго моря, а въ маѣ слѣдующаго 1854 г. лично совершилъ свой знаменитый «сплавъ» по Амуру.

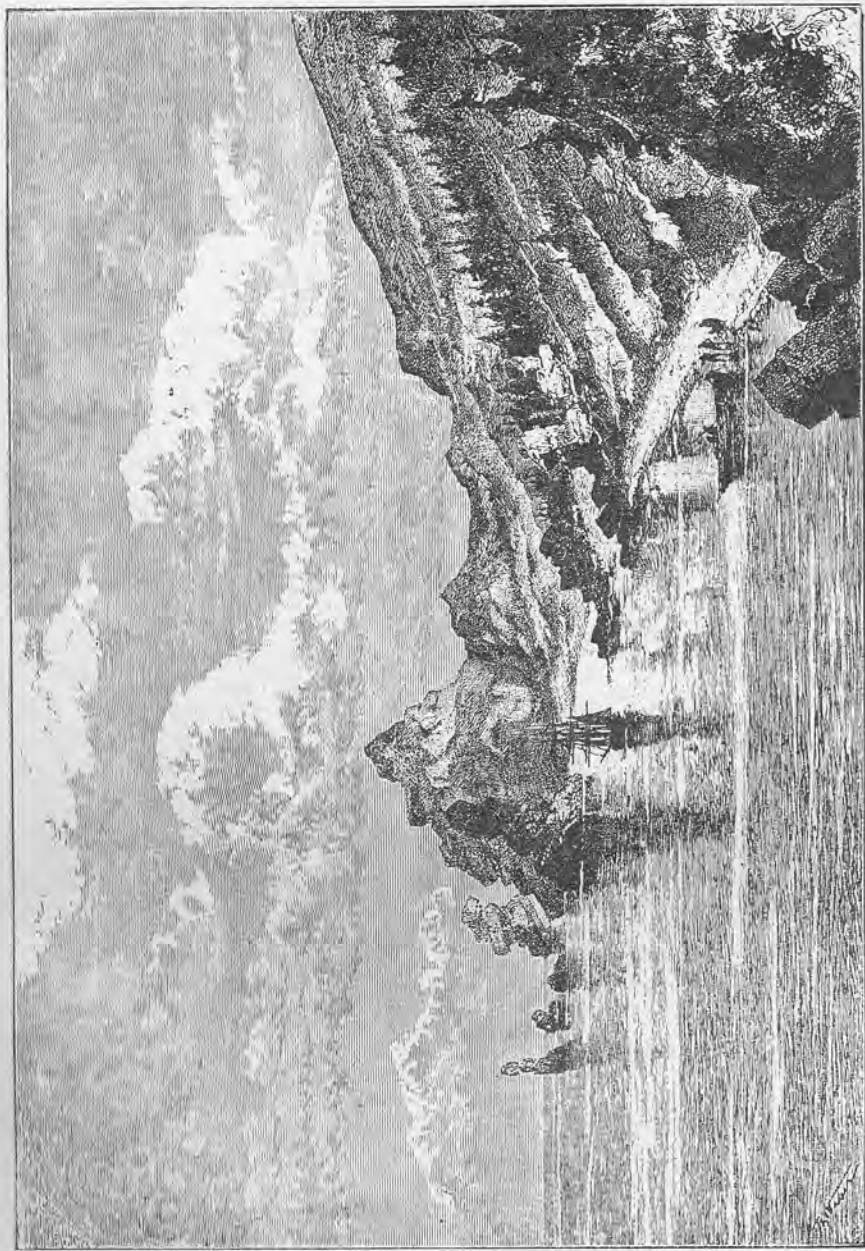
Здѣсь, точно также какъ и въ другихъ частяхъ Азіи, передвиженію границы предшествовали научныя изслѣдованія мѣстностей, а по мѣрѣ того, какъ передовые пункты выдвигались впередъ, дѣло изслѣдованія совершалось все съ большимъ и большимъ успѣхомъ.

Такъ, занятію Амурскаго края предшествовала забайкальская экспедиція подполковника Агте, снаряженная Главнымъ Штабомъ еще въ 1849 г. Во время этой экспедиціи изучена была довольно подробно топографія мѣстностей, расположенныхъ вокругъ Байкальскаго озера и проведено было много научныхъ рекогносцировокъ въ верхней части Амурскаго бассейна.

Почва для дальнѣйшихъ изслѣдованій такимъ образомъ была уже въ достаточной степени подготовлена, когда генераль-губернаторъ Н. Н. Муравьевъ въ 1855 г. началъ приготовленія къ своему второму сплаву по Амуру.

Этимъ новымъ благоприятнымъ обстоятельствомъ хорошо воспользовались члены Восточно-Сибирской экспедиціи: астрономъ Шварцъ, офицеры Рашковъ, Усольцевъ, Смирягинъ, натуралистъ Радде и сибирскій отдѣлъ общества, который командировалъ Р. К. Маака (только что передъ тѣмъ возвратившагося изъ Вилуйской экспедиціи), магистра Герстфельда и др. Вслѣдъ за этимъ въ изслѣдованіяхъ Амурскаго бассейна приняли участіе еще два первоклассные натуралиста: ботаникъ Максимовичъ, который попалъ на Амуръ проѣздомъ изъ Японіи, куда онъ былъ командированъ с.-петербургскимъ ботаническимъ садомъ, и зоологъ Леопольдъ Шренкъ, прикомандированный Имп. Академіей Наукъ къ Амурской экспедиціи.

*) Замѣчательна между прочимъ, впервые найденная здѣсь участниками этой экспедиціи гигантская каспійская ящерица въ 4 фута длиною (*Vogelius caspius*).

Мысь Жонгіеръ на Сахалинѣ.

Вслѣдствіе такого обилія научныхъ силъ и благоприятно сложившихся обстоятельствъ (военная экспедиція Муравьева) работы экспедиціи (1855—1858 г.) оказались въ высшей степени плодотворными, такъ что естественно историческое изслѣдованіе Амурскаго края совершено было съ большою полнотою. Результатами экспедиціи явились «подробный отчетъ...» (1864 г.) и подробная карта Южной Сибири (1863 г.).

Съ 1859 по 1862 г. въ области нижняго теченія Амура и на островѣ Сахалинѣ работала экспедиція Шмидта (Гленъ, Брылкинъ, Шебунинъ), занятія которой состояли главнымъ образомъ въ геологическихъ изслѣдованіяхъ и въ изученіи топографіи, но въ то же время обращалось вниманіе на изученіе флоры и фауны посѣщаемыхъ мѣстностей и на собраніе этнографическихъ матеріаловъ (Брылкинъ). Наибольшее вниманіе экспедиціи обращено было на изслѣдованіе о. Сахалина.

Слухи о естественныхъ богатствахъ этого острова еще въ концѣ прошлаго столѣтія вызвали со стороны предприимчивыхъ русскихъ людей попытки ознакомиться съ нимъ и завести тамъ колоніи, но попытки эти были единичны и не имѣли научнаго характера. До экспедиціи Шмидта болѣе или менѣе подробно изслѣдованы были лишь нѣкоторыя части побережья острова.

Первыя изслѣдованія произведены были здѣсь японскимъ ученымъ астрономомъ Маміа-Ринзой, который составилъ и карту устьевъ Амура, пролива и о. Сахалина. Однако же японцы занимали лишь южную часть его, тогда какъ средняя и сѣверная оставались почти пустынными съ весьма незначительнымъ населеніемъ гиляковъ и айносовъ. Около 1805 г. русскій адмиралъ Крузенштернъ описалъ южные берега, заливы Анову и Терпѣнія и сѣверо-восточную оконечность острова. Съ того времени начали основываться здѣсь русскія поселенія, преимущественно на западномъ берегу и въ сѣверной части (Дузъ въ 1857 г., посты въ Кусунаѣ и Мануѣ въ 1858 г., постъ Муравьевскій въ 1867 г.) *).

Экспедиціей Шмидта довольно подробно изслѣдована была вся западная и южная береговая полоса и часть сѣверной, а также пути черезъ средину острова отъ залива Терпѣнія до р. Тыми.

Наконецъ Шмидтъ на короткое время посѣтилъ Уссурійскій край и изслѣдовалъ геологическія напластованія по теченію р. Усури и вокругъ оз. Ханка.

Оз. Ханка, система рѣки Усури и сосѣдняя часть Приморской области послужили первою ареною, гдѣ Николай Михайловичъ Пржевальскій проявилъ свои замѣчательные таланты путешественника и ученаго изслѣдователя. Бросимъ взглядъ на состояніе научнаго изученія, въ которомъ находилась эта область до его путешествія.

Первымъ русскимъ путешественникомъ, проникнувшимъ на р. Усури, былъ К. И. Максимовичъ, о которомъ уже раньше мы имѣли случай упомянуть. Въ

*) О. Сахалинъ присоединенъ къ русскимъ владѣніямъ по договору съ японцами въ 1875 г.

1855 г. онъ поднялся по этой рѣкѣ верстъ на 125 и производилъ здѣсь изслѣдованія флоры.

Послѣ этого въ 1858 г. генераль-губернаторъ Восточной Сибири снаряжалъ экспедицію для научнаго изслѣдованія Уссурийскаго края подъ начальствомъ М. И. Венюкова, который поднялся до верховья р. Усури, гдѣ до него не былъ еще ни одинъ европейскій путешественникъ. Край этотъ оказался очень интереснымъ, такъ какъ здѣсь въ изобиліи встрѣчались развалины и памятники древней Маньчжурской культуры.

Экспедиція Венюкова продолжалась лишь около двухъ мѣсяцевъ, но принесла значительные результаты, такъ какъ произведена была съемка всего теченія рѣки и собрана масса распросныхъ свѣдѣній о краѣ.

Въ слѣдующемъ 1850 г. сибирскій отдѣлъ географическаго общества снарядилъ новую экспедицію въ Уссурийскій край и пригласилъ принять въ ней участіе Р. К. Маака, прославившагося уже предыдущими своими путешествіями (см. раньше). Маакъ со своимъ спутникомъ Брылкинымъ въ теченіе 5 мѣсяцевъ обслѣдовалъ р. Усури. Какъ разъ въ это время въ Уссурийскомъ краѣ водворялись первые русскіе поселенцы, казаки, размѣщенные на всемъ пространствѣ края.

Въ 1860 г. по Пекинскому договору, долина р. Усури и все побережье Японскаго моря до Корейской границы вошли въ составъ русскыхъ владѣній. По этому случаю снаряжена была разграничительная коммисія, въ которой, какъ и всегда, приняло участіе и географическое общество въ лицѣ д. чл. Усольцева и художника Мейера.

Тогда же и ботаническій садъ снова командировалъ академика Максимо-вича на далекой Востокъ, и онъ во второй разъ посѣтилъ Уссурийскій край.

Съ 1859 по 1863 гг. во всей Приморской области производила систематическія работы партія, снаряженная для описанія лѣсовъ области.

Упомянемъ еще про отдѣльныя поѣздки членовъ географическаго общества въ Приморско-Уссурийскомъ краѣ. Въ 1861 г. Д. И. Романовъ собралъ дѣльный рядъ интересныхъ свѣдѣній о низовьяхъ Амура и о русскомъ побережьѣ Японскаго моря; въ 1864 и 65 гг. штабсъ-капитанъ Тимортъ и П. А. Гельмерсенъ производили съемку и разныя изслѣдованія въ Зауссурийскомъ краѣ; въ 1863—64 гг. И. А. Лопатинъ и Басничъ занимались геологическими изысканіями и изслѣдовали каменноугольныя мѣсторожденія на р. Суйфунѣ, и тогда же геологъ Аносовъ посѣтилъ горную область хребта Сихотэ-Алианъ и оз. Халка.

Въ 1867—68 гг. весьма обстоятельныя изслѣдованія произведены были г. Лопатинымъ на о. Сахалинѣ и отчасти въ прибрежьи Приморской области. Имъ открыто и изслѣдовано было 7 мѣсторожденій каменнаго угля на островѣ, но кромѣ того собрано было множество научныхъ матеріаловъ касательно геологіи, климатологіи и этнографіи.

На Сахалинѣ, кромѣ того, занимались изслѣдованіями члены Сибирскаго Отд. Общества: Депрерадовичъ (климатъ) и докторъ Добротворскій (изсл. объ айносахъ).

Въ 1866—69 гг. въ Уссурійскомъ краѣ на сцену выступилъ уже и Николай Михайловичъ Пржевальскій.

Но главной ареной его дѣятельности была Центральная Азія, страны лежащая внѣ предѣловъ Россіи и входящая въ составъ огромной Китайской имперіи.

До начала текущаго столѣтія Небесная имперія была совершенно недоступна для посѣщенія иностранцевъ. Недовѣрчивые, подозрительные и своеобразно-культурные китайцы всѣми силами старались затруднить доступъ европейскимъ путешественникамъ въ ихъ владѣнія. Единственное исключеніе въ этомъ отношеніи представлялъ знаменитый путешественникъ XIII в. Марко Поло, который, благодаря исключительно счастливымъ условіямъ, сдѣлался важнымъ сановникомъ при китайскомъ дворѣ и получилъ такимъ образомъ полную возможность посѣтить почти всѣ части громадной азіатской имперіи. Вотъ почему его сочиненія пользовались въ свое время необыкновеннымъ успѣхомъ. Однако же Марко Поло былъ не болѣе какъ негодянтъ и не обладалъ научною подготовкою для серьезныхъ изслѣдованій областей, въ которыхъ ему удалось побывать.

Съ теченіемъ времени Небесную имперію на протяженіи многихъ тысячъ верстъ охватили границы владѣній двухъ европейскихъ государствъ: съ сѣвера и съ запада русская Сибирь и Туркестанъ, съ юга—англійская Индія. Въ то же время вліяніе этихъ и другихъ европейскихъ державъ при китайскомъ дворѣ на столько усилилось, что сдѣлалось возможнымъ уже дипломатическимъ путемъ и путемъ официальныхъ договоровъ обезпечить смѣлымъ изслѣдователямъ доступъ въ неизвѣстныя и негостепріимныя въ буквальномъ и переносномъ смыслѣ области этой замкнутой до тѣхъ поръ имперіи.

Самыми важными въ этомъ отношеніи фактами явились Тянь-цзинскій и Пекинскій договоры съ Китаемъ. Въ 1858 г. во время заключенія Тянь-цзинскаго трактата Великобританскій Полномочный Комиссаръ лордъ Эльгинъ, несмотря на упорное сопротивленіе китайскихъ министровъ, добился включенія въ число статей англійскаго трактата условія, по которому англійскіе подданные получили право путешествовать «для своего удовольствія или съ торговыми цѣлями во всѣхъ частяхъ внутренняго Китая». Въ то же время, по тому же Тянь-цзинскому трактату Россія получила права «наиболѣе благопріятствующей державы», и по этому то, чего добилась Англія, естественно предоставлено было и Россіи.

Немедленно же послѣ этого русскій уполномоченный въ Тянь-Цзинѣ, графъ Е. В. Путятинъ, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, обратилъ особенное вниманіе правительственныхъ сферъ на упомянутую статью и въ число различныхъ предложеній, касавшихся оживленія нашихъ сношеній съ Китаемъ, настаивалъ на снаряженіи въ возможно скорѣйшемъ времени въ Китай экспедиціи для всесторонняго изслѣдованія этой страны въ научномъ и торговомъ отношеніяхъ. Правительство въ принципѣ одобрило это предложеніе и поручило географическому обществу привести его въ исполненіе.

По различнымъ обстоятельствамъ снаряженіе настоящей экспедиціи въ ки-

тайскія владѣнія пришлось отложить болѣе, чѣмъ на 10 лѣтъ, но есѣднія съ русскою границею области мало по малу изслѣдовались единичными поѣздками членовъ географическаго общества или Сибирскаго его отдѣла, а также и небольшими экспедиціями, снаряжаемыми отъ времени до времени для различныхъ специальныхъ цѣлей Восточно-Сибирскими генераль-губернаторами.

Стремленіе къ изученію областей Китайской имперіи нашло себѣ прочную точку опоры въ русской миссіи въ Пекинѣ, которая постепенно преобразована была въ настоящее посольство.

Первоначально попытки географическихъ изслѣдованій направлены были въ сопредѣльную съ Россією Манчжурію, которую китайцы особенно ревниво охраняли отъ посѣщенія ея русскими, съ тѣхъ поръ какъ граница русскихъ владѣній благодаря Айгунскому и Пекинскому договорамъ, распространилась по берегу Великаго океана до самой Кореи. Исходными пунктами здѣсь послужили нѣкоторыя мѣстности Забайкальской области и города, расположенные на Амурѣ: Благовѣщенскъ, китайскій городъ Айгунъ и Михайло-Семеновская станица, а кромѣ того и самый Пекинъ, гдѣ помѣщалась миссія.

Изъ отдѣльныхъ поѣздокъ, имѣвшихъ значеніе для географической науки, упомянемъ слѣдующія.

Въ 1862 г. членъ Сибирскаго отдѣла Н. Хилковскій посѣтилъ монгольскій городъ Хайларъ и изслѣдовалъ важнѣйшіе пути въ этой части Монголіи, ведущіе въ Манчжурію.

Въ 1864 г. дѣйств. чл. И. Р. Г. О. князь П. А. Кротокинъ совершилъ поѣздку, принесшую важные результаты. Выступивъ изъ Забайкальскаго пункта, Цурухайтуевскаго поста, онъ пересѣкъ Хинганскій хребетъ и сѣверо-западный уголь Манчжуріи до г. Мергена, и изслѣдовалъ интересную вулканическую область въ отрогахъ горъ Илхури-Алинь.

Въ 1863 г. членъ Сибирскаго отдѣла Малевичъ посланъ былъ изъ Айгуна въ Мергенъ и Цицикаръ для нѣкоторыхъ пограничныхъ дипломатическихъ переговоровъ, но производить какія бы то ни было изслѣдованія Малевичу было весьма затруднительно, такъ какъ китайцы, подъ видомъ почетнаго гостепрѣимства, держали посланца подъ строгимъ карауломъ, хотя по пути все таки удалось сдѣлать кое-какія важныя наблюденія.

Въ 1864 г. генераль-губернаторъ Восточной Сибири М. С. Карсаковъ сформировалъ небольшую экспедицію на пароходѣ «Усури» по рѣкѣ Сунгари до г. Гирива, съ цѣлью завязать съ Манчжуріей торговыя сношенія по этой судоходной рѣкѣ. При этомъ генераль Карсаковъ, для того чтобы эта экспедиція не прошла безслѣдно для науки, предложилъ принять въ ней участіе Усольцеву, Кротокину и д-ру Конради, для производства изслѣдованій.

Но самымъ важнымъ предпріятіемъ для изслѣдованія не только Манчжуріи, но и всей китайской окраины внутренней нагорной Азіи, была экспедиція начальника Пекинской духовной миссіи, архимандрита Палладія.

Какъ видно изъ предыдущаго, Амурско-Уссурийскій край въ теченіе 50-хъ и 60-хъ годовъ съ физико-географической стороны былъ уже достаточно изслѣдованъ трудами Шмидта, Аносова, Лопатина, Радде, Маака, Шренка и Пржевальскаго. Но во всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ былъ важный пробѣлъ въ изученіи этнографіи и экономическаго быта населенія края. Такъ какъ Амурскій край являлся для Россіи весьма важнымъ въ томъ отношеніи, что здѣсь въ широкихъ размѣрахъ предполагалось развитіе русской колонизаціи, то необходимо было ознакомиться съ бытовой стороной жизни въ этихъ краяхъ, съ туземнымъ населеніемъ, съ его нуждами и потребностями, съ отношеніями, въ которыхъ оно находится къ русскимъ поселенцамъ съ одной стороны и къ сосѣднимъ манчжурамъ, корейцамъ, китайцамъ—съ другой. Имѣя въ виду колонизацію края русскими, необходимо было по возможности подробнѣе ознакомиться съ туземнымъ населеніемъ.

Наконецъ, что касается Уссурийскаго и южнаго приморскаго края, то здѣсь, независимо отъ разныхъ этнографическихъ вопросовъ, весьма важнымъ представлялось произвести изысканія относительно находящагося здѣсь многочисленныхъ памятниковъ древности: слѣдовъ древнихъ городовъ и укрѣпленій, многочисленныхъ развалинъ и т. п., а также собрать по возможности подробныя свѣдѣнія географическія и историческія о сосѣднихъ малоизвѣстныхъ частяхъ Манчуріи, Кореи и Монголіи.

Географическое общество долгое время не могло остановить своего выбора на какомъ либо лицѣ, вполне подходящемъ къ программѣ столь широкихъ изслѣдованій, которыя имѣлись въ виду. Главное затрудненіе заключалось въ присканіи лица, способнаго производить всѣ намѣченныя изслѣдованія и въ то же время основательно знающаго китайскій и монгольскій языки и литературу.

Наконецъ, выборъ остановился на архимандритѣ Палладіѣ, такъ какъ онъ былъ извѣстенъ уже какъ знатокъ географіи, исторіи, археологіи и словесности манчжурской, китайской и корейской и раньше уже заявилъ себя опытнымъ изслѣдователемъ *).

Экспедиція арх. Палладія снаряжена была въ Пекинѣ, причѣмъ его снабдили инструментами для метеорологическихъ изслѣдованій и для опредѣленія высотъ пунктовъ, кромѣ того для производства съемки къ нему, въ качествѣ помощника, прикомандированъ былъ топографъ г. Нахвальныхъ.

Экспедиція эта продолжалась около 9 мѣсяцевъ (1870 г.) и принесла богатѣйшіе результаты.

Изъ дальнѣйшихъ попытокъ проникнуть внутрь Небесной Имперіи упомянемъ про поѣздки изъ Урги членовъ общества П. А. Гельмерсена **) (1863 г.)

*) Архимандритъ Палладій путешествовалъ раньше по Монголіи и составилъ весьма основательное изслѣдованіе „о торговыхъ путяхъ въ Китай“.

**) П. А. Гельмерсенъ совершилъ свою интересную поѣздку, переодѣвшись купцомъ.

по рр. Орхону и Селенгѣ до оз. Косогола и Шимарева (1868 г.) до русской границы на р. Ононѣ.

Значительные результаты имѣла торговая экспедиція, снаряженная на свой счетъ въ 1869 г. членами Сибирскаго отдѣла братьями Бутыными. На 3 тарантасахъ и въ 10 однополкахъ, запряженныхъ лошадьми, экспедиція эта прошла черезъ всю Монголію отъ русской границы (отъ пикета Кулусуту) до города Долонъ Нора и далѣе въ Пекинѣ. При этомъ производились нѣкоторыя научныя изслѣдованія, преимущественно геологическія. Составлена была карта пройденнаго пути, а геологическіе матеріалы впоследствии (1881 г.) обработаны были профессоромъ И. В. Мушкетовымъ.

На сѣверо-западной окраинѣ центрально-азиатскаго нагорья торговый путь идетъ отъ пограничнаго Алтайскаго пикета Суокъ въ монгольскій городъ Хобдо.

По этому пути русскими изслѣдователями сдѣлано было нѣсколько попытокъ проникнуть во внутреннія области Азіи. Первая изъ такихъ попытокъ принадлежитъ члену Географическаго общества А. Принтцу, который совершилъ свою поѣздку въ г. Хобдо въ 1863 г. по инициативѣ Томскаго губернатора Дерхе, съ цѣлью содѣйствовать развитію торговыхъ сношеній русскихъ съ монголами по этому пути; между прочими изслѣдованіями произведена была маршрутная съемка всего пройденнаго разстоянія.

Болѣе обстоятельныя изысканія съ тою же цѣлью—развитія торговыхъ сношеній—произведены были въ 1870 г. кульджинскимъ русскимъ консуломъ г. Павлиновымъ, командированнымъ Азіатскимъ департаментомъ въ города Хобдо и Улясутай, для изысканія новыхъ путей и способовъ для развитія торговыхъ сношеній Сибири съ западною Монголіей. Экспедиція выступила изъ Суока и направилась сначала въ Хобдо, а затѣмъ въ Улясутай. Черезъ нѣсколько времени получено было извѣстіе, что дунганскіе инсургенты сдѣлали вторженіе въ западную Монголію и взяли городъ Улясутай. О судьбѣ Павлинова начали ходить весьма тревожные слухи и опасались, что онъ погибъ, когда получена была телеграмма изъ Барнаула, въ которой извѣщалось, что путешественникъ, не только благополучно вернулся въ предѣлы Россіи, но и достигнулъ крупнаго успѣха, такъ какъ ему удалось учредить компанію западно-сибирскихъ купцовъ для торговли въ Монголіи. Топографъ Матусовскій, сопровождавшій Павлинова, изслѣдовалъ верховья р. Енисея, а также произвелъ съемку отъ границы Тобольской губерніи до городовъ Хобдо и Улясутай и обратно отъ Улясутаея до г. Минусинска.

Наконецъ, въ томъ же 1870 г. городъ Хобдо посѣщенъ былъ знаменитымъ лингвистомъ Радловымъ, который, кромѣ своихъ спеціальныхъ занятій этнографіей и лингвистикой, обратилъ вниманіе также и на торговый вопросъ.

Мы обозрѣли вкратцѣ исторію изслѣдованій въ странахъ сопредѣльныхъ съ Центральной Азіей. Вездѣ изученіе областей съ научной стороны предшествовало передвиженію русской границы и измѣненію политическаго положенія. Рус-

скіе, сильные въ Азіи тѣмъ могуществомъ, которымъ они пользуются благодаря превосходству своей культуры, пренебрегаютъ затрудненіями, представляемыми имъ климатомъ и непривычными физическими условіями, и постепенно присоединяютъ къ своимъ владѣніямъ громадныя пространства. Войска отправляются въ страны, гдѣ природа и населеніе изучены натуралистами, послами или купцами и, присоединяя туземцевъ къ своему государству, приобщаютъ ихъ къ высшей культурѣ. Русскіе заняли города, издавна существующіе, или построили новые, въ различныхъ торговыхъ и стратегическихъ пунктахъ, казавшихся имъ благопріятными, положили начало колонизаціи и осѣдлой жизни, поставивъ тѣмъ самымъ предѣлы кочевникамъ. По могучимъ воднымъ потокамъ Азіи пыхтятъ пароходы, увлекая за собою цѣлыя вереницы нагруженныхъ барокъ, по пустыннымъ степямъ, гдѣ прежде медленно тянулись караваны, по непроходимой, дѣвственной и угрюмой тайгѣ мчатся желѣзнодорожныя поѣзда, телеграфная проволока за тысячи верстъ мгновенно передаетъ мысль... Громадныя азіатскія разстоянія благодаря этимъ трофеямъ человѣческаго генія какъ бы сжузились, и превосходство славянскаго элемента надъ туземцами легко упрочивается, окончательное ассимилированіе аборигеновъ страны съ русскими—не болѣе какъ вопросъ времени. Въ земляхъ таджиковъ, сартовъ, узбеговъ—Ташкентъ и Самаркандъ и теперь уже становятся настоящими русскими городами.

Русское владичество въ Азіи распространяется съ поразительной быстротой. Не считая громаднаго приращенія территоріи въ Пріамурскомъ краѣ, въ одномъ только Туркестанѣ съ половины текущаго столѣтія приобрѣтена территорія пространствомъ около 1.000.000 кв. в., т. е. почти въ $2\frac{1}{2}$ раза болѣе, чѣмъ напр., вся площадь Франціи! То по произволу честолюбиваго генерала, то въ наказаніе туземцевъ за набѣги, безпрестанно присоединяются все новыя и новыя обширныя провинціи къ владѣніямъ русскаго орла, пока владѣнія имперіи достигнутъ наконецъ, какой-либо естественной границы...

Изъ всѣхъ европейскихъ державъ на азіатскомъ континентѣ въ настоящее время безусловно преобладаютъ два могущественныя государства: Россія и Англія. Россіи принадлежитъ сѣверная и сѣверо-западная области, Англіи—южная. Различныя мелкіе народы тамъ и здѣсь напрасно пытаются отстоять свою независимость и все болѣе и болѣе втягиваются въ кругъ «влиянія», точнѣе «владычествія» этихъ двухъ могущественныхъ государствъ. На крайнемъ Востокѣ Японія блюдетъ свою политическую и даже экономическую самостоятельность и постепенно начинаетъ конкурировать съ европейскими державами, китайцы же по прежнему остаются застывшими въ своихъ многовѣковыхъ традиціяхъ и не разстаются ни съ одной изъ своихъ національныхъ особенностей.

Но Небесная имперія необыкновенно сильна количествомъ и сплоченностью своего населенія: на ея территоріи сгруппирована почти $\frac{1}{3}$ часть всего рода человѣческаго и въ одномъ только бассейнѣ Янь-Цзе-Кіанга помѣщается около $\frac{1}{5}$ части населенія всего земнаго шара.

Последніе годы на крайнемъ Востокѣ Стараго Свѣта разыгрывается политическая драма: сначала братоубійственная война между двумя близкородственными представителями желтой расы, затѣмъ «раздѣлъ» Китая. Едва ли, однако же, основательно мнѣніе, неоднократно высказывавшееся въ русской и иностранной печати, что Китайъ отжилъ свой вѣкъ и что ему предстоитъ печальная судьба по частямъ войти въ составъ другихъ государствъ. По этому вопросу знаменитый географъ Э. Рюкю высказывается совершенно опредѣленно.

«Въ попросѣ о преобладаніи въ Азіи», говоритъ онъ *): «задѣты не только Англія и Россія, какъ это многіе полагаютъ, но и Китайъ общается, рано или поздно, быть сильнымъ противникомъ въ борьбѣ за свое господство. Даже болѣе: китайская нація не можетъ избѣгнуть столкновенія съ бѣлымъ населеніемъ Европы и Америки въ основныхъ вопросахъ цивилизаціи и нравовъ, прежде чѣмъ она не сдѣлается дѣятельнымъ и сознательнымъ соучастникомъ въ этихъ вопросахъ. Это неизбежное столкновение приостановить на время умственный прогрессъ человѣчества, и окончится не прежде, чѣмъ выработаются общія идеи и взгляды и пока исходные пункты, подрѣпленные наукой, не позволятъ тронуться вмѣстѣ впередъ».

Слабый въ военномъ отношеніи, какъ показала послѣдняя война съ Японіей, Китайъ обладаетъ колоссальной силой съ матеріальной стороны, которую даетъ ему численность населенія, трезваго въ своихъ взглядахъ на жизнь, умѣреннаго, трудолюбиваго. Собственное ихъ отечество, какъ говорится: «биткомъ набито» и уже давно является перенаселеннымъ. Китайцы массаи уходятъ въ ближайшія области Индіи, на Зондскій архипелагъ, въ Австралію и Океанію, въ Америку и даже въ чужихъ краяхъ, благодаря своему численному перевѣсу, часто играютъ важную роль.

Несомнѣнно, что Китайъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ будетъ имѣть для Россіи большое значеніе въ политическомъ и въ торгово-промышленномъ отношеніяхъ. Но Собственный Китайъ отдѣленъ отъ Россіи громадною площадью нагорной Центральной Азіи. Изученіе этой послѣдней поэтому и должно стоять на первомъ планѣ для Россіи и почти что приведено въ исполненіе трудами одного Пржевальскаго и дѣлой, плеяды русскихъ изслѣдователей его школы.

Съ того времени, какъ Китайъ сдѣлался доступнымъ для путешественниковъ благодаря Тянь-Цзинскому трактату, многіе изъ нихъ искрестили почти всѣ провинціи Собственнаго Китая. Но вглубь Центральной Азіи до Пржевальскаго не удавалось никому проникнуть. Въ ряду другихъ неудачныхъ попытокъ отмѣтимъ только двѣ болѣе важныя.

Въ 1864 г. геологъ Помпелли задумалъ изъ Пекина пробраться въ Центральную Азію, однако же препятствія, встрѣчавшіяся ему на пути со стороны природы и еще болѣе отъ враждебности населенія, были на столько непреодоли-

*) „Азіатская Россія“, стр. 37.

мыми, что ему не удалось достигнуть даже Ордоса и пришлось отказаться отъ дальнѣйшаго путешествія.

Не болѣе успѣха имѣла также и попытка извѣстнаго изслѣдователя Китая, барона Рихтгофена, который стремился къ изслѣдованію провинціи Гань-Су: въ это время началось дунганское возстаніе, и Рихтгофенъ вернулся съ пути, не достигнувъ цѣли своего путешествія; возстаніе дунгановъ оказалось для него непреодолимымъ препятствіемъ, между тѣмъ какъ Пржевальскій, какъ увидимъ дальше, въ самый разгаръ этого самаго возстанія, въ сопровожденіи лишь трехъ чело-вѣкъ, провелъ болѣе двухъ лѣтъ въ самомъ центрѣ мятежа и сумѣлъ поставить себя такъ, что на него не осмѣливались нападать ни дунганы, ни монголы, ни китаицы, которые ограничивались только тайными кознями, и даже болѣе того: Пржевальскій во всей внутренней Азіи прославился, какъ неземное существо, для котораго въ сущности не существовало никакихъ препятствій, и только недостатокъ въ денежныхъ средствахъ помѣшалъ ему въ первый же годъ пробраться вглубь Тибета и посѣтить таинственный городъ Лхассу, резиденцію Далай-Ламы.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ УСУРІЙСКІЙ КРАЙ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Въ Иркутскѣ, командировка и сборы въ путешествіе.

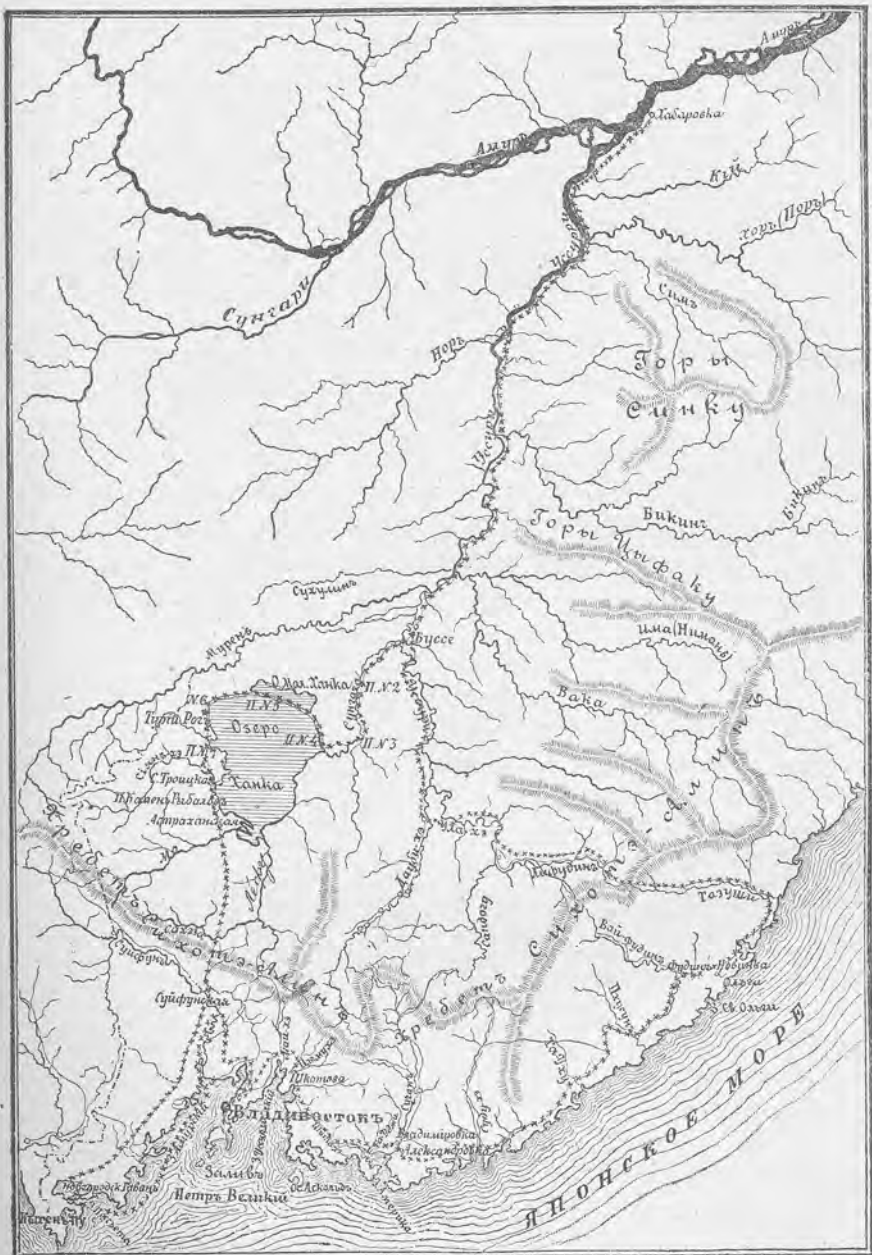
Выѣздъ изъ Варшавы.—Робертъ Кёхеръ.—Пріѣздъ въ Петербургъ, знакомство съ П. П. Семеновымъ.—Въ Иркутскѣ.—Занятія въ библиотекѣ Сибирскаго отдѣла.—Командировка.—Денежные ресурсы.—Программа путешествія.

Итакъ, первый шагъ къ осуществленію завѣтной мечты—проникнуть въ далекія—неизвѣстныя страны, осуществился: Николай Михайловичъ былъ теперь офицеромъ генеральнаго штаба, назначенъ въ Восточную Сибирь и имѣлъ полное основаніе надѣяться вскорѣ посвятить свои силы научному изслѣдованію азіатскихъ странъ.

«Сильная, съ дѣтства взлелѣянная, страсть къ путешествію заставила меня, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ предварительной подготовки, перебраться на службу въ Восточную Сибирь—эту громадную и столь интересную во всѣхъ отношеніяхъ окраину царства русскаго» — пишетъ Николай Михайловичъ въ предисловіи къ описанію своего перваго путешествія *).

Пржевальскій недолго собирался передъ своимъ отправленіемъ въ далекую Сибирь: распоряженіе о переводѣ получено было въ декабрѣ 1866 г., а въ по-

*) „Путешествіе въ Усурійскомъ край“ СПб. 1870 г.

Карта Усурийскаго края.

Къ путешествію Николая Михайловича Пржевальскаго.
 (Крестиками означено направленіе пути экспедиціи).

ловинѣ января 1867 г. онъ уже распрощался со всеѣми своими друзьями и съ любимыми и обожавшими его учениками и выѣхалъ изъ Варшавы.

Такъ какъ Николай Михайловичъ ѣхалъ съ надеждою немедленно-же заняться научными изслѣдованіями, то изъ Варшавы онъ взялъ съ собою нѣмца, Роберта Кёхера, въ качествѣ препаратора зоологическихъ коллекцій, которыя Николай Михайловичъ надѣялся составлять въ Сибири, куда онъ отправлялся.

Выборъ спутника оказался однако неудачнымъ, такъ какъ передъ своимъ отъѣздомъ изъ Варшавы Кёхеръ влюбился въ какую-то Амалію, а когда поѣхали въ далекую Сибирь, то онъ постоянно вздыхалъ о ней, владалъ въ тоску и до такой степени надоѣлъ Николаю Михайловичу, что тотъ постарался поскорѣе раздѣлаться со столь неподходящимъ къ его натурѣ спутникомъ и отпустилъ его съ миромъ назадъ въ Варшаву.

Прежде чѣмъ направиться къ мѣсту своего назначенія, Пржевальскій заѣхалъ въ Петербургъ и ознакомился съ Географическимъ обществомъ, дѣйствительнымъ членомъ котораго онъ состоялъ уже три года *). Познакомившись съ предсѣдателемъ отдѣленія физической географіи, П. П. Семеновымъ, онъ объяснилъ ему свои намѣренія путешествовать въ Центральной Азіи и намѣченную имъ программу своихъ изслѣдованій и просилъ оказать ему помощь и покровительство со стороны Географическаго общества.

Однако-же въ то время общество не обладало еще значительными матеріальными средствами и весьма рѣдко давало субсидіи путешественникамъ, отправлявшимся въ экспедиціи. Поэтому ходатайство Пржевальскаго объ оказаніи ему денежной помощи не имѣло успѣха. Пржевальскій тогда былъ еще совсѣмъ неизвѣстенъ въ наукѣ и не успѣлъ еще заявить себя изслѣдованіями. Не смотря на это самъ П. П. Семеновъ сильно заинтересовался личностью молодого, энергичнаго офицера, и у него, при болѣе близкомъ знакомствѣ съ Николаемъ Михайловичемъ, сложилось убѣжденіе, что изъ этого талантливаго молодого человѣка можетъ выйти замѣчательный путешественникъ. Лично отъ себя онъ старался ободрить Пржевальскаго въ понесенной имъ неудачѣ и далъ формальное обѣщаніе, что если ему удастся на собственные средства произвести какія-либо интересныя изслѣдованія на мѣстѣ своего предстоящаго служенія, то Географическое общество снарядитъ потомъ подъ его руководствомъ болѣе серьезную научную экспедицію въ Среднюю Азію.

Въ концѣ марта 1867 г. Николай Михайловичъ прибылъ въ Иркутскъ и представился своему новому начальству.

Начальникъ штаба сибирскихъ войскъ генералъ Кукель и предсѣдатель сибирскаго отдѣла Географическаго общества, получивъ отъ П. П. Семенова письмо, въ которомъ тотъ рекомендовалъ Пржевальскаго, какъ будущаго путешественника, отнесся къ нему очень внимательно и рѣшилъ испробовать силы молодого человѣка.

*) Съ 5 февраля 1864 г., см. раньше.

Пока однако не представлялось возможности дать ему какую-нибудь командировку, Кукель поручалъ Николаю Михайловичу привести въ порядок библіотеку общества. Пржевальскій цѣлый мѣсяцъ проработалъ надъ исполненіемъ этого порученія, что принесло ему не малую пользу, такъ какъ онъ попутно ознакомился со многими сочиненіями касательно Азіи, которыя раньше ему не попадались.

Между тѣмъ поднятъ былъ вопросъ о производствѣ изслѣдованій въ недавно передъ тѣмъ прибрѣтенномъ Россіей Уссурійскомъ краѣ. Область эта составляетъ лучшую часть пріамурскихъ владѣній Россіи, но въ то время являлась почти совсѣмъ неизслѣдованной и обращала на себя всеобщее вниманіе.

Николай Михайловичъ съ жаромъ ухватился за представившійся случай и просилъ генерала Кукеля поручить ему предполагаемыя изслѣдованія.

Кромѣ того, что такое путешествіе являлось для него исполненіемъ давнишней мечты, Уссурійскій край былъ наиболѣе подходящей ареной, гдѣ Пржевальскій впервые могъ проявить свои таланты изслѣдователя еще и потому, что, какъ выше было уже указано, онъ еще въ бытность свою въ академіи занимался спеціальнымъ изученіемъ литературы пріамурскаго края и слѣдовательно являлся хорошо подготовленнымъ къ предстоящей задачѣ.

Николай Михайловичъ предложилъ свои услуги Сибирскому отдѣлу географическаго общества и обѣщалъ произвести по возможности всестороннее изслѣдованіе края. Мы уже имѣли случай упомянуть, что Пржевальскій такъ много общался обществу, что многіе изъ его членовъ даже усумнились въ возможности выполнить столь широкую программу изслѣдованій, какую предлагалъ онъ и сочли его за хвастуна. Но видно не всѣ столь скептически отнеслись къ пылкимъ проэктамъ Николая Михайловича; въ немъ было что-то такое, что невольно внушало довѣріе къ его громаднымъ силамъ, и Сибирскій отдѣлъ выказалъ полную готовность оказать свое содѣйствіе снаряженію Пржевальскаго въ предстоящую экспедицію. Ему выдана была небольшая сумма для издержекъ путешествія, а также инструменты, необходимыя для производства топографической съемки и астрономическаго опредѣленія географическихъ пунктовъ.

Материальная поддержка со стороны Сибирскаго отдѣла была очень кстати, такъ какъ собственныя средства Николая Михайловича были весьма не велики. Готовясь уже издавна къ своимъ будущимъ путешествіямъ, Пржевальскій старался скопить сколько-нибудь значительную сумму, но это было очень затруднительно. Ему, впрочемъ, удалось «сколотить» около 1,000 рублей; интересно что главную основу этого капитала составляли не трудовыя деньги, а карточные выигрыши: выше было уже упомянуто, что Пржевальскій иногда игралъ (еще въ бытность свою въ полку и потомъ въ Варшавѣ) и всегда въ азартныя игры, причемъ ему постоянно, какъ говорится «везло». Впрочемъ, у него былъ еще одинъ фондъ, но передъ началомъ первой экспедиціи онъ еще не вполне былъ реализированъ: Николай Михайловичъ въ бытность свою въ Варшавѣ издалъ свой учебникъ географіи, который встрѣтилъ въ педагогическомъ мірѣ весьма

лестный прием и несколько позднее, когда распродано было издание, доставил автору немалый доход. «Записки всеобщей географии для юнкерских училищ», напечатанные в 1867 г. предназначались Пржевальским для младшего класса юнкерских училищ, но долгое время употреблялись в качестве руководства и во многих учебных заведениях других типов, так как они являлись выдающимся трудом в тогдашней учебной литературе по своему содержанию и в особенности по изложению и удачной группировке материала.

Прибыв в 1871 г. в Пекин, Николай Михайлович был польщен, когда узнал, что в китайском университете читают географию по его курсу. «Значит Варшавское юнкерское училище по своему учебному курсу стоит наравне с Пекинским университетом. Какая завидная честь»; писал он Фатееву по этому поводу.

Но во всяком случае при выезде из Петербурга кошелек нашего путешественника сильно отохал, так как пришлось сделать много расходов на покупку охотничьих принадлежностей, книг и многих других вещей необходимых для человека, отправляющегося в далекое путешествие с научной целью.

Наконец все переговоры и хлопоты были окончены и в начале мая 1867 г. состоялась давно желанная командировка в Уссурийский край, причем Пржевальскому дано было со стороны военного начальства и от Сибирского отдела географического общества масса разносторонних поручений. Цели командировки были прежде всего военного характера: Николай Михайлович должен был осмотреть расположение двух линейных батальонов, размещенных на громадном пространстве Уссурийского края, и собрать статистические сведения о числе и состоянии всех находящихся там поселений, как казачьих, так и инородческих, т. е. манчжурских и корейских. Вместе с тем ему поручено было исследовать пути, ведущие к границам Манчжурии и Кореи, исправить имевшуюся до сих пор маршрутную карту и дополнить ее нанесением других удобных пунктов.

С своей стороны Сибирский отдел поручил ему исследовать флору и фауну края и собрать научные коллекции.

Принимая на себя столь многочисленные обязанности и поручения, Пржевальский несомненно сильно рисковал своею будущностью, так как если бы ему не удалось выполнить принятыя на себя задачи, то успех легко могли бы приписать не излишним трудностям экспедиции, а недостатку способности самого исследователя. Репутация будущего великого путешественника была поставлена на карту, но Николай Михайлович чувствовал в себе столько энергии и так надеялся на свои силы, что еще сам направивался на поручения и не скупился на обещания.

Когда командировка состоялась и вполне определялся уже район предстоящих исследований, то Николай Михайлович посвятил еще несколько времени на изучение всех сколько-нибудь относящихся к Уссурийскому краю мате-

риаловъ и по цѣлымъ днямъ сидѣть въ библіотеки общества, прочитывая всѣ даже малѣйшія статьи и рукописи и внося замѣтки въ свою памятную книжку.

На сколько добросовѣстно относился онъ къ своей подготовкѣ и какія блестящія были у него способности, видно между прочимъ изъ слѣдующаго факта: въ Иркутскѣ ему попала въ руки хорошая ориентологія (Тизенгаузена), которую Николай Михайловичъ считалъ для себя полезнымъ прочесть. Но здѣсь встрѣтилось небольшое препятствіе: книга была издана на польскомъ языкѣ, который ему былъ неизвѣстенъ. И вотъ Николай Михайловичъ, не долго думая, принимается за изученіе этого языка и въ короткое время, не смотря на то, что заниматься польскимъ языкомъ ему, при массѣ другихъ занятій, приходилось лишь урывками, настолько овладѣваетъ этимъ языкомъ, что свободно пользуется нужной ему книгой.

Для талантливаго и энергичнаго человѣка не существуетъ препятствій, ему все легко!

Среди усиленныхъ занятій и хлопотъ по сборамъ въ путь, Николай Михайловичъ находился въ самомъ восторженномъ состояніи. Сибирь произвела на него сильное впечатлѣніе, и поразила его: «дикость, ширь, свобода безконечно мнѣ понравились», говоритъ онъ въ своей автобіографіи» *).

«Про самый Иркутскъ нечего писать—гадость ужасная, все дорого до безобразія; въ два или три раза дороже, чѣмъ въ Европѣ. Но всѣ эти невгоды ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что можно каждый годъ отправляться въ экспедицію **).

«Вообще экспедиція великолѣпная. Я радъ до безумія», писалъ онъ въ Варшаву своему другу Фатѣву, за три дня до отправленія въ путешествіе. Его смущало только одно, что срокъ, назначенный для его возвращенія въ Иркутскъ, былъ слишкомъ коротокъ—всего 6 мѣсяцевъ, слѣдовательно, если положить по мѣсяцу на путь до избраннаго имъ района изслѣдованій и обратно, то на исполненіе всей массы данныхъ ему порученій по расчету оставалось какихъ-нибудь 3—4 мѣсяца. Въ виду этого онъ просилъ въ своемъ письмѣ къ П. П. Семенову похлопотать о продленіи срока по крайней мѣрѣ на 1 годъ.

Не мало смущало Пржевальскаго также то обстоятельство, что прогнавши отъ себя нѣмца Кёхера, онъ очутился безъ спутника и помощника въ предстоящемъ трудномъ путешествіи, однако же и здѣсь ему помогло счастье. Однажды, уже не задолго передъ отправленіемъ въ экспедицію, къ нему случайно зашелъ юноша Ягуновъ, лѣтъ 16-ти, бывшій гимназистъ, очень бѣдный, сынъ одной ссыльной женщины, недавно поступившій въ топографы. Съ первой же встрѣчи Ягуновъ такъ понравился Николаю Михайловичу, что онъ предложилъ юношѣ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ на Усури, на что тотъ съ радостью согласился и началъ

*) „Русская Старина“, см. раньше.

***) Письмо къ Фатѣву 23 мая 1867 г.

подъ руководствомъ Пржевальскаго прилежно учиться снимать шкурки съ животныхъ и препарировать ихъ для коллекцій.

Этотъ новый спутникъ оказался вполне подходящимъ къ предстоящему путешествію, былъ, какъ и самъ Пржевальскій, выносливъ во всякаго рода физическихъ трудностяхъ и лишенияхъ и прекрасно исполнялъ всѣ даваемые ему порученія. Въ предисловіи къ своей книгѣ Николай Михайловичъ отзывается о Ягуновѣ, какъ о дѣятельномъ и усердномъ помощникѣ: «съ этимъ энергичнымъ юношею дѣлилъ я всѣ свои труды, радости и заботы, такъ что считаю снятымъ долгомъ высказать ему, какъ Pflicht, мою искреннюю признательность».

Пржевальскій и въ позднѣйшихъ своихъ экспедиціяхъ былъ по большей части счастливъ въ выборѣ спутниковъ.

Между тѣмъ всѣ приготовления уже приходили къ концу и Пржевальскій торопился поскорѣ отправиться въ свое путешествіе.

«Снаряженіе мое въ экспедицію, писалъ онъ Фатѣеву, сдѣлано въ самыхъ гигантскихъ размѣрахъ, такъ напр., я имѣю съ собой четыре пуда одной дробн и 25 фунтовъ пороку. Все это придется таскать на вьючныхъ лошадяхъ по лѣсамъ. На Уссуріи встрѣчу тигра и непременно поохочусь, а можетъ быть и убью его. Вообще, по возвращеніи, я буду нѣчто въ родѣ олицетвореннаго «Лѣснаго бродяги» Ферри.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Отъ Иркутска по Шилжѣ и Амуру до Уссуріи.

На почтовыхъ. — Крушеніе парохода. — Путешествіе въ лодкѣ. — Снова на пароходѣ.

«Дорогъ и памятенъ для каждаго человѣка тотъ день, въ который осуществятся его завѣтныя стремленія, когда, послѣ долгихъ препятствій, онъ видитъ наконецъ достиженіе цѣли, давно желанной. Такимъ незабвеннымъ днемъ было для меня 26 мая 1867 года, когда, получивъ служебную командировку въ Уссурійскій край и наскоро запасшись всѣмъ необходимымъ для предстоящаго путешествія, я выѣхалъ изъ Иркутска по дорогѣ къ озеру Байкалу, и далѣе черезъ все Забайкалье къ Амуру» — такъ начинается Николай Михайловичъ описаніе своего путешествія.

Быстро миновало шестидесятиверстное разстояніе между Иркутскомъ и Байкаломъ и съ высоты перевала передъ нимъ сразу открылась необъятная поверхность громаднаго озера, обставленнаго со всѣхъ сторонъ высокими горами, на вершинахъ которыхъ еще виднѣлись мѣстами залежи снѣга.

Небольшой купеческій пароходъ, совершавшій правильные 90-верстные рейсы между западнымъ и восточнымъ берегами, доставилъ нашихъ путешественниковъ на противоположную сторону озера, и они немедленно же двинулись въ дальнѣйшій путь на почтовыхъ.

Дружно понеслась лихая тройка, и быстро стали мелькать различные ландшафты: горы, рѣчки, долины, русскія деревни, бурятскіе улусы... Безъ остановокъ, въ нѣсколько дней, прокатили они съ тысячу верстъ поперегъ всего Забайкалья и добрались наконецъ до р. Шилки.

Мѣстность въ Забайкалья и еще раньше на пути отъ Иркутска до озера носить вообще гористый характеръ, то дикій и угрюмый, гдѣ горы покрыты сплошными дремучими лѣсами, то болѣе мягкій, гдѣ разстилаются обширныя безлѣсныя степныя пространства, представляющія превосходныя пастбища, на которыхъ безпрестанно встрѣчаются стада русскихъ поселенцевъ, казахи и бурятскія.

Суровый континентальный климатъ Средней Азіи сразу-же далъ себя почувствовать; несмотря на то, что былъ уже конецъ мая, по ночамъ стояли такіе холода, что едва можно было согрѣться въ полушубкѣ, а однажды на разсвѣтѣ ударилъ даже небольшой морозъ.

Сравнительно съ Европейскою Россіей, весна здѣсь сильно запоздала: растительность еще только пробуждалась послѣ зимняго оцѣпененія, деревья и кустарники не успѣли еще вполнѣ развернуть свои почки, а трава на песчаной и частью глинистой почвѣ степей едва поднималась и не прикрывала грязно-сѣраго грунта.

Пріятный контрастъ съ общимъ видомъ окружающей мѣстности представляли плодородныя долины рѣкъ Селенги, Уды, Кыргылея и др., которыя уже одѣты были яркою зеленью, а лужайки пестрѣли массою всевозможныхъ цвѣтовъ.

Люди попадались на встрѣчу рѣдко, сравнительно немного встрѣчалось и животныхъ, только кое-гдѣ важно расхаживалъ одинокій журавль или бѣгали небольшія стада дрофъ, а на озерахъ и болотистыхъ заводяхъ полоскались утки; иногда раздавался звонкій голосъ лебедя-кликуну, а въ вышинѣ заливались своею звонкою трелью жаворонки.

Миновавъ областной городъ Читу, наши путешественники перевалили на высотѣ 4,000 ф. черезъ кряжъ Яблоновыхъ горъ и послѣ этого характеръ мѣстности сразу измѣнился: вмѣсто разнообразнаго горнаго ландшафта съ дремучими лѣсами на склонахъ горъ и веселыми лужайками съ многочисленными рѣчками и озерами, сверкающими въ глубинѣ долинъ—потянулась открытая и на сколько хваталъ взглядъ однообразная степь.

Абсолютная высота здѣсь была меньше и въ связи съ этимъ климатъ сталъ какъ будто-бы теплѣе, шиповникъ, черемуха, яблони и большинство другихъ садовыхъ и луговыхъ растений находились уже въ полномъ цвѣту, и воздухъ напоенъ былъ ихъ ароматомъ.

Весьма часто цѣлыми семействами попадались играющіе на солнышкѣ байбаки, по мѣстному названію тарабаганы, которые, завидѣвъ человѣка, пускались что есть духу бѣжать къ своимъ норамъ, но добѣжавъ уже до самаго ихъ отверстія и считая себя въ безопасности, животныя обыкновенно, не прятались въ свое убѣжище, а останавливались, приподнимались на заднихъ лапкахъ, съ

любопытствомъ разсматривая приближающагося непріятеля. Хорошему стрѣлку въ такомъ положеніи очень легко убить байбака, такъ какъ къ нему можно подойти довольно близко, но даже и смертельно раненный тарабаганъ все еще успѣваетъ заполнить вглубь своей норы, откуда его нельзя достать иначе, какъ раскопавъ всѣ подземные ходы, весьма глубокіе и извилистые. По этой причинѣ добыча тарабагановъ оказывается довольно затруднительною, и русскіе вовсе на нихъ не охотятся, но буряты и тунгусы промышляютъ ихъ изъ-за мяса и жира, въ особенности поздней осенью, когда изъ хорошаго, стараго самца можно натопить фунтовъ 5 сала.

5-го іюня Пржевальскій со своимъ молодымъ спутникомъ пріѣхали въ с. Срѣтенское, откуда дальнѣйшій путь предстоялъ уже на пароходѣ. Паровое судоходство по Амурской рѣчной системѣ въ то время было уже довольно сильно развито и насчитывалось 24 парохода, совершавшихъ свои плаванія по Амуру и его главнѣйшимъ притокамъ. Не смотря на то сообщеніе по всѣмъ этимъ рѣкамъ было весьма неудовлетворительно, такъ какъ суда не совершали правильныхъ рейсовъ, между опредѣленными пунктами и въ опредѣленное время: «пароходы приходять и отходятъ, плывутъ дальше или ближе, направляются въ ту или другую сторону, смотря по надобности и расчетамъ мѣстнаго начальства», пишетъ Пржевальскій: «и пассажиры волею или неволею должны иногда жить недѣли двѣ—три на одномъ и томъ-же мѣстѣ, въ ожиданіи отплытія парохода».

Если число желающихъ ѣхать на пароходѣ оказывалось слишкомъ велико, то съ ними не церемонились и размѣщали ихъ, какъ попало: кто не помѣщался въ каютѣ, набитой народомъ «какъ сельди въ бочкѣ», тотъ принужденъ былъ располагаться на палубѣ, подъ открытымъ небомъ.

«При томъ же, ко всѣмъ неудобствамъ здѣшней пароходной ѣзды присоединяется еще и то обстоятельство, что на многихъ пароходахъ вовсе нѣтъ буфетовъ, и путники должны сами заботиться о своемъ продовольствіи; между тѣмъ, это было весьма затруднительно, такъ какъ во время кратковременныхъ остановокъ въ бѣдныхъ казачьихъ станицахъ, нельзя успѣть запасти припасами. Но даже и въ томъ случаѣ, когда удавалось купить провизіи, при тѣсотѣ пароходной кухни, некому и негдѣ было приготовить изъ нея пищу.

Село Срѣтенское, куда прибыли теперь наши путешественники, составляетъ самый крайній пунктъ Амурскаго пароходства въ верховья системы; выше этого мѣста суда могутъ подниматься не болѣе, какъ верстъ на 100, до г. Нерчинска, да и то лишь въ полую воду. Къ счастью, Пржевальскому, на этотъ разъ, пришлось ждать не долго, всего 4 дня; пароходъ, отправляющійся внизъ по Шилкѣ, куда лежалъ его путь, былъ уже готовъ, и отплытіе его задерживалось только тѣмъ, что рѣка въ это время сильно обмелѣла и ждали прибыли воды.

Наконецъ 9 іюня, пароходъ вышелъ изъ Срѣтенскаго, но не успѣлъ онъ спуститься внизъ по быстрой, порожистой и изобилующей мелями Шилкѣ и на сотню верстъ, какъ на полномъ ходу налетѣлъ на подводный камень и получилъ

огромную пробоину въ подводной своей части и долженъ былъ остановиться для починки въ Шилкинскомъ заводѣ, возлѣ котораго случилось это крушеніе.

При незначительной глубинѣ рѣки такой инцидентъ не представлялъ большой опасности для пассажировъ, но для нашихъ путешественниковъ, торопившихся доѣхать какъ можно скорѣе до Уссури, это было настоящимъ несчастіемъ. Починка парохода не общала особенно затянуться, но какъ разъ въ это время вода въ рѣкѣ начала снова спадать и потому предстояла еще перспектива простоять здѣсь уже съ исправленнымъ пароходомъ неопредѣленное время.

Въ такихъ обстоятельствахъ Николай Михайловичъ, раввшійся въ своемъ нетерпѣніи впередъ, бросилъ пароходъ, и, помѣстившись со своимъ спутникомъ на нанятой лодкѣ, немедленно же двинулся дальше. Съ ними вмѣстѣ поѣхалъ и еще одинъ пассажиръ злополучнаго парохода, который соблазнился надеждою болѣе быстро движенія на лодкѣ.

Пржевальскій былъ отчасти радъ тому, что съ пароходомъ случилось несчастіе и онъ оставилъ его, такъ какъ путешествуя на лодкѣ онъ ни отъ кого не зависѣлъ и могъ свободно располагать своимъ временемъ, останавливался, гдѣ ему было угодно и поэтому могъ гораздо ближе ознакомиться съ мѣстностью, по которой онъ проѣзжалъ.

А берега Шилки здѣсь, какъ нарочно, сдѣлались крайне интересными для человѣка такого характера, какой былъ у Николая Михайловича. Отъ станицы Горбицы, куда утлая ладья нашихъ путешественниковъ прибыла вскорѣ послѣ своего отправленія, и до самаго слиянія Шилки съ Аргунью, т. е. верстъ на 200, протянулась по обѣимъ сторонамъ рѣки пустынная, незаселенная мѣстность дикаго и мрачнаго характера. Осѣдлаго населенія здѣсь почти что совсѣмъ не было и для поддержанія почтового сообщенія на всемъ 200-верстномъ разстояніи устроено было только 7 одинокихъ почтовыхъ ставцій, которыя по всему Амуру и Забайкалью пользовались громкою извѣстностью подъ мѣткимъ прозвищемъ «*семи смертныхъ грѣховъ*»: всякій проѣзжающій подвергается здѣсь всевозможнымъ неприяностямъ, какъ относительно станціоннаго помѣщенія, такъ и относительно почтовыхъ лошадей, содержимыхъ крайнѣ небрежно и едва способныхъ волочить свои собственныя ноги, а не возить путешественниковъ. Рѣка, сжатая въ одномъ неширокомъ (70—100 саж.) руслѣ, быстро стремится между горами, которыя тѣсятся по обѣимъ сторонамъ Шилки и часто образуютъ голые, отвѣсные каменные утесы, выдвигающіеся въ средину теченія; только изрѣдка горы отступаютъ нѣсколько дальше отъ береговъ и образуютъ неширокія луговья долины и пади. Сами горы покрыты густыми хвойными лѣсами, среди которыхъ неприятно выступаютъ мѣстами совершенно обнаженныя вершины и загроможденные горами каменныхъ обломковъ разной величины, такъ называемыя «россыпи»: обнаженныя площади среди громадныхъ пространствъ густой зелени хвойныхъ лѣсовъ казались какъ бы лысынами на роскошной шевелюрѣ.

Въ этой гористой и дикой лѣсистой мѣстности изобиловали всевозможныя животныя: здѣсь водились во множествѣ бѣлки, сохатые (лоси), изюбри, кабарги, медвѣди и не перевелись еще даже соболи. Но несмотря на это, лѣса здѣшніе, какъ и сибирская тайга, характеризуются своею могильною тишиною и производятъ на непривычнаго человѣка мрачное, подавляющее впечатлѣніе.

«Даже гвѣвчую птицу въ нихъ можно услышать только изрѣдка», говоритъ Николай Михайловичъ: *) «она какъ будто боится пѣть въ этой пустынѣ. Останувшись, бывало, въ такомъ лѣсу, прислушаешься и ни малѣйшій звукъ не нарушаетъ тишины. Развѣ только изрѣдка стукнетъ дятель, или прожужжитъ насѣкомое и улетитъ Богъ знаетъ куда. Столѣтнія деревья угрюмо смотрятъ кругомъ, густое мелколѣсье и гніющіе ины затрудняютъ путь на каждомъ шагу и даютъ живо чувствовать, что находишься въ лѣсахъ дѣвственныхъ, до которыхъ еще не коснулась рука человѣка»...

Горныя пади, гдѣ преобладали лиственные породы деревьевъ и береговые дуга, съ весьма разнообразною флорою, представляли нѣсколько болѣе оживленный видъ.

Плыва по рѣкѣ, путники не рѣдко встрѣчали ледъ, неуспѣвшій еще растаять, иногда попадались даже огромныя льдины саженой въ 70 длиною и болѣе двухъ футовъ толщиною.

Между тѣмъ было уже половина іюня, а гребцы казаки сообщили Пржевальскому, что ледъ на рѣкѣ держится даже до іюля мѣсяца, что, по выраженію Николая Михайловича, служить «весьма краснорѣчивою рекомендаціей суровости климата этой страны».

Въ противоположность безмолвнымъ и мрачнымъ нагорнымъ лѣсамъ, на самой рѣкѣ и въ прибрежныхъ тростникахъ и кустарникахъ, гдѣ они росли, животная жизнь кипѣла. Безпрестанно взлетали надъ водою кулики, утки, въ болотистыхъ заводяхъ расхаживали цапли, черныя аисты и множество другихъ водяныхъ и болотныхъ птицъ оглашали воздухъ своими криками...

Николаю Михайловичу, какъ страстному охотнику, было здѣсь раздолье: онъ обыкновенно помѣщался на носу лодки и «постоянно посылалъ привѣтствія всѣмъ встрѣчающимся тварямъ, то изъ ружья, то изъ штуцера, смотря по разстоянію». Завидѣвъ гдѣ нибудь въ сторонѣ отъ рѣки какой-либо интересный экземпляръ, онъ немедленно же приказывалъ гребцамъ причалить, выскакивалъ на берегъ и шель съ ружьемъ въ рукахъ подкрадывался къ своей жертвѣ; въ пылу охотничьяго увлеченія забывая про недовольство своихъ спутниковъ, онъ надолго скрывался иногда въ окрестныхъ дебряхъ. Черезъ это, конечно, лодка не могла подвигаться быстро впередъ, и отправившійся вмѣстѣ съ нашими путешественниками пассажиръ съ парохода сильно каялся, что связался съ ними. Николай Михайловичъ и самъ сознавалъ, что охотничьи увлеченія въ данномъ

*) „Путешествіе въ Уссурийскомъ краѣ“, стр. 7.

случаѣ были неумѣстны, такъ какъ черезъ это онъ не скоро доберется до дѣли своего путешествія, р. Усури.

«Много разъ,—говорить онъ, я давалъ себѣ обѣщаніе не вытѣзать больше изъ лодки и не ходить въ сторону, но черезъ какой-нибудь часъ снова замѣчалъ орда или анста и вновь повторялась та-же исторія. Однажды ему посчастливилось даже убить кабаргу въ то время, какъ она переплывала черезъ рѣку».

Не смотря на постоянныя промедленія и остановки, лодка довольно скоро подвигалась впередъ благодаря быстротѣ теченія Шилки и въ сутки удавалось пробѣхать даже до сотни верстъ. 14 іюня путешественники достигли устья Шилки, которая здѣсь сливается съ Аргунью и образуетъ многоводную великую рѣку Амурь.

Впрочемъ Амурь здѣсь еще нельзя было назвать большой рѣкой, ширина его не превышаетъ 150 саж., теченіе столь же быстро и порожиисто, берега сохраняютъ тотъ жъ гористый характеръ, и то же направленіе, какъ и Шилка, такъ какъ Амурь прорывается здѣсь черезъ сѣверную оконечность Хингана.

Вступивъ въ Амурь, наши путешественники сначала продолжали подвигаться въ лодкѣ, но въ станицѣ Албазіяѣ они неожиданно застали одинъ частный пароходъ, отходившій въ Благовѣщенскъ, на которомъ и взяли себѣ мѣста, бросивъ лодку. Отъ Албазина Амурь поворачиваетъ на югъ, теченіе его дѣлается извилистымъ и измѣняется самый характеръ его: вмѣсто одного сжатого русла, здѣсь появляется нѣсколько рукавовъ, начинаютъ попадаться большіе и малые острова, покрытые роскопнѣйшею травяною растительностью, хотя теченіе по прежнему остается очень быстрымъ, и рѣка съ шумомъ катитъ по своему каменистому ложу мелкую гальку.

Многочисленные острова и низменные берега рѣки представляли сплошныя чащи травянистыхъ растений; зонтичныя растенія, черныбыльники, тростники, различные злаки высотой въ 10 ф. и болѣе перемѣшивались своими стеблями, листьями, цвѣтами, связанные притомъ другъ съ другомъ ліанами безконечно переплетающеюся сѣтью. Зачастую по этимъ роскопнымъ лугамъ можно было пробираться не иначе, какъ съ топоромъ въ рукѣ, и обыкновенно люди, которые отваживаются пускаться въ эти травяныя дебри, должны слѣдовать по тропинкамъ, протореннымъ дикими звѣрями. Кабаны, олени, косули прачутся въ этихъ высокихъ травахъ еще лучше, чѣмъ въ лѣсу, тигръ, не уступающій по силѣ и величинѣ своему близкому родичу, обитателю бенгальскихъ джунглей, и пантера живутъ въ амурскихъ дебряхъ вмѣстѣ съ обитателями умѣренныхъ и даже холодныхъ странъ, какъ, напр., медвѣдемъ, сободемъ...

Теченіе Амуре въ верховьяхъ вообще извилисто, но особенно замѣчательна одна большая излучина, едва-ли еще гдѣ-нибудь встрѣчающаяся въ природѣ: это извилина Удусь-Модонская, гдѣ рѣка дѣлаетъ дугу въ 28 в. по длинѣ теченія и затѣмъ подходит на разстояніе лишь 2 верстъ къ своему руслу въ началѣ изгиба. Берега рѣки по прежнему обставлены горами, но не столь

высокими и болѣе живописно расположенными, чѣмъ прежде. Величественные береговые утесы мѣстами подымались надъ рѣкою отвѣсною стѣною, въ которой замѣчательно отчетливо можно было различить напластованія. Изъ послѣднихъ оставивали на себѣ вниманіе пласты каменнаго угля и иногда замѣтно было, какъ они дымятся. Что касается лѣсовъ, которыми по большей части покрыты прибрежныя пространства, то здѣсь надъ хвойными деревьями начали уже преобладать различныя лиственныя породы, появились, напр., огромныя дубы, которые раньше совсѣмъ не встрѣчались.

Здѣсь было уже довольно значительное казачье населеніе и кочевое туземное.

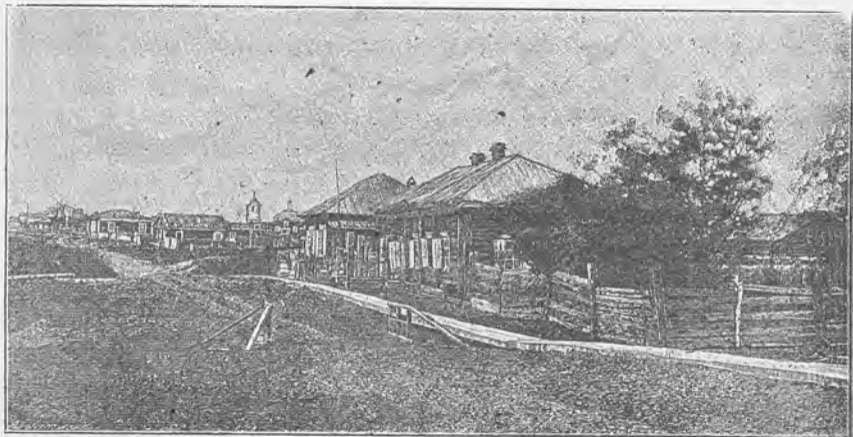
По всему лѣвому берегу р. Амура отъ устья Шалки до Благовѣщенска поселенъ быть конный казачій полкъ, и ихъ станицы часто видѣлись на берегу. Изъ инородцевъ на Амурѣ преобладаютъ два племени — Орочоны и Манегры; первые качуютъ въ верхней части бассейна по рѣкамъ Шалкѣ, Аргуни и далѣе по Амuru приблизительно до Албазина, манегры обитаютъ далѣе внизъ по теченію, до р. Зеи.

Инородцы эти настоящіе дикари, живутъ исключительно звѣроловствомъ и рыбною ловлей и ведутъ бродячій образъ жизни, переходя съ одного мѣста на другое въ различныя времена года, смотря по условіямъ своихъ охотничьихъ промысловъ.

Ежегодно, около декабря мѣсяца, орочоны переносятъ свои кочевья въ долину р. Олдоа, куда въ это же время съѣзжаются и русскіе купцы, и тогда происходитъ оживленная мѣсовая торговля, причемъ дикари получаютъ отъ русскихъ различныя предметы первой необходимости въ обмѣнъ на добытыя ими оленья, медвѣжьи, лосиные и др. шкуры и пушныя мѣха. Такіе же торги и то же въ декабрѣ происходятъ въ устьи р. Кумары между манеграми и манчжурскими торговцами, которые съѣзжаются туда со своими товарами.

А л б а з и н ѣ .

А л б а з и н ъ .

О р о ч о н ы.

Проѣзжая по Амуру, Пржевальскій не рѣдко замѣчалъ на берегахъ убогія берестяныя юрты этихъ инородцевъ, болѣею частью по нѣсколько вмѣстѣ; это были становища дикарей, прикочевавшихъ къ рѣкѣ, для ловли осетровъ, которые въ это самое время массами шли вверхъ для метанія икры.

«Услыхавъ шумъ пароходныхъ колесъ, пишетъ Николай Михайловичъ, вся толпа этихъ дикарей обыкновенно выбѣгала на песчаный берегъ и смотрѣла на насъ съ изумленіемъ и любопытствомъ. Быстро катилъ мимо нихъ пароходъ, и вслѣдъ за нимъ опять водворялась безмолвная тишина, постоянно царствующая въ здѣшнихъ мѣстахъ и только изрѣдка нарушаемая завываніемъ вѣтра въ вершинахъ деревьевъ, журчаньемъ горнаго ручья или отрывистымъ крикомъ какого-нибудь звѣря и птицы» *).

Все дальше и дальше бѣжить по волнамъ пароходъ, увлекаемый стремительнымъ теченіемъ рѣки, и по мѣрѣ того какъ приближались къ югу, замѣтна становилась разница въ климатѣ; въ воздухѣ становилось теплѣе и природа дѣлалась все болѣе и болѣе роскошной.

20 іюня прибыли въ Благовѣщенскъ, раскинувшійся болѣе, чѣмъ на 2 версты вдоль берега Амура, однако же мало отличающійся отъ порядочной деревни Европейской Россіи. Населеніе здѣсь въ то время насчитывало только 3,500 душъ обоего пола и состояло главнымъ образомъ изъ военныхъ и чиновниковъ **), но здѣсь кромѣ того проживало много купцовъ какъ русскихъ, такъ и китайскихъ. Пржевальскому особенно не понравилась страшная дорогизна всякихъ товаровъ въ Благовѣщенскѣ: «тройныя и лишь изрѣдка двойныя цѣны противъ номинальной стоимости».

Въ этой «столицѣ Амурскаго края» не нашлось ни гостиницы, ни даже

*) „Путешествіе въ Уссурийскомъ краѣ“ стр. 11.

**) Благовѣщенскъ — центръ управленія Амурской областью.

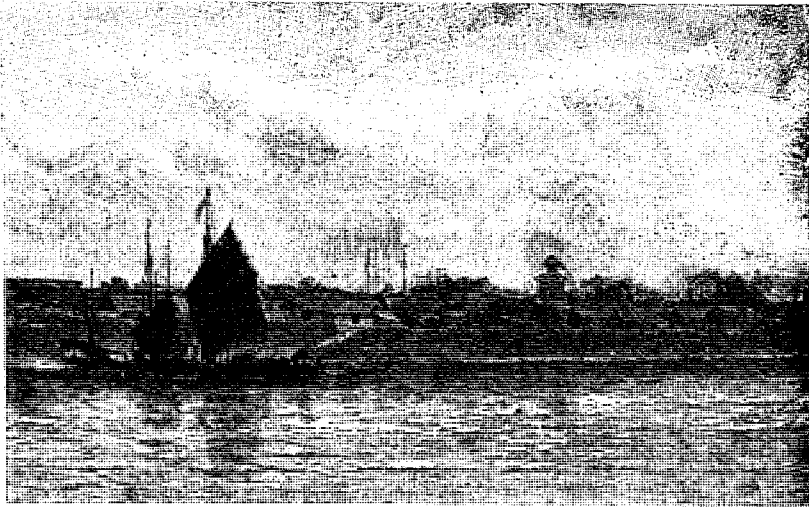

О р о ч о н ы.

какого-нибудь постоялаго двора, такъ что путешественники наши поставлены были въ весьма затруднительное положеніе и съ большимъ трудомъ нашли себѣ помѣщеніе. Предстояла весьма невеселая перспектива ожидать какого-либо парохода, для того чтобы двинуться дальше, что могло продолжиться неопредѣленное время, даже недѣли 2—3, но къ великой радости Николая Михайловича и его спутниковъ, уже на вторыя сутки ихъ безнадежнаго плѣненія къ Благовѣщенской пристани подошелъ тотъ самый пароходъ, который везъ ихъ по Шилкѣ изъ Срѣтенскаго, но вскорѣ получилъ пробойну и остановился для починки. Теперь пароходъ этотъ отправлялся дальше, внизъ по Амуру до Николаевска. Разумѣется, наши путешественники посѣщали перебраться изъ своихъ непрезентабельныхъ, хотя и дорого стоящихъ квартирныхъ помѣщеній на этотъ пароходъ и отправились дальше.

Берега Амура здѣсь носятъ уже равнинный, отчасти луговой, отчасти лѣсистый характеръ, хотя вдали все-таки почти вездѣ виднѣются горы и возвышенности, которыя верстъ на 50 ниже Благовѣщенска снова подступаютъ къ рѣкѣ и тянутся по ея берегамъ. Верстахъ въ двухъ ниже Благовѣщенска пароходъ проходилъ мимо устья р. Зеи и Николай Михайловичъ былъ пораженъ величиною этой рѣки: ширина ея въ этомъ мѣстѣ достигаетъ около 2 верствъ, такъ что она кажется гораздо большею, чѣмъ самъ Амуръ, куда Зея впадаетъ.

По обѣимъ сторонамъ рѣки, являющейся пограничною между Россіей и Китаемъ, чаще всего встрѣчаются манчжурскія деревни, а на правомъ берегу расположенъ Айгунь, первый китайскій городъ, который пришлось увидѣть Николаю Михайловичу. Городъ этотъ вытянулся вдоль берега версты на 2, но по

Айгунь.

А й г у н ъ.

своему наружному виду мало отличается от обыкновенных манчжурских деревень, хотя въ немъ число жителей достигаетъ пятнадцати тысячъ. Посреди города видѣлась крѣпость, выстроенная изъ толстыхъ бревенъ, воткнутыхъ вертикально въ землю. Въ этомъ «замкѣ», какъ сообщали Николаю Михайловичу, живетъ самъ китайскій губернаторъ города—амбань.

На лѣвомъ, русскомъ берегу Амура, кромѣ манчжуръ, расположены также казачьи станицы и нѣсколько десятковъ *) деревень крестьянъ, переселившихся сюда изъ Россіи.

Прорываясь черезъ главный хребетъ Малаго Хингана, между станицами Радевой и Помпеевкой, на протяженіи около 70 верстъ Амуръ дѣлается чрезвычайно живописнымъ. Рѣка суживаетъ здѣсь свое русло сажень на 200 и быстро стремится по извилистому каменистому ложу между горами, съ каждымъ поворотомъ открывая великолѣпные, грандіозные ландшафты.

«Высокою, отвѣсною стѣною подходятъ горы къ самому берегу; кажется что вотъ пароходъ стремится прямо на скалу, какъ вдругъ новый крутой поворотъ рѣки открываетъ новую чудную панораму; не успѣешь еще достаточно налюбоваться ея красотою, какъ опять появляются новыя, еще лучшія картины и такъ быстро смѣняють одна другую, что едва успѣваешь удерживать ихъ въ своемъ воображеніи» **).

По выходѣ изъ горъ, Амуръ вступаетъ въ обширную равнину и разбивается на множество рукавовъ. Вскорѣ онъ принимаетъ многоводную р. Сунгари, самый большій изъ всѣхъ своихъ притоковъ. Размѣры Амура послѣ этого увеличиваются почти вдвое и главное русло имѣетъ въ ширину верстъ до трехъ.

На лѣвомъ берегу по прежнему попадаютъ казачьи станицы, а изъ инородцевъ здѣсь расположено небольшое племя бирарь-тунгусовъ; далѣе Бурейскихъ горъ по Амuru приблизительно до р. Горыни и вверхъ по р. Уссури преобладающимъ являются уже гольды.

Быстро катилъ пароходъ по широкой и многоводной рѣкѣ и 26 июня, ровно черезъ мѣсяцъ со времени выѣзда изъ Иркутска, путешественники прибыли въ Хабаровскъ, расположенный при устьѣ Уссури, и здѣсь высадились.

Теперь начиналось уже настоящее путешествіе и изслѣдованія, для чего надо было подыматься вверхъ по р. Уссури.

*) Всѣхъ русскихъ крестьянскихъ деревень въ этой мѣстности въ районѣ Благовѣщенска и по рр. Зеи, Томи (прит. Зеи) и Завитой (прит. Амура), въ то время насчитывалось 41, а общее число крестьянъ простиралось до 2,500 душъ об. пола.

**) Путеш. въ Усс. кр., стр. 14.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

По рѣкѣ Уссури до озера Ханка.

На лодкѣ вверх по рѣкѣ.—Характеръ береговъ и растительности; мучители-комары.—
Порадожь дня и начевка.—Р. Сунгача.

Служебныя дѣла на нѣсколько дней задержали Николая Михайловича въ Хабаровскѣ, а затѣмъ онъ купилъ лодку и со своимъ спутникомъ отправился вверх по Уссури. Можно было-бы и здѣсь ѣхать на пароходѣ, но Николай Михайловичъ предпочелъ лодку, совершенно основательно разсчитывая, что при подобномъ способѣ путешествія можно будетъ скорѣе ознакомиться съ краемъ, да и торопиться было не затѣмъ, такъ какъ теперь онъ уже былъ на мѣстѣ своего назначенія, и пришло время производить изслѣдованія.

Зимою въ Уссурійскомъ краѣ сообщеніе производится на почтовыхъ, причѣмъ по большей части дорога проходитъ по льду замерзшихъ рѣкѣ, но лѣтомъ другихъ сообщеній, кромѣ водныхъ, не существуетъ. Хотя по Уссури могутъ ходить небольшіе пароходы, но ихъ очень мало и они ходятъ весьма неправильно, почему всѣ проѣзжающіе всегда почти пользуются лодками. Гребцами служатъ казаки, которыхъ проѣзжающіе берутъ въ каждой станицѣ поспѣнно. Гоньба почты и гребля на лодкахъ составляетъ здѣсь повинность казаковъ и прогоны платятся имъ по существующей таксѣ: по три конейки съ каждой версты на одну лошадь почтой и на одного гребца—на лодкѣ.

Впрочемъ, между станицами существуютъ кое-какія тропинки, но по нимъ можно пробираться развѣ только пѣшкомъ или верхомъ, да и то съ большими затрудненіями и не всегда благополучно, особенно во время наводненія, которое какъ разъ теперь и наблюдалось на Уссури, такъ какъ во все время, пока продолжалось его плаваніе, до послѣдней станціи на Уссури—станціи Буссе, т. е. 23 дня почти ежедневно шли сильныя проливныя дожди, иногда не перестававшіе по двое сутокъ сряду, отчего вода въ рѣкѣ поднялась сажня на два выше обыкновеннаго уровня и разлилась на громадное пространство по окрестнымъ дугамъ. Иногда за невозможностью пристать къ какому-нибудь возвышенному, сухому мѣсту, путешественники наши по цѣлымъ суткамъ не выходили изъ лодки.

Въ нижнемъ теченіи рѣки берега имѣютъ однообразный равнинный характеръ: обширныя заливныя низменности со множествомъ большихъ и малыхъ озеръ и заболоченныхъ пространствъ, прорѣзаны въ различныхъ направленіяхъ нѣсколько болѣе возвышенными площадями по большей части длинными и узкими въ формѣ уваловъ. Заливные дуга покрыты роскошною травяною растительностью, достигающей не рѣдко саженой высоты, а по кочковатымъ низинамъ и по берегамъ рѣки и озеръ растутъ во множествѣ различныя водяныя и болотныя растенія: разныя виды осоки, кувшинки, чилимъ, гигантскіе тростники и айръ и т. п.

На всѣхъ пригоркахъ растительность становится разнообразнѣе, появляются во множествѣ разнообразные кустарники, образующіе густыя заросли, а среди нихъ попадаются и древесныя породы: дубъ, черная береза, осина, липа... Но самая разнообразная растительность встрѣчается на болѣе сухой почвѣ возвышенностей, здѣсь растутъ и всевозможныя деревья, и кустарники, и травы, и между прочимъ, во множествѣ попадаются лиліи, піоны, діоскорея и др.

Впрочемъ, равнинный характеръ обоихъ береговъ сохраняется не вездѣ; съ правой стороны, верстъ ва 50 выше устья вдругъ вздымается огромный хребетъ Хехдырь въ 3—4 тысячи футовъ высотой, который затѣмъ и тянется вдоль праваго берега, то образуя крутые утесы, то спускаясь пологими скатами. Хребетъ этотъ весьма живописенъ и сплошь покрытъ дремучими лѣсами, состоящими изъ самыхъ разнообразныхъ древесныхъ породъ. Рядомъ съ огромными липами, ясенемъ, кленомъ, пробковымъ дубомъ, ильмомъ, грецкимъ орѣхомъ и другими лиственными деревьями стоятъ кедры, ели, пихты, лиственницы. Здѣсь-же густыя подлѣски образуютъ заросли различныхъ кустарниковъ, составъ которыхъ также весьма разнообразенъ: лещина, бузина, жасминъ, сирень, калина, жимолость и др.

У подножія хребта раскинулась равнина, которая по мѣрѣ приближенія къ югу постепенно становится холмистой и даже гористой.

Сама Усури въ нижнемъ теченіи раздѣляется на множество рукавовъ и образуетъ острова, по большей части низменные, происшедшіе изъ рѣчныхъ наносовъ и имѣющіе болотистый характеръ, но тѣ изъ нихъ, которые болѣе возвышены, представляютъ изъ себя прелестныя участки покрытыя роскошною и разнообразною растительностію. Здѣсь уже не рѣдкость встрѣтить и плодовые деревья въ дикомъ состояніи, какъ, напр., яблони и виноградную лозу, обвивающую доверху высокіе стволы деревьевъ.

Вообще растительность въ Усурійскомъ краѣ является весьма роскошною, а разнообразіе породъ придаетъ ей въ высшей степени оригинальный видъ.

«Невозможно забыть впечатлѣнія, производимаго такимъ лѣсомъ на путешественника, въ особенности въ первый разъ, говоритъ Николай Михайловичъ».

Правда, онъ также дикъ и недоступенъ, какъ и всѣ сибирскія тайги, но въ тѣхъ однообразіи растительности, топкая болотистая почва, устланная мхами или лишаями навѣваетъ на душу какое-то уныніе; здѣсь, наоборотъ, на каждомъ шагѣ встрѣчаешь роскошь и разнообразіе, такъ что не знаешь, на чемъ остановить свое вниманіе. То высится передъ вами громадный ильмъ со своею широколиственною вершиною, то стройный кедръ, то дубъ и липа, съ пустыми дуплистыми отъ старости стволами, болѣе сажени въ обхватѣ, то орѣхъ и пробковый дубъ, съ красивыми, перистыми листьями, то пальмовидный диморфатъ, довольно впрочемъ рѣдкій... Въ особенности роскошна растительность по горнымъ скатамъ и на невысокихъ падахъ, орошаемыхъ быстрыми, громко журчащими горными ручьями и защищенныхъ сосѣдними возвышенностями отъ вѣтровъ.

Здѣсь растительная жизнь является во всей своей силѣ и часто на небольшомъ пространствѣ тѣсняются самыя разнообразныя породы деревьевъ и кустарниковъ, образующихъ необыкновенно густыя заросли, такъ какъ стволы и вѣтви деревьевъ и кустарниковъ переплетены между собою различными вьющимися растеніями.

Въ такихъ мѣстахъ, защищенныхъ, отъ дующихъ здѣсь временами, суровыхъ вѣтровъ, роскошно развивается виноградъ, который то стелется по землѣ и покрываетъ ее сплошнымъ ковромъ зелени, то обвиваетъ, какъ тропическія ліаны, кустарники и деревья, и свѣшивается съ нихъ роскошными гирляндами.

Какъ-то странно непривычному взору видѣть смѣшеніе формъ сѣвера и юга, которыя сталкиваются здѣсь, какъ въ растительномъ, такъ и въ животномъ мірѣ. Коренная жительница крайняго сѣвера, ель, густо обитая виноградною лозою, грецкій орѣхъ или пробковое дерево, и рядомъ съ ними сибирскій кедръ, пихта; въ лѣсу бродитъ «косматый мишка» — бурый сибирскій медвѣдь; въ большомъ числѣ *) попадаются даже настояшій сѣверный звѣрекъ, соболь, но тутъ же можно встрѣтить тигра, близкаго родича страшнаго хищника тропической Индіи (бенгальскаго, королевскаго тигра).

При такомъ разнообразіи и обиліи органической жизни, только «вѣнецъ природы» почти отсутствуетъ: «торжественное величіе лѣсовъ не нарушается присутствіемъ человѣка; развѣ изрѣдка пробредетъ по нимъ звѣроловъ или раскинетъ свою юрту кочующій дикарь, но тѣмъ скорѣе дополнитъ, нежели нарушитъ картину дикой, дѣвственной природы...», говоритъ Пржевальскій **).

Въ среднемъ теченіи Уссури, мѣстность, по которой она протекаетъ, также измѣняетъ свой характеръ: вмѣсто необозримыхъ равнинъ, простирающихся по берегамъ нижняго теченія рѣки до самаго Амура и состоящихъ изъ заливныхъ низменностей, со множествомъ болотъ и озеръ, здѣсь появляются горныя ландшафты. Отъ устья р. Норъ до впаденія рр. Има и Мурени по обоямъ берегамъ Уссури появляется множество горъ и возвышенностей, которыя, то сопровождаютъ теченіе и тѣсняются на самомъ берегу, образуя крутые и даже совершенно отвѣсные утесы, то удаляются нѣсколько въ сторону, образуя потлогіе скаты и не широкія береговыя долины.

Въ верхнемъ теченіи снова начинаютъ преобладать равнины. Окрестныя горы не такъ высоки, чаще и дальше отходятъ въ сторону отъ теченія рѣки, скаты ихъ болѣе пологи, а утесы, вдающіеся въ рѣку, встрѣчаются все рѣже и рѣже. По обѣимъ сторонамъ раскидываются обширныя луговныя и болотистыя равнины, подобныя тѣмъ, которыя занимаютъ пространства нижней Уссури.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, сама рѣка уменьшается въ своихъ размѣрахъ, становится

*) По свѣдѣніямъ, собраннымъ Пржевальскимъ, число соболей, ежегодно скупаемыхъ у амурскихъ инородцевъ и отправляемыхъ черезъ Хабаровку, достигаетъ громадной цифры: около 20.000 штукъ.

**) «Путешествіе въ Уссурійскомъ край», стр. 27.

уже и мельче: выше устья р. Има Уссури имѣеть уже не болѣе 150 саж. ширины, а еще далѣе вверхъ становится совсѣмъ скромною рѣкою, сажень въ 70 ширины. Сообразно съ этимъ уменьшается и глубина, которая выше устья р. Сунгачи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не превышаетъ $2\frac{1}{2}$ ф., а между тѣмъ теченіе здѣсь очень быстро, ложе рѣчки каменисто и порожисто, такъ что судоходство по Уссури даже на самыхъ маленькихъ пароходахъ въ сущности возможно только внизъ отъ р. Сунгачи и по этой послѣдней, которая приноситъ воды великаго озера Ханна.

До станицы Буссе, расположенной около устья р. Сунгачи, путешественники наши добрались на лодкѣ. Движеніе это было весьма медленно, такъ какъ приходилось преодолевать очень быстрое теченіе. Кромѣ того, какъ уже выше было указано, во все это время (23 дня) шли сильные почти непрерывные дожди иногда по двое сутокъ сряду. Дожди эти представляли большую помѣху къ производству научныхъ наблюденій и собранію коллекцій: собранныя растенія часто невозможно было просушить, и даже просушенные гнили отъ сырости, по этой же причинѣ портились чучела птицъ. Вода въ Уссури поднялась сажени на двѣ противъ обыкновеннаго уровня. Николай Михайловичъ и его молодой товарищъ обыкновенно шли по берегу, если онъ не былъ затопленъ разлившеюся рѣкою, стрѣляя попадавшихся животныхъ и собирая растенія. Черезъ это, конечно, движеніе еще больше замедлялось. Казаки-гребцы до крайности не довольны были такимъ способомъ путешествія и къ собранію научныхъ коллекцій относились весьма скептически, видя въ этомъ не болѣе, какъ глупую забаву и ребячество. Къ препарируемымъ птицамъ и къ тщательно собираемымъ травамъ или вѣточкамъ растеній они въ большинствѣ случаевъ относились презрительно; однако же были и такіе, которые думали, что собираемыя растенія имѣютъ какую-то особенную цѣну, но только они по своей необразованности не знаютъ въ нихъ толку; поэтому они постоянно приставали съ просьбами открыть имъ секретъ. Станичные писаря и казацкіе старшаны, желая блеснуть передъ односельчанами своею «образованностью», не рѣдко задавали разные нелѣпые вопросы, напр.: «какіе это вы, ваше благородіе, к л и м а т ы составляете?» А однажды старикъ казакъ, видя что Николай Михайловичъ вмѣсто того, чтобы ложиться спать, долго возится надъ просушкою растеній, съ полнымъ участіемъ, глубоко вздохнувъ, сказалъ: «Эхъ служба, служба царская, много она дѣлаетъ заботы и господамъ!»

Уссурійскій казакъ.

Уссурійскій казакъ.

Въ станицѣ Буссе Пржевальскій случайно остановился въ той самой квартирѣ, гдѣ въ 1860 г. жилъ ботаникъ Максимовичъ (см. раньше), про котораго казаки вообще помнили и не разъ спрашивали «кто такой онъ былъ, полковникъ, или нѣтъ?». Когда Николай Михайловичъ началъ спрашивать про него свою хозяйку, то она съ видимымъ презрѣніемъ отвѣчала: «жилъ-то онъ у насъ, да Богъ его знаетъ, былъ какой-то травникъ... травы собиралъ и сушилъ, звѣрковъ и птичекъ разныхъ набивалъ, даже ловилъ мышей, казавокъ и червяковъ,—одно слово гнусъ всякій».

Въ ясные, солнечные дни путешествіе для Николая Михайловича, какъ страстнаго охотника и любителя природы, представляло множество наслажденій, не смотря на большія неудобства и трудности, сопряженныя съ его многочисленными научными занятіями и обязанностями.

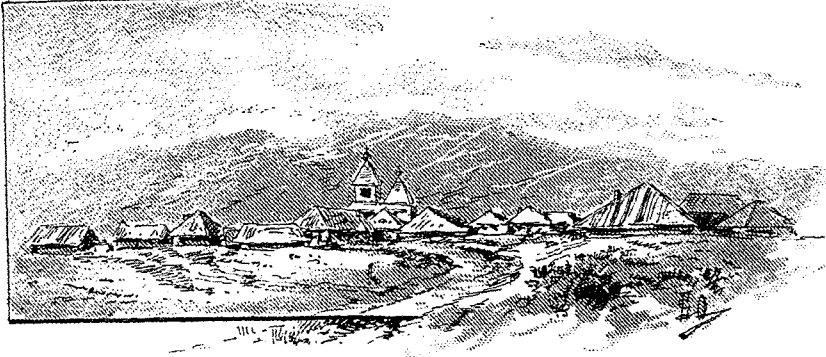
Чуть свѣтъ обыкновенно вставали путешественники и, наскоро напившись чаю, отправлялись въ дальнѣйшій путь.

Гладкая поверхность Усури блеститъ, какъ зеркало, и только кое-гдѣ всплескивающая рыба взволнуетъ ее на мигу. Природа давно уже проснулась. По рѣкѣ вездѣ снуютъ утки различныхъ породъ, безпрестанно погружаясь въ воду за добычей, или перелетаютъ цѣлыми стаями съ одной стороны рѣки на другую; сѣрыя цапли важно расхаживаютъ по берегу; кулики проворно бѣгаютъ по песчанымъ откосамъ; въ лѣсныхъ и кустарниковыхъ чащахъ по берегамъ и островамъ стоитъ неумолимое, веселое пѣніе и чириканье различныхъ мелкихъ птичекъ, а въ воздушной высотѣ, плавно разсѣвая воздухъ своими крыльями, носятся различные хищники, высматривая зоркими глазами свою добычу...

Солнце подымается выше, наступаетъ жара и утренніе голоса смолкаютъ. За то оживляется міръ насѣкомыхъ, въ воздухѣ, надъ цвѣтущими лугами, цѣлыми стаями порхаютъ множество бабочекъ самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ, въ травѣ копошится безчисленное множество всевозможныхъ букашекъ, жучковъ, гусеницъ и т. п..., но на ряду съ этими безобидными тварями цѣлыми тучами носятся въ воздухѣ комары и мошки—одинъ изъ главнѣйшихъ бичей этихъ странъ. Въ безвѣтренные дни кровожадные нападенія этихъ мучителей не прекращаются ни днемъ, ни ночью. Комары, мошки и оводы лѣтомъ появляются на Усури въ такомъ невѣроятномъ множествѣ, что не выдавшему собственными глазами и не испытавшему всей муки отъ этихъ кровопійцъ трудно составить себѣ объ этомъ даже понятіе.

«Безъ всякаго преувеличенія, пишетъ Николай Михайловичъ *), могу сказать, что если въ тихій, пасмурный день идти по высокой травѣ Усурійскаго луга, то тучи этихъ насѣкомыхъ можно уподобить развѣ только снѣжнымъ хлопьямъ сильной мятели, которая обдастъ васъ со всѣхъ сторонъ. Ни днемъ, ни ночью проклятыя насѣкомыя не дадутъ покою ни человѣку, ни животному, и

*) Путеш. въ Усурійскомъ краѣ, стр. 49.

Казацкій поселокъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ.

слишкомъ мало заботится о своемъ тѣлѣ тотъ, кто вздумаетъ безъ дымокура присѣсть на Уссурійскомъ лугу для какой бы то ни было надобности».

Но вотъ дневной жаръ начинаетъ спадать, въ воздухѣ чувствуется пріятное вѣяніе вечерней прохлады. Пора подумать объ остановкѣ, чтобы отдохнуть, просушить собранныя растенія, препарировать убитыхъ птицъ для коллекціи, набросать замѣтки о видѣнномъ въ теченіи дня.

Лодка причаливаетъ къ какому-нибудь песчанному берегу, живо устраивается бивуакъ, казаки разводять костеръ, варятъ чай и незатѣйливый ужинъ, между тѣмъ, какъ Николай Михайловичъ при помощи своего молодаго спутника заканчиваетъ свои научныя работы: приводитъ въ порядокъ собранныя за день коллекціи и заноситъ въ дневникъ замѣтки.

Съ заходомъ солнца быстро наступаетъ темнота, въ травѣ заискрились, какъ звѣздочки, свергающія насѣкомья, ночныя бабочки тысячами слетаются къ костру, смолкаютъ дневныя пѣвушья-пташки и мало по малу наступаетъ торжественная ночная тишина, только изрѣдка плеснется рыба или раздастся крикъ ночной птицы...

Пора, наконецъ, на покой и нашимъ усталымъ путникамъ. Всѣ ложатся тутъ же у костра и, несмотря на несносныхъ комаровъ, которые тучами толнятся, не взирая на дымъ, скоро засыпаютъ крѣпкимъ сномъ, пока утренній холодъ на разсвѣтѣ не заставитъ проснуться.

Такъ проходили дни путешествія по Уссури, но безпрестанные дожди часто измѣняли эту идиллическую обстановку импровизированныхъ бивуаковъ, и не рѣдко приходилось искать пристанища въ казацкихъ станицахъ, чтобы хотя за ночь просушить коллекціи и промочившее насквозь платье.

Верстахъ въ двѣнадцать выше станицы Буссе, Уссури принимаетъ съ лѣвой стороны самый главный свой притокъ, рѣку Сунгачу, которая приноситъ воды обширнаго озера Ханка. Рѣка эта весьма оригинальна по характеру своего теченія; ширина ея не велика: 20 — 25 саж., хотя глубина весьма значительна:

Казачій поселокъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ.

отъ 2 до 10 саж., но самую главную ея особенность составляет необыкновенная извилистость русла. По прямому направлению отъ устья до истоковъ ея считается не болѣе 90 в., тогда какъ по самому теченію рѣки выходитъ почти въ трое больше — около 250 в., большія извилины встрѣчаются на каждомъ шагу, и случается, что проплывъ версты три-четыре, снова приходится проѣзжать мимо мѣста, около котораго началась извилина, въ разстояніи какихъ-нибудь 10 саженой. Такія извилины казаки мѣтко прозвали «восьмерками», такъ какъ, дѣйствительно, форма двухъ сосѣднихъ излучинъ напоминаетъ начертаніе цифры 8.

Общій видъ береговъ Сунгачи не привлекателенъ: на сколько хваталъ глазъ, по обѣимъ сторонамъ рѣки идутъ утомительно однообразныя, покрытыя множествомъ болотъ и озеръ, гладкія, какъ полъ, низины. На всемъ этомъ пространствѣ нѣтъ ни одного клочка земли, удобной для населенія. Даже въ сухую погоду, сунгачскія болотистыя низменности по большей части совершенно непроходимы, а во время дождей онѣ почти сплошь заливаются водой.

Растительность этихъ равнинъ отличается однообразіемъ и напоминаетъ болотистые дуга нижней Уссури. Совершенное безлюдіе характеризуетъ берега Сунгачи и всѣ эти болотистыя пространства, не годныя для поселенія человѣка. Въ этой странѣ, гдѣ нѣтъ ни инородческаго, ни русскаго населенія; единственными признаками принадлежности къ Россіи являются четыре пограничныхъ поста, расположенныхъ верстахъ въ 20—30 другъ отъ друга, гдѣ живутъ по нѣсколько казаковъ.

Въ смыслѣ научныхъ изслѣдованій мѣстность эта представляла мало интереса, но въ самой рѣкѣ здѣсь встрѣчалось одно замѣчательное растеніе, собственное Японіи, Китаю и Индіи, а также и Уссурийскому краю, въ особенности бассейну оз. Ханка,—это великолѣпный, гиганскій цвѣтокъ Нелюмбія (*Nelumbium speciosum*), близкій родственникъ знаменитой обитательницы тропической Гвіаны царственной Викторіи (*Victoria regia*). Нелюмбія во множествѣ начинается встрѣчаться въ береговыхъ озерахъ и въ заливахъ Сунгачи. «Необыкновенное впечатлѣніе, въ особенности въ первый разъ, пишетъ Пржевальскій, производитъ озеро, сплошь покрытое этими цвѣтами. Круглые кожистые листья, болѣе аршина въ діаметрѣ, немного приподняты надъ водою, совершенно закрываютъ ее своею яркою зеленью, а надъ ними высятся на толстыхъ стебляхъ цѣлыя сотни громадныхъ розовыхъ цвѣтовъ, имѣющихъ до 6 вершковъ въ діаметрѣ! (окружности развернутыхъ лепестковъ)».

По Сунгачѣ Николай Михайловичъ поѣхалъ на пароходѣ. Сравнительно быстрая и удобная ѣзда на пароходѣ, послѣ утомительнаго плаванія на лодкѣ показалаь очень пріятною, тѣмъ болѣе, что дожди уже окончились и наступила ясная солнечная погода.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

На озерѣ Ханка.

Прежніе размѣры озера, характеръ его береговъ.—Рыбныя богатства и ихъ эксплуатація.—Идиллія на озерѣ.—Научныя занятія.

Черезъ два съ половиною дня, по выходѣ изъ ставицы Буссе, маленький пароходикъ доставилъ нашихъ путешественниковъ къ истокамъ рѣки Сунгачи, и передъ ними раскрылась, при послѣднемъ поворотѣ рѣки, безбрежная водная поверхность озера Ханка. Вступить въ самое озеро, однако же, оказалось невозможнымъ, такъ какъ оно очень сильно волновалось и приходилось обождать, пока волны улягутся.

Озеро Ханка занимаетъ огромную площадь около 3,400 кв. верстъ, но изслѣдованія Пржевальскаго несомнѣнно доказали, что оно представляетъ лишь небольшой остатокъ отъ бывшаго здѣсь прежде громаднаго воднаго бассейна. Въ то же время озеро это очень мелко: наибольшая глубина, найденная до сихъ поръ около середины озера, составляетъ лишь 24 фута, но въ другихъ мѣстахъ, начиная отъ береговъ на полверсты и болѣе, глубина не превосходитъ 5—6 футовъ. Дно вездѣ совершенно гладкое, твердое и песчаное. Для судоходства озеро Ханка мало пригодно, влѣдствіе незначительной глубины въ прибрежныхъ частяхъ, а также и по причинѣ необыкновенной бурливости. Дѣйствительно, во время сильныхъ вѣтровъ, которые дуютъ здѣсь очень часто, поднимаются громадныя волны, вода взмучивается до самаго дна, такъ что плаваніе на маленькихъ пароходахъ, которые только и могутъ ходить по узкой и до крайности излучистой Сунгачѣ, дѣлается совершенно невозможнымъ, и они принуждены бываютъ ждать наступленія лучшей погоды, по нѣскольку сутокъ оставаясь въ истокѣ Сунгачи. Однако же, по мнѣнію Пржевальскаго, если завести большіе пароходы, предназначенные специально для плаванія по озеру, то здѣсь возможно обезпечить правильное пароходное сообщеніе на все время навигаціи.

Въ сѣверной части Ханка къ нему примыкаетъ другое озеро, меньшей величины, отдѣленное отъ главнаго бассейна лишь узкою пересыпью, въ видѣ перешейка шириною въ 100—250 саж. и высоту 3—8 саж. надъ уровнемъ озера.

Пересыпь эта образовалась, по изслѣдованію Пржевальскаго, изъ песчаныхъ наносовъ, которые во множествѣ прибываются къ сѣвернымъ и сѣверо-восточнымъ берегамъ при господствующимъ здѣсь юго-западнымъ вѣтрахъ. Мѣстные жители рассказываютъ, что еще на памяти ихъ стариковъ Малое Ханка было отдѣлено отъ Большого только рядомъ песчаныхъ отмелей и острововъ, которыя позднѣе слились между собою и образовали сплошной перешеекъ между обоими бассейнами.

Но кромѣ этого существуютъ и другіе несомнѣнные признаки, что оз. Ханка не только представляло недавно одно цѣлое съ отдѣлившимся бассейномъ,

но занимало огромную площадь, въ нѣсколько разъ превышающую его настоящую величину. Пржевальскій высказываетъ предположеніе, что озеро Ханка прежде занимало всѣ сунгачскія равнины до самой Уссури, а на востокъ и юго-востокъ простиралось также на громадное пространство до возвышенностей, ограничивающихъ приханкайскаія низменныя равнины.

Доказательства эти несомнѣнны и написаны самою природою на поверхности земли. Дѣйствительно, съ сѣверной, восточной и южной сторонъ отъ озера на громадныя пространства тянутся низменныя равнины, покрытыя почти сплошь болотами и небольшими, тинистыми, неглубокими, по большей части совершенно недоступными озерами. И замѣчательно, что равнины эти являются какъ бы передѣленными дугообразными, концентрическими увалами, представляющими длинныя и узкія полосы песчаныхъ возвышенностей, протянувшіяся черезъ болотистыя низины, приблизительно, параллельно очертанію сѣверо-восточной части берега озера.

Судя по направленію этихъ уваловъ, ихъ незначительной ширинѣ и высотѣ (шир. ихъ обыкновенно 100—300 саж., выс.—2—5, рѣдко до 10 саж. надъ поверхностью окружающихъ равнинъ), а также и по наносному песчаному грунту, изъ которыхъ они состоятъ, по мнѣнію Пржевальскаго, можно съ достовѣрностью предположить, что всѣ эти продолговатыя песчаныя возвышенности представляютъ собою прежніе берега озера, подобно вышеупомянутому перешейку, отдѣляющему въ настоящее время Малое Ханка отъ Большого, и образовавшіяся такимъ же образомъ (подъ вліяніемъ юго-западныхъ вѣтровъ).

Вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно существованіе нѣкоторыхъ причинъ, вліяющихъ на усыханіе всего бассейна, постепенное уменьшеніе объема озера и отступаніе его береговъ въ юго-западномъ направленіи. Какъ на одну изъ причинъ, вліяющихъ на усыханіе озера, Пржевальскій указываетъ на массовое истребленіе лѣсовъ въ бассейнѣ озера, именно на вырубку дубовъ, которая въ громадныхъ размѣрахъ производилась въ его время и вѣроятно съ давняго времени пришлыми китайцами въ интересахъ грибного промысла *).

Оставленныя такимъ образомъ водами озера площади, благодаря глинистой подпочвѣ, задерживающей просачиваніе воды внутрь, превратились въ болотистыя равнины, а на новыхъ берегахъ, вслѣдствіе непрерывно продолжающагося прибоа волнъ, поднимаемыхъ свирѣбыми вѣтрами, снова начинаютъ скопляться песчаные наносы и образовать полосу возвышенности, черезъ нѣсколько времени превращающейся въ характерный для здѣшнихъ мѣстъ уваль.

Ближайшія къ озеру пространства, промежуточныя между увалами, въ настоящее время носятъ на себѣ еще ясныя слѣды недавняго пребыванія здѣсь

*) Дѣло въ томъ, что у китайцевъ высоко цѣнятся слизистыя грибы, растущіе на гниющихъ стволахъ дубовъ. Съ этою цѣлью ежегодно срубается масса дубовъ и уже на слѣдующій годъ на ихъ поваленныхъ стволахъ начинаютъ развиваться слизистыя наросты, которые промышленниками собираются, здѣсь же высушиваются и огромными партиями отправляются въ Китай.

озерныхъ водъ и представляютъ топкія полу-болота, полу-озера и трясины, тогда какъ по мѣрѣ удаленія отъ береговъ озера мѣстность становится все болѣе и болѣе обсохшей.

Въ противоположность остальнымъ сторонамъ, западные берега озера Ханка имѣютъ гористый характеръ и вся мѣстность съ этой стороны представляетъ то волнистыя плоскія возвышенности, то невысокіе горные края, составляющіе продолженіе развѣтвленій боковой, западной отрасли хребта Сихотэ-Алиня.

Чтобы покончить съ описаніемъ озера Ханка, упомянемъ еще про замѣчательныя его рыбныя богатства. Неглубокія, мутныя и сильно нагреваемая солнцемъ воды этого озера, изобилующаго къ тому же заводами и тростниковыми зарослями по берегамъ, представляютъ чрезвычайно благопріятныя условія для жизни рыбъ, и въ особенности для развитія икры.

Вѣроятно, по этой-то причинѣ, ежегодно для метанія икры въ озеро стремятся громадными массами рыба не только изъ притоковъ, но и со всей системы Усури и даже съ Амура.

Особенно сильный ходъ рыбы происходитъ весной, въ началѣ мая, и въ это время неширокая Сунгача, составляющая главный путь, въ буквальномъ смыслѣ слова кишитъ рыбой. Обиліе ея достигаетъ такой степени, что пароходъ, проходя по рѣкѣ, убиваетъ своими колесами множество рыбъ. Мало того, рыба часто сама выскакиваетъ изъ воды въ лодку и даже на палубу парохода.

Никóлай Михайловичъ рассказываетъ по этому поводу забавный случай, какъ однажды на палубу парохода, стоявшаго въ истокахъ Сунгачи, вскочилъ громадный сазанъ, въ 18 ф. вѣсомъ, и шлепнулся прямо подъ столъ, за которымъ пассажиры пили чай.

Несмотря на то, что озеро, какъ мы видѣли, весьма неглубоко, въ немъ находятъ себѣ приволье даже огромныя рыбы, какъ, напр., калуги (изъ осетровыхъ—*Acipenser orientalis*) въ 30 пуд. вѣсомъ и длиною болѣе двухъ сажени!

По рассказамъ мѣстныхъ жителей, попадаются иногда калуги даже и въ 50 пудовъ и это весьма вѣроятно, такъ какъ по справкѣ, наведенной Николаемъ Михайловичемъ, оказалось, что за нѣсколько лѣтъ до него здѣсь дѣйствительно поймана была однажды калуга въ 47 пуд. вѣсомъ и около 3 саж. въ длину: «Весьма странно, говоритъ Пржевальскій, какимъ образомъ такая громадная рыба можетъ жить привольно въ озерѣ, глубина котораго въ очень многихъ мѣстахъ менѣе длины ея туловища».

Къ сожалѣнію, однако, такое баснословное обиліе рыбы приноситъ мало пользы мѣстному населенію, такъ какъ рыболовство здѣсь весьма мало развито. Рыбу ловятъ только немногочисленные русскіе крестьяне, живущіе на западномъ берегу озера и при истокахъ Сунгачи, да и то исключительно для собственнаго потребленія.

Способы ловли самые первобытныя. Правда, у крестьянъ имѣется неводъ,

но его употребляют сравнительно рѣдко, и имъ ловятъ только мелкую рыбу. Крупную же, какъ, напр., осетровъ 1—5 пуд. вѣсомъ и калугъ, ловятъ исключительно на крючья, опускаемые въ воду безъ всякой приманки.

Снарядъ этотъ, общераспространенный на Уссури и на Нижнемъ Амурѣ, существенно отличается отъ обыкновеннаго рыболовнаго крючка, на который насаживается приманка и рыба ловится, проглатывая крючекъ вмѣстѣ съ приманкой; устройство уссурійской рыболовной снасти слѣдующее:

Каждая снасть состоитъ изъ длинной, толстой веревки, къ которой прикрѣплены, на разстояніи 2—3 ф., небольшія веревочки длиною около 1 аршина съ привязанными къ нимъ на концахъ толстыми желѣзными крючьями. Къ послѣднимъ прикрѣплены небольшіе поплавки изъ пробки или изъ кусочковъ дерева. Къ общей толстой веревкѣ привязываются камни, чтобы она лежала на днѣ, а конецъ ея прикрѣпляется къ рѣпко вбитымъ въ берегъ или въ дно рѣки толстымъ кольямъ.

Такой снарядъ рассчитанъ на то, что большая рыба, проходя по рѣкѣ, начинаетъ, по выраженію мѣстныхъ жителей, «играть» со встрѣтившимися ей поплавками и задѣваетъ своимъ туловищемъ за крючекъ. Для удачи необходимо, чтобы рыба задѣпилась непременно заднею частью тѣла, иначе ей очень легко сорваться. Почувствовавъ боль, она начинаетъ биться и кидаться изъ стороны въ сторону, при чемъ попадаетъ также и на другіе крючья и окончательно запутывается.

Послѣ того, какъ рыба попалась, если это гигантъ въ родѣ 20—30 пудовой калуги, то и вытащить ее изъ воды представляетъ не мало хлопотъ и дѣло это требуетъ умѣнья. Въ такомъ случаѣ рыбу стараются поддѣпить еще особыми, такъ называемыми «подъемными», крючьями и при помощи веревокъ вытаскиваютъ этого колосса на берегъ. Но нерѣдко случается, что большая рыба, задѣпившаяся даже за нѣсколько крючковъ, начинаетъ дергать съ такою силой, что обрываетъ не только крючковые веревочки, но и главный канатъ и преспокойно уходитъ съ крючками, вонзившимися въ ея тѣло.

Не трудно видѣть, что описанный способъ ловли весьма несовершененъ: цѣлыя тысячи рыбъ могутъ проходить, не задѣвая крючковъ, попадаетъ только та, которой придется странная фантазія дѣйствительно «поиграть» съ поплавкомъ и крючкомъ.

Однако же рыбы такъ много, что, даже и при описанномъ первобытномъ способѣ ловли, рыболовъ, забывая сотни крючковъ, ежедневно ловить по нѣсколько осетровъ или калугъ.

До какой степени баснословно изобиліе рыбы въ Уссурійскомъ краѣ, видно изъ слѣдующаго факта, про который рассказываетъ Николай Михайловичъ: осенью 1867 г. въ одномъ заливѣ рѣки Уссури неводомъ въ 90 саж. длиною за разъ поймано было 28,000 рыбъ!

Нужно при этомъ замѣтить, что неводъ по своей длинѣ захватываетъ еще

не весь заливъ. Когда подвели къ берегу крылья сѣти, то несмотря на усилія множества собравшихся рыбаковъ, ее не въ состояніи были вытащить на берегъ и потому, укрѣпивъ колями, оставили ее въ такомъ положеніи и принялись вычерпывать рыбу по частямъ, прямо изъ воды. Для этого потребовалось цѣлыхъ два дня! По приблизительному исчисленію, вѣсъ пойманной рыбы составлялъ около 1,400 пудовъ!

Пржевальскій замѣчаетъ, что такая богатая товя не представляетъ единственнаго примѣра, и подобный уловъ случается довольно часто.

Ловъ на озерѣ Ханка и на Усури продолжается съ половины февраля до половины октября; зимою же на озерѣ подледной ловли совсѣмъ не производится.

Наоборотъ, на рѣкахъ ловъ производится и зимою; у русскихъ казаковъ въ это время практикуется особый способъ ловли, посредствомъ такъ называемыхъ заѣздокъ. Производится это слѣдующимъ способомъ:

Выбираютъ какой-нибудь неширокій рукавъ рѣки или же глубокое мѣсто въ главномъ руслѣ и перегораживаютъ его посредствомъ плетня, вбивая колья въ дно рѣки. Въ этомъ плетнѣ на разстояніи 1—2 саж. дѣлаютъ свободные проходы и здѣсь ставятъ сплетенныя изъ тальника такъ называемыя «морды», въ родѣ вершѣ или вентерей, но большой величины: сажени 2 длиною и около сажени вышиною. Для удобнаго поднятія мордъ изъ воды устраиваются особаго устройства рычаги въ родѣ обыкновенныхъ колодезныхъ «журавлей».

Рыба, которая обыкновенно идетъ въ рѣки противъ теченія, встрѣчая на пути плетень, ищетъ прохода и попадаетъ въ морды.

Такимъ образомъ ежедневно ловится около пуда рыбы въ среднемъ на каждую морду.

Иностранцы на зиму обыкновенно прекращаютъ рыболовство, такъ какъ всѣ мужчины въ это время обыкновенно отправляются въ дѣса на звѣриный, преимущественно соболиный промыселъ. Но оставшіеся старики и женщины продолжаютъ добывать рыбу весьма оригинальнымъ образомъ, лишній разъ подтверждающимъ, какое невѣроятное изобиліе рыбы въ рѣкахъ Усурийскаго края: рыболовъ садится надъ прорубью съ примитивною удочкой, состоящей изъ длинной палки съ веревкой, на концѣ которой привязанъ крючекъ. Къ послѣдному прикрѣпляется въ видѣ приманки кусочекъ красной матеріи или клочекъ козлиной шкурки и т. п. Сидя на льду, гольдь безпрестанно дергаетъ свое удилице вверхъ и внизъ, чтобы приманка постоянно находилась въ движеніи. При этомъ, конечно движется и крючекъ, которымъ и поддѣвается неосторожно приблизившаяся рыба. Но какая же масса ихъ должна проходить по рѣкѣ, если такимъ примитивнымъ способомъ удается наловить въ день 2—3 пуда!

Пойманную рыбу ѣдятъ въ свѣжемъ видѣ или солятъ; что же касается икры, то ее совсѣмъ не умѣютъ здѣсь готовить въ прокъ и она поэтому нисколько не цѣнится.

«Случается, рассказывает Пржевальскій, что, поймавъ громадную калугу, рыбакъ просто выбрасываетъ вынутую изъ нея икру (3—4 пуда), какъ продуктъ, негодный для храненія. Между тѣмъ, добавляетъ онъ, въ Хабаровкѣ и даже на самомъ озерѣ Ханка (напр. въ посту Камень-Рыболовъ) продается привозная изъ Москвы дрянная и непомятно дорогая икра».

Кромѣ рыбы уссурийскій бассейнъ, и въ особенности самое озеро Ханка, изобилуетъ черепаками (Tropix Maaskii), достигающими довольно значительной величины: 10 вершъ. длины, 6—7 шир. и вѣсомъ 10—15 ф.

Изъ вышеприведеннаго видно, что озеро Ханка изобилуетъ естественными богатствами, но окрестныя равнины мало доступны и неудобны для населенія. Это не относится, однако, ко всему западному берегу, гдѣ мѣстность болѣе возвышена, свободна отъ затопленія водою, что ежегодно имѣетъ мѣсто на остальныхъ берегахъ, поэтому поросла прекрасными лѣсами и вообще вполне пригодна для поселенія человѣка.

Однако же оказывается, что до прихода русскихъ берега озера были совсѣмъ не заселены. Во время путешествія Николая Михайловича, здѣсь было уже три русскихъ деревни: Турій-Рогъ или Воронежская, Троицкая и Астраханская, образованныя переселенцами изъ Воронежской, Тамбовской и Астраханской губ. Всѣ эти деревни расположены по западному берегу и успѣли достигнуть уже значительной степени благосостоянія, занимаясь земледѣльемъ и скотоводствомъ, несмотря на то, что поселенцы пришли сюда весьма недавно: самое раннее поселеніе, Турій-Рогъ, основано лишь въ 1862 г. Что касается другого населенія, то его здѣсь почти нѣтъ, и Николай Михайловичъ могъ насчитать только 7 одиноко стоящихъ китайскихъ фанзъ *).

На берегахъ озера Халка Николай Михайловичъ провелъ весь августъ мѣсяць, занимаясь переписью мѣстнаго населенія и научными изслѣдованіями природы.

Охотничья экскурсія въ болотистыхъ и пустынныхъ прибрежныхъ равнинахъ представляли для него величайшее наслажденіе и, какъ страстный любитель природы, онъ съ увлеченіемъ предавался наблюденію свободной жизни животныхъ, преимущественно пернатыхъ обитателей окрестностей озера. По цѣлымъ часамъ просиживалъ онъ въ безмолвномъ уединеніи въ какой-нибудь засадкѣ на песчаной косѣ, выдающейся въ озеро изъ болотистыхъ береговъ.

«Спугнутые мной приходомъ, различные кулики, утки и т. д., вскорѣ снова возвращались на прежнія мѣста и беззаботно бѣгали по песку или купались въ водѣ на разстояніи какихъ-нибудь десяти шаговъ отъ засадки, нисколько не подозрѣвая моего присутствія. Появившаяся откуда-то тяжеловѣсная скопа, цѣлыхъ полъ-часа занималась ловлею рыбы, бросаясь на нее, какъ камень сверху, такъ что брызги летѣли фонтаномъ во всѣ стороны, и все-таки ни чѣмъ не по-

*) Фанза—общее названіе для жилищъ китайцевъ, корейцевъ и другихъ инородцевъ, выстроенныхъ всегда на одинъ и тотъ же образецъ: это глиняныя мазанки, крытыя соломой. Подробности устройства фанзы будутъ описаны дальше, при обзорѣ населенія.

живившись, съ досадою улетѣла прочь. Соколы сапсанъ, мелькнувъ, какъ молнія изъ-за тростника, схватили глущую, беззаботную ржанку и быстро помчался къ берегу пожирать свою добычу. Вотъ поднялась изъ волнъ озера на поверхность его черепаха, осторожно оглянувшись, подплыла къ берегу, медленно проползла нѣсколько шаговъ по песку и улеглась на немъ. Тутъ-же, не подалеку нѣсколько воронъ пожирала только что выброшенную водою на берегъ мертвую рыбу и, по обыкновенію, затѣвали драку за каждый кусокъ. Этотъ пиръ не укрылся отъ орла бѣлохвоста, который парилъ въ вышинѣ и по праву сильнаго вздумалъ отнять у воронъ ихъ добычу. Большими спиральными кругами началъ спускаться онъ изъ-подъ облаковъ и, съвѣ спокойно на землю, тотчасъ унялъ споръ и драку, принявшись самъ доѣдать остатки рыбы. Обиженные вороны, оставшись, не при чемъ, сидѣли вокругъ и каркали, не смѣя подступить къ суровому царю и только изрѣдка урывали сзади небольшіе кусочки...

Вдругъ раздается выстрѣлъ—и мигомъ все всполошилось, картина моментально измѣнилась: утки закричали и поднялись съ воды, кулики съ разнообразнымъ пискомъ и свистомъ полетѣли на другое мѣсто, черепаха опростетью бросилась въ воду, и только одинъ орелъ въ предсмертной агоніи бившейся на пескѣ, поплатился своею жизнью за право считаться царемъ между птицами и привлекать на себя особенное вниманіе охотника» *).

Таковы картины природы, которыми плѣнялся Николай Михайловичъ, удовлетворяя своей страсти охотника и натуралиста.

«Если-бы вы могли меня теперь видѣть, писалъ онъ въ Варшаву своему другу І. Л. Фатѣеву **), то навѣрное не узнали бы меня; вотъ уже почти два мѣсяца, какъ я живу все въ лѣсахъ; борода выросла на вершокъ, а одѣяніе сдѣлалось такимъ, что въ Европѣ, пожалуй, не надѣл-бы и нищій. Но еще самыя великіе труды предстоятъ зимою, когда я долженъ пройти тысячу верстъ на вьюкахъ, безъ дорогъ. Когда вернусь въ Иркутскъ, то непременно сниму съ себя карточку въ томъ самомъ видѣ и костюмѣ, въ какомъ буду, и пришлю къ вамъ въ Варшаву»...

Вообще мысль о Варшавѣ и о всѣхъ близкихъ къ сердцу, которыхъ онъ тамъ оставилъ, не покидала Николая Михайловича во время его странствованія по дебрямъ Уссурійскаго края. Еще при вступленіи туда, подымаясь въ началѣ іюля на горы Хехцырь, лежація при устьи Уссури, онъ вспомнилъ про своихъ варшавскихъ друзей и на вершинѣ одной изъ горъ, которая высоко поднялась надъ окружающею равниною, на стволѣ одной громадной ели, онъ вырѣзалъ рядомъ со своимъ именемъ имена двухъ своихъ любимыхъ учениковъ: Пыльдова (впоследствии—спутника) и Хотынскаго.

«Незабвенные ученики! писалъ онъ: изъ далека, изъ глубины Манчжуріи, съ береговъ озера Хайла, пишу къ вамъ. Невзыщайте, если письмо будетъ слыш-

*) Путеш. въ Ус. Край, 69—70.

**) 28 авг. 1897 г., см. Дубровинъ, стр. 59.

комъ кратко и не полно—для него я имѣю только полъ-часа времени, а для того, чтобы описать все, что я видѣлъ до сихъ поръ, нужно по крайней мѣрѣ недѣли двѣ. Мои записки, которыя я веду для печати, до сихъ поръ заключаютъ въ себѣ болѣе 150 листовъ, еще необработанныхъ вполне, слѣдовательно, вы можете судить, какая масса интересныхъ предметовъ представляется каждому любознательному человѣку въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я теперь путешествую.

«Теперь вотъ уже три недѣли, какъ я изучаю флору и фауну озера Ханка, я успѣлъ собрать болѣе 1,200 растений, сдѣлалъ 60 чучель птицъ и нашелъ 22 вида еще неизвѣстныхъ до сихъ поръ на Уссуріи и Халка. Обо всемъ я пишу подробно для печати, и кромѣ того произвожу метеорологическія наблюденія... Работы гибель, такъ что я сплю не болѣе пяти часовъ въ сутки...

«Завтра оставляю Ханка и пойду на берега Великаго океана, къ границамъ Кореи, въ заливъ Посева, откуда съѣзжу въ самую Корею. Потомъ отправлюсь на два мѣсяца въ горы и въ началѣ декабря выйду опять на Уссуріи, откуда къ новому году приѣду въ Иркутскъ, если только не удастся пробыть здѣсь еще съ полъ-года, какъ я просилъ...

«Трудно будетъ зимою ходить на вьючныхъ лошадяхъ, но я нарочно избралъ это время, чтобы имѣть возможность изслѣдовать млекопитающихъ тамъ видящихся. Кстати, поохочусь на тигровъ, которыхъ здѣсь вездѣ много, хотя еще не видѣлъ ни одного, а только истребляю смиренныхъ фазановъ...

«Если вы помните обо мнѣ, то пишите отвѣтъ, адресуя письмо въ г. Иркутскъ. Этимъ письмомъ вы какъ нельзя болѣе обрадуете того, кто всегда былъ и будетъ вашимъ добрымъ другомъ *).

Какъ видно изъ этого письма, Николай Михайловичъ очень усердно занимался изслѣдованіями. Между прочимъ, онъ сдѣлалъ здѣсь важную зоологическую находку и, кромѣ вышеупомянутыхъ 22 новыхъ видовъ птицъ, открылъ на озерѣ новое интересное млекопитающее: черного зайца.

Недостатокъ пропускной бумаги сильно затруднялъ его ботаническіе сборы и изъ экономіи онъ собиралъ не полную флору мѣстности, а только рѣдкіе экземпляры или вовсе не встрѣчающіеся въ Европѣ. Собрано было множество насекомыхъ, пресмыкающихся и др. Вообще коллекціи, собранныя на оз. Ханка и попутномъ Уссуріи едва уложились въ три большіе ящика и вѣсили болѣе 5 пуд. Упаковавъ тщательнымъ образомъ свою драгоценную научную добычу, Николай Михайловичъ отправилъ эту посылку съ пароходомъ, отходившимъ съ озера, въ г. Срѣтенскъ, гдѣ она должна была ожидать его возвращенія.

Самъ же онъ въ началѣ сентября оставилъ озеро и отправился къ побережью Японскаго моря.

*) 28 авг. 1867 г. Озеро Ханка, 44¹/₂⁰ с. шир., постъ Камень Рыболовъ, см. Дубровинъ, стр. 60—61.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Зимняя экспедиція на вьюкахъ.

Ханкайскія степи.—Археологическая находка.—По р. Суйфуна до Новгородской гавани.—Сборы въ зимнюю экспедицію.—Дороговизна.—Слѣдованіе по „тропѣ“.—Травяные пожары.—Владивостокъ.—Неудачная охота на оленей.—Опасная переправа черезъ р. Май-хэ.—Китайскій пгорный домъ.—Расширосы пути.—Загадочная фанза.—Манза-гастрономъ.—Долина Сучанъ.—Война фазановъ и охота на тигра.—Окончаніе экспедиціи.—Возвращеніе въ станицу Буссе.

Сообщеніе пріозерной равнины съ морскимъ побережьемъ производилось въ то время по почтовой дорогѣ, идущей отъ поста Камень Рыболовъ къ долинѣ р. Суйфуна. Дорога эта была довольно хороша и на ней расположено нѣсколько русскихъ поселковъ, которые Николай Михайловичъ посѣтилъ и сообразно съ даннымъ ему порученіемъ произвелъ точную перепись населенія, собралъ данныя относительно хозяйственнаго положенія какъ русскихъ поселенцевъ, такъ и инородцевъ.

Общее заключеніе, которое онъ вынесъ изъ своихъ изслѣдованій, заключается въ томъ, что Ханкайскія степи представляютъ собою наилучшее мѣсто для колонизаціи во всемъ Уссурийскомъ краѣ, такъ какъ почва по большей части состоитъ изъ чернозема или вполнѣ способна къ обработкѣ суглинка, изобилуетъ прекрасными пастбищами, а главное потому, что степи эти не подвержены наводненіямъ, что почти во всемъ Уссурийскомъ краѣ представляетъ рѣшительное препятствіе къ развитію земледѣлія.

Собранныя имъ свѣдѣнія относительно экономическаго состоянія русскихъ деревень въ общемъ были благопріятнаго характера. Благодаря трудолюбію поселенцевъ площадь пашень все разрастается и крестьяне достигаютъ значительной степени благосостоянія уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ своего водворенія на новомъ мѣстѣ жительства. Правда, этимъ пионерамъ русской культуры приходится переносить тяжкія испытанія и вести борьбу не только съ непривычными физическими условіями мѣстности (переселенцы эти пришли изъ среднихъ губерній Европейской Россіи), но и съ дикимъ, некультурнымъ туземнымъ населеніемъ.

Такъ, двѣ деревни: Никольская и Суйфунская, основанныя въ 1866 г., черезъ два года подверглись разгрому со стороны шайки китайскихъ разбойниковъ Хунхузозъ и были сожжены ими до тла, тѣмъ не менѣе Пржевальскій нашель, что ко времени его посѣщенія онѣ уже въ достаточной степени оправились отъ этого разгрома.

Вблизи отъ этихъ деревень Николай Михайловичъ нашель остатки двухъ древнихъ укрѣпленій, въ которыхъ сохранились развалины глиняныхъ стѣнъ и каменныхъ построекъ. Попадались также археологическія памятники, какъ, напр., громадное изображеніе черепахи, грубо высѣченное изъ камня и вдѣланная въ нее сверху мраморная плита съ изображеніемъ на ней дракона.

Судя по изобилію подобныхъ памятниковъ въ различныхъ частяхъ Уссурійскаго края, бывшимъ долгое время мѣстомъ кровавыхъ столкновеній, сначала Корейскихъ (Гаолійскихъ) а потомъ Манчжурскихъ племень съ Китайцами, гдѣ много разъ смѣнялось владычество тѣхъ или другихъ изъ этихъ народовъ,—можно съ достовѣрностію заключить, что страна эта, въ настоящее время почти пустынная, въ древности представляла не только дѣлую сѣть лагерей, но имѣла и густое осѣдлое населеніе, быть можетъ имѣла даже значительные города. Доказательство этому Пржевальскій видитъ въ томъ, что громадныя глыбы гранита очевидно привезены сюда изъ далека, такъ какъ по близости нигдѣ нѣтъ обнаженія гранитныхъ породъ, изъ которыхъ вытесаны камни, послужившіе для сооруженія многихъ построекъ, развалины которыхъ онъ изслѣдовалъ.

«Но давно, очень давно, говорить онъ, было все это, такъ что между нынѣшнимъ скуднымъ населеніемъ не осталось никакихъ преданій о тѣхъ временахъ»...

«Въ глубокомъ раздумьи бродилъ я по валамъ укрѣпленій, поросшихъ кустарникомъ и густою травою, на которой спокойно паслись крестьянскія коровы.

«Неволью пришла мнѣ тогда на память извѣстная арабская сказка, какъ нѣкій человѣкъ посѣщалъ черезъ каждые 500 лѣтъ одно и тоже мѣсто и находилъ тамъ попеременно то городъ, то море, то лѣса и горы и всякій разъ на свой вопросъ получалъ одинъ и тотъ-же отвѣтъ, что такъ было отъ начала вѣковъ».

Николай Михайловичъ на лодкѣ спустился по рѣкѣ Суйфуну до Амурскаго залива Японскаго моря, а отсюда на шкунѣ «Алеутъ» отправился въ Новгородскую гавань, лежащую въ южной части залива Посьета, у самой границы русскихъ владѣній. Осень въ это время уже видимо приближалась: ночи становились замѣтно холоднѣе, на деревьяхъ стали желтѣть листья, стрижи, ласточки и многія другія птицы большими стадами тянулись къ югу...

Изъ Новгородской гавани предстояла весьма трудная и небезопасная экспедиція вдоль побережья моря къ сѣверу. Цѣль предстоящаго путешествія заключалась въ томъ, чтобы по возможности изслѣдовать эту мало извѣстную въ то время страну, и кромѣ того Пржевальскому дано было служебное порученіе проинформировать регистрацію русскихъ поселенцевъ, живущихъ около гавани Св. Ольги и по р. Сучану.

Сборы въ эту экспедицію встрѣтили большія затрудненія и поглотили массу времени. Около мѣсяца пробылъ Николай Михайловичъ въ Новгородской гавани и за это время едва успѣлъ сформировать свой маленькій караванъ. Затрудненія встрѣчались во всемъ—въ невозможности достать по близости вьючныхъ лошадей, купить веревковъ, сбрую и прочія принадлежности вьючнаго путешествія: достать все это можно было только съ большимъ трудомъ и по необыкновенно высокимъ цѣнамъ.

Впрочемъ, не только здѣсь, но и во всѣхъ другихъ мѣстахъ Уссурійскаго и даже всего Амурскаго краевъ Николай Михайловичъ всегда возмущался невѣроятною дороговизною всевозможныхъ продуктовъ, при чемъ средства, имѣвшіяся

въ его распоряженіи, расходоуались весьма быстро. Весьма заинтересованный въ этомъ отношеніи, Пржевальскій постоянно обращалъ вниманіе на условія торговли въ посѣщенномъ имъ краѣ и собралъ обширный матеріалъ по этому вопросу. Въ своей книгѣ онъ приводитъ таблички сравнительныхъ цѣнъ для однихъ и тѣхъ же продуктовъ въ Европейской Россіи (въ Москвѣ) и въ различныхъ пунктахъ Сибири и Амурско-Уссурійскаго края. Выводы получаются крайне интересные.

Товары, которые идутъ въ Сибирь, по большей части самаго низкаго качества, потому что какъ изъ Россіи, такъ и изъ-за границы, стараются сбыть то, что дома залежалось и съ рукъ нейдетъ. Тѣмъ не менѣе, благодаря дороговизнѣ провоза, а еще болѣе вслѣдствіи многихъ специальныхъ мѣстныхъ условій торговли, цѣны чрезвычайно быстро возрастаютъ, по мѣрѣ движенія на востокъ, вглубь азіатскаго континента. Такъ, уже въ Иркутскѣ и Читѣ цѣны на все по крайней мѣрѣ двойныя, сравнительно, напр., съ московскими; въ Хабаровкѣ онѣ возрастаютъ еще въ два, или по крайней мѣрѣ въ полтора раза; что же касается мелкихъ торговыхъ пунктовъ въ различныхъ станицахъ по Амуру, Уссуріи и на оз. Ханка, то здѣсь цѣны уже совершенно произвольно возвышаются тѣми немногими торговцами, которые сюда забираются, но обыкновенно онѣ бывають не менѣе, какъ въ два или полтора раза болѣе, чѣмъ въ Хабаровскѣ, Николаевскѣ и др. болѣе крупныхъ центрахъ.

Выходятъ такого рода курьезы, что многіе предметы, даже очень малоцѣнные, выгоднѣе выписывать по почтѣ изъ Москвы, чѣмъ покупать у мѣстныхъ торговцевъ. Николай Михайловичъ приводитъ для примѣра слѣдующій расчетъ: пудъ пеньковыхъ веревокъ стоитъ въ Москвѣ 3 р., пересылка до Уссуріи—12 р., укупорка и страхованіе—50 к., а у мѣстныхъ торговцевъ ему пришлось заплатить 16 р. Точно также пудъ стеариновыхъ свѣчей съ пересылкой и со всѣми накладными расходами, если выписывать изъ Москвы обойдется 25 р., а на Уссуріи берутъ 30 р. и т. д. Что касается другихъ товаровъ съ болѣе относительною стоимостью, какъ, напр., матеріи, табакъ, напитки и проч., то ихъ можно выписывать изъ далека зачастую вдвое дешевле, сравнительно съ мѣстными цѣнами, но съ тою громадною разницею, что товары въ такомъ случаѣ будутъ хорошаго качества, а не гниль и оборыши, которые продаются уссурійскими купцами...

Возвратимся, однако, къ нашимъ путешественникамъ.

Кое-какъ окончены были наконецъ сборы: лошади были куплены въ соседнемъ манчжурскомъ городѣ Хунь-Чунѣ, сѣдла и прочія вьючныя принадлежности кое-какъ собраны были по частямъ въ различныхъ мѣстахъ и 16-го октября, наконецъ, выступили изъ Новгородской гавани. Караванъ состоялъ изъ шести лошадей, на которыхъ навьючены были съѣстные припасы, различныя принадлежности для собиранія коллекціи и производства научныхъ наблюденій и, наконецъ, одна лошадь была специально предназначена для перевозки охотничьихъ припасовъ: пороха, дроби, пуль и т. п. Очевидно, Николай Михайловичъ намѣревался дать полную волю своему охотничьему пылу.

Дѣйствительно, можно съ увѣренностью сказать, что никогда еще въ по-таенныхъ уссурійскихъ дѣбряхъ не появлялся до того времени столь неутомимый и опасный врагъ для всевозможныхъ тварей животнаго царства, какимъ былъ Николай Михайловичъ! Онъ самъ говоритъ въ своей книгѣ, что въ теченіе менѣе чѣмъ 1½ лѣтъ, приведенныхъ имъ въ экспедиціяхъ по Уссурійскому краю, онъ со своимъ товарищемъ разстрѣлялъ 12 пудовъ дроби и свинцу! А если принять во вниманіе, что Пржевальскій былъ замѣчательный стрѣлокъ, то можно себѣ представить, какое множество животныхъ было истреблено имъ!.

Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, охота должна была служить не только забавой и средствомъ научнаго изученія животнаго царства, но составляла и главный источникъ пропитанія, такъ какъ въ видахъ экономіи пришлось ограничиться весьма скудными запасами продовольствія: взято было только нѣсколько пудовъ сухарей да мѣшокъ проса.

Кромѣ Ягунова, неизмѣннаго своего спутника во всѣхъ предыдущихъ странствованіяхъ, Николай Михайловичъ взялъ съ собою еще двухъ солдатъ, въ качествѣ погонщиковъ вьючныхъ лошадей и для ухода за ними.

Первоначальный путь каравана нашихъ путешественниковъ изъ Новгородской гавани лежалъ въ посту Раздольному на р. Суйфунѣ. Разстояніе между этими пунктами составляетъ около 170 в. и на всемъ этомъ протяженіи идетъ «вьючная тропа». Хотя путь этотъ былъ такого сорта, что по немъ нечего было и думать ѣхать въ какомъ-бы то ни было экипажѣ, но для вьючныхъ животныхъ дорога была довольно сносна. На этой дорогѣ содержалось шесть станцій, гдѣ кромѣ ночлега можно было найти и вьючныхъ лошадей; черезъ нѣкоторыя рѣчки выстроены были даже мосты, что въ дикихъ мѣстахъ Уссурійскаго края составляетъ настоящую роскошь.

«Правда, эти мостики, говоритъ Николай Михайловичъ, состоятъ изъ простого накатника на подпоркахъ, такъ что его сносить въ каждое наводненіе, но все-таки, благодаря имъ, можно, по крайней мѣрѣ, скоро и сухо перевести лошадей черезъ рѣчки, а не переправлять ихъ вбродъ, или вплавь, какъ это обыкновенно дѣлается здѣсь въ всѣхъ другихъ мѣстахъ» *).

«Быстро начали мелькать дни моего путешествія... Обыкновенно, вставши съ разсвѣтомъ, я приказывалъ вычистить лошадей, которыя должны были слѣдовать, вмѣстѣ съ солдатами, по указанному направленію; самъ же отправлялся впередъ, или вмѣстѣ съ товарищемъ, или чаще одинъ. На случай встрѣчи съ какимъ-нибудь врагомъ — человѣкомъ или звѣремъ — я имѣлъ при себѣ кромѣ ружья, кинжалъ и револьверъ, а неизмѣнный другъ — лагавая собака, всегда ранѣе могла предупредить меня объ угрожающей опасности...

«Особенную заманчивость всегда имѣли для меня эти одинокія странствованія по здѣшнимъ первобытнымъ лѣсамъ, въ которыхъ единственная тропинка, бывало,

*) Путеш. въ Уссур. край, стр. 126.

чуть замѣтно вьется среди густыхъ заростей кустарниковъ и травы, иногда вышиною больше сажени.

«Кругомъ не видно ни малѣйшаго слѣда руки человѣка: все дико, пустынно, не тронуто. Только звѣри, которые то тамъ, то здѣсь мелькаютъ по сторонамъ, напоминаютъ путнику, что и эти лѣса Полны жизни, но жизни дикой, своеобразной...

«Часто увлекшись охотой, я заходилъ далеко въ сторону отъ тропинки, такъ что догонялъ своихъ спутниковъ уже на ночлегѣ, который избирался обыкновенно въ лѣсу или на песчаномъ берегу быстройъ горной рѣчки.

«Здѣсь живо разводили костеръ, лошади пускались на пастбище, а мы, окончивъ свои работы, ложились подъ великолѣпнымъ пологомъ яснаго ночного неба и засыпали крѣпкимъ сномъ, подъ музыкальные звуки лебединого крика, или подъ шумъ буруна, если такая ночевка случалась недалеко отъ берега моря» *)...

Николай Михайловичъ былъ совершенно въ своей сферѣ, со страстнымъ увлеченіемъ предавался созерцанію дѣвственной природы и изученію ея, не замѣчая трудностей своего путешествія, которыя были, однако-же, весьма значительны, но овѣ чувствительны были гораздо болѣе для другихъ участниковъ экспедиціи, въ особенности для солдатъ, чѣмъ для него самого.

Отъ поста Раздольнаго путь лежалъ къ Владивостоку. Отвратительнѣйшая тропинка вела сначала по Суйфунскимъ, едва проходимымъ болотамъ, а затѣмъ по гористымъ дремучимъ лѣсамъ вдоль Амурскаго залива и черезъ полуостровъ Муравьевъ-Амурскій.

Наступило время травяныхъ пожаровъ, такъ называемыхъ «паловъ» **). Картина такихъ пожаровъ представляетъ величественное зрѣлище, въ особенности ночью. «Извиваясь змѣею, бѣжитъ огненная струя и вдругъ встрѣчаетъ массы болѣе сухой и высокой травы, вспыхиваетъ яркимъ пламенемъ и опять движется дальше узкой лентой. Днемъ черное облако дыма обозначаетъ направленіе пожара, которое замѣтно, впрочемъ, и безъ того: впереди бѣгутъ массами различные звѣри и летятъ стаи птицъ, спасаясь отъ разъяренной, все пожирающей стихіи. Не разъ и нашимъ путешественникамъ угрожала опасность отъ такихъ пожаровъ и приходилось со всѣмъ караваномъ поспѣшно бросаться въ рѣку и переходить въ бродъ на другую сторону ея.

26 октября подъ вечеръ добрались, наконецъ, до Владивостока, а въ ту же ночь поднялась сильная снѣжная вьюга.

Сидя въ тепломъ помѣщеніи, путешественники наши благодарили судьбу, что имъ удалось во время добраться до жилья и съ ужасомъ думали, каково было-бы имъ теперь, если-бы пришлось по прежнему ночевать въ лѣсу.

*) Тамъ же, стр. 125—126.

**) Мѣстные жители ежегодно весной и осенью зажигаютъ высохшую траву, для уничтоженія страшныхъ травянистыхъ заростей, которыя образуются за лѣто, для облегченія та-кимъ образомъ охоты. Производится это очень легко: стоитъ только зажечь одну былинку, въ особенности во время вѣтра,—и пожаръ со страшною быстротою распространяется на большое пространство.

Почти всѣ лошади сильно пострадали во время предыдущаго пути, частью отъ слишкомъ дурной дороги, частью же отъ того, что солдаты не умѣли, какъ слѣдуетъ, выючить ихъ и у нихъ образовались ссадины на спинахъ. Въ виду этого Николай Михайловичъ рѣшилъ хорошенько отдохнуть во Владивостокѣ, прежде чѣмъ пускаться дальше.

Вьюга, разразившаяся вслѣдъ за ихъ приходомъ, продолжалась около сутокъ, и снѣгу навалило вершка на четыре.

Николай Михайловичъ не утѣрился и ему захотѣлось достойно встрѣтить зиму и поохотиться по выпавшему снѣгу.

Во Владивостокѣ одинъ изъ гарнизонныхъ офицеровъ оказался его знакомымъ и, не долго думая, на слѣдующій же день они отправились на охоту. Не успѣли они отойти отъ города и 2 версты, какъ замѣтили 7 аксисовъ (оленей, *servus axis*), которые, не подозрѣвая опасности, спокойно бродили возлѣ оврага.

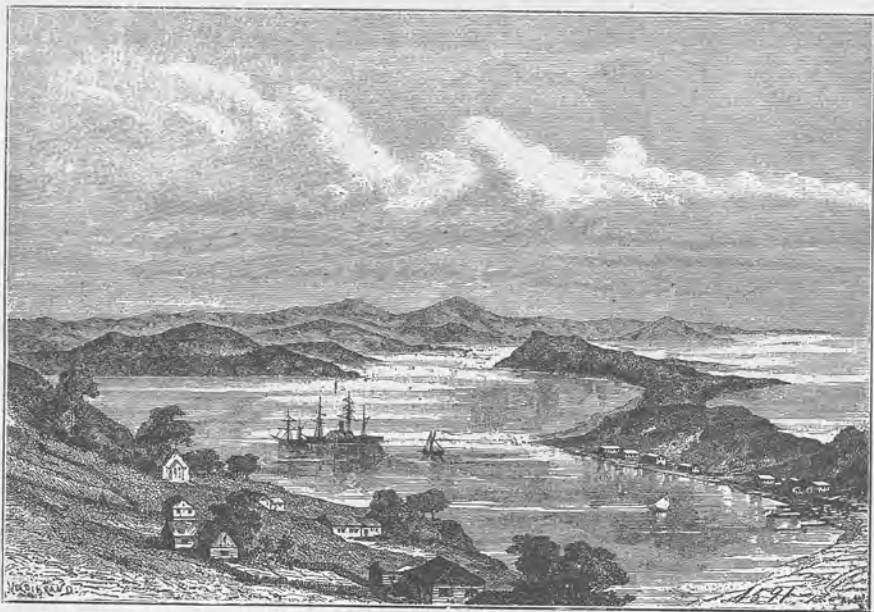
Николай Михайловичъ осторожно подкрался къ нимъ на очень близкое разстояніе, но здѣсь случился съ нимъ казусъ, который, вѣроятно остался ему на всегда памятнымъ: видя въ первый разъ въ жизни этихъ красивыхъ и рѣдкихъ звѣрей такъ близко отъ себя, онъ пришелъ въ страшное волненіе и далъ промахъ послѣдовательно изъ обоихъ стволовъ на разстояніи какихъ-нибудь 100 шаговъ!

Крайне огорченный такою неудачею и проклиная свою горячность, онъ снова зарядилъ свой прудеръ и отправился преслѣдовать убѣжавшихъ оленей.

Г а в а н ь В л а д и в о с т о к а .

снова зарядилъ свои шрудеръ и отправился преслѣдовать уоѣжавшихъ оленей.

Гавань Владивостока.

Долго ходили они съ товарищемъ подымаясь съ горы на гору и, наконецъ, на склонѣ горы снова увидѣли все стадо.

«Отправивъ своего товарища подходить прямо, я пустился на перерѣзъ и, пробѣжавъ съ полъ-версты, наткнулся не далѣе, какъ шагахъ въ пятидесяти, на всѣхъ оленей, которые переваливъ черезъ гору, спускались въ падь. Опять потемнѣло у меня въ глазахъ при такой встрѣчѣ и опять—стыдно сказать—я далъ промахи изъ обоихъ стволовъ. Судьба словно рѣшила подшутить надъ нашимъ рьянымъ охотникомъ: къ довершенію огорченія, послѣ выстрѣловъ, стадо пронеслось какъ разъ мимо него... Николай Михайловичъ выхватываетъ изъ-за пояса револьверъ, но... одна за другою слѣдуетъ пять осѣчекъ, а когда курокъ шелкнулъ въ шестой разъ, то звѣри уже промелькнули мимо и выстрѣлъ полетѣлъ имъ въ догонку безъ всякихъ послѣдствій!

Дурно спалось Николаю Михайловичу въ эту ночь: ему все время грезились олени, па которыхъ онъ такъ опозорился передъ самимъ собою и передъ своимъ товарищемъ.

4-го ноября караванъ выступилъ изъ Владивостока. Черезъ 2 дня пути вдоль самаго морского берега, дорогу преградило устье рѣки Май-хэ, черезъ которую предстояла трудная и, какъ оказалось, опасная переправа вплавь. Дѣйствительно, здѣсь чуть не погибли всѣ лошади.

Рѣка эта не велика и имѣетъ не болѣе 80 саженой въ ширину при чемъ только въ средней части (саженей около 40) глубока на столько, что ее нельзя переходить въ бродъ. Дѣло однако сильно усложнялось тѣмъ обстоятельствомъ, что по рѣкѣ шелъ ледъ, а около береговъ, на нѣсколько саженой вода уже замерзла, такъ что прежде, чѣмъ приступить къ переправѣ, пришлось прорубать во льду проходъ для лошадей; при томъ теченіе въ этой рѣкѣ было очень быстро. Сначала на небольшой лодкѣ, которую удалось достать, перевезены были всѣ вещи и выюки, переѣхали Николай Михайловичъ съ товарищемъ, а затѣмъ приступили и къ переправѣ лошадей. Пока было мелко, все шло хорошо. Вслѣдъ за переднею лошадыю, которую тащили за поводъ солдаты, помѣщавшіеся въ лодкѣ, шли и остальные, вытянувшись въ одну ливію. Но только что вступили на глубокое мѣсто и лошади пустились вплавь, какъ на бѣду льдина, увлекаемая стремительнымъ теченіемъ, врѣзалась въ самую средину лошадей и произвела между ними смятеніе; быстрымъ теченіемъ онѣ были сбиты со своего направленія, отнесены въ сторону и черезъ нѣсколько мгновеній ихъ уже кружило на одномъ мѣстѣ... Три изъ нихъ скоро начали терять силы, были подхвачены теченіемъ и понеслись въ море...

Солдаты, бывшіе въ лодкѣ, совершенно растерялись, не зная, за что привматься: спасать ли тѣхъ изъ лошадей, которыя еще кружились на рѣкѣ или же поскорѣ бросаться вслѣдъ за унесенными въ море.

Въ то же время Николай Михайловичъ со своимъ товарищемъ стояли на противоположномъ берегу и въ такой критическій моментъ принуждены были

оставаться въ бездѣйствіи, не будучи въ состояніи помочь чѣмъ-нибудь съ своей стороны.

Наконецъ, солдатамъ удалось направить тѣхъ лошадей, которыя барахтались еще въ рѣкѣ, къ берегу и дотащить ихъ до такого мѣста, гдѣ онѣ могли стать на ноги и слѣдовательно были уже въ безопасности.

Послѣ этого они въ лодкѣ поспѣшили на помощь остальнымъ, которыхъ отвесло уже далеко въ море. Пока подоспѣла лодка, эти несчастныя животныя уже совершенно изнемогли и съ трудомъ болтали ногами, а быстрое теченіе уносило ихъ все дальше и дальше въ океанъ.

Однако же двухъ изъ нихъ удалось, хотя и съ большимъ трудомъ, подтащить къ отмели и вывести на берегъ, но третья захлебнулась и утонула, раньше чѣмъ помощь къ ней подоспѣла.

Дальнѣйшихъ неблагопріятныхъ послѣдствій этотъ инцидентъ не имѣлъ; продрогнувшихъ лошадей поводили около часу и, послѣ того какъ онѣ такимъ образомъ согрѣлись и обсушились, завьючили и двинулись дальше.

Къ вечеру дошли до устья другой рѣки — Цыму-хэ и такъ, какъ здѣсь расположена русская деревня Шкотова, населеніе которой Николаю Михайловичу надо было переписать, то здѣсь остановились на цѣлыя сутки.

Рѣка Цыму-хэ служила въ то время главнымъ притономъ всякаго сброда изъ инородцевъ, которые приходятъ сюда для промывки золотоносныхъ песковъ, встрѣчающихся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого края, и для ловли морской бапусты *). Здѣсь же было довольно густое китайское земледѣльческое населеніе. Съ наступленіемъ зимы, когда прекращаются всякіе промыслы, здѣсь скоплялось множество празднаго, отчаяннаго люда и въ нѣкоторыхъ фанзахъ устранивались игорныя дома.

Николай Михайловичъ воспользовался случаемъ и нарочно отправился въ одинъ изъ такихъ мѣстныхъ «клубовъ», чтобы посмотреть, какъ играютъ китэйцы.

Вотъ какъ онъ описываетъ свое посѣщеніе.

«Когда я пришелъ въ фанзу въ первомъ часу дня, то игра была уже въ полномъ разгарѣ. На нарахъ, обведенныхъ вокругъ стѣнъ, стояло семь столиковъ, и за каждымъ изъ нихъ сидѣло по четыре китэйца въ своемъ обыкновенномъ положеніи, т. е. поджавъ подъ себя ноги. Одни изъ нихъ играли въ кости, другіе въ карты; послѣдніе по величинѣ меньше нашихъ и на нихъ изображены какія-то каракуля.

«Всѣ играющіе курили трубки и безъ всякихъ разговоровъ предавались своему занятію, такъ что въ фанзѣ, несмотря на большое число людей, говорливыхъ въ другое время, теперь была полная тишина. Дѣйствительно, замѣчательно хладнокровіе, съ которымъ китэйцы дѣлаютъ даже послѣднюю ставку. Ни голосъ,

*) Такъ называется водоросль, которая ловится на всемъ побережьи Японскаго моря и массажи отправляется въ китэйскіе порты. Промыселъ этотъ очень выгодный и развивается съ каждымъ годомъ.

ни выраженіе лица не выдаютъ той внутренней борьбы, которая, конечно, происходитъ у всякаго азартнаго игрока въ подобномъ случаѣ.

«Среди играющихъ, за особымъ столомъ, сидѣлъ писарь, сводившій всѣ счеты и писавшій росписки тѣмъ манзамъ, которые, проигравъ наличное, играли уже въ долгъ.

Китайцы вообще—страстные и при томъ азартные игроки, такъ что многіе изъ нихъ проигрываютъ иногда сразу все свое состояніе. Въ этой же фанзѣ находился въ качествѣ прислужника одинъ такой манза, который проигралъ сначала деньги, потомъ хлѣбъ, наконецъ фанзу и поступилъ въ работники.

«Обыкновенно, игра начинается часу въ десятомъ утра и продолжается до полуночи, а иногда и всю ночь, если сойдутся ужъ слишкомъ азартные игроки. Самъ хозяинъ не играетъ, а только беретъ съ присутствующихъ деньги за продовольствіе и за право играть въ его фанзѣ. Такимъ образомъ онъ—самый счастливый изъ всѣхъ играющихъ, такъ какъ, ни чѣмъ ни рискуя, зарабатываетъ за зиму порядочный кушъ...» *).

Чѣмъ дальше подвигались наши путешественники, тѣмъ хуже становилась дорога. Тропинка, и прежде съ трудомъ различаемая, сдѣлалась почти совсѣмъ не замѣтною, такъ какъ выпавшій снѣгъ прикрылъ поверхность однообразною пеленою и уничтожилъ почти всѣ примѣты.

Такъ какъ проводника изъ экономіи не нанимали, то въ распознаваніи направленія пути приходилось довольствоваться показаніями компаса и картей; что же касается до самаго распрашиванія мѣстныхъ жителей, то для нашихъ путешественниковъ этотъ способъ былъ совершенно невозможенъ, такъ какъ никто изъ нихъ не зналъ мѣстныхъ (главнымъ образомъ китайскаго) языковъ и не имѣлось переводчика...

«Обыкновенно, пишетъ Николай Михайловичъ, всѣ разспросы такого рода начинались однимъ и тѣмъ же:

- *Тау-ю?* (т. е. «есть-ли дорога») спрашиваешь бывало у манзы.
- *Ю* («есть»).
- *Ига-тау?* («одна ли тропинка», т. е. нѣтъ ли развѣтвленій?)

Манзы.

*) Тамъ же, стр. 136, 137.

той вну-
чно, про-
ро-

ымъ
пий
ьмъ
на-

ные
акъ
ють
не.
въ
кой
чала
ещь
ики.
ется

Манзы.

На этотъ послѣдній вопросъ манза обыкновенно начинаетъ много говорить, но изъ всего этого въ концѣ концовъ можно понять только общій смыслъ отвѣта: положительный онъ или отрицательный, между тѣмъ какъ подробности, которыя, конечно, являются весьма цѣнными указаніями въ такихъ пустынныхъ странахъ, остаются неповятыми» *).

По большей части манза самъ отправляется показать тропинку, которая начинается у его фанзы, но что это за тропинка! «Ей-ей, говорить Пржевальскій, всякая межа между десятинами нашихъ пашень, въ десятеро примѣтнѣе подобной тропинки, по которой только изрѣдка пробредетъ манза или какой-нибудь инородецъ, но измятая трава тотчасъ же подымается опять и растетъ съ прежнею силой. Положительно, можно держать какое угодно пари, что новачекъ не пройдетъ, не сбившись, и трехъ верстъ по большей части мѣстныхъ тропинокъ—этихъ единственныхъ путей сообщенія въ здѣшнемъ краѣ.

«Вотъ и идешь, бывало по тропинкѣ, указанной китайцемъ. Прощель версту, другую, третью... Хотя и не особенно хорошо, но все-таки замѣтно вьется дорожка, то между кустами, то по высокимъ травянистымъ заростямъ падей и долинъ. Вдругъ эта самая тропинка раздѣляется на двѣ: одна идетъ на право, другая на лѣво. Изволь идти, по которой хочешь! Помнится, китаецъ что то бормоталъ въ фанзѣ, можетъ быть какъ-разъ про это мѣсто, но кто его знаетъ, о чемъ онъ говорилъ!

«Посмотришь, бывало, направленіе по солнцу или по компасу и идешь по той тропинкѣ, которая, какъ кажется, идетъ въ нужную сторону».

Обыкновенно Николай Михайловичъ шелъ впереди своего каравана на нѣсколько верстъ и въ сомнительныхъ мѣстахъ клалъ какія нибудь примѣты, по большей части записки, которыя указывали товарищу и солдатамъ, куда нужно идти. Конечно, не разъ случалось и ошибаться въ принятомъ направленіи, приходилось блуждать по нѣсколько часовъ и возвращаться назадъ; бывало и такъ, что послѣ цѣлаго дня пути какимъ то образомъ выходили опять на то мѣсто, откуда выступили утромъ. Но по большей части Николай Михайловичъ, вѣроятно уже по врожденнымъ своимъ талантамъ къ путешествіямъ, угадывалъ, такъ сказать, по инстинкту истинную дорогу.

Бывали и загадочныя приключенія, въ родѣ слѣдующаго.

Пройдя верстъ пятнадцать по лѣсу, который дѣлался все болѣе и болѣе густымъ, путешественники наши наткнулись на фанзу, стоявшую среди небольшой открытой лужайки и обнесенную высокимъ толстымъ тыномъ, который устраивается въ такихъ «звѣровыхъ» фанзахъ для защиты отъ нападенія тигровъ: черезъ такой тынь, устроенный изъ толстыхъ свай, вертикально вбитыхъ въ землю и заостренныхъ сверху, звѣрь не можетъ ни перелѣзть, ни перескочить.

*) Тамъ же, стр. 137.

Ворота въ фанзѣ, которая предстала вдругъ передъ путешественниками, были закрыты и снаружи приперты бревномъ.

«Отбросивъ бревно, пишетъ Николай Михайловичъ, я вошелъ во дворъ, но тамъ не было ни одной души, хотя все указывало, что здѣсь жили недавно. Въ пустыхъ стойлахъ, устраиваемыхъ для содержанія пойманныхъ оленей, еще лежало сѣно; въ пристройкѣ рядомъ насыпанъ былъ хлѣбъ и бобы, а въ самой фанзѣ стояла различная посуда, запертые ящики, даже котель съ варенымъ, хотя и замерзшимъ просомъ... Но ни одного живаго существа—ни собаки, ни кошки, которыхъ манзы держатъ обыкновенно по нѣскольку штукъ. Недоумѣвая, куда могли дѣться хозяева фанзы и всѣ другіе ея обитатели, я подождалъ здѣсь нѣкоторое время, а затѣмъ отправился далѣе, не успѣвъ разрѣшить своей загадки» *).

«Отъ фанзы шли дѣлныхъ три тропинки, такъ что съ самаго же начала пришлось угадывать направленіе пути. Опредѣливъ его по компасу, я направился по одной изъ тропинокъ, но она, пройдя шаговъ сто, уперлась въ рѣчей и по-видимому кончалась. Пошелъ я по другой тропинкѣ, но и та черезъ поль-версты потерялась въ лѣсу. Во второй разъ вернулся я къ заколдованной фанзѣ и направился по послѣдней тропинкѣ. Однако-же и эта оказалась не лучше и окончилась шаговъ черезъ двѣсти у кучи нарубленныхъ дровъ.

Снова вернулись мы къ фанзѣ и, не зная, куда идти, остались здѣсь ночевать, тѣмъ болѣе, что дѣло клонилось уже къ вечеру».

Вошли во дворъ, развьючили лошадей и размѣстили ихъ по стойламъ, гдѣ какъ будто-бы нарочно для насъ приготовлено было сѣно. Затѣмъ, развели въ фанзѣ огонь и принялись готовить ужинъ.

Тутъ нашлись и ведра для воды и котелки для нагрѣванія ея, столы, скамейки, даже соль и просо,—словомъ все было къ услугамъ путешественниковъ.

Послѣдніе пользовались *случаемъ обставить свой ночлегъ такимъ непривычнымъ комфортомъ, но ихъ сильно удивляло, отчего это не показываются сами хозяева. Выходило точь въ точь, какъ въ извѣстной сказкѣ о заблудившемся охотникѣ, которую Николай Михайловичъ въ дѣтствѣ слышалъ отъ своей няни Макарьевны.

Наступила ночь, но никто изъ прежнихъ обитателей фанзы не показывался, и наши путешественники терались въ догадкахъ, куда бы они могли дѣться. Всего правдоподобнѣе было предположеніе, что хозяевъ фанзы и всего добра, заключающагося въ ней, разтерзали тигры. Манзы—звѣроловы, правда, иногда покидаютъ свои фанзы не на долго, отправляясь на промыселъ, но здѣсь сваренное и замерзшее просо, отсутствіе кошекъ и собакъ и нѣкоторые другіе признаки ясно указывали на то, что фанза опустѣла уже по крайней мѣрѣ съ недѣлю. Быть можетъ одинъ или два манзы, обитавшіе здѣсь, отправились въ лѣсъ на охоту или за дровами, ваткнулись тамъ на тигра и были имъ разтерзаны, но

*) Тамъ же, стр. 138—139.

фанза, съ припертыми воротами такъ и осталась и вѣкъмъ съ тѣхъ поръ не посѣщалась, а Пржевальскій со своими спутниками первый нарушилъ могильную тишину этой мѣстности.

Какъ бы то ни было, наши путешественники переночевали въ загадочной фанзѣ совершенно благополучно, на другой день разыскали путь, сдѣлавъ большой кругъ возлѣ фанзы, и отправились дальше своей дорогой, не забывъ по прежнему припереть ворота ограды.

Послѣ этой комфортабельной ночевки, нѣсколько ночей подъ рядъ пришлось провести прямо въ лѣсу. По ночамъ морозъ доходилъ до 8° и къ довершенію несчастія еще дулъ сильный вѣтеръ и часто подымалась снѣжная мятель.

Истомившись на предыдущихъ ночевкахъ, путешественники наши старались добраться до какой-нибудь фанзы, чтобы переночевать наконецъ подъ кровлею, а не въ снѣгу.

Близъ рѣки Та-Удми имъ посчастливилось встрѣтить фанзу, въ которой жилъ одинокій старый манза.

По обыкновенію онъ сдѣлалъ кислую мину, когда къ нему вошли путешественники и объявили, что останутся ночевать.

«Однако-же у насъ, рассказываетъ Николай Михайловичъ, скоро установились дружескія отношенія и при томъ весьма оригинальнымъ образомъ. Увидавъ у меня стеариновыя свѣчи, манза, по всегдашнему обыкновенію китайцевъ, попросилъ себѣ кусочекъ, и когда я далъ ему небольшою огарокъ, то онъ тотчасъ-же принялся его ѣсть, откусывая по немногу и смакуя, словно вкусную конфекту и приговарывая «*шангау, ша-шангау*» ((т. е. «хорошо, очень хорошо»).

Видя столь высокой гастрономическій вкусъ своего хозяина, я предложилъ ему кусочекъ мыла, для пробы. Манза взялъ его, разрѣзалъ на нѣсколько мелкихъ кусочковъ и началъ ѣсть съ величайшимъ удовольствіемъ.

Наконецъ, желая, вѣроятно, довершить свое наслажденіе, онъ положилъ въ ротъ разомъ остатокъ свѣчи и послѣдній кусочекъ мыла и медленно разжевалъ, не переставая расхваливать» *).

Одинъ изъ конвойныхъ солдатъ, видѣвшій всю эту исторію, не вытерпѣлъ и выругалъ манзу крѣпкимъ русскимъ словечкомъ, прибавивъ: «ишь тварь этакая, жреть всякую мерзость; чтобъ тебѣ здохнуть, кашлатый!»

Кстати сказать, русскіе, по наблюденію Пржевальскаго, по большей части относятся свысока и даже презрительно къ инородцамъ и называютъ ихъ не иначе, какъ «тварью». Придя въ фанзу китайца или гольда, напр., русскій говоритъ: «посмотри, какъ эта тварь живетъ; всякое обзаведеніе у него есть, даже и водка, все какъ слѣдуетъ быть».

«Однако-же, добавляетъ Николай Михайловичъ, несмотря на такое наружное презрѣніе, русскій никогда не отказывается отъ рыбы, табаку, водки или чего-

*) Тамъ же, стр. 141.

нибудь другого, если ему предлагают, а при случаѣ онъ даже не прочь и стаянуть, въ добавокъ къ полученному»...

Послѣ нѣсколькихъ дней труднаго пути, при чемъ опять приходилось нрѣдко ночевать въ лѣсу, на морозѣ и вьюгѣ, караванъ перевалилъ черезъ довольно высокій горный хребтъ и спустился къ рѣкѣ Сучану.

Изъ всѣхъ прибрежныхъ долинъ за-Уссурийскаго края, которыя пройдены были Николаемъ Михайловичемъ, во время предыдущаго слѣдованія по берегу моря, долина рѣки Сучана показалась ему самою замѣчательною по плодородію почвы и по красотѣ мѣстоположенія.

Рѣка Сучанъ беретъ начало на главномъ хребтѣ Сихотэ-Алинь, недалеко отъ истоковъ Уссури и, стремясь почти въ меридіанальномъ направленіи къ югу, впадаетъ въ заливъ Америка.

Въ верхней и средней своей части Сучанъ имѣетъ незначительную глубину и чрезвычайно быстро стремится по каменному ложу, представляя собою типичную горную рѣчку. Только въ низовьяхъ рѣки теченіе ея дѣлается спокойнымъ, и такъ какъ здѣсь рѣка эта имѣетъ уже весьма значительную глубину, а въ ширину достигаетъ 30—40 саж., то она является удобною для плаванія всевозможныхъ судовъ.

Долина эта замѣчательна по своей совершенной (равнинности и гладка какъ поле. Со всѣхъ сторонъ ее окружаютъ высокія, крупныя, изрѣзанныя глубокими трещинами и сплошь покрытыя густыми лѣсами, горы, а сама она открыта густыми зарослями мелкихъ кустарниковъ и высокими травами

Почва весьма плодородна и состоитъ изъ толстаго слоя чернозема (среднимъ числомъ около 3 футовъ толщиной).

Въ этой благодатной долиніи скопилось довольно густое инородческое населеніе около 500 человекъ, размѣщенное въ 75 фанзахъ, здѣсь же расположены и двѣ русскихъ деревни, села Алексадровское и Владимірское.

Сучанская долина замѣчательна по роскошному развитію здѣсь растительности, а изъ животныхъ въ поразительномъ изобиліи здѣсь являются фазаны. Они составляютъ здѣсь главный бичъ земледѣлія и немилосердно истребляютъ всякій хлѣбъ и даже молодой картофель, который проглатываютъ цѣликомъ. Но самую обыкновенную пищу ихъ составляютъ, повидимому, желуды, и Николай Михайловичъ не рѣдко убивалъ экземпляровъ, у которыхъ зобъ биткомъ набитъ былъ одними желудями, очищенными отъ кожуры.

Охота на этихъ фазановъ не представляла большаго интереса для нашего завязатаго охотника, такъ какъ это была настоящая бойня: фазановъ попадалось такъ много, что въ 2—3 часа можно было настрѣлять ихъ штукъ 30—40. Николай Михайловичъ, отправляясь на охоту, обыкновенно бралъ съ собою солдата, который подбиралъ убитую дичь въ большой мѣшокъ, и онъ скоро наполнился до верху, такъ что солдатъ съ трудомъ доносилъ его домой.

Занимаясь такими играми смиренныхъ фазановъ, Николай Михайловичъ

неожиданно обрадованъ былъ представившимся ему случаемъ поохотиться на царственного хищника Уссурійскаго края—тигра.

На разсвѣтъ 23 ноября къ нему явился одинъ крестьянинъ деревни Александровки и объявилъ, что по всему поселку видны свѣжіе слѣды тигра, который несомнѣнно гулялъ здѣсь ночью. Сильно забилось сердце у нашего охотника и, наскоро одѣвшись, онъ поспѣшилъ на улицу.

Въ справедливости извѣстія не оставалось никакого сомнѣнія: возлѣ самыхъ оконъ были совершенно ясны слѣды четыре вершка въ длину и болѣе трехъ въ ширину. Судя по этой лапкѣ звѣрекъ былъ не маленькій! По свѣжимъ отпечаткамъ на снѣгу видно было, что тигръ нѣсколько разъ обходилъ вокругъ высокой и крѣпкой загородки, гдѣ помѣщались вьючныя лошади, даже лежалъ подъ этимъ заборомъ и наконецъ отправился въ поле.

Такимъ образомъ представлялся отличный случай поохотиться на страшнаго звѣря, такъ какъ, по всей вѣроятности, онъ не ушелъ же, Богъ знаетъ куда, отъ деревни.

«Осмотрѣвъ хорошенько свой штуцеръ, заткнувъ кинжалъ за поясъ, я взялъ съ собою солдата, вооруженнаго рогатиною и пустился по слѣду.

Оказалось, что переходя отъ одной фанзы къ другой, тигръ, наконецъ, поймалъ собаку и направившись со своей добычей въ горы, зашелъ въ густой кустарникъ, росшій на берегу небольшого озера и по окрестному болоту.

«Идя слѣдомъ, мы также вошли въ этотъ кустарникъ и стали осторожно подвигаться впередъ, такъ какъ здѣсь уже каждую минуту можно было опасаться, что лютый звѣрь бросится изъ засады. Пройдя такимъ образомъ шаговъ триста, мы вдругъ наткнулись на мѣсто, гдѣ тигръ изволилъ позавтракать собакою, которую онъ съѣлъ всю дочиста, съ костями и внутренностями. Невольно приостановился я, увидавъ кровавую площадку, гдѣ тигръ разорвалъ собаку. Вотъ, вотъ могъ онъ броситься на насъ, а по тому, держа палецъ на спускѣ курка своего штуцера и весь превратившись въ зрѣніе, я осторожно и тихо подвигался впередъ, вмѣстѣ со своимъ спутникомъ.

«Вообще трудно передать чувство, которое овладѣло мною въ эту минуту. Охотничья страсть съ одной стороны, сознание опасности—съ другой, все это перемѣшалось и заставило сердце биться тактомъ, болѣе учащеннымъ противъ обыкновеннаго»...

Однако тигра не оказалось на этомъ мѣстѣ, и смѣлые охотники пустились дальше. Скоро слѣдъ вышелъ изъ тростника и направился въ горы. Не теряя надежды догнать звѣря, они продолжали идти по слѣду и раза три находила мѣста, гдѣ онъ отдыхалъ, сидя или лежа...

Вдругъ, на небольшомъ холмѣ, шаговъ за триста впереди, что-то замелькало по кустамъ—и увы!

Эго былъ тигръ, который, замѣтивъ приближеніе людей, рѣшилъ лучше убраться по добру по здорову и, пробѣжавъ крупною рысью, скрылся за горою.

Сибирскій тигръ.

Дальѣйшее преслѣдованіе было неудачно,—и охотники воротились ни съ чѣмъ, не видавши больше тигра.

Въ тотъ-же день издохла одна экспедиціонная лошадь, и Николай Михайловичъ приказалъ на ночь положить ее за селомъ, возлѣ бани, а самъ сълѣ туда караулить тигра. Но и здѣсь вышла неудача: звѣрь, напуганный днемъ, не приходилъ въ эту почъ.

Довольно странно, что Пржевальскому ни разу не пришлось столкнуться съ этимъ опаснымъ хищникомъ во время его странствованій по дебрямъ Уссурийскаго края, при чемъ онъ, какъ уже было указано, по большей части бродилъ одинъ далеко впереди своего каравана. Между тѣмъ тигровъ въ этой странѣ водится очень много и мѣстное населеніе терпитъ отъ нихъ большія непріятности и матеріальныя убытки.

Подобныя вышеописанному посѣщенію деревень и отдѣльныхъ фанзъ, тигры зимою производятъ почти ежедневно, такъ что, по рассказамъ крестьянъ, послѣ сумерокъ опасно выходить изъ избы.

Наглость этихъ звѣрей доходитъ даже до того, что они таскаютъ даже собакъ, привязанныхъ, для безопасности, въ сѣняхъ.

25 ноября Николай Михайловичъ оставилъ сучанскую долину и направился далѣе къ сѣверу, по берегу моря, къ гавани Св. Ольги. Путь предстоялъ весьма трудный, такъ какъ на всемъ этомъ протяженіи, т. е. около 270 в., тропинка чуть замѣтно вѣтвется въ дремучей тайгѣ, то подымаясь на высокія крутыя горы, то спускаясь къ самому берегу, а иногда даже идетъ вбродъ по морю, въ обходъ береговыхъ утесовъ. Дорога эта вообще крайнѣ утомительна и безпрестанно пересѣкается боковыми отрогами хребта Сихотэ-Алиня.

Встрѣчныя рѣчки, даже ручьи представляли большія затрудненія и непріятности при переправѣ черезъ нихъ, такъ какъ, несмотря на конецъ ноября, не замерзали вполнѣ, по причинѣ необыкновенной быстроты теченія.

Почти вся прибрежная мѣстность поросла густыми, непроходимыми лѣсами, въ которыхъ встрѣчалось очень много кедровъ, и Николай Михайловичъ сбывалъ ружейными пулями съ нихъ шишки, чтобы полакомиться орѣхами и хоть немного сврасить скучныя вочевки, которыя приходилось проводить прямо въ лѣсу, на половину безъ сна.

Тропинка выходила иногда на самый берегъ моря и иногда удавалось видѣть не вдалекѣ витовъ, пускающихъ фонтаны. Здѣсь-же на песчаныхъ, низменныхъ берегахъ часто валялись выброшенныя кости этихъ морскихъ великановъ, а иногда попадались даже цѣлыя черепа, прекрасно сохранившіеся; вмѣстѣ съ тѣмъ морскія волны выбрасывали на берегъ множество водорослей, раковинъ, среди которыхъ попадались не рѣдко морскія звѣзды и малиноваго цвѣта медузы.

Но Николаю Михайловичу гораздо болѣе нравились возвышенные и обрывистые берега, въ особенности, если надъ самими волнами угрюмо висѣли высокіе, отвѣсные утесы.

«Присядешь бывало, рассказывает онъ, на вершинѣ такого утеса, заглядишься на синѣющую даль моря,—и сколько различныхъ мыслей затаится въ головѣ! Воображенію рисуются далекія страны, съ иными людьми и съ иною природою, тѣ страны, гдѣ царствуетъ вѣчная весна и гдѣ волны того-же самаго океана омываютъ берега, окаймленные пальмовыми лѣсами. Казалось, такъ-бы и полетѣть туда стрѣлою, посмотрѣть на всѣ эти чудеса, на этотъ храмъ природы, полный жизни и гармоніи...

«Погрузится затѣмъ мысль въ туманную глубину прошедшихъ вѣковъ, и океанъ является еще въ большемъ величіи. Вѣдь онъ существовалъ и тогда, когда еще ни одна растительная или животная форма не появилась на нашей планетѣ, когда и самой суши еще не было! На его глазахъ и, вѣроятно, въ его-же вѣдрахъ, возникло первое органическое существо! Онъ питалъ его своею влагою, убаюкивалъ своими волнами! Онъ—давнишній старожалъ земли; онъ лучше всякаго геолога знаетъ ея исторію»... *).

Зовъ товарища, подошедшаго невзначай, прерываетъ вдругъ замечавшагося философа, и онъ очнувшись сбѣшить присоединиться къ своимъ спутникамъ.

Мѣстность, по которой теперь шли наши путешественники, была очень пустынна. Фанзы инородцевъ встрѣчались очень рѣдко, да и то по большей части пустыя, въ которыхъ обитатели паселяются только на лѣтнее время, когда они являются сюда для ловли морской капусты.

Въ ночь съ 27 на 28 ноября прошелъ дождь, который согналъ снѣгъ на всѣхъ открытыхъ мѣстахъ, а на тропинкѣ послѣ этого образовалась ледяная кора, и бѣдныя лошади съ большимъ трудомъ могли пробираться по ней, постоянно скользили и не рѣдко падали. Ко всему прочему присоединился еще недостатокъ продовольствія для вьючныхъ животныхъ, такъ какъ удовлетворительнаго подножнаго корма уже не было, а кормить ихъ ячменемъ оказывалось очень убыточнымъ, да и не всегда его можно было достать.

Ночевать, за весьма рѣдкими исключениями, приходилось въ лѣсу, и эти лѣсные бивуаки обыкновенно были очень однообразны; вотъ какъ описываетъ ихъ Николай Михайловичъ**)

«Обыкновенно за часъ или полтора до заката солнца сильно уставшія ноги начинаютъ громко напоминать, что пора отдохнуть. При томъ-же желудокъ также давно уже заявляетъ о своей пустотѣ, и все это настолько сильныя побужденія, что мы начинаемъ выглядывать по сторонамъ дороги мѣсто удобное для ночлега. Для этого обыкновенно избирается лѣсная лужайка, на берегу какого-нибудь ручья, чтобы имѣть подъ бокомъ дрова, воду и пастбище для лошадей. Въ здѣшнихъ мѣстностяхъ все это не трудно отыскать: ручьи текутъ на каждой пади и вода въ нихъ не хуже знаменитой невиской, трава растетъ вездѣ и всюду, а въ лѣсу столько сухаго валежника, что не трудно добыть сколько угодно дровъ.

*) Тамъ-же стр. 150.

***) Тамъ-же, стр. 152, 153.

«Выпадетъ, бывало, такое удобное мѣсто, хочется отдохнуть, соблазнительнъ в грѣющей костеръ на морозѣ, но солнце стоитъ еще высоко, цѣлый часъ до заката, такъ что можно успѣть сдѣлать версты три—и съ досадою идешь дальше.

«Тутъ мой юный спутникъ обыкновенно начинаетъ ворчать. «надо остановиться, сегодня и такъ ужъ много прошли, а тебѣ-бы все больше, да больше; другого такого мѣста не будетъ, а здѣсь посмотри, какъ хорошо»... и т. д.

«Большую частью я оставался глухъ ко всѣмъ подобнымъ просьбамъ и увѣщаніямъ, но иногда соблазнъ былъ такъ великъ, что по слабости, присущей въ большей или меньшей степени каждому человѣку, останавливался на ночлегъ ранѣе обыкновеннаго времени.

«И какъ магически дѣйствуетъ надежда! Усталые солдаты и лошади вдуть молча, шагъ за шагомъ, повѣсивъ головы, но лишь только я скажу: «сейчасъ остановимся почевать»—все мигомъ ободрится, даже кони пойдутъ скорѣе, завядя огонекъ, который мой товарищъ уже успѣлъ развести, зайдя впередъ...

«Пришли на мѣсто, остановились... Солдаты развьючиваютъ лошадей и, связавъ ихъ къ деревьямъ, чтобы дать остынуть, рубятъ и таскаютъ, пока свѣтло, дрова на костеръ, который необходимо поддерживать цѣлую ночь, иначе нѣтъ возможности хоть сколько-нибудь заснуть на морозѣ. Тѣмъ временемъ я отправляюсь нарубить кинжаломъ вѣтокъ или сухой травы, чтобы сидѣть, по крайней мѣрѣ, не на голомъ свѣгу, а товарищъ варитъ кирпичный чай, вкусомъ и запахомъ мало чѣмъ отличающійся отъ настоя обыкновеннаго сѣна. Однако въ это время и подобный согрѣвающий напитокъ кажется слаще нектара олимпійскаго, въ особенности, если въ приложеніе къ нему жарятся тутъ-же на палочкахъ тонко нарѣзанные куски козы или оленя...

«Закусивъ немного, я достаю дневникъ и сажусь писать замѣтки дня, разогрѣвъ предварительно на огнѣ замерзшія чернила.

«Между тѣмъ солдаты уже натаскали дровъ, пустили на пастьбу лошадей и варятъ ужины. Часа черезъ два все готово, дневникъ написанъ, и мы ужинаемъ, чѣмъ случатся: фазаномъ, убитымъ днемъ, кускомъ козы или рыбой, а иногда и просто кашей, изъ проса.

«Послѣ ужина посидишь еще немного у костра, поболтаешь, или погрызешь кедровыхъ орѣховъ, а затѣмъ укладываешься спать, конечно не раздѣваясь, и только подстлавъ подъ себя побольше травы, а сверху укрывшись какой-нибудь шкурой, въ которую закутаешься герметически. Но при всѣмъ томъ, несмотря даже на усталость, спишь далеко не спокойно, потому что со стороны, противуположной огню, ночной морозъ сильно холодитъ бокъ и заставляетъ постоянно переворачиваться.

«Солдаты по этому поводу очень мѣтко говорили: «съ одной стороны—петровки, а съ другой—Рождество» *)...

*) Петровки—постъ въ іюнѣ; жаръ этого мѣсяца противопоставляется рождественскимъ морозамъ.

Но вот, наконецъ, всё заснуло, и кругомъ водворилась тишина... Только изрѣдка потрескиваетъ костеръ, фантастически освѣщающій своимъ колеблющимся пламенемъ сосѣднія деревья, да позвякиваютъ бубенчики пасущихся невдалекѣ лошадей. Широкииъ пологомъ раскинулось небо, усыянное звѣздами, а луна сквозь вѣтви деревьевъ украдкою бросаетъ свои блѣдные серебристые лучи и еще болѣе дополняетъ впечатлѣніе оригинальной картины.

Рано утромъ, часа за два до разсвѣта, первыми встаютъ солдаты, собираютъ лошадей, даютъ имъ по небольшой порціи ячменя и принимаются за приготовленіе завтрака, а къ тому времени, какъ онъ поспѣетъ, поднимаются и остальные.

Не смотря на усиленное закутываніе, поднимающійся отъ сна обыкновенно дрожитъ, какъ въ лихорадкѣ, но горячій чай очень быстро согрѣваетъ и приводитъ организмъ въ нормальное состояніе. Горячій завтракъ еще больше поддѣржываетъ и ободряетъ.

Чуть начинается свѣтать, какъ лошади уже завьучиваются, всё принадлежности бивуака укладываются,—и караванъ снова продолжаетъ свой путь.

Около полудня дѣлается одинъ небольшой привалъ, во время котораго на скоро закусываютъ, а также производятся метеорологическія наблюденія,—и шестіе продолжается снова до захода солнца.

Къ вечеру 7 декабря путешественники прибыли въ гавань св. Ольги, гдѣ гостепріимно приняты были начальникомъ поста.

Теплая, уютная комната, послѣ утомительныхъ кочевокъ подѣ открытымъ небомъ въ лѣсу на морозѣ, показалась настоящимъ раемъ. Какъ пріятно было теперь заснуть, какъ слѣдуетъ раздѣвшись, на удобной кровати, въ теплѣ!

Истомленный организмъ, изношенная въ лохмотья обувь и одежда, сбитыя спины у лошадей—все это настоятельно требовало отдыха по крайней мѣрѣ съ недѣлю, прежде чѣмъ трогаться въ дальнѣйшій путь. Кромѣ того, Николай Михайловичъ долженъ былъ переписать крестьянъ окрестныхъ деревень*) и исполнить нѣкоторыя другія служебныя порученія въ самомъ посту.

По всѣмъ этимъ причинамъ здѣсь прожили цѣлыхъ шесть дней и возстановивъ свои силы, исправивъ и пополнивъ снаряженіе каравана, замѣнивъ своихъ лошадей свѣжими, путешественники выступили изъ гавани 14 декабря и отправились въ прежнемъ направленіи.

Здѣсь, кстати, упомянемъ про одинъ фактъ, характеризующій Николая Михайловича, какъ человѣка.

Въ гавани св. Ольги онъ встрѣтилъ трехъ маленькихъ дѣвочекъ, круглыхъ сиротъ, оставшихся послѣ смерти своего отца, который служилъ здѣсь докторомъ. Бѣдныя дѣти жили у лейтенанта поста, Векмана, но послѣдній вскорѣ долженъ

*) Около гавани св. Ольги въ то время расположены были четыре русскихъ деревни: Новинки, Фудинь, Арзамазовка и Перискаля. общая цифра населенія которыхъ составляла 267 человѣкъ.

быть ухвачь изъ гавани,—и сиротамъ такимъ образомъ предстояло быть брошеннымъ на произволъ судьбы. Николай Михайловичъ принялъ въ нихъ сердечное участіе и просилъ начальника штаба Приамурской области, генерала Тихменева, опредѣлить сиротъ въ Николаевскій институтъ, что со временемъ и было устроено.

Всѣ дѣла на побережьи океана теперь были уже закончены, и теперь предстояло идти назадъ на р. Усури. Но для этого нужно было еще сначала пройти въ прежнемъ направленіи по берегу моря на сѣверъ до долины р. Тазуши.

Расстояніе до этой долины было не велико, всего около 80 верстъ, но зато путь здѣсь былъ еще хуже прежняго и на этотъ переходъ потребовалось дѣлать пять сутокъ.

На всемъ этомъ протяженіи нѣтъ совсѣмъ никакого населенія. За все время встрѣтилась только одна фанза, въ которой жилъ одинокой звѣропромышленникъ-инородецъ. Поэтому опять пришлось по прежнему ночевать на свѣгу. 18 декабря добрались, наконецъ, до долины Тазуши. Последняя въ общемъ сильно сходна съ вышеописанной Сучанской долиной и подобно послѣдней имѣетъ плодородную почву и довольно густое инородческое населеніе—тазовъ и китайцевъ, но земледѣіемъ здѣсь занимаются гораздо меньше, чѣмъ звѣроловствомъ и въ особенности собольимъ промысломъ.

Почти всѣ промышленники-тазы отдають всѣхъ добытыхъ соболей китайскимъ торговцамъ за продукты, забранные у нихъ въ теченіи года. На Тазушѣ живутъ такихъ 3—4 манзы, которые ведутъ значительную оптовую торговлю соболями, отправляя ихъ большими партіями въ Шангай на лодкахъ (джонкахъ), а иногда вьючнымъ путемъ по берегу.

Поднявшись вверхъ по долинѣ р. Тазуши, караванъ достигъ перевала черезъ хребетъ Сихотэ-Алинь въ долину р. Лифудинъ.

Переходъ этотъ былъ самымъ труднымъ во всей экспедиціи; расстояніе въ 80 верстъ едва пройдено было въ четверо сутокъ. На всемъ этомъ протяженіи нѣтъ ни одного жилья и, какъ нарочно, сряду три ночи стояли морозы въ 23—27°, такъ что ночевки были необыкновенно тяжелы и изнурительны.

На самой вершинѣ перевала стояла китайская капличка съ размалеваннымъ изображеніемъ божества.

Капличка имѣла видъ квадратной деревянной клѣтки, высотой около аршина,—въ одной изъ стѣнокъ сдѣлано отверстіе, передъ которымъ на противоположной сторонѣ, внутри клѣтки, наклеена картинка бога, во образѣ китайца.

Передъ этимъ священнымъ изображеніемъ стоялъ горшокъ и расположены были различныя приношенія: мелкія монеты, ленточки, полотенца, доскутки красной матеріи и т. п.

Самый же горшокъ оказался почти до верху наполненнымъ золою: всякій манза, проходящій мимо каплички, непременно посидитъ около нея, выкурить трубку и выбьетъ изъ нея пепель въ горшокъ передъ божествомъ въ видѣ приношенія—точь въ ночь по русской пословицѣ: «на тебѣ, Боже, что намъ не

гоже». Такие кашлички ставятся китайцами на всѣхъ горныхъ перевалахъ, даже черезъ небольшія возвышенности.

Первую ночь во время этого достопамятнаго перехода путешественникамъ пришлось особенно плохо. На мѣстѣ гдѣ ихъ захватила ночь, не было ни воды, ни пастбища для лошадей. Прежде всего разгребли сугробы снѣга болѣе двухъ футовъ толщиной, развели костеръ и начали таять снѣгъ, чтобы получить воду для приготовления чая и ужина. Лошадямъ пришлось выдать чуть не послѣдніе остатки ячменя.

Холодъ былъ страшнъ (25 Ц.), всѣ желѣзныя вещи прилепали къ рукамъ, когда къ нимъ прикасались...

Около полуночи Николай Михайловичъ со своимъ товарищемъ и съ собакою улеглись вмѣстѣ, прижались, какъ можно плотнѣе, другъ къ другу возлѣ самаго костра, на кучѣ нарубленныхъ вѣтокъ и приказали навалить сверху по больше всякой рухляди, напр., сложенную палатку; но ничто не помогало,—и сторона тѣла, обращенная отъ костра, сильно мерзла. Отъ дыханія на усы и бородѣ намерзали большія сосульки и часто капельки отъ нихъ катились подъ рубашку на тѣло... Въ полубытьи чудится родина и все дорогое прошлое... но черезъ нѣсколько мгновений наступаетъ неприятое пробужденіе.—и сладкія мечты уступаютъ мѣсто неприглядной дѣйствительности...

На четвертыя сутки, въ самый день Рождества, добрались, наконецъ, до фанзы и праздникъ съ особенною радостью встрѣтили отдыхомъ въ теплѣ, удобно расположившись на нарахъ.

Еще нѣсколько дней тяжелаго пути, во время котораго приходилось то переправляться черезъ полужамерзшія быстрыя горныя рѣчки, то безъ всякой тропинки карабкаться по горамъ, чуть не вертикально поднимающимся на пути и безпрестанно мерзнуть на морозѣ и пронзительномъ вѣтрѣ,—и наконецъ, караванъ вступилъ въ долину р. Ула-хэ. Отсюда не далеко было уже до слиянія этой рѣки съ Дауби-хэ (верховье Уссуря), гдѣ расположена была русская телеграфная станція Бѣльцова.

Николай Михайловичъ рассчитывалъ поспѣть туда, чтобы встрѣтить новый годъ подъ кровлею. Но, какъ говорится: «человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ»...

Какъ на зло, 30 декабря поднялась страшная метель, которая до того занесла снѣгомъ тропинку, что путь сдѣлался еще болѣе затруднителенъ, чѣмъ прежде, и къ вечеру 31 декабря путешественники были еще на разстояніи не менѣе 25 верстъ отъ желанной станціи. Предстояла весьма неприятная перспектива встрѣтить наступленіе новаго года въ снѣгу и на морозѣ, но по счастью попалась грязная и убогая фанза, которой однако же всѣ необыкновенно обрадовались.

«И здѣсь, въ этой фанзѣ, записалъ Николай Михайловичъ въ своемъ дневникѣ, среди грубыхъ и невѣжественныхъ мантъ, пришлось мнѣ встрѣтить новый

годъ, встрѣтить его, не имѣя даже хлѣба и ничего, кромѣ нѣсколькихъ фунтовъ буды (проса).

«За то обстановка была такая оригинальная, какая можетъ встрѣтиться только развѣ въ кочевой жизни путешественника. Невольно припомнилось, какъ и гдѣ я встрѣчалъ прошлые новые годы, въ кругу родныхъ или добрыхъ товарищей.

«Теперь же, когда я пишу эти строки, кругомъ меня десятка полтора грубыхъ, грязныхъ и отвратительныхъ манъ, которые обѣли и обступили меня кругомъ и бессмысленно смотрять, какъ я пишу. Между собою они говорятъ, сколько я могу понять, что вѣрно я купецъ и записываю, сколько продалъ или купилъ. Грубыя понятія этихъ невѣждъ не возвышаются далѣе разныхъ спекулятивныхъ выгодъ.

«Во многихъ мѣстахъ вспоминаютъ обо мнѣ сегодня въ Европѣ в вѣроятно ни одно гаданіе, самое вѣрное, не скажетъ, гдѣ я теперь нахожусь. Этихъ мѣсть, куда я теперь забрался, пожалуй, не знаетъ и самъ дьяволъ...

«Самъ же я только мысленно могу перенестись въ далекую Европу къ своимъ друзьямъ, роднымъ и матери, которая десятки разъ вспомнить сегодня о томъ, гдѣ ея Николай...

«Миръ вамъ, мои добрые друзья! Желаю вамъ всѣмъ весело встрѣтить и счастливо прожить новый годъ. Придетъ время, когда мы опять повеселимся въ этотъ день, а сегодня, окончивъ свой дневникъ, я поѣмъ каши, сваренной изъ послѣдняго остатка буды, и крѣпкимъ сномъ засну въ смрадной и вонючей фанзѣ!..*).

Еще цѣлый слѣдующій день тащились усталые путники по глубокому снѣгу и только къ вечеру добрались до станціи Вѣльцовой.

Со времени выхода изъ гавани св. Ольги прошло уже девятнадцать дней и за всѣ эти дни ни разу не пришлось ни умыться, ни раздѣться. Понятно послѣ этого, съ какою радостью путешественники вымылись въ банѣ и заснули въ теплой комнатѣ.

Отсюда, совершивъ еще одинъ трехдневный переходъ, караванъ добрался наконецъ, до знакомой уже ему станицы Буссе, на рѣкѣ Сунгачѣ, гдѣ и была закончена трудная зимняя экспедиція.

Уссурійскія стени теперь совершенно преобразились, такъ что Николай Михайловичъ не узнавалъ хорошо знакомыхъ ему мѣсть. Снѣгу нанесло такіе сугробы, какіе можно видѣть только на крайнемъ сѣверѣ. Вся могучая растительность здѣшнихъ луговъ и лѣсовъ покрыта была толстымъ покровомъ, какъ саваномъ, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лѣтомъ не было возможности пробраться по травянымъ зарослямъ, теперь только мѣстами горчачи отдѣльные засохшіе стебли... Даже виноградная лоза, которая раньше переплеталась и представляла густую стѣну, теперь казалась чѣмъ-то въ родѣ веревокъ, безобразно навѣшанныхъ на вѣтки деревьевъ. На островахъ, гдѣ прежде были непроходимыя заросли тальника, теперь торчали

*) Тамъ же, стр. 164.

лишь обнаженные лозины, а луга, пестрѣвшіе лѣтомъ массами разнообразныхъ цвѣтовъ, теперь выглядѣли уныло, какъ тундра далекаго сѣвера. Большинство животныхъ покинули теперь эту страну и птицъ совсѣмъ не было видно, развѣ только раздастся стукъ дятла или пискъ синицы. Не найдутъ теперь себѣ здѣсь пищи ни насѣкомоядныхъ, ни зерноядныхъ, ни голенастыхъ, ни водныхъ,—и всѣ онѣ покинули страну, дѣвѣющую подъ холоднымъ снѣговымъ покровомъ...

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Весна на озерѣ Ханка.

Результаты предыдущей экспедиціи. — Оцѣнка ихъ Сибирскимъ Отдѣломъ И. Р. Г. О. — Ходатайство о Манчжурской экспедиціи. — Встрѣча весны на оз. Ханка. — Пустыньность береговъ до вступленія весны и постепенное оживленіе ихъ. — Пляска журавлей. — Охота на ибисовъ и на китайскихъ журавлей. — Виснословное обиліе птицъ. — Кожары и влещи. — Ходъ козъ.

Результаты шестимѣсячной экспедиціи Пржевальскаго были весьма значительны. Онъ собралъ болѣе 1,000 экземпляровъ различныхъ растений и около 100 сортовъ различныхъ травъ. Зоологическая добыча была еще болѣе удачна ему удалось добыть 36 видовъ птицъ, раньше неизвѣстныхъ по научной литературѣ въ Уссурийскомъ краѣ, изъ нихъ сдѣлано было 86 чучелъ. Кромѣ того, собрана была порядочная коллекція бабочекъ, пауковъ и другихъ насѣкомыхъ.

Порученія, данныя Пржевальскому военнымъ начальствомъ, были всѣ блистательно исполнены: всѣ русскія населенія были описаны, точно также, какъ произведена была приблизительная регистрація инородческаго населенія; собраны были подробныя свѣдѣнія о состояніи сухопутныхъ сообщеній и о возможности движенія по нимъ военныхъ отрядовъ, болѣе подробно были описаны пути, ведущіе къ границамъ Манчжуріи и Кореи, а также и дороги изъ бассейна Усури къ берегамъ Великаго океана. Наконецъ, все время регулярно производились систематическія наблюденія температуры, давленія атмосферы и вообще составленъ былъ полный метеорологическій журналъ.

«Изъ этого перечня, писалъ Николай Михайловичъ своему брату Владимиру *), можно видѣть, что работы самой разнообразной у меня было по горло, тѣмъ болѣе, что я все долженъ былъ дѣлать самъ, потому что, хотя у меня и есть помощникъ, но этотъ юноша умѣетъ только сушить растенія, да обдирать шкурки съ птицъ...

«Собранныя коллекціи я отдамъ въ Иркутскій музей, а частью привезу въ Петербургъ, въ Академію Наукъ, и все написанное въ дневникѣ, по возвращеніи изъ экспедиціи, напечатаю.

*) 25 января 1868 г., изъ ст. Буссе.

«Теперь мнѣ предстоитъ совершить лѣтомъ другую, весьма трудную и рискованную экспедицію—въ Манчжурію, къ истокамъ рѣки Сунгари, въ знаменитый хребетъ Чань-бо-Шань, еще не посѣщенный ни однимъ европейцемъ; не знаю только, удастся-ли мнѣ осуществить эту экспедицію».

Изъ станицы Буссе Николай Михайловичъ послалъ отчетъ о своихъ изслѣдованіяхъ въ Иркутскъ.

Сибирскій Отдѣлъ по достоинству оцѣнилъ его дѣятельность. Въ отчетѣ Отдѣла за 1868 г. сказано, что «онъ увидѣлъ въ Пржевальскомъ оживленіе своей дѣятельности..., такъ какъ въ средѣ его почти никого не осталось изъ людей предприимчивыхъ, готовыхъ по собственному побужденію, съ такимъ самоотверженіемъ совершать многотрудныя и отдаленныя путешествія... Отдѣлъ съ живѣйшимъ интересомъ ожидаетъ полученія разработанныхъ матеріаловъ, собранныхъ г. Пржевальскимъ, и *которые послужатъ лучшимъ украшеніемъ будущихъ «записокъ» Отдѣла».*

Изъ вышеприведеннаго письма видно, что Николай Михайловичъ собирался продолжить свою командировку. И, дѣйствительно, онъ послалъ объ этомъ подробное ходатайство.

«Если экспедиція въ Манчжурію, писалъ онъ генералу Тихменеву, состоится, то это, такъ сказать, закончить и округлить мое путешествіе и доставить большую пользу наукѣ, такъ какъ изслѣдованія предстоятъ въ странѣ, гдѣ не ступала еще нога европейца *).

Николай Михайловичъ просилъ при этомъ снабдить его необходимыми пособиями, безъ которыхъ невозможно было достигнуть важныхъ результатовъ. Онъ просилъ, между прочимъ: прикомандировать къ нему унтеръ-офицера Новгородской постовой команды Вѣлобородова въ качествѣ переводчика, знающаго китайскій языкъ и манчжурское нарѣчіе; прислать ему стопы три пропускной бумаги, для собиранія растений, если таковая найдется въ Николаевскѣ, въ противномъ-же случаѣ, просилъ выслать хоть обыкновенной чайной оберточной бумаги; наконецъ, онъ ходатайствовалъ объ томъ, чтобы всѣ ассигнованныя на экспедицію деньги выданы были ему серебромъ, потому что, какъ онъ достовѣрно узналъ, въ Манчжуріи бумажекъ брать не будутъ, а если ему самому придется размѣнивать бумажки на серебро, то надо заплатить два кредитныхъ рубля за одинъ серебрянный.

«Самъ я думаю, прибавляетъ Николай Михайловичъ въ томъ же письмѣ, отправиться подъ видомъ купца и купить немного товаровъ, которымъ будетъ торговать сопутствующій мнѣ юноша: такимъ образомъ, я думаю, удобнѣе будетъ пройти, нежели въ офицерской формѣ».

Такъ какъ командировкѣ въ это время уже вышелъ срокъ, то Пржевальскій испрашивалъ разрѣшеніе на то, чтобы провести весну на озерѣ Ханка.

«Въ настоящее время, писалъ онъ Тихменеву, я пріѣхалъ въ Хабаровку,

*) Дубровнячъ, стр. 70.

но весь мой багаж оставленъ въ 23-й станицѣ, такъ какъ я рѣшилъ въ половинѣ февраля отправиться на озеро Ханка и пробыть тамъ до начала мая, наблюдая весенній пролетъ птицъ. Для служебныхъ интересовъ, мнѣ кажется, все равно, буду-ли я жить въ Хабаровкѣ, или на озерѣ Ханка, между тѣмъ какъ для науки это огромная разница. На Ханкѣ весною не было еще ни одинъ натуралистъ, и орнитологическая фауна его почти вовсе неизвѣстна. Какое будетъ приобрѣтеніе для науки, если я препарирую въ эти два мѣсяца сотни двѣ птицъ и опишу ихъ весеннюю жизнь въ этомъ пустынномъ мѣстѣ:

«Мѣстность же избранная мною (постъ № 5) великолѣпна: справа и слѣва воды двухъ озеръ *), а кругомъ пустыня въ полномъ смыслѣ этого слова...

«Я отправляюсь туда въ половинѣ февраля, слѣдовательно, если около этого времени, паче всякаго чаянія, будетъ изъ Иркутска отказъ въ экспедиціи, то все-таки не могу вернуться въ Иркутскъ раньше открытія навигаціи, а это можно также удобно исполнить и съ береговъ озера Ханка».

Закупивши въ Хабаровкѣ необходимые припасы и, между прочимъ, пѣлыхъ три пуда дрови, Николай Михайловичъ въ среднѣй февралѣ отправился вдоль рѣки Сунгачи къ берегамъ оз. Ханка.

Весенніе мѣсяцы, проведенные здѣсь, были самымъ лучшимъ временемъ изъ всей Уссурийской экспедиціи.

Пустынное мѣсто около поста № 4, (недалеко отъ истоковъ р. Сунгачи), гдѣ на сотню верстъ въ окружности нѣтъ ни одного жилья человѣческаго, представляетъ полное приволье для безчисленныхъ стадъ птицъ, которыя явились сюда, лишь только пахнуло весною.

Для Николая Михайловича было необычайнымъ наслажденіемъ наблюдать жизнь этого царства пернатыхъ: никогда не тревожимыя человѣкомъ, самыя разнообразныя птицы жили здѣсь каждая по своему и представляли чрезвычайно много интереса для натуралиста.

«Я уже привыкъ, писалъ Николай Михайловичъ своему брату**), къ громаднымъ массамъ, въ которыхъ проявляется животная жизнь въ здѣшнихъ краяхъ, но то, что я видѣлъ весною на озерѣ Ханка, превзошло всякія ожиданія. Не десятки и не сотни тысячъ, но цѣлыя милліоны птицъ появились здѣсь, лишь только начала пробуждаться весною природа. Стада гусей и утокъ, всѣхъ возможныхъ породъ, которыя я здѣсь видѣлъ во время пролета, можно уподобить развѣ тучамъ саранчи, но и это, пожалуй, будетъ слабое сравненіе».

Сдѣлаемъ нѣсколько выдержекъ изъ его увлекательнаго описанія кипучей жизни весною на берегахъ Ханка.

...Конецъ февраля, было нѣсколько хорошихъ теплыхъ дней; по выжженнымъ съ осени мѣстамъ кое-гдѣ показались проталины; но еще уныло и безжизненно

*) Постъ № 5 помѣщается на перешейкѣ, отдѣляющемъ Малое Ханка отъ Большаго, см. карту.

**) 17 іюля 1868 г. изъ Хабаровки.

смотреть снѣжные берега озера Ханка и тѣ громадныя травянистыя равнины которыя раскинулись по восточную его сторону. Даже Сунгача, не замерзающая при своемъ истокѣ цѣлую зиму и теперь уже очистившаяся версть на сто, и та безмолвно катитъ въ снѣжныхъ берегахъ свои мутныя воды, по которымъ несутся, то небольшая льдинка, то обломокъ дерева, то пучекъ сухой прошлогодней травы, принесенный вѣтромъ.

«Мертвая тишина царитъ кругомъ, и только изрѣдка покажется стадо тетеревей, или раздастся въ береговыхъ кустахъ стукъ дятла и пискъ болотной синицы, или, наконецъ, высоко въ воздухѣ, сначала съ громкимъ и явственнымъ, а потомъ все болѣе и болѣе замирающимъ свистомъ, пролетитъ нѣсколько утокъ гоголей, зимовавшихъ на незамерзающей Сунгачѣ. Бѣлая полярная сова (*Nyctea nyctea*), которая зимою спускается сюда изъ родныхъ тундръ крайняго сѣвера, енотъ, барсукъ, лисица, ласка, хорекъ—вотъ и полный перечень животныхъ, которыя зимою держатся на сунгачскихъ равнинахъ.

«Но вотъ наступаетъ мартъ, и хотя холода все еще продолжаютъ, но все-таки весна даетъ себя чувствовать; выгянетъ яркое солнышко, провесется весенній вѣтерокъ,—и на равнинахъ появляются проталинки, снѣгъ начинаетъ бурфѣть, а еще немного,—и появляются уже первые растенія...

«Первыми вѣстниками наступающей весны являются лебеди кликуны, которые сразу оживляютъ безмолвныя равнины своими громкими, гармоническими криками. Затѣмъ, появилось небольшое стадо баклановъ, которые, видимо утомленные перелетомъ, нѣсколько времени покружились надъ Сунгачею и, наконецъ, опустились на нее.

«Съ этого времени на рѣкѣ постоянно слышится ихъ хриплый, похожій на гоготаніе, голосъ, когда они съ замѣчательною ловкостью занимаютъ рыболовствомъ. Вырнувшій въ воду бакланъ, рѣдко возвращается назадъ безъ добычи, и въ случаѣ, если пойманная рыба настолько велика, что ее трудно проглотить сразу, ближайшіе товарищи цѣлою гурьбою бросаются отнимать добычу; начинается невообразимая возня, шумъ и драка... Случаются и несчастія при этой охотѣ: въ Сунгачѣ и на озерѣ во множествѣ водятся касатка, которая, будучи проглочена бакланомъ, распускаетъ свои колючки въ горлѣ птицы; послѣдняя не можетъ освободиться отъ своей роковой добычи и погибаетъ. Вслѣдъ за бакланами появляются и голенастыя, не смотря на то, что холода продолжаютъ держаться по прежнему и болота еще не растаяли».

Вотъ прилетѣли журавли двухъ видовъ: китайскій (*Grus montignesia*) и японскій (*Grus leucoschen*) и начали устраивать свои забавныя *пляски*, которыя мы позволимъ себѣ описать здѣсь со словъ Пржевальскаго.

«Обыкновенно общество журавлей, въ 3—5 паръ, живущихъ по сосѣдству, выбираютъ среди болота сухое, гладкое мѣсто, позаботятся предварительно, чтобы оно находилось въ значительномъ разстояніи отъ всякихъ кустарниковъ, овраговъ и т. п. мѣстностей, могущихъ скрывать врага. Раннимъ утромъ или подъ вечеръ

журавли эти слетаются на условленное мѣсто и, покричавъ немного, устраиваютъ танцы. Всѣ становятся въ тѣсный кругъ, а на образовавшуюся арену выходятъ одинъ или два танцора и начинаютъ выдѣлывать самыя уморительныя па: они прыгаютъ, киваютъ въ тактъ головами, присѣдаютъ, подскакиваютъ вверхъ, машутъ крыльями и всевозможными манерами выказываютъ передъ зрителями свою ловкость и искусство. Утомившись, они сами становятся въ число зрителей, а на смѣну имъ выходятъ новые. И такіе «танцевальные вечера» (или утра) продолжаются иногда часа два, пока не наступятъ сумерки и, закричавъ для финала цѣлымъ хоромъ во все горло, журавли разлетаются каждый во свояси.

Такія пляски устраиваетъ только японскій журавль. Другой его собратья— журавль китайскій есть самая большая птица всего Уссурійскаго края: въ стоячемъ положеніи онъ имѣетъ около 5 фут. въ вышину, 7¹/₂ фут. въ размахѣ крыльевъ и вѣситъ 20—25 фунтовъ. Птица эта необыкновенно осторожна, и подкрасться къ ней на выстрѣлъ трудно. Впрочемъ, птица эта на столько велика, что въ нее можно было стрѣлять пулей изъ дальнобойнаго штуцера, но еще затруднительнѣе было убить самую замѣчательную птицу здѣшнихъ странъ, я по и с к а г о и б и с а, близкаго родственника священной птицы древнихъ египтянъ. Птица эта замѣчательно красива. Достигая въ размахѣ крыльевъ до 4 фут., ибисъ имѣетъ спину, верхнюю часть спины и хохоль пепельно голубоватаго цвѣта, нижнюю часть туловища—блѣдно-розоваго, а крылья—огненно-красныя. Голова и ноги темно-красныя, длинный изогнутый клювъ черный, за исключеніемъ кончика, который тоже красный.

Охота на ибисовъ, а также на китайскихъ журавлей доставила много трудовъ Николаю Михайловичу, который, не смотря ни на какія препятствія, никакъ не могъ отказаться отъ удовольствія имѣть чучела этихъ рѣдкостныхъ птицъ въ своей коллекціи и, конечно, въполнѣ достигъ этого, обогативъ въ послѣдствіи нѣсколько музеевъ такими цѣнными экземплярами.

Надобно сказать, что охотничьи экскурсіи по сунгачскимъ болотамъ въ это время года могли доставлять удовольствіе только такому страстному охотнику, каковымъ былъ Николай Михайловичъ. Ходьба по замерзшимъ болотистымъ равнинамъ была чрезвычайно затруднительна: уцѣлѣвшая съ осени трава, вышиною въ 3—4 фут., густая и сильно перепутанная вѣтромъ представляла на каждомъ шагу препятствія и приходилось пробираться съ большими усиліями.

Вотъ, наконецъ, выдалась п а л е н и н а, т. е. выжженное прошлой осенью мѣсто. Здѣсь, кажется, идти лучше, свободнѣе, но за то другое неудобство: трава сгорѣла не совсѣмъ и повсюду торчатъ въ видѣ щетины обгорѣлые остатки стеблей, около вершка длиною и довольно толстые, а въ замерзшемъ состояніи обледенѣлыя—въ достаточной степени крѣпкіе. На такихъ мѣстахъ сапоги необыкновенно быстро дерутся: послѣ двухъ-трехъ дней подошвы оказываются уже продырявленными и тогда эту самую травку «такъ уколешься, что сдѣлаешь невольный скачекъ».

«Сунешься въ кусты—и тамъ Боже упаси! Вѣтеръ, постоянно гуляющій по равнинѣ, сдуваетъ сюда множество снѣгу и наметаетъ саженной глубины сугробы, въ которые если провалишься, то еле-еле выберешься».

«Но вотъ послѣ подобной прогулки въ нѣсколько верстъ, замѣтишь, наконецъ, вдали пару красивыхъ китайскихъ журавлей, важно расхаживающихъ по берегу Сунгачи, или стоящихъ неподвижно на льду залива, словно погруженныхъ въ глубокое философское раздумье.

«Еще издалека начинаешь къ нимъ подкрадываться ползкомъ, пользуясь всякимъ прикрытіемъ: кустами тальника, кочками, а большею частью высокою прошлогоднею травою. Подвинешься, бывало, такимъ образомъ сотню-другую шаговъ, выглянешь украдкой—журавли стоятъ по прежнему неподвижно, слѣдовательно, еще не замѣтили опасности—и съ радостью ползешь дальше... Чѣмъ дальше подвигаешься, тѣмъ болѣе растетъ надежда...

«Вдругъ раздается громкій, отрывистый крикъ—знакъ, что птицы замѣтили что то не доброе. Насторожившись и вытянувъ шею, смотрятъ онѣ теперь въ ту сторону, гдѣ необычайно пошевелившаяся трава возбудила подозрительное вниманіе.

«Притаивъ дыханіе, лежу я на землѣ, но что дѣлать далѣе? Ползти ли впередъ, или стрѣлять на удачу отсюда, не смотря на то, что до журавлей еще болѣе двухсотъ шаговъ?»

Опытъ показалъ, что разъ возбуждена подозрительность, то дальѣйшее подкрадываніе уже невозможно, и поэтому обыкновенно Николай Михайловичъ въ такихъ случаяхъ стрѣлялъ наавось и, конечно, по большей части дѣлалъ промахи.

Что касается ибисовъ, то кромѣ того, что они и сами очень осторожны, они еще по большей части держатся вмѣстѣ съ другими птицами, чаще всего въ обществѣ бѣлыхъ и сѣрыхъ цапель, на чуткость которыхъ они могутъ положиться...

Между тѣмъ стрѣлять приходится изъ дробовика и по этому необходимо подойти довольно близко.

«Но попробуйте подкаться къ ибису въ то время, когда два-три экземпляра ихъ сидятъ на берегу оттаявшаго немного залива, въ сообществѣ цѣлой сотни цапель, не одинъ разъ приводившихъ меня въ отчаяніе своимъ лукавствомъ и осторожностью!

«Вѣдь вотъ, кажется, ползешь по такой густой и высокой травѣ, что самъ чертъ не углядитъ; нѣтъ, смотришь, не приблизился еще и на сотню шаговъ, какъ тебя уже замѣтили эти длинноногіе дьяволы, взлетѣли и вмѣстѣ съ ибисами отправились на другое мѣсто. Идешь за ними туда, опять ползешь,—и опять повторяется та же исторія». Не разъ также приходилось Николаю Михайловичу довольствоваться созерцаніемъ въ бинокль мирной картины расхаживающихъ вдали ибисовъ и журавлей въ сообществѣ друзей своихъ цапель и прочей пернатой братіи. Въ такихъ случаяхъ онъ, по собственному своему замѣчанію, «какъ нельзя болѣе олицетворялъ собою басню о лисицѣ, пришедшей за виноградомъ».

За то охота на утокъ и гусей не представляла никакихъ затрудненій; ихъ было такъ много, что однажды Николай Михайловичъ съ одного выстрѣла убилъ 14 штукъ, а убивать по 5 и 7 случалось весьма часто.

По поводу баснословно удачныхъ охотъ на озерѣ Ханка во время весенняго пролета птицъ, укажемъ еще на одну черту характера Николая Михайловича—необыкновенную запальчивость на охотѣ и, такъ сказать, «кровожадность», съ которою онъ убивалъ безъ всякаго разбора все, что попадалось подъ выстрѣлъ.

Не довольствуясь, напр., дневными охотами, на которыхъ утокъ можно было набить сколько угодно, онъ устраивалъ еще и ночью на разсвѣтѣ засадки, и отправляясь вмѣстѣ съ товарищемъ, настрѣливалъ цѣлые вороха утокъ: «здѣсь, говоритъ онъ, дѣйствовала уже охотничья жадность, ради которой я не зналъ даже, что дѣлать съ цѣлою кучею набитыхъ птицъ».

Часто онъ бралъ, кромѣ одного двухствольнаго ружья, еще штуцеръ и безпрестанно стрѣлялъ «всѣхъ и каждаго, не заботясь о разстояніи».

Съ приближеніемъ апрѣля, весна, наконецъ, рѣшительно вступила въ свои права... На болотахъ стоятъ пиръ горою и тысячи самыхъ разнообразныхъ голосовъ оживляютъ еще такъ недавно совершенно безмолвныя равнины.

Громкій крикъ журавлей, криканье утокъ, гоготанье гусей, свистъ куликовъ, пѣсни жаворонковъ, токованье тетеревей, пискъ чибисовъ—все это сливается въ одинъ общій, неясный шумъ, свидѣтельствующій о полномъ разгарѣ и приводя въ дѣйствіе весенней жизни.

Между тѣмъ валовой прилетъ утокъ, гусей, лебедей и др. все продолжается и даже какъ будто усиливается съ каждымъ днемъ. Николай Михайловичъ неустанно наблюдалъ за всѣми прилетающими птицами и почти каждую зорю вечернюю и утреннюю, когда особенно усиливается пролетъ, проводилъ въ засадкахъ...

«Стадо за стадомъ несется то справа, то слѣва, то высоко черезъ голову, такъ что цѣлыя сотни и тысячи чуть не каждую минуту уходятъ въ сѣверу, а число летящихъ не уменьшается, но все болѣе и болѣе возрастаетъ.

Приближеніе каждой партіи слышно еще издали, такъ какъ птицы не летятъ молча, но безпрестанно кричатъ каждая по своему. И какихъ только не слышно здѣсь голосовъ! То врыкаетъ утка крякв а, то «кыркаетъ» шилохвость, то свиститъ косячка, то хрипло пищитъ чирокъ, то гогочутъ гусаки, ободряя-ли усталыхъ, или давая знать, что нѣтъ никакой опасности, или просто отъ скуки.

Наступленіе весны сказалось также и появленіемъ враговъ: 11 апрѣля показались въ очень большомъ количествѣ комары, и, къ удивленію, даже ночные морозы, которые продолжались по прежнему, нисколько не дѣйствовали на нихъ. Кромѣ того въ дѣсахъ появилось такое множество клещей, что стоило не много пройти по кустамъ, какъ они уже ползали по платью цѣлыми десятками и часто впивались въ тѣло. Но гораздо болѣе страдала отъ нихъ охотничья

собака Николая Михайловича, въ которую клещи впивались цѣлыми сотнями, такъ что бѣдное животное сильно страдало и не было никакой возможности избавить его отъ этихъ мучителей.

Въ концѣ марта и въ началѣ апрѣля по сунгачскимъ равнинамъ и около озера Ханка проходятъ также громадныя стада козъ, которыя ежегодно совершаютъ здѣсь свои переселенія изъ бассейна Уссури къ югу и обратно.

Проходятъ эти козы по большей части вдоль сѣвернаго берега Ханка, а затѣмъ идутъ по вышеупомянутымъ лѣснымъ уваламъ, которые представляютъ собою единственные пути среди сплошныхъ болотныхъ пространствъ.

Николай Михайловичъ, конечно, не преминулъ поохотиться и на козъ, устраивая засадки на увалахъ, и убивалъ ихъ цѣлыми десятками.

Вообще въ эту весну охота на озерѣ Ханка была необыкновенно обильна, такъ что Николаю Михайловичу приходилось чистить ружье въ день два раза, и за 1½ мѣсяца, проведенные здѣсь, онъ успѣлъ разстрѣлять три пуда дрови. «Повѣришь ли, писалъ онъ своему брату, что были дни, когда я дѣлалъ по 100 выстрѣловъ и набивалъ просто цѣлый возъ, такъ что даже надоѣдало стрѣлять» *).

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Военная экспедиція противъ Хунъ-Хузовъ. Жизнь въ Николаевскѣ.

Исторія возстанія.—Хунъ-хузы.—Дѣйствія Николая Михайловича.—Награды за экспедицію.—Рискованная охота на медвѣдей.—Жизнь въ Николаевскѣ.—Работа надъ описаніемъ путешествія.—Счастливая игра въ карты.—Неудачная афера съ соболями.—Нелестная характеристика сибирскаго общества.

Манчжурская экспедиція, о которой Николай Михайловичъ мечталъ и ходатайствовалъ, не состоялась и при томъ по совершенно неожиданной причинѣ: на побережьи Японскаго моря въ русскихъ предѣлахъ появилась большая шайка китайскихъ разбойниковъ и среди мѣстнаго китайскаго населенія вспыхнуло возстаніе противъ русскихъ; поэтому все лѣто 1868 г. ушло у Николая Михайловича на военную экспедицію, въ которую онъ отправился по приказанію начальства.

Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ.

Предыдущимъ лѣтомъ 1867 г. на островѣ Аскольдѣ (онъ же Маячны й, лежитъ верстахъ въ 50 на юго-востокъ отъ Владивостока, въ 7 верстахъ отъ берега материка) были случайно открыты золотыя россыпи, и туда толпами устремились всевозможные бродяги изъ китайцевъ. Однако же русское правитель-

*) Изъ Николаевска, 20 января 1869 г.

ство воспретило имъ разработку золота: послано было военное судно съ небольшимъ отрядомъ, и китайцы безъ сопротивленія удалились.

Дѣло этимъ однако не кончилось. По Манчжуріи, Китаю и Корей молва разносила преувеличенные слухи о «необыкновенныхъ» будто бы богатствахъ на островѣ Аскольдѣ и вездѣ эти слухи вызывали волненіе между профессиональными золотоискателями и среди бездомныхъ бродягъ, которыхъ особенно много въ Манчжуріи и которые извѣстны подъ общимъ именемъ «Хунь-Хузовъ», что въ буквальномъ переводѣ означаетъ «красная борода».

Люди эти—по большей части различные преступники, бѣжавшіе изъ Китая, безсемейные, безъ опредѣленнаго мѣста жительства—представляютъ безпокойный элементъ смѣльчаковъ, готовыхъ на всякое предпріятіе, даже самое опасное, если оно сулитъ скорое и легкое обогащеніе.

Среди этихъ людей, несмотря на недавній примѣръ первыхъ золотоискателей, созрѣло рѣшеніе попытаться овладѣть золотоноснымъ островомъ и отнять его у русскихъ путемъ вооруженнаго сопротивленія. Въ теченіи зимы 1867—68 гг. въ различныхъ частяхъ пограничной Манчжуріи, преимущественно въ районѣ Хунь-Чуна, сформировалось нѣсколько вооруженныхъ отрядовъ, и въ апрѣлѣ на о. Аскольдѣ собралось уже около 600 человекъ, которые и приступили къ промывкѣ золота; явившееся военное судно безъ труда заставило ихъ удалиться съ острова. Но перейдя на материкъ, эти Хунь-Хузы значительно усилились представшими къ нимъ мѣстными китайцами и начали производить набѣги на русскія поселенія, при чемъ многія изъ нихъ сожгли, и cereбили населеніе.

Безпорядки все усиливались и районъ мятежа расширился. Въ виду этого со стороны русскихъ приняты были энергичныя мѣры: страна была объявлена на военномъ положеніи и двинуты были туда небольшіе военные отряды. Николай Михайловичъ получалъ приказаніе прекратить свои научныя занятія, его назначили начальникомъ штаба и командиромъ отряда, дѣйствовавшаго въ области р. Сучана, главнаго центра мятежа.

Въ одинъ мѣсяць волненіе было усмирено, Хунь-Хузы, разбитые во всѣхъ сраженіяхъ, бѣжали въ Манчжурію и спокойствіе было восстановлено.

За Сучанскую экспедицію Николай Михайловичъ представленъ былъ къ производству въ капитаны и переведенъ въ генеральный штабъ. вмѣстѣ съ тѣмъ его назначили старшимъ адъютантомъ штаба войскъ Пріамурской области, вслѣдствіе чего онъ принужденъ былъ отпра-

Хунь-Хузы.

ятежа расши-
яты были энер-
юмъ по-
отряды

Хунъ-Хузъ.

виться въ Николаевскъ, гдѣ и прожилъ всю зиму. Во время военныхъ дѣйствій Николай Михайловичъ, конечно, лишень былъ возможности продолжать свои научныя изслѣдованія и даже рѣдко могъ урвать время, чтобы поохотиться. Между прочимъ, въ это же время съ нимъ случился одинъ охотничій эпизодъ, при чемъ онъ едва не заплатился жизнью за излишнюю отвагу и охотничій пылъ.

Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ, какъ самъ онъ рассказываетъ въ своемъ письмѣ къ дядѣ *).

Однажды, проходя съ отрядомъ по лѣсу, онъ замѣтилъ двухъ огромныхъ медвѣдей и съ однимъ штуцеромъ въ рукахъ, очертя голову, бросился на нихъ одинъ. Мѣткій выстрѣлъ изъ одного ствола попалъ насквозь подъ лопатку въ одного изъ медвѣдей. Раненный звѣрь сначала бросился было на охотника, но потомъ послѣдовалъ за своимъ товарищемъ, который пустился на ухоть. Пробѣжавъ шаговъ полтораста, оба они скрылись въ кустарникѣ. Николай Михайловичъ послѣшно зарядилъ свой шпуреръ и направился за ними въ погоню. «Не успѣлъ я пройти и 50 шаговъ, рассказываетъ онъ, какъ вдругъ въ кустахъ раздался страшный трескъ, и раненый медвѣдь съ открытой пастью бросается на меня... Приложившись, я хладнокровно ждалъ его приближенія и, подпустивъ на 4 шага, всадилъ ему пулю между глазомъ и ухомъ... Медвѣдь былъ сразу убитъ, какъ перепелка и, рухнувшись всѣмъ тѣломъ, покатился внизъ съ откоса. Какъ гора свалилась съ плечъ у меня въ эту минуту, но не успѣлъ я еще вздохнуть свободно, какъ вдругъ на меня бросается другой медвѣдь!»

Выстрѣлъ изъ другого ствола, хотя и сдѣланъ былъ всего на разстоянн 12 шаговъ, былъ не удаченъ и медвѣдь ринулся прямо на охотника... жизнь его висѣла на волоскѣ въ эту минуту. По счастью подъемъ, по которому приходилось взбираться медвѣдю, былъ довольно кругъ, такъ что Николай Михайловичъ успѣлъ кое-какъ вскарабкаться на сосѣднюю березу. Когда онъ взобрался на высоту около 1¹/₂ сажени, то медвѣдь былъ у него подъ ногами. Однако же къ удивленн звѣрь не полѣзъ на дерево, а направился потихоньку вслѣдъ за своимъ убитымъ товарищемъ, который все продолжалъ катиться внизъ, ломая свою огромную тушею встрѣчныя кустарники.

Не долго думая, Николай Михайловичъ послѣшно заряжаетъ свой штуцеръ, спрыгиваетъ съ дерева и самъ отправляется по спуску вслѣдъ за своимъ медвѣдемъ. Новый мѣткій выстрѣлъ сразилъ и этого, на этотъ разъ послѣдняго врага, который, подобно первому, то же покотился внизъ.

Между тѣмъ уже стемнѣло и, оставивъ въ оврагѣ своихъ медвѣдей, Николай Михайловичъ отправился ночевать въ ближайшую фанзу.

Когда на другой день, рано утромъ, онъ явился на мѣсто своего вчерашняго боя, то нашелъ только одного убитаго медвѣдя. Это былъ, очевидно, первый, второй же былъ только раненъ, но потомъ очнулся и ушелъ дальше, что можно

*) Июль 1863 г.

было видѣть по широкому кровавому слѣду. Пройдя по этому слѣду съ версту, Пржевальскій принужденъ былъ прекратить дальнѣйшее преслѣдованіе, такъ какъ нельзя было долѣе мѣшкать съ отрядомъ. Онъ успѣлъ снять шкуру съ убитаго медвѣдя. Послѣдній оказался необыкновенно громадныхъ размѣровъ: длина $3\frac{1}{2}$ арш., высота спереди 2 арш., когти на $\frac{1}{3}$ вершка длиннѣ пальцевъ челоуѣческой руки, «и скорѣе похожи на грабли»; голова $\frac{3}{4}$ арш. длины и такой же ширины. Приблизительный вѣсъ по расчету около 30 пудовъ... «Вотъ каковы были дѣтняки, съ которыми мнѣ пришлось мѣряться,—прибавляетъ Николай Михайловичъ.—Убитый медвѣдь былъ скорѣе похожъ на огромнаго вола, чѣмъ на медвѣдя. Черепъ его я пошлю въ Петербургъ, въ Академію».

Поселившись въ Николаевскѣ, Николай Михайловичъ все время, свободное отъ служебныхъ занятій, посвящалъ разработкѣ коллекцій и составленію описанія своего путешествія.

Въ то же время онъ началъ изыскивать средства для того, чтобы имѣть возможность нанечатать это сочиненіе. Въ письмѣ своемъ въ Варшаву къ В. И. Акимову онъ просилъ его выслать 100 рублей, которые онъ не дополучилъ еще за свои лекціи въ училищѣ, и сообщить, изданъ ли его учебникъ географіи. Въ такомъ случаѣ онъ просилъ увѣдомить, сколько за это опредѣлено вознагражденія и откуда и когда онъ можетъ его получить».

Однако же, по милости фортуны, ему здѣсь же, въ Николаевскѣ, удалось приобрести довольно значительныя денежныя средства и при томъ весьма оригинальнымъ путемъ: карточною и грою...

Жизнь въ Николаевскѣ ему сильно не нравилась, въ особенности послѣ полуторагодовалнаго пребыванія въ предыдущихъ экспедиціяхъ, при абсолютной свободѣ на лонѣ природы.

«Здѣсь, писалъ онъ своему брату, такая мерзость, что Боже упаси! Водка и карты, карты и водка—вотъ девизъ здѣшняго общества. Что же касается до умственной жизни, то она здѣсь процвѣтаетъ едва-ли не менѣе, чѣмъ среди папуасовъ Новой Гвинеи».

Къ довершенію огорченія для Николая Михайловича, въ окрестностяхъ Николаевска невозможна никакая охота. Осенью онъ еще ѣздилъ на Амурское устье, и два раза потѣшилъ себя охотою на утокъ, но потомъ и этого нельзя было дѣлать. Страшная тоска и скука томили его и единственное удовольствіе доставляло ему общество небольшого кружка штабныхъ офицеровъ. Кружокъ этотъ состоялъ всего изъ пяти лицъ *) и всѣ они были очень дружны между собою и составляли какъ бы одну семью.

Жизнь въ Николаевскѣ была очень однообразная. Николай Михайловичъ поселился вмѣстѣ со своимъ товарищемъ по путешествію, Ягуновымъ, и еже-

*) Полковникъ Барановъ, замѣщавшій начальника штаба Тихменева на время отсутствія послѣдняго, адъютанты: Пржевальскій, Степановъ и Губановъ, подполковникъ Бабкинъ и дивизионный докторъ Шлаксий.

дневно задавалъ ему уроки по географіи и исторіи. Вставалъ онъ очень рано и прежде всего производилъ метеорологическія наблюденія, а затѣмъ садился за описаніе своего путешествія, пока не наступало время идти въ штабъ. Здѣсь онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ 2 часовъ, когда оканчивались занятія «канцелярщиной».

Около трехъ часовъ адъютанты сходились обѣдать къ Г. Г. Баранову и, по большей части, засиживались часовъ до шести. Вечера обыкновенно проводились по домамъ, но одинъ разъ въ недѣлю всѣ штабные товарищи собирались у единственнаго семейнаго человѣка изъ всего кружка и большого хлѣбосола, Бабкина.

У послѣдняго была пріемная дочь, дѣвушка лѣтъ 12, по фамиліи Попова. Всѣ мѣстные служащіе, по мѣрѣ своихъ силъ, давали ей уроки и приглашали Николая Михайловича преподавать ей географію и исторію. Но онъ уклонился отъ этого, такъ какъ всегда чуждался женскаго общества, подаривъ однако ей вой учебникъ съ ироническою надписью: «долби, пока не выдолбимъ».

Впослѣдствіи ему пришлось еще встрѣтиться съ г-жею Поповою въ Петербургѣ. Она отправлялась для окончанія образованія за границу и получила въ Цюрихѣ дипломъ доктора медицины. Встрѣтившись съ Николаемъ Михайловичемъ въ одинъ изъ пріѣздовъ послѣдняго въ Петербургъ, она преподнесла ему свою докторскую диссертацию въ отвѣтъ на его подарокъ въ Николаевскѣ.

Когда Николаю Михайловичу надоѣдало писать свое сочиненіе, то онъ, чтобы разсѣяться и испытать сильныя ощущенія, въ которыхъ чувствовалъ потребность за отсутствіемъ охоты, отправлялся играть въ карты и непремѣнно въ азартныя игры.

Если вспомнить читатель, Николай Михайловичъ уже и раньше, еще въ бытность свою въ Полоцкомъ полку, любилъ иногда испытать волненіе азартной игры. Также и позднѣе, во время своихъ пріѣздовъ во Владивостокъ, онъ не упускалъ случая сразиться съ морскими офицерами и всегда отличался неизмѣннымъ счастьемъ.

«Кружокъ моряковъ, по воспоминаніямъ одного изъ участниковъ, К. С. Старицкаго, очень любилъ Николая Михайловича и всегда радовался его пріѣзду, потому что интересные его рассказы и пріятныя бесѣды оживляли все общество. Пржевальскому тогда за необыкновенное счастье въ игрѣ дали прозвище „золотой фазанъ“. Теперь въ Николаевскѣ, какъ уже сказано, Николай Михайловичъ по временамъ также принималъ участіе въ большой игрѣ и точно также всегда игралъ очень счастливо. Со своими штабными товарищами онъ не игралъ никогда, а обыкновенно отправлялся въ кружокъ коммерсантовъ и морскихъ офицеровъ».

Нерѣдко карточные вечера устраивалъ онъ и у себя на квартирѣ.

«Игралъ онъ, говоритъ М. П. Степановъ, одинъ изъ участниковъ штабнаго кружка, очень смѣло, ставилъ на карту по 200 и по 300 р., но до такой степени счастливо, что почти никогда не зналъ проигрыша. При выигрышѣ

1,000 р., онъ всегда прекращалъ игру и поставилъ себѣ за твердое правило никогда не имѣть при себѣ болѣе 500 р.». Деньги хранились у Степанова, которому на крѣпко было запрещено выдавать ихъ во время игры, не смотря ни на какія просьбы, что въ точности исполнялось.

«Я играю, говорилъ онъ, для того, чтобы выиграть себѣ независимость»— и онъ дѣйствительно достигъ своей цѣли: за зиму 1868 г., онъ выигралъ въ общей сложности болѣе 12,000 р.*).

Впослѣдствіи, уѣзжая изъ Николаевска, онъ бросилъ карты въ Амурь.

— «Съ Амуромъ,—сказалъ онъ при этомъ,—прощайте и амурскія привычки!»

Такимъ образомъ у него составилось уже порядочное состояніе, что и дало возможность напечатать въ Петербургѣ на свой счетъ книгу, а также послужило «фондомъ» для осуществленія дальнѣйшихъ путешествій.

Впрочемъ, карточные выигрыши были для него не единственнымъ средствомъ обогащенія—онъ занимался также и коммерціей, но не особенно удачно.

Во время своихъ скитаній по Уссурийскому краю, онъ не упускалъ случая покупать по сходной цѣнѣ соболей и въ разное время приобрѣлъ ихъ около 350 штукъ, заплативши въ общей сложности 900 металлическихъ рублей, что на кредитки составило около 1,400 р. Отъ этой покупки онъ ожидалъ большого барыша, но, по неопытности, вмѣсто этого потерпѣлъ даже убытокъ.

Дѣло въ томъ, что онъ послалъ ихъ по почтѣ въ Москву къ своему брату для продажи, но не зная сибирскихъ порядковъ, не приложилъ къ каждой пачкѣ своихъ печатей, какъ это дѣлаютъ всѣ сибирскіе купцы.

Пользуясь этой оплошностью, чиновники иркутской таможни, гдѣ распечатываютъ и осматриваютъ всѣ посылки, замѣнили всѣ хорошія шкурки самыми плохими, такъ какъ таможня отвѣчаетъ только за число соболей, а не за ихъ качество. Въ результатѣ вышло, что за весь товаръ въ Москвѣ удалось выручить только 1,000 р.

Такая продѣлка до крайности возмущала Николая Михайловича.

«Здѣсь вездѣ такіе мошенники, писалъ онъ брату**), что даже любые острожники въ нашей Россіи выше ихъ по нравственнымъ качествамъ...»

«Нѣтъ ни одной пакости, ни одного самаго гнуснаго дѣла, которое не совершалось-бы здѣсь совершенно открыто, какъ будто такъ и слѣдуетъ. Справедливо можно сказать, что Амурь, да и вся Восточная Сибирь,—есть одна помойная яма (конечно, относительно людей, а не природы), куда отливаютъ все низкое, отвратительное съ цѣлой Россіи».

«Я не приберу словъ, писалъ онъ въ другомъ письмѣ***), чтобы хоть

*) Здѣсь всѣ сильно играютъ въ карты, писалъ онъ своему брату, и я за нѣсколько пріемовъ выигралъ 12,000 р. съ хвостикомъ».

**) 2 января 1869 г. изъ Николаевска.

***) Фатѣву, 27 января 1869 г. изъ Николаевска.

приблизительно описать вамъ тотъ православный русскій людъ, который является сюда изъ родной страны и здѣсь обитаетъ».

«Какъ на воротахъ Дантова ада была надпись: „*всѣ вошедшіе сюда оставятъ надежду*“, такъ можетъ это написать въ своемъ дневникѣ каждый офицеръ и чиновникъ, ѣдущій сюда на службу...»

«Во всякомъ случаѣ, нравственная гибель каждаго служащаго здѣсь неизбежна, будь онъ сначала хоть распрехорошій человекъ. Ему предстоитъ одно изъ двухъ: или пойти по общей колесѣ, т. е. сдѣлаться такимъ-же, какъ и всѣ здѣсь (пьяницею, негодяемъ и т. д.), или стать одному противъ всей этой банды. Дѣйствительно, бывали примѣры и послѣдняго рода, но они обыкновенно кончались весьма печально, такъ какъ подобный выродокъ обыкновенно черезъ годъ или черезъ два втягивался самъ мало по малу въ общій строй, или дѣлался желчнымъ, раздражительнымъ и, наконецъ, сходилъ съ ума, или, если это была дѣйствительно твердая, честная натура, то оканчивалъ самоубійствомъ...

«Не думайте, что это преувеличеніе или выдумка: я могу представить вамъ сотни фактовъ, но, конечно это неудобно дѣлать въ письмѣ. При томъ-же я человекъ совершенно посторонній въ этомъ случаѣ, такъ какъ нахожусь здѣсь исключительно для своихъ цѣлей, и окончивъ свои работы, тотчасъ уѣду въ Россію.

«Прочтите, прибавляетъ онъ, мой отзывъ объ Амурѣ каждому, который какъ и я во дни оны, страстно желаетъ попасть сюда...»

Жизнь въ Николаевскѣ весьма не нравилась Николаю Михайловичу между прочимъ и потому еще, что слишкомъ долго шли вѣсти изъ Россіи.

О женитбѣ брата Владиміра, онъ, напр., узналъ лишь черезъ полгода; лѣтомъ 1868 г. у его матери градъ побилъ почти всѣ посѣвы, а онъ узналъ объ этомъ несчастіи лишь въ половинѣ января 1869 г.; поздравленіе съ новымъ годомъ онъ отправилъ еще въ началѣ декабря и все таки былъ увѣренъ, что сильно запоздаетъ и т. д.

Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ того времени, когда снова отправится въ экспедицію... «Трудно вольной птицѣ сидѣть въ клеткѣ!», писалъ онъ своему брату.

Въ январѣ 1869 г. Николай Михайловичъ уже окончилъ описаніе своего путешествія; остались только специальные отдѣлы по разработкѣ коллекцій. Кромѣ того онъ написалъ статью: «Инородческое населеніе въ южной части Приморской области» и отправилъ ее въ Иркутскъ, гдѣ она и была немедленно-же напечатана въ «Извѣстіяхъ» Отдѣла. Статья эта обратила на себя вниманіе въ научныхъ сферахъ не только въ Россіи, но и за границей. И. Р. Географическое Общество присудило за нее Пржевальскому серебрянную медаль, и это было первымъ лавромъ, которыхъ у него впоследствии было такое множество.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Последняя экспедиція въ Уссурийскомъ краѣ
и возвращеніе въ Россію.

Исслѣдованія въ бассейнахъ рѣкъ Сіань-хэ, Лэфу, Мо.—Воспитительныя ночевки.—Мучительныя насѣкомыя.—Прощаніе съ Ханба.—Въ Иркутскѣ.—Влестящій докладъ въ отдѣлѣ Географическаго Общества.

Съ приближеніемъ весны Пржевальскій затосковалъ больше прежняго и употребилъ всѣ усилія на то, чтобы получить возможность опять отправиться для изслѣдованій.

Старанія его увѣнчались успѣхомъ, и въ началѣ февраля 1869 г. онъ уже снова является на оз. Ханба, чтобы закончить свои наблюденія надъ весеннимъ пролетомъ птицъ. Здѣсь онъ пробылъ до половины мая, занимаясь пополненіемъ зоологическихъ и ботаническихъ коллекцій и другими научными изслѣдованіями. При этомъ онъ по прежнему вдоволь тѣшился охотою.

Заключительнымъ актомъ Уссурийскаго путешествія явилась двухмѣсячная экспедиція въ западной и южной части ханкайскаго бассейна, куда онъ командированъ былъ съ порученіемъ отыскать тамъ новые пути, какъ водные, такъ и сухопутные.

Болѣе двухъ мѣсяцевъ странствовалъ Николай Михайловичъ по лѣсамъ, горамъ и долинамъ, или въ лодкѣ, по водѣ. По цѣлымъ недѣлямъ сряду не зналъ иного крова, кромѣ необъятнаго небеснаго шатра, иной обстановки, кромѣ свѣжей зелени и цвѣтовъ, иныхъ звуковъ, кромѣ пѣнія птицъ, оживлявшихъ дуга, болота и лѣса...

«Никогда не забуду я это время, говоритъ онъ *), проведенное среди дикой, нетронутой природы, дышавшей всею прелестью сначала весенней, а потомъ лѣтней жизни... Это была чудная, обаятельная жизнь, полная свободы и наслажденій!..»

Сначала онъ изслѣдовалъ бассейнъ рѣки Сіань-хэ, быстрога горнаго потока, совершенно непригоднаго для судоходства, на что ушелъ весь май. Хотя здѣсь не было недостатка въ горныхъ тропинкахъ, проложенныхъ китайцами, но Николай Михайловичъ пользовался ими рѣдко, а по большей части шелъ на прямикъ, чтобы получше ознакомиться съ мѣстностью.

При такомъ способѣ хожденія, конечно, приходилось испытывать множество трудностей, такъ какъ Николай Михайловичъ шелъ съ небольшимъ караваномъ вьючныхъ лошадей. Безпрестанно приходилось переправляться въ бродъ черезъ быстрыя горныя рѣчки, или лазить черезъ крутые, глубокіе овраги, взбираться

*) Путешествіе въ Уссурийскій край, стр. 206.

на горные отроги, упирающиеся въ рѣку или, наконецъ, тонуть въ болотахъ, по глубокимъ долинамъ.

Почти все время стояла прекрасная погода, сухая и ясная, но особенно великолѣпны были ночи, настоящія майскія.

Позволяемъ себѣ привести увлекательное описаніе одной изъ ночевокъ.

... «Заходитъ солнце и сумерки быстро ложатся. Одинъ за другимъ смолбають пѣвуны, только долго еще раздаются голоса бекаса, курочки и камышевки, къ которымъ присоединяется теперь однообразное постукиваніе японскаго козодоя...

«Обаятельная прелесть ночи еще больше увеличивается дикостью и безлюдіемъ окрестныхъ мѣстностей. Дѣйствительно, далеко вокругъ здѣсь нѣтъ души человѣческой и природа еще на столько дѣвственна, что даже слѣдъ, оставленный на береговомъ пескѣ, сохраняется надолго, пока его не смоютъ дожди или рѣчныя волны.

«Густыя травянистыя или кустарниковыя заросли стоятъ неизмятыми ничьей ногою, и только кое-гдѣ слѣдъ на грязи, или клочекъ сорванной травы указываютъ, что здѣсь прошелъ какой-либо звѣрь, свободный обитатель окрестныхъ лѣсовъ.

«Между тѣмъ послѣдніе лучи свѣта погасли на западѣ, и полная луна, поднявшись съ востока, льетъ тихій свѣтъ на окрестныя горы и долины. Мертвая тишина воцарилась кругомъ, и только тихо журчатъ волны рѣки, да изрѣдка стучаетъ полуночникъ или гукнетъ дикій козель. Приближается полночь, и все спитъ сномъ тихимъ, спокойнымъ...

«Солдаты давно уже улеглись вокругъ костра, который чуть тлѣетъ въ темнотѣ среди деревьевъ, но сонъ бѣжитъ отъ моихъ глазъ... Казалось, такъ-бы все смотрѣлъ, смотрѣлъ и любовался чудною ночью *)...»

Когда закончено было изслѣдованіе теченія р. Сіанъ-хэ, Николай Михайловичъ, по порученію начальства, приступилъ къ съемкѣ и промѣру рѣки Лѣфу, впадающей въ оз. Ханка съ южной стороны. Цѣлью этой экспедиціи было рѣшеніе вопроса, возможно-ли плаваніе для пароходовъ вверхъ по этой рѣкѣ до впаденія притока Сахэзы; въ такомъ случаѣ удобно было-бы проложить сухопутную дорогу отъ устья послѣдней рѣки къ р. Суйфуну, минуя болота рѣки Мо, по которой шла дорога до того времени.

Пржевальскій употребилъ на эти изслѣдованія около мѣсяца, произвелъ подробную съемку теченія рѣки и промѣръ глубинъ.

При этомъ онъ, конечно, не упускалъ случая заниматься и научными изслѣдованіями.

Въ результатъ получался отрицательный отвѣтъ: свободное плаваніе по р. Лѣфу возможно только версть на 25 отъ устья, но до устья Сахэзы пла-

*) Путешествіе въ Уссурийскій край, стр. 210, 211.

ваніе не возможно даже и въ полую воду. Крімъ того изслѣдованіе его показало, что проведеніе здѣсь сухопутной дороги весьма затруднительно по причинѣ изобилія болотъ. Наконецъ, выяснено было, что вся долина средняго и нижняго теченія р. Лѣфу совершенно не годна для заселенія.

Отъ р. Лѣфу Николай Михайловичъ отправился еще въ бассейнъ р. Мо, на что употребилъ также около мѣсяца.

Съ наступленіемъ лѣтнихъ жаровъ, путешествіе сбѣдилось уже не столь заманчивымъ, какъ прежде. Главное препятствіе движенію составляла необыкновенно пышная травяная растительность: трава здѣсь была чрезвычайно густа и притомъ въ ростъ человѣка, такъ что пробираться черезъ такіе луга представляло большое затрудненіе.

При томъ-же мириады докучливыхъ насѣкомыхъ дѣлали рѣшительно невозможнымъ путешествіе значительную часть дня, такъ что приходилось подвигаться только раннимъ утромъ или поздно вечеромъ, да и то испытывая величайшія мученія отъ этихъ безчисленныхъ кровосійцевъ...

Обыкновенно, лишь только обсохнеть утренняя роса, т. е. часовъ съ девяти, появляются оводы, число которыхъ вскорѣ возрастаетъ до того, что безъ всякаго преувеличенія, они летаютъ словно рой пчелъ вокругъ человѣка, собаки и въ особенности возлѣ лошадей. Бѣдныя животныя брыкаются, мотаются безпрестанно головою, машутъ хвостомъ, даже бросаются на землю и катаются по ней и все-таки не могутъ избавиться отъ своихъ мучителей. У нихъ появляется множество язвъ, въ особенности на задней части тѣла. Мученія эти еще увеличивались при наступленіи полуденнаго жара. Поневолѣ нашимъ путешественникамъ приходилось останавливаться гдѣ-нибудь въ тѣни, раскладывать костры-дымокуры, и бѣдныя лошади, да и сами путешественники только и спасались отъ насѣкомыхъ, стоя въ густомъ облакѣ ѣдкаго дыма. Цѣлый день такимъ образомъ проходить въ борьбѣ съ оводами и подобными имъ кровосійцами, и лошади въ это время даже и не думаютъ о пастбищѣ.

Вотъ, наконецъ, свалилъ жаръ и оводы утомонились, но на смѣну имъ выступаютъ теперь комары и мошки, которыя тоже продолжаютъ нестерпимо жалить весь вечеръ, ночь и утро, т. е. какъ разъ до новаго появленія оводовъ, хотя укушеніе ихъ не столь дѣйствительно.

Ночью спать приходится также въ дыму. Даже выкупаться нельзя спокойно, такъ какъ едва успѣешь раздѣться, какъ уже цѣлый десятокъ оводовъ преобильно ужалитъ въ голое тѣло...

Такъ проходилъ день за днемъ. Окончено было изслѣдованіе бассейна рѣки Мо, послѣ этого Николай Михайловичъ сопровождалъ еще нѣкоторое время генераль-адъютанта Сколкова, во время его поѣздки по Уссурийскому краю, затѣмъ онъ снова отправился на озеро Ханка.

Минулъ июль мѣсяць, а вмѣстѣ съ тѣмъ пришелъ конецъ и самой экспедиціи. «Окончились мои золотые дни», говоритъ Пржевальскій.

7 августа онъ снова очутился на истокѣ Сунгачи, откуда два года тому назадъ начались его странствованія по Уссурийскому краю.

«Съ грустнымъ настроеніемъ духа, говорить Николай Михайловичъ, бродилъ я теперь возлѣ поста № 4, зная, что завтра придется покинуть эти мѣстности и, быть можетъ, никогда уже не увидать ихъ болѣе. Каждый кустъ, каждое дерево напоминало мнѣ какой-нибудь случай изъ весенней охоты, и еще дороже становились эти воспоминанія при мысли о скорой разлукѣ съ любимыми мѣстами...»

«На закатѣ солнца я отправился вдоль по берегу Ханка знакомою тропинкою, по которой ходилъ не одну сотню разъ.

«Вотъ передо мною раскинулись болотистыя равнины и потянулся узкою лентою тальникъ, растущій по берегу Ханка; вотъ налѣво виднѣется извилистая Сунгача, а тамъ, далеко за болотами, синѣютъ горы, идущія по рѣкѣ Дауби-хэ...»

«Пройдя нѣсколько, я остановился и началъ пристально смотрѣть на разстилающуюся передо мною картину, стараясь какъ можно болѣе запечатлѣть ее въ своемъ воображеніи...»

«Мысли и образы прошлаго стали быстро проноситься въ головѣ...»

«Два года страннической жизни мелькнули, какъ сонъ, полный чудныхъ видѣній... Прощай, Ханка! Прощай, весь Уссурийскій край! Быть можетъ, мнѣ не увидать уже болѣе твоихъ безконечныхъ лѣсовъ, величественныхъ водъ и твоей богатой, дѣвственной природы, но съ твоимъ именемъ для меня всегда будутъ соединены отрадные воспоминанія о счастливыхъ дняхъ свободной страннической жизни!..»

29 октября 1869 г. въ Иркутскѣ происходило собраніе членовъ Сибирскаго Отдѣла И. Р. Географическаго Общества. Собраніе это было очень многолюдно; присутствовали многіе изъ представителей мѣстной администраціи и высшего военного начальства; кромѣ того набралось болѣе 200 человекъ посторонней публики.

Николай Михайловичъ дѣлалъ сообщеніе о своемъ путешествіи и познакомилъ присутствующихъ съ общимъ характеромъ своихъ изслѣдованій. Говорилъ онъ очень краснорѣчиво и съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ и увлеченіемъ. Раньше было уже указано *), что въ своемъ увлеченіи онъ началъ даже подражать пѣвию птицъ и оживленно жестикулировалъ, подражая движеніямъ различныхъ животныхъ, о которыхъ онъ рассказывалъ. Лишь только онъ окончилъ, какъ раздались оглушительныя, долго не смолкавшія рукоплесканія.

*) См. Біографія.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Четыре путешествія по Центральной Азїи (Монголія, Восточный Туркестанъ и Тибетъ).

ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ Петербургѣ. Сборы въ путешествіе.

Прибытіе въ Петербургъ и доклады въ Географическомъ Обществѣ.—Ходатайство о снаряженіе экспедиціи въ Центральную Азію.—Матеріальныя средства.—Отзывъ посланника Влангали на запросъ Дитке.—Выборъ спутника.—Высочайшая командировка.—Прибытіе въ Иркутскъ.—Двѣ неприятыя „исторіи“.

Въ январѣ 1870 года Николай Михайловичъ явился въ Петербургъ и въ мартѣ сдѣлалъ одно за другимъ четыре сообщенія въ Географическомъ Обществѣ, въ которыхъ подробно охарактеризовалъ природу Уссурійскаго края, его флору, фауну и населеніе и въ послѣднемъ засѣданіи изложилъ свои заключенія относительно будущности этого края, какъ русской колоніи.

Всѣ эти лекціи приняты были членами общества и многочисленною постороннею публикою очень хорошо.

Вообще Николай Михайловичъ чувствовалъ теперь себя совсѣмъ иначе въ средѣ географическаго общества, чѣмъ въ предыдущее свое посѣщеніе Петербурга, передъ отправленіемъ въ Сибирь. Теперь онъ сознавалъ, что два года его путешествія не прошли безслѣдно для науки.

Богатыя коллекціи *), собранныя имъ, убѣждали его, что часть тѣхъ грандіозныхъ предположеній, о которыхъ онъ прежде мечталъ и говорилъ съ нѣкоторою застѣнчивостью и которыя выслушивались по большей части съ недоумѣніемъ — теперь осуществились. Академія Наукъ, куда Николай Михайловичъ пожертвовалъ часть привезенныхъ имъ коллекцій, и Географическое Общество отнеслись къ его трудамъ съ большимъ уваженіемъ.

*) Изъ Уссурійской экспедиціи онъ привезъ: 310 экземпляровъ чучель птицъ, 2,000 экзempl. растений (300 видовъ), 10 шкуръ млекопитающихъ, 550 штукъ яицъ (42 вида), 83 вида сѣмянъ различныхъ раст., метеорологическій журналъ за 15 мѣсяцевъ.

«Въ зиму 1870 г., говорить П. П. Семеновъ, Шревалльскій сдѣлался въ нашемъ кругу своимъ челоувкомъ» *).

Описаніе путешествія и разработка научныхъ результатовъ благополучно подвигалась впередъ, такъ что Николай Михайловичъ надѣялся къ осени уже окончить печатаніе своего сочиненія.

Въ то же время онъ началъ уже свои хлопоты о новомъ путешествіи. Онъ обратился въ совѣтъ Общества съ просьбой исходатайствовать ему разрѣшеніе отъ начальства отправиться въ сѣверныя окраины Китая, преимущественно въ неизвѣстныя въ то время страны верхняго теченія Желтой рѣки и къ загадочному озеру Куку-норъ.

Какъ уже выше было сказано, въ то время и въ Географическомъ Обществѣ, и даже отчасти въ правительственныхъ кругахъ, сознава была важность осуществленія русскихъ изслѣдованій въ областяхъ Китайской имперіи. Когда по Тянь-Цзинскому и Пекинскому трактатамъ такія изслѣдованія сдѣлались возможными, то рускій уполномоченный въ Тянь-Цзинѣ, графъ Е. В. Путятинъ обратилъ особенное вниманіе своего правительства на эту статью договора и по возвращеніи въ Петербургъ, въ концѣ 1858 г. сдѣлалъ представленіе о необходимости скорѣйшаго снаряженія экспедиціи въ Китай съ цѣлью изслѣдованія этой страны въ научномъ и торговомъ отношеніи. Предложеніе это въ принципѣ одобрено было правительствомъ, но по различнымъ обстоятельствамъ оно тогда же не приведено было въ исполненіе.

Позднѣе рускій посланникъ въ Пекинѣ, генераль-маіоръ А. Е. Влангали, во время пріѣздовъ своихъ въ Петербургъ неоднократно высказывалъ живѣйшее сочувствіе предпріятіямъ Географическаго Общества касательно изслѣдованія странъ Срединной Имперіи и заявлялъ готовность съ своей стороны употребить всѣ старанія къ облегченію условій такихъ изслѣдованій.

Теперь какъ разъ, когда имя Николая Михайловича сдѣлалось до нѣкоторой степени извѣстнымъ, благодаря успѣхамъ его экспедиціи въ Уссурийскомъ краѣ, и онъ обратился въ Географическое Общество съ ходатайствомъ о снаряженіи экспедиціи въ застѣнныя китайскія владѣнія, генераль Влангали находился въ Петербургѣ и тотчасъ-же принялъ большое участіе въ предполагаемой экспедиціи. Онъ съ своей стороны сообщилъ, что едва-ли встрѣтятся серьезныя препятствія къ осуществленію подобнаго путешествія.

«Меня лично въ особенности манятъ, писалъ Николай Михайловичъ барону Ѡ. Р. Остенъ-Сакену**), сѣверныя окраины Китая и восточная часть южной Монголіи, какъ мѣстности, еще не извѣданныя европейцами, но представляющія громадный интересъ для географіи и естествознанія; тѣмъ болѣе, что и доступъ въ эти далекія страны съ чисто научною цѣлью не представляетъ особен-

*) Рѣчь 9 ноября 1888 г.

**) Письмо 29 марта 1870 г. Архивъ П. Р. Геогр. Общ., дѣло № 10.

ныхъ затрудненій, по заявленію нашего посланника въ Китаѣ, генерала Влангали, который находится въ настоящее время въ Петербургѣ».

Въ своемъ ходатайствѣ Николай Михайловичъ сообщалъ, что онъ можетъ покрыть часть расходовъ на экспедицію изъ своихъ собственныхъ средствъ, именно тратить по 1,000 р. въ годъ и, наконецъ, прибавилъ, «если мои служебныя условія станутъ какимъ-либо препятствіемъ для выполненія предполагаемой поѣздки, то я всегда готовъ выйти въ отставку и посвятить себя исключительно на служеніе наукъ».

Однако-же въ отставку выходить не было никакой надобности, такъ какъ Военное Министерство весьма сочувственно отнеслось въ проекту талантливаго и отважнаго путешественника: заслуги его въ предыдущей экспедиціи уже были для него надежной рекомендаціей и были оценены по достоинству.

Зачисленный офицеромъ генеральнаго штаба, Пржевальскій могъ теперь все цѣло посвятить себя научнымъ изслѣдованіямъ.

Виде-предсѣдатель Географическаго Общества графъ Литке отнесся весьма сочувственно къ предложенію Пржевальскаго, но прежде чѣмъ вносить его на обсужденіе въ Совѣтъ, онъ воспользовался пребываніемъ въ Петербургѣ генерала Влангали и обратился къ нему за разъясненіями по поводу этого проекта. Между прочимъ онъ спрашивалъ посланника, возможно-ли отправить на верховья Желтой рѣки, Ордосъ и Куку-норъ экспедицію изъ двухъ или болѣе лицъ, какимъ путемъ и въ какое время удобнѣе отправляться такой экспедиціи, и встрѣтятся-ли она покровительство посольства въ Пекинѣ.

На это Влангали отвѣчалъ, что изслѣдованіе сѣверныхъ окраинъ Китая представляетъ настолько важный научный интересъ, что этому нельзя не сочувствовать, и онъ лично общается всѣми силами содѣйствовать успѣху этого предпріятія.

«Изслѣдованія эти, прибавляетъ онъ, намъ нельзя уступить другимъ и дать себя опередить въ этой части Азии, какъ вслѣдствіе нашего географическаго положенія по отношенію къ Китаю, такъ и потому, что нами предприняты уже были важныя изысканія на сѣверо-западномъ концѣ этой страны, въ Тянь-Шаньскихъ горахъ.

«Возможность проникнуть въ настоящее время въ землю Ордосъ, Куку-норъ, и верхнее теченіе Желтой рѣки опредѣлить положительно трудно. Въ бытность мою въ Пекинѣ возстаніе магометанъ отдѣляло эти мѣста отъ остальныхъ провинцій, и сообщенія съ ними были затруднительны. Нѣтъ сомнѣнія, что такое положеніе не можетъ оставаться неизмѣненнымъ и препятствія къ свободному проѣзду могутъ по временамъ уменьшаться и даже совсѣмъ уничтожаться. Въ поѣздкахъ, предпринимаемыхъ по Китаю, многое зависитъ отъ самого путешествующаго лица, и если онъ какими-либо выходками не возбудитъ противъ себя населенія, то препятствія могутъ быть рѣдки. «Относительно времени года, въ какое должна быть отправлена экспедиція

я полагаю-бы, что лучше всего прибыть ей сухим путемъ въ Пекинъ осенью. Въ теченіе зимы она подготовится, а весной отправится къ мѣсту изслѣдованія... Въ Пекинѣ есть коллекція, собранная миссіонерами въ различныхъ провинціяхъ Сѣвернаго Китая, а также имѣется обширная бібліотека»...

Наконецъ, онъ далъ важное указаніе на то, чтобы отправляться прямо въ Пекинъ, такъ какъ «вообще путешествія, предпринимаемая изъ Пекина во внутрь Китая, встрѣчаютъ менѣе препятствій и затрудненій отъ мѣстныхъ властей».

Когда послѣ этого Литке внесъ предложеніе Пржевальскаго на обсужденіе въ Совѣтъ Общества, то почти всѣ члены единогласно высказались за поддержаніе этого ходатайства.

Высказаны были мнѣнія, что отъ Пржевальскаго, судя по его предыдущей экспедиціи, можно было ожидать не только весьма важныхъ результатовъ въ географическомъ и естественно-историческомъ отношеніяхъ, но и цѣнныхъ свѣдѣній въ области этнографіи. Кромѣ того, можно было надѣяться, что онъ соберетъ точныя свѣдѣнія о мусульманскомъ возстаніи, такъ какъ онъ намѣревался отправиться въ самый центръ мятежа. Между тѣмъ въ то время о событіяхъ, происходившихъ въ центрѣ Китая, были самыя неясныя свѣдѣнія, такъ какъ по этому поводу доносились лишь иногда неопредѣленные слухи. На основаніи всего этого рѣшено было просить содѣйствія Военнаго Министра къ осуществленію экспедиціи Пржевальскаго.

Послѣ этого, совмѣстно съ Пржевальскимъ, члены общества приступили къ обсужденію плана предстоящей экспедиціи. Особенное вниманіе путешественника обращено было на изслѣдованіе Гань-суйской провинціи; совѣтовали попытаться проникнуть до Куку-нора.

Между тѣмъ Николай Михайловичъ спѣшилъ закончить изданіе своей книги, которая вышла въ свѣтъ въ началѣ августа *), а въ то-же время дѣятельно готовился къ предстоящему новому путешествію.

Опытъ Уссурійской экспедиціи показалъ ему, что одинокому путешественнику нѣтъ возможности справиться со всею массою матеріаловъ, которые ежедневно являются передъ нимъ въ странахъ, мало изслѣдованныхъ. Даже и мало подготовленный въ научномъ отношеніи товарищъ приносить весьма существенную помощь, такъ какъ онъ можетъ исполнять хотя такія работы, которыя не требуютъ особенныхъ знаній, напр., препарированіе животныхъ, сушеніе растений и т. п.

Такой спутникъ у Николая Михайловича уже былъ—это Ягуновъ, сопутствовавшій ему въ Уссурійскомъ путешествіи. Однако-же ему не хотѣлось брать этого юношу потому, что послѣдній въ это время учился, и отрывать его теперь отъ занятій значило лишать образованія и портить ему будущность. Тотчасъ же по пріѣздѣ въ Петербургъ Николай Михайловичъ опредѣлилъ Ягунова, кото-

*) Книгу эту онъ посвятилъ „Любимой матери“.

раго онъ любилъ, какъ родного брата, въ Варшавское юнкерское училище и сдать на попеченіе своего друга Фатѣева.

Поэтому приходилось отыскивать другого спутника. Послѣдній скоро пошелъ; это былъ одинъ изъ наиболѣ любимыхъ бывшихъ учениковъ Николая Михайловича, въ бытность его въ юнкерскомъ училищѣ, Михаилъ Александровичъ Пыльцовъ, который въ это время былъ уже офицеромъ.

20 іюля состоялось Высочайшее повелѣніе о командированіи Пржевальскаго и Пыльцова на три года въ Сѣверный Китай и Монголію. Военное министерство, кромѣ прогоновъ до Кяхты и обратно и жалованья по чинамъ, ассигновало на экспедицію по 1,000 р. въ годъ звонкою монетою. Кромѣ того, Географическое общество съ своей стороны ассигновало также по 1,000 р. въ годъ кредитными билетами и, наконецъ, Ботанической садъ—по 300 р. въ годъ.

Пржевальскій былъ вполне доволенъ ассигнованными средствами и сталъ въ широкихъ размѣрахъ дѣлать приготовленія.

Одною изъ первыхъ его заботъ было достать вполне хорошее ружье, на покупку котораго онъ ассигновалъ 400—500 р. и обратился даже къ знаменитому лондонскому мастеру Ланкастеру, такъ какъ считалъ необходимымъ имѣть въ предстоящемъ путешествіи хорошаго «вѣрнаго друга». Мать свою онъ просилъ въ письмѣ поторопить двороваго чловѣка Ивана Макарова скорѣйшимъ шитьемъ ему сапогъ; палатку и неводъ просилъ непременно смазать рыбьимъ жиромъ и сушить на солнцѣ. Позаботился также о приобрѣтеніи охотничьей собаки.

Онъ также торопилъ Пыльцова.

Наконецъ, всѣ сборы были окончены и 4 сентября онъ выѣхалъ со своимъ спутникомъ изъ Москвы, но, благодаря распутицѣ на сибирскихъ дорогахъ, добрался до Иркутска лишь 10 октября. Здѣсь ему готовилась цѣлая куча большихъ непріятностей...

Будучи въ Петербургѣ, Николай Михайловичъ напечаталъ въ «Вѣстникѣ Европы» двѣ статьи относительно населенія Уссурійскаго края. Здѣсь онъ выставилъ крайне тяжелое положеніе уссурійскихъ казаковъ. Эту же самую мысль онъ развивалъ и въ своихъ докладахъ въ Географическомъ Обществѣ.

Отзывы эти возбудили сильное негодованіе противъ автора въ Иркутскихъ начальствующихъ кружкахъ, а также и въ средѣ членовъ Сибирскаго отдѣла.

Не будучи, однако, въ состояніи «сотворить какую-нибудь пакость по службѣ», возмущенные администраторы распорядились напечатать въ «Извѣстіяхъ» отдѣла, въ тѣхъ самыхъ, гдѣ недавно передъ тѣмъ, какъ читатель помнитъ, статья Пржевальскаго «являлась украшеніемъ» — замѣтку, въ которой самымъ безцеремоннымъ и голословнымъ образомъ авторъ упомянутой статьи обвинялся въ *умышленной лжи*.

«Хорошо ученое общество, писалъ Николай Михайловичъ Тихменеву *),

*) 26 октября 1870 г.

которое занимается такими милыми дѣлами, каковы сплетни на своего же со-
члена!»

Сильно огорченъ былъ онъ этою недостойною выходкою Сибирскаго отдѣла
и рѣшилъ не оставлять подобнаго дѣла безнаказанно.

Дождавшись общаго собранія членовъ отдѣла, онъ явился туда и прочелъ
свое возраженіе на замѣтку «Извѣстій», прося напечатать ее въ слѣдующемъ
№ этого извѣстія.

Отдѣлъ Общества и редакція «Извѣстій» отказались исполнить его спра-
ведливое требованіе и тогда Николай Михайловичъ написалъ на имя председа-
теля письмо, въ которомъ *отказывался съ этого времени имѣть какое-
либо сношеніе съ Сибирскимъ отдѣломъ И. Р. Г. О.*

Послѣ этого онъ отправилъ свою записку, въ томъ самомъ видѣ, въ ко-
торомъ онъ читалъ ее на собраніи, въ столичную газету «Петербургскія Вѣдо-
мости» и просилъ Тихменева, находившагося въ то время въ Петербургѣ, поза-
ботиться о томъ, чтобы письмо его было поскорѣе напечатано, а затѣмъ этотъ
номеръ газеты послать генераль-губернатору Корсакову, который также нахо-
дился тогда въ Петербургѣ. Приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ этого письма.

«Въ № 1 «Извѣстій» помѣщена замѣтка на мою статью объ Уссурийскихъ
казакахъ...

«Въ этой замѣткѣ между прочимъ сказано: «Нельзя не пожалѣть объ одномъ,
что авторъ, введя въ свое солидное сочиненіе нѣсколько яркихъ страницъ о на-
селеніи Уссурийскаго казачьяго батальона, не вездѣ былъ безпристрастенъ,
да и сообщаемыя имъ свѣдѣнія о характерѣ населенія и дѣйствіяхъ админи-
страціи не вполне точны. Такъ напр., говоря о бѣдственномъ положеніи каза-
ковъ, о голодовкахъ, авторъ сообщаетъ о «выколачиваніи» хлѣбныхъ долговъ
и совѣтуетъ сложить ихъ, тогда какъ долги эти на крупную сумму (до 60 т. р.)
сложены были еще въ 1869 году. Подобное несправедливое сообщеніе тѣмъ болѣе
странно, что авторъ зналъ объ этомъ достовѣрно по возвращеніи въ Иркутскъ».

«Съ переводомъ всего этого на болѣе понятный языкъ выходитъ: авторъ,
при описаніи Уссурийскихъ казаковъ, вралъ и вралъ умышленно.

«Съ глубокимъ прискорбіемъ прочитаны были мною эти строки, тѣмъ болѣе
что въ описаніи быта Уссурийскихъ казаковъ я еще значительно смяг-
чилъ факты противъ дѣйствительности. Каждый, бывавшій на
Уссуріи и выдавшій тамошнихъ казаковъ, ихъ нищету, голодь, и полгѣйшую
нравственную деморализацію, надѣюсь, согласится со мною въ этомъ случаѣ,
если только безпристрастно отнесется къ дѣлу. Съ своей стороны я считаю
своимъ святымъ долгомъ выставить все это въ надлежащемъ свѣтѣ и не сожа-
лѣться съ чѣми бы то ни было желаніями или взглядами...

«Авторъ замѣтки самымъ недеремоннымъ образомъ укоряетъ меня во лжи
умышленной. И на основаніи какихъ же данныхъ? Голословнаго разсказа о томъ,
что я долженъ былъ знать о сложеніи съ казаковъ въ 1869 г. 60 т. р. долга!

Но, во первыхъ. описываемыя мною событія относятся не къ 1869, а къ 1867 и 1868 гг., и, во вторыхъ почему авторъ можетъ утверждать, что я долженъ былъ знать о сложеніи вышеозначенныхъ 60 тысячъ, не будучи лицомъ, посвященнымъ въ административныя распоряженія? Да, наконецъ, упомянутая сумма все таки составляетъ часть долга, который тяготѣетъ надъ казаками, и растетъ, или, по крайней мѣрѣ, росъ до настоящаго времени, съ каждымъ годомъ. Эгожь то самый долгъ въ 1867 г. въ буквальномъ смыслѣ «выбивали» у казаковъ по ихъ собственному же заявленію.

«Въ сжатыхъ замѣткахъ письма я, конечно, не могу привести въ подробности тѣхъ грустныхъ фактовъ, которыхъ мнѣ лично не разъ приходилось быть свидѣтелемъ во время господства терроризма на Уссуріи, т. е. въ 1867 г. Но если-бы авторъ библиографической записки видѣлъ, какъ брали у казака продавать его послѣднюю корову, или какъ наказывали старика отца за неисправность дѣтей, или какъ мѣстный докторъ, вскрывая трупы умершихъ, находилъ въ желудкѣ кусокъ сапожной кожи и глины, которую несчастные страдальцы ѣли вмѣсто хлѣба насущнаго,—тогда-бы онъ не вздумалъ обвинять во лжи человѣка, писавшаго эти факты съ голой дѣйствительности и безпристрастно выставившаго ихъ на публичный судъ»...

Тихменевъ въ точности исполнилъ порученіе, возложенное на него Николаемъ Михайловичемъ, и помѣщая вышеприведенное письмо въ газетѣ «Петербургскія Вѣдомости», присоединилъ и свою собственную замѣтку слѣдующаго содержания:

... «Будучи поставленъ въ теченіе слишкомъ трехлѣтняго пребыванія своего въ Приамурскомъ краѣ въ должности начальника штаба войскъ приамурской области къ Уссурійскому казачьему батальону, я по моему служебному положенію, имѣлъ полную возможность ознакомиться, какъ по официальнымъ документамъ, такъ и по живымъ событіямъ, совершавшимся на моихъ глазахъ, съ дѣйствительнымъ положеніемъ казачьяго населенія»...

«Изученіе уссурійскаго казачества... дало мнѣ огромный запасъ не безъинтересныхъ матеріаловъ..., которые, однако-же, по весьма уважительнымъ, хотя и не вполне отъ меня зависящимъ причинамъ, я не могъ издать въ томъ видѣ, въ какомъ они могли-бы быть существенно полезны, съ чѣмъ я впрочемъ, до нѣкоторой степени примирился въ виду появленія въ настоящее время двухъ замѣчательныхъ по вѣрности фактовъ и добросовѣстному отношенію къ нимъ сочиненій о Приамурскомъ краѣ—гг. О. Буссе *) и Н. Пржевальскаго».

«Я былъ современникомъ и близкимъ свидѣтелемъ трудовъ обоихъ почтенныхъ дѣятелей на Амурѣ; мнѣ хорошо извѣстно, съ какою добросовѣстностью повѣрялся каждый фактъ и съ какою разборчивостью вносился онъ въ записки, назначенныя для печати»...

*) „Очеркъ условій земледѣлія въ Амурскомъ краѣ“, см. прибавленіе къ „Виржевымъ Вѣдомостямъ“ за 1869 г.

«Поэтому упрек г. Пржевальскому въ пристрастіи и неточности сообщаемыхъ имъ фактовъ... и обвиненіе его въ умышленномъ преступленіи противъ истины—кажется тѣмъ болѣе страннымъ, что Сибирскій Отдѣлъ И. Р. Географическаго Общества въ ту эпоху, которой касаются изслѣдованія г. Пржевальскаго, не имѣя на Уссури постояннаго корреспондента и не свараяя туда экспедиціи, не могъ имѣть никакихъ руководящихъ свѣдѣній о положеніи тамошнихъ дѣлъ, которыми можно было-бы повѣрить изслѣдованія и выводы г. Пржевальскаго, кромѣ развѣ голословныхъ разсказовъ проѣзжавшихъ по области курьеровъ, если только ученое общество давало какую-либо цѣну свѣдѣніямъ, получаемымъ такимъ путемъ»...

«Для возстановленія истины и для огражденія личности г. Пржевальскаго отъ оскорбительныхъ нареканій... считаю долгомъ совѣсти заявить, что въ статьѣ г. Пржевальскаго *нѣтъ ни одного факта, достоверность котораго была-бы подвержена сомнѣнію и котораго я не могъ-бы, въ случаѣ надобности, подтвердить или документально, или свидѣтельствомъ лицъ, прожившихъ на Уссури, по служебнымъ или частнымъ дѣламъ въ средѣ казачьяго населенія по нѣскольку лѣтъ*».

«Не лишнимъ будетъ также замѣтить, что означенная статья г. Пржевальскаго составлена гораздо скромнѣе, чѣмъ нѣкоторые извѣстные мнѣ официальные отчеты относительно положенія казачьяго населенія, отличающіеся обыкновенно, какъ и всякая форменная бумага, своею сдержанностью».

Отправивъ при своемъ письмѣ номеръ «Петербургскихъ Вѣдомостей» генералу Корсакову, Тихменевъ сообщилъ Пржевальскому, о напечатаніи замѣтки отъ себя «для того, чтобы они (члены Сибирскаго отдѣла И. Р. Г. О.), пользуясь вашимъ отсутствіемъ и невозможностью отвѣчать, не вздумали еще что-нибудь писать противъ васъ. Теперь имъ придется имѣть дѣло уже со мной. Я даль себя слово, что если они хоть пискнутъ еще, то я ихъ разберу по косточкамъ»...

Такимъ образомъ разыгралась эта неблагоприятная исторія. Но это было еще не все. Здѣсь-же, въ Иркутскѣ, ему пришлось вѣдаться еще съ одною грязною исторіею, о которой мы имѣли уже случай вратцѣ упомянуть. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ.

Когда Николай Михайловичъ пріѣхалъ въ Николаевскъ, послѣ окончанія своей Уссурійской экспедиціи, то туда-же явился докторъ П., которому поручено было военно-медицинскимъ управленіемъ собрать медико-статистическія свѣдѣнія объ Амурскомъ краѣ. Его направили къ Пржевальскому какъ къ знатоку края, который, какъ извѣстно читателю, еще въ бытность свою въ академіи написалъ сочиненіе объ Амурскомъ краѣ.

Такъ какъ Николаю Михайловичу самому нужны были собраніе матеріалы, то онъ ограничился только тѣмъ, что даль просителю свою рукопись (академическое сочиненіе) для прочтенія.

Черезъ нѣсколько времени докторъ П. возвратилъ эту рукопись съ благодарностью и заявилъ, что по ней онъ достаточно ознакомился съ краемъ.

Послѣ этого Пржевальскій совсѣмъ уже и забылъ про этотъ случай и про самого доктора П., но каково-же было его удивленіе, когда, по пріѣздѣ въ Петербургъ въ 1870 г., онъ увидѣлъ въ 12 номерѣ «Военнаго Сборника» свою собственную статью, напечатанную подъ заглавіемъ «Приморская Область Восточной Сибири», и подъ нею подпись доктора П.

Оставивъ разъясненіе этого дѣла до личнаго свиданія съ беззащитнымъ похитителемъ его литературной собственности, Николай Михайловичъ по пріѣздѣ своемъ въ Иркутскъ написалъ послѣднему письмо, въ которомъ, какъ говорится, «выводилъ его на свѣжую воду» и предложилъ ему безъ огласки уплатить гонораръ, полученный за статью, а въ противномъ случаѣ грозилъ предать дѣло огласкѣ.

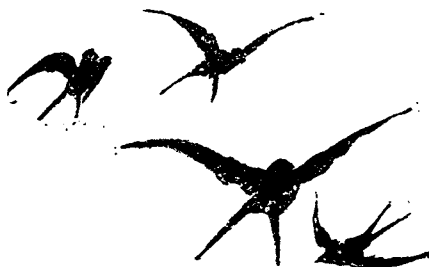
Докторъ П., конечно, предпочелъ первое и въ своемъ письмѣ откровенно сознался, что статья принадлежитъ по праву не ему, но что онъ ждалъ будто-бы только встрѣчи съ Николаемъ Михайловичемъ для врученія ему гонорара (72 р.).

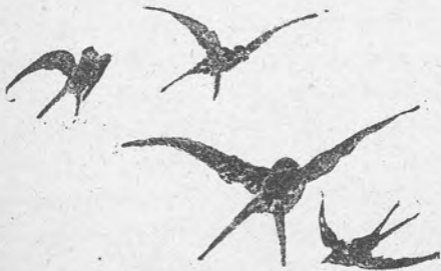
Казалось-бы, этимъ дѣло и должно кончиться, но злой геній попуталъ доктора. Въ одномъ собраніи онъ сталъ рассказывать присутствующимъ, что отдалъ деньги только по тому, чтобы избавиться отъ докучливости и жадности Пржевальскаго...

Николай Михайловичъ, узнавъ о такихъ разсказахъ, пришелъ въ негодованіе и поступилъ безъ жалости. Онъ пожертвовалъ злополучныя деньги въ пользу бѣдныхъ казаковъ Уссурийскаго края и препроводилъ ихъ въ штабъ Восточно-Сибирскаго округа съ рапортомъ слѣдующаго содержанія:

... «Деньги эти составляютъ гонораръ, отобранный мною отъ статскаго совѣтника П. за напечатанную имъ въ Военномъ Сборникѣ статью «Прим. Обл. .», «заключающую въ большей своей части *дословную и безъ моего вѣдома произведенную переписку* изъ рукописнаго сочиненія, которое я написалъ въ 1863 г., будучи въ Николаевской академіи генеральнаго штаба».

При этомъ онъ приложилъ также вышеупомянутое письмо доктора П.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Отъ Кяхты до Пекина.

Первыя впечатлѣнія въ Кяхтѣ.—Ѣзда на двухколесной таратайкѣ.—Г. Урга, ея общій видъ; кирпичный чай—денежная едйница.—Населеніе.—Нищія.—Пожираніе труповъ собаками.—Опасеніе дунганскаго нападенія.—Шествіе по пустынѣ Гоби; охота на дзереновъ. Сахары.—Спускъ съ монгольскаго нагорья; рѣзкая перемена климата.—Великая Китайская стѣна.—Калганъ.—Путь по густо населенной китайской землѣ —Китайскія гостиницы.— Китайская кухня.

Покончивъ такимъ образомъ со всѣми этими дразганн, Николай Михайловичъ въ концѣ октября выѣхалъ изъ Иркутска по направленію къ китайской границѣ и 6 ноября прибылъ въ Кяхту.

Въ этомъ городѣ уже съ перваго взгляда почувялась близость чужихъ краевъ. Вереницы верблюдовъ на улицахъ, загорѣлыя скуластыя лица монголовъ, длинновосые китайцы, чуждая, непонятная рѣчь,—все это ясно говорило о близости разлукъ со всѣмъ дорогимъ, роднымъ и о предстоящемъ вступленіи въ въ чужіе края...

Прежде чѣмъ направиться въ намѣченную область изслѣдованій, путешественники поѣхали прямо въ Пекинъ, чтобы получить паспортъ отъ министерства иностранныхъ дѣлъ, а не отъ пограничнаго комиссара. Впослѣдствіи, дѣйствительно, подтвердилась важность именно пекинскаго паспорта, такъ какъ онъ придавалъ путешественникамъ больше значенія въ глазахъ мѣстнаго населенія.

Размѣстивъ свою поклажу на наемныхъ вьючныхъ верблюдахъ, Николай Михайловичъ вмѣстѣ со своимъ спутникомъ Пыльцовымъ помѣстились въ оригинальномъ двухколесномъ экипажѣ: онъ представлялъ собою большой квадратный ящикъ, закрытый со всѣхъ сторонъ и установленный на двухъ колесахъ. Въ передней части этого ящика сдѣлано небольшое отверстіе, закрывающееся дверью, для входа и выхода изъ этой таратайки. Пассажиръ помѣщается въ такомъ экипажѣ не иначе, какъ въ лежачемъ положеніи, и притомъ задомъ къ передку, такъ какъ въ противномъ случаѣ ноги очутятся выше головы. Тряска въ такой телѣгѣ невообразимая. Малѣйшій камешекъ или кочка, на которую попадаетъ одно изъ колесъ, заставляеть сильно встряхнуться всю эту «посудину», а вмѣстѣ съ нею, конечно, и пассажира. Можно себя представить, какіе толчки испытываетъ этотъ послѣдній, при ѣздѣ рысью на почтовыхъ! Въ общемъ экипажъ этотъ похожъ былъ на гробъ и лежать въ немъ было очень неудобно, такъ какъ ящикъ этотъ былъ на поль-аршина короче Николая Михайловича. Тащилась эта телѣга верблюдомъ. Однако-же и такой экипажъ былъ большимъ благодѣніемъ, такъ какъ въ то время стояли уже сильныя морозы.

Въ качествѣ переводчика взять былъ забайкальскій казакъ.

17 ноября зашагаль верблюдъ, запряженный въ описаннаго устройства

телѣгу, взятую на прокатъ у одного изъ кяхтинскихъ купцовъ, въ которой помѣстились оба наши путешественника вмѣстѣ съ общимъ ихъ другомъ, лагавою собакой—Фаустомъ.

Немного спустя Кяхта осталась позади, и караванъ вступилъ на монгольскую землю. Прощай, родина! прощай на долго! придется-ли еще тебя увидѣть?..

Первый переходъ въ 300 в. до г. Урги совершенно былъ въ недѣлю.

На всемъ этомъ протяженіи мѣстность гориста, хотя горы здѣсь не достигаютъ значительной высоты и носятъ мягкій характеръ: здѣсь точно такъ-же, какъ и въ большой части русскаго Забайкалья, не встрѣчается рѣзко очерченныхъ

Двухколесная таратайка.

горныхъ вершинъ, дикихъ скалъ, перевалы невысоки и высоты спускаются пологими скатами. Ничто еще не предвѣщаетъ близости пустыни, повсюду—изобиліе лѣса и воды, превосходные луга на пологихъ скатахъ горъ. Почва вездѣ черноземная или изъ плодороднаго суглинка, весьма удобная для обработки, но культура не коснулась еще этой страны, и на всемъ протяженіи встрѣтилось только одно небольшое воздѣланное поле. 24 ноября караванъ вступилъ въ «Священное стойбище»—Богдо-Курень, т. е. въ Ургу, какъ окрестили его русскіе. Городъ этотъ довольно многолюденъ (30,000 жит.) и состоитъ изъ двухъ частей: Монгольской и Китайской. Первая называется собственно Богдо-Курень, а вторая Май-май-ченъ, что означаетъ: «торговое мѣсто». Китайская сторона застроена глиняными фанзами и населена исключительно китайцами и манчжурами: чиновниками и торговцами.

Двухколесная таратайка.

Въ монгольскомъ городѣ высятся многочисленныя кумирни со своими позолоченными куполами и дворецъ кутухты, земного воплощенія божества Будды, третьяго лица по своей святости послѣ Тибетскаго Далай-Ламы *).

Изъ кумиренъ самая замѣчательная по своей величинѣ и по архитектурѣ—храмъ Майдари, будущаго правителя міра. Храмъ этотъ представляетъ высокое квадратное зданіе съ плоскою крышею и съ зубчатыми стѣнами; внутри, на возвышенности помѣщается колоссальная, въ пять сажень высоту, статуя Майдари въ образѣ сидящаго и улыбающагося человѣка. Всѣмъ этой статуи, сдѣланной изъ мѣди и снаружи вызолоченной, около 8,000 пудовъ. Передъ входомъ стоитъ столъ съ различными приношеніями, въ числѣ которыхъ Николай Михайловичъ замѣтилъ стеклянную пробку отъ обыкновеннаго графина. Въ этомъ-же зданіи вдоль стѣнъ размѣщено множество другихъ низшихъ божествъ, бурхановъ, и развѣшены картины религіознаго содержанія.

Въ Богдо-Курени, кромѣ кумиренъ и небольшого числа китайскихъ фанзъ, большинство жилищъ—войлочные юрты, окруженныя частоколомъ.

Посреди города помѣщается базарная площадь, гдѣ, между прочимъ, есть нѣсколько лавокъ русскихъ купцовъ.

Здѣсь путешественники впервые столкнулись съ интересною особенностью монгольской торговли, съ ихъ оригинальною денежною цѣнностью—кирпичнымъ чаемъ. Дѣйствительно, самую употребительную единицу цѣнности, какъ въ Ургѣ, такъ и во всей сѣверной Монголіи, служитъ кирпичный чай, который часто распиливается на мелкіе кусочки и служитъ, такимъ образомъ, разнѣною монетою. Цѣна на товары, не только на рынкѣ, но даже и въ лавкахъ опредѣляется числомъ чайныхъ кирпичей, такъ, напр., баранъ стоитъ 12—15 кирпичей, верблюды—120—150 кирп., и т. д. Здѣсь, впрочемъ, въ ходу и монеты, русскія и китайскія, но чай все-таки предпочитается, въ особенности простолудинами. Отправляясь на базаръ за покупками, нужно ташить съ собою цѣлый мѣшокъ, а иногда даже возъ тяжелыхъ чайныхъ кирпичей.

Населеніе монгольской части города состоятъ, главнымъ образомъ, изъ ламъ, т. е. изъ лицъ, принадлежащихъ къ духовному сословію, и число ихъ здѣсь простирается почти до 10,000 **).

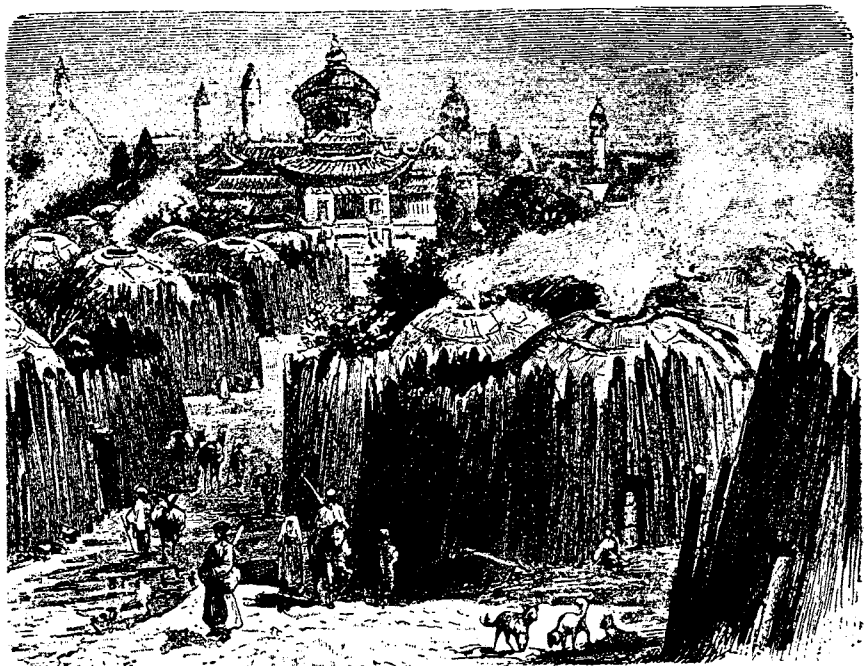
Для обученія мальчиковъ, предназначенныхъ быть ламами, въ Ургѣ существуетъ большая школа—вродѣ университета, съ подраздѣленіемъ на три факультета: богословскій, медицинскій и астрономическій.

Урга представляетъ собою въ Монголіи такой же религіозный центръ, какъ Лхасса въ Тибетѣ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь находится резиденція святителей буддйскаго міра: Далай-Лама въ Лхассѣ, а въ Ургѣ—Кутухта. Святые эти представляютъ самое воплощеніе божества и никогда не умираютъ, а только обно-

*) О ламаизмѣ болѣе подробно, см. дальше, при описаніи Монгольск.

***) Извѣстно, что изъ всего мужского населенія Монголіи около 1/3 принадлежитъ къ сословію ламъ.

взляются смертью: душа ихъ послѣ смерти тѣла, въ которомъ она имѣла мѣстопробываніе, переходитъ въ другого новорожденнаго мальчика и является такимъ образомъ въ міръ въ обновленномъ видѣ. Возродившійся Далай-Лама отыскивается въ Тибетѣ по указанію своего умершаго предшественника; ургинскій же кутухта находится пророчествомъ Далай-Ламы и также большую часть въ Тибетѣ. Тогда изъ Урги отправляется въ Тибетъ огромный торжественный караванъ, чтобы привезти оттуда новорожденнаго кутухту, при чемъ Далай-Ламѣ везется большой подарокъ въ 30,000 ланъ и даже болѣе *).

У р г а.

Въ то время, какъ Пржевальскій прибылъ въ Ургу, престолъ кутухты какъ разъ оставался вакантнымъ, такъ какъ великій святой, за годъ передъ тѣмъ, умеръ и, хотя его намѣстникъ уже отыскался въ Тибетѣ, но ургинское посольство не могло туда пробраться по причинѣ дунганскаго возстанія, охватывающаго страны, лежащія на пути.

Ургинскій кутухта чрезвычайно богатъ, благодаря обильнымъ приношеніямъ усердныхъ вѣрующихъ, которые постоянно толпами стекаются со всей Монголіи

*) Ланъ, китайская основная монетная единица, равная, приблизительно, 2 серебрянымъ рублямъ, представляетъ слитокъ серебра около 8,7 золотника вѣсомъ. О деньгахъ китайскихъ см. дальше

всего большое количество в 30,000 тонн и даже более).

Ура.

въ Ургу на поклоненіе святынямъ, а въ главный праздникъ Майдари (въ іюлѣ) и въ новому году (въ февралѣ) богомольцевъ стекается, какъ говорятъ, даже до 100,000 чел. Независимо отъ этого, кутухтѣ принадлежить до 150,000 подданныхъ, расположенныхъ въ Сѣверной Монголіи, которые всѣ являются его крѣпостными и находятся въ неограниченномъ подчиненіи святому, образуя такъ называемое Шабинское вѣдомство.

Наружный видъ города Урги, по описанію Николая Михайловича, грязенъ до отвращенія. Всѣ нечистоты выбрасываются прямо на улицы, по которымъ не только ночью, но даже среди бѣла дня жители безъ стѣсненія отправляютъ всѣ свои естественныя надобности.

Кромѣ того, здѣсь поражаетъ иностранца необыкновенное множество нищихъ, которые бродятъ по улицамъ цѣлыми толпами, а на базарной площади располагаются даже и для постоянного жительства.

«Трудно себѣ представить что либо тяжелѣе и отвратительнѣе подобной картины, говоритъ Николай Михайловичъ *). Дряхлая или увѣчная старуха ложится на землю посреди базара и на нее, въ видѣ подаянія, набрасываютъ старые войлоки, изъ которыхъ страдалица устраиваетъ себѣ логовище. Лишенная силъ, она тутъ же отправляетъ всѣ свои потребности и, покрытая тучами паразитовъ, молить проходящихъ о милостынѣ. Зимой бури навиваютъ на такое логовище сугробы снѣга, подъ которымъ несчастная страдалица спасаетъ свое жалкое существованіе. Сама смерть является къ ней въ ужасномъ образѣ. Очевидцы рассказывали намъ, что когда наступаютъ послѣднія минуты несчастной, то вокругъ нея собираются толпы голодныхъ собакъ, которыя садятся кругомъ умирающей и лишь только она затихнетъ въ своей агоніи, какъ тотчасъ бросаются обнюхивать лицо и тѣло, чтобы узнать, жива ли еще злосчастная старуха, или нѣтъ. Но вотъ послѣдняя снова начинаетъ вдыхать или шевелиться,—собаки снова отходятъ и терпѣливо ждутъ своей жертвы. Лишь только замолкаетъ послѣднее дыханіе жизни, трупъ немедленно съѣдается этими собаками, а опороженное логовище вскорѣ занимается другою такою же старухою»...

Бываетъ и такъ, что въ холодныя зимнія ночи происходитъ борьба изъ-за логовища, и болѣе сильныя выбрасываютъ слабыя на снѣгъ, гдѣ они, конечно, замерзаютъ, а сами занимаютъ ихъ мѣсто.

Выбрасываніе труповъ на съѣденіе собакамъ и хищнымъ птицамъ составляетъ въ Монголіи весьма обыкновенное явленіе. Вокругъ Урги можно нерѣдко встрѣтить подобныя потрясающія картины. На мѣстѣ, усыпанномъ костями, какъ тѣни, бродятъ стаи собакъ, питающихся почти исключительно человѣческимъ мясомъ. Не успѣютъ бросить свѣжій трупъ, какъ уже на него накидываются собаки вмѣстѣ съ воронами и коршунами, поднимаютъ между собою отчаянную возню и драку, такъ что черезъ часъ, много-два, отъ мертведа ничего уже не

*) „Монголія и страна Тангуты“, 8, 9.

остается, кромѣ обглоданныхъ костей. Буддисты даже считаютъ хорошимъ признакомъ, если трупъ будетъ съѣденъ быстро; протавное, по ихъ понятіямъ, служить признакомъ, что этотъ человѣкъ не былъ угоденъ Богу при своей жизни. Ургинскія собаки до такой степени привыкли къ подобной поживѣ, что вмѣстѣ съ родственниками провожаютъ толпами покойника, когда его несутъ на кладбище, и какъ только люди удаляются, немедленно же начинаютъ свой пиръ, въ которомъ принимаютъ участіе и собаки самого умершаго.

Во время пребыванія Пржевальскаго въ Богдо-Курени, тамъ было весьма тревожное настроеніе, такъ какъ опасались нападенія дунганскихъ мятежниковъ, незадолго передъ тѣмъ разграбившихъ г. Улясутай. Сюда прибылъ двухтысячный отрядъ китайскихъ войскъ и собрано было около тысячи вооруженныхъ монголовъ, но настроеніе всего этого воинства было очень трусливое, и они представляли настолько ненадежную гарантію, что русское правительство, для охраны своего консульства и торговыхъ интересовъ, прислало и собственный небольшой отрядъ въ 600 человѣкъ, который и оставался здѣсь въ продолженіи двухъ лѣтъ, и, вѣроятно только благодаря этой охранѣ, дунганы не дерзнули напасть на Ургу, куда ихъ привлекали значительныя сокровища, собранныя въ кумирняхъ.

28 ноября путешественники наши покинули Ургу, гдѣ пользовались радушнымъ гостепріимствомъ русскаго консула Я. П. Шинмарева, и двинулись дальше, въ страшную степь Гоби.

Вскорѣ по выходѣ изъ Урги характеръ мѣстности рѣзко мѣняется. Переѣзжая р. Толу, путешественникъ оставляетъ за собою послѣднюю текучую воду, а на священной горѣ Хань-ула долженъ распрощаться и съ послѣднимъ лѣсомъ. Далѣе уже до самаго Китая нѣтъ ни одного деревца, ни одного ручейка.

Открывается безграничная степь, то слегка волнистая, то прорѣзанная грядами скалистыхъ холмовъ, и убѣгаетъ въ синѣющую неясную даль горизонта, нигдѣ не нарушая своего однообразнаго характера. По сторонамъ пасутся многочисленные стада монголовъ, юрты которыхъ встрѣчаются еще довольно часто, особенно вблизи дороги.

Дорога здѣсь настолько удовлетворительна, что по ней свободно можно было бы ѣхать и въ тарантасѣ. Но это еще не настоящая пустыня Гоби, а только переходная степная полоса, съ глинистою и мѣстами песчанною почвою, покрытою довольно обильною травяною растительностью. Эта полоса тянется отъ Урги къ юго-западу по Калганской дорогѣ верстъ на двѣсти, а затѣмъ незамѣтно переходитъ въ настоящую пустыню.

Въ собственной Гоби почва состоитъ изъ крупно зернистаго красноватаго гравія и мелкой гальки, но мѣстами встрѣчаются болѣе или менѣе обширныя пространства сыпучихъ песковъ. Травяная растительность здѣсь крайне скудная и жидкая трава не прикрываетъ красновато-сѣраго грунта. Настоящія равнины и здѣсь встрѣчаются сравнительно рѣдко, а по большей части мѣстность имѣетъ волнистый или холмистый характеръ.

Однообразно вставались эти путешествія. Гоби своею пустынною и однообразіем производила подавляющее впечатлѣніе. По дѣлымъ и дѣлымъ сряду приходилось сидѣть передъ глазами одне и тѣже картины. Мѣрно шагаютъ тяжело навьюченные верблюды, идутъ десятки—сотни верстъ, но степь нисколько не мѣняетъ своего характера и остается все такой же угрюмой и непривѣтливой... Закатится солнце, наступитъ ночная тьма, безоблачное небо закроется миллионами яркихъ звѣзд... останавливаются на ночевку. Радуются верблюды, освободившись изъ подъ тяжести своихъ вьюковъ, и тотчасъ же ложатся рядами вокругъ палатки погонщиковъ, которые тутъ же варятъ свой непрехотливый ужинъ... Прошелъ еще часъ,—заснули и люди и животныя.—и кругомъ воцарилась мертвая тишина пустыни...

Дневные переходы были верстъ въ 40—50. Николай Михайловичъ, наскучивъ сидѣть въ своемъ ящикѣ, гдѣ приходилось лежать скорчившись въ три погибели, обыкновенно вылезалъ изъ него и отправлялся пѣшкомъ впереди каравана, стрѣляя попадавшихся по дорогѣ животныхъ, преимущественно птицъ.

Здѣсь скорѣ у нихъ оказались отъявленные враги—вороны, послѣ того какъ разъяснилось, что они питаются навьюченною на верблюдовъ провизіей. Дѣйствительно, уже скорѣ послѣ выступленія изъ Кяхты, стали замѣчать, что эти птицы подлетали къ вьюкамъ, привязаннымъ на спинѣ задняго верблюда, и затѣмъ улетали въ сторону, таща что-то въ клювъ; такъ какъ это повторялось очень часто, то обратило на себя вниманіе, и чтоже оказалось?! Нахальные грабители расклеивали мѣшки и таскали оттуда сухари; захвативъ одинъ, они отлетали въ сторону, прятали свою добычу, а затѣмъ снова являлись за поживою. Нечего и говорить, что воры жестоко были наказаны и почти всѣ поплатились своею жизнью подъ мѣткими выстрѣлами Николая Михайловича и его товарища. Однако и потомъ, до самаго пріѣзда въ Калганъ, нужно было постоянно зорко наблюдать за этими ворышками, которые постоянно дѣлали свои попытки поживиться на счетъ экспедиціонныхъ средствъ. Подобными же врагами впоследствии оказались коршуны, которые самымъ нахальнымъ образомъ воровали убитую дичь и даже препарированныя шкурки, выставленныя для просушки.

Несмотря на такое безплодіе, Гоби оказалась довольно населенною различными животными. Въ особенности много было здѣсь и пшухъ, грызуновъ въ родѣ зайца, но величиною съ крысу, которыя встрѣчались громадными колоніями въ нѣсколько тысячъ штукъ, и антилопъ *дзереновъ*.

«Этотъ звѣрь», писалъ Николай Михайловичъ своему дядѣ *), который, будучи самъ страстнымъ охотникомъ, болѣе всѣхъ другихъ интересовался охотничьими похождениями своего племянника, и послѣдній, по мѣрѣ возможности, сообщалъ ему о всѣхъ болѣе замѣчательныхъ своихъ приключеніяхъ на охотѣ въ далекой Азіи,—«величиною и окраскою совершенно похожъ на дикую козу, но

*) 24 января 1871 г., см. Дубровинъ, стр. 105.

только гораздо умѣе и осторожнѣе послѣдней. Дзеренъ обладаетъ необыкновенно развитымъ зрѣніемъ, слухомъ и чутьемъ, такъ что убить его—весьма мудреная задача! Не смотря на страшные холода, я охотился за ними съ утра до вечера, но убилъ всего двухъ, одного на 200, а другого на 300 шаговъ. Ну! и бывало же иногда этихъ дзереновъ! Случались дни, въ которые съ ранняго утра и до вечера безпрестанно видѣлись то справа, то слѣва огромнѣйшія стада ихъ, часто въ 200—300 штукъ. Но попробуйте-ка подойти къ такому стаду хоть на 300 шаговъ! Мѣстность со всѣхъ сторонъ гладкая, какъ поле, трава не выше

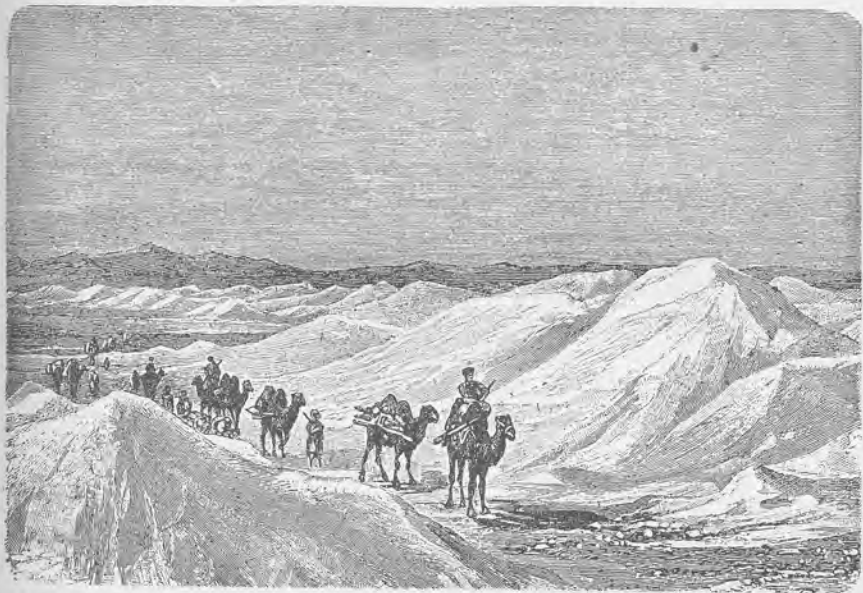

Монгольская пустыня, или Шамо.

четверти аршина и притомъ очень рѣдкая. Ходишь, бывало, цѣлый день и только видишь, какъ бѣгутъ отъ тебя дзерены во всѣ стороны.

Холода бывали такъ велики, что нельзя было, какъ слѣдуетъ, зарядить штурера: салные пластыри ломались и пуля шла въ стволъ, какъ попало. При всемъ этомъ звѣрь еще необыкновенно крѣпокъ на рану, и пуля убиваетъ его нановаль лишь тогда, если попадетъ прямо въ сердце, голову или позвоночный столбъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ дзеренъ убѣгаетъ, даже получивъ смертельную рану, и очень часто пропадаетъ для охотника; съ перебитою ногою, онъ бѣжитъ еще такъ быстро, что его нѣтъ возможности догнать даже на хорошей лошади.

Условія охоты здѣсь вообще значительно отличаются отъ обыкновенныхъ. При долгой и скорой ходьбѣ, вслѣдствіе усиленнаго кровообращенія, руки не къ

Монгольская пустыня, или Шамо.

состояніи держать ружье совершенно твердо и поэтому попадать на далекое расстояние—вещь весьма затруднительная. Николай Михайлович по примѣру сибирских охотниковъ завелъ себѣ сошки, на которыя устанавливается ружье для мѣткости прицѣла. «Словомъ, говоритъ онъ *), съ первымъ шагомъ въ азиатской пустынь, охотникъ долженъ позабыть свою европейскую практику и поучиться многому у мѣстныхъ звѣропромышленниковъ».

Монголы со своими примитивными фитильными ружьями, однако, охотятся на дзереновъ довольно удачно, просиживая подолгу въ нарочно выкопанныхъ ямахъ, или подходя къ нимъ на близкое расстояние, прячась за верблюда.

Миновавъ самую бесплодную часть Гоби, пустыню Халху, путешественники наши вступили въ область Цахаровъ, болѣе плодородную, степную полосу, которая на юго-востокѣ окаймляетъ дикую и пустынную средину монгольскаго нагорья.

Цахары считаются пограничною стражею Китая, состоятъ на государственной службѣ и имѣютъ нѣкоторое военное устройство, раздѣляясь на 8 «знаменъ».

Находясь въ постоянномъ соприкосновеніи съ китайцами, цахары утратили не только характеръ, но даже и типъ чистокровныхъ монголовъ. Изъ прежнихъ своихъ чертъ они оставили себѣ только монгольскую лѣнь, но отъ китайцевъ приняли, кажется, только одні дурныя стороны цивилизаци, и являются въ родкамъ, въ которыхъ нѣтъ ни монгольскаго простодушія, ни китайскаго трудолюбія. По одеждѣ и по наружности они гораздо болѣе походятъ на китайцевъ, чѣмъ на монголовъ, причиною чему служатъ частые смѣшанные браки съ китайцами.

Чистокровные монголы ненавидятъ цахаровъ не менѣе самыхъ китайцевъ, и проводники каравана Пржевальскаго въ этой странѣ постоянно ночью держали бдительный караулъ и всегда предупреждали путешественниковъ, чтобы они были насторожѣ, такъ какъ здѣшніе люди слывутъ отъявленными ворами.

Хотя въ цахарской степи нѣтъ еще ни рѣкъ, ни ручьевъ, но здѣсь уже начинаютъ попадаться кое-гдѣ небольшія озера.

Ближе къ окраинѣ нагорья начали появляться уже признаки культуры и осѣдлой жизни. Китайскія деревни и обработанныя поля, которые изрѣдка теперь встрѣчались, ясно свидѣтельствовали о томъ, что дикая пустыня осталась уже позади и что приближается страна, населенная людьми.

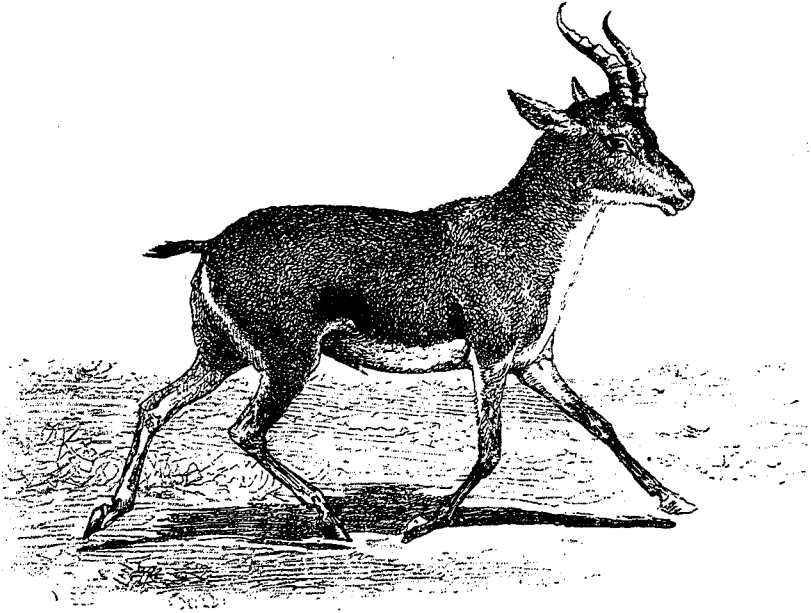
Черезъ нѣсколько дней дальнѣйшаго пути, впереди, на горизонтѣ, показались неясныя очертанія горнаго хребта, который составляетъ рѣзкую естественную границу между высокими, холодными и безводными монгольскимъ нагорьемъ и теплыми, обильно орошенными низменными равнинами собственнаго Китая.

По мѣрѣ приближенія хребетъ этотъ все яснѣе и яснѣе вырисовывался передъ глазами путешественниковъ.

*) Монг. и страна тангуровъ, стр. 19.

Крутые боковые скаты, глубокия ущелья и пропасти, остроковечныя вершины, иногда увѣнчанныя отвѣсными скалами, въ общемъ носили дикій и безплодный характеръ.

Кряжъ этотъ, по главному гребню котораго тянется Великая Стѣна, подобно другимъ окраиннымъ хребтамъ, окаймляющимъ съ одной стороны высокое нагорье, а съ другой — низменныя равнины, очень мало замѣтенъ со стороны плоскогорія. Подъемъ съ этой стороны прошелъ почти незамѣченнымъ; до послѣдняго шага шли путешественники между холмами волнистаго плато, пока передъ ними вдругъ не раскрылся чудный видъ на лежащія у ногъ необозримыя,

Дзеренъ (*Antilope gutturosa*).

болѣе низменныя пространства. Подъ ногами у очарованныхъ зрителей встали словно въ причудливомъ снѣ дѣлныя гряды высокыхъ горъ, отвѣсныхъ скалъ, пропастей, ущелій, прехотливо перепутанныхъ между собою, а за ними раскинулись густо населенныя долины, по которымъ серебристыми лентами вились многочисленныя рѣчки и рѣчки. Съ каждымъ днемъ теперъ яснѣе и яснѣе стала обозначаться разница въ климатѣ. До сихъ поръ, во все время прохожденія черезъ монгольское плоскогоріе, ежедневно стояли морозы, доходившіе по ночамъ до 37° Ц., и безпрестанно дули сильныя сѣверо-западные вѣтры, — но лишь только перевалили черезъ окраинный хребетъ, погода сразу сдѣлалась замѣтно теплѣе и чѣмъ ниже спускались путешественники, тѣмъ замѣтнѣе дѣлалась эта разница, и наконецъ, когда прибыли въ г. Калганъ, то встрѣтили тамъ, не смотря на ковецъ

Дзэрэнъ (*Antilope guttuosa*).

декабря, совершенно весеннюю погоду. Замѣчательна такая климатическая пере-
мѣна на разстояніи всего какихъ-нибудь 25 верстъ, лежащихъ между этимъ горо-
домъ и высшею точкою нагорья, причемъ пониженіе происходитъ съ 5,400 ф. до
2,800 ф., т. е. на 2,600 ф.

Городъ Калганъ занимаетъ одинъ изъ главнѣйшихъ проходовъ черезъ Вели-
кую Стѣну, имѣетъ до 70,000 жителей и представляетъ важный пунктъ чайной
торговли. Ежегодно здѣсь провозится до 200,000 ящиковъ, около 3 пуд. вѣсомъ
каждый, этого дѣннаго китайскаго продукта.

Прибывъ въ Калганъ, путешественники наши увидѣли здѣсь одно изъ чу-
десъ свѣта, знаменитую китайскую стѣну. Около Калгана она является дѣйстви-
тельно грандіознымъ сооруженіемъ. Она сложена изъ большихъ камней, связан-
ныхъ известковымъ цементомъ. Величина каждаго камня, впрочемъ, невелика и
не превосходитъ 3—4 пуд. вѣсомъ. Повидимому, работники, трудившіеся надъ ея
сооруженіемъ, таскали ихъ просто руками изъ сосѣднихъ горъ. Сама стѣна въ
разрѣзѣ имѣетъ пирамидальную форму, въ вышину около трехъ саженей и около
четырехъ—въ основаніи. На болѣе выдающихся пунктахъ, иногда даже на незна-
чительномъ разстояніи другъ отъ друга, сооружены квадратныя башни, построен-
ныя изъ глиняныхъ кирпичей и высотой иногда саженъ до 5.

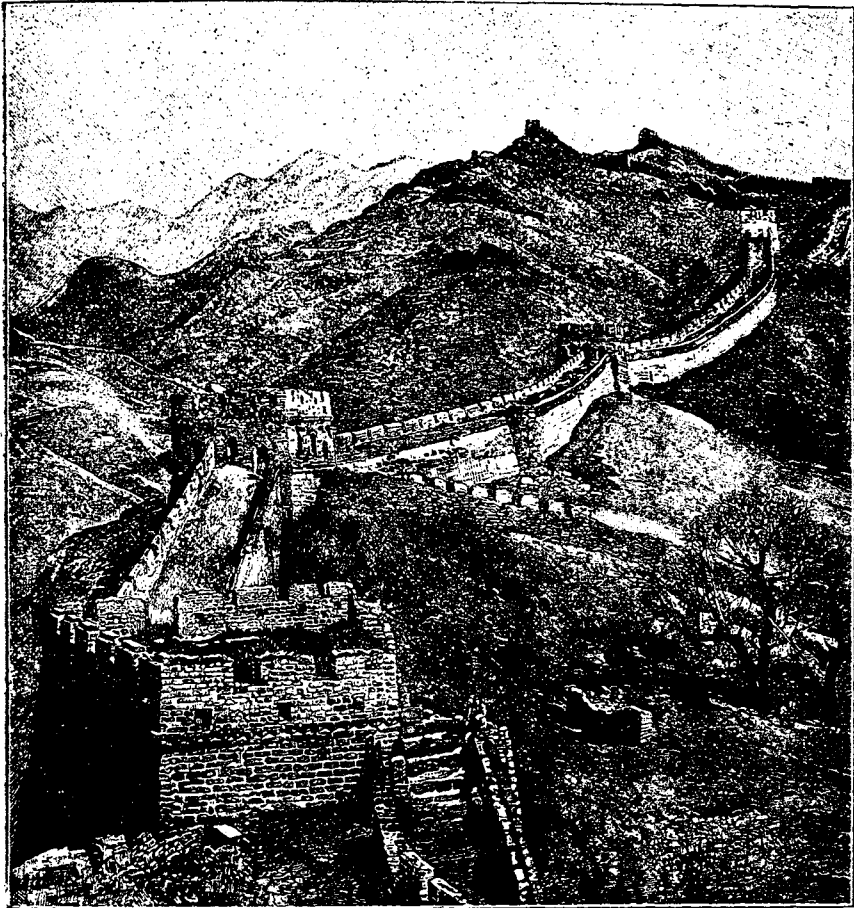
Стѣна эта тянется непрерывно по гребню главнаго хребта, спускаясь въ
поперечныя ущелья и запирая ихъ укрѣпленіями. Она протянулась на громадное
протяженіе около пяти тысячъ верстъ и съ одной стороны уходитъ въ глубь Манч-
журіи, а съ другой—идетъ поперекъ почти всей Монголіи черезъ верхнее теченіе
Желтой рѣки и, какъ говорятъ, доходитъ до крѣпости Цзя-юй-гуань въ про-
винціи Гань-су. Сколько милліоновъ рукъ работало надъ этимъ гигантскимъ и
въ сущности совершенно бесполезнымъ сооруженіемъ! Сколько народныхъ силъ
потрачено даромъ! Изъ исторій извѣстно, что эта стѣна воздвигнута за два
слишкомъ вѣка до Р. Хр. китайскими владыками, для охраны государства отъ
вторженія дикихъ монгольскихъ варваровъ со стороны Средней Азіи. Но въ той
же самой исторіи мы находимъ свѣдѣнія, что періодическіе напоры этихъ вар-
варовъ никогда не разбивались объ эту искусственную преграду.

Однако Великая стѣна представляетъ собою грандіозное сооруженіе
далеко не вездѣ. Здѣсь она строилась на глазахъ самого богдыхана и его бли-
жайшихъ совѣтниковъ, но въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ Пекина, какъ, напр.,
около Али-Шаня, гдѣ видѣлъ ее впоследствии Николай Михайловичъ, она пред-
ставляетъ собою не болѣе, какъ разрушенный временемъ глиняный валъ, сажени
въ три высоту.

Въ Калганѣ путешественники наши провели пять дней, пользуясь госте-
примствомъ живущихъ тамъ русскихъ чаоторговцевъ.

Вообще въ Калганѣ, не смотря на то, что это настоящій китайскій городъ,
не особенно рѣдко еще можно было услышать родную рѣчь, не только отъ со-
отечественниковъ, но даже и китайцевъ. Здѣсь, какъ и въ другихъ главныхъ

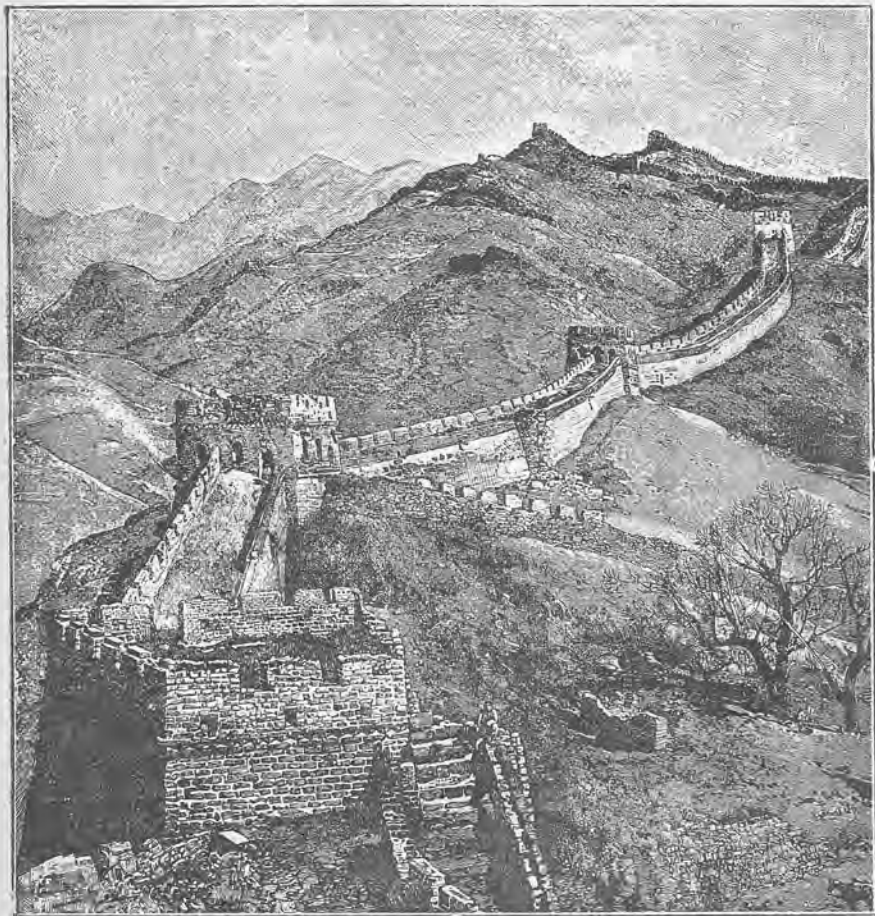
центрах чайной торговли, какъ, напр., въ Тянь-дзинѣ, существуетъ не мало китайскихъ комиссіонеровъ, такъ называемыхъ компраторовъ, при посредствѣ которыхъ купцы ведутъ свои торговыя сдѣлки и которые, по большей части, самымъ беззащитнымъ образомъ обкрадываютъ своихъ довѣрителей. Эти компраторы, состоя по нѣсколько лѣтъ на службѣ у русскихъ коммерсантовъ, выучи-

Великая китайская стѣна.

ваются говорить по русски, хотя и коверкаютъ фразы самымъ немилосерднымъ образомъ.

«Шибко твоя мастеръ стрѣляй еси», говоритъ одинъ изъ такихъ лингвистовъ, видя, какъ Николай Михайловичъ убивалъ на лету голубей. «Твоя кушешъ буду не буду?»—спрашивалъ тотъ же китаецъ, потчужа Пржевальскаго. Въ другой разъ Николаю Михайловичу пришлось выслушать лестную похвалу

Великая китайская стѣна.

своему отечеству изъ усть китайца на подобномъ же языкѣ: *«Твоя люди все равно Пэ-лингъ (англичанинъ), Фагуа (французъ) нѣту; твоя люди, наши люди сами *)*, хороши еси; *Пэ-лингъ, Фа-гуа худо еси*», т. е. русскіе нисколько и не похожи ни на англичанъ, ни на французовъ, но все равно, какъ китайцы, хороши.

Подобныхъ компродоровъ путешественникамъ нашимъ пришлось встрѣчать еще и въ Ургѣ. Про одного изъ нихъ тамъ шла молва, что онъ прежде занимался подѣлкою русскихъ ассигнацій. Когда Николай Михайловичъ сталъ его спрашивать, занимается ли онъ и теперь такимъ дѣломъ, то тотъ отвѣчалъ: *«какъ можно? теперь твоя бумажка худоси; пиши-пиши (т. е. печатный текстъ на ассигнаціи) мало, мало наши люди дѣлай можно, а лицо (т. е. портретъ) шибко мудрено еси*». Кстати сказать, по словамъ Пржевальскаго, фальшивыя русскія бумажки не рѣдкость въ Ургѣ и Кяхтѣ и притомъ весьма аляповато сдѣланныя; онъ видѣлъ такія ассигнаціи, на которыхъ портретъ былъ нарисованъ прямо отъ руки.

Верблюды у монголовъ наняты были только до Калгана и потому здѣсь пришлось формировать новый караванъ до Пекина. При содѣйствіи земляковъ, это было не трудно и все дѣло вскорѣ было улажено. До Пекина оставалось всего 210 в., которыя обыкновенно проѣзжаютъ въ четверо сутокъ. Дорога здѣсь идетъ по мѣстности, густо населенной и хорошо обработанной, гдѣ часто встрѣчаются города, обыкновенно обнесенные высокими кирпичными или глиняными зубчатыми стѣнами, внутри грязные почти также, какъ и вышеописанная Урга. Въ противоположность городамъ, деревни имѣютъ опрятный видъ и совершенно тонуть въ зелени. Дорога сильно оживлена: по ней беспрестанно тянутся вереницы ословъ, муловъ съ вьюками каменнаго угля, телѣги, пѣшеходные носильщики и, наконецъ, оригинальные, на европейскій взглядъ, собиратели помета, который здѣсь очень цѣнится**) и употребляется или какъ удобреніе, или какъ топливо.

На ночлегъ останавливались въ гостиницахъ, куда путешественники наши попадали, впрочемъ, не безъ труда. Здѣсь пришлось уже имъ познакомиться съ враждебнымъ отношеніемъ китайцевъ ко всѣмъ иностранцамъ, т. е. въ сущности къ европейцамъ, которыхъ во всемъ Китаѣ называютъ не иначе, какъ *«янь-гуйза»*, что въ переводѣ означаетъ «заморскій чертъ».

Для янь-гуйзы входъ въ хорошія гостиницы весьма затруднителенъ, почти не возможенъ, и ихъ везутъ обыкновенно въ самыя плохіе постоянныя дворы, да и то пускаютъ съ трудомъ, не смотря на то, что берутъ тройную, а иногда и десятирную плату. Иногда же случалось такъ, что и совсѣмъ нигдѣ не хотѣли

*) „Одали“ на нарѣчій забайкальцевъ означаетъ „все равно“.

**) Николай Михайловичъ рассказываетъ, что въ Китаѣ, какъ въ деревняхъ и на дорогахъ, такъ и по улицамъ городовъ, можно встрѣтить множество такихъ собирателей, взрослыхъ мужчинъ и женщинъ, которые съ утра до вечера бродятъ съ корзиною на лѣвой рукѣ и съ лопаткою въ правой и собираютъ всякія нечистоты.

пускать на почлегъ, какъ это было, напр., въ городѣ *Ши-чань*, гдѣ Пржевальскій проѣздилъ болѣе часа отъ одного постоялаго двора къ другому и былъ радъ рѣдохонекъ, когда удалось, наконецъ, пристроиться на вочлегъ въ грязной и холодной фанзѣ, заплативъ сумасшедшую цѣну.

Много неудобствъ нашимъ путешественникамъ доставляло еще незнаніе китайскаго языка, когда приходилось останавливаться на ставціяхъ, и въ особенности спрашивать себѣ чего-нибудь съѣстнаго. Николай Михайловичъ, правда, принялъ въ этомъ отношеніи нѣкоторыя мѣры; именно, будучи въ Калганѣ, записалъ со словъ своихъ земляковъ китайскія названія нѣкоторыхъ кушаній, и это меню они постоянно имѣли до самаго Пекина.

Кстати сказать, китайская кухня, въ которой кунжутное масло *) и чеснокъ играютъ первую роль, не особенно пришлась ему по вкусу, и всѣ кушанья, которыя ему подавали въ гостинницахъ, казались ему отвратительными, въ особенности послѣ того, какъ онъ, со свойственной ему наблюдательностью, постигъ, насколько сами китайцы неразборчивы въ пищѣ.

«...Мы видѣли, рассказываетъ онъ, какъ китайскіе мясники купили верблюда большого чесоткою настолько, что все тѣло его было покрыто язвами, зарѣзали его и тутъ же начали продавать это мясо. Дохлая скотина обыкновенно съдается и, конечно, прибавляетъ онъ, ослы, продаваемые въ мясныхъ лавкахъ, поцали сюда не насильственной смертью, такъ какъ китаецъ, при своей сжаредности, ни за что не согласится убить на мясо выючнаго животнаго, если оно хоть сколько-нибудь еще способно къ работѣ... Теперь можно себѣ представить, съ какимъ аппетитомъ кушаетъ европеецъ предлагаемая ему въ китайскихъ гостинницахъ блюда, зная всю неразборчивость гастрономическаго вкуса своихъ хозяевъ!»

Отъ Калгана къ Пекину дорога идетъ сначала по равнинѣ верстѣ 40, затѣмъ переваливаетъ черезъ поперечный хребетъ Намъ-ху, составляющій ограду второго уступа, которымъ Среднеазиатское нагорье спускается къ китайскимъ низменнымъ равнинамъ.

По гребню Намъ-ху проходятъ вторая, такъ называемая Внутренняя Великая Стѣна, сдѣланная гораздо выше и прочнѣе первой, находящейся у Калгана; здѣсь она имѣетъ сажень шесть вышины и около четырехъ—толщины. Сложена она изъ большихъ гранитныхъ плитъ, а наверху убрана кирпичными зубцами и на нѣкоторыхъ промежуткахъ здѣсь также устроены башни. «Сильное впечатлѣніе, говоритъ Пржевальскій, производятъ на первый взглядъ эти гигантскія стѣны!.. Желѣзная дорога черезъ весь материкъ Сѣверной Америки, не болѣе, какъ игрушка передъ этою громадою, притомъ нужно видѣть мѣстность, по которой проходятъ эти стѣны, страшную крутизну горъ, утесы и пропасти, чтобы вполне оцѣнить громадность постройки». Сверхъ того, за главною стѣною, къ сторонѣ Пекина, выстроено еще три добавочныхъ стѣны, которыя лежатъ на разстояніи трехъ —

*) Китайцы совсѣмъ не употребляютъ коровьяго масла и не ѣдятъ также молока, а поэтому и не держатъ рогатаго скота.

четыре версты одна от другой и концами своими примыкают къ главной постройкѣ. Всѣ эти стѣны запираютъ ущелье Гуань-гоу парными воротами, а въ послѣдней, къ сторонѣ Пекина, ихъ устроено трое, и здѣсь-же валяются двѣ старинныя чугунныя пушки, сдѣланныя, какъ говорятъ, для витайцевъ іезуитами.

Сейчасъ-же за стѣнами ущелье Гуань-гоу сильно расширяется и хотя все еще носитъ дикій характеръ, но въ то же время представляетъ очаровательный видъ. Горныя ручьи съ шумомъ, образуя безчисленные водопады и небольшіе каскады, гремятъ здѣсь по камнямъ, а подъ нависшими скалами всюду виднѣются китайскія фанзы, живописно увитыя виноградомъ и окруженныя небольшими фруктовыми садами.

Отъ г. Нань-кэу остается только одинъ дневной переходъ до Пекина, т. е. версты 50. Здѣсь оканчивается уже спускъ съ нагорья и далѣе начинается совершенная равнина, очень мало (120—150 ф.) приподнятая надъ уровнемъ моря. Почва этой равнины, хотя состоитъ изъ глины и песку, но вездѣ превосходно обработана. Деревни встрѣчаются на каждомъ шагу; многочисленныя рощи кипариса, древеснаго можжевельника, сосны, тополя и другихъ деревьевъ, засаженныя преимущественно на мѣстахъ кладбищъ, придаютъ большое разнообразіе и красоту равнинному ландшафту. Климатическая равнина съ только что оставленнымъ монгольскимъ нагорьемъ, здѣсь сдѣлалась особенно замѣтной: не смотря на то, что былъ періодъ рождественскихъ и крещенскихъ морозовъ, здѣсь термометръ въ полдень постоянно подымался выше 0°. О снѣговомъ покровѣ нѣтъ и помину; хотя снѣгъ изрѣдка и выпадаетъ по ночамъ, но съ восходомъ солнца очень быстро стаетъ; вездѣ встрѣчаются зимующія птицы: дрозды, грачи, дрофы, утки и др.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Въ Пекинѣ. Сборы въ экспедицію.

Пекинъ.—Первое неблагопріятное впечатлѣніе.—Нищія.—Дороговизна жизни.—Невозможность воспользоваться полезными совѣтами относительно предстоящаго путешествія.—Снаряженіе собственнаго каравана.—Недостатокъ средствъ.—Помощь, оказанная посланникомъ Влангали.—Запасъ оружія и боевыхъ припасовъ.—Скудость прочихъ припасовъ.—Китайскія деньги.

Съ приближеніемъ къ сѣверной столицѣ Небесной Имперіи, густота населенія увеличивается все болѣе и болѣе и, наконецъ, многочисленныя деревни совершенно сливаются между собою и образуютъ сплошное населенное мѣсто, являющееся предмѣстьемъ Пекина, такъ что путешественники наши совершенно незамѣтно приближались къ пекинской стѣнѣ и 2 января 1871 г. вступили въ знаменитую столицу Востока, гдѣ помѣстились въ русскомъ посольствѣ, на квартирѣ, обязательно приготовленной для нихъ генераломъ Влангали.

Пекинъ съ перваго-же раза произвелъ на Николая Михайловича непріятное впечатлѣніе.

«Я еще мало познакомился съ самымъ городомъ, писалъ онъ Тихменеву*), но уже и первыхъ впечатлѣній достаточно, чтобы сказать, что это невообразимая мерзость. Тѣже самыя фанзы, что и на Уссури, развѣ только побольше объемомъ и числомъ. Грязь и вонь—невообразимыя, такъ какъ жители обыкновенно льютъ всѣ помои на улицу и, сверхъ того, здѣсь постоянно можно видѣть, идя по улицѣ, сидящихъ «орломъ», то справа, то слѣва».

«Прибавьте ко всему этому, что здѣшніе китайцы въ десятеро хуже нашихъ амурскихъ. Тамъ, по крайней мѣрѣ, они держатся въ остраскѣ, а здѣсь всѣхъ европейцевъ, въ глаза и за глаза, называютъ не иначе, какъ *чертъ*, такъ что, проходя по улицѣ, обыкновенно слышишь громкія привѣтствія такого рода»...

«Иначе, какъ съ нагайкой, прибавляетъ онъ въ письмѣ къ своей матери, ходить здѣсь невозможно; только симъ російскимъ орудіемъ можно вразумить черезъ-чуръ навязчивыхъ нахаловъ, въ особенности нищихъ, которые всѣ ходятъ по здѣшнимъ улицамъ совершенно голые»...

Николай Михайловичъ сообщаетъ, что число нищихъ въ Пекинѣ простирается до 40,000 чел. и что они будто-бы, подобно тому, какъ это поэтически описано въ романѣ Виктора Гюго «Соборъ Парижской Богоматери», относительно Парижа его времени, имѣютъ тамъ нѣкоторую правильную организацію и выбираютъ себѣ главнаго начальника—«короля», который пользуется не малымъ значеніемъ и облагаютъ извѣстными поборами всѣ лавки въ городѣ.

«По моему мнѣнію, прибавляетъ Пржевальскій въ другомъ своемъ письмѣ**), только одни ружья и пушки европейцевъ могутъ здѣсь сдѣлать какое-либо дѣло. Миссіонерская проповѣдь, на которую такъ уповаютъ въ Европѣ—глазъ вопіющаго въ пустынѣ. Китайцы открыто смѣются надъ всеми поученіями миссіонеровъ, которые, чтобы пустить пыль въ глаза Европѣ, устраиваютъ здѣсь школы, но не упоминаютъ въ своихъ отчетахъ, что учениковъ они нанимаютъ, т. е. платятъ каждому деньги, за то чтобы они приходили въ училище, такъ что китайцы, видя въ этомъ барышъ, гоняютъ своихъ дѣтей въ школу, какъ на рынокъ».

Со всеми достопримѣчательностями столицы Николаю Михайловичу не удалось ознакомиться во всѣхъ подробностяхъ, вслѣдствіе необыкновенной обширности города, незнанія языка, а главное, по причинѣ ненависти китайцевъ, которую они проявляютъ къ каждому иностранцу.

Наружная обстановка города вѣсьма невзрачна: глиняныя стѣны, за которыми помѣщаются жилища фанзы, ряды лавокъ, разукрашенныхъ различнымъ образомъ—вотъ и все, что бросается въ глаза проходящему по улицамъ. Последнія

*) 4 января 1871 г.

**) Къ В. А. Вѣльцову, 24 января 1871 г.

здѣсь до крайности грязны и пыльны, если они когда и поливаются, то обыкновенно из помойныхъ ямъ, куда стекаютъ всякія нечистоты. Освѣщеніе города производится бумажными фонарями, которые поставлены на деревянныхъ треножникахъ, въ разстояніи нѣсколькихъ сотъ шаговъ одинъ отъ другого. Въ этихъ фонаряхъ изрѣдка зажигаются салныя свѣчи. Впрочемъ, поясняетъ Николай Михайловичъ, въ ночномъ освѣщеніи здѣсь нѣтъ особенной надобности, такъ какъ китайцы обыкновенно оканчиваютъ всѣ свои уличныя дѣла къ закату солнца, такъ что, съ наступленіемъ сумерокъ, почти никого не видно, даже въ самыхъ многолюдныхъ частяхъ города.

Весь Пекинъ состоитъ изъ двухъ частей: Внутренняго города Нэй-ченъ, гдѣ находится императорскій дворецъ и Внѣшняго — Вай-ченъ, который по величинѣ гораздо менѣе перваго. Обѣ эти части, впрочемъ, не лежатъ одинъ внутри другого, какъ можно было-бы предположить, судя по названіямъ, но расположены рядомъ. Богдыханскій дворецъ лежитъ по срединѣ Нэй-чена и составляетъ какъ-бы особый городъ Хуанъ-ченъ. Всѣ эти части обнесены глиняными зубчатыми стѣнами, вышиною около 30 ф. и толщиною около 60 ф. 0 размѣрахъ города можно судить по тому, что стѣна, окружающая, напр., Внутренній городъ, выѣтъ болѣе 20, а весь Пекинъ—около 30 верстъ въ окружности! Въ стѣнахъ этихъ устроены башни и ворота, которыя запираются на ночь.

«Дороговизна на все невообразимая, писалъ Николай Михайловичъ *), по крайней мѣрѣ для европейцевъ. Такимъ образомъ я плачу за самый скудный обѣдъ для себя и для Пыльцова 80 рублей въ мѣсяцъ на наши деньги. Такъ пропорціонально и во всемъ... Если на Амурѣ рубль—мелкая монета, то здѣсь такая-же долларъ. Вотъ и представьте, какъ можно путешествовать на тѣ 2,000 р. которые мнѣ ассигнованы!»

«Разсказъ Сѣверцова о дешевизнѣ въ Китаѣ, писалъ Пржевальскій черезъ два года **) послѣ этого, когда онъ былъ уже, какъ мы увидимъ дальше, сильно умудренъ опытомъ: «—чистѣйшій вздоръ. Для европейца все невообразимо дорого, тѣмъ болѣе при путешествіи, гдѣ все населеніе смотритъ на путешественника, какъ на врага. Если-бы въ Китаѣ было дешево жить, хотя-бы даже въ Пекинѣ и въ приморскихъ портахъ, то зачѣмъ чиновникамъ всѣхъ европейскихъ государствъ платили-бы здѣсь такое огромное жалованье? Вѣдь въ Пекинѣ простой смотритель пакгаузовъ таможни получаетъ шесть тысячъ жалованья въ годъ звонкою монетою. Ученикъ-мальчишка беретъ 2,000 долларовъ; инспекторъ получаетъ 60,000 долларовъ. Въ нашемъ посольствѣ, гдѣ жалованье самое маленькое, и то студентъ, который только учится китайскому языку, получаетъ 1,500 серебряныхъ рублей въ годъ. Поваръ и лакей у нашего посланника Влангали получаетъ каждый по 40 серебряныхъ рублей въ мѣсяцъ на весь готовомъ содержаніи».

*) Письмо къ Вѣльцову, см. раньше.

**) Въ письмѣ къ Фатѣеву, 25 декабря 1873 г.

Не смотря на то, что въ Пекинѣ Николай Михайловичъ нашелъ самое радушное гостепріимство со стороны своихъ соотечественниковъ—членовъ посольства и духовной миссіи, а также перенакомился со многими членами другихъ иностранныхъ посольствъ, снаряженіе въ предстоящій путь было чрезвычайно затруднительно. Пользоваться чьими-нибудь совѣтами можно было только въ самыхъ общихъ чертахъ, такъ какъ никто изъ европейцевъ, бывшихъ въ то время въ Пекинѣ, ни разу не имѣлъ случая переступить за Великую Стѣну въ западномъ направленіи, куда именно и лежалъ путь Николая Михайловича. Что-же касается Ордоса, Куку-Нора, Тибета, то туда еще ни разу не проникалъ ни одинъ изслѣдователь, какъ это было уже раньше указано.

Въ виду этого, Пржевальскому приходилось самому, безъ всякой посторонней помощи, собираться въ путешествіе, угадывать, такъ сказать, чутьемъ всю предстоящую обстановку экспедиціи и самый способъ путешествія. Что-же касается собственного опыта, то онъ былъ пока очень ограниченъ. Хотя уссурійская экспедиція, по его собственному выраженію, послужила ему «школой путешествія», но тамъ обстановка была въ значительной степени иная, чѣмъ здѣсь, какъ по характеру природы мѣстности, такъ и по составу населенія, и наконецъ по политическому положенію самихъ путешественниковъ. На Уссури Николай Михайловичъ былъ въ своей странѣ лицомъ, посланнымъ отъ правительства, а здѣсь... янбугуйза, какъ его считаетъ своимъ долгомъ выругать прямо въ глаза всякій обыватель...

Однако Николай Михайловичъ успѣлъ уже отчасти поприглядѣться и къ новой обстановкѣ. Зимній переѣздъ отъ Кяхты до Пекина показали уже ему съ ясностью, что путешествіе по Китаю можетъ быть успѣшнымъ только при полной независимости путешественника отъ мѣстнаго населенія, враждебно относящагося ко всякой попыткѣ европейцевъ проникнуть въ ихъ страну: необходимо имѣть своихъ собственныхъ вьючныхъ животныхъ, опредѣленныхъ спутниковъ, а по большей части также и готовые запасы провіанта, такъ какъ наемныя животныя и караванная прислуга—въ высшей степени ненадежны и при такомъ образѣ путешествія можно во всякое время очутиться, какъ говорится, «на бобахъ» и не имѣть возможности двинуться дальше, тѣмъ болѣе, что путешествіе предпринималось не для удовольствія, а съ научною цѣлью и имѣлось въ виду собирать по возможности полныя коллекціи, которыя составляютъ грузъ весьма громоздкій, хотя и драгоценный.

При томъ-же, видъ съ наемными верблюдами и погонщиками, Николай Михайловичъ былъ-бы сильно стѣсненъ въ своихъ движеніяхъ. Онъ хорошо помнилъ, какой ропотъ подняли ургинскіе монголы, во время предыдущаго перехода до Калгана, когда онъ со своимъ товарищемъ вздумалъ достать для своей коллекціи дзерена: раздраженные неизбежнымъ при этомъ случаѣ замедленіемъ пути, они утѣшились только тѣмъ, что получили себѣ на ужинъ мясо убитаго животнаго, послѣ удачной охоты.

Теперь въ Пекинѣ Пржевальскій напрасно искалъ монгола или китайца, который согласился-бы сопутствовать ему въ предстоящемъ странствованіи. Большая денежная плата, обѣщаніе награды въ случаѣ удачнаго исхода предпріятія и другія приманки въ этомъ-же родѣ не могли побѣдить трусости и подозрительности этихъ людей. Соблазнившись большою платою, многіе соглашались на предлагаемыя условія, но потомъ снова отказывались отъ своего обѣщанія.

Оставалось одно: купить верблюдовъ и снарядить собственный караванъ. Пржевальскій такъ и сдѣлалъ.

Онъ приобрѣлъ семь вьючныхъ верблюдовъ и двухъ верховыхъ лошадей, а для присмотра за этими животными и для другихъ вспомогательныхъ работъ по экспедиціи рѣшилъ взять двухъ казаковъ.

Багажа набралось очень много. Однѣ принадлежности для собиранія коллекцій, т. е. для препарированія чучелъ (шакля, гипсъ, квасцы и т. п.) и сушенія растений (пресовальныя доски, пропускная бумага), заняли такъ много мѣста, что едва умѣстились въ четырехъ большихъ ящикахъ, которые взяты были съ тѣмъ расчетомъ, чтобы, по мѣрѣ израсходованія заключенныхъ въ нихъ матеріаловъ, помѣщать туда уже готовые препараты.

Затѣмъ, весьма важную часть груза составляло оружіе и боевые припасы, которые вѣсили очень много, но это была статья самой первой важности по многимъ причинамъ. Прежде всего, путь предстоялъ въ страну, объятую возстаніемъ и наполненную шайками разбойниковъ, гдѣ охраненіе своей личной безопасности должно возлагаться исключительно на свои собственные силы и свое оружіе. Помимо этого, охота являлась средствомъ собиранія зоологическихъ коллекцій, а виѣстѣ съ тѣмъ должна была послужить и главнымъ источникомъ пропитанія всего экспедиціоннаго отряда. Что снискивать себѣ пропитаніе придется собственными средствами, можно было предполагать потому, что путь предстоялъ въ земли, опустошенныя дунганами, гдѣ, какъ передавали Николаю Михайловичу въ Пекинѣ, цѣлыя области обезлюдѣли; но даже и въ тѣхъ мѣстахъ, которыхъ не коснулось раззореніе, путешественники наши могли предполагать, на основанія того, что они видѣли до сихъ поръ, что населеніе будетъ всячески притѣснять ихъ въ полученіи съѣстныхъ припасовъ. Наконецъ, о закупкѣ продовольствія въ достаточномъ количествѣ не могло быть и рѣчи уже по одному тому, что для этого не было денегъ...

Дѣйствительно, средства, ассигнованныя на экспедицію, которая раньше казались Николаю Михайловичу чуть не обильными, оказались совсѣмъ недостаточными, въ виду крайней дороговизны всего, что приходилось покупать для снаряженія въ путешествіе и самаго содержанья.

Собираясь въ концѣ февраля выступить изъ Пекина, Пржевальскій увидѣлъ себя почти въ безвыходномъ положеніи.

Первоначальные сборы по снаряженію каравана обошлись ему больше чѣмъ въ 1,000 руб., на путь изъ Петербурга до Пекина уже раньше израсходовано

было 1,500 р. *). А теперь еще необходимо было платить ежемесячно переводчику и погонщикам—казакамъ по 15—25 рублей, не считая ихъ содержанія, между тѣмъ, даже и тѣ деньги, которыя были ассигнованы, не были въ его распоряженіи полностью и должны были высылаться въ Пекинъ по полугодіямъ, тогда какъ Николай Михайловичъ рассчитывалъ теперь вернуться въ Пекинъ не ранѣе, какъ черезъ годъ.

Разсчитавъ свои средства, онъ ясно увидѣлъ, что такимъ образомъ не возможно пускаться въ далекое путешествіе и съ горечью въ сердцѣ рѣшилъ было совсѣмъ не идти весною, а подождать присылки денегъ за слѣдующее полугодіе, но здѣсь къ нему на помощь пришелъ генералъ Влангали, который выдалъ ему заимообразно изъ посольскихъ суммъ 1,900 р. въ счетъ будущихъ ассигновокъ. Въ то-же время Николай Михайловичъ рѣшилъ не жалѣть своихъ собственныхъ средствъ и просилъ въ письмѣ Тихменева продать его акціи и выслать деньги въ Пекинъ.

«Со временемъ, писалъ онъ, я буду просить о прибавкѣ мнѣ содержанія; теперь-же не хочу этого дѣлать: подумаютъ, что собираю барыши».

Помощь, оказанная Влангали, дала возможность обставить экспедицію нѣсколько лучше, чѣмъ прежде. Онъ прикупилъ еще 4 верблюдовъ и разнаго оружія**), 100 фунтовъ пороху, 10 пудовъ дрови и т. д.

«Мы снаряжены такъ, писалъ онъ по этому случаю Фатѣеву, какъ, вѣроятно, не былъ вооруженъ и самъ Ермакъ Тимофѣевичъ, отправляясь на покореніе Сибири.

«На дняхъ дѣлалъ примѣрное отбитіе нападенія и въ четверомъ (я, Пыльцовъ и два казака): мы дали въ четыре минуты 67 выстрѣловъ. Мисени были избиты пулями. Да, такая остратка—самый лучший паспортъ въ здѣшнихъ странахъ. Вѣрьте честному слову, что вчетверомъ мы можемъ, съ нашимъ оружіемъ, разбить 500 и болѣе китайцевъ или монголовъ. Да, право, можно нѣсколькими залпами прогнать и тысячу этихъ храбрецовъ. Не шута, мы можемъ, гдѣ-нибудь на Куку-Норѣ, повторить на дѣлѣ сказаніе о древнихъ богатыряхъ, побивавшихъ въ одиночествѣ дѣлныя сотни враговъ»...***).

Нравственной поддержки Николай Михайловичъ почти не нашелъ въ Пекинѣ. Все пугали его дунгавами, пустынею, страшными жарами и т. п.

«Я уповаю, говорилъ онъ въ отвѣтъ, на свое здоровье, на свой штуцеръ и на поговорку: «не такъ страшенъ чертъ, какъ его малюютъ».

Въ видахъ предосторожности, однакоже, онъ пакупалъ рублей на 300 различныхъ мелочныхъ товаровъ и рассчитывалъ разыгрывать роль купца. Однако впоследствии оказалось, что торговля, не скрывая въ достаточной степени истины—

*) А между тѣмъ прогоны отпущены были ему изъ казны всего въ количествѣ 515 р.

**) Узнавъ случайно, что одинъ иностранецъ продаетъ оружіе, Николай Михайловичъ купилъ у него 15 револьверовъ и 10 ружей, въ числѣ которыхъ были штуцеръ Бердама, Генри-Мартини, стрѣляющій 17 разъ и штуцеръ Спенсера—съ 7 выстрѣлами.

***) 4 марта 1871 г. изъ Калгана.

ной цѣли путешествія, сильно мѣшала научнымъ занятіямъ. Но практическіе результаты, какъ мы увидимъ дальше, торговля эта принесла.

Собственно, продовольственный запасъ состоялъ изъ ящика коньяку, пуда сахару и двухъ мѣшковъ съ просомъ и рисомъ. Остальное все надѣялись добывать ружьемъ.

Скудость матеріальныхъ средствъ, которыя были въ распоряженіи Пржевальскаго, не мало тормазили успѣхи его изслѣдованій. Такъ, напр., изъ экономіи онъ не могъ взять съ собою болѣе двухъ казаковъ, платя каждому изъ нихъ по 200 р. въ годъ и поэтому, какъ будетъ видно дальше, принужденъ былъ, вмѣстѣ со своимъ товарищемъ Пыльцовымъ, самъ исполнять всевозможныя работы, напр., выючить верблюдовъ, собирать топливо и т. п., и это время, конечно, пропадало бесполезно для научныхъ занятій. По той-же скудости денежныхъ средствъ, онъ не могъ взять спеціального переводчика, и эту роль у него исполнялъ одинъ изъ казаковъ, который былъ въ тоже время и пастухъ, и погонщикъ верблюдовъ, и поварь, и прачка — словомъ, дѣлалъ все, что приходилось, и вслѣдствіе этого, конечно, не могъ, какъ слѣдуетъ, удовлетворять своему прямому назначенію, хотя роль его и была въ экспедиціи весьма важна.

Наконецъ, нищенство нашихъ путешественниковъ было причиною того, что не разъ имъ приходилось голодать, если не удавалось промыслить чего-нибудь на охотѣ, такъ какъ заплатить двойную цѣну за барана, которую спрашивали обыкновенно съ нихъ жители, они были не въ состояніи.

Вообще содержаніе въ путешествіи по Китаю оказалось весьма дорогимъ. Кромѣ того, что за все приходилось платить небывалыя цѣны, еще очень много уходило на потерю при промѣнѣ на китайскія деньги, а также и на безсовѣстное обчитываніе.

Бумажныхъ денегъ, китайцы совсѣмъ не принимаютъ, золото берутъ также съ неохотой, но серебряныя русскіе рубли не встрѣчаютъ препятствія при обмѣнѣ, при чемъ обыкновенно считаютъ по 2 рубля за 1 ланъ. Чеканной монеты въ Китаѣ совсѣмъ нѣтъ, за исключеніемъ самой мелкой, называемой «чохъ». Монетка эта очень низкаго достоинства и чеканится изъ сплава чугуна съ цинкомъ. Что-же касается серебра, то оно вездѣ принимается по вѣсу, при чемъ обращается вниманіе и на качество. Единицей вѣса служить *ланъ* — около 8,7 золотника, такъ что среднимъ числомъ ихъ идетъ 11 штукъ на 1 русскій фунтъ. Изъ серебра отливаются значительной величины слитки, равныя 15 ланамъ и это составляетъ *ямбъ*, на которомъ выбивается казенное клеймо или клеймо какой-нибудь солидной торговой фирмы, отливающей слитки. Денежныя единицы меньшія лана: *цянъ* — $\frac{1}{10}$ доля лана и *фынъ* — $\frac{1}{100}$ лана.

Но въ торговлѣ приемъ и уплата серебра производится всегда на вѣсъ и для розничнаго обихода обыкновенно разрубаютъ ямбы или какіе-либо другіе серебряныя слитки на болѣе мелкіе куски различной величины. Отвѣшиваніе серебра китайцы производятъ на небольшихъ ручныхъ вѣсахъ, въ родѣ русскаго

бездѣна. Костяное коромысло этихъ вѣсовъ не рѣдко внутри высверливается и туда впускается нѣсколько капель ртути, а затѣмъ отверстіе тщательно задѣлывается. Переводя незамѣтнымъ движеніемъ ртути въ передній конецъ при отпускѣ серебра, а при полученіи угодя ея въ заднюю часть, китаецъ очень ловко дѣйствуетъ въ свою пользу. При этомъ качество серебра бываетъ весьма различно и не рѣдко внутри слитковъ заключены кусочки желѣза или налитъ свинецъ. Впослѣдствіи уже, искрестивъ по всѣмъ направленіямъ Центральную Азію и сильно умудренный опытомъ, Николай Михайловичъ вывелъ общее заключеніе, что даже при самой тщательной осмотрительности при всѣхъ денежныхъ расчетахъ у путешественника не менѣе 5% уйдетъ на обвѣшивание и на другія плутни китаецевъ.

Между тѣмъ, обращаться къ мѣняламъ по необходимости приходится часто, такъ какъ всѣ мелкія расплаты производятся не иначе, какъ чо хами, а запастись послѣдними въ достаточномъ количествѣ сразу, гдѣ-нибудь въ болѣ крупномъ центрѣ не возможно потому, что при своей малодѣности монеты эти весьма тяжелы; на 1 рубль чоховъ приходится среднимъ числомъ около 8 ф. Если размѣнять на чохи 100 р., то получается грузъ въ 20 пудовъ; для перевозки этой тяжести потребуется три верблюда, которые сами стоятъ по крайней мѣрѣ 240 р. Понятное дѣло, что запастись такими деньгами въ большомъ количествѣ не расчетливо и по необходимости приходится постоянно мѣнять по мелочамъ.

Затрудненія во всякаго рода денежныхъ расчетахъ сильно увеличиваются еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Китаѣ не только каждый почти городъ, но не рѣдко даже небольшія мѣстечки считаютъ деньги по различному курсу. Пржевальскій приводитъ слѣдующій поразительный примѣръ: Въ Пекинѣ—на ланъ серебра даютъ 1,500 чохъ, въ Долонъ-Норѣ—1,600, въ Калганѣ—1,800, въ Даджинѣ (провинц. Гань-су)—2,900, а въ Довкырѣ (въ той-же провинціи)—5,000! Курсъ мѣнялся иногда довольно значительно, чуть не съ каждымъ десяткомъ верстъ. Правда, Николай Михайловичъ объясняетъ необыкновенно высокій курсъ серебра въ двухъ послѣднихъ пунктахъ временными причинами—всѣобщимъ вздорожаніемъ предметовъ въ этихъ мѣстахъ послѣ продолжительныхъ опустошеній дунганскихъ разбойниковъ, но тѣмъ не менѣе ему постоянно приходилось считаться съ подобными фактами и, конечно, разница шла всегда не въ его пользу.

«Словомъ, говорить Пржевальскій, нужно долго трудиться, чтобы выдумать подобную галыматью, которая можетъ существовать развѣ только въ Небесной Имперіи» *).

Если прибавить ко всему этому разницы мѣры и вѣса въ различныхъ мѣстностяхъ Китая, то можно себѣ представить, какимъ обманамъ и притѣсненіямъ подвергается путешественникъ даже при самыхъ ничтожныхъ покупкахъ.

*) Монголія и страна тавгутовъ, 63.

Наконецъ, окончено было снаряженіе каравана, а къ этому времени полученъ былъ и паспортъ отъ Китайскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Благодаря содѣйствію посланника, паспортъ этотъ былъ дѣйствителенъ для путешествія по всей Юго-Восточной Монголіи до провинціи Гань-су. Хотя мечтою Николая Михайловича было пробраться въ Тибетъ, до резиденціи Далай-Ламы, но въ то время земли къ западу отъ оз. Куку-нора и вся западная часть Монголіи были заняты магометанскими инсургентами и потому Китайское правительство затруднилось выдать паспортъ на посѣщеніе всѣхъ этихъ земель. Только по энергичному настоянію Влангали Пржевальскому разрѣшено было посѣтить Ордосъ и Ала-Шань.

Препятствіемъ къ немедленному отправленію въ путешествіе явилось еще то обстоятельство, что казакъ, прибывшій съ Николаемъ Михайловичемъ въ Пекинъ, точно также, какъ и другой, откомандированный въ его распоряженіе изъ посольскаго отряда, были только временными спутниками и должны были уступить свое мѣсто двумъ другимъ казакамъ, которые должны были прибыть изъ Кяхты. Въ виду этого Николай Михайловичъ рѣшилъ, прежде чѣмъ отправиться въ глубь Монголіи, заняться предварительнымъ изслѣдованіемъ въ сѣверо-восточной части Монголіи.

Исходнымъ пунктомъ путешествія назначенъ былъ городъ Калгань, куда и отправлена была часть багажа. Эта предварительная экспедиція рассчитана была на два мѣсяца, а затѣмъ предполагалось отправиться на цѣлый годъ въ далекия страны Юго-Западной Монголіи.

Средства, несмотря на поддержку Влангали, въ концѣ снаряженія окончательно истощились. «По возвращеніи въ Пекинъ послѣ перваго года путешествія, говорилъ Пржевальскій, я съ улыбкою слушалъ вопросъ одного изъ членовъ иностранныхъ посольствъ, который интересовался знать, какимъ образомъ мы перевозимъ съ собою въ экспедиціи большіе грузы серебра, такъ какъ золото совсѣмъ не ходитъ въ Монголіи. Чтобы подумалъ этотъ господинъ, съ горечью замѣчаетъ Николай Михайловичъ, еслибы онъ зналъ, что, *уходя изъ Пекина на цѣлый годъ, мы имѣли въ наличности только 230 ланъ, т. е. 460 р.*!»

И съ этими то ничтожными средствами онъ мечталъ пробраться къ Куку-нору и въ Тибетъ!

«Съ паспортомъ, который удалось выхлопотать, писалъ Влангали въ Имп. Русское Географическое Общество, Пржевальскому возможно будетъ объѣздить всю южную Монголію, чуть ли не до Тибета. Препятствіе, которое можетъ встрѣтиться въ этомъ случаѣ—это полудикія племена, обитающіе у Куку-нора; на нихъ вліяніе китайскаго правительства всегда было весьма слабое.»

Такимъ образомъ предпріятіе Пржевальскаго было не только рискованнымъ, но даже прямо опаснымъ...

«Попытаю счастья, писалъ онъ въ Географическое Общество, и если оно мнѣ улыбнется, то я надѣюсь въ срединѣ лѣта быть въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ еще не ступала нога европейца...»

«Я выхожу из Пекина, записал онъ въ своемъ дневникѣ, съ надеждою пробраться въ Куку-норъ, а можетъ быть далѣе. Сбудутся ли эти надежды? Куда заброситъ меня прихотливая судьба? Черезъ годъ или два я буду отвѣчать на эти вопросы, а теперь... они—загадка...»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Двухмѣсячная экспедиція къ озеру Далай-норъ.

Характеръ мѣстности и климата; вода въ озерахъ.—Городъ Долонъ-норъ.—Великолѣпный видъ травяного пожара.—Озеро Далай-норъ; весенній пролетъ птицъ.—Порядокъ хожденія и ночевки.—Огнюшеніе мѣстнаго населенія.—Съемка и мѣры для скрыванія ея производства отъ мѣстнаго населенія.

25-го февраля 1871 года Николай Михайловичъ со своимъ товарищемъ Пылдовымъ и съ двумя казаками выступилъ изъ Пекина, напутствуемый всею русскою колоніею съ горячими пожеланіями успѣха и пробѣжавъ черезъ Гу-бэй-коу, третій проходъ въ Великой Стѣнѣ, направились по направленію къ Манчжуріи.

«Какъ я неоднократно говорилъ г. Пржевальскому и его спутнику, писалъ Влапгали Литке, весь успѣхъ будетъ главнѣйше зависѣть отъ тѣхъ мѣръ, которыя она будутъ принимать при движеніяхъ своихъ въ мѣстностяхъ, обезпечиваемыхъ инсургентами. При хорошихъ жожакахъ, умѣнья не навлечъ на себя неудовольствіе населенія, наконецъ, при осторожности и неторопливости, я убѣжденъ, что путешественники наши далеко пройдутъ. Отъ китайскихъ властей едва ли они найдутъ что-либо другое, какъ покровительство. Последствія показали, какъ глубоко ошибался въ этомъ случаѣ посланникъ.

На второй день по выходѣ изъ Пекина вдали на горизонтѣ показались горы, составляющія наружную ограду Монгольскаго нагорья. Не смотря на то, что былъ февраль мѣсяцъ, въ Пекинской равнинѣ стояла уже настоящая весенняя погода; днемъ бывало даже жарко и термометръ въ тѣни показывалъ до 14°, и всѣ рѣки уже очистились ото льда. Но по мѣрѣ удаленія отъ низменной равнины и поднятія на высоту, климатъ дѣлался замѣтно суровѣе, такъ что на зарѣ бывали даже морозы около 15°.

Въ 2 мѣсяца Николай Михайловичъ со своимъ караваномъ сдѣлалъ около 1000 верстъ, пройдя до озера Далай-нора и оттуда до Калгана.

Мѣстность, мною пройденная, писалъ Пржевальскій*), представляетъ большую часть песчанья и солонцеватя степи», мѣстами же встрѣчались обширныя равнины, покрытыя прекрасною травяною растительностью. «Климатъ самый подлый, какой только можно вообразить. За всю весну не было ни одного тихаго дня; часто подымались сильныя бури, которыя вздымали цѣлыя тучи песку

*) Къ Фатѣву 25 апрѣля 1871 г. изъ Калгана.

и мелкой соли, так что атмосфера принимала желтоватосѣрый цвѣтъ и въ полдень было не свѣтлѣе, чѣмъ въ сумерки. Въ то же время крупный песокъ, подхватываемый порывистымъ вѣтромъ, до того сильно сѣкъ въ лицо, что даже верблюды, привычные ко всѣмъ трудностямъ пустыни, иногда поворачивались спиною къ вихрю, пока пронесется его порывъ».

Такъ давала себя знать Монгольская степь! Облака пыли, подымаемые на воздухъ часто вмѣстѣ съ снѣжными хлопьями, не позволяли иногда различать горы даже почти у самой ихъ подошвы, на разстоянїи какой-нибудь версты. Напоръ бури иногда бывалъ до того силенъ, что палатка, укрѣпленная двѣнадцатью желѣзными колышками, каждый длиною въ полъ-аршина, ежеминутно готова была сорваться со своего мѣста, такъ что для большей устойчивости ее обкладывали со всѣхъ сторонъ тяжелыми вьюками и привязывали всѣми имѣвшимися въ наличности веревками. Отъ безпрестаннаго сильнаго вѣтра у нашихъ путешественниковъ постоянно стоялъ въ головѣ шумъ и они часто страдали отъ головной боли. На всѣхъ вешахъ въ палаткѣ ложился толстый слой пыли.

«Иногда за страшнымъ порывомъ бури слѣдовалъ градъ или сильный дождь «какъ изъ ведра», но дождевыя капли разбивались сильнымъ вѣтромъ въ мелкую пыль. Ливни, впрочемъ, были весьма не продолжительны, и черезъ нѣсколько минутъ наступала вдругъ совершенная тишина, которая продолжалась обыкновенно съ четверть часа, а затѣмъ вѣтеръ начиналъ дуть съ прежнею силою и вновь слѣдовали кратковременные ливни.

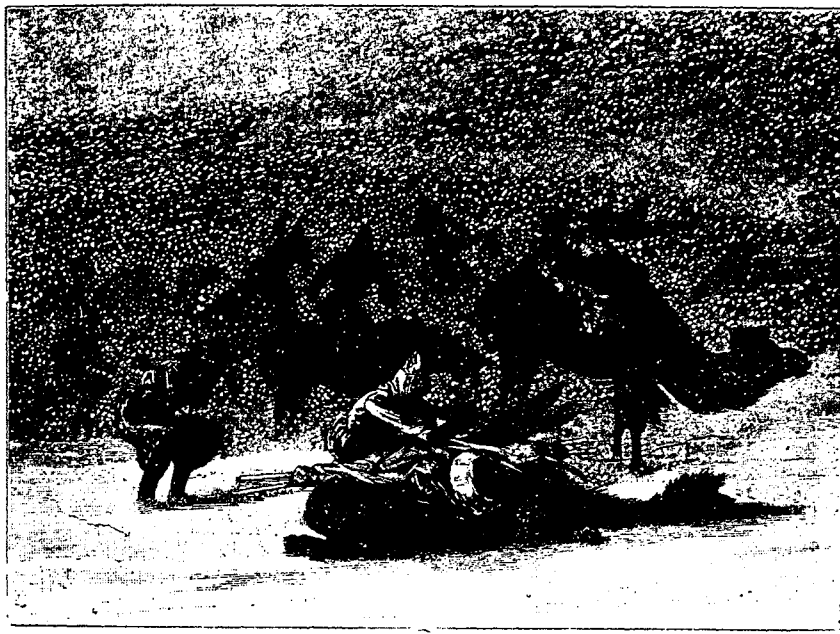
Въ то же время продолжались морозы, которые крѣпко держались весь мартъ и апрѣль. Въ ночь на 20 апрѣля вода въ озерѣ, около котораго ночевали наши путешественники, замерзла на столько, что ледъ выдерживалъ тяжесть человѣка.

«Вотъ краснорѣчивое доказательство суровости тамошняго климата!» говорить Пржевальскій.

Но еще болѣе, чѣмъ отъ холода и бурь, приходилось нашимъ путешественникамъ страдать отъ недостатка воды, годной для питья. Въ большей части тамошнихъ озеръ вода соленая и при томъ чрезвычайно грязная. «Если хотите приготовить себѣ такой «бурды», писалъ Николай Михайловичъ Фатѣеву *), то возьмите стаканъ чистой воды, положите туда чайную ложку грязи, щепотку соли для вкуса, извести для цвѣта и гусиного помета для запаха — и вы какъ разъ получите ту прелестную жидкость, которая наполняетъ здѣшнія озера». Однако монголы нисколько не гнушаются подобнымъ нектаромъ и круглый годъ варятъ изъ нея свой чай. Конечно, и нашимъ путешественникамъ приходилось довольствоваться этою водою, за немѣнѣемъ лучшей. Водочистительный аппаратъ для такой воды не годится, такъ какъ сейчасъ портится; прибавленіе сахара и лимонной кислоты сообщаетъ ей сладко-кисло-соленый, весьма противный вкусъ.

*) Въ вышеупомянутомъ письмѣ 25 апрѣля.

17 марта караванъ достигнулъ г. Долонь-нора. Сопровождаемые громадною толпою любопытныхъ вѣвакъ, путешественники наши долгое время ходили по улицамъ, отыскивая гостиницу, гдѣ можно было бы пріютиться на ночь, но ихъ нигдѣ не пускали, отговариваясь неизбѣннѣмъ мѣста. Истомленные длиннымъ дневнымъ переходомъ, промерзшіе до костей, голодные, они не знали, на что рѣшиться и, наконецъ, по совѣту одного монгола, отправились просить пристанища въ монгольскую кумирню. Здѣсь имъ оказано было радушное гостепрѣим-

Снѣжная буря въ пустынь.

ство: имъ отвели цѣлую фанзу, въ которой истомленные путники, наконецъ, и размѣстились.

Городъ Долонь-норъ представляетъ весьма важный торговый пунктъ. Сюда съ громадной округи монголы пригоняютъ на продажу стада барановъ, везутъ шерсть и шкуры, а китайцы свозятъ сюда кирпичный чай, табакъ, бумажныя и шелковыя матеріи и т. п. Но наибольшую достопримѣчательность этого города составляетъ отливка всевозможныхъ идоловъ. Здѣсь изготовляются статуи боговъ и различныя принадлежности буддійскаго богослуженія, откуда все это развозится не только по всей Монголіи, но даже и въ Тибетъ. Отдѣлка идоловъ, бронзовыхъ и чугуныхъ, всевозможной величины, по отзыву Пржевальскаго, очень совершенна, въ особенности если принять во вниманіе, что вся работа произво-

Снѣжная буря въ пустынь.

дится прямо руками, безъ всякихъ усовершенствованныхъ приспособленій, и при томъ одиночными мастерами.

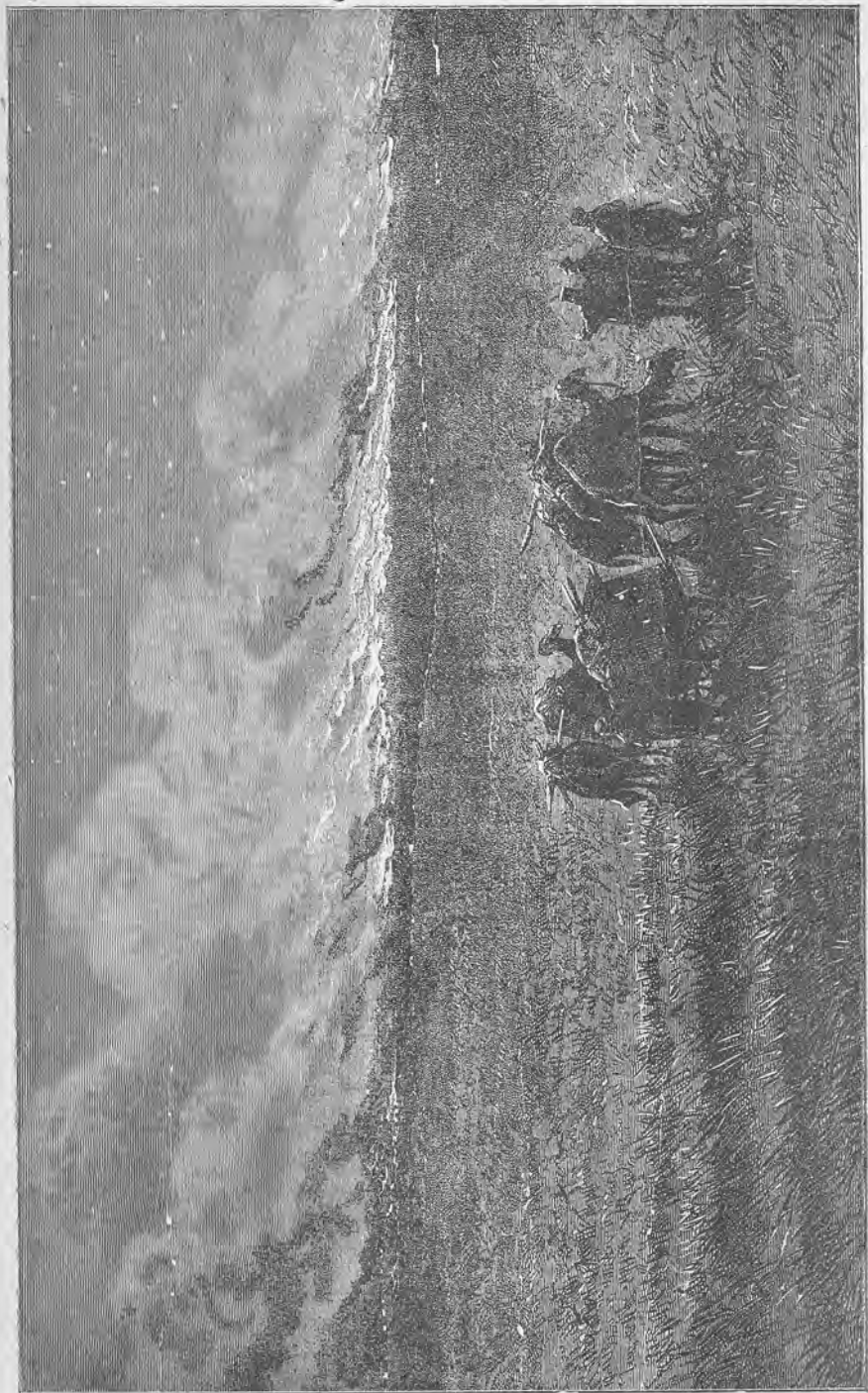
Отъ Долонъ-нора путь лежалъ къ озеру Далай-нору, расположенному верстахъ въ 150 далѣе къ сѣверу, гдѣ Пржевальскій хотѣлъ наблюдать весенній пролетъ птицъ.

Въ самый день прибытія на берега этого озера (25 марта) путешественники ночью были свидѣтелями великолѣпнаго зрѣлища огромнаго травяного пожара, превосходившаго по своей величественности всѣ раньше видѣнные Пржевальскимъ:

«Еще съ вечера замелькалъ огонекъ далеко на горизонтѣ, а спустя дватри часа онъ разросся въ громадную огненную линію, быстро подвигавшуюся по широкой степной равнинѣ. Небольшая гора, пришедшаяся какъ разъ по срединѣ пожара, вся залилась огнемъ, словно громадное освѣщенное зданіе, выдвигавшееся изъ общей иллюминаціи. Затѣмъ представьте себѣ небо, окутанное облаками, но освѣщенное багровымъ заревомъ, бросающимъ вдаль свой красноватый полусвѣтъ. Столбы дыма, извиваясь прихотливыми зигзагами, и также освѣщенные пожаромъ, высоко поднимаются вверхъ и теряются тамъ въ неясныхъ очертаніяхъ... Широкое пространство впереди горящей полосы освѣщено довольно полно, а далѣе ночной мракъ кажется еще гуще и непроницаемѣе... На озерѣ слышатся громкіе крики птицъ, встревоженныхъ пожаромъ, но на горящей равнинѣ все тихо и спокійно» *)...

Озеро Далай-норъ, что въ переводѣ съ монгольскаго означаетъ «великое озеро», по своей величинѣ занимаетъ первое мѣсто среди другихъ озеръ юго-восточной Монголіи и имѣетъ около 60 верстъ въ окружности. Вода его соленая и, по словамъ мѣстныхъ жителей, оно очень глубоко; поэтому едва ли можно вѣрять, такъ какъ, по измѣренію Николая Михайловича, на разстояніи сотни и болѣе шаговъ отъ берега глубина не превосходитъ 2—3 футовъ. Прилетъ птицъ оказался не особенно обильнымъ. На всей окружающей безводной степи птицамъ негдѣ было присѣсть для отдыха и насытиться послѣ продолжительной голодовки въ пути. Проходя еще въ февралѣ по низменнымъ равнинамъ Пекина, Пржевальскій видѣлъ большія стада утокъ, гусей, лебедей и различныхъ голенастыхъ, которыя не рѣшались еще пускаться далѣе на сѣверъ въ Монголію, которой въ то время еще не коснулось благодатное дыханіе весны. Эти пролетные гости держались здѣсь, главнымъ образомъ, по заливнымъ полямъ, орошаемымъ въ то время китайскими земледѣльцами. Въ хорошее ясное утро нетерпѣливыя стада птицъ дѣлали попытки летѣть на нагорье, но застигнутыя, тотчасъ же при подъемѣ, холодомъ и непогодю, возвращались назадъ въ теплыя равнины, гдѣ съ каждымъ днемъ поэтому ихъ число умножалось. Проходя уже подлѣ Пекина, Пржевальскій видѣлъ большія стада, точно также и далѣе вездѣ наблюдалъ

*) Монголія стр. 75.

Пожаръ въ степи.

большія скопища перелетныхъ птицъ, дождавшихся времени двинуться дальше. Наконецъ, приблизился желанный часъ; согрѣлись немного пустыни Монголіи, начали таять льды холодной Сибири,—и стадо за стадомъ слѣшить бросить тѣсную чужбину и несется на далекій, родной сѣверъ...

Теперь Николай Михайловичъ встрѣчалъ этихъ перелетныхъ гостей на озерѣ Далай-норъ. Но всѣ птицы останавливаются здѣсь только какъ на пролетной станціи. Въ непогодные дни здѣсь скоплялись огромнѣйшія стада гусей, утокъ, журавлей и др., но лишь только выпадалъ хорошій денекъ, какъ всѣ эти пернатые пришлецы слѣшили пронестись далѣе, чтобы поскорѣе оставить за собою неприглядныя пустыни Монголіи.

13 дней провелъ Николай Михайловичъ на берегахъ этого озера, собирая обильную добычу для своихъ коллекцій, а затѣмъ отправился прежнимъ путемъ до г. Доловъ-нора, и оттуда къ Калгану.

Однако, послѣ баснословнаго изобилія всякой животной жизни, которое ему приходилось наблюдать въ Уссурійскомъ краѣ, здѣшнія мѣста показались ему относительно бѣдными животными.

«Если на Уссуріи, писалъ Николай Михайловичъ своему дядѣ *), обиліе звѣрей и птицъ было велико до баловства, то здѣсь то же самое обиліе встрѣчается только по горамъ и по оазисамъ пустыни».

Все-таки, когда Пржевальскій прибылъ въ Калганъ послѣ своего двухмѣсячнаго путешествія въ сторону, къ оз. Далай-норъ, у него уже составила значительная коллекція въ 130 препарированныхъ экземпляровъ.

Холодъ и непогода въ значительной степени затрудняли препарированіе и приготовленіе чучелъ, такъ какъ руки очень скоро коченѣли, а въ степи на большое разстояніе кругомъ не было ни малѣйшаго деревца, чтобы разложить костеръ и обогрѣться. Единственнымъ топливомъ, на которомъ варили пищу и кипятили воду для чая—служилъ *аргалъ*, т. е. сухой пометъ верблюдовъ, лошадей, рогатаго скота и проч., который приходилось собирать по степи «отправляясь за нимъ, какъ на прогулку».

Для вичевокъ даже и вблизи городовъ располагались по большей части подъ открытымъ небомъ, избѣгая душныхъ и отвратительно грязныхъ гостиницъ, куда вхъ, впрочемъ, не всегда и пускали.

Спали всегда съ заряженными револьверами подъ головами, такъ какъ мѣстное населеніе относилось къ нимъ очень недружелюбно, подозрѣвая въ путешественникахъ тайныхъ шпионовъ, и всѣми силами старалось затруднить имъ путешествіе, такъ что не проходило дня, чтобы не вышло какого-нибудь неприятнаго столкновенія. При проходѣ черезъ городъ или деревню путешественниковъ всегда окружали большія толпы зѣвакъ, на нихъ показывали пальцами, не стѣсяясь

*) Въ письмѣ 12 февраля 1872 г.

произносили всевозможныя ругательства по ихъ адресу, и всё вообще называли не иначе, какъ янь-гуйза.

Однако-же Николай Михайловичъ сразу сумѣлъ поставить себя такъ, что никто не рѣшался сдѣлать какого-нибудь явнаго насилія.

«Да, писалъ Пржевальскій, только здѣсь можно оцѣнить нравственную, могучую силу европейца, сравнительно съ растлѣвшею природою азіатца. Четверо насъ, европейцевъ, ходятъ по неизвѣстной странѣ, среди населенія, страшно насъ ненавидящаго, но ни одна тварь не посмѣетъ сотворить намъ какое-либо насиліе, зная, что за это сейчасъ-же поплатится своею головою».

Стрѣльба птицъ въ летъ и удачная охота за антилопами, къ которымъ нельзя подойти на близкое разстояніе, производили огромное впечатлѣніе на туземцевъ, которые видѣли въ оружій нашихъ путниковъ что-то особенное, необывалое, и сознавали, что съ этими четырьмя «заморскими чертями» не такъ-то легко справиться.

Однажды вздумали травить охотничью собаку Пржевальскаго, Фауста, но первая-же изъ спущенныхъ свирѣпыхъ собакъ была убита изъ револьвера Николая Михайловича, а вторая пуля обѣщана была самому хозяину.

«Только такія мѣры и надежда на счастье, говорить Николай Михайловичъ, наконецъ увѣренность въ томъ, что «смѣлость—города беретъ—вотъ тѣ данныя, на которыхъ основывалась рѣшимость пуститься впередъ, очертя голову, безъ разсужденія о томъ, что будетъ, или что можетъ быть»...

Несмотря на враждебное отношеніе населенія, Николай Михайловичъ произвелъ глазомѣрную съемку всего пройденнаго пути.

Самый способъ производства съемки, который употреблялъ Пржевальскій во время всѣхъ своихъ экспедицій, будетъ описанъ дальше. Теперь-же укажемъ только, что дѣлать это надо было очень осторожно. Если-бы китайцы увидѣли, что Пржевальскій составляетъ карту ихъ мѣстности, то не только затрудненія пути сильно увеличались-бы, но, пожалуй, и совершенно невозможно сдѣлалось-бы продолжать экспедицію. Но, къ великому счастью, дѣло обошлось благополучно и, за все время многолѣтнихъ странствованій Николая Михайловича, онъ ни разу не былъ пойманъ «съ палачнымъ», т. е. съ картою, и никто не зналъ, что мѣстности, пройденныя имъ въ различныхъ направленіяхъ, всегда наносились точнымъ образомъ на карту и становились всеобщимъ достояніемъ всего цивилизованнаго міра.

Конечно, не однимъ счастьемъ надо объяснить такую успѣшность: для этого приходилось пускаться на всевозможныя ухищренія, чтобы «провести» необразованныхъ монголовъ и китайцевъ и, какъ говорится, «втереть имъ очки въ глаза», что, впрочемъ, было не особенно трудно. Надобно имѣть въ виду, что проводники, которыхъ бралъ Николай Михайловичъ, служили въ то же время и шпионами, которыхъ надо было опасаться болѣе, чѣмъ кого-либо изъ случайныхъ встрѣчныхъ, такъ какъ имъ обыкновенно отъ мѣстныхъ китайскихъ властей да-

ваилось тайное порученіе зорко наблюдать за каждымъ шагомъ путешественниковъ. По большей части для отвода служилъ бинокль.

«Съ перваго-же знакомства, говорить Николай Михайловичъ, со своимъ будущимъ спутникомъ, я показывалъ ему бинокль, говоря, что дорогою постоянно смотрю въ эту машинку для того, чтобы знать, нѣтъ-ли по близости звѣрей или птицъ, за которыми можно было-бы поохотиться. Послѣ этого можно было употреблять сколько угодно буссоль, которую монголь въ простотѣ душевной не отличалъ отъ биновля, и такъ какъ мы дѣйствительно часто стрѣляли дорогую антилопу и птицъ, то нашъ проводникъ искренно вѣрилъ, что мое смотрѣніе въ хитрую машинку ведетъ къ разглядыванію звѣрей. Нѣсколько разъ, прибавляетъ онъ, мнѣ удалось подобнымъ-же образомъ обмануть китайскихъ и монгольскихъ чиновниковъ, когда тѣ дѣлали съ разспросами, для чего я ношу буссоль; вмѣсто ея тотчасъ-же подсовывался бинокль, который также постоянно находился при мнѣ во время пути *)».

Случались и болѣе курьезныя исторіи. Иногда необходимо было сдѣлать застѣвку, а между тѣмъ возгѣ каравана находилось нѣсколько непрошенныхъ гостей, собравшихся поглазѣть на невиданныхъ людей.

«Въ такомъ случаѣ, говорить Пржевальскій, мой товарищъ старался занять ихъ чѣмъ-нибудь интереснымъ, а я между тѣмъ отставалъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ и дѣлалъ свое дѣло».

Словомъ, путешественникамъ приходилось подыматься на тысячи хитростей и употреблять всевозможныя притворства, чтобы выполнить свою задачу, среди всеобщаго недружелюбія мѣстнаго китайскаго населенія.

По приходѣ на мѣсто бивуака, прежде всего развьючивались верблюды, разбивалась палатка**), и всѣ отправлялись на поиски аргала, послѣ чего остальные члены экспедиціи принимались за приготовленіе ужина, а Николай Михайловичъ запирался въ палаткѣ и переносилъ изъ записной книжки на разграфленную бумагу съемку, произведенную въ теченіе дня. При этомъ принимались предосторожности, чтобы кто-нибудь не захватилъ его на этой работѣ, для чего у входа въ палатку ставился караульный, на обязанности котораго было предупреждать заранѣе, если приближался кто-либо изъ непрошенныхъ посѣтителей. Очень часто приходилось прерывать работу и поспѣшно прятать въ сундукъ всѣ матеріалы, какъ только появлялся какой-нибудь чиновникъ или даже простой монголь-зѣвака.

Карта снималась со всѣми возможными подробностями. Наносились не только выдающіяся формы рельефа, а также всѣ жилые осѣдлые пункты (города, деревни, фанзы, кумирни, не отмѣчались только временныя становища изъ переносныхъ юрть), колодцы, озера, рѣки и даже мелкіе ручьи. При этомъ всегда дѣлалось

*) Монголія, стр. 79.

**) Всѣ эти работы, даже самыя черныя, производились Николаемъ Михайловичемъ и его товарищемъ Шмальцовымъ наравнѣ съ казаками, такъ какъ послѣдніе не въ состояніи были справиться со всѣмъ одними своими силами.

Н. М. Пржевальскій.

различіе между тѣми свѣдѣніями, которыя добыты личнымъ осмотромъ, и полученными путемъ разспросовъ мѣстнаго населенія; данныя послѣдней категоріи наносились пунктиромъ и съ оговоркою, что они не были проверены.

Производство съемки, какъ ни проста сама по себѣ эта работа, представляло однако-же самое трудное изъ всѣхъ экспедиціонныхъ занятій. Не говоря уже о вышеуказанныхъ уловкахъ, къ которымъ приходилось прибѣгать для того, чтобы отвлечь вниманіе населенія, безпрестанно приходилось слѣзать съ лошади, что сильно утомляло. Кромѣ того, изъ-за производства съемки приходилось совершать всегда дневные переходы, тащиться въ самый жаръ, вмѣсто того, чтобы пользоваться для переходовъ ночью прохладой, какъ это обыкновенно дѣлаютъ монголы. Истощая путниковъ, такіе переходы неблагоприятно отражались и на вьючныхъ животныхъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Отъ Калгана до Желтой рѣки.

Невозможность найти проводника.—Путь по безводной пустынѣ.—Вѣроломный проводникъ.—Мѣры предосторожности.—Горная область.—Урты, ихъ недетная характеристика.

3 мая вновь переформированный *) караванъ Пржевальскаго выступилъ изъ Калгана и поднялся на Монгольское нагорье. Съ новокупленнымъ теперь было въ наличности восемь верблюдовъ, изъ которыхъ шесть было нагружено багажемъ, а на остальныхъ ѣхали казаки. У Николая Михайловича и Пылцова были верховыя лошади.

«Вотъ теперь начинается настоящая экспедиція!—записалъ Николай Михайловичъ въ своемъ дневникѣ.—Да, трудно теперь предугадать мнѣ будущее. Гдѣ я буду и что съ нами случится—неизвѣстность полная. Идемъ въ невѣдомыя страны; погонщика изъ монголовъ невозможно найти ни за какія деньги:—всѣ боятся, такъ что я иду только съ двумя казаками. Не удалось найти даже временнаго проводника, такъ что съ перваго-же раза пришлось идти наугадъ или по разспросамъ, что, конечно, было очень затруднительно, при незнаніи китайскаго языка. Туземные жители или совсѣмъ отказывались указать дорогу, или указывали ее невѣрно, иногда совсѣмъ въ противоположную сторону. Приходилось блуждать почти каждый день, теряли понапрасну время и излишне истощали свои силы, слѣдуя иногда нѣсколько десятковъ верстъ и опять возвращаясь на прежнее мѣсто».

«Въ подобныхъ случаяхъ, говорить Николай Михайловичъ **), вздували нагайкой виновнаго, если удавалось его отыскать, но по большей части ихъ скрывали».

*) Въ Калганѣ два прежніе казака были замѣнены новыми, изъ животныхъ куплено было одинъ новый верблюдъ.

***) Письмо Фатѣеву 2 февраля 1872 г.

Отъ этого однако было не легче. Все-таки въ безводной степи, въ особености позднѣе, когда наступили жары, по невыносимой жарѣ каждый лишній шагъ былъ весьма обременителенъ для путника.

«Идешь, бывало, часа два-три по утренней прохладѣ. Но вотъ солнце подымается высоко и начинаетъ жечь невыносимо. Раскаленная почва пустыни дышитъ жаромъ, какъ изъ печки. Становится очень тяжело: голова болитъ и кружится, потъ ручьями льетъ съ лица и со всего тѣла, чувствуешь полное расслабленіе и сильную усталость. Животныя страдаютъ не менѣе насъ. Верблюды идутъ, разинувъ рты и облитые потомъ, словно водою. Казаки, которые обыкновенно поютъ пѣсни, теперь смолкли и весь караванъ тащится молча, шагъ за шагомъ, словно не рѣшаясь передавать другъ другу и безъ того тяжелыя впечатлѣнія».

Чуть покажется какое-нибудь жильё, у всѣхъ является бодрость, животныя прибавляютъ шагу, и путники спѣшатъ къ колодезю напиться воды, умываются, поить лошадей и, намочивъ голову и фуражку, отправляются далѣе.

Только бѣднымъ «кораблямъ пустыни» нѣтъ никакого облегченія отъ такой счастливой встрѣчи: ихъ можно поить не иначе, какъ продержавъ сперва развѣвоченными часа 2, пока они остынутъ. Не надолго, однако, дѣйствуетъ пріятное освѣженіе водою: не пройдетъ и полъ-часа, какъ снова все уже сухо, потъ катитъ градомъ попрежнему и возобновились всѣ мученія отъ палящаго зноя.

Но вотъ приближается полдень, пора, наконецъ, подумать и объ отдыхѣ.

«Далеко-ли до воды?»—спрашиваютъ съ нетерпѣніемъ истомленные путники у какого-нибудь встрѣчнаго монгола. Оказывается, что нужно пройти еще верстъ пять-десять, которыя теперь кажутся вътрое тяжелѣе, чѣмъ прежде.

Наконецъ, и желанный колодезь близко.

Пріятное выраженіе видно на всѣхъ лицахъ, даже лошади веселымъ ржаніемъ привѣтствуютъ окончаніе дневной страды.. Разбивается палатка, развѣчиваются верблюды; привычныя животныя знаютъ, въ чемъ дѣло, и съ большою охотою сами подгибаютъ свои длинныя ноги и ложатся на землю; стаскиваются въ палатку необходимыя вещи и разстлается войлокъ, служащій постелью.

Одинъ изъ членовъ экспедиціи наскоро собираетъ немного аргала и варитъ кирпичный чай, и всѣ прежде всего утоляютъ жажду этимъ усладительнымъ и поддѣрживающимъ напиткомъ.

Жажда утолена, но часть отдыха еще не наступила. Послѣ чая, въ ожиданіи обѣда, Николай Михайловичъ со своимъ товарищемъ сортируютъ и укладываютъ въ гербарій собранныя дорогою растенія, препарируютъ животныхъ, дѣлаютъ чучела, и если выпадетъ подходящая минута, то Николай Михайловичъ переноситъ на чистый планшетъ результатъ съема.

Такая работа въ жилыхъ мѣстахъ обыкновенно нѣсколько разъ прерывается приходомъ монголовъ изъ ближайшихъ юртъ. Эти непрощенные гости по большей части лѣзли со всевозможными разспросами или безстыднымъ образомъ попрошайничали и въ концѣ концовъ обыкновенно такъ надоѣдали, что ихъ выгоняли вонъ

Между тѣмъ пустой желудокъ сильно напоминаетъ, что время обѣда уже наступило, но на слабomъ огнѣ тлѣющаго аргала приготовленіе его сильно затягивается и продолжается часа три, которые для сильно проголодавшихся путешественниковъ проходятъ въ томительномъ ожиданіи. Наконецъ, поспѣлъ супъ изъ куропатокъ, изъ зайцевъ или изъ какой-нибудь другой дичи — трофеевъ охоты дня, или изъ баранины. Последнее, впрочемъ, бывало весьма рѣдко, такъ какъ купить барана у монголовъ по большей части было затруднительно, принимая во вниманіе тощій кошелекъ Николая Михайловича и непоmѣрныя цѣны, которыя задамывали монголы за свой скоть.

Сервировка стола была самая простая, вполне гармонирующая съ прочею обстановкою: крышка съ котла, въ которомъ варился супъ, служила блюдомъ деревянныя чашки, изъ которыхъ пили чай — тарелками, а собственные пальцы замѣняли вилки. О скатерти и салфеткахъ, конечно, нѣтъ и помину. Проголодавшіеся путешественники набрасывались на ѣду съ волчьимъ аппетитомъ, и обѣдъ оканчивается очень скоро. Послѣ него снова варится чай.

Немедленно-же послѣ обѣда всѣ члены принимаются за работу. Николай Михайловичъ со своимъ товарищемъ отправляется въ экскурсію и на охоту, если покончены уже очередныя занятія, а казаки пасутъ верблюдовъ.

Наступаетъ вечеръ. Снова разводятся огонь, варится на ужинъ каша и чай. Лошади и верблюды, пущенные раньше на пастбище, пригоняются къ палаткѣ и привязываются къ вбитымъ въ землю колышкамъ, а верблюды сверхъ того укладываются около сложенныхъ вьюковъ. Ночь быстро спускается на землю, дневной жаръ смѣняется вечернею прохладю. Отраднo, послѣ изнурительной дневной духоты, вдохнуть освѣжительный воздухъ...

Однако, и съ наступленіемъ ночи истомленные путешественники не могли вполне предаться покою, такъ какъ приходилось держать караулъ во избѣжаніе покражъ со стороны окрестныхъ жителей.

Въ необходимости постоянной бдительности они убѣдились послѣ слѣдующаго случая.

Выйдя изъ Калгана и свернувъ на другой день съ хятинской дороги на западъ, путешественники наши вскорѣ въ одной китайской деревнѣ встрѣтили католическую миссіонерскую станцію. Познакомившись со всѣми тремя миссіонерами, Пржевальскій вздумалъ воспользоваться авторитетомъ ихъ преподобій у мѣстнаго населенія для того, чтобы нанять проводника. Дѣйствительно, по рекомендаціи патеровъ, къ нимъ нанялся одинъ крещеный монголъ въ качествѣ проводника, погонщика верблюдовъ и вообще въ помощь экспедиціоннымъ казакамъ, но онъ, кромѣ того, могъ служить и переводчикомъ, такъ какъ хорошо зналъ по-китайски. Николай Михайловичъ не поспешилъ и назначилъ ему большую (если принять во вниманіе состояніе кассы экспедиціи) плату: 5 данъ въ мѣсяць. Но случилось то, чего совсѣмъ не ожидали. На первой-же ночевкѣ вѣроломный монголъ скрылся, не позабывъ захватить съ собою то, что попалося подъ

руку, между прочимъ: охотничій ножъ и револьверъ. Разсѣдованіе показало, что онъ, вѣроятно, заранѣе приготовился къ своему побѣгу, такъ какъ казаки съ удивленіемъ замѣтили, что онъ легъ спать не раздѣваясь.

Какъ только дѣло стало извѣстнымъ, Николай Михайловичъ, чтобы не давать потачки на будущее время, немедленно-же отправился назадъ въ деревню Си-инза къ миссіонерамъ и потребовалъ у нихъ наказанія виновнаго. Въ то время его не нашли, такъ какъ воришка побоялся явиться домой. Однако миссіонеры обѣщали принять всѣ мѣры къ его розыскамъ, тѣмъ болѣе, что это было не особенно трудно, такъ какъ мать бѣжавшаго находилась у нихъ въ услуженіи.

А р г а л и.

И, дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней, когда караванъ ушелъ уже довольно далеко, его нагналъ посланный отъ патеровъ, привезшій револьверъ: оказалось, что послѣ нѣсколькихъ дней укрывательства, воръ преспокойно явился въ свою юрту, гдѣ у него миссіонеры и отобрали револьверъ, остальное-же куда-то уже исчезло.

Случай этотъ послужилъ для Пржевальскаго хорошимъ урокомъ и лишній разъ съ ясностью доказалъ, что къ населенію надо относиться весьма осторожно и довѣрять нельзя никому. Съ тѣхъ поръ рѣшено было ночью по очереди караулить. Пржевальскій съ товарищемъ дежурили до полуночи по два часа каждый, а затѣмъ до разсвѣта наступала очередь казаковъ. Нечего и говорить, что дежурства эти были очень утомительны послѣ всѣхъ дневныхъ трудовъ, но, по

Обенно трудно, такъ какъ мать бѣжавшаго находилась у нихъ въ услуженіи.

А р г а л и .

крайней мѣрѣ, на первых порахъ такое благоразуміе казалось необходимымъ. Въ крайней осторожности и бдительности лежалъ залогъ безопасности путешественниковъ и успѣха всего предпріятія, такъ какъ можно было поручиться, что трусливый мѣстный людъ никогда не рѣшится сдѣлать открытое нападеніе, зная, что встрѣтитъ залгъ четырехъ мѣткихъ и далеко поражающихъ берданокъ.

Караулы эти неукоснительно соблюдались недѣли двѣ, а потомъ, когда о бдительности «заморскихъ чертей» уже въ достаточной степени распространилась молва, ихъ прекратили и ограничились тѣмъ, что всѣ спали всегда съ ружьями и револьверами подъ изголовьемъ.

Вернемся, однако, къ самой экспедиціи.

Большая почтовая дорога, на которую свернулъ караванъ съ кяхтинскаго пути, вела къ значительному китайскому городу Куку-хото. Такъ какъ послѣдній не представлялъ для Николая Михайловича большого интереса, точно также, какъ и вся мѣстность, по которой пришлось-бы идти (однообразная степь совершенно такого-же характера, какъ и предыдущая), то онъ рѣшилъ избрать другой путь, обѣщающій гораздо болѣе научнаго интереса,—и пошелъ прямо къ горамъ, расположеннымъ на самомъ берегу Желтой рѣки. «Для насъ, говорить Пржевальскій, подобное измѣненіе маршрута было очень радостно, такъ какъ мы прямо попали въ такія мѣста, которыя, по всему вѣроятію, могли доставить большую научную добычу; кромѣ того, мы избавлялись отъ посѣщенія китайскаго города, гдѣ всѣ непріятности отъ мѣстнаго люда, обыкновенно, увеличивались до крайности».

Свернувъ вправо съ дороги, путешественники вскорѣ вышли къ озеру Кырноръ и здѣсь на противоположной сторонѣ обширной равнины, раскинувшейся передъ глазами, увидѣли вдали ясныя очертанія горнаго кряжа Шара-хада. Хребетъ этотъ по склонамъ покрытъ густыми зарослями кустарниковъ и здѣсь впервые въ Монгольской степи путешественники встрѣтили изобиліе насѣкомыхъ, изъ которыхъ Пыльцовъ сразу составилъ довольно большую коллекцію. Параллельно съ Шара-хада на разстояніи около 50 в., тянется другой хребетъ — Сума-хада нѣсколько большей высоты, на которомъ ясно видны были слѣды ледниковъ, очевидно древнихъ, такъ какъ въ то время на вершинахъ незамѣтно было никакихъ залежей льда или снѣга, да и абсолютная высота обонхъ этихъ хребтовъ не превосходитъ 5—7 тыс. фут. Горы эти дѣйствительно составляли пріятный контрастъ съ окружающей безплодной и пустынной равниной. Здѣсь Николай Михайловичъ вдоволь поохотился на весьма интересныхъ животныхъ аргали, хотя мѣстность эта въ общемъ далеко не изобиловала животными.

Не особенно обильна была также и ботаническая добыча. Самый лучший весенній мѣсяцъ—май былъ уже на исходѣ, но въ здѣшнихъ мѣстахъ онъ былъ далеко не то, что въ Европѣ. Сильные, почти непрерывные вѣтры по прежнему продолжали залѣплять глаза людямъ и животнымъ тучами взметаемаго песку; по прежнему утромъ стояли морозы, а иногда подымались даже совсѣмъ по зимнему снѣжныя мятели. Небо по большей части было закутано облаками, хотя дожди

Монголы Уроты.

перепадали очень рѣдко. Все это сильно задерживало развитіе растительности. Даже въ концѣ мая трава чуть-чуть начинала подыматься отъ земли и совсѣмъ не прикрывала грязно-желтаго фона песчано-глинистой почвы.

Но достаточно было нѣсколькихъ ясныхъ дней, какъ наступила уже жара, живо напомнившая, что мѣстность эта находится подъ 41° широты. Кустарники очень быстро покрылись массою цвѣтовъ.

Хребетъ Сума-хада составляетъ западную границу земли цахаровъ, по которой до того времени шель караванъ. Теперь путешественники вступили въ страну уротовъ. Племя это по наружности значительно отличается отъ цахаровъ; уроты гораздо болѣе похожи на чистокровныхъ монголовъ, хотя въ нравственномъ отношеніи, подобно своимъ восточнымъ сосѣдямъ, также являются сильно испорченными китайцами.

По мнѣнію Пржевальскаго, общее, наиболѣе характерное качество обоихъ монгольскихъ племенъ, да пожалуй и всѣхъ номадовъ Монголіи — это страшная жадность въ деньгамъ. За кусокъ серебра номадъ (а еще болѣе китаецъ) готовъ сдѣлать все на свѣтѣ, какъ говорится, «продать отца родного», и такая продажность, конечно, весьма благоприятна для путешественника, если онъ обладаетъ хорошими матеріальными средствами. Но для такихъ бѣдняковъ, каковымъ являлся Пржевальскій со своими 150—200 рублями въ карманѣ, это было великимъ, почти непреоборимымъ затрудненіемъ.

«Нужно имѣть ангельское терпѣніе, говорить Николай Михайловичъ *), чтобы входить въ какія-нибудь денежные сдѣлки съ монголами; въ самыхъ простыхъ случаяхъ непрѣмнно явится множество затрудненій. Положимъ, напримѣръ, необходимо купить барана—вещь, кажется, сама по себѣ весьма не многотрудная;

*) Монголія, стр. 101—102.

Монголы Уроты.

однако, на дѣлѣ выходитъ иначе. Если вы вздумаете прямо прійти къ монголу, спросить о продажномъ баранѣ и предложить за него свою цѣну, то изъ десяти разъ девять—не купите. Встрѣчая быструю сговорчивость, номады тотчасъ заподозрѣваютъ, что его желаютъ надуть, и въ большинствѣ случаевъ вовсе отказываются отъ продажи».

Общепринятый порядокъ какой-бы то ни было торговой сдѣлки (не всегда даже болѣе или менѣе значительной) совсѣмъ иной. Необходимо прежде всего усѣсться въ юртѣ продавца и, попивая кирпичный чай, распросить его о здоровьѣ скота *) и выслушать при этомъ длинный рассказъ о томъ, какъ все нынче стало худо и какъ въ особенности дороги теперь бараны...

Далѣе, слѣдуетъ осмотрѣть, или правильнѣе ощупывать, продаваемого животного, которое по монгольскимъ понятіямъ тѣмъ жирнѣе, тѣмъ вкуснѣе и, слѣдовательно, тѣмъ дороже. Возвратясь снова въ юрту, продавецъ и покупатель опять усаживаются пить чай и какъ будто-бы мимоходомъ и между дѣломъ начинаютъ торговаться. При этомъ всегда запрашивается немнѣе высокая цѣна, а дается въ такой же степени низкая; торгъ многократно прерывается взаимными увѣреніями въ дружбѣ, хозяинъ продаваемого животного необыкновенно расхваливаетъ его, а покупатель, наоборотъ, хулить. Надобно при этомъ замѣтить, что при торгѣ цѣна никогда не выражается словами, а особеннымъ условнымъ пожиманіемъ пальцевъ: одинъ изъ торгующихся спускаетъ по этому пониже свой рукавъ, а другой всовываетъ туда свою руку и производить пожиманіе въ величайшемъ секретѣ отъ всѣхъ присутствующихъ **).

Наконецъ, послѣ долгихъ рукопожатій и взаимныхъ комплиментовъ, въ цѣнѣ барана сошлись. Теперь начинается не менѣе тягостная и медлительная процедура разсматриванья вѣсовъ и серебра, предлагаемаго покупателемъ. Продавецъ по большей части признаетъ серебро недоброкачественнымъ, а вѣсы невѣрными и предлагаетъ свои, конечно, далеко не безупречнаго качества. Подымается новый споръ; но вотъ, наконецъ, все улажено,—и серебро отвѣшено. Тогда, желая урвать

*) Въ жизни номадовъ вопросъ о скотѣ является чрезвычайно важнымъ. Встрѣтившись другъ съ другомъ, монголы о состояніи здоровья своего гостя освѣдомляются обыкновенно уже послѣ того, какъ распрѣснутъ о томъ, здоровы-ли и жирны его бараны, верблюды и лошади. Пржевальскій рассказываетъ, что по поводу этихъ разспросовъ о скотѣ съ европейцами-новичками, попадающими въ Монголію, не рѣдко случаются забавныя исторіи. Такъ, онъ сообщаетъ, что какой-то русскій офицеръ ѣхалъ курьеромъ въ Пекинъ. На станціи, гдѣ перемѣняли лошадей, монголы тотчасъ-же начали приставать къ нему съ самымъ почетнымъ, по ихъ мнѣнію пріѣтствіемъ, съ вопросомъ о здоровьи скота. Получивъ черезъ переводчика казака освѣдомленіе своихъ хозяевъ о томъ, жирны-ли его бараны и верблюды, юный путешественникъ началъ отрицательно мотать головою и увѣрять, что у него нѣтъ никакого скота. Монголы-же съ своей стороны никакъ не могли повѣрить, чтобы состоятельный человѣкъ, да еще при томъ чиновникъ, могъ существовать безъ барановъ, коровъ, лошадей и верблюдовъ, и взаимное недоразумѣніе продолжалось довольно долго. Пржевальскій рассказываетъ далѣе, что ему самому во время путешествія много разъ приходилось выслушивать самые подробные разспросы о томъ, кому онъ оставилъ свой скотъ, отправляясь въ такую даль, сколько вѣсятъ курдюкъ его барана, часто-ли онъ ѣстъ такое лакомство, сколько у него хорошихъ скакуновъ, иноходцевъ, много-ли жирныхъ верблюдовъ и т. п.

**) Подобная процедура при торговыхъ сдѣлкахъ существуетъ иногда и въ Китаѣ.

еще хоть что-нибудь, хозяин начинает просить себя внутренности проданного барана, но обыкновенно получает решительный отказ.

Вся вышеописанная процедура продолжается часа два, но «мы не могли иным способом купить ни одного барана, во все время своего трехлетнего путешествия», говорят Пржевальский.

Не мало неприятностей и затруднений при сношениях с монголами представляла также крайняя суеверность их. Различные черты и колдовство грезится монголу на каждом шагу. В каждом неблагоприятном явлении природы он видит действие злого духа, в каждой болѣзни — поущение демонов... Обыденная жизнь номада переполнена всевозможными примѣтами, в особенности относительно краугольного камня их жизни — скота.

Въ облачную погоду монголка низачто не согласится продать молока, точно также и послѣ заката солнца, иначе скотъ передохнетъ. Если какая-либо скотина заболѣла и подверглась лѣченію, то нельзя въ продолженіе трехъ дней ничего ни продавать, ни покупать. Впрочемъ, соблазненная иголками или бусами, монголка иногда рѣшалась нарушить обычай, но въ такомъ случаѣ просила вынести молоко изъ юрты подъ полюю, чтобы небо не видѣло содѣяннаго ею прегрѣшенія.

Замѣчательно, что несмотря на всеобщее изобиліе скота въ Монголіи, нашимъ путешественникамъ постоянно приходилось дорого платить даже за молоко и молочные продукты: молоко, напр., приходилось покупать не дешевле 5—10 коп. за бутылку, на русскія деньги.

При этомъ надобно замѣтить, что при всеобщей грязи въ обстановкѣ монголовъ, и молочное хозяйство ведется у нихъ неопратно до отвращенія. Достаточно указать хотя бы на такой примѣръ: «Случалось нѣсколько разъ, говоритъ Пржевальскій, что монголъ, пріѣхавшій за нѣсколько верстъ верхомъ съ кувшиномъ молока на продажу, замазывалъ крышку и носикъ этого сосуда свинымъ коровьимъ пометомъ, чтобы содержимая жидкость не расплескалась дорогою» *).

Покупка продуктовъ производилась, впрочемъ, не часто, прежде всего потому, что, какъ извѣстно, средства экспедиціи были весьма ограничены, а во вторыхъ, и потому, что иногда мѣстные жители совсѣмъ не хотѣли продавать путешественникамъ съѣстныхъ припасовъ. Въ особенности часто такое отношеніе встрѣчали со стороны китайцевъ, которые, очевидно, желали голодомъ выпроводить отъ себя неприятныхъ гостей.

Путешественники по большей части снискивали себя пропитаніе охотою: въ степи встрѣчалось достаточно зайцевъ, куропатокъ, а нерѣдко попадалась и крупная дичь — антилопы. Но все-таки нерѣдко приходилось и постыичать, такъ какъ охота не всегда была одинаково удачною въ различныхъ мѣстахъ, а сдѣлать запасъ было невозможно: при наступившихъ жарахъ мясо нельзя было сохранить долѣе сутокъ.

*) Монголія, стр. 103.

Если помнить читатель, Николай Михайлович, будучи въ Пекинѣ, купилъ небольшую партію различныхъ мелочныхъ товаровъ, думая разыгрывать роль купца, съ цѣлю маскировать свои научныя изслѣдованія. Но практика очень скоро показала всю тягостность этого положенія.

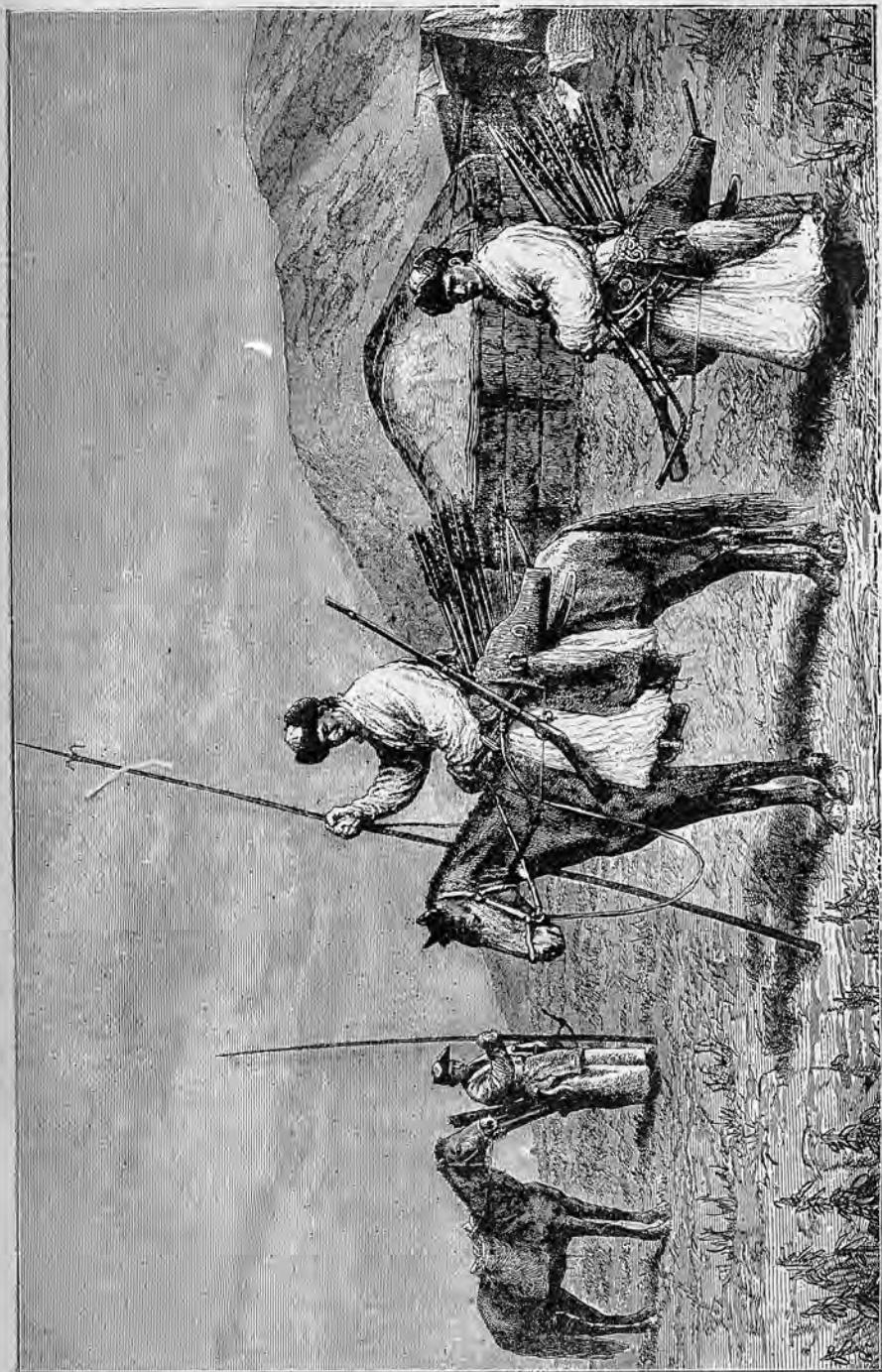
Дѣло въ томъ, что монголы по самой своей природѣ до крайности любопытны. Когда караванъ проходитъ по мѣстности населенной, монголы безпрестанно подъѣзжаютъ на своихъ быстрыхъ коняхъ и послѣ обычныхъ привѣтствій «менду, менду-сэ-бэйна» (тоже, что «здравствуй»), начинаютъ подробно расспрашивать: Куда и зачѣмъ ѣдете? что везете? нѣтъ-ли продажныхъ товаровъ? гдѣ и почему покупали верблюдовъ? и т. д. Одинъ любопытный смѣняетъ другого, а то и сразу подъѣзжаютъ цѣлою толпою и всѣ дѣзутъ съ одними и тѣми же вопросами, а нѣкоторые до того увлекаются, что сопровождаютъ караванъ на нѣсколько верстъ, не переставая расспрашивать, хотя имъ отвѣчаютъ не только съ неохотою, но часто и совсѣмъ не обращаютъ вниманія.

На мѣстѣ остановки еще хуже. Не успѣють, бывало, путешественники развьючить верблюдовъ и разбить палатку, какъ уже со всѣхъ сторонъ являются монголы, осматриваютъ и ощупываютъ руками всѣ вещи и цѣлымъ кагаломъ дѣзутъ въ палату. Не только оружіе или какія-нибудь дѣйствительно интересныя вещи, но даже самыя обыкновенныя, напр. сапоги, ножницы, молотокъ, всячій замокъ на сундукѣ и т. п.—все до мельчайшихъ подробностей осматривается съ живѣйшимъ любопытствомъ всѣми посѣтителями, при чемъ конечно дождемъ сыплются всевозможные вопросы и, кромѣ того, каждый надѣбдаетъ просьбой подарить то или другое. Каждый новопріѣзжій начинаетъ съизнова какъ разпросы, такъ и осмотръ, но теперь уже прежніе посѣтели выступаютъ въ роли объяснителей, уморительнымъ образомъ искажая нерѣдко полученныя ими самими толкованія.. За всѣми этими посѣтителями надо смотрѣть въ оба, иначе непременно не досчитаешься многихъ вещей, утащенныхъ словно «на память».

Разыгрывая роль купца, Николай Михайловичъ волей или неволей долженъ былъ принимать подобныхъ гостей, которые всегда просили показать имъ товары, тщательно пересматривали ихъ и начинали торговаться... Курьезнымъ вопросамъ при этомъ не было конца. Одинъ покупатель спрашиваетъ продажнаго магнита, другой—медвѣжьей желчи, третій—игрушекъ, четвертый—мѣдныхъ бурхановъ *) и т. д.

По большей части толку изъ такой торговли не выходило никакого: послѣ часовой бесѣды, удовлетворивъ свое любопытство, посѣтели эти уходили, не купивъ ничего, говоря, что очень дорого. Поэтому въ концѣ концовъ выходило, что вся эта несносная толча была совершенно бесполезна, а между тѣмъ отнимала массу времени отъ казака-переводчика, которому полностью поручена была торговля. Довольно странно и объясняется, вѣроятно, только сложностью приня-

*) Идолы, которые, какъ выше указано, массами производятся въ г. Долонъ-норъ и развозятся купцами по всей Монголіи и Тибету.

МОНГОЛЫ.

тых на практикѣ обычаевъ въ торговыхъ сношеніяхъ номадовъ, что у Николая Михайловича продажа товаровъ очень туго подвигалась, несмотря на то, что онъ на дѣны накинулъ не болѣе 25—30% ихъ покупной стоимости.

Вообще Пржевальскій оказался плохимъ купцомъ *).

Кромѣ того, мѣстное населеніе, особенно китайцы, весьма опытные въ торговыхъ дѣлахъ, сразу поняли, что грошевая торговля ни въ какомъ случаѣ не составляетъ истинной дѣли путешествія, такъ какъ даже при самыхъ счастливыхъ условіяхъ она не могла бы окупить издержекъ на вьючныхъ животныхъ.

Между тѣмъ научныя работы очень сильно страдали отъ назойливости безпрестанныхъ посѣтителей, являвшихся для покупки, и отъ которыхъ поэтому никакимъ образомъ нельзя было избавиться.

Сообразивъ все это, Николай Михайловичъ въ одинъ прекрасный день рѣшилъ покончить со своею торговою профессіей; всѣ товары были упакованы и отложены до лучшаго времени; покупатели прогнаны и лавочка закрыта.

Пржевальскій объявилъ себя ноіономъ, т. е. чиновникомъ, путешествующимъ безъ всякой опредѣленной дѣли, просто для своего удовольствія, чтобы видѣть неизвѣстныя страны.

Мѣстные жители, впрочемъ, не вѣрили обыкновенно такому объясненію дѣли путешествія, но въ такихъ случаяхъ при назойливыхъ разспросахъ имъ отвѣчали не церемонясь, что имъ нѣтъ никакого дѣла до дѣлей, такъ какъ объ этомъ знаетъ ихъ царь, который выдалъ разрѣшеніе на безпрепятственное путешествіе по своей землѣ.

«За то какими свободными чувствовали мы теперь себя, говорить Пржевальскій**), когда дѣло пошло на чистоту и не нужно было притворствоваться! Съ этихъ поръ всѣ лишніе посѣтители обыкновенно прогонялись безъ церемоніи и мы принимали только тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ имѣли какую-либо необходимость. При подобныхъ посѣщеніяхъ, конечно, прежде всего устраивалось чаепитіе, а затѣмъ начинались обоюдные разспросы. Разговоры монголовъ обыкновенно вертятся около трехъ предметовъ, въ слѣдующемъ порядкѣ ихъ интереса для номадовъ: скоть, лекарство и религія».

Первый предметъ, какъ уже выше указано, составляетъ самую важную суть для монгола, такъ какъ это составляетъ мѣрило всего его благосостоянія.

Лекарство составляетъ второй по важности предметъ всегдашнихъ разговоровъ монголовъ, чрезвычайно ладкихъ на всякаго рода леченіе. Видя предъ собою европейца, котораго номады, каково бы ни было ихъ наружное отношеніе, въ громадномъ большинствѣ случаевъ продивтованное имъ китайцами и властями, во всякомъ случаѣ признаютъ за существо высшее, если не за полубога, то по крайней мѣрѣ за великаго колдуна, практичный монголъ тотчасъ же старается

*) Припоминаю его неудачную аферу съ собаками во время уссурійской экспедиціи.
**) Монголія, стр. 104.

извлечь для себя пользу отъ столь необыкновеннаго человѣка и выпытать отъ него какой-нибудь секретъ относительно леченія той или другой болѣзни.

Собираніе Пржевальскимъ растений еще болѣе утверждало темный мѣстный людъ въ томъ мнѣніи, что онъ непременно великій докторъ, а съ теченіемъ времени Николай Михайловичъ и дѣйствительно творилъ «чудеса», вылечивъ нѣсколькихъ страждущихъ лихорадкою, порошками хинина.

Наконецъ, религіозныя вѣрованія, поглотившія весь внутренній міръ номада, но недоступныя для его пониманія въ своей сущности, играютъ большую роль въ его умственной жизни.

Поэтому монголъ при всякомъ удобномъ случаѣ непременно заводитъ разговоръ на религіозныя темы, словоохотливо сообщаетъ объ обрядахъ, рассказываетъ о чудесахъ, совершаемыхъ гыгенами и т. д. При этомъ онъ всегда является фанатикомъ и не терпитъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ истинности своего вѣроученія...

Превращеніе изъ купца въ чиновника отразилось очень благопріятно на положеніи экспедиціи и на успѣшности научныхъ занятій. Путешественники могли теперь держать себя гораздо самостоятельнѣе чѣмъ прежде, относительно мѣстнаго населенія, что неудобно было дѣлать подъ фирмою купца.

«При столкновеніи съ такими людьми, каковы китайцы или монголы, привыкли уважать только силу, говоритъ Пржевальскій, слишкомъ доброе, ласковое обращеніе ни къ чему не ведетъ; оно принимается за слабость и трусость. Наоборотъ, дерзкій тонъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, магически вліяетъ на мѣстный людъ, и путешественникъ съ подобною сноровкою гораздо скорѣе достигнетъ своей цѣли.

«Я не проповѣдую этимъ, прибавляетъ онъ, кулачнаго обращенія, но хочу сказать, что, отправляясь въ далекія страны Азіи, путешественникъ долженъ поневолѣ замѣнить многія изъ своихъ прежнихъ возрѣвій другими, болѣе практичными, по отношенію къ той сферѣ, среди которой ему придется вращаться *).

Итакъ, Николай Михайловичъ шель прямымъ путемъ къ берегамъ Желтой рѣки. Шествіе это по большей части совершалось наугадъ, такъ какъ проводника не имѣлось, а разпросы мало помогали, во-первыхъ по неимѣнію переводчика для китайскаго языка **), а еще болѣе потому, что населеніе, въ особенности китайцы, всегда относились къ путешественникамъ въ высшей степени подозрительно и недружелюбно. Силошь и рядомъ случалось, что имъ совсѣмъ отказывались указать дорогу, а то поступали еще хуже: указывали совсѣмъ неправильно, и что замѣчательно, такъ это то, что нерѣдко нѣсколько спрошенныхъ лицъ ввали совершенно согласно, какъ будто сговорившись заранѣе. ПUTE-

*) Тамъ-же, стр. 105

**) Взятый въ качествѣ переводчика казакъ, родомъ бурятъ, зналъ только монгольскій языкъ.

пешенники блуждали почти на каждомъ переходѣ и дѣлали иногда понапрасну десятки верстъ.

Какъ на зло, съ приближеніемъ къ Желтой рѣкѣ, приходилось часто идти по мѣстности, густо населенной китайцами, гдѣ всякія затрудненія еще болѣе увеличивались.

Обыкновенно, при вступленіи каравана въ китайскую деревню, здѣсь подымалась страшная суматоха: всѣ старыя и малыя выбѣгали на улицу, дѣзли на заборы и даже на крыши и смотрѣли на путешественниковъ съ тупымъ любопытствомъ. Собаки выдались цѣлыми стаями на бѣднаго Фауста и подымали громкій лай; испуганныя лошади брыкались, коровы мычали, свиньи, расхаживающія обыкновенно цѣлыми стадами по улицамъ китайскихъ населеній, визжали, куры съ громкимъ кудахтаньемъ разлетались.....—словомъ творился хаосъ.

Пропустивъ верблюдовъ впередъ, Николай Михайловичъ или Пыльповъ направляется къ собравшейся толпѣ, чтобы распросить про дорогу. Его мигомъ окружаютъ сотни любопытныхъ, но вмѣсто прямого отвѣта на вопросъ они начинаютъ осматривать и ощупывать сѣдло, саногы, удивляться оружію, спрашивать куда и за чѣмъ они идутъ, кто они такіе и т. д. до безконечности, вопросъ же совершенно игнорируется и въ лучшемъ случаѣ китаецъ мимоходомъ среди безпрестанныхъ вопросовъ довольно неопредѣленно махнеть рукою по направленію пути. Но если даже здѣсь и не скрывался умышленный обманъ, то при множествѣ проходящихъ здѣсь и пересѣкающихся по всевозможнымъ направленіямъ дорогъ, такое указаніе оставалось бесполезнымъ и потому шли на угадъ до ближайшей деревни, гдѣ повторялась таже исторія.

Добродушія, столь свойственнаго простому народу всѣхъ странъ и національностей, здѣсь не было и въ поминѣ; наоборотъ: видя чужеземцевъ въ первый разъ въ жизни, китайцы относились къ нимъ съ нескрываемою враждебностью, какъ будто бы это были ихъ завѣдомые враги, и отъ открытаго выраженія своихъ непріязненныхъ чувствъ народъ удерживала только крайняя трусость и опасеніе немедленнаго возмездія, чему иногда они и видѣли примѣры.

Такъ, однажды, при громкихъ кликахъ одобренія, одинъ изъ китайцевъ спустилъ на путешественниковъ огромную цѣпную собаку, которая стремительно ринулась на бѣднаго миролюбиваго Фауста. Къ счастью, послѣдній въ это время находился какъ разъ около своего хозяина: Николай Михайловичъ немедленно выхватилъ изъ кобуры револьверъ и положилъ грознаго пса на мѣстѣ. Китайцы, видя неожиданную кровавую развязку своей шутки, съ курьезною поспѣшностью бросились по своимъ домамъ, и дальнѣйшій путь по деревнѣ совершонъ былъ по безлюднымъ улицамъ, при полной тишинѣ и спокойствіи.

«Позвольте затравить свою собаку, говорить по этому поводу Пржевальскій, и на другой день стануть травить васъ самихъ... Но разъ мѣстный людъ видитъ, что путешественникъ не даетъ въ обиду, отношенія къ нему дѣлаются болѣе почтительными, хотя, конечно, ненависть къ чужеземцу остается прежняя;

но это ужъ неизбежная доля каждаго европейца, при путешествіяхъ въ далекихъ странахъ Азіи».

Въ одной деревнѣ пришлось размѣнять серебро на чохи. Зная по прежнимъ опытамъ, какъ трудна эта операція, Пржевальскій заравѣ нанялъ одного монгола для совершенія этой денежной операціи и, пропустивъ впередъ караванъ, отправился съ нимъ по лавкамъ. Въ одной совсѣмъ отказались отъ размѣна, говоря, что серебро не хорошее, между тѣмъ какъ это были лучшіе ямбы, вымѣненные еще въ Калганѣ при содѣйствіи земляковъ, русскихъ коммерсантовъ. Во второй лавкѣ увѣряли, что внутри слитковъ запаянъ чугунъ, въ третьей совсѣмъ отказались мѣнять, даже не объясняя причины, и только въ четвертой дѣло пошло на ладъ, благодаря усиленному содѣйствію нанятаго монгола. Здѣсь лавочникъ долго осматривалъ серебрянные слитки, стучалъ ими, нюхалъ и, наконецъ, въ видѣ снисхожденія предложилъ 1,400 чохъ за ланъ, тогда какъ мѣстный курсъ въ то время былъ 1,800 чохъ. Поднялся сильный споръ, монголъ старался изо всѣхъ силъ, съ причмокиваньемъ указывалъ лавочнику на достоинство серебра, безпрестанно пожималъ ему въ рукавѣ руку и, наконецъ, добился того, что размѣнял по 1,500 чохъ.

Превосходныя пастбища, которыя по всюду встрѣчались въ землѣ Цахаровъ, окончились со вступленіемъ въ горную область, такъ что лошади и верблюды быстро начали худѣть, не находя уже давно своего любимаго гуджирю: отъ самой кяхтинской дороги нигдѣ не встрѣчались солончаки. Поэтому Николай Михайловичъ рѣшилъ прибыть нѣсколько дней на берегахъ встрѣтившагося небольшого соленого озера Дабасунъ-нора, чтобы поправить верблюдовъ.

Дни шли за днями. Путешественники подвигались впередъ не спѣша и въ мѣстахъ удобныхъ для научныхъ экскурсій останавливались дня на 2—3.

Наилучшимъ мѣстомъ для этой цѣли оказался громадный альпійскій хребетъ И н ѣ ш а н ѣ, который отвѣсною стѣною тянется по самому берегу Желтой рѣки. Западная оконечность этихъ горъ—хребетъ М у н и - у л а носить дикій, альпійскій характеръ, изобилуетъ скалами, пропастями, отдѣльно стоящими вершинами. Хребетъ этотъ покрытъ лѣсами и зарослями кустарниковъ, въ особенности съ южной стороны, тогда какъ сѣверный склонъ по большей части является оголеннымъ. Высота этого хребта около 7,000 фут., но отдѣльныя вершины подымаются и до 8 слишкомъ тысячъ ф.

Животная жизнь въ горахъ Муни-ула оказалась не столь обильною, какъ это ожидалъ Николай Михайловичъ, хотя нѣсколько интересныхъ экземпляровъ для коллекцій, конечно, удалось приобрести. Что же касается насѣкомыхъ, то ихъ было большое изобиліе. Гораздо болѣе обильна была ботаническая добыча, такъ какъ растенія въ это время какъ разъ находились въ цвѣту.

Муни-ула по своему характеру рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ хребтовъ юго-восточной Монголіи, и это обстоятельство породило среди монголовъ интересную легенду о происхожденіи этихъ горъ.

Въ давнія времена, какъ разсказывали словоохотливые номады Пржевальскому, въ Пекинѣ жилъ кутухта, который, не смотря на свое божеское происхожденіе, велъ до такой степени непристойную жизнь, что богдо-ханъ приказалъ его арестовать. Разгнѣванный подобнымъ насиліемъ, святой кутула рѣшилъ жестоко наказать китайскаго властелина и сотворилъ огромную птицу, которой отдалъ жестокое повелѣніе перевернуть вверхъ дномъ столицу государя.

Устрашенный богдо-ханъ, однако же, во время успѣлъ смягчить разгнѣваннаго святаго и поспѣшилъ освободить его изъ подъ ареста, и тогда послѣдній въ свою очередь отмѣнилъ свое жестокое приказаніе, данное птицѣ; она успѣла только немного приподнять городъ съ одного конца, отчего Пекинъ и теперь лежитъ нѣсколько покато.

Однако же оскорбленный святитель не пожелалъ долѣе оставаться въ негостеприимномъ городѣ китайцевъ и рѣшилъ отправиться въ Тибетъ. Двинувшись въ путь, онъ благополучно достигъ берега Желтой рѣки; но здѣсь ему пришлось вторично претерпѣть насиліе отъ тѣхъ же китайцевъ, которые не соглашались перевести его черезъ рѣку на противоположный берегъ. Разгнѣванный еще больше прежняго, святитель задумалъ не на шутку наказать строптивыхъ. Онъ отправился въ сѣверную часть Монголіи, выбрать въ Алтайскихъ горахъ огромный хребтъ, привязалъ его къ стременамъ своей лошади и потащилъ къ тому мѣсту, гдѣ потерпѣлъ оскорбленіе: онъ хотѣлъ перебросить горный крахъ черезъ рѣку и, остановивъ такимъ образомъ ея теченіе, затопить всю окрестную страну.

Жестокій мститель уже готовъ былъ исполнить свое намѣреніе и дотащилъ свои горы до самаго берега, когда за несчастныхъ жителей вступился самъ Будда и упросилъ разгнѣваннаго святителя пощадить ихъ. Кутухта внялъ заступничеству бога и смирилъ свой гнѣвъ, но для напоминанія жителямъ о своемъ могуществѣ поставилъ передвинутыя имъ горы на берегу рѣки. Самъ же онъ бросилъ въ рѣку свой поясъ, перешелъ по немъ, какъ по мосту, на противоположную сторону рѣки и отправился въ Тибетъ.

Поставивъ хребтъ Муни--ула на берегу рѣки, кутухта перевернулъ его такъ, что прежняя сѣверная сторона стала южною и наоборотъ.

Вотъ по этой то причинѣ, говорятъ мѣстные монголы, и лѣсовъ болѣе на южномъ склонѣ, чѣмъ на сѣверномъ, тогда какъ вездѣ въ другихъ горахъ лѣса распространены гораздо болѣе на сѣверномъ склонѣ. Самъ же хребтъ отъ того не похожъ на другія горы нашей страны, что онъ не здѣшній, а пришлецъ съ далекаго сѣвера.

Дѣйствительно, по наблюденію Пржевальскаго, флора описываемаго хребта весьма напоминаетъ сибирскую.

Кстати, упомянемъ еще и другое преданіе, которое гласитъ, что въ горахъ Муни--ула нѣкогда жилъ великій завоеватель и герой многочисленныхъ монгольскихъ легендъ и всевозможныхъ историческихъ преданій, Чингисъ-ханъ.

На горѣ Шара-орой, гдѣ было его мѣстопробываніе во время войны съ Китаемъ, по увѣренію монголовъ, до сихъ поръ сохранилась большая желѣзная чаша, въ которой этотъ легендарный герой варилъ себѣ пищу, но только никто изъ обыкновенныхъ смертныхъ не можетъ видѣть этой чаши; въ память великаго завоевателя здѣсь ежегодно совершается торжественная религіозная церемонія ламами.

Наконецъ, монголы увѣряютъ, что на той же горѣ Шара-орой есть каменѣный слонъ и здѣсь же въ горахъ зарытъ неисчислимый кладъ ямбоваго серебра, до котораго, однако, добраться людямъ невозможно, такъ какъ онъ охраняется злыми духами.

Разсказчики объясняли, что сокровище лежитъ на самой вершинѣ горы въ огромной ямѣ, закрытой сверху чугуною дверью съ небольшими отверстиями, черезъ которое кладъ можно видѣть. Нѣкоторые отчаянные смѣльчаки, будто бы, дѣлали попытки овладѣть этимъ сокровищемъ и ухитрились зимою спускаться въ яму сырое мясо, для того чтобы къ нему примерзли ямбы. По всѣмъ усиліямъ оказывались всегда тщетными: лишь только начинали тянуть за веревку и примѣрзшій слитокъ приближался къ отверстию, какъ тотчасъ же подъ вліяніемъ колдовства, отпадалъ назадъ...

Такимъ образомъ, горы эти казались загадочными въ глазахъ наввнхъ туземныхъ жителей и, быть можетъ, по этой именно причинѣ они постарались какъ можно болѣе затруднить туда доступъ подозрительнымъ пришлецамъ. Сколько наши путешественники ни разспрашивали, ни монголы, ни китайцы не хотѣли указать имъ истинной дороги, которою можно было бы проникнуть въ горы. Цѣлыхъ три дня положительно ощупью карабкались они на неприступныя высоты безъ постороннихъ указаній. Пробовали идти то по одной горной тропинкѣ, то по другой, но крайне неудачно, такъ какъ узкая долина обыкновенно превращалась въ дикое ущелье, преграждавшее дальнѣйшій путь. Возвращаясь обратно, пробовали идти по другой, но все съ тѣмъ-же успѣхомъ. Наконецъ, труды увѣнчались успѣхомъ,—и на третій день, слѣдуя по теченію небольшой горной рѣчки, путешественники взобрались до самыхъ ея истоковъ и здѣсь на небольшой живописной лужайкѣ, недалеко отъ главнаго хребта, разбили свою палатку.

Неожиданное появленіе каравана въ горахъ провзвело настоящій переполохъ между обитавшими тамъ горцами, которые видѣли европейцевъ еще въ первый разъ. Толкамъ и всевозможнымъ догадкамъ о прибытіи невиданныхъ пришлецовъ не было конца. Ламы прибѣгли даже къ гаданію по этому случаю, а главный духовный владыка, настоятель расположенной здѣсь кумирни, запретилъ жителямъ продавать путешественникамъ что-бы то ни было изъ състныхъ припасовъ. Такимъ путемъ монголы думали выжить пришлецовъ изъ своихъ предѣловъ.

Дѣйствительно, послѣднимъ нѣсколько дней пришлось попостыться и питаться исключительно просяною кашей, такъ какъ на первое время, не зная мѣстности, трудно было промыслить что-нибудь на охотѣ. Но какъ только рьяный охотникъ, Николай Михайловичъ немного ознакомился съ окрестными горами, онъ отправился

на охоту и убить сначала косулю, затѣмъ антилопу, оленя... и мясо появилось въ изобиліи. Тогда и монголы, видя, что голодомъ не удастся выпроводить неприятныхъ гостей, прекратили свои репрессіи и сами стали приносить на бивуаки для продажи масло и молоко.

На хребтѣ Муни-ула Пржевальскій впервые познакомился съ условіями охоты въ горахъ. «Могу сказать по опыту, говорить онъ, что для такой охоты нуженъ человекъ закаленного здоровья и физически крѣпкій. Много разъ приходилось быть на краю опасности, еще болѣе переносить трудностей, о которыхъ житель равнинъ не имѣетъ понятія. Не говоря уже про ходьбу по крутымъ, чуть не отвѣснымъ скатамъ, которые до того утомляютъ человека, что онъ иногда не въ состояніи сдѣлать, не отдохнувъ, еще десятка шаговъ—огромныя скалы съ узкимъ, часто вывѣтрившимися выступами, глубокія отвѣсныя ущелья... представляютъ дѣльный рядъ опасностей далеко не малыхъ. Одинъ невѣрный шагъ, одинъ оборвавшійся подъ ногами камень,—и поминай какъ звали охотника».

Самая охота въ горахъ крайне неблагоприятна. Здѣсь все зависитъ отъ случая и никогда нельзя рассчитывать на вѣрняка: сплошь и рядомъ не только звѣрь, но и птица уходитъ изъ самыхъ рукъ. Случается, вдругъ увидишь какой-нибудь рѣдкій экземпляръ, но мгновеніе—и онъ скроется въ недоступной дѣсной чащѣ, подыдется на неприступную скалу, а то и просто перелетитъ на противоположную сторону пропасти... Наконецъ, и стрѣльба въ горахъ не надежная: послѣ продолжительнаго карабканья по крутымъ скаламъ руки дрожатъ и невѣрно держатъ ружье, такъ что не рѣдки самыя позорныя промахи. При томъ же не рѣдко звѣрь, даже смертельно раненый, пропадаетъ для охотника, если упадетъ въ глубокую пропасть или успеетъ заскочить въ какое-нибудь другое неприступное мѣсто.

Но если велики трудности охоты въ горахъ, то для такого любителя свободы и простора, каковымъ былъ Николай Михайловичъ, всѣ труды и опасности съ избыткомъ окупались многими не выразиимо отрадными минутами, которыя доставляли ему созерцаніе красотъ горныхъ ландшафтовъ.

Лѣса на Муни-ула исключительно лиственные и по большей части состоятъ изъ низкорослыхъ, корявыхъ деревьевъ, но за то альпійскіе луга, на самыхъ вершинахъ горъ, покрыты чуднымъ ковромъ всевозможныхъ цвѣтовъ и не измятые ногою человека—чудно хороши.

Видъ отсюда удивительный: Хуанъ-хэ (Желтая рѣка) течетъ подъ самыми ногами, а вдали за нею виднѣются песчаныя степи Ордоса...

«Взобравшись на высокую вершину, съ которой открывается далекій горизонтъ во всѣ стороны, говоритъ Николай Михайловичъ, чувствуешь себя свободнѣе и по дѣльнымъ часамъ любишь панораму, которая разстилается подъ ногами. Громадныя, отвѣсныя скалы, запирающія мрачныя ущелья или увѣнчивающія собою вершины горъ, также имѣютъ много прелести въ своей оригинальной дикости. Я часто останавливался въ такихъ мѣстахъ, садился на камень и прислушивался къ окружающей меня тишинѣ. Она не нарушается здѣсь ни гово-

Надъ пустыней.

ромъ людскихъ рѣчей, ни суматохою обыденной жизни. Лишь изрѣдка раздается воркованье каменнаго голубя или пискливый крикъ клушицы, проползеть по отвѣсной стѣнѣ краснокрылый стѣнолазъ, или, наконецъ, высоко изъ-подъ облаковъ, съ шумомъ спустится къ своему гнѣзду грифъ, а затѣмъ, по прежнему, кругомъ все стоять тихо и спокойно» *)...

Въ горахъ Муни-уза путешественники пробыли около двухъ недѣль, совершая научныя экскурсіи. Здѣсь довольно много водятся дикихъ оленей и мараловъ, но животныя эти оказались слишкомъ напуганными и охота за ними поэтому была неособенно удачна. Дѣло въ томъ, что мараловъ слишкомъ усердно преслѣдуютъ всѣ мѣстные охотники, именно въ это время, когда молодые рога ихъ еще достаточно налиты кровью. Изъ-за этихъ роговъ и преслѣдуютъ животное, такъ какъ рога эти очень сильно цѣнятся въ Китаѣ, гдѣ изъ нихъ готовятъ какое-то лекарственное снадобье. Лучшие рога покупаются иногда за 50—70 ланъ.

Отношенія къ мѣстнымъ жителямъ подъ конецъ настолько улучшились, что оказалось возможнымъ даже нанять здѣсь монгола-проводника, и съ помощью его спустились по довольно удобному горному перевалу въ долину Хуанъ-хэ.

Характеръ мѣстности и природы сразу измѣнился. Горы окончились крутымъ обрывомъ въ рѣкѣ. Лѣса, горныя ручьи, цвѣтущіе луга—все сразу исчезло, а взамѣнъ того взору открывалась песчаная, безводная и гладкая, какъ полъ, степь. Исчезли звѣри и птицы, обитающіе въ горахъ; не стало слышно гуканья дикаго козла, хлопанья куропатокъ, стуканья дятла и пѣнія мелкихъ птишекъ... Но взамѣнъ этого явились обитатели степи: дзерены, жаворонки и міриады кузнечиковъ, со своею неумолкаемою трескотнею.

По выходѣ изъ горъ, караванъ двинулся въ восточномъ направленіи по долинѣ Хуанъ-хэ, густо населенной китайцами. Вся эта мѣстность представляла сплошныя нивы, прекрасно воздѣланныя.

Совершивъ одинъ дневной переходъ въ 40 верстъ, путешественники наши прибыли въ городъ Бауту, расположенный въ семи верстахъ отъ берега Желтой рѣки. Городъ этотъ довольно большой и по обыкновенію обнесенъ квадратной глиняной стѣной, каждая сторона которой имѣетъ версты три въ длину. Числа жителей, не смотря на разпросы, толкомъ не удалось узнать, но несомнѣнно, что оно довольно велико, такъ какъ Бауту представляетъ очень важный торговый и промышленный центръ. Здѣсь, между прочимъ, оказался даже чугунно-плавильный заводъ, на которомъ массами выдѣлываются чугуныя чаши, расходящіяся по сосѣднимъ частямъ Монголіи, Ордосу, Ала-шаню. Внѣшность этого города однако-же, какъ и вообще, въ Китаѣ, весьма грязна и не привлекательна.

Въ г. Бауту путешественники пробыли только одиѣ сутки, но и за это время крайне измучились.

*) Монголія, стр. 120.

Лишь только караванъ подошелъ къ городскимъ воротамъ, какъ стоящая здѣсь стража потребовала паспортъ. Затѣмъ солдаты повели ихъ въ ямынь, т. е. городское управленіе. Передъ воротами этого судилища имъ пришлось простоять минутъ двадцать, при чемъ ихъ окружила громадная толпа любопытныхъ, собравшихся со всѣхъ сторонъ посмотрѣть на невиданныхъ еще здѣсь «заморскихъ чертей». Наконецъ, изъ ямына вышли чиновники и объявили, что прибывшихъ чужестранцевъ желаетъ видѣть мандаринъ, комендантъ города.

«Повернувъ въ сосѣднюю улицу, рассказываетъ Николай Михайловичъ, мы скоро подѣхали къ жилищу китайскаго генерала, гдѣ намъ предложили слѣзть съ лошадей и войти во дворъ пѣшкомъ. Въ воротахъ у насъ отобрали ружья и

М а р а л ь.

затѣмъ повели къ мандарину, который, весь въ красномъ одѣяніи, ожидалъ въ дверяхъ своей фанзы. Нашъ монголъ *), увидя такого важнаго начальника, тотчасъ-же бросился передъ нимъ на колѣни; мы съ товарищемъ и казакъ-переводчикъ раскланялись по-европейски. Пригласивъ насъ затѣмъ въ свою фанзу и посадивъ здѣсь меня и моего помощника (монголъ и казакъ стояли), мандаринъ приказалъ подать чаю. Затѣмъ онъ началъ спрашивать: откуда мы? куда ѣдемъ? кто такіе и т. д. Когда я объявилъ о своемъ желаніи пройти черезъ Ордосъ въ Ала-шань, то мандаринъ отвѣчалъ, что это очень опасно, такъ какъ по дорогѣ вездѣ шляются разбойники...

*) Нанятый, какъ выше указано, въ горахъ Мунки-ула.

съ лошадей и войти во дворъ пѣшкомъ. Въ воротахъ у насъ отобрали ружья и

Маралъ.

«Зная, что въ Китаѣ безъ взятки ничего нельзя сдѣлать, я уклонился отъ дальнѣйшихъ разсужденій о предстоящемъ пути и велѣлъ своему казаку передать, что желаю подарить мандарину на память хорошую русскую вещь, именно часы. Такое предложеніе произвело свое дѣйствіе. Мандаринъ сначала какъ будто отказался отъ подарка, но потомъ поблагодарилъ за него и обѣщаль дать намъ свободный пропускъ въ Ордосъ.

Обрадовавшись такому удачному обороту дѣла, мы раскланялись съ китайскимъ генераломъ и просили его приказать помочь намъ отыскать квартиру».

Мандаринъ отдалъ какое-то приказаніе нѣсколькимъ полицейскимъ, которые отправились вмѣстѣ съ нашими путешественниками. У воротъ фанзы стояла прежняя толпа зѣвакъ, и въ сопровожденіи всей этой огромной свиты караванъ экспедиціи двинулся по улицамъ города отыскивать помѣщеніе.

Полицейскіе заходили то въ одну, то въ другую фанзу, но получивъ отказъ, или, вѣрнѣе, содравъ взятку съ хозяина въ видѣ откупа отъ непріятныхъ гостей, — вели дальше. Наконецъ, у одного гражданина нашлось помѣщеніе, какъ разъ подходящее для дорогихъ гостей: невообразимо грязная и вонючая фанза, въ которую полицейскіе и пригласили путешественниковъ помѣститься. Напрасно Николай Михайловичъ увѣрялъ хозяина этой квартиры, что согласенъ заплатить какую угодно цѣну за лучшее помѣщеніе. Ненависть къ иностранцамъ превозмогала корыстолюбіе, и тотъ утверждалъ, что другого помѣщенія у него нѣтъ.

Развѣвчивъ верблюдочь, злополучные путники перетаскали весь грузъ въ свою конуру и съ наслажденіемъ думали, что теперь конецъ ихъ мытарствамъ: можно будетъ сповойно размѣститься на отдыхъ. Тшетная надежда!

Собравшаяся толпа не только наполнила весь дворъ, но запрудила также улицу, и какъ видно, совсѣмъ не считала интересный спектакль уже оконченнымъ...

«Напрасно, говоритъ Николай Михайловичъ, мы заперли окно и дверь фанзы: то и другое было выломано, и насъ окружила куча нахаловъ, среди которыхъ всего болѣе замѣчалось грубыхъ и дерзкихъ солдатъ. Нѣкоторые изъ этихъ непрошенныхъ гостей позволяли себѣ даже ощупывать насъ, но получивъ пиньба, со смѣхомъ отходили въ сторону и начинали ругаться *)».

Полицейскіе, которымъ Николай Михайловичъ обѣщаль щедро заплатить за усердіе, старались всѣми силами удержать напоръ толпы, и дѣло не разъ доходило до драки; наконецъ, имъ удалось очистить дворъ, и ворота были заперты. Но, нисколько не смущаясь этимъ, любопытные продолжали дѣзть съ улицы на крышу фанзы, а оттуда спускались во дворъ и продолжали приставать цѣлою толпою.

«Самые нахальные, рассказываетъ Пржевальскій, получали при этомъ отъ меня нѣсколько зуботычинъ, но все-таки не уgomонились». Видя, что дѣло плохо, онъ за подарокъ выпросилъ у генерала пять человѣкъ солдатъ для охраны. Но дѣло отъ этого не улучшилось, такъ какъ солдаты, поставленные у воротъ, стали

*) Монголія, стр. 122.

впускать на дворъ любопытныхъ за деньги и устроили изъ путешественниковъ «нѣчто вродѣ звѣринца».

Съ наступленіемъ ночи, толпа почти вся разошлась, и путешественники, утомленные всѣми испытанными въ теченіе дня тревогами, легли спать. Однако, нестерпимая духота въ крошечной, вонючей фанзѣ, а также и безпрестанно шлявшіеся солдаты, жившіе какъ разъ по сосѣдству, не давали спокойно уснуть...

Съ первыми лучами солнца злополучныя путники встали съ сильною головою болью и рѣшили какъ можно скорѣе сдѣлать всѣ необходимыя покупки и немедленно же покинуть городъ.

Лишь только они показались на улицу, повторилась вчерашняя исторія. Толпа тѣсною стѣною окружала ихъ, не смотря на усердіе полицейскихъ, представленныхъ для охраны и получившихъ хорошее вознагражденіе: они безустали стегали на право и на лѣво своими длинными колами, какъ плетью, чтобы очистить проходъ.

Едва путешественники показывались въ какую-нибудь лавку, какъ она тотъ часъ-же переполнялась народомъ, и купецъ, испугавшись подобнаго нашествія, ничего не хотѣлъ продавать и только просилъ поскорѣе уходить отъ него.

Наконецъ, по протекціи тѣхъ же самыхъ тѣлохранителей-полицейскихъ, покупка была совершена въ задней фанзѣ одного купца.

По возвращеніи на квартиру путешественникамъ предстояло испытать прежнюю участь, но полицейскіе сразу заперли ворота и впускали посѣтителей только съ большимъ разборомъ и за значительную плату.

«Признаюсь, говоритъ Николай Михайловичъ, не совсѣмъ то пріятно было разыгрывать роль какихъ-то невиданныхъ звѣрей..., но по крайней мѣрѣ зрители являлись къ намъ не сотнями, а десятками и вели себя гораздо благопристойнѣе»...

Около полудня Мандаринъ снова пригласилъ путешественниковъ къ себѣ. Въ ожиданіи аудіенціи, намъ пришлось провести съ поль-часа въ солдатской казармѣ, гдѣ можно было наблюдать домашній бытъ китайскихъ воиновъ.

Воинство это, число котораго въ Бауту въ то время простиралось до 5,000, оказалось весьма незавиднаго качества: вооруженіе составляло въ громадномъ большинствѣ случаевъ фитильныя ружья, сабли и длинные пики съ красными флагами на древкѣ. Деморализація и распущенность солдатъ превосходитъ всякое описаніе; для мирныхъ жителей—они чистые разбойники. Ко всему этому солдаты Небесной Имперіи почти поголовно преданы куренію опиума.

Въ казармѣ теперь вездѣ видѣлись свѣтильни, а вонзѣ нихъ—куращіе, рядомъ съ окончившими это занятіе и погруженными въ глубокой сонъ.

Мандаринъ еще вчера спрашивалъ у Пржевальскаго, не знаетъ-ли онъ какого-нибудь лекарства отъ опиума, чтобы отучить солдатъ отъ этой пагубной привычки, и предлагалъ заплатить за это большія деньги.

Обстановка аудіенціи была подобна вчерашней, при чемъ мандарину врученъ былъ обѣщанный накануне подарокъ—мѣдные часы—луковича.

Разспросы генерала мало чѣмъ отличались отъ тѣхъ, которые приходились нашимъ путешественникамъ слышать и раньше, и позже отъ простыхъ китайцевъ и монголовъ и отличались наибольшою, показывая глубокое невѣжество мандарина.

Онъ началъ разспрашивать, что за страна Россія, далеко-ли ея столица отъ Китая, какъ обрабатываютъ въ Россіи землю и т. п.

Въ то же время онъ началъ разсматривать одѣяніе своихъ гостей (статское) съ подробностью, доходившей до того, что не преминулъ даже осмотрѣть рубашку и сапоги. Во время обычнаго чаепитія гостямъ поднесены были отвѣтные подарки—небольшіе шелковые мѣшочки, въ которыхъ монголы и китайцы обыкновенно носятъ за поясомъ свои табакерки.

Николай Михайловичъ объявилъ, что онъ желаетъ покинуть городъ въ тотъ же день, и проситъ отдать приказаніе, чтобы караванъ безъ задержки переправили черезъ рѣку. Мандаринъ обѣщалъ это и, распростившись съ нимъ, путешественникъ отправился на свою квартиру, гдѣ наскоро завьючили верблюдовъ и двинулись въ путь, какъ только имъ принесенъ былъ пропускной билетъ и паспортъ.

Наконецъ, къ великой радости путниковъ, экспедиція оставила за собою городъ, и караванъ вскорѣ подошелъ къ перевозу, гдѣ предстояла трудная переправа на противоположный берегъ рѣки Хуанъ-хэ.

Прежде всего начался торгъ изъ-за платы, и послѣ долгихъ споровъ сошлись на 4,000 чохъ.

Затѣмъ развьючили верблюдовъ и перетаскали вьюки на большой баркасъ. Судно это довольно примитивнаго устройства и представляетъ большой плотъ, сажени четыре длиною и около двухъ шириною, окруженный со всѣхъ сторонъ бортами, поднимающимися надъ водою фута на три. Никакавъ сходней не полагается, такъ что и животныя, и люди должны пройти по рѣкѣ до судна, а затѣмъ перелѣзть черезъ бортъ.

Съ лошадьми справились довольно скоро и водворили ихъ на суднѣ, но съ верблюдами возня была очень большая. Трусливыя животныя ни за что не хотѣли идти въ несродную имъ стихію—воду, а тѣмъ болѣе трудно было заставить ихъ сдѣлать скачекъ въ водѣ и перелѣзть черезъ барьеръ на баркасъ.

Впрочемъ, привычныя китайцы довольно ловко дѣлали свое дѣло: съ десятокъ полуголыхъ китайцевъ сначала втоптали верблюдовъ въ воду, а затѣмъ упирали большую доску плашма въ задъ животнаго и нихали его къ баркасу, между тѣмъ какъ другіе, стоя на суднѣ, старались втоптать туда веревками переднія ноги верблюда, который при этомъ отчаянно брыкался, плевалъ и кричалъ во все горло, но все таки въ концѣ концовъ попадалъ на баркасъ. Здѣсь его тотчасъ-же укладывали и крѣпко привязывали канатами такимъ образомъ, что животное лишено было возможности встать на ноги во время переѣзда.

Часа два продолжалась укладка каравана на судно, затѣмъ его потащили на веревкахъ вверхъ по рѣкѣ и, заведя такимъ образомъ вверхъ на разстояніе около версты, баркасъ пустили по теченію, а гребцы, усиленно работая веслами

пригнали его къ противоположному берегу. Еще часа два продолжалась выгрузка, а затѣмъ путешественники вздохнули свободно, очутившись въ необозримыхъ равнинахъ Ордоса.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Ордосъ.

Переправа черезъ Бога-хатунь.—Вынужденная четырехдневная стоянка.—Нахальная вы-ходка китайскихъ солдатъ.—Ордосъ, его геологическое и историческое прошлое.—Великая стѣна.—Рѣзкая граница двухъ странъ.—Исслѣдованіе развѣтвленій Хуань-хэ.—Пески Ку-внани, легенда о ихъ происхожденіи.—*Putiginium cognitum*.—Стоянка у оз. Ивандеминь-норь.—Легенды о Чингисъ-ханѣ.—Слѣды дунганскаго разворенія: разрушенная кумирня, одичавшій скотъ.—Развалины древняго города.—Монголь Джюльдзига.—Горы Арбусъ-ула, легенда о кузнецѣ Чингисъ-хана. — В г. Дынъ-ху.

На слѣдующій день, послѣ переправы у города Бауту, пришлось переправ-ляться еще черезъ рукавъ Хуань-хэ, называемый Бога-хатунь, шириною сажень въ 50, отстоящій отъ главнаго русла верстъ на десять. Здѣсь повторилась опять та же самая процедура встаскиванія верблюдовъ на плоть.

За позднимъ временемъ путешественники расположились лагеремъ у самаго перевоза, рассчитывая на слѣд. день рано утромъ двинуться далѣе.

Однако, какъ горится: «человѣкъ предполагаетъ, а судьба распола-гаетъ»—такъ вышло и теперъ: нежданно—негаданно здѣсь пришлось простоять четверо сутокъ.

Первою причиною этого былъ сначала необыкновенно сильный дождь, лившій цѣлый день и до того растворявшій глинистую почву рѣчной долины, что верблюды совсѣмъ не могли идти. Только что поправилась погода и почва под-сохла, какъ опять новое несчастье: верблюдъ, недавно купленный въ городѣ Бауту, ушелъ ночью съ пастбища и пропалъ. Такъ какъ верблюдъ этотъ былъ необходимъ и безъ него нельзя было поднять весь наличный багажъ, и съ другой стороны на покупку новаго нельзя было затратить почти что послѣднія деньги, оставшіяся еще въ кассѣ экспедиціи, то Николай Михайловичъ принялъ энер-гичныя мѣры къ розысканію бѣглеца.

Собственно говоря, нельзя было точно сказать, убѣжалъ ли онъ самъ или былъ украденъ мѣстными жителями, и уже по одному этому надо было хорошо разслѣдовать это дѣло.

На розыски посланъ былъ казакъ и проводникъ монголь.

Между тѣмъ караванъ поневолѣ долженъ былъ стоять на одномъ мѣстѣ, у самаго перевоза, и слѣдовательно на людномъ мѣстѣ; безпрестанно приходили на-зойливые посѣтители.

Однажды пришла цѣлая толпа китайскихъ солдатъ, которые вели себя очень заносчиво и не то что просили, но прямо требовали, чтобы имъ подарили ружье

яя хотя револьверъ и грозили, въ случаѣ отказа, придти еще большею гурьбою и отнять силою нравящіяся имъ вещи. Въ отвѣтъ на это Николай Михайловичъ со своими спутниками вытолкали нахаловъ изъ палатки и пригрозили пустить въ дѣло эти самыя ружья, если кто-нибудь вздумаетъ явиться съ цѣлью грабежа.

Прошло еще двое сутокъ и, наконецъ, посланные вернулись вмѣстѣ съ отысканнымъ верблюдомъ. Съ несказанною радостью путешественники покинули свою стоянку и двинулись дальше въ Ордосъ.

Подъ именемъ Ордоса извѣстна страна, лежащая въ сѣверномъ изгибѣ рѣки Хуанъ-хэ, ограниченная послѣднею съ трехъ сторонъ—съ запада, сѣвера и востока, а съ юга прилегающая къ китайскимъ провинціямъ Шень-си и Гань-су, отъ которыхъ отдѣляется продолженіемъ Великой Стѣны.

Ордосъ представляетъ степную равнину, прорѣзанную кое-гдѣ по окраинамъ невысокими горами. Почва вездѣ песчаная или глинисто-солонцеватая, неудобная для земледѣлія, за исключеніемъ только полосы, прилежащей къ самой рѣкѣ, гдѣ мѣстность является густо населенной китайцами и превосходно воздѣлана. Абсолютная высота всей равнины 2—3 тыс. фут. и слѣдовательно Ордосъ представляетъ переходный уступъ къ низменности Китая со стороны монгольскаго нагорья.

Существуетъ гипотеза, что Ордосъ нѣкогда былъ дномъ обширнаго озера, которое вполнѣдствіи прорвало себя выходъ къ океану черезъ пониженіе, образующее нынѣшнее русло р. Хуанъ-хэ. Сыпучіе пески, о которыхъ будетъ дальше подробно сказано, представляютъ изъ себя отмели этого древняго озера.

Гипотеза о существованіи Ордосскаго озера имѣетъ за себя многія геологическія данныя, кромѣ отго подтверждается и историческими преданіями китайцевъ о великихъ цотопахъ, происходившихъ въ области р. Хуанъ-хэ въ весьма отдаленныя времена: за 3100 и за 2300 лѣтъ до Р. Хр.

Страна эта въ древнѣйшія времена была добычею различныхъ великихъ завоевателей, постепенно сдѣлавшихъ другъ друга, и постоянно служила ареною великихъ историческихъ событій, имѣвшихъ важное значеніе для всей Средней Азіи.

Въ древности страна эта называлась Хэ-дао, а позднѣе Хэ-ни-нь. Въ половинѣ XV вѣка по Р. Хр. здѣсь впервые появились монголы, а затѣмъ въ XVI или въ началѣ XVII вв. вся эта область завоевана была цахарами и съ этого времени получила свое настоящее названіе (Ордосъ).

Уже въ XVII в. цахары должны были признать надъ собою господство водворившагося на китайскомъ престолѣ Манчжурскаго дома.

Великая Стѣна, отдѣляя Ордосъ отъ низменности Собственнаго Китая, составляетъ въ то же время границу осядлой культуры китайцевъ и кочевого, пастушескаго состоянія монголовъ.

Историческія судьбы обоихъ этихъ народовъ совершенно различны, сообразно глубокому контрасту физическихъ условій странъ, ими обитаемыхъ: съ одной стороны, мы видимъ теплую, плодородную, богато орошенную, изрѣзанную горами

и поэтому густо населенную и хорошо воздѣланную китайскую низменность, съ другой—высоко приподнятое, холодное и пустынное монгольское нагорье. Дѣйствительно, непохожіе другъ на друга ни по образу жизни, ни по самому характеру, монголы и китайцы естественно всегда должны были чуждаться и ненавидѣть другъ друга. Какъ для китайца непонятна и непривлекательна подвижная, исполненная лишений, жизнь кочевника, такъ и номады съ своей стороны всегда смотрѣли и смотрятъ съ презрѣніемъ на кропотливый трудъ своего сосѣдземледѣльца и цѣнить свою дикую свободу выше всѣхъ благъ міра. Отсюда полный контрастъ въ характерахъ обѣихъ націй: трудолюбивый китаецъ, достигнувшій еще въ незапамятныя времена высокаго, хотя и своеобразнаго культурнаго развитія и цивилизациа, всегда чуждался войны и считалъ ее величайшимъ бѣдствіемъ; наоборотъ, подвижный, дикій и закаленный во всякаго рода физическихъ трудностяхъ, обитатель суровыхъ пустынь Монголіи, всегда чуждался мирныхъ занятій, связанныхъ съ осѣдлымъ состояніемъ, и во всякое время готовъ былъ къ набѣгу въ чужія страны и къ грабежу. При неудачѣ онъ терялъ мало, а въ случаѣ успѣха прибрѣталъ достояніе, накопленное трудомъ многихъ поколѣній...

Въ Ордосѣ Николай Михайловичъ двинулся не кратчайшимъ путемъ къ окраинѣ Тибета и къ оз. Куку-нору, куда онъ стремился, но пошелъ вдоль теченія рѣки, такъ какъ путь этотъ представлялъ болѣе интереса въ научномъ отношеніи, чѣмъ пустынные равнины внутренняго Ордоса; сверхъ того онъ хотѣлъ изслѣдовать обозначавшіяся на картахъ развѣтвленія рѣки Хуанъ-хэ въ своемъ сѣверномъ изгибѣ.

Пржевальскій прошелъ по берегу около 350 верстъ и нашелъ, что развѣтлений рѣки въ собственномъ смыслѣ здѣсь не существуетъ, но что рѣка въ этомъ мѣстѣ покинула свое прежнее русло Ула-хатунъ, которое отстоитъ къ сѣверу отъ нынѣшняго версгъ на 50. Это измѣненіе теченія рѣки произошло вѣроятно въ относительно недавнее время, такъ какъ территорія Ордоса и до сихъ поръ имѣетъ свою сѣверозападную границуе высохшее русло рѣки Ула-хатунъ, а не новое, настоящее.

Идя со своимъ караваномъ по самой долинѣ, Пржевальскій при всякомъ удобномъ случаѣ производилъ измѣреніе быстроты теченія и ширины рѣки, изучалъ характеръ береговъ, флору и фауну долины. Ширина ея 30—60 верстъ и почва вездѣ наносная глинистая; по лѣвому берегу рѣки она значительно шире, вездѣ хорошо обработана и густо населена китайцами, на правомъ — сильно съужена обширною полосою сыпучихъ песковъ Кузилчи, которые мѣстами подхлдятъ къ самому берегу Хуанъ-хэ.

Но по большей части эти пески отдѣляются отъ долины болѣе или менѣе узкою полосою съ песчаноглинистою почвой, которая почти вездѣ оканчивается къ сторонѣ рѣки крутымъ обрывомъ футовъ въ 50 и даже въ 100 высоту. Обрывъ этотъ, по мнѣнію Пржевальскаго, представляетъ древній берегъ рѣки.

Къ западу отъ крайней оконечности хребта Муни-уга, по южной сторонѣ долины, характеръ мѣстности мѣняется довольно рѣзко. Къ прежней плодородной глинистой почвѣ здѣсь примѣшивается соль, иногда въ такомъ значительномъ количествѣ, что покрываетъ землю бѣлымъ налетомъ; болотъ и рѣчекъ, которыхъ и въ предыдущей полосѣ было не много, здѣсь совсѣмъ не встрѣчается, такъ что за исключеніемъ самой Хуанъ-хэ здѣсь нигдѣ нельзя найти ни капли воды. Въмѣсто прежнихъ луговъ, здѣсь появляются обширныя заросли кустарниковъ, состоящихъ по большей части изъ тростеполовицы и дырисуна; дырисунъ достигаетъ здѣсь саженой высоты и стебли его до такой степени тверды, что только съ большимъ трудомъ можно сорвать стебел. Наконецъ, еще дальше къ западу появляется тамарискъ, достигающій размѣровъ настоящаго дерева до 20 фут. вышиною, при толщинѣ стеблей въ 3—4 дюйма.

Сыпучіе пески, которые въ восточной части Ордоса находились въ разстояніи двадцати и болѣе верстъ отъ берега Хуанъ-хэ, далѣе къ западу придвигаются къ ней гораздо ближе и кое-гдѣ полосами подходятъ даже къ самому берегу.

Монгольское названіе этихъ песковъ—«кузипчи» въ переводѣ означаетъ «ошейникъ» въ томъ смыслѣ, что они окаймляютъ рѣзко очерченною каймою долину р. Хуанъ-хэ, начиная отъ города Бауту верстъ на 300 вверхъ по рѣкѣ, затѣмъ простираются и на противоположный лѣвый берегъ, наполняя собою Ала-шань.

Песчаная область кузипчи представляетъ скопленіе невысокихъ (40—50, рѣдко 100 ф. высоты) холмовъ, состоящихъ изъ мелкаго сыпучаго песка, желтоватаго цвѣта. Сильные вѣтры, господствующіе здѣсь большую часть года, легко сдуваютъ верхніе слои этого песка и передвигаются то на одну, то на другую сторону холмовъ, образуя рыхлыя насыпи вродѣ снѣжныхъ сугробовъ.

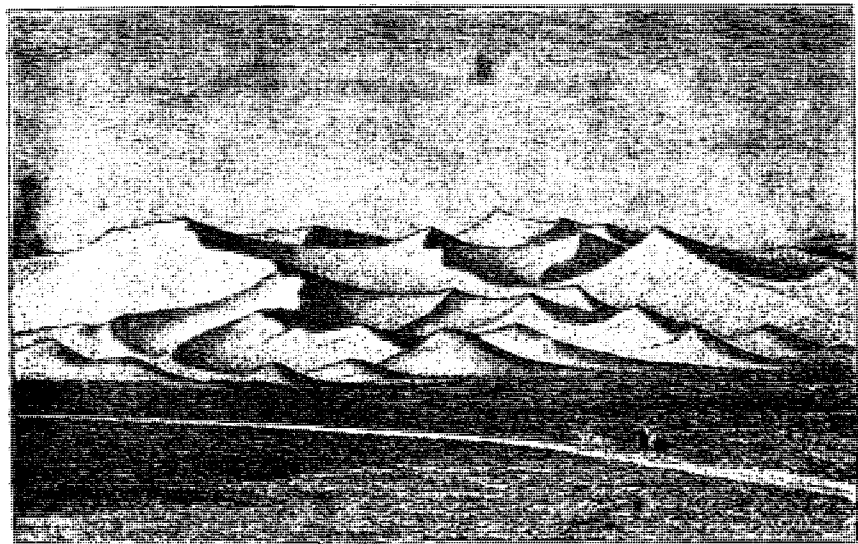
«Непріятное, подавляющее впечатлѣніе производятъ эти оголенные желтые холмы, говорить Николай Михайловичъ, когда заберешься въ ихъ средину, откуда не видно ничего, кромѣ неба и песка, гдѣ нѣтъ ни растенія, ни животнаго, за исключеніемъ лишь небольшихъ сѣро-желтыхъ ящерицъ, которыя, бродя по рыхлой почвѣ, изукрашали ее различными узорами своихъ слѣдовъ. Тяжело становится человѣку въ этомъ, въ полномъ смыслѣ песчаномъ морѣ, лишенномъ всякой жизни. Не слышно здѣсь никакихъ звуковъ, ни даже трещанія кузнечиковъ—кругомъ тишина могильная *)»...

Отъ мѣстныхъ монголовъ Николай Михайловичъ слышалъ нѣсколько легендъ касательно этихъ ужасныхъ песковъ. По одному изъ сказаній здѣсь было главное мѣсто подвиговъ двухъ героевъ, живущихъ въ памяти номадовъ: Гэсэръ-хана и Чингисъ-хана; въ борьбѣ съ китайцами эти богатыри убили необыкновенное количество людей, трупы которыхъ по волѣ Божіей засыпаны были песками, принесенными вѣтрами изъ пустыни.

*) Монголія, стр. 133.

«До сих пор еще, говорят съ суевѣрнымъ страхомъ монголы, въ пескахъ Кузиичи, даже днемъ можно слышать стоны, крики и др. звуки, которые производятъ души покойниковъ. До сих поръ еще вѣтеръ, сдувавшій песокъ, иногда обнажаетъ изъ подъ него различныя драгоценныя вещи, какъ, напримѣръ, серебряныя сосуды, которые иногда стоятъ наружу, совершенно на виду, но взять ихъ невозможно, такъ какъ подобнаго смѣльчака немедленно-же постигнетъ смерть».

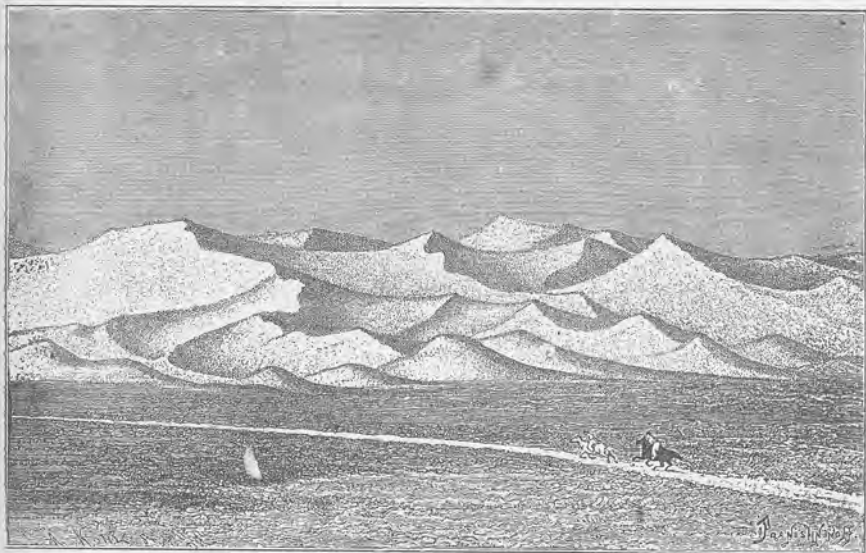
Въ другой легендѣ говорится, что Чангисъ-ханъ, тѣснимый своими врагами, поставилъ пески Кузиичи, какъ ограду съ одной стороны, а рѣку Хуанъ-хэ повернулъ съ прежняго направленія и такимъ образомъ оградилъ себя отъ нападений...

Пески Кузиичи.

Пески Кузиичи вообще очень бѣдны какъ растительной, такъ и животной жизнью. Однако-же здѣсь встрѣтилось одно очень рѣдкое растеніе — *Psidium coccineum*, которое въ то время было извѣстно въ наукѣ только по двумъ небольшимъ вѣточкамъ, добытымъ еще въ прошломъ столѣтіи естествоиспытателемъ Гмелинымъ и сохранявшимся, какъ величайшая драгоценность въ музеяхъ Лондона и Штутгарта. Случилось такъ, что Николай Михайловичъ не зная въ то время о необыкновенной рѣдкости этого растенія и взявъ его въ свои коллекціи лишь въ числѣ немногихъ экземпляровъ, наравнѣ съ прочими видами.

Проходя теперь по долину Хуанъ-хэ, путешественники встрѣчали населеніе только сначала, верстъ на 90 отъ переправы у г. Бауту. На всемъ остальномъ протяженіи не попалось на дорогѣ ни одной живой души, хотя очень часто встрѣчались слѣды недавняго еще, довольно густого населенія. Постоянно попадались

Пески Кузичи.

развалины деревень, разоренных или полусожженных, но даже тропинки между ними успѣли уже зарости травой. Мѣстами встрѣчались на дорогѣ полузасыпанные скелеты человѣка и животных... Вся эта безотрадная картина представляла послѣдствія дунганскаго возстанія, свирѣпствовавшаго здѣсь въ особенности въ 1869 г.

«Невольно, говоритъ Пржевальскій, тогда приходили въ голову слова Гумбольдта, что «какъ историкъ, слѣдящій за вѣками, такъ и путешественникъ, странствующій по землѣ, всюду находятъ однообразную, безотрадную картину враждующаго человѣчества»...

Послѣ своей вынужденной четырехъ-дневной стоянки у перевоза черезъ рукавъ Хуанъ-хэ, путешественники наши двинулись по направленію къ озеру Цайдеминъ-норъ, по рассказамъ монголовъ изобилующему дичью; они думали тамъ на свободѣ отдохнуть послѣ изнурительнаго пребыванія въ средѣ китайцевъ. Къ тому-же и верблюды сильно были истомлены непрерывными переходами и недостаткомъ подходящаго корма, а тутъ еще наступили такіе невыносимыя жары, что дневные переходы сдѣлались до крайности тяжелыми. Солнце немилосердно жгло и накаляло поверхностный слой почвы, иногда до 70° С., такъ что даже верблюды, эти идеальныя «корабли пустыни», не могли ступать своими незащищенными твердыми копытами подошвами и безпрестанно трясли ногами, обжигаемыми раскаленною почвою. Даже въ тѣни термометръ показывалъ иногда 37° С., вода въ рѣкѣ Хуанъ-хэ на поверхности нагрѣвалась до 24,5°, а въ мелкихъ озерахъ и болотной стоячей водѣ температура днемъ подымалась даже до 32,3° С.

Нерѣдко случались настоящіе тропическіе ливни, сопровождаемые грозами, но они приносили облегченіе и освѣжали атмосферу лишь на весьма короткое время. Лишь только тучи, окутывавшія небосклонъ, разсѣвались, какъ солнце опять начинало немилосердно палить и жара становилась еще тѣмъ чувствительнѣе, что послѣ грозы обыкновенно наступало затишье и не было облегченія даже отъ вѣтерка. Быстро прошелъ караванъ до указаннаго озера, которое оказалось въ сущности болотомъ, сплошь поросшимъ тростникомъ и другими растеніями.

Тѣмъ не менѣе ожиданія относительно изобилія дичи сбылись, такъ какъ это озеро-болото было биткомъ набито утками и гусями, доставлявшими продовольствіе всему экспедиціонному отряду. На окрестныхъ лугахъ удобно могли пастись животныя, а у обитавшихъ по сосѣдству монголовъ можно было доставать сколько угодно молока и масла. Наконецъ, какъ-бы къ довершенію блаженства путешественниковъ, здѣсь протекалъ чистый, довольно многоводный ручей Тахилга, впадающій въ озеро, въ которомъ можно было превосходно купаться.

«Словомъ, говоритъ Николай Михайловичъ, теперь намъ выпала такая стоянка, какой ни прежде, ни послѣ, мы не находили во всей Монголіи».

Впрочемъ, что касается купанья, то имъ наслаждались только Николай Михайловичъ и его помощникъ Пыльцовъ, а казаки только съ завистью смотрѣли на нихъ, но сами не рѣшались окунуться въ чистыя, прохладныя струи ручья изъ боязни черепахъ, которыхъ здѣсь было множество.

Монголы приписываютъ этому животному чародѣйственную силу и даже находятъ неоспоримое доказательство сверхъестественности черепахи въ какихъ-то тибетскихъ буквахъ, которыя будто-бы изображены на брѣшной стороны животного. Казаки были напуганы разсказами монголовъ, что черепаха опасна для купающихся, такъ какъ вливается въ ихъ тѣло и оторвать ее обыкновенными средствами нѣтъ никакой возможности. Единственное средство спасенія въ такомъ случаѣ—это привести бѣлаго верблюда или бѣлаго козла, которые, увидѣвъ влившуюся черепаху, начнутъ страшно кричать и тогда она сама испугавшись выпустить свою жертву.

По поводу черепахъ здѣсь существуетъ интересное преданіе. По разсказамъ монголовъ, прежде въ ручьѣ Тыхалга совсѣмъ не было черепахъ, какъ вдругъ однажды появилось это страшное, невиданное животное. Удивленные жители не знали, какъ отнестись къ нему и обратились за совѣтомъ къ гыгену ближайшей кумирни, который объявилъ, что черепаха — животное священное и отнынѣ будетъ хозяиномъ ручья. Съ тѣхъ поръ, каждый мѣсяцъ ламами этой кумирни производится особое торжественное богослуженіе у истоковъ ручья Тыхалга.

Тѣмъ не менѣ черепаховый супъ, которымъ лакомились наши путешественники, былъ очень вкусенъ, и они порядкомъ истребляли это священное животное, конечно, не на глазахъ суевѣрныхъ мѣстныхъ жителей.

Послѣдніе оказались здѣсь еще болѣе простоватыми, чѣмъ въ мѣстностяхъ, расположенныхъ ближе къ крупнымъ китайскимъ центрамъ.

Николай Михайловичъ вздумалъ однажды измѣрить высоту солнца, для опредѣленія географической широты озера Цайдеминь-норъ. Собравшіеся при этомъ толпою мѣстные монголы не знали, что подумать о такомъ загадочномъ занятіи и начали было подозрѣвать въ немъ какое-нибудь зловредное колдовство и приходять въ волненіе. Къ счастью находчивый Николай Михайловичъ вспомнилъ, что какъ разъ въ это время (это было въ концѣ іюля) въ большомъ количествѣ наблюдаются падающія звѣзды. Поэтому, придавши какъ можно больше таинственности и церемоніальности своей работѣ, онъ по окончаніи ея торжественно объявилъ собравшейся толпѣ, что «сегодня по небу будутъ летать звѣзды».

Съ наступленіемъ вечера всѣ съ нетерпѣніемъ стали смотрѣть на небо и, убѣдившись въ справедливости предсказанія, больше уже не относились подозрительно къ различнымъ наблюденіямъ.

Подобнымъ-же образомъ, кипяченіе воды, для измѣренія абсолютной высоты, Пржевальскій не рѣдко производилъ открыто, въ присутствіи большой толпы монголовъ и увѣрялъ ихъ, что это «обрядъ при молитвѣ къ Богу».

Цѣлыхъ десять дней простояла экспедиція на берегахъ оз. Цайдеминь-норъ, чтобы хорошенько запастись силами къ предстоящему трудному пути по степямъ Ордоса.

Первый переходъ былъ до рѣчки Хурей-хунду, а второй до Хурай-хунды.

которая оказалась послѣднею рѣчкой, встрѣченною во всемъ Ордосѣ. Обѣ названныя рѣчки имѣютъ весьма быстрое теченіе и несутъ чрезвычайно мутную воду. По объясненію монголовъ, рѣка Хуань-хэ, имѣя сама мутную воду, принимаетъ только потоки со взмученною водою, каковы обѣ вышеуказанныя, но чистой воды она не хочетъ принимать. Вотъ по этому-то свѣтлый ручей Тыхалга впадаетъ въ озеро Цайдеминь-норъ, а не въ р. Хуань-хэ.

Въ Ордосѣ, болѣе чѣмъ въ какой-либо другой части Монголіи, сохранились древнія историческія преданія и страна эта изобилуетъ различными памятниками старины. Въ особенности много приходилось здѣсь слышать о великомъ героѣ монголовъ Чингисъ-ханѣ.

Весьма интересна, хотя смыслъ ея и темень, одна легенда, указывающая на какія-то отношенія монголовъ къ русскимъ. Вотъ эта легенда:

«Чингисъ-ханъ былъ великимъ охотникомъ и, бродя однажды въ горахъ Муни-ула, онъ встрѣтился тамъ съ другимъ охотникомъ-русскимъ».

— «Давно-ли ты охотишься и много-ли убилъ звѣрей?»—спросилъ онъ у встрѣчнаго».

— «Я охочусь,—отвѣтилъ незнакомецъ,—уже нѣсколько лѣтъ, но убилъ только одного волка».

— Какъ такъ!?—воскликнулъ великій завоеватель.—За это время я убилъ нѣсколько сотъ звѣрей».

— Но мой волкъ былъ особенный,—отвѣчалъ русскій охотникъ,—этотъ звѣрь имѣетъ двѣ сажени длины и ежедневно сѣдлатъ по десятку другихъ животныхъ; убивши его, я сдѣлалъ больше пользы, чѣмъ ты».

— Если такъ, то ты молодецъ!—сказалъ Чингисъ-ханъ.—Пойдемъ въ мою юрту и я подарю тебѣ, что хочешь».

Незнакомецъ принялъ приглашеніе и послѣдовалъ за монгольскимъ героемъ въ его жилище. Здѣсь ему болѣе всего понравилась одна изъ женщинъ и онъ попросилъ у Чингисъ-хана ее себѣ въ жены. Послѣдній не хотѣлъ нарушить своего обѣщанія и отдалъ ему просимую женщину, но такъ какъ она была одною изъ самыхъ любимыхъ его жень, то при разставаніи онъ подарилъ ей на память свое бѣлое знамя. Русскій охотникъ со своею подругою, взявши этотъ подарокъ, отправились затѣмъ въ Россію.

«Гдѣ они тамъ поселились,—говорили монголы Пржевальскому,—неизвѣстно, но только бѣлое знамя нашего великаго государя и до сихъ поръ находится еще въ вашей странѣ».

Весьма возможно, конечно, что въ этомъ легендарномъ преданіи кроется какой-нибудь историческій смыслъ, но Николаю Михайловичу не удалось его разъяснить. Еще интереснѣе преданіе о будущемъ воскресеніи Чингисъ-хана.

По словамъ монголовъ, прахъ этого героя покоится въ одной кумирнѣ, находящейся въ южномъ Ордосѣ, въ хошунѣ *) Ванъ, въ разстояніи около 200

*) Всѣ монгольскія страны раздѣлены на хошуны, нѣчто вродѣ провинцій.

версть къ югу отъ озера Дабасунъ-нора. Преданіе это не согласуется съ показаніемъ исторіи, изъ которой видно, что тѣло Чингисъ-хана, умершаго въ 1227 г. по Р. Хр. вблизи китайскаго города Нинъ-ся, увезено было на сѣверъ и похоронено недалеко отъ истоковъ рѣкъ Толы и Кэрудена *).

По передаваемой легендѣ, здѣсь (въ хошунѣ Вань) тѣло великаго завоевателя уложено въ два гроба, одинъ серебряный, а другой деревянный, и поставлено посреди кумирни подъ покровомъ палатки, сдѣланной изъ желтой шелковой матеріи. Вмѣстѣ съ гробомъ въ этой же палаткѣ сложено и оружіе Чингисъ-хана. Въ разстояніи десяти верствъ отъ этой главной кумирни, выстроена другая, меньшая, въ которой погребены прахъ двѣнадцати главнѣйшихъ сподвижниковъ великаго завоевателя.

Легенда гласитъ, что Чингисъ-ханъ, умирая, сказалъ своимъ приближеннымъ, что онъ снова возстанетъ изъ гроба, и опредѣлялъ приблизительно время этого событія: не даѣе, какъ черезъ тысячу лѣтъ и не менѣе, какъ черезъ восемьсотъ лѣтъ послѣ смерти.

Въ гробу своемъ Чингисъ-ханъ сидитъ, словно спящій человекъ. но, прибавляютъ рассказчики, никто изъ простыхъ смертныхъ не можетъ видѣть его. Каждый вечеръ въ палатку къ удивительному покойнику ставятъ жирнаго жаренаго барана или соответствующее количество коняны, — и къ утру онъ все это съѣдаетъ.

Монголы считаютъ, что со дня смерти Чингисъ-хана прошло уже 650 лѣтъ, такъ что до ожидаемаго воскресенія осталось отъ 150 до 350 лѣтъ.

Ко дню этого чудеснаго воскресенія, по словамъ тѣхъ же монголовъ, также и въ Китаѣ возстанетъ изъ гроба какой-то богатырь, съ которымъ Чингисъ-ханъ будетъ вести войну, побѣдитъ его и выведетъ свой народъ изъ Ордоса въ Халху **), коренную родину монголовъ.

Самое названіе кумирни, гдѣ покоится прахъ этого національнаго монгольскаго героя, Николаю Михайловичу, не смотря на всѣ старанія, не удалось узнать, такъ какъ монголы, вѣроятно изъ подозрительной предосторожности предъ иностранцемъ, скрывали подробности о мѣстонахожденіи этого святилища, хотя по ихъ словамъ туда ежегодно стекаются громадныя толпы богомольцевъ.

Слѣды дунганскаго разоренія постоянно продолжали встрѣчаться. Такъ, дня черезъ четыре послѣ выхода отъ памятной стоянки у оз. Цайде-минъ-норъ, путешественники встрѣтили развалины одной кумирни. Кумирня эта, по имени Шара-дзу—самая обширная во всемъ Ордосѣ; здѣсь жило до двухъ тысячъ ламъ и два или даже три гыгена; теперь же въ развалинахъ разрушенныхъ храмовъ и въ покинутыхъ фанзахъ гнѣздились дѣльныя стада каменныхъ голубей, ласточекъ и др.

*) См. Риттеръ „Землеводѣніе въ Азіи“, переводъ П. Семенова, стр 618—619.

**) Страна, центромъ которой является г. Урга, см. раньше.

Фанзы по большей части остались цѣлыми, но храмы, особенно главный, со всѣми своими боковыми пристройками, представляли лишь груду развалинъ. Глиняныя статуи боговъ разбиты были на куски и валялись на землѣ; нѣкоторыя изъ нихъ еще остались на своихъ мѣстахъ, но изрублены саблями и исколоты пиками... Огромный идолъ Будды стоитъ съ пробитой грудью: свирѣпствовавшіе дунганы искали вѣроятно здѣсь сокровищъ, которыя ламы часто дѣйствительно прячутъ въ статуи боговъ. Листы священной книги Ганчжуръ разорваны и разбросаны вездѣ по полу вмѣстѣ съ другими обломками и покрыты уже толстымъ слоемъ пыли.

Теперь здѣсь не было ни одной души человѣческой, а между тѣмъ еще такъ недавно, по разсказу проводника, сюда стекались тысячи богомольцевъ, на поклоненіе святынямъ.

Пользуясь случаемъ, путешественники подробно разсмотрѣли обстановку храмовъ.

Повидимому, здѣсь все разсчитано было на то, чтобы поразить и запугать дѣтское воображеніе монголовъ. Боги по большей части изображены были съ свирѣпыми и страшными лицами; они сидятъ то на львахъ, то на слонахъ, быкахъ или лошадахъ; многіе изъ нихъ изображены въ положеніи, когда они даютъ чертей, змѣй и т. п.

Стѣны кумирни, гдѣ онѣ еще уцѣлѣли, размалеваны были грубыми картинами въ подобномъ же родѣ.

— «Какъ же вы вѣруете въ глиняныхъ боговъ?»—спросилъ Николай Михайловичъ у сопровождавшаго его монгола, который ходилъ по развалинамъ съ благоговѣйнымъ страхомъ».

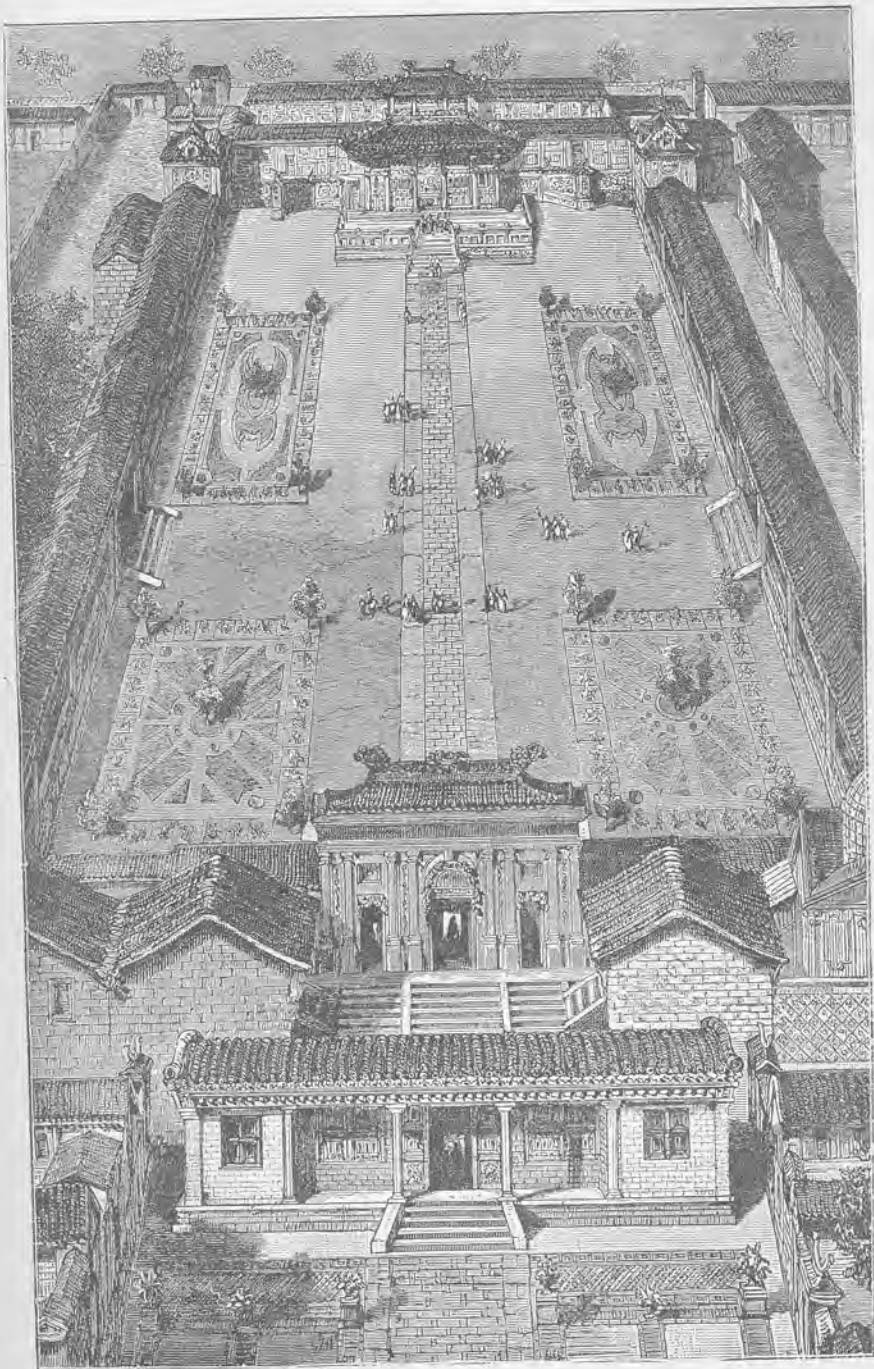
— «Боги наши, отвѣчалъ тотъ, только жили въ этихъ идолахъ, а теперь они улетѣли на небо».

Выше было уже упомянуто, что далѣе къ западу долина Хуань-хэ поросла густыми зарослями кустарниковъ, преимущественно тамараска и лозняка.

Въ этихъ заросляхъ путешественникамъ встрѣтилось очень замѣчательное явленіе: цѣлыя стада *одичавшаго рогатаго скота*.

О немъ еще раньше разсказывали монголы, которые объяснили и происхожденіе его.

Прежде, еще до дунганскаго разоренія, мѣстные монголы блаженствовали и многіе изъ нихъ имѣли такія громадныя стада, что тщательный присмотръ за ними былъ невозможенъ, и нерѣдко случалось, что быки и коровы совершенно самостоятельно бродили по окрестнымъ степямъ и по густымъ зарослямъ и до того дичали что ихъ изловить было чрезвычайно трудно. Когда же шайки дунганъ ворвались въ эту страну и начали безпощадно истреблять жителей, то послѣдніе очень часто, застигнутые врасплохъ, не въ состояніи были собрать своихъ стадъ и бѣжали, помышляя только о своемъ собственномъ спасеніи. Оставленный такимъ образомъ скотъ разбѣжался по всѣмъ пустыннымъ и недо-

Кумирня буддистовъ.

1881

ступнямъ мѣстамъ и въ короткое время до такой степени одичалъ, что грабители были уже не въ состояніи изловить ихъ и увести съ собою. Теперь главные силы дунганъ уже ушли изъ Ордоса, но небольшія шайки продолжаютъ иногда появляться сюда, почему прежніе жители все еще боятся водвориться на мѣстахъ своего прежняго жительства, и скотъ на привольѣ одичалъ еще больше.

Николай Михайловичъ, конечно, не преминулъ поохотиться на такую необыкновенную дичь, но оказалось, что охота эта далеко не такое легкое дѣло, какъ это казалось сначала.

«Замѣчательно, говорить онъ, какъ быстро столь неуклюжія и ступѣвшія отъ долгаго рабства созданія пріобрѣли всѣ привычки дикихъ животныхъ». Одичавшій скотъ встрѣчался обыкновенно небольшими стадами въ 5—15 экземпляровъ, и только старые быки ходили въ одиночку, какъ это наблюдается также у американскихъ бизонровъ, у слоновъ и др. двикихъ травоядныхъ. Цѣлый день они лежатъ въ кустахъ, скрываясь отъ людей и только съ наступленіемъ сумерокъ выходятъ на пастбища, проводя такимъ образомъ всю ночь».

Замѣтивъ человека, или почувявъ его еще издалека по вѣтру, все стадо тотчасъ же пускается на уходъ и бѣжитъ очень далеко. Дикими свойствами и рѣзвостью, по наблюденію Николая Михайловича, въ особенности отличается молодое поколѣніе, экземпляры родившіеся и выросшіе уже на волѣ.

Охота за одичавшимъ скотомъ оказалась очень затруднительною, такъ что за все время пребыванія въ Ордосѣ охотники наши успѣли убить только четырехъ быковъ.

Что-же касается монголовъ, то они и совсѣмъ не предпринимаютъ охоты на этихъ животныхъ, такъ какъ до сихъ поръ появляются въ Ордосѣ только изрѣдка, изъ опасенія дунганскихъ шаекъ, которыя все еще продолжаютъ по временамъ бродить здѣсь; кромѣ того животныя эти очень крѣпкія на рану, легко переносятъ ударъ фатильнаго ружья, пуля котораго обыкновенно представляетъ кусочекъ чугуна или камешекъ, облитый свинцомъ.

Однако Ордосъ не представляетъ такихъ обширныхъ и привольныхъ травяныхъ пастбищъ, какія есть, напримѣръ, въ Южной Америкѣ, гдѣ, какъ извѣстно, расплодился огромная стада рогатаго скота изъ немногихъ особей, ушедшимъ отъ первыхъ испанскихъ колонистовъ и подобнымъ же образомъ одичавшихъ. Поэтому, говорить Пржевальскій, ордосскому одичавшему скоту предстоитъ въ скоромъ времени, какъ только монголы водворятся на своихъ жилищахъ, быть истребленнымъ или переловленнымъ и снова приведеннымъ въ домашнее состояніе.

Въ тѣхъ же Ордосскихъ степяхъ путешественники встрѣчали и полуодичавшихъ верблюдовъ и одного даже удалось имъ изловить; а по словамъ монголовъ здѣсь водились прежде также и одичавшія овцы, но Пржевальскому не удалось ихъ встрѣчать, такъ какъ въхъ, вѣроятно, уже успѣли истребить волки.

Встрѣтивъ въ первый разъ одичавшій скотъ, наши путешественники очень

обрадовались, такъ какъ промыслять дичь въ этомъ мѣстѣ было довольно затруднительно. Первая охота была, однако, очень неудачна именно вслѣдствіе того, что охотники ужь слишкомъ рассчитывали на тупоуміе быковъ и не принимали должныхъ предосторожностей. Но уже на слѣдующій день Николаю Михайловичу посчастливилось сразу убить двухъ быковъ, которые настолько ослаблены были яростнымъ боемъ между собою, что не замѣтили подкравагаго охотника.

Такая удача была какъ разъ кстати, такъ какъ теперь можно было сдѣлать запасъ на будущее.

Перетащивъ лучшія части убитыхъ животныхъ къ своей палаткѣ, путешественники принялись разрѣзывать мясо на тонкія пластинки и развѣшивать ихъ для просушки на солнцѣ. Однако и это дѣло оказалось не такимъ легкимъ и простымъ, какъ казалось сначала. Развѣшенное мясо привлекло множество коршуновъ и орлановъ, которые хотѣли поживиться этою легкою добычей, и чтобы отогнать ихъ, необходимо было безпрестанно стоять на караулѣ съ ружьемъ.

Восемь дней простоялъ караванъ на одномъ мѣстѣ, пока занимались просушкой мяса и ловлею рыбы въ мелководномъ рукавѣ Хуанъ-хэ, на берегу котораго разбитъ былъ бивуакъ.

Наконецъ, заготовлено было нѣсколько пудовъ провіанта, и путешественники могли теперь болѣе быстро, чѣмъ прежде идти впередъ.

19 августа экспедиція двинулась дальше на западъ. Нѣсколько переходовъ совершено было безъ всякихъ приключеній. Изъ достопримѣчательностей встрѣтились только однѣ развалины стариннаго монгольскаго города время Чингисхана.

Эти историческія развалины расположены были среди песковъ Кузупча въ разстояніи около 30 верстъ отъ берега Хуанъ-хэ. Городъ этотъ несомнѣнно былъ очень обширный, такъ какъ квадратная глиняная стѣна, довольно хорошо сохранившаяся, имѣла около 8 верстъ съ каждой стороны, а высота и ширина ея около 7 саж. Никакихъ особенныхъ преданій относительно этого города не удалось узнать отъ монголовъ.

Впрочемъ, случилось еще одно непріятное происшествіе: во время одной изъ кочевокъ на самомъ берегу Хуанъ-хэ, лошадь Пыльцова оборвалась съ крутого берега въ рѣку и утонула.

Непріятность этого происшествія заключалась въ томъ, что предстоялъ значительный расходъ на покупку новой лошади, между тѣмъ какъ экспедиціонныя средства въ это время уже приходили къ концу.

Виновникомъ этого несчастья оказался монголъ Джюльджига, которому поручено было пасти животныхъ, но онъ вмѣсто присмотра преспокойно улегся спать.

Вообще этотъ слятаившійся монголъ, нанятый Пржевальскимъ еще въ горахъ Муни-ула, причинилъ путешественникамъ не мало непріятностей. Онъ былъ

до того лѣнивъ, что для него было очень трудно сдѣлать лишній шагъ и онъ очень мало приносилъ пользы въ качествѣ помощника. Проводникомъ онъ также оказался плохимъ и черезъ него нерѣдко приходилось сбиваться съ пути и дѣлать лишніе переходы.

Но всего хуже было то, что онъ оказался большимъ заразительною болѣзью и скрывалъ это все время, пока шли по населеннымъ мѣстамъ, гдѣ, конечно, его немедленно же удалили бы. Но лишь только вступили въ совершенно пустынную область долины Хуанъ-хэ и гдѣ, слѣдовательно, прогнать Джюльджигу было невозможно, онъ однажды явился къ Николаю Михайловичу и объявилъ въ чемъ дѣло.

«Можно себѣ представить, говорить Пржевальскій, насколько для насъ пріятенъ былъ подобный сюрпризъ, тѣмъ болѣе, что болѣзнь приняла уже страшные размѣры, лечить ее было не чѣмъ, а между тѣмъ мы всѣ ѣли изъ однихъ чашекъ и жили въ одной палаткѣ, и слѣдовательно очень легко могли заразиться. Да, эта штука была пострашнѣе всякихъ разбойниковъ, которыми насъ такъ часто пугало мѣстное населеніе!» *). Весь августъ пробыли путешественники въ обществѣ зараженнаго монгола, пока ни прибыли къ городу Дынъ-ху, гдѣ послѣдними избавились отъ него.

Чѣмъ далѣе подвигались путешественники на западъ, тѣмъ бесплоднѣе и пустыннѣе становилась долина Хуанъ-хэ. Въмѣсто песчаныхъ равнинъ Кучипчи, здѣсь появились холмы, сначала невысокіе и пологіе, но постепенно возвышались и дѣлаясь круче, они превратились въ скалистый хребетъ Арбусъ-ула. Этотъ хребетъ тянется вдоль рѣки Хуанъ-хэ, постепенно приближаясь къ ней, и наконецъ упирается почти въ самый берегъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ на противоположной сторонѣ рѣки возникаетъ высокая гряда горъ Алашанскихъ.

По монгольскому преданію, одна изъ горъ Арбусъ-улы, имѣющая плоскую вершину, служила наковальнею легендарному кузнецу Чингисъ-хана. Этотъ кузнецъ былъ необыкновеннаго роста, такъ что, сидя на землѣ, былъ гораздо выше горы и ковалъ на ней различное оружіе для своего господина Чингисъ-хапа.

2-го сентября пройденъ былъ весь Ордосъ и путешественники расположились на берегу Хуанъ-хэ, какъ разъ напротивъ города Дынъ-ху, лежащему на противоположной западной сторонѣ рѣки. Теперь снова предстояла переправа, которая на этотъ разъ сопровождалась еще большими неприятностями, чѣмъ предыдущій переѣздъ около г. Бауту.

Караванъ экспедиціи еще только приближался къ рѣкѣ, какъ на противоположномъ берегу, на городскую стѣну толпами высыпалъ народъ, а лишь только онъ поровнялся съ городомъ, оттуда отвалила барка, въ которой сидѣло человѣкъ двадцать пять солдатъ. Переплывъ черезъ рѣку и высадившись на берегъ, они тотчасъ же обступили нашихъ путешественниковъ и потребовали паспортъ.

*) Монголія, стр. 150.

Николай Михайлович приказалъ разбить палатку и расположиться бивуакомъ на берегу рѣки, а между тѣмъ отправилъ со своимъ паспортомъ монгола Джюльджиги. Вмѣстѣ съ нимъ отплыли обратно и солдаты. Черезъ полчаса Джюльджиги возвратился и вмѣстѣ съ нимъ прибылъ китайскій чиновникъ, который объявилъ, что начальника каравана желаетъ видѣть мандаринъ. При этомъ онъ попросилъ почему-то показать ему ружье и собаку, о чемъ, вѣроятно, имъ разболтали монголь.

Тогда Николай Михайловичъ отправился въ городъ, захвативъ съ собою казака-переводчика и своего монгола также въ качествѣ переводчика для китайскаго языка.

Лишь только барка причалила къ берегу, какъ огромная толпа, стоявшая на берегу, окружила новоприбывшихъ, и такимъ образомъ они вступили внутрь стѣны города. Последній былъ очень невеликъ и носилъ на себѣ ясныя слѣды недавняго разоренія, произведеннаго здѣсь дунганами. Уцѣлѣла только одна глинянная стѣна, имѣющая не болѣе полу-версты въ окружности и до такой степени ветхая, что, по выраженію Пржевальскаго: «кажется, достаточно удара дубиною, чтобы сдѣлать брешь въ любомъ мѣстѣ». Жителей въ городѣ, повидимому, совсѣмъ не было, исключая гарнизона, состоявшаго первоначально изъ тысячи воиновъ, но вслѣдствіе безпрестаннаго дезертированія уменьшившагося почти на половину.

Николая Михайловича ввели въ фанзу, которая, очевидно, служила квартирою одного изъ офицеровъ, но какъ снаружи, такъ и въ особенности внутри, мало чѣмъ отличалась отъ обыкновеннаго хлѣва. Въ видѣ украшенія, вѣроятно, по стѣнамъ въ ней развѣшаны были пучки чеснока, «дополнявшаго своимъ прекраснымъ запахомъ общую гармонию всей обстановки».

«Минуть черезъ десять, рассказываетъ Пржевальскій, явился офицеръ и доложилъ, что начальникъ насъ ожидаетъ, и мы отправились въ его фанзу».

«Мандаринъ сидѣлъ за столомъ въ желтой мантии и преважно спросилъ: кто я такой и зачѣмъ пришелъ въ эти страны?»

«На это я отвѣчалъ, что путешествую изъ любопытства; при томъ-же собираю растенія на лекарства и дѣлаю чучела птицъ, чтобы показать ихъ у себя на родинаѣ; кромѣ того, имѣю немного товаровъ для торговли съ монголами; наконецъ, мы съ товарищемъ оба чиновники, о чемъ значится и въ нашемъ пекинскомъ паспортѣ»...

— «Но вашъ паспортъ, вѣроятно фальшивый, такъ какъ печать его и подписи нѣмъ неизвѣстны!»—неожиданно выпалилъ мандаринъ, неоставлявшій все время своей надутой позы.

Пржевальскій велѣлъ ему передать, что самъ онъ не знаетъ по китайски и по одному тому уже не могъ самъ себѣ изготовить этотъ паспортъ, а «съ китайскими фабрикантами подобнаго дѣла также не знакомъ».

— «Какія у васъ вещи?»—продолжалъ мандаринъ.

— «По большей части пеккинскія, для простыхъ монголовъ, такъ какъ русскія вещи мы всё уже распродали».

— «Но вы имѣете оружіе?»

— «Оно не продажное,—отвѣчалъ Николай Михайловичъ, такъ какъ по трактату мы не имѣемъ права ввозить въ Китай товаръ подобнаго рода; ружья же и револьверы служатъ намъ защитой отъ нападенія разбойниковъ»...

— «Покажите мнѣ свое ружье и выстрѣлите изъ него въ цѣль»...

— «Хорошо, пойдемте на улицу».

Своимъ штудеромъ Ланкастера Николай Михайловичъ разбилъ кирпичъ, поставленный въ видѣ мишени, а затѣмъ, взявши у казака дробовикъ, убилъ въ летъ ласточку.

Послѣ этого мандаринъ пожелалъ и самъ выстрѣлить, но даже и близко около цѣли не попалъ.

Столь торжественно начатая аудіенція закончилась такимъ образомъ спортомъ. Мандаринъ велѣлъ принести цѣлый арсеналъ имѣвшихся у него старинныхъ англійскихъ ружей и пистолетовъ и началъ одинъ за другимъ выпускать заряды въ цѣль. Наконецъ ему удалось разъ попасть въ поставленный кирпичъ и удовольствовавшись такимъ успѣхомъ, онъ вошелъ въ свою фанзу, а чужеземцевъ снова отвели въ квартиру одного изъ офицеровъ, подобную вышеописанной. Вскорѣ туда-же прислано было угощеніе: арбузъ, чай и какой-то супъ.

Черезъ нѣсколько времени ихъ снова позвали къ мандарину.

— «Я долженъ осмотрѣть ваши вещи и переписать ихъ»,—сказалъ онъ. «Объявите мнѣ сколько у васъ оружія и какое именно?»

Пришелъ писарь и самымъ подробнымъ образомъ записалъ со словъ Николая Михайловича, сколько у него ружей, револьверовъ, пороху, пуль и т. д.

За этимъ занятіемъ наступилъ вечеръ и въ фанзѣ совершенно стемнѣло. По знаку мандарина принесли сальную свѣчку и ночникъ, въ которомъ горѣло купжутное масло.

По окончаніи описи, мандаринъ, не чинясь болѣе, попросилъ продать ему штудеръ, но получилъ рѣшительный отказъ.

Аудіенція окончилась и Николай Михайловичъ со своими спутниками были перевезены обратно черезъ рѣку, гдѣ къ великой своей радости встрѣчены были Фаустомъ, котораго они уже отчаявались видѣть когда-либо: когда переѣзжали въ городъ, онъ также вскочилъ въ барку, но какъ только вышли на берегъ, онъ затерялся въ толпѣ и несмотря на розыски не былъ отысканъ. Оказалось, что вскорѣ послѣ этого онъ бросился въ рѣку и благополучно переплылъ ее обратно, присоединившись къ оставшимся на бивуакѣ.

Рано утромъ на слѣдующій день отъ города отвалила барка и въ палатку путешественниковъ явился чиновникъ въ сопровожденіи десятка солдатъ, одѣтыхъ въ парадную форму—въ красныя блузы. Чиновникъ этотъ объявилъ, что по приказанію мандарина онъ долженъ произвести ревизію всѣмъ вещамъ.

Дѣло принимало дурной оборотъ, такъ какъ Николай Михайловичъ очень не желалъ, чтобы въ руки китайцевъ попали его слемки.

Къ счастью осмотръ производился самымъ небрежнымъ образомъ, такъ что до планшетовъ, которыхъ была уже порядочная куча, припрятанная на самый низъ сундука, эти ревизоры даже и не дошли. Курьезно, что благополучному исходу этого кризиса способствовало не мало то обстоятельство, что въ палаткѣ въ это время варился супъ, и солдаты, да и самъ чиновникъ, гораздо болѣе занимались вытаскиваніемъ кусковъ мяса изъ кастрюли, чѣмъ осмотромъ вещей.

Однако и этимъ еще дѣло не окончилось. Чиновникъ объявилъ въ концѣ концовъ, что мандаринъ просилъ прислать ему посмотреть вчерашній штуцеръ и револьверъ. Сначала ему было рѣшительно отказано въ этомъ, но когда чиновникъ сталъ усиленно просить и прибавилъ, что мандаринъ запретилъ ему показываться на глаза безъ просимыхъ вещей, то Николай Михайловичъ наконецъ согласился дать, но при этомъ потребовалъ, чтобы перевозка каравана на противоположный берегъ немедленно-же была начата.

Тотъ обѣщалъ, и дѣйствительно, не болѣе какъ черезъ часъ явилась барка, въ которую уложили всѣ вещи и перевезли черезъ рѣку. Оставалось только перевезти еще животныхъ, при которыхъ оставленъ былъ Пыльцовъ съ однимъ казакомъ.

Когда перевезенныя вещи были сложены въ небольшой загородкѣ, стоявшей на самомъ берегу рѣки, то Пржевальскій самъ отправился къ мандарину съ просьбой ускорить окончаніе переправы и дать билетъ для дальнѣйшаго слѣдованія по Ала-шаню, но тотъ отвѣчалъ, что еще самъ лично долженъ осмотрѣть вещи и тотчасъ-же отправился къ фанзѣ, гдѣ онѣ были сложены.

На этотъ разъ осмотръ былъ однако совсѣмъ особенный. Разбирая пожитки, онъ началъ отбирать то, что ему нравилось и передавать своему слугѣ подъ предлогомъ, что ему надо все это хорошенько рассмотреть дома. Такимъ образомъ въ нѣсколько было минутъ отобрано: два пистолета, револьверъ, кинжалъ, двѣ пороховницы, дѣсть писчей бумаги...

Видя, что осмотръ превращается въ чистѣйшій грабежъ, Николай Михайловичъ энергично запротестовалъ и въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ приказалъ передать переводчику требованіе немедленно-же все возвратить. Тогда китайскій генералъ удовольствовался взятыми вещами и прекратилъ дальнѣйшій осмотръ.

Между тѣмъ къ перевозкѣ верблюдовъ все еще не приступали, подъ тѣмъ предлогомъ, что поднялся вѣтеръ и они могутъ утонуть, а когда Николай Михайловичъ началъ очень энергично настаивать, то сдѣлали это самымъ небрежнымъ образомъ: верблюды не могли сами перепрыгнуть черезъ высокіе борты барки и вмѣсто того, чтобы возиться со втаскиваніемъ ихъ туда на веревкахъ, какъ это дѣлали перевозчики у г. Бауту, ихъ попросту привязали за головы къ этой самой баркѣ и потащили черезъ рѣку.

Нечего и говорить, что подобная вацна была не только очень вредна для

верблюдовъ, которые вообще очень боятся воды и не выносятъ купанья, въ я опасна...

Однако-же по счастливой случайности переправа совершилась благополучно и верблюды кое-какъ были доставлены на лѣвый берегъ рѣки.

Когда переправа такимъ образомъ была закончена, Николай Михайловичъ снова отправился къ мандарину за паспортомъ, но ему сказали, что генераль спать и что придется подождать до завтра.

Выведенный изъ терпѣнія всюю этою нескончаемою волокитою, Пржевальскій велѣлъ тогда передать мандарину, что если тотъ не выдастъ немедленно-же паспорта, то онъ пойдетъ и безъ него, но будетъ жаловаться въ Пекинъ на подобныя притѣсненія.

Неизвѣстно, въ какомъ видѣ передано было генералу это заявленіе, но черезъ четверть часа явился снова чиновникъ съ отрядомъ солдатъ и объявилъ, что мандаринъ приказалъ еще разъ переписать вещи и не отпускать путешественниковъ безъ пропускного билета.

Отрядъ расположился послѣ этого вокругъ фанзы, гдѣ помѣщались путешественники, подъ предлогомъ охраны вещей отъ воровъ, но въ сущности, конечно, для того, чтобы воспрепятствовать уходу.

«Положеніе наше,—говорить Николай Михайловичъ, было крайнъ тягостное, тѣмъ болѣе, что насъ постоянно окружала толпа нахальныхъ солдатъ, позволявшихъ себѣ различныя дерзости; къ довершенію несчастія, одинъ изъ моихъ казаковъ заболѣлъ и не могъ тронуться съ мѣста.

Между тѣмъ начался дождь, но мы не могли найти себѣ приютъ и должны были ночевать подъ открытымъ небомъ, такъ какъ палатку негдѣ было поставить въ узкомъ дворѣ, въ которомъ помѣщались и всѣ наши десять верблюдовъ.

Пришлось покориться необходимости; мы расчистили отъ верблюжьяго помета небольшую площадку и улеглись здѣсь на войлокахъ. Къ счастью дождь скоро пересталъ и ночь была ясная, солдаты поочередно сторожили въ воротахъ двора...

«На слѣдующій день насъ заставили ждать до самаго полудня, говоря, что мандаринъ еще спитъ. Когда-же я хотѣлъ идти лично удостовѣриться въ этомъ, то солдаты не впустили меня въ городъ.

Между тѣмъ нѣсколько разъ приходилъ отъ мандарина его довѣренный, прося подарить его начальнику всѣ забранныя вещи, въ томъ числѣ и штудеръ Ланкасетра. Я отказалъ паотрѣвъ, говоря, что не настолько богатъ, чтобы дарить каждому встрѣчному китайскому генералу оружіе, которое стоитъ нѣсколько сотъ рублей *)»...

Послѣ полудня пришли, наконецъ, сказать, что мандаринъ всталъ и принесла ящикъ со штудеромъ; въ немъ не оказалось пороховницы и коробки съ пистонами.

*) Монголія, стр. 154.

— «Вашъ начальникъ укралъ отсюда двѣ вещи!» сказалъ Николай Михайловичъ чиновнику и послалъ своего казака-переводчика передать тоже самое самому мандарину.

«Самъ я уже не хотѣлъ идти къ нему, прибавляетъ онъ, считая неприличнымъ имѣть дѣло съ подобнымъ господиномъ».

Почти черезъ часъ казакъ вернулся и принесъ пустую пороховницу; что-же касается пистоновъ, то мандаринъ ихъ не отдалъ, говоря, что они нужны ему самому.

Казакъ такъ долго не возвращался потому, что генераль, очевидно насколько не оскорбившійся переданною ему рѣзкостью, все время просилъ уговорить своего начальника подарить ему остальные изъ забранныхъ вчера вещей. Пришедшій вмѣстѣ съ нимъ теперь слуга ожидалъ отвѣта.

Николай Михайловичъ снова отказалъ. Слуга ушелъ, но скоро опять вернулся и объяснилъ, что мандаринъ проситъ продать ему эти вещи. Наскучивъ такимъ кланченьемъ и желая поскорѣе раздѣлаться съ генераломъ-попрошкой, Пржевальскій согласился наконецъ на продажу, но съ условіемъ, что ему немедленно-же будетъ данъ паспортъ и проводникъ. Требованіе это было тотчасъ же исполнено, но только вмѣсто 67 ланъ, назначенныхъ за вещи, прислано было только 50 ланъ, а остальные деньги мандаринъ обѣщалъ доплатить «при слѣдующемъ свиданіи».

Хотя наступалъ уже вечеръ, но Николай Михайловичъ приказалъ вычать верблюдовъ и поспѣшилъ уйти подальше отъ города.

Черезъ нѣсколько времени, къ каравану присоединился одинъ монголь, съ которымъ во время пребыванія въ Дынъ-ху путешественники сошлись довольно хорошо и, между прочимъ, именно по его совѣту Пржевальскій согласился наконецъ продать столь понравившіяся мандарину вещи. Этотъ монголь сообщилъ нѣкоторыя подробности касательно предыдущаго конфликта. По его словамъ, мандаринъ, когда ему передали наканунѣ, что Пржевальскій собирается уходить безъ его позволенія, разсердившись закричалъ: «я отрублю ему за это голову!» и велѣлъ приставить сильный караулъ.

Но какъ-бы то ни было, дѣла съ этимъ корыстолюбивымъ генераломъ теперь были уже покончены, и экспедиція находилась въ Ала-шаньѣ.

БЕВАЛЬСКИЙ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

А л а - ш а н ь .

Ала-шаньская пустыня, пески Тынгери; флора, фауна и население.—Прибытіе въ Дынъ-юань-пинъ.—Амбанъ и его сыновья; дружескія отношенія съ молодыми князьями.—Подарки.—Торговля.—Балдынъ Сарджи и его интересные разсказы (пзбраніе Далай-ламы, Шамбалинъ).—Аудіенція у князя.—Экскурсія въ горы.—Охота за кузу-яманами.—Возвращеніе въ Дынъ-юань-пинъ.—Безвыходное положеніе вслѣдствіе безденежья, рѣшеніе возвратиться въ Цекинъ.

Южная часть Гоби, къ западу отъ большой извилины въ среднемъ теченіи Желтой рѣки, представляетъ дикую и бесплодную пустыню, населенную монгольскимъ племенемъ олютами. Страна эта, называемая Ала-шанемъ или За-Ордосомъ, представляетъ сплошные сыпучіе пески, которые тянутся къ западу до рѣки Эцзинъ, на югъ до горъ Ганьсуйской китайской провинціи, а на сѣверѣ сливаются съ равнинами Средней Гоби.

Весь Ала-шань имѣетъ совершенно равнинный характеръ и подобно Ордосу нѣкогда, вѣроятно, былъ дномъ огромнаго внутренняго моря, чему главнымъ доказательствомъ служитъ твердая глинисто-солонцеватая почва, которая находится здѣсь вездѣ подъ поверхностнымъ слоемъ сыпучихъ песковъ, а также нахожденіе небольшихъ самоосадочныхъ соленыхъ озеръ по всѣмъ низинамъ, въ которыхъ скопились послѣдніе остатки водъ, прежде покрывавшихъ эту равнину.

Алашаньская пустыня наполнена сплошными песками, простирающимися на многія сотни, даже тысячи верстъ, всегда готовыми задушить путника своимъ палящимъ жаромъ или засыпать его песчанымъ ураганомъ. Пески эти такъ обширны, что получили отъ монголовъ названіе «тынгери», что означаетъ «небо». Въ нихъ нѣтъ нигдѣ ни капли прѣсной воды, не видно, ни птицы, ни звѣря и «мертвое заустѣніе, говоритъ Пржевальскій, наполняетъ ужасомъ душу забредшаго сюда человѣка» *).

Ордоскіе Кузинчи, въ сравненіи съ Алашанскими песками, кажутся мнѣнатурою, при томъ-же тамъ хоть изрѣдка встрѣчались оазисы, покрытые свѣжею растительностью, тогда какъ здѣсь желтый песокъ тянется на необозримыя пространства и смѣняется лишь иногда столь-же бесплодными и безжизненными площадями соленой глины, а ближе къ горамъ—скопленіями мелкой и крупной гальки. Равнина эта по большей части совсѣмъ оголена, но мѣстами появляются рѣдкія заросли уродливыхъ кустарниковъ саксаула (*Haloxylon*), достигающаго здѣсь размѣровъ настоящаго дерева въ 10—12 и даже иногда до 18 фут. вышиною и въ $\frac{1}{2}$ ф. (изрѣдка даже до 1 ф.) толщиной. На подѣлки это дерево совершенно негодно, такъ какъ слишкомъ хрупко, но горить очень хорошо.

*) Монголія.. стр. 156.

Безлистные, но толстые и сочные вѣтви этого растенія, торчащія, обыкновенно, какъ щетина, составляютъ главную пищу алашанскихъ верблюдовъ. Кромѣ того, заросли саксаула представляютъ нѣкоторую защиту отъ свирѣяющихъ здѣсь вѣтровъ, и монголы въ подобныхъ заросляхъ ставятъ зимою свои юрты, такъ какъ въ такихъ мѣстахъ обыкновенно можно рассчитывать достать на нѣкоторой глубинѣ и воду. Саксауль или закъ растетъ исключительно на голомъ сыпучемъ пескѣ и встрѣчается въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ лишь въ сѣверной части Алашана, распространяясь и дальше въ Гобійской степи прибли-

Тамарискъ.

Саксауль.

зительно до 42° сѣв. широты, а также мѣстами въ Ордосѣ, Цайдамѣ и въ Русскомъ Туркестанѣ.

Еще болѣе важнымъ для алашанскихъ монголовъ является другой «даръ природы»—трава сульхирь (*Agriophyllum gobicum*). Растеніе это достигаетъ высоты двухъ, рѣдко трехъ футовъ, и подобно заку растетъ также на голомъ пескѣ. Цѣнность этого колючаго солянкаваго растенія для жителей заключается въ томъ, что оно доставляетъ вкусныя и питательныя сѣмена, которыя монголы употребляютъ въ пищу. Если лѣто бываетъ слишкомъ сухое, и урожай сульхира плохъ, то монголы голодаютъ послѣ этого цѣлый годъ. Въ сентябрѣ, какъ только сѣмена этого благодѣтельнаго растенія поспѣваютъ, монголы принимаются тщательно собирать его по пустынѣ, обмолачиваютъ на нерѣдко попадающихся здѣсь твердыхъ, гладкихъ какъ полъ, глинистыхъ площадкахъ, дочиста выметен-

Тамарискъ.

Саксауль.

ныхъ вѣтрами отъ песковъ, и запасаются ими на цѣлый годъ. При употребленіи, сѣмена эти сначала слегка поджариваются на медленномъ огнѣ, а затѣмъ толкутся въ ручной ступкѣ. Полученную муку завариваютъ съ чаемъ.

Самая-же трава служить прекраснымъ кормомъ для верблюдовъ, лошадей, овецъ и вообще для всѣхъ домашнихъ животныхъ номадовъ.

Какъ бѣдна флора Ала-шаня, такъ небогата и однообразна и его фауна. Крупныхъ звѣрей здѣсь совсѣмъ не встрѣчается, за исключеніемъ только антилопы хара-сульта, за которыми Николай Михайловичъ уже охотился въ Ордосѣ, но здѣсь они встрѣчались гораздо рѣже. Много только песчанокъ, маленькихъ грызуновъ, въ особенности въ заростяхъ зака, гдѣ онѣ до такой степени испещряютъ почву своими норами, что въ такихъ мѣстахъ даже вѣхать на лошади невозможно. Цѣлый день путникъ слышитъ вокругъ себя однообразный пискъ этихъ звѣрковъ, стель-же скучный и однообразный, какъ и вся природа Алашаньской пустыни.

Но чего здѣсь дѣйствительное изобиліе, такъ это ящерицы, которыя свуютъ на каждомъ шагу и составляютъ почти исключительную пищу всѣхъ здѣшнихъ птицъ: соекъ, коршуновъ, сарычей, бѣлыхъ журавлей и др.; даже чайки прилетаютъ сюда изъ долины Хуанъ-хэ за этою легкой поживой. Волки, лисицы и монгольскія домашнія собаки также питаются этими пресмыкающимися за неимѣніемъ лучшей добычи.

Населеніе Ала-шаня составляютъ олюты, монгольское племя, весьма близкое по внѣшнему виду къ калмыкамъ. Отъ коренныхъ монголовъ-халхасцевъ они значительно отличаются и представляютъ какъ бы переходную ступень отъ послѣднихъ къ китайцамъ. Вообще вліяніе китайцевъ здѣсь довольно сильно замѣтно. Алашанцы какъ-бы передѣлали свой монгольскій характеръ на китайскій ладъ и не отстаютъ отъ своихъ сосѣдей даже въ пагубной привычкѣ—курить опиумъ. Въ самомъ главномъ, однако,—въ трудолюбіи, алашанцы не взяли примѣра съ китайцевъ и у нихъ въ полной силѣ сохранилась прежняя, національная монгольская лѣнь.

Въ административномъ отношеніи Ала-шань раздѣляется на три хошуна, но населеніе всего княжества едва-ли превышаетъ 5—6 тысячъ душъ, въ особенности послѣ дунганскаго раззоренія; дунганы свирѣпствовали здѣсь въ то же время, какъ и въ Ордосѣ, и избяли много сотенъ жителей.

Отъ Динъ-ху караванъ экспедиціи направился прямо въ глубину Ала-шаньской пустыни по направленію къ единственному городу этой страны—Динъ-юань-ину.

Прежній проводникъ Джюльджига оставленъ былъ въ Динъ-ху; взамѣнъ его теперь путешественники взяли себѣ новаго, по рекомендаціи все того-же монгола, съ которымъ свели знакомство въ г. Динъ-ху. Этотъ новый проводникъ, монголъ по происхожденію, но магометанскаго вѣроисповѣданія, оказался очень хорошимъ и смысленнымъ человѣкомъ.

Наступалъ уже сентябрь мѣсяць, лѣтнія жары окончились, такъ что

дневные переходы сдѣлались уже не такъ затруднительны, какъ прежде. Безъ проводника здѣсь невозможно было-бы найти дорогу, такъ какъ сыпучіе пески, скопившіеся въ небольшіе холмы, были совершенно похожи одинъ на другой.

14 сентября пройдена была эта страшная пустыня, и путешественники достигли города Дынь-юань-ина, гдѣ въ первый разъ за всю экспедицію противъ ожиданія, встрѣтили радушный пріемъ.

Еще версть за 40 отъ города, по приказанію князя Ала-шаньскаго, на встрѣчу путешественникамъ выѣхали трое чиновниковъ разузнать, кто они такіе. Однимъ изъ первыхъ вопросовъ этихъ посланцевъ былъ: «не миссіонеры-ли они», и когда получили отрицательный отвѣтъ, то видимо обрадовались и начали радушно пожимать русскимъ гостямъ руки. При этомъ они объяснили, что если бы пришлецы, о которыхъ уже дошла вѣсть до города, оказались миссіонерами, то князь запретилъ впускать ихъ туда.

Заявленіе во всякомъ случаѣ знаменательное и доказываетъ фанатизмъ монголовъ. «Вообще, говоритъ Пржевальскій, въ числѣ причинъ, обусловившихъ успѣхъ нашего предпріятія, на видномъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить то обстоятельство, что мы никому не навязывали нашихъ религіозныхъ воззрѣній *).

При приближеніи экспедиціи къ городу, снова выѣхали на встрѣчу ей три человѣка, которые привѣтствовали путешественниковъ отъ имени князя и проводили ихъ на квартиру, заранѣе отведенную для нихъ.

Городъ Дынь-юань-инъ составляетъ резиденцію владѣтельнаго князя Ала-шаня, обнесенъ глиняною стѣною, версты полторы въ окружности.

Въ то время крѣпость эта была приведена въ оборонительное состояніе, такъ какъ постоянно можно было опасаться нападенія дунганъ: на зубцахъ вездѣ сложены были большія кучи камней, бревна и т. п. приспособленія къ отбитію ожидаемаго штурма. Кромѣ главной крѣпости, впереди ея съ сѣверной стороны устроены еще три небольшія укрѣпленія, также обнесенныя глиняной стѣной и деревяннымъ палисадомъ.

Внутри крѣпости живетъ самъ князь—Амбанъ—и расположены казармы для помѣщенія китайскаго и монгольскаго войска. Вокругъ стѣны, по рассказамъ жителей, прежде расположено было нѣсколько сотъ фанзъ, но всѣ они сожжены были дунганами, которые не могли однако взять крѣпости, но за то раззорили всѣ окрестности ея, въ томъ числѣ и загородный дворецъ князя, устроенный даже съ нѣкоторою роскошью: здѣсь разбитъ довольно большой паркъ, вытѣлись прежде даже пруды съ водою, но теперь все это представляло лишь развалины и находилось въ полномъ запустѣніи.

Еще далеко за городомъ невиданныхъ пришлецовъ встрѣтила огромная толпа народа, которая затѣмъ окружила караванъ и, направившись вслѣдъ за ними, биткомъ набилась во дворъ гостиницы, отведенной для путешественниковъ.

*) Монголія, стр. 162.

Хозяинъ этой гостиницы, китаецъ, какъ видно не особенно былъ доволенъ назначеннымъ ему постоемъ и долго не находилъ ключа, чтобы отпереть дверь фанзы. Но присутствовавшіе здѣсь же княжескіе чиновники довольно рѣшительно и безцеремонно поторопили его, и ключъ отыскался.

Зѣваки, собравшіеся во дворѣ, на этотъ разъ однако не удовлетворили своего любопытства, такъ какъ уставшіе путники постарались какъ можно скорѣе развьючить верблюдовъ и легли спать.

На слѣдующій день, уже съ самаго ранняго утра любопытные толпою запрудили дворъ и ушли передъ гостиницей; они пытались провибнуть и въ фанзу, занятую путешественниками, но такъ какъ дверь была вѣрнко заперта, то пытались посмотреть въ окна и прорывали бумагу, которою они были заклеены. Напрасно, по любезному распоряженію князя, приставлено было нѣсколько солдатъ, чтобы отгонять народъ: лишь только они палками выгоняли со двора одну толпу, какъ черезъ десять минутъ набиралась новая.

«Не было возможности ничего рѣшительно дѣлать, говорить Пржевальскій, потому что достаточно было высморкаться, чтобы возбудить общее вниманіе и привлечь еще новыхъ зѣвакъ. Поневолѣ приходилось сидѣть, сложа руки, въ грязной фанзѣ, въ то время когда наступила пора самаго горячаго пролета птицъ, а подъ бокомъ находились громадные и при томъ покрытыя лѣсомъ Ала-шаньскія горы»...

У Алашаньскаго князя есть три взрослыхъ сына. Старшаго изъ нихъ, который считается наследникомъ престола, путешественникамъ очень мало приходилось видѣть, но отъ придворныхъ они слышали, что этотъ принцъ держать себя важно, какъ и подобаетъ будущему правителю, и живетъ уединенно.

Что-же касается двухъ младшихъ принцевъ, то Николай Михайловичъ и его спутники очень хорошо познакомились съ ними.

Средній братъ—красивый юноша 21 года съ живымъ и пылкимъ характеромъ, но совершенно испорченъ воспитаніемъ. Съ самаго рожденія онъ провозглашенъ былъ Гыгеномъ, т. е. святымъ, воплощеніемъ божества.

Будучи весьма недалекимъ по уму и развитію, онъ блуждаетъ, какъ во мракѣ, среди всего сумбура, который постоянно толкуютъ ему приближенные ламы: о его перерожденіи, чудесахъ, святости и т. п. Вслѣдствіе этого Гыгенъ не терпять ни малѣйшаго возраженія и считаетъ свое мнѣніе непогрѣшимымъ.

Не отдавая себѣ ни малѣйшаго отчета во всемъ этомъ сумбурѣ, онъ относится ко всему апатично и видитъ въ своемъ высокомъ званіи святого только источникъ огромной власти и богатствъ, приносимыхъ ему усердными вѣрующими. Но въ то же время, сообщаетъ Николай Михайловичъ, хорошо приглядѣвшійся къ нему не только въ это, но и въ послѣдующія посѣщенія, душа молодого принца ищетъ чего-то лучшаго и не удовлетворяется жизнью, заключенною въ узкія рамки ежедневныхъ установленныхъ молитвъ, благословеній и предсказаній.

«Чтобы найти для себя хоть какой-нибудь просторъ, Гыгенъ страстно пре-

данъ охотѣ и по цѣлымъ днямъ ѣздить съ ватагою ламъ, травить лисицъ въ окрестностяхъ города. Впослѣдствіи онъ купилъ у насъ охотничье ружье и постоянно стрѣлялъ птицъ въ своемъ загородномъ саду...

Но и тутъ нѣтъ бѣдному Гыгену покоя отъ различныхъ поклоненій. Однажды, будучи на охотѣ съ своимъ товарищемъ, онъ просилъ его прогнать всѣхъ этихъ поклонниковъ, такъ какъ они ходили сзади гурьбою и распугивали птицъ *)).

Буддайскому святому и каждому ламѣ, правда, не полюбаетъ заниматься охотою, какъ и всякимъ пролитіемъ крови, но приближенные ламы не смѣютъ даже и намекнуть объ этомъ своему владыкѣ, который держитъ ихъ въ суровой дисциплинѣ.

Впрочемъ Гыгенъ не все только занимается развлеченіями, но приноситъ своими пылкими воинскими стремленіями и дѣйствительную пользу государству.

По случаю дунганскаго возстанія, онъ сформировалъ изъ лишнихъ ламъ отрядъ въ 200 человекъ, вооружилъ его англійскими гладкоствольными ружьями, привезенными изъ Пекина, и посылаетъ противъ разбойниковъ, шайки которыхъ еще довольно часто появляются въ предѣлахъ Ала-шаня.

Младшій сынъ амбана — Сія — по своему характеру отчасти походить на Гыгена и чрезвычайно склоненъ къ разгульной жизни. Онъ самъ говоритъ русскимъ гостямъ, что терпѣть не можетъ книгъ и вообще ученья, но очень любитъ войну, охоту и верховыхъ лошадей. Въ скачкѣ онъ дѣйствительно показалъ себя виртуозомъ и на охотѣ, устроенной обоими братьями въ честь нашихъ путешественниковъ, во время бѣшеннаго скачки за лисицей далеко оставилъ за собою всѣхъ своихъ спутниковъ.

Въ заключеніе характеристики Алашанскихъ принцевъ приведемъ еще ихъ официальные имена и титулы, которые они собственноручно записали въ дневникѣ Николая Михайловича.

Титулъ Гыгена: Алаша-инъ Цинъ-ванъ хошунъ-уэнъ Сайнъ Батаргулокчи сумэ Номъ-онъ ханъ джамцу ванджилъ.

Титулъ Сія вѣскольбо короче: Олосъ-онъ Тушіе гунъ дурбанъ дзыргэ Нэмэнсэнъ Балчинъбандзаргучанъ.

Черезъ два дня по приходѣ въ Дынъ-юанъ-инъ, Пржевальскій имѣлъ свиданіе съ двумя младшими сыновьями князя — Гыгеномъ и Сіа, еще черезъ три дня — со старшимъ ихъ братомъ, но аудіенція у самаго амбана состоялась лишь черезъ 8 дней.

Всѣмъ имъ необходимо было сдѣлать подарки, о которыхъ спрашивали еще посланные на встрѣчу чиновники.

Такъ какъ у Николая Михайловича не было никакихъ вещей, специально предназначенныхъ для подобной цѣли (въ послѣдующія свои экспедиціи онъ за-

*) Монголія, стр. 164.

готовялѣ подарки заранѣе, еще при снаряженіи въ Петербургъ, и это составляло не малый расходъ), то онъ дарилъ то, что самому было не нужно. Такъ, напр., князю онъ подарилъ лишніе карманные часы и испорченный aneroidъ, уже не годный къ употребленію, но амбанъ очень цѣнилъ этотъ послѣдній подарокъ, конечно не понимая его употребленія и смотря на него, какъ на красивую бездѣлушку или игрушку. Что же касается сыновей, то ихъ, какъ страстныхъ охотниковъ, не трудно было ублаготворить имѣвшимися въ запасѣ охотничьими принадлежностями: ружьями, пистолетами, порохомъ, красивою пороховницею и т. п.

Отвѣтные подарки были гораздо болѣе цѣнными, а главное весьма подходящими къ стѣснительному положенію путешественниковъ; такъ напр., имъ подарили пару превосходныхъ верховыхъ лошадей; но были и не подходящіе подарки, напр., мѣшокъ ревеня. Кромѣ того Пржевальскій получилъ голову сахару, попавшую въ Алашанъ изъ Кяхты и слѣдовательно русскаго происхожденія.

Гыгенъ и Сія подарили на память Николаю Михайловичу серебряный браслетъ, а Пыльдову—золотое кольцо.

Вообще отношеніе всей княжеской фамиліи къ путешественникамъ было очень радушное и они всѣ постоянно старались высказать свое расположеніе. Ежедневно въ фанзу путешественниковъ присылались изъ княжескаго сада цѣлые коробки арбузовъ, яблоковъ, грушъ, а однажды амбанъ прислалъ имъ даже цѣлый обѣдъ, состоящій изъ множества различныхъ блюдъ китайской кухни.

Но въ особенности хорошо сошлись Николай Михайловичъ и его товарищъ съ двумя младшими принцами; часто вмѣстѣ отправлялись на охоту и посѣщали другъ друга, засиживаясь за бесѣдою иногда до глубокой ночи. Хотя бесѣда съ ними стѣснена была тѣмъ, что приходилось пользоваться пороводчикомъ, но путешественники наши съ большимъ удовольствіемъ проводили время со своими новыми пріятелями. Молодые князья вели себя совершенно непринужденно, смѣялись, шутили, а иногда дѣло доходило до различныхъ игръ и гимнастическихъ упражненій.

«Въ бесѣдахъ съ нами, рассказываетъ Николай Михайловичъ, Гыгенъ и Сія съ лихорадочнымъ любопытствомъ разспрашивали о Европѣ, тамошней жизни, людяхъ, машинахъ, желѣзныхъ дорогахъ и т. д. Наши рассказы казались для нихъ сказкою и пробуждали желаніе видѣть все это собственными глазами; князья не шутя просили насъ свозить ихъ въ Россію» *)...

Между тѣмъ, подъ разными предлогами, свиданіе съ княземъ откладывалось, а до тѣхъ норъ нечего было и думать уходить, между тѣмъ какъ Николай Михайловичъ рвался поскорѣе пробраться въ Алашанскія горы, гдѣ онъ предполагалъ богатую добычу научныхъ коллекцій.

Въ своемъ вынужденномъ бездѣйствіи, путешественники занялись торговлей и въ короткое время весьма выгодно распродали всѣ оставшіеся у нихъ товары.

*) Монголія, стр. 166.

Пекинскіе товары доставили имъ въ среднемъ 30—40% барыша, но гораздо лучше шли у нихъ русскіе товары, которыхъ къ сожалѣнію у нихъ было совсѣмъ

Принцы Ся и Гыгенъ.

немного: иголки, мыло, ножи, бусы, зеркальца и т. п. на всѣхъ такихъ вещахъ въ среднемъ брали около 700% барыша.

Принцы Ся и Гыгенъ.

немного: иголки, мыло, ножи, бусы, зеркальца и т. п. на всѣхъ такихъ вещахъ въ среднемъ брали около 700% барыша.

Въ веденіи торговли путешественникамъ оказалъ большія услуги одинъ изъ приближенныхъ амбана, Лама-Балдынъ-Сорджи, состоявшій у него и его сыновей въ качествѣ довѣреннаго лица и употреблявшійся для исполненія всевозможныхъ порученій.

Съ этимъ Сорджию Пржевальскій и всѣ его спутники сошлись очень хорошо и онъ оказалъ имъ большое содѣйствіе своею услужливостію, при томъ большомъ значеніи, какимъ пользовался онъ у амбана.

Личность эта не совсѣмъ обыкновенная. Въ ранней юности Сорджи бѣжалъ въ Тибетъ, пристроившись какъ-то къ одному изъ каравановъ богомольцевъ, которые часто проходятъ черезъ Ала-шань.

Добравшись до Лхассы, онъ пробылъ тамъ восемь лѣтъ, за это время изучилъ буддаискую премудрость и потомъ возвратился на родину уже ламою. Отъ природы хитрый и смѣтливый, да кромѣ того еще много потолкавшись по бѣлу свѣту, онъ казался очень развитымъ и дѣловитымъ и очень скоро завладѣлъ довѣріемъ амбана, сдѣлался его правою рукою. По порученію князя онъ почти каждый годъ ѣздитъ въ Пекинъ и бывалъ даже въ Кяхтѣ, такъ что зналъ уже русскіяхъ. И теперь онъ находился въ числѣ тѣхъ трехъ чиновниковъ, которые посланы были навстрѣчу путешественникамъ, и авторитетно подтвердилъ князю, что прибывшіе дѣйствительно русскіе.

Сорджи былъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ посѣтителей фанзы, занятой путешественниками, приходилъ даже по нѣсколько разъ въ день и очень много рассказывалъ о Тибетѣ, Лхассѣ, Далай-ламѣ и т. п.

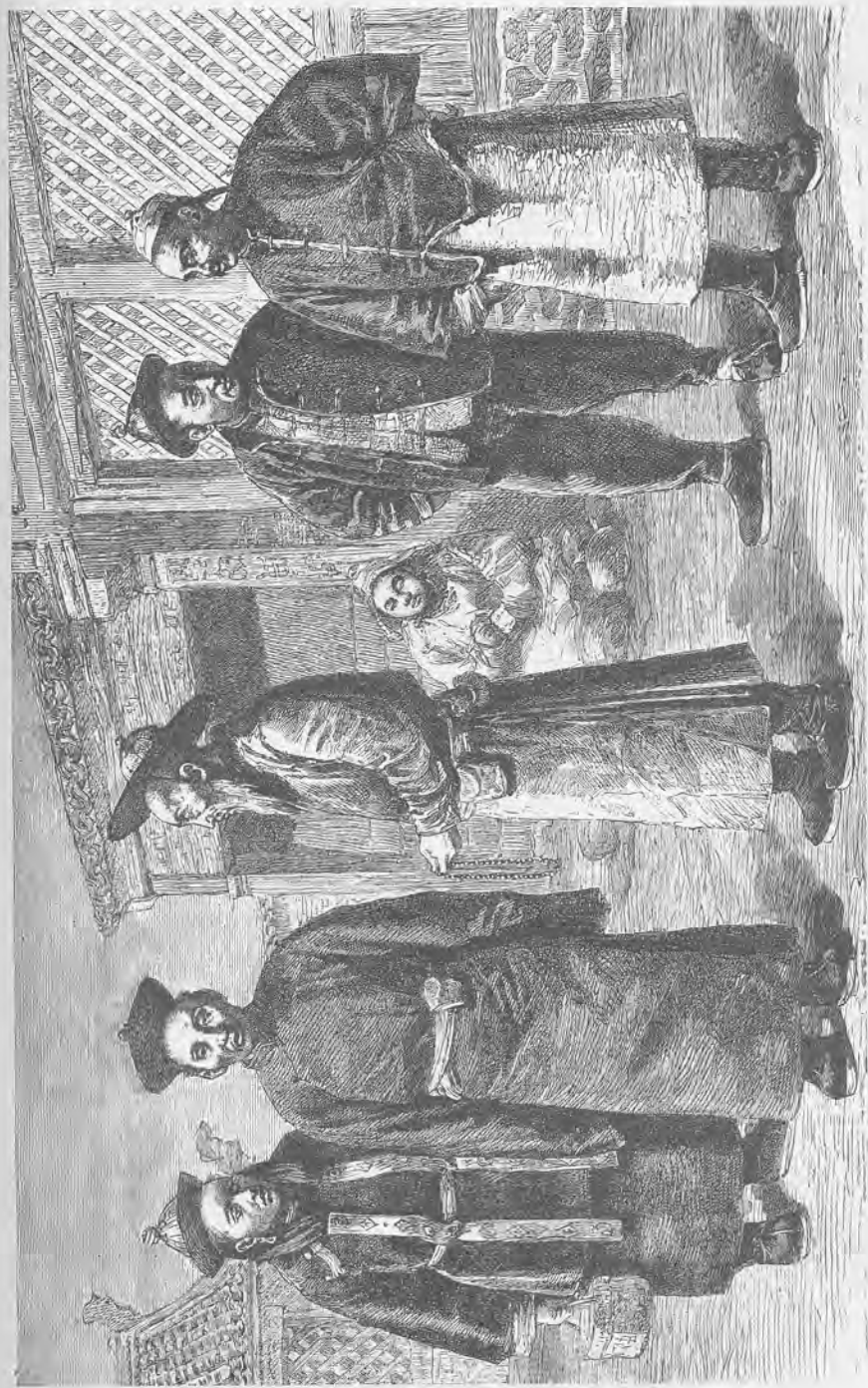
Между прочимъ онъ сообщилъ интересныя свѣдѣнія про тогдашняго Далай-ламу и про его избраніе:

«Не задолго передъ смертію, прежній Далай-лама прозрѣлъ въ одной женщинѣ, пришедшей къ нему молиться, мать своего будущаго преемника. Тогда онъ далъ ей хлѣбъ и какихъ-то ягодъ, съѣвши которыхъ женщина эта получила зачатіе. Умирая вскорѣ послѣ этого, Далай-лама указалъ на нее, какъ на мать своего преемника. Дѣйствительно, когда ребенокъ родился, то въ эту самую минуту изъ столба, которымъ была подперта юрта, потекло молоко, что и было знаменіемъ призванія и великой святости новорожденнаго»...

Много подобныхъ рассказовъ слышали наши путешественники отъ словоохотливаго Сорджи во время его продолжительныхъ посѣщеній. Приведемъ еще интересную легенду о *Шамбалынь*, какъ называется обѣтованная земля буддистовъ, куда со временемъ выведены будутъ изъ Тибета всѣ истинные послѣдователи этой религіи.

Шамбалынь—это чудесный островъ, лежащій гдѣ-то въ «Сѣверномъ морѣ» изобилующій всѣми земными благами: на немъ очень много золота и серебра, хлѣбъ рождается необыкновенно обильно, бѣдныхъ нѣтъ совсѣмъ, словомъ это легендарная страна, «текущая медомъ и млекоомъ».

Буддисты перейдутъ сюда черезъ 2500 лѣтъ послѣ предсказанія о томъ,

Алашаньские монголы.
Посрединѣ мама Ваддынъ-Сорджи, слѣва отъ него Мукдой.

сѣдланнаго однимъ великимъ святымъ, а теперь уже прошло 2050 лѣтъ съ того времени.

Прозойдетъ же это великое событіе слѣдующимъ образомъ:

Въ западномъ Тибетѣ, такъ повѣствоваль Сорджи, живетъ одинъ благочестивый гыгенъ, который, какъ живое воплощеніе божества, никогда не умираетъ, а только перерождается изъ одного смертнаго тѣла въ другое. Не долго передъ наступленіемъ срока предсказаннаго событія этотъ святой родится сыномъ у государя Шамбалына. Къ тому времени дунганы взводнутся еще больше, чѣмъ теперь, и раззоряютъ весь Тибетъ. Тогда Далай-лама со всѣмъ своимъ народомъ покинетъ отечество и отправится въ Шамбалынъ, гдѣ вышеупомянутый гыгенъ, который къ тому времени, по смерти своего отца, сѣдлается црремъ, отведеть имъ для поселенія самыя лучшія земли и окажетъ покровительство во всемъ остальномъ.

Между тѣмъ дунганы, ободренные успѣхами въ Тибетѣ, распространяютъ свои завоеванія и дальше: они завоюютъ всю Азію и Европу, а затѣмъ нахлынутъ и на Шамбалынъ.

Тогда царь-гыгенъ соберетъ безчисленныя войска, побѣдитъ дунганъ, прогонитъ ихъ обратно въ свою страну и сѣдлаетъ буддійскую религію господствующею на всей землѣ...

Далѣе Сорджи, въ проливѣ откровенности, сообщилъ своимъ собесѣдникамъ что вышеупомянутый гыгенъ и теперь иногда секретно посѣщаетъ Шамбалынъ и что у него будто бы имѣется волшебный конь, который постоянно стоитъ осѣдланымъ въ его конюшнѣ и возить своего господина въ одну ночь изъ Тибета въ обѣтованную землю и обратно. Простымъ смертнымъ такія удивительныя похождения святаго сѣдлались извѣстными совершенно случайно, слѣдующимъ необыкновеннымъ образомъ:

У гыгена былъ работникъ, который однажды ночью вздумалъ сѣздить къ себѣ домой и, не подозрѣвая ничего, сѣлъ на волшебнаго коня. Лишь только онъ вскочилъ на этого коня, какъ тотъ взвился стрѣлою и понесъ своего сѣдока въ невѣдомую даль. Черезъ нѣсколько часовъ ѣзды работникъ увидѣлъ землю, совершенно не похожую на его родину, съ невиданными никогда лѣсами, озерами, рѣками.

Испугавшись, онъ поспѣшилъ повернуть коня обратно и для того, чтобы погонять лошаадь, въ случаѣ если она устанетъ, отломилъ отъ дерева вѣтку. Однако-же волшебный конь мчался все по прежнему и къ разсвѣту былъ уже въ Тибетѣ, возлѣ родной кумирни. Чтобы скрыть свою поѣздку, работникъ обтеръ съ коня потъ, выводилъ его и поставилъ на прежнее мѣсто.

Между тѣмъ гыгенъ, какъ только проснулся, сейчасъ-же узналъ о случившемся и призвавъ къ себѣ работника, спросилъ, куда онъ ѣздилъ ночью. Уличенный въ своемъ проступкѣ, тотъ не сталъ опираться и чистосердечно сознался во всемъ.

Тогда святой сказалъ ему: ты немного не доѣхалъ до обѣтованной землѣ Шамбалынѣ, куда мой конь только и знаетъ дорогу».

Затѣмъ, онъ велѣлъ ему показать привезенную ночью вѣтку и объяснилъ ему: «такихъ деревьевъ нѣтъ въ Тибетѣ, они растутъ недалеко отъ Шамбалына».

Закончивъ свой рассказъ, Сорджи неожиданно спросилъ Николая Михайловича, не знаетъ ли онъ, гдѣ находится Шамбалынѣ?

Въ поясненіе, онъ добавилъ еще, что тамъ есть огромный городъ, въ которомъ живетъ теперь королева, правящая народомъ, по смерти своего мужа.

Пржевальскій назвалъ Англию.

«Ну, такъ вѣрно это и есть Шамбалынѣ!—воскликнулъ обрадованный Сорджи и попросилъ показать ему эту страну на картѣ.

На восьмой день, по прибытіи въ Дынъ-юань-инъ, путешественники получили приглашеніе на свиданіе съ амбанемъ.

Предварительно Сорджи, вѣроятно, по порученію самого князя, освѣдомился, какимъ образомъ они намѣрены привѣтствовать амбана, по своему ли, европейскому обычаю, или по монгольскому, т. е. пасть передъ нимъ на колѣни.

Конечно, ему отвѣтили, что будутъ кланяться по европейски, и тогда Сорджи началъ усиленно просить, чтобы эту церемонію исполнилъ хотя одинъ казакъ-переводчикъ; но и въ этой просьбѣ рѣшительно было отказано.

Въ восемь часовъ вечера путешественниковъ провели въ приемную фанзу, которая оказалась хорошо убранною; въ ней стояла кое-какая европейская мебель и, между прочимъ, большое зеркало; на столахъ въ нейзильберныхъ подстѣжникахъ горѣли стеариновые свѣчи и разставлены были различныя угощенія: яблоки, груши, орѣхи, а также пряники и русскіе леденцы, со стихами на билетикахъ и т. п.

Самъ князь, на видъ лѣтъ сорока, имѣетъ довольно благообразную фізіономію, но очень блѣденъ, несомнѣнно отъ неумѣреннаго куренія опиума... «взятчикъ и деспотъ перваго разбора», такъ характеризуетъ его Николай Михайловичъ. Пустая прихоть, порывъ страсти или гнѣва, словомъ, личная воля замѣняетъ всякіе законы и тотчасъ-же приводится въ исполненіе, безъ малѣйшаго возраженія съ чьей-бы то ни было стороны. Впрочемъ, такой порядокъ существуетъ во всей Монголіи и во всѣмъ Китаѣ безъ исключеній. И только благодаря невѣжеству народа, прибавляетъ Пржевальскій, держится подобная гниль общественнаго строя, которая при другихъ условіяхъ неминуемо привела-бы государство къ полному разложенію.

«Запершись внутри своей фанзы, рассказываетъ Пржевальскій, — Ала-шаньскій князь все время проводить въ куреніи опиума и никогда не показывается на улицѣ; въ прежнее время онъ часто ѣздилъ въ Пекинъ, по возстаніе дунганъ прекратило подобныя поѣздки»...

Когда приглашенные путешественники вошли и поклонились князю, то онъ пригласилъ ихъ сѣсть на приготовленные заранѣе мѣста, исключая казака-пере-

водчика, который остался стоять у дверей. Кроме амбана, въ приемной фанзѣ находился еще одинъ гость, какой-то богатый китайскій купецъ, какъ оказалось впоследствии. Здѣсь-же въ дверяхъ фанзы и далѣе въ прихожей стояла свита князя и его сыновья, которые также по этикету должны были присутствовать при аудіенціи, но въ присутствіи владыки принуждены были стоять.

Послѣ обычныхъ разспросовъ о здоровьи и благополучіи пути, амбанъ замѣтилъ, что съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ Ала-шань, въ этой землѣ не было еще ни одинъ русскій, что онъ самъ нигдѣ еще не видѣлъ этихъ иностранцевъ и очень радъ настоящему ихъ посѣщенію.

Послѣ этого начались обычные разспросы о Россіи: какая у нихъ религія, какъ обрабатываютъ землю, какъ дѣлаются тамъ стеариновыя свѣчи, есть-ли желѣзныя дороги и какъ по нимъ ѣздятъ, наконецъ амбанъ, какъ человекъ просвѣщенный и много видѣвшій на своемъ вѣку, въ особенности во время своихъ поѣздокъ въ китайскую столицу, спросилъ даже о томъ, какимъ образомъ снимаютъ фотографическіе портреты.

«Правда-ли, спросилъ князь, что для этого въ машину кладутъ жидкость человѣческихъ глазъ?» «Для такой дѣли, продолжалъ онъ, не дожидаясь отвѣта, христіанскіе миссіонеры въ Тянь-дзинѣ выкалывали глаза дѣтямъ, отданнымъ имъ на воспитаніе; по этой причинѣ народъ возмущился и умертвилъ всѣхъ этихъ миссіонеровъ» *).

Когда Николай Михайловичъ отвѣтилъ ему отрицательно на предложенный вопросъ, то амбанъ началъ усиленно просить его привезти ему изъ Россіи машинку для сниманія портретовъ, и послѣдній едва отдѣлался отъ этого порученія, увѣряя, что при перевозкѣ стекла машины непременно разобьются, хотя все-таки обѣщалъ попытаться.

Далѣе разговоръ перешелъ на политику.

Амбанъ спросилъ, сколько дани платятъ русскимъ французы и англичане; дѣло въ томъ, что, по замѣчанію Пржевальскаго, во всей Средней Азіи номады думаютъ, что всѣ иностранцы, о которыхъ имъ приходилось слышать, находятся въ зависимости отъ Цаганъ-хана, т. е. Вѣлаго-Царя. Названіе «русскій» у нихъ даже прикладывается ко всѣмъ иностранцамъ. Такъ, они говорятъ, напр.: русскіе французы, русскіе англичане...

Послѣднимъ вопросомъ Николай Михайловичъ приведенъ былъ въ затруднительное положеніе, такъ какъ раскрывать глаза азіатскому деспоту не входило въ его расчеты, поэтому онъ увернулся отъ прямого отвѣта и сказалъ, что

*) Какъ извѣстно, въ Тянь-дзинѣ, въ іюль 1870 г. произошло возстаніе. Возмущившаяся чернь умертвила 20 французовъ и 3 русскихъ, послѣдніе впрочемъ подвернулись случайно. Агитаторы, подстрекавшіе народъ къ возмущенію, дѣйствительно, какъ показало слѣдствіе, увѣрили всѣхъ, что французскія сестры милосердія, которыя берутъ къ себѣ на воспитаніе китайскихъ дѣтей, впоследствии выкалываютъ имъ глаза, чтобы получить жидкость, необходимую для сниманія фотографическихъ портретовъ. Слухъ объ этомъ очевидно разнесся во всѣ концы Китая и достигнулъ даже Ала-шаня.

ничего не знает относительно этого. Но амбань и дальше продолжал свои расспросы в томъ-же духѣ.

«Съ дозволенія-ли Цаганъ-хана, или самовольно, продолжалъ допытывать князь,—англичане и французы воевали съ Китаемъ?»

«Во всякомъ случаѣ, прибавилъ онъ,—нашъ Богдо-ханъ только по своей безконечной милости отпустилъ этихъ варваровъ изъ-подъ стѣнъ своей столицы и не истребилъ ихъ до послѣдняго человѣка; въ наказаніе-же за дерзость съ нихъ взята была большая контрибуція» *).

Не извѣстно, что отвѣтилъ Николай Михайловичъ на этотъ шекотливый вопросъ.

«Между тѣмъ, рассказываетъ онъ, бывшіе въ пріемной сыновья князя, наши пріятель Гыгенъ и Сія, кивали намъ пальцами, смѣялись, толкали подъ бока казака-переводчика, стоявшаго у дверей рядомъ съ нами, и школьничали различными манерами, пользуясь тѣмъ, что этого не видитъ ихъ отецъ»...

Аудіенція продолжалась около часа; амбань далъ разрѣшеніе путешественникамъ сходить поохотиться въ сосѣднія Ала-шанскія горы и при прощаніи подарилъ казаку-переводчику 20 ланъ серебра.

Оставивъ своихъ верблюдовъ съ выюками и казака, заболѣвшаго больше прежняго отъ тоски по родинѣ на попеченіи пріятеля Сорджи, путешественники воспользовались даннымъ разрѣшеніемъ и на слѣдующій-же день отправляясь къ горы.

Горы эти вышшаются громадною стѣною болѣе, чѣмъ на 10 тыс. фут. среди пустыни, составляя границу Ала-шаня и китайской провинціи Гань-су и находятся отъ Дынъ-юанъ-ина всего въ 15 верстахъ.

Хребетъ этотъ длиною въ 200—250 в. тянется отъ самаго берега Хуанъ-ха, отъ того самаго пункта, гдѣ на противоположной сторонѣ рѣки въ нее упирается вышеупомянутый ордосскій хребетъ Арбусъ-ула и проходитъ сначала на югъ, вдоль берега Желтой рѣки, но постепенно удаляется отъ нея на западъ. Круто подымаясь надъ окружающею равниною, горы эти носятъ дикій альпійскій характеръ, въ особенности на восточномъ склонѣ, изборожденномъ глубокими пропастями и унизанный громадными, иногда 700—800 ф., почти отвѣсными скалами. Между двумя главными вершинами хребта: Баянь-Цумбуръ и Бугутай, изъ которыхъ первая, по измѣренію Пржевальскаго, имѣетъ 10,600 ф., а вторая

* Дѣло идетъ о войнѣ 1859—60 гг., когда соединенныя англо-французскія войска высадились у Пенанга и подступили къ самому Пекину, при чемъ сожгли даже загородный императорскій дворецъ и принудили правительство къ миру, по которому открыты были для торговли европейцевъ нѣкоторыя гавани. Однако вездѣ во Внутренней Азіи, по замѣчанію Пржевальскаго, существуетъ мнѣніе, что въ этой войнѣ побѣждены были не китайцы, а, наоборотъ, иностранцы-варвары. По понятіямъ дикихъ азіатскихъ народовъ, не знающихъ подробностей хода военныхъ дѣйствій, непріятель, стоявшій подъ стѣнами города и не разорившій его, признается побѣжденнымъ. Вѣроятно, и само китайское правительство позаботилось о распространеніи такихъ слуховъ во всѣхъ подвластныхъ имъ земляхъ, для того, чтобы его престижъ не пострадалъ.

почти на 1,000 ф. болѣе, находится значительное пониженіе въ видѣ перевала, гдѣ и проходить дорога къ китайскому городу Нинь-ся.

Князь далъ нашимъ путешественникамъ въ провозатые нѣсколькихъ монголовъ, хорошо знающихъ горы, но вмѣстѣ съ тѣмъ посланъ былъ и одинъ lama, вѣроятно, въ качествѣ соглядатая.

Отправившись изъ города на легкѣ, они въ тотъ-же день взобрались на горы и къ вечеру уже разбили свою палатку въ вершинѣ одного дикаго ущелья, не далеко отъ гребня самаго хребта.

Несмотря на свою весьма значительную высоту, Ала-шаньскія горы нигдѣ не достигають снѣговой линіи, и весной снѣга растаивають совершенно даже на главныхъ вершинахъ. Количество атмосферныхъ осадковъ въ горной области овозалось довольно значительнымъ, хотя горы несмотря на это очень бѣдны водою, такъ что ключи здѣсь встрѣчаются весьма рѣдко, а значительныхъ ручьевъ, по словамъ монголовъ, только два во всемъ хребтѣ.

Причина такого страннаго на первый взглядъ явленія заключается, по объясненію Пржевальскаго, въ томъ, что Ала-шаньскія горы, при всемъ высокомъ поднятіи надъ окрестными равнинами, имѣють очень незначительную ширину, такъ что являются въ полномъ смыслѣ слова гигантскою стѣною и выпадающая влага не можетъ задерживаться на слишкомъ крутыхъ склонахъ и питать родники и ручьи. Во время сильнаго ливня здѣсь образуются въ нѣскольکو минутъ дѣльныя рѣки, которыя стремительно несутся въ сосѣднюю пустыню и почти безслѣдно исчезаютъ тамъ въ пескахъ или, расплываясь на глиняныхъ площадкахъ, образуютъ временныя озера; но какъ быстро появляются эти потоки, такъ-же быстро и исчезаютъ, лишь только прекратится дождь, а засіявшее на небѣ яркое солнце очень быстро выпиваетъ до капли всѣ образовавшіеся водоемы.

У своей подошвы Ала-шаньскія горы покрыты лишь рѣдкою травою и корявыми кустарниками, но постепенно, по мѣрѣ поднятія вверхъ, путникъ встрѣчаетъ уже настоящіе лѣса, состоящіе преимущественно изъ различныхъ хвойныхъ породъ: сосны, ели, древовиднаго можжевельника, къ которымъ въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ примѣшивается береза, осина съ густыми подлѣсками изъ таволги и лещины. На самыхъ-же верхнихъ частяхъ горъ раскинулись роскошныя альпійскіе дуга.

Флора и фауна не отличаются разнообразіемъ видовъ, но количество животныхъ здѣсь довольно обильно въ особенности по сравненію съ окружающею песчанною пустынею.

Николай Михайловичъ со своимъ товарищемъ съ ранняго утра и до поздней ночи лазили по горамъ, неутомимо преслѣдуя осторожныхъ обитателей горныхъ кручъ, между которыми болѣе всего обращали на себя вниманіе нашихъ охотниковъ олени и горные бараны—куку-яманы. За тѣми и другими охота была очень затруднительна, такъ какъ животныя эти крайне осторожны и, по большей части, держатся на почти недоступныхъ горныхъ кручахъ верхняго пояса хребта.

Обладая превосходнымъ обоняніемъ, слухомъ и зрѣніемъ, куку-яманъ ничего, мало-мальски подозрительнаго, не оставляетъ безъ вниманія и лишь только почуветь какую-либо опасность издаеть громкій, отрывистый свистъ, до такой степени похожій на свистъ человѣка, что Николай Михайловичъ на первыхъ порахъ принималъ эти звуки за сигналы охотниковъ.

«Равнею зарею выходили мы, рассказываетъ Николай Михайловичъ, изъ палатки и подымались на гребень хребта, лишь только солнце показывалось изъ-за горизонта. Въ ясное тихое утро панорама, разстлавшаяся отсюда передъ нами, по обѣ стороны горъ, была очаровательная. На востокъ узкою лентою блестяща Хуанъ-хэ, и словно алмазы сверкали многочисленныя озера, разсыпанныя возлѣ города Нинъ-ся; къ западу—широкою полосою уходили изъ глазъ сыпучіе пески пустыни, на желтомъ фонѣ которыхъ, подобно островамъ, нестрѣли зеленѣющіе оазисы глинистой почвы. Вокругъ насъ царилъ полная тишина, изрѣдка нарушаемая голосомъ оленя, зовущаго свою самку.

«Отдохнувъ немного послѣ труднаго подъема, мы шли осторожно въ ближайшія скалы восточнаго склона, болѣе обильнаго куку-яманами. Подойдя къ отвѣсному обрыву, мой проводникъ, а за нимъ и я, высовывали сначала одну лишь голову и смотрѣли внизъ. Оглядѣвъ, самымъ тщательнымъ образомъ, всѣ выступы и кусты, мы выползали впередъ на нѣсколько вершковъ и продолжали осмотръ. Такъ происходило на каждой скалѣ или, лучше сказать, съ cadaго отвѣснаго обрыва ея. Часто, не довольствуясь однимъ осмотромъ, мы выслушивали, нѣтъ-ли шороха отъ шаговъ отыскиваемаго звѣря, или не скатился-ли гдѣ сброшенный имъ камень. Иногда мы и сами спускали большіе камни въ лѣсистыя ущелья, чтобы выгнать оттуда куку-ямановъ. Полетъ такого камня всегда бываетъ великолѣпный.

Едва держась, лежигъ вывѣтрившаяся глыба, такъ что достаточно небольшого усилія, чтобы столкнуть ее внизъ. Медленно отдѣляется она отъ родной скалы и медленно начинаетъ кататься, но съ каждою секундою скорость движенія возрастаетъ, такъ что, наконецъ, камень несется въ ущелье со свистомъ и съ быстротою ядра, ломая на пути даже порядочныя деревья. Вслѣдъ за главною глыбою летятъ другіе меньшіе камни, сброшенные съ своего мѣста и, въ концѣ концовъ, на дно ущелья прилетаетъ съ глухимъ, дребезжащимъ гуломъ цѣлая куча обломковъ. Эхо долины вторитъ общему шуму, спугнутые звѣри и птицы несутся въ другія части ущелья... но черезъ нѣсколько минутъ по прежнему уже все тихо и спокойно... *)).

Иногда, прохидивши такимъ образомъ съ полдня, охотники такъ и не встрѣчали ни одного куку-ямана. «Нужно имѣть соколиное зрѣніе, говоритъ Николай Михайловичъ, чтобы отличить на большомъ разстояніи сѣрую шекуру куку-ямана отъ такого-же цвѣта камней, или, что еще хуже, разглядѣть животное, лежащее въ бустахъ. Мой проводникъ видѣлъ удивительно далеко; случилось,

*) Монголія... стр. 176, 177, 178.

что онъ на нѣсколько сотъ шаговъ замѣчалъ одни рога животного, которые я не скоро могъ разглядѣть даже въ бинокль»...

Но вотъ звѣрь замѣченъ,—и теперь надо еще осторожнѣе подкрадываться къ нему. Иногда при этомъ приходилось совершать большіе круговые обходы, спускаться въ почти отвѣсныя пропасти, прыгать съ камня на камень, черезъ широкія трещины, словомъ, при этой охотѣ постоянно приходилось рисковать жизнью.

Въ головѣ стоитъ одно непреодолимое желаніе подрастѣя къ звѣрю и выстрѣлить, при этомъ забывалось все остальное: руки разцарапывались въ кровь, платье и сапоги рвались немилосердно... и очень часто всѣ эти труды были совершенно напрасны и надежды рушились въ одно мгновеніе: предупредительный свистъ другого куку-ямана, замѣтившаго подозрительное движеніе въ кустарникахъ, не во время свалившійся подъ ногами камень и т. п. случайности въ одно мгновеніе заставляли звѣря скрыться изъ глазъ.

Но неутомимые охотники послѣ энергичныхъ проклятій вслѣдъ исчезнувшей добычѣ снова начинали прежнюю исторію—выслѣживать и выслушивать...

Наконецъ, дѣло идетъ, повидимому, на ладъ: до желаннаго звѣря остается всего шаговъ двѣсти, полтора, а то и еще ближе.

Съ замирающимъ сердцемъ высовываетъ нашъ охотникъ свой штудеръ изъ-за какого-нибудь обломка скалы, прицѣливается и—черезъ мгновеніе выстрѣлъ гремитъ по дикимъ горнымъ ущельямъ отрывистыми перекатами, подхватываемыми громкимъ эхомъ, а прострѣленный куку-яманъ падаетъ и начинаетъ катиться внизъ, оставляя за собою широкій кровавый слѣдъ.

Но такой счастливый выстрѣлъ, убивающій наповалъ, случается рѣдко; по большей части баранъ, даже и смертельно раненый, бросается на уходъ и тогда снова гремать въ догонку выстрѣлъ изъ другого ствола. До какой степени звѣрь этотъ крѣпокъ на рану, видно изъ того, что Николай Михайловичъ однажды прострѣлилъ куку-ямана тремя пулями: въ бокъ, въ шею и въ задъ—и все-таки онъ бѣжалъ еще въ продолженіе четверти часа.

Спустившись за убитымъ звѣремъ въ пропасть, охотникъ тутъ-же на мѣстѣ начинаетъ его потрошить, при чемъ содѣствующій монголъ забиралъ себѣ внутренности и не брезгалъ даже кишками, слегка выжавъ изъ нихъ содержимое; затѣмъ барану связывались ноги и охотникъ, забросивъ его на спину, начиналъ карабкаться на крутизну съ этою нелегкою ношею и отправлялся къ палаткѣ.

Про этихъ куку-ямановъ Пржевальскій рассказываетъ любопытныя вещи. Такъ, онъ говоритъ, что въ то время, какъ засуха выжигаетъ траву, животныя эти питаются листьями и не отказываются для этого даже взлѣзать на деревья.

«Конечно, говорить онъ, можетъ быть такой случай и исключеніе, но я самъ видѣлъ этихъ звѣрей на развѣсистомъ ильмѣ, сажени двѣ вышиною. Замѣтивъ барановъ на деревѣ, не далѣе шестидесяти шаговъ отъ себя, я сначала не повѣрилъ глазамъ и опомнился только тогда, когда животныя соскочили на землю и пустились на уходъ. Одинъ изъ нихъ тутъ-же поплатился жизнью.

Въ другой разъ онъ засталъ стадо куку-ямановъ въ 12 штукъ, на огромной и совершенно недоступной скалѣ.

«Какимъ образомъ они попали туда, рассказываетъ Николай Михайловичъ, я до сихъ поръ не могу объяснить, потому что скала съ трехъ сторонъ была совершенно отвѣсная, а съ четвертой примыкала къ каменной розсыпи, по которой можно было пройти развѣ только мыши».

На разстояніи сотни шаговъ, параллельно этой скалѣ тянулась другая, но гораздо болѣе доступная съ которой Пржевальскій и увидѣлъ стадо.

«Старый самецъ стоялъ прямо противъ меня на такомъ узкомъ карнизѣ, что едва могъ умѣстить свои копыта. Я пустилъ въ него пулю, которая пробила звѣря позади груди. Нѣсколько мгновений стоялъ онъ шатаясь, видя гибель неминуемую. Наконецъ, силы измѣнили... скользнуло одно копыто, потомъ другое и красивый звѣрь полетѣлъ въ пропасть сажень въ шестьдесятъ глубиною. Глухими перекатами раздалось эхо грохнувшей тяжести...

Испуганное стадо не знало на что рѣшиться, и сдѣлавъ нѣсколько прыжковъ вдоль гребня скалы, оно опять остановилось въ неподвижности. Раздался другой выстрѣлъ,—и самка рухнула въ то же самое ущелье, куда передъ тѣмъ упалъ самецъ.

Зрѣлище было потрясающее. Я самъ не могъ удержаться отъ волненія, вилъ, какъ два большихъ звѣря, кувыркаясь, полетѣли въ страшную глубину. Но страсть охотника превозмогла силу впечатлѣнія. Я снова зарядилъ свой штуцеръ и снова пустилъ двѣ пули въ куку-ямановъ, которые не знали, куда дѣться отъ испуга. Такъ стрѣлялъ я съ одного мѣста семь разъ, пока, наконецъ, звѣри не рѣшились на отчаянное дѣло: они спустились внизъ по гребню скалы и прыгнули здѣсь съ обрыва сажень въ двѣнадцать высотой... *)».

Вырвавшихъ на свободу послѣ томительнаго бездѣйствія въ гостинницѣ Дынъ-юанъ-яна, Пржевальскій былъ безконечно радъ, когда попалъ въ Алашанскія горы, гдѣ представлялся случай не только въ сласть поохотиться, но и заниматься научными изслѣдованіями.

«Возьмите карту, писалъ онъ своему другу І. Л. Фатѣеву, и тамъ, гдѣ на ней едва черкнуто штрихами возлѣ города Нинъ-ся, тамъ высится громадный Альпійскій хребетъ. Сюда перенеситесь вы мысленно, и если волшебное зеркало могло бы представить вамъ желаемую панораму, то вы бы увидѣли громадныя скалы и на ихъ обрывахъ лазящаго съ ружьемъ за плечами меня; внизу же, въ горной пади нашу палатку и разбросанный вокругъ нея багажъ...

«Но вотъ выскочилъ горный баранъ, быстро понесся по скаламъ, мгновеніе,—и громкимъ эхомъ раскатился въ горахъ выстрѣлъ или два и, въ случаѣ удачи, красивое животное падаетъ на камень или тяжело рхнется въ пропасть»...

*) Мы нарочно привели эту выдержку. Безпощадная бойня застигнутыхъ въ расплохъ и совершенно безпомощныхъ животныхъ служить хорошею иллюстраціею несприятной черты жестокости въ характерѣ Николая Михайловича, на которую мы уже раньше указывали.

«Ползаніе по крутымъ и отвѣснымъ скатамъ крайне утомляетъ охотника, а огромныя скалы съ узкими и часто вывѣтрившимися выступами, глубокія отвѣсныя ущелья, или каменныя россыпи заставляютъ его быть особенно внимательнымъ и чуткимъ: одинъ невѣрный шагъ или оборвавшійся подъ ногами камень, увлекаютъ въ пропасть и тогда—поминай, какъ звали... Не даромъ въ Сибири каменныя россыпи называются «чертовой каменкой»...

Но не только охота, а и самое ползаніе по горамъ доставляло поэтической натурѣ Николая Михайловича много сладкихъ и отрадныхъ минутъ.

Цѣлыя двѣ недѣли пробыли путешественники въ этомъ привлекательномъ мѣстѣ, наконецъ, вернулись въ Динь-юань-инь.

Отсюда оставалось всего 600 верстъ до завѣтнаго озера Куку-нора; слѣдовательно, можно было бы дойти туда въ какихъ нибудь двадцать дней, но увь! Не смотря на крайнюю бережливость, доходящую даже до скряжничества,—къ этому времени кошелекъ Николая Михайловича уже совершенно пстощился и почти единственно по этой причинѣ пришлось на этотъ разъ отказаться отъ исполненія завѣтной мечты проникнуть къ таинственному въ то время озеру.

Когда экспедиція прибыла въ Ала-шань, то въ кассѣ оставалось уже менѣе ста рублей денегъ. Слѣдовательно, за 9 мѣсяцевъ 3,300 руб., находившіяся въ распоряженіи Николая Михайловича, уже разошлись, и это несмотря на то, что путешественники почти все время пытались даромъ, добывая пропитаніе собственными средствами.

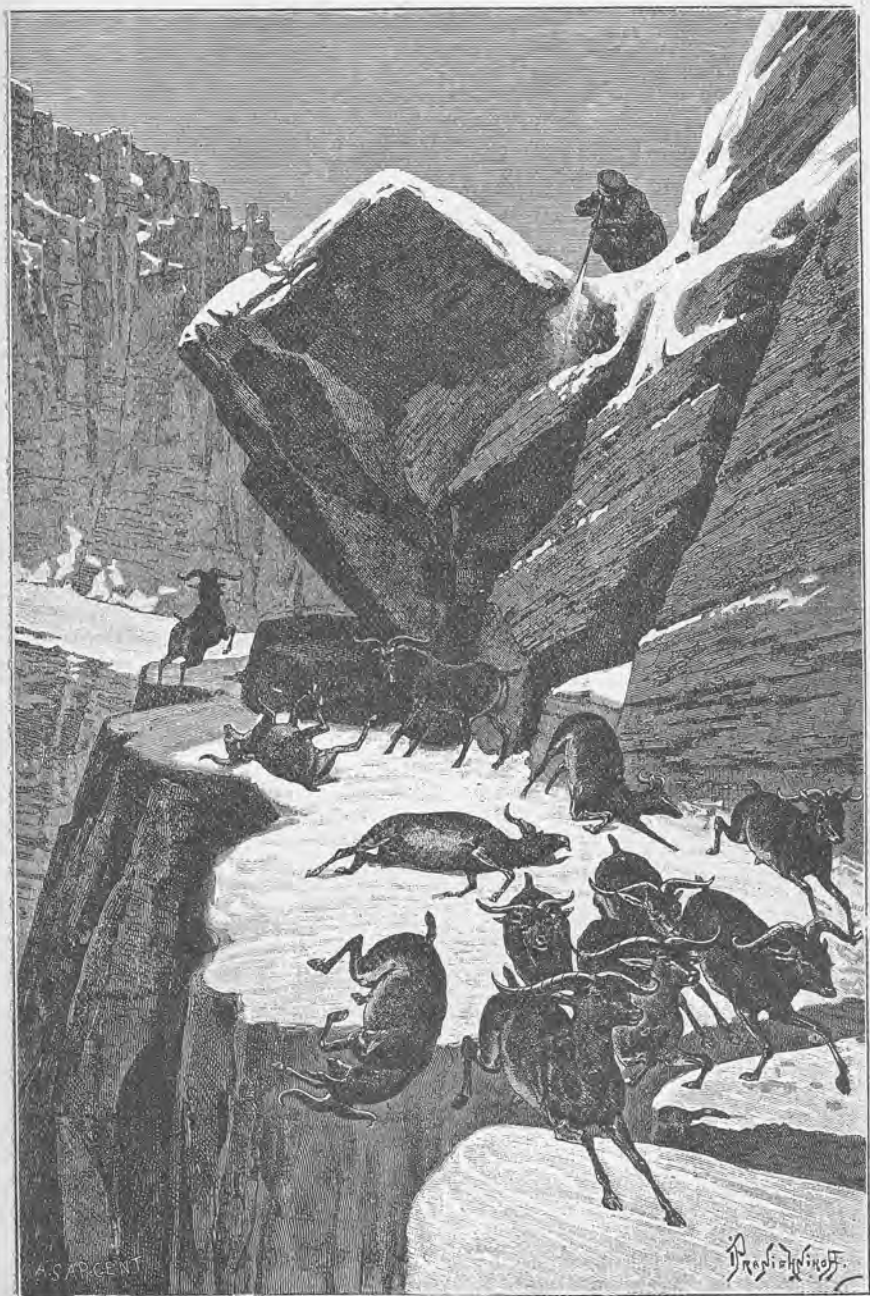
Но, какъ уже раньше было указано, путешествіе по Монголіи и Китаю обходится очень дорого. Достаточно указать хотя бы на то, что за все это время погибло 12 верблюдовъ, которые одни стоили уже около 1,000 руб.

Положеніе экспедиціи было крайне затруднительно, почти безвыходно, и только благодаря тому, что пріемъ въ Ала-шань оказался сравнительно радужнымъ, явилась возможность кое какъ добыть необходимыя средства для возвращенія, путемъ продажи товаровъ и нѣкоторыхъ даже необходимыхъ вещей. Такъ, напр., Пильцовъ вынужденъ былъ продать свое ружье, потому что принцы дали за него хорошую цѣну—270 р., а Николай Михайловичъ съ своей стороны уступилъ свой швейцарскій штуцеръ (съ ланкастеромъ онъ никакъ не могъ рѣшиться разстаться) за 135 руб.

Но все-таки сумма, которая теперь у нихъ составила была настолько незначительна, что было крайне рискованно пускаться въ дальнѣйшій путь, и потому рѣшено было возвратиться въ Пекинъ, чтобы тамъ заготовить деньгами и всѣмъ необходимымъ для дальнѣйшаго путешествія.

Впрочемъ, были и другія причины, побудившія Николая Михайловича къ такому безотрадному рѣшенію. Казаки, сопутствовавшіе ему теперь, оказались неважными, лѣнливыми и въ особенности одинъ до такой степени тосковалъ по родинѣ, что постоянно даже хворалъ отъ этого.

Наконецъ, и паспортъ, выданный изъ Пекинскаго министерства, былъ дѣй-

Охота за куку-яманами

ствителенъ только до Гань-суйской провинціи черезъ которую теперь лежалъ дальнѣйшій путь и потому можно было опасаться, что китайскія власти и совсѣмъ не дадутъ пропуска дальше.

«Съ тяжелою грустью, понятною лишь для человѣка, достигшаго порога своихъ стремленій и не имѣющаго возможности переступить черезъ этотъ порогъ, говоритъ Николай Михайловичъ, я долженъ былъ покориться необходимости—и повернуть въ обратный путь.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Обратное шествіе отъ Ала-шаня до Калгана.

Болѣзнь Пыльцова.—Уара-наринъ-ула.—Климатъ проходной мѣстности.—Порядокъ хожденія и ночевки.— Столкновенія съ китайскими солдатами.—Пропажа верблюдовъ.—Новое несчастье съ Пыльцовыми.—Прибытіе въ Калганъ.

Выступленіе было назначено на 15 октября.

Наканунѣ этого дня путешественники провели весь вечеръ у своихъ молодыхъ пріятелей Гыгена и Сія, которые съ непритворною грустью разставались съ ними и просили ихъ приходить обратно, какъ можно скорѣе. Николай Михайловичъ и Пыльцовъ подарили имъ на память своя фотографическія карточки и съ своей стороны искренно увѣрили принцевъ, что никогда не забудутъ того радужнаго пріема, который былъ оказанъ имъ въ Ала-шанѣ.

Въ самую минуту выступленія, утромъ 15 октября, явился еще разъ пріятель Сорджи и передалъ привѣтствія отъ князя и его сыновей, затѣмъ проводилъ ихъ далеко за городъ.

Путь предстоялъ не легкой. Отъ Дынъ-юань-ина до Калгана разстояніе, даже и по прямому направленію, составляетъ около 1,200 верстъ, и это разстояніе предстояло пройти почти безъ остановокъ, такъ какъ необходимо было торопиться, во первыхъ, въ интересахъ скорѣйшаго продолженія экспедиціи, а во вторыхъ, и потому, что средствъ было слишкомъ недостаточно и путешественники рисковали очутиться въ пустынѣ безъ гроша въ случаѣ какого-нибудь промедленія.

Но какъ нарочно, не успѣла еще экспедиція пройти даже Ала-шанскую пустыню, какъ случилось несчастье, заставившее простоять на одномъ мѣстѣ цѣлыхъ девять дней: сильная и опасная болѣзнь Пыльцова.

Ко всѣмъ трудностямъ хожденія по пустынѣ теперь прибавились еще сильныя морозы съ рѣзкими постоянными вѣтрами. На тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ лѣтомъ пески раскалялись до 60—70°, теперь стояли морозы въ 32,7° Ц!

Молодой спутникъ Николая Михайловича, который не совсѣмъ былъ здоровъ еще и въ Дынъ-юань-инѣ, вскорѣ послѣ выхода оттуда заболѣлъ тафозною горячкою.

Разбивъ свою палатку возлѣ ключа Хара-моритѣ въ сѣверныхъ предѣлахъ Ала-шаньской пустыни, путешественники остановились здѣсь ожидать поправленія здоровья несчастнаго страдальца.

«Сильно въ это время скребли меня кошки за сердце, писать Николай Михайловичъ своему другу Фатѣеву *); но чѣмъ я могъ помочь, не зная ни аза-въ-глаза въ медицинѣ?»

Наконецъ, судьба сжалилась надъ страдальцемъ и онъ, послѣ критическаго перелома тяжелой болѣзни, во время котораго жизнь его висѣла на волоскѣ, началъ поправляться. Молодость и вѣрность организаціи взяли свое и черезъ нѣсколько дней больному стало уже на столько лучше, что онъ былъ въ состояніи сѣсть на лошадь.

Однако-же это было для него крайне утомительно до того, что онъ нерѣдко терялъ сознание, но, принимая слишкомъ горячо къ сердцу интересы общаго дѣла, онъ самъ настаивалъ на томъ, чтобы немедленно же двинуться дальше.

Съ этого времени начались сильные морозы, не прекращающіеся ни днемъ ни ночью, такъ что Пыльцову приходилось очень жутко.

Мятезь нанесла громадныя сугробы снѣга, и животныя начали сильно страдать отъ безкормицы; черезъ нѣсколько дней два верблюда и одна лошадь были уже не въ состояніи продолжать путь и ихъ пришлось бросить, такъ какъ, къ счастью, имѣлись запасныя животныя, подаренныя Ала-шаньскіяиъ княземъ.

Пройдя такимъ образомъ около 150 верстъ вдоль западной подошвы Хара-наринь-ула и убѣдившись въ томъ, что хребетъ этотъ не имѣетъ отроговъ, отходящихъ внутрь нагорья, путешественники снова переправились черезъ горы, воспользовавшись проходомъ по ущелью рѣки Угынъ-голь, и 11 ноября снова спустились въ долину Хуанъ-хэ.

Здѣсь изъ зимы монгольскаго нагорья они снова попали въ теплую осеннюю погоду, которую оставили около трехъ недѣль тому назадъ въ Ала-шанѣ. Снѣгу здѣсь совсѣмъ не было, а термометръ каждый день поднимался выше нуля. Замѣчательно, что такая рѣзкая разница въ климатѣ явилась всего на разстояніи какихъ-нибудь 20 верстъ, которыя занимаетъ спускъ съ окраиннаго хребта.

Но и въ низменной долианѣ Желтой рѣки приближеніе зимы чувствовалось съ каждымъ днемъ все больше и больше, и хотя днемъ по прежнему бывало тепло, но по ночамъ морозы доходили уже до -26° С.

Проходя по окраинѣ нагорья, по западной сторонѣ Хара-наринь-ула путешественники нигдѣ не встрѣчали ни монголовъ, ни китайцевъ, хотя часто попадались слѣды довольно густаго прежняго населенія. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ жителей долины теперь оказалось, что всѣ жители разбѣжались оттуда, такъ какъ появилась небольшая шайка дунганскихъ разбойниковъ. Путешественники вспомнили теперь, что во время ихъ пребыванія въ Дынъ-юань-инѣ, Ала-

*) 2 февраля 1872 г., изъ Пекина.

шаньскій князь отправлялъ свое войско противъ дунганъ, пришедшихъ изъ области Кукунора: вѣроятно это и была та самая шайка разбойниковъ, которые навели ужасъ на цѣлую область.

Характерно, что князь прислалъ тогда къ Пржевальскому чиновника, который просилъ отъ его имени, чтобы путешественники дали на время военныхъ дѣйствій свои фуражки, чтобы ими пугать непріятеля.

«Разбойники навѣрное знаютъ, говорилъ этотъ чиновникъ, что вы находитесь здѣсь и, увидя ваши фуражки, которыя мы надѣнемъ на свои головы, подумаютъ, что вы вмѣстѣ съ нами, и тотчасъ-же убѣгутъ» *).

«Этотъ случай, прибавляетъ по этому поводу Николай Михайловичъ, достаточно показываетъ, насколько здѣсь страшно имя европейцевъ и насколько азіатскіе народы инстинктивно признаютъ наше нравственное превосходство надъ ихъ разлагавшею натурою».

Далѣе будетъ сказано болѣе подробно о дунганахъ и о возстаніи ихъ, наведшемъ трепетъ на весь Китай и угрожавшемъ даже царствующей династіи.

Теперь-же достаточно указать, что дунганы страшны только для китайскихъ войскъ и для безоружныхъ монголовъ, но сами несколько не храбрѣе своихъ противниковъ.

«Какъ это ни кажется парадоксальнымъ, но тѣмъ не менѣе вѣрно, говоритъ Пржевальскій, что для насъ гораздо лучше и безопаснѣе было путешествовать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ бродятъ разбойничьи шайки и гдѣ вслѣдствіе этого нѣтъ населенія».

Дѣйствительно, какъ оказалось, во время позднѣйшихъ странствованій его въ первую-же экспедицію по самымъ центрамъ мятежа, эти трусы-мародеры не осмѣливались напасть на четырехъ хорошо вооруженныхъ европейцевъ даже партией въ 100 и болѣе человекъ.

И вотъ, въ такомъ состояніи страдалецъ Михайлъ Александровичъ принужденъ былъ ѣхать верхомъ день въ день отъ восхода и до заката солнца.

Не легко было, впрочемъ и остальнымъ членамъ экспедиціи,—главнымъ образомъ по недостатку хорошей теплой одежды и другихъ приспособленій для защиты отъ холода. Самъ Николай Михайловичъ, неустанно производя съемку, отморозилъ себѣ по два пальца на каждой рукѣ, но все-таки не отказался отъ нея, чтобы сохранить для науки слѣды проходившей имъ мѣстности.

Путь, избранный имъ теперь, лежалъ черезъ землю Уротовъ, по лѣвому берегу Хуанъ-хэ; такое направленіе Пржевальскій избралъ съ тою цѣлю, чтобы познакомиться съ другою частью долины.

Недалеко отъ ключа Хара-моритъ, гдѣ, какъ выше указано, экспедиція простояла 9 сутокъ по случаю болѣзни Пыльцова, на лѣвой сторонѣ отъ Хуанъ-хэ высится сравнительно невысокая, но дикая и скалистая горная цѣпь Хара-наринъ-

*.) Монголія, стр. 185.

ула, составляющая одинъ изъ уступовъ, которыми спускается монгольское нагорье къ югу по направленію къ низменностямъ Китая.

Итти къ Калгану можно было двумя путями: по самой долинѣ Желтой рѣки, вдоль восточнаго склона хребта Хара-наринъ-ула, или-же, обойдя эти горы съ запада и слѣдовательно по крайнѣ нагорья.

Николай Михайловичъ избралъ второе направленіе, чтобы познакомиться съ этою частью Гоби.

Подъемъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ путешественники находились, не представлялъ большихъ трудностей, и они вошли на нагорье исподволь черезъ невысокіе, хотя и скалистые холмы окраинной террасы.

На возвышенности, у самаго края мѣстность представляетъ сначала бесплодную и часто покрытую голыми сыпучими песками равнину, совершенно подобную Алашаньской пустынѣ, но по мѣрѣ удаленія отъ края, при движеніи къ сѣверо-востоку, путешественники встрѣчали почву глинистую, покрытую степною травой, гдѣ начали попадаться и стада обитателей монгольскихъ степей—дзереновъ, которые ни въ Ала-шанѣ, ни въ Ордосѣ совсѣмъ не встрѣчались.

Замѣчательна перемена климата, которую наблюдали наши путешественники при подъемѣ на нагорье.

Въ равнинахъ Ала-шаня, въ теченіе всего октября стояла прекрасная осенняя погода, настолько теплая, что даже въ послѣднихъ числахъ термометръ въ полдень въ тѣни подымался до $+12,5^{\circ}$ С., а 25 числа этого мѣсяца былъ даже настоящій лѣтній жаръ, такъ что песокъ накалился и показывалъ температуру $43,5^{\circ}$ С. По ночамъ, правда, бывали морозы, но очень незначительные,—и термометръ ни разу не спускался ниже— $7,5^{\circ}$ С.

Но лишь только караванъ перевалилъ черезъ хребетъ Хара-наринъ-ула, какъ сразу-же холода сдѣлались чувствительными. 3 ноября поднялась такая снѣжная мятель, которая вперу развѣ Сибири, да и то мѣсяцемъ позднѣе.

При сильной бурѣ и девяти градусномъ морозѣ мятель не прекращалась цѣлый день. Снѣгъ, разбиваемый вѣтромъ на мельчайшія частички, вмѣстѣ съ цѣлыми тучами песчаной соленой пыли крутился сверху, снизу и со всѣхъ сторонъ. Въ десяти шагахъ нельзя было различить даже большихъ предметовъ, а, стоя противъ вѣтра, невозможно открыть глаза и перевести духъ.

О выходѣ въ путь путешественникамъ нечего было и думать, такъ что они сидѣли въ томительномъ ожиданіи конца бури и выходили лишь изрѣдка изъ палатки, откопать наметенные сугробы, чтобы они не раздавили ихъ убогое жилище.

Съ наступленіемъ ночи мятель не только не прекратилась, но еще усилилась, такъ что верблюды, пущенные днемъ на пастбище, поневолѣ были оставлены въ степи на произволь судьбы и съ трудомъ отысканы на завтра.

Да если-бы, говорить Пржевальскій, это и случилось, паче чаянія, то наши штуцера и револьверы сослужили-бы свою службу. Между тѣмъ, какъ читатель

видѣлъ уже изъ предыдущаго, путешествіе по густонаселеннымъ провинціямъ оказывалось наиболѣе затруднительнымъ; здѣсь путешественники подвергались произволу китайскихъ чиновниковъ и принуждены были переносить всевозможныя оскорбленія и притѣсненія.

Хотя въ паспортѣ, выданномъ отъ пекинскаго правительства, и было сказано, чтобы путешественникамъ въ случаѣ нужды оказывалось вспомошествованіе, но это оставалось всегда пустою фразою, на дѣлѣ-же путешественники всегда встрѣчали со стороны китайцевъ одну ненависть,—и мѣстныя китайскія власти всегда очень были рады каждому затрудненію и каждой неприятности, имъ учиненной.

Нѣсколько дальше мы приведемъ еще одинъ весьма характерный примѣръ того отношенія, которое путешественники встрѣчали со стороны китайцевъ.

Итакъ, караванъ экспедиціи подвигался съ возможною поспѣшностью по долинѣ Хуанъ-хэ.

Зима между тѣмъ наступила очень быстро.

Днемъ холодъ былъ еще не такъ ошутителенъ, такъ какъ путешественники почти все время шли гѣшкомъ, чтобы согрѣться движеніемъ. Только несчастный М. А. Пыльцовъ, поправленіе здоровья котораго шло весьма туго, закутанный въ шубу, все время не покидалъ сѣдла своей лошади. Но съ наступленіемъ вечера и ночи затрудненія еще больше усиливались, такъ какъ ночевать приходилось въ полотняной палаткѣ, слѣдовательно, почти что подъ открытымъ небомъ.

Какъ въ прежнихъ хожденіяхъ приближеніе ночевки ожидалось съ нетерпѣніемъ, такъ теперь, наоборотъ, наступленіе ночевки путешественники, хотя и истомленные дневнымъ переходомъ, встрѣчали съ неудовольствіемъ. Во время ночлега зима давала таки себя чувствовать!

«Какъ теперь помню, рассказываетъ Николай Михайловичъ, это багровое солнце, которое пряталось на западѣ, и синюю полосу ночи, заходящую съ востока».

Съ наступленіемъ сумерокъ караванъ останавливался въ какомъ-нибудь болѣе подходящемъ для бивуака мѣстѣ; прежде всего расчищался снѣгъ и разбивалась палатка.

Затѣмъ одни изъ участниковъ экспедиціи начинали развьючивать верблюдовъ, а другіе отправлялись на поиски аргала. Но подъ снѣгомъ поиски этого драгоценнаго матеріала въ пустынѣ были весьма затруднительны, и притомъ сырой, промерзшій аргаль долго не разгорался.

Въ виду этого, обыкновенно, какъ только останавливались, кто-нибудь изъ путешественниковъ отправлялся въ ближайшую юрту монголовъ, чтобы пріобрѣсти за деньги этого топлива. За мѣшокъ въ 2 пуда съ удовольствіемъ платили копеекъ 50, но и по такой цѣнѣ далеко не всегда удавалось купить его, такъ какъ монголы очень неохотно продавали аргаль, крайне необходимый для нихъ самихъ.

Если не удавалось достать сухого аргала, хотя-бы только для гостонки, то приходилось пускаться на различные ухищрения, чтобы развести огонь. Однажды для этой цѣли пришлось пожертвовать верблюжьимъ сѣдломъ; разрубивъ его на части, вскипятили такимъ образомъ чай, чтобы согрѣться послѣ 35-ти верстаго перехода.

Второю заботою путешественниковъ было достать воды, такъ какъ снѣгъ встрѣчался лишь изрѣдка наметенными сугробами, да и то всегда былъ сильно перемѣшанъ съ пескомъ. Но случалось, что путешественники по цѣлымъ суткамъ не могли достать воды ни для пищи, ни для питья; что-же касается животныхъ, то они утоляли свою жажду своими средствами, но на лошадяхъ это отзывалось неблагопріятно.

Послѣ того какъ самые необходимые предметы—аргалъ и вода—были такъ или иначе добыты, разводился общими усилиями огонь въ палаткѣ и съ нетерпѣніемъ ожидали, когда въ ней сдѣлается нѣсколько теплѣе, чѣмъ наружу; тепло чувствовалось, впрочемъ, только тѣми частями тѣла, которыя находились ближе къ огню, но зато дымъ невыносимо ѣлъ глаза, въ особенности при вѣтрѣ.

Отогрѣвшись немного, приступали къ варкѣ пищи и во время ужина «паръ изъ открытой чашки съ супомъ, говорить Николай Мигайловичъ *), до того наполнялъ нашу палатку, что она напоминала въ это время баню, только, конечно, не температурою воздуха. Кусокъ варенаго мяса почти совсѣмъ застывалъ во время ѣды, а руки и губы покрывались слоемъ жира, который потомъ приходилось соскабливать ножемъ. Фитиль стеариновой свѣчи, зажившейся иногда на время ужина, вгоралъ такъ глубоко, что нужно было обламывать наружные края, которые не раставали отъ огня».

На ночь палатка обкладывалась всѣми вьюками, а входъ закупоривался какъ можно плотнѣе, но все-таки холодъ внутри этого жилища былъ не многимъ меньше, чѣмъ на дворѣ, такъ какъ огонь не поддерживался ночью и снова разводился лишь утромъ для приготовленія чая и завтрака.

Спали, укрывшись всѣми имѣвшимися теплыми вещами: шубами, одѣялами, войлоками, но обыкновенно раздѣвались, чтобы лучше отдохнуть. Собственно говоря, спать-то было довольно тепло, а Пыльцовъ еще обыкновенно клалъ съ собою и собаку Фауста, который былъ безконечно радъ такому приглашенію. Но бѣда въ томъ, что лежать согрѣвшись подъ теплыми одѣяніями нельзя было спокойно, и то тому, то другому постоянно приходилось вскакивать.

Рѣдкая ночь проходила безъ оказій. Бродившіе кругомъ волки часто пугали верблюдовъ и лошадей, да, кромѣ того, въ окрестностяхъ обыкновенно бродили цѣлыя стаи монгольскихъ и китайскихъ собакъ, которыя приходили воровать мясо и безъ церемоніи забирались въ самую палатку. Такіе воры обыкновенно платились жизнью за свое нахальство, но послѣ всякаго подобнаго эпизода не скоро

*) Монголія, стр. 188, 189.

согрѣвался тотъ изъ путешественниковъ, кому приходилось вскочить, чтобы уложить встревоженныхъ верблюдовъ, выстрѣлить въ волка или въ воровку-собаку.

На разсвѣтѣ обыкновенно всѣ разомъ вскакивали, послѣшно одѣвались и дрожа отъ холода принимались прежде всего разводить огонь и варить чай. Проглотивъ живительной влаги, отъ которой благодѣтельная теплота быстро начинала разливаться по всему тѣлу, тотчасъ-же принимались вьючить верблюдовъ и, на скоро закусивши, пускались въ дальній путь по трескучему морозу.

Начиная отъ сыпучихъ песковъ Ала-шаня, лѣвая сторона могучей рѣки Хуань-хэ носить луговой характеръ и вездѣ густо населена. Лучшія земли, ближе къ рѣкѣ, заняты китайцами-земледѣльцами, а далѣе къ горамъ живутъ монголы, въ то время, когда проходила здѣсь экспедиція Пржевальскаго, болѣе многочисленныя, чѣмъ обыкновенно, такъ какъ теперь сюда, изъ боязни дунганскихъ разбойниковъ, прикочевала жители окраины нагорья и Ордоса. По деревнямъ расположены были китайскія войска, которыхъ на пространствѣ отъ города Барту до Ниян-ся по официальнымъ отчетамъ числилось около семидесяти тысячъ, но, какъ неоднократно приходилось слышать Пржевальскому, сильно распространенное дезертированіе уменьшило это грозное воинство почти на половину.

Деморализированные до крайности китайскіе солдаты, собранные здѣсь для защиты отечества отъ враговъ, пребывали въ полномъ бездѣйствіи и занимались исключительно грабежами, такъ что составляли страшный бичъ мѣстнаго населенія, которое они призваны были охранять.

«Монголы не разъ говорили намъ, рассказываетъ Николай Михайловичъ, что присутствіе защитниковъ въ лицѣ китайскихъ войскъ для нихъ хуже дунганскаго нашествія, такъ какъ дунганы грабятъ однажды, а китайскіе солдаты—постоянно».

Пришлось и нашимъ путешественникамъ теперь не разъ столкнуться съ этими солдатами.

Однажды послѣдніе приступили съ требованіями отдать верблюдовъ «подъ казенные», т. е. китайскіе вьюки. Въ другой разъ двое китайскихъ солдатъ пришли въ нимъ и требовали, чтобы путники натаскали воды изъ колодца для ихъ лошадей...

«Въ обоихъ случаяхъ нахалы были вразумлены, какъ слѣдуетъ и ушли, поджавши хвостъ!»—говоритъ Пржевальскій.

Пройдя такимъ образомъ по долинѣ Хуань-хэ, вдоль всего сѣвернаго изгиба этой рѣки, путешественники не далеко отъ города Бауту, минуя послѣдній, вышли на свою прежнюю дорогу и теперь могли идти уже не ощупью, а по картѣ, да кромѣ того теперь не надо было уже дѣлать сѣмку, что зимою представляетъ весьма большую трудность.

Теперь уже можно было считать, что трудности пустыни побѣждены, потому что дальнѣйшій путь лежалъ по знакомой дорогѣ, далеко не пустынной, такъ какъ не только повсюду встрѣчались становища монголовъ, но и безпрестанно проходили торговые караваны изъ внутренней Монголіи къ Калгану и обратно.

Вотъ, наконецъ, вышли наши путешественники на большой торговый трактъ между Куку-хото и Уля-сутамъ.

Но здѣсь-то и оказалось съ совершенною ясностью, что путешествовать гораздо легче и безопаснѣе въ дикой пустынѣ, гдѣ приходится бороться только съ физическими препятствіями, чѣмъ въ странѣ съ населеніемъ. Именно здѣсь для экспедиціи Пржевальскаго былъ самый критическій моментъ и всѣ труды и лишения дѣлаго года могли пропасть совершенно понапрасну...

Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ.

Поздно вечеромъ 30 ноября путники обычнымъ порядкомъ расположились на ночлегъ около кумирни Шыреты-дзу. Рано утромъ на слѣдующій день всѣ верблюды, за исключеніемъ только одного больного, были выпущены на пастбу въ возлѣ палатки, а невдалекѣ ходили верблюды другихъ каравановъ, шедшихъ изъ Куку-хото.

Трава въ этомъ мѣстѣ была уже до чиста выбита, и потому животныя перешли черезъ небольшой холмъ, раскинувшійся поблизости отъ мѣста бивуака, чтобы поискать тамъ корму, а также и затѣмъ, чтобы укрыться отъ сильно-бушевавшего на открытомъ мѣстѣ вѣтра.

Прошло совсѣмъ не много времени послѣ этого, и казакъ вмѣстѣ съ монголомъ переводчикомъ отправились за животными, чтобы привести ихъ и начинать вьюченіе. Но, къ величайшему своему удивленію, они не нашли уже верблюдовъ за горкою, а самый слѣдъ ихъ, заметаемый сильнымъ вѣтромъ, потерялся среди множества другихъ верблюжьихъ слѣдъ въ.

Въ сильной тревогѣ явились они въ палатку и объявили, что верблюды пропали.

Николай Михайловичъ немедленно послалъ тѣхъ-же самыхъ людей снова на розыски. Но тщетно они исходили всѣ окрестности и самымъ тщательнымъ образомъ осмотрѣли всѣхъ животныхъ, находящихся по близости каравановъ: верблюды словно сквозь землю провалились. Проходивши цѣлый день, они поздно вечеромъ, едва передвигая ноги отъ усталости, возвратились въ палатку ни съ чѣмъ.

Такъ прошла ночь.

На слѣдующій день, рано утромъ Пржевальскій послалъ своего переводчика казака въ кумирню Шыреты-дзу, на землѣ которой случилась пропжа, и требовалъ содѣйствія въ розыскахъ украденныхъ верблюдовъ.

Когда казакъ подошелъ къ кумирнѣ, то его сначала совсѣмъ не хотѣли туда впустить, а когда онъ вручилъ пекинскій паспортъ, въ которомъ именно и говорилось о подсобномъ содѣйствіи, то ламы преспокойно отвѣчали: «мы—не пастухи вашихъ верблюдовъ, ищите сами, какъ знаете».

Пробовали послѣ этого обратиться къ главному мѣстному монг.льскому чиновнику, но и отъ него полученъ былъ подобный-же отвѣтъ.

Итакъ экспедиція очутилась въ отчаянномъ положеніи. Оставался только

одинъ большой верблюдъ и двѣ лошади, на которыхъ, конечно, совершенно немыслимо было двигаться дальше.

Но и этимъ послѣднимъ животнымъ предстояла неминуемая гибель, такъ какъ окрестные жители съ замѣчательнымъ единодушіемъ отказывались продавать кормъ для нихъ, а трава въ степи на большое пространство кругомъ была уже выбита до такой степени, что на подножный кормъ нечего было рассчитывать. Черезъ день голодовки одна изъ лошадей замерзла ночью, а на слѣдующій день издохъ также и верблюдъ и лежалъ прямо противъ дверей палатки, къ довершенію прелести всей обстановки. Оставалась такимъ образомъ единственная лошадь, да и той предстояла, несомнѣнно, та-же самая участь, но, къ счастью, китайцы не выдержали: они до такой степени разлакомились на трупъ издохшаго верблюда, довольно жирнаго, что согласились дать за него двадцать пять сноповъ хорошаго сѣна. Лошадь такимъ образомъ была спасена, но отъ этого дѣло все-таки не мѣнялось.

Черезъ нѣсколько дней вернулись вторично отправленные на поиски казаки и монголы и объявили, что они объѣздили всю округу на громадномъ пространствѣ, вездѣ разспрашивали, но не могли найти рѣшительно никакихъ слѣдовъ пропавшихъ животныхъ.

Было ясно, что обнаружить воровъ невозможно безъ содѣйствія мѣстныхъ властей.

Къ великому счастью, у Николая Михайловича оставалось еще около 200 ланъ, вырученныхъ отъ продажи вещей въ Ала-шанѣ.

Не будь этихъ денегъ, по всей вѣроятности пришлось-бы побросать всѣ коллекціи и отправляться дальше пѣшкомъ.

Однако и съ деньгами не такъ-то легко было выйти изъ того безвыходнаго положенія, въ которомъ очутились теперь путешественники.

Дѣло въ томъ, что мѣстное населеніе не соглашалось ни за какую цѣну перевести багажъ хотя-бы до ближайшаго города Куку-хото и въ то-же время отказывались отъ продажи вьючныхъ животныхъ. Словомъ, теперь съ поразительною ясностью обнаружилось истинное отношеніе населенія къ янъ-гуйзамъ: никто не скрывалъ теперь своего злорадства по поводу постигнувшаго путешественниковъ несчастья.

Впрочемъ, здѣсь главную роль играло, конечно, китайское начальство, которое, подъ страхомъ большой ответственности, запретило кому бы то ни было продавать или отдать въ наймы верблюдовъ.

Николай Михайловичъ рѣшилъ тогда послать казака съ монголомъ въ Куку-хото, рассчитывая, что тамъ скорѣе удастся купить верблюдовъ. Но и здѣсь предстоялъ вопросъ, на чемъ ихъ отправить, такъ какъ лошадь была всего одна, а разстоянія до города было около 80 верстъ.

Цѣлый день Николай Михайловичъ ходилъ по монгольскимъ юртамъ, ища продажной лошади и, наконецъ, все-таки нашель.

Рано утром на слѣдующій день посланцы уже отправились и еще через нѣсколько дней вернулись, хотя и съ крайне плохими верблюдами; экспедиція получила такимъ образомъ возможность двинуться дальше.

Путешественники простояли возлѣ кумирни Шыреты-дзу цѣлыхъ 17 сутокъ и при томъ въ полнѣйшемъ бездѣйствіи, такъ какъ окрестности не представляли никакого интереса для науки.

Пробовалъ было Николай Михайловичъ заняться разработкою матерьяловъ, но писать оказалось крайне затруднительнымъ: нужно было предварительно разогрѣть замерзшія чернила и часто подносить къ огню обмокнутое перо, чтобы оно не стыло, да и обстановка была слишкомъ неподходящая.

Въ хорошіе дни отправлялся онъ, хотя и безъ товарища, который все еще былъ слабъ, на охоту за дзеренами.

У этихъ животныхъ въ это самое время происходилъ падежъ, и по степи вездѣ валялись трупы, которые терзали вѣроны, волки, собаки, а также не брезгали падалью и китайцы, которые, по словамъ Пржевальскаго, нарочно для «подобной охоты», т. е. для собиранія труповъ, пріѣзжали изъ Куку-хото.

Хотя отношенія путешественниковъ къ мѣстнымъ жителямъ были даже враждебны, но отъ посѣщеній «гостей» все-таки нельзя было отдѣлаться, и хотя хозяева обыкновенно зорко наблюдали за подобными посѣтителями, но все-таки послѣ одного визита оказалось, что гости украли послѣдній топоръ и молотокъ, вещи сами по себѣ вздорныя, но крайне необходимыя въ путешествіи. Достать другихъ было негдѣ, а отыскать украденное и подавно нечего было рассчитывать. Послѣ этого путешественники принуждены были замѣнить топоръ небольшою ручною пилою, которая у нихъ, къ счастью, имѣлась, а вмѣсто молотка употребляли большой булыжникъ, который возили съ собою и ежедневно забивали имъ колышки палатки въ мерзлую землю.

Чтобы хоть немного наверстать потерянное время, путешественники шли теперь форсированными переходами съ возможно непродолжительными остановками.

Однако и теперь уже подъ самый конецъ пути случилось еще одно несчастье. Лошадь Михаила Александровича Пыльцова, чего-то испугавшись, бросилась въ сторону, и онъ, еще слабый здоровьемъ, не могъ удержаться въ сѣдлѣ и упалъ прямо головою на мерзлую, твердую, какъ камень землю. Подбѣжавшіе на помощь спутники подняли его за-мертво.

Къ счастью, однако инцидентъ этотъ не имѣлъ особенно дурныхъ послѣдствій, и несчастный Пыльцовъ вскорѣ пришелъ въ себя, отдѣлавшись только ушибомъ.

По мѣрѣ того, какъ подвигались къ востоку, вліяніе теплаго климата Китая на окраину Монголіи становилось все болѣе замѣтнымъ. Въ ясные тихіе дни термометръ иногда подымался даже выше нуля...

День за днемъ уменьшалось расстояние, отдѣлавшее путешественниковъ отъ Цалгана, а по мѣрѣ этого росло и ихъ нетерпѣніе поскорѣ попасть въ этотъ городъ.

Наконецъ, желанная минута наступила и, какъ разъ, наванутъ новаго 1872 года, поздно вечеромъ, истомленные путешественники добрались до Калгана и явились къ своимъ соотечественникамъ-купцамъ, у которыхъ встрѣтили самое радушное гостепрѣимство.

Пржевальскій послѣ разсказывалъ, что онъ и его спутники были похожи въ это время на дѣтей, до такой степени все ихъ радовало, и они чуть не плакали отъ радости, сидя въ теплыхъ уютныхъ комнатахъ и пользуясь удобствами цивилизованной жизни...

«Первый актъ экспедиціи, пишетъ Николай Михайловичъ, былъ оконченъ. Результаты путешествія, копившіеся по немногу, теперь обрисовались яснѣе. Мы могли съ чистою совѣстью сказать, что выполнили свою первую задачу.—И этотъ успѣхъ еще болѣе разжигалъ страстное желаніе пуститься вновь въ глубь Азіи, къ далекимъ берегамъ озера Куку-нора» *).

«Могу сказать, писалъ онъ черезъ нѣсколько времени своему другу Фатіеву **), что результаты этого странствованія весьма хороши: мы обошли огромное пространство отъ озера Далай-норъ до рѣки Хуанъ-хэ и далѣе черезъ Ордосъ и Ала-шань до сѣверной границы провинціи Гань-су— всего болѣе 3,500 верстъ... Сумма различныхъ впечатлѣній такъ велика, что я рѣшительно затрудняюсь, о чемъ именно писать.

Дѣйствительно, громадныя коллекціи птицъ и звѣрей, маршрутная съемка, метеорологическій журналъ и проч. несомнѣнно доказывали, что задачу свою Николай Михайловичъ выполнилъ блестяще и оправдалъ возлагавшіяся на него надежды...

Для довершенія успѣха необходимо было, какъ можно скорѣе, снова пуститься въ путь къ завѣтнымъ берегамъ озера Куку-нора, къ которому онъ былъ уже такъ близко... Но для этого прежде всего необходимо было имѣть деньги, которыя можно было достать только въ Пекинѣ.

Оставивъ своихъ спутниковъ въ Калганѣ и, поручивъ имъ заготовить кое-какія мелочи, Николай Михайловичъ немедленно же отправился въ Пекинъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Сборы въ новую экспедицію.

Ходатаѣство объ увеличеніи средствъ на экспедицію.—Затруднительное положеніе и помощь Влангали.—Паспортъ съ оговоркой.—Усиленное вооруженіе.—Недовольство Пекинкомъ.—Новые спутники, обученіе ихъ стрѣльбѣ.—Снаряженіе каравана.

При первомъ же свиданіи съ посланникомъ Влангали, Пржевальскій категорически заявилъ ему, что съ тѣми денежными средствами, которыми распола-

*) Монголія, стр. 193.

**) Въ письмѣ отъ 2 февраля 1872 г.

гаетъ экспедиція, она не можетъ достигнуть до Куку-нора, а тѣмъ болѣе до Тябета.

Въ виду этого онъ просилъ посланника ходатайствовать передъ военнымъ министромъ объ увеличеніи средствъ на экспедицію. Онъ просилъ прибавить еще тысячу рублей въ годъ, а также увеличить содержаніе Пыльцова, годовой окладъ котораго составлялъ всего 294 руб.

Николай Михайловичъ приводилъ генералу Влангали примѣры страшнѣй дороговизны путешествія.

Въ городѣ Дынъ-юань-ниѣ, гдѣ приемъ былъ сравнительно радушный, и гдѣ, слѣдовательно, не было мѣста всевозможнымъ притѣсненіямъ со стороны мѣстныхъ жителей, баранъ обходился въ 8 р. звонкою монетою, свинина покупалась по 60 к. за *гинь* ($1\frac{3}{4}$ фунта), десятокъ яицъ—91 коп., рисъ за мѣру *бу* (27 фунт.)—4 р. 20 к., просо за ду—3 р. и т. д.

Но расходы на продовольствіе составляли еще наименьшую статью издержекъ, такъ какъ къ покупкѣ съѣстныхъ припасовъ прибѣгали только въ крайности и преимущественно такихъ предметовъ первой необходимости, которыхъ невозможно было возить съ собою въ достаточномъ количествѣ, какъ, напр., просо, ячмень, рисъ для своего пропитанія и въ случаѣ необходимости для поддержания животныхъ. Что же касается мяса, то, какъ говорилось и раньше, путешественники въ этомъ отношеніи больше всего полагались на свои ружья и кормились охотой.

Но гораздо болѣе средствъ поглощала покупка вьючныхъ животныхъ. Лишленные часто корма и питья, верблюды и лошади очень быстро чахли и портились, или даже и совсѣмъ падали, такъ что постоянно приходилось промѣнивать ихъ на новыхъ, конечно, съ значительною доплатою, или покупать.

Конечно, можно было бы избѣгнуть до нѣкоторой степени скорой порчи животныхъ, но это было бы въ ущербъ научнымъ занятіямъ. Такъ, напр., пришлось бы пожертвовать производствомъ съемки въ лѣтніе жары, отказаться отъ посѣщенія слишкомъ гористыхъ мѣстностей, гдѣ именно и производились наиболѣе удачныя научныя экскурсіи, и т. п.

Но даже и помимо того было много повседневныхъ и различныхъ непредвиденныхъ расходовъ.

Однимъ словомъ, расходы экспедиціи значительно превышали ассигнованныя суммы, да къ тому же и самая доставка денегъ производилась крайне неаккуратно.

Теперь, прибывъ въ Пекинъ въ январѣ 1872 г., Николай Михайловичъ могъ получить содержаніе только по 1 августа 1871 г.

Между тѣмъ, въ интересахъ самой экспедиціи, приходилось торопиться, дорога была, можно сказать, каждая минута, такъ что дожидаться новой присылки денегъ изъ Петербурга было невозможно.

Николай Михайловичъ имѣлъ основанія предполагать, что если онъ не-
всем. путеш. пржевальскій.

успѣть перебраться черезъ Хуанъ-хэ по льду, то китаицы и совсѣмъ его не пустятъ теперь вторично въ Ордосъ.

Положеніе было весьма затруднительное, но, какъ и раньше, на помощь пришелъ посланникъ Влангали, который принялъ въ дѣлахъ экспедиціи самое живое участіе, такъ какъ и по добытымъ уже за первый годъ весьма значительнымъ результатамъ, онъ видѣлъ, что Пржевальскій можетъ сильно обогатить ученый міръ, своими изслѣдованіями въ странахъ еще совсѣмъ не изученныхъ.

При томъ же онъ самъ былъ хорошо знакомъ съ положеніемъ страны, гдѣ приходилось путешествовать Николаю Михайловичу и находилъ его просьбу объ увеличеніи содержанія весьма основательной.

Сообразно съ этимъ онъ послалъ въ Петербургъ обстоятельно мотивированное ходатайство объ увеличеніи ассигновки на экспедицію Пржевальскаго.

«Если бы, писалъ онъ между прочимъ, капитану Пржевальскому не было надобности собирать и возить съ собою коллекціи растений, птицъ и другихъ животныхъ, то, безъ сомнѣнія, онъ могъ бы извернуться какъ-нибудь опредѣленными ему средствами; но при собираніи коллекцій, подъ которыя потребовалось подковать 10 верблюдовъ, назначенныя ему денежныя средства были крайне недостаточны... Намъ верблюдовъ и лошадей почти невозможно, безъ риска увидѣть себя брошеннымъ гдѣ-нибудь въ глуши; а потому самый успѣхъ экспедиціи требовалъ поставленія себя въ независимое положеніе покупкою всѣхъ перевозочныхъ средствъ.

«Принимаясь за изслѣдованіе странъ, о которыхъ почти ничего или очень мало извѣстно, часто нельзя, изъ опасенія потерять одного верблюда или лошадей, обходить какія-нибудь горы или болѣе трудныя мѣста, а таковыя движенія встрѣтали бы совершенное противодѣйствіе хозяевъ и погонщиковъ верблюдовъ, ибо имъ предстояло бы лишиться многихъ животныхъ, какъ это и случалось съ нашимъ путешественникомъ»...

Свое ходатайство генералъ Влангали отправилъ въ совѣтъ географическаго общества для препровожденія въ Военное Министерство.

Географическое общество, имѣвшее уже возможность судить о важности результатовъ экспедиціи Пржевальскаго по первымъ отчетамъ, присланнымъ имъ раньше, ассигновало изъ своихъ средствъ добавочныхъ 500 руб. въ годъ и ходатайствовало передъ военнымъ министромъ Д. А. Милютинимъ о прибавкѣ съ своей стороны по 500 руб. звонкою монетою, на что министръ изъявилъ свое полное согласіе и испросилъ Высочайшее разрѣшеніе; въ то же время Пыльцову ассигнована была прибавка содержанія по 300 руб. въ годъ.

Обо всемъ этомъ графъ Литке, вице-президентъ географическаго общества, успѣшилъ увѣдомить Влангали.

«Пользуясь этимъ случаемъ, прибавилъ онъ въ письмѣ *), чтобы заявить

*) Отъ 24 мая 1872 г., см. № 558 Архивъ „Н. Р. Г. Общ.“ дѣло № 10.

предъ вашимъ превосходительствомъ о живомъ интересѣ, возбужденномъ въ средѣ общества сообщеніемъ, полученнымъ отъ г. Пржевальскаго объ его прошлогдней экспедиціи.

Оно будетъ напечатано въ слѣдующей книжкѣ «Извѣстій» и немедленно розослано всѣмъ ученымъ обществамъ за-границей, которыя постоянно обращаются къ намъ съ просьбою о высылкѣ имъ поскорѣ всѣхъ новѣйшихъ свѣдѣній, получаемыхъ нами отъ нашихъ путешественниковъ въ Средней Азій»...

Но пока велось это дѣло въ Петербургѣ, Николаю Михайловичу пришлось въ Пекинѣ снаряжаться въ новый долгій путь съ весьма недостаточными средствами.

Отправивъ свое ходатайство, результата котораго, конечно, нечего было ожидать скоро, генералъ Влангали оказалъ Пржевальскому и непосредственное содѣйствіе, выдавъ ему изъ посольскихъ средствъ недополученную сумму за прошлый 1871 г. и впередъ за 1872 г.

Не малые затрудненія встрѣтились также и при хлопотахъ о выдачѣ паспорта Пржевальскому.

Посланникъ Влангали потребовалъ выдачу разрѣшенія на посѣщеніе Пржевальскимъ провинцій Гань-су, Куку-нора и Тибета. Китайскіе министры сначала отказывали въ этомъ, но при настоятельномъ требованіи уступили, съ оговоркою, однако, что въ названныхъ странахъ, при мятежѣ дунганъ и прочихъ неурядицахъ разнаго рода, проѣздъ весьма рискованъ и что правительство имперіи «не беретъ на себя ручательства за безопасность путешественниковъ».

Въ виду этого Николай Михайловичъ обратилъ на вооруженіе себя и своихъ спутниковъ еще больше вниманія, чѣмъ прежде, и не поскупился на приобрѣтеніе нѣсколькихъ новыхъ револьверовъ и скорострѣльныхъ штуцеровъ, которые, по его убѣжденію, служили наилучшею гарантіей безопасности европейца отъ коварнаго, но трусливаго азіатца.

Пояскавъ въ Пекинѣ и отправившись въ Тянь-дзинь, онъ купилъ штуцеръ Бердана для себя, два штуцера Снейдера, магазинное ружье Henry Martini, дающее 17 выстрѣловъ и, наконецъ, еще пятый штуцеръ Спенсера. На эти ружья было готовыхъ около 4,000 патроновъ. Кромѣ того былъ прежній двухствольный штуцеръ Ланкастеръ и четыре охотничьихъ ружья, взято было еще 13 револьверовъ, два скорострѣльныхъ пистолета сист. Remington'a; наконецъ куплено было 8 пудовъ дроби и 2 пуда пороху.

Боевое снаряженіе поглотило весьма значительную часть полученныхъ денегъ, а во всемъ остальномъ опять пришлось по возможности урѣзывать и сокращать.

Въ виду того, что предыдущая его торговая операція увѣнчалась полнымъ успѣхомъ и товары сразу проданы были въ Ала-шанѣ съ большимъ барышемъ, Николай Михайловичъ и на этотъ разъ рискнулъ, но теперь еще больше: отправившись въ Тянь-дзинь, онъ накупилъ тамъ разныхъ мелочныхъ товаровъ рублей на 600, сообразуясь съ потребностями Ала-шаньцевъ, такъ какъ торговлю онъ предполагалъ вести именно въ городѣ Дынъ-юань-инѣ.

Въ концѣ февраля Пржевальскій возвратился въ Калганъ и поспѣшно началъ дѣлать окончательныя приготовления къ выступленію.

«Теперь я занятъ, писалъ онъ Тихменеву *), съ ранняго утра и до поздней ночи снаряженіемъ въ новую экспедицію. Вы не можете себѣ представить, сколько хлопотъ требуетъ это снаряженіе, въ особенности при нищенскихъ средствахъ моея экспедиціи. Эти средства, въ общей сложности, составляютъ лишь съ небольшимъ двѣ тысячи рублей ежегодно. Да и этихъ то денегъ не высылаютъ въ срокъ; такъ, напр., на нынѣшній годъ не выслали ни копѣйки, и я долженъ былъ занять, чуть не Христа ради, 1,300 руб. изъ нашей Пекинской миссіи, да еще тысячу рублей, за которую плачу по 30 рублей въ мѣсяцъ процентовъ.

«Все это прибавляется къ суммѣ тѣхъ гадостей и мерзостей, которыя приходится выносить въ Китаѣ каждому европейцу, а путешественнику въкупѣ. И право не могу говорить безъ раздраженія о положеніи европейцевъ въ «Небесной Имперіи». *Чертъ, собака*—вотъ наша общая кличка, которою угощаютъ на каждомъ шагу даже посланниковъ, не то что насъ, простыхъ смертныхъ. А если бы вы видѣли, какъ презрительно смотрятъ на насъ китайцы! Дорогой васъ не пустятъ въ хорошую гостинницу, а повезутъ въ самую гадость, не смотря на то, что за все берутъ вдесятеро. Паршивый (извините за выраженіе) китайскій мандаринъ не станетъ ни за что съ вами говорить, считая это для себя униженіемъ...

«Обо всемъ этомъ ни одного слова не знаютъ въ Европѣ.

«Среди тысячъ живущихъ въ Китаѣ европейцевъ не найдется ни одного честнаго голоса, который бы высказалъ родную правду.

«Эго было бы полезнѣе, чѣмъ писать, какъ дѣлаютъ сивологи, пѣлые томы о томъ, какъ царствовала ханьская или миньская династія, какъ одинъ монгольскій князь побѣдилъ другого, какъ тибетскій царь подарилъ китайскому богдыхану золотого гуся и т. п.

«Всѣхъ же болѣе виноваты посланники, которые безпрестанно подвергаются ругательствамъ на улицѣ и молчатъ объ этомъ. И все это проходить безнаказанно.

«Мало того, съ вами китаецъ можетъ сотворить какую угодно мерзость и изъ десяти разъ девять останется правымъ. Конечно, всему этому виноваты сами европейцы, которые большею частью—отъявленные негодяи...

«Пекинская жизнь—это точь въ точь Николаевская на Амурѣ. Разница лишь та, что вмѣсто водки пьютъ шампанское, такъ какъ всѣ чиновники получаютъ огромное содержаніе...

«Я безъ отвращенія не могу вспомнить объ этомъ городѣ, въ которомъ и теперь привелось прожить цѣлый мѣсяцъ. Дай Богъ, чтобы это было въ послѣдній разъ во всей моей жизни!»

*) 1 марта 1872 г. изъ Калгана.

Занятый своими сборами, Пржевальскій успѣлъ однако написать и отправить въ Петербургъ отчетъ о своемъ десяти-мѣсячномъ путешествіи...

Наконецъ, сборы были окончены. Собранныя коллекціи Николай Михайловичъ упаковывалъ и отправлялъ въ Кяхту до своего возвращенія.

Личный составъ экспедиціи также измѣнился. вмѣсто двухъ прежнихъ казаковъ, оказавшихся ненадежными, онъ выбралъ себѣ двухъ новыхъ спутниковъ изъ состава русскаго отряда, находившагося тогда въ Ургѣ.

На этотъ разъ выборъ оказался очень удачнымъ.

Новые казаки оказались весьма усердными и преданными спутниками. Одинъ изъ нихъ былъ русскій 19-ти-лѣтній юноша Панфилъ Чабаевъ, и другой родомъ буряты — Дондовъ Иринчиновъ.

Вскорѣ Николай Михайловичъ и Пыльцовъ сблизились со своими новыми товарищами самую тѣсною дружбою и обходились съ ними во все время труднаго путешествія, какъ съ родными братьями.

«До гроба сохрапю я, говоритъ Пржевальскій, благодарное воспоминаніе о своихъ спутникахъ, которые безграничною отвагою и преданностью дѣлу обусловили какъ нельзя болѣе весь успѣхъ экспедиціи... Въ страшной дали отъ родины, среди людей чуждыхъ намъ во всемъ, мы жили родными братьями, вмѣстѣ дѣлили горе и радости, труды и опасности»...

Какъ только эти новые спутники прибыли въ Калганъ, Пржевальскій раздалъ имъ штуцеры и револьверы и каждый день производилъ ученіе практической стрѣльбы.

Передъ самымъ выходомъ сдѣлано было примѣрное отбитіе нападенія, для чего была поставлена мишень въ 300-хъ шагахъ и каждый началъ стрѣлять такъ скоро, какъ могъ. Результатъ этой пробы оказался блестящимъ: мишень была совершенно избита пулями, выстрѣлы гремѣли неумолкаемо изъ скорострѣльныхъ штуцеровъ, а затѣмъ пули посыпали, какъ горохъ изъ револьверовъ въ другую, болѣе близкую мишень.

Китайцы, собравшіеся толпою на такое необыкновенное зрѣлище, никогда не выдавали скорострѣльныхъ ружей, только качала головами, глядя на продѣлки «заморскихъ чертей».

Не мало высказано было также и лестныхъ комплиментовъ: «еслибы у насъ была хоть одна тысяча подобнаго войска, говорили нѣкоторые изъ нихъ, то дунганское возстаніе навѣрное давно бы уже окончилось».

«На дняхъ дѣлалъ я учевье, писалъ Пржевальскій по этому поводу Тямеву *), примѣрное отбитіе нападенія на насъ. Въ четыре минуты мы дали 68 выстрѣловъ изъ ружей и револьверовъ, и мишени были избиты пулями. Такая остратка—самый лучшій паспортъ для путешествія въ этихъ странахъ, гдѣ мы уже были и куда опять отправляемся. Разбойничьихъ шаскъ мы боимся менѣе,

*) 1 марта 1872 г.

тѣмъ верою, на одна партія разбойниковъ, даже съ сотню, двѣ и болѣе чловѣкъ, не осмѣлится напасть на насъ, въ этомъ я ручаюсь головою. Всего хуже мѣстное населеніе въ городахъ; здѣсь ничего не сдѣлаешь вчетверомъ противъ десятокъ тысячъ. Но если бы я имѣлъ съ собою 15 хорошихъ солдатъ со скорострѣльными ружьями, я бы также головою ручался, что пройду черезъ всю Центральную Азію. Но такого конвоя нѣтъ,—нужно пробовать вчетверомъ»...

Несмотря на скудость средствъ, снаряженіе въ предстоящую экспедицію было сдѣлано на этотъ разъ гораздо лучше, чѣмъ въ прошломъ году. Наученные опытомъ путешественники теперь не упустили изъ виду многихъ мелочей, которыя, однако, при путешествіи имѣютъ громадное значеніе. Такъ, напр., теперь взяты были плоскіе боченки, такъ что теперь можно было въ случаѣ надобности дѣлать запасы воды. Далѣе, взята была большая и очень злая монгольская собака, по кличкѣ Карза. Этотъ песъ выходилъ всю экспедицію и оказывалъ путешественникамъ не мало услугъ, въ качествѣ караульщика по ночамъ.

Отъ своихъ прежнихъ хозяевъ, монголовъ, Карза отвыкъ очень скоро и притомъ былъ всегда отъявленнымъ врагомъ китайцевъ, такъ что очень часто избавлялъ путешественниковъ отъ назойливыхъ посѣтителей.

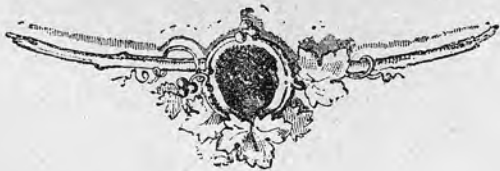
Не позабыли, конечно, взять, и прежняго неизмѣннаго товарища, Фауста, который съ перваго же знакомства возненавидѣлъ Карзу, и до самаго конца экспедиціи обѣ собаки были заклятыми врагами. Замѣчательно, прибавляетъ по этому поводу Николай Михайловичъ, что европейскія собаки, насколько онъ могъ замѣтить во время своихъ многолѣтнихъ странствованій, очень рѣдко, можно сказать, даже никогда не дружатся ни съ китайскими, ни съ монгольскими псами, хотя бы жили вмѣстѣ съ ними очень долгое время.

Снаряженіе было лучше, чѣмъ прежде, зато багажъ вѣсилъ теперь 84 пуда, такъ что для поднятія его понадобилось девять верблюдовъ. Выючать по прежнему приходилось всѣмъ, такъ какъ работникъ монголь, пришедшій съ экспедиціей въ Калганъ, не пожелалъ возвращаться на родину, а замѣнить его было нечѣмъ.

Приобрѣтеніе оружія и боевыхъ припасовъ стоило очень дорого, по этому во всѣхъ остальныхъ запасахъ для предстоящей экспедиціи пришлось экономить до крайности и выкраивать все по самой узкой мѣркѣ.

Тѣмъ не менѣе, когда 5 марта 1872 г. Пржевальскій со своими спутниками выступалъ изъ Калгана, рассчитывая пробраться до Тибета и Лхассы и пробыть въ отдаленныхъ краяхъ около двухъ лѣтъ, то у него въ карманѣ было въ наличности только 87 ланъ денегъ, т. е. 174 руб!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Снова въ Ала-шань.

Неудачная попытка перейти въ Ордось.—Обобщеніе наблюденій о пролетѣ птицъ.—Путь по долинѣ Хуанъ-хэ.—Оригинальная „охота“ на рыбу.—Осадочная соль.—Страшная засуха.—Вступленіе въ Ала-шань и встрѣча чиновниками.—Измѣненіе отношеній къ ала-шаньскому князю и его сыновьямъ.—Торговля.—Удобный случай пройти на Кукунорь и препятствія со стороны амбана.—Безвыходное положеніе по недостатку средствъ.

Путешественники направилась тою-же самою дорогою, которою въ прошломъ году шли къ берегамъ Желтой рѣки, а затѣмъ возвращались изъ Ала-шаня. Всѣ они прекрасно были вооружены, и каждый имѣлъ по два револьвера въ кобурахъ сѣдла и по скорострѣльному штуцеру за плечами.

Къ вечеру перваго же дня пути они вступили на Монгольское нагорье, гдѣ сразу попали изъ весны въ зиму. Въ Калганѣ уже съ конца февраля наступила теплая весенняя погода и прилетѣли перелетныя птицы; здѣсь картина рѣзко измѣнилась. Правда, снѣгу и здѣсь уже не было, но по ручьямъ вездѣ видны были толстыя накипи зимняго льда, а термометръ, въ особенности по ночамъ, показывалъ постоянно порядочный морозъ и кромѣ того безпрестанно дулъ рѣзкій холодный вѣтеръ; пролетныхъ птицъ нигдѣ еще не было видно, словомъ Монгольская степь носила еще вполне зимній характеръ. Постоянные морозы, частыя бури и мятели изрѣдка смѣнялись непродолжительными полуденными оттепелями, не только весь мартъ, но даже и до половинны апрѣля.

Нерѣдко наблюдались крайне рѣзкіе переходы, такъ, напр., 13 марта въ 1 часть дня термометръ показывалъ въ тѣни 22° тепла, а на другой день въ то же время было 5° мороза; въ другой разъ, послѣ нѣсколькихъ очень теплыхъ дней, сопровождавшихся даже грозью, наканунѣ 1 апрѣля вдругъ выпалъ снѣгъ, толщиною въ 2 фута и грянулъ морозъ въ —16°. Послѣ этого до послѣдней трети апрѣля морозъ и снѣгъ чередовались съ оттепелями, но лишь только дошли до долины Хуанъ-хэ, какъ сразу же вачались настоящіе лѣтніе жары. Однако, еще и послѣ этого континентальность климата проявилась во всей полнотѣ, когда, 5 мая, вдругъ ударилъ морозъ въ —2°, а съ наступленіемъ дня, солнце до такой степени накалило землю, что термометръ въ тѣни показывалъ 40°!

Наблюденіе пролета птицъ въ эту весну оказалось неудачнымъ. Въ степи, несмотря на самое горячее время пролета, птицъ вездѣ было мало. Даже въ лѣсистыхъ горахъ Муни-ула, гдѣ путешественники провели вторую треть апрѣля, число птицъ, даже мелкихъ пташекъ, было очень не велико.

Сопоставляя эти факты съ прежними своими наблюденіями (прошлаго года здѣсь же, а еще раньше на восточной окраинѣ нагорья, у озера Далай-норь и въ Уссурийскую экспедицію), Николай Михайловичъ дѣлаетъ выводъ, что птицы

весною главнымъ образомъ направляются по низменнымъ равнинамъ Собственнаго Китая, вдоль хребтовъ восточной окраины Монголіи. Такимъ образомъ птицы слѣдуютъ здѣсь, чтобы до послѣдней крайности избѣгнуть поднятія на монгольское нагорье, гдѣ ихъ сразу встрѣчаетъ холодъ и голодъ.

Изъ теплыхъ равнинъ Китая пернатые странники волею или неволею принуждены бывають пуститься черезъ безводныя негостепріимныя пустыни, чтобы попасть въ благодатныя страны сѣвера.

«Да, наша Сибирь, какъ ни страшно звучитъ это имя, говорить о ней, дѣйствительно рай, въ сравненіи съ пустынями Монголіи; въ ней и весна является настоящею весною, а не тою уродливою кашкою, какъ въ Монгольскихъ пустыняхъ. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь не только въ мартѣ, но и въ апрѣлѣ, еще ничто не напоминаетъ о пробужденіи природы послѣ зимняго оцѣпенѣнія. Какъ тогда (зимой), такъ и теперь (весною), все мертво и уныло. Желто-сѣрая степь не правѣтно смотритъ на путешественника и лишь изрѣдка оглашается пѣсней жаворонка или чеккана—другихъ пѣвцовъ здѣсь нѣтъ. Сухія русла потоковъ стоятъ по прежнему безъ воды, рѣдкія соленыя озера высохли сильнѣе, нежели лѣтомъ, когда ихъ убыль пополняется дождями, а постоянныя бури и холода еще болѣе дополняютъ мрачную картину описываемыхъ мѣстностей»... *).

Николай Михайловичъ сначала рассчитывалъ проникнуть снова въ Ордосъ, чтобы наблюдать пролетъ птицъ на озерѣ Цайдеминь-норь. Въ виду этого онъ поспѣшно шелъ по Монголіи, однако, какъ онъ ни торопился, но сборы въ Пекинѣ и Калганѣ настолько задержали его, что лишь 10 апрѣля экспедиція добралась до хребта Муни-ула, когда валовой пролетъ птицъ уже почти прекратился. Желтая рѣка въ это время уже очистилась отъ льда, а его предположенія относительно препятствія со стороны китайцевъ къ переправѣ черезъ рѣку совершенно оправдались: на перевозѣ противъ горъ Муни-ула его отказались переправить на другую сторону рѣки. Оставалось попытать счастья еще у г. Бауту, гдѣ экспедиція переправлялась въ прошломъ году. Однако, изъ-за этого пришлось бы потерять много времени, а между тѣмъ могло случиться, что и тамъ еще китайцы не пустятъ, къ тому же въ позднимъ временемъ на Цайдеминь-норѣ трудно было ожидать большой научной добычи. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, Пржевальскій рѣшилъ отказаться на этотъ разъ отъ посѣщенія Ордоса, а обратилъ свое вниманіе на изслѣдованіе лѣсистыхъ горъ Муни-ула, около которыхъ теперь находился.

Здѣсь въ половинѣ апрѣля растительность начала очень быстро развиваться, въ особенности въ нижнемъ и среднемъ поясѣ горъ южнаго склона. Весьма отрадное впечатлѣніе производили кусты дикаго персика, усыянные массою розовыхъ цвѣтовъ, тѣмъ болѣе, что крутые скаты, на которыхъ они росли, были еще совершенно не одѣты травянымъ покровомъ. На деревьяхъ почки разбухли и

*) Монголія, стр. 198, 19

готовились распуститься. Въ верхнемъ поясѣ горъ, на альпійскихъ лугахъ растительность еще не пробуждалась, хотя снѣгу уже совсѣмъ не было даже на самыхъ высокихъ вершинахъ.

Собравъ образчики весенней флоры этихъ горъ и видя, что здѣсь нельзя рассчитывать на большую зоологическую добычу, Пржевальскій 22 апрѣля покинулъ горы и направился къ Ала-шаню, слѣдуя по лѣвому берегу рѣки Хуанъ-хэ, вдоль ея долины.

Въ мѣстности Холо-сунъ-нуръ, пришлось проходить полями предназначенными для посѣва риса, которыя затоплены были на большое пространство водою, отведенною изъ рѣки.

На этомъ искусственномъ прудѣ путешественники неожиданно встрѣтили большое количество водяныхъ и болотныхъ птицъ, которыхъ раньше нигдѣ не встрѣчали въ безводныхъ степяхъ Монголіи.

Здѣсь, кромѣ охоты на птицъ, путешественники развлекались еще оригинальною охотою съ ружьями на рыбу. Въ это самое время (конецъ апрѣля) происходило метаніе икры у карповъ, которые по утрамъ и вечерамъ плясали въ большомъ количествѣ по самымъ мелководнымъ мѣстамъ затопленныхъ полей.

«Желая полакомиться рыбой, рассказываетъ Николай Михайловичъ, мы брали ружья, снимали для легкости сапоги и шли туда, гдѣ замѣчали игравшихъ карповъ. Последніе вовсе не замѣчаютъ приближенія челоуѣка и остаются на поверхности даже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ охотника. Въ это время, уловивъ удобный моментъ, можно убить рыбу, и мы каждый день добывали по нѣсколько крупныхъ экземпляровъ» *).

На смѣну холодовъ, въ концѣ апрѣля въ долину Хуанъ-хэ сразу наступили сильныя жары, такъ что термометръ въ тѣни показывалъ 31°, а вода въ мелкихъ мѣстахъ нагрѣвалась до 21°, и путешественники наши съ наслажденіемъ купались по нѣсколько разъ въ день въ канавѣ, отведенной китайцами изъ Хуанъ-хэ для орошенія полей.

Однако, дожди совсѣмъ не шли, и какъ прежде холода, такъ теперь страшная засуха чрезвычайно задерживала развитіе растительности. Долина Хуанъ-хэ имѣла непривлекательный желто-сѣрый цвѣтъ; только изрѣдка можно было замѣтить зеленый кустикъ травы или одинокій цвѣтокъ, боязливо пріютившійся среди всеобщей мертвечины... Кое-гдѣ попадались мѣста, на которыхъ соль выступала бѣлымъ налетомъ, до такой степени сплошнымъ, что даже вблизи такіа площадь казались занесенными снѣгомъ. Здѣсь было все мертво, не виднѣлось ни одной зеленой былинки и только изрѣдка торчали засохшіе прошлогодніе стебли дырсунна... Вихри, нерѣдко налетавшіе, кружили на такихъ площадкахъ столбы соляной пыли и залѣпляли глаза путешественнику «словно для того, чтобы еще болѣе дополнить мученія, которыя испытываетъ онъ, идя въ жару по безводной степи».

*) Монголія, стр. 200.

По поводу изобилія соли въ почвѣ Монгольской степи, доказывающаго, что прежде эта мѣстность представляла собою дно морское, приведемъ еще слѣдующее характерное сообщеніе Пржевальскаго. Здѣсь точно также, какъ и въ Ордосѣ, изобилуютъ полувисохшія озера.

Во время обратнаго слѣдованія изъ Ала-шаня въ прошломъ году, путешественники встрѣтили озеро самосадочной соли Джаратай-дабасу. Блестящая соленая поверхность этого озера издали кажется водою, а вблизи льдомъ. Обманъ до того великъ, что, на глазахъ путешественниковъ, стада пролетныхъ лебедей, очевидно, обрадованныхъ встрѣчею воды въ пустынѣ, опускались почти до самой поверхности мнимаго озера, но убѣдившись въ своей ошибкѣ, съ тревожнымъ крикомъ съева подымались вверхъ и летѣли далѣе.

Въ маѣ стали перепадать небольшіе дожди, хотя они не въ состояніи были умѣрить страшную сухость воздуха. Всѣ вещи начали портиться отъ засухи, а растения необходимо было класть въ гербаріи полусырыми, иначе листья такъ высыхали, что потомъ разламывались на мелкія части, при прикосновеніи къ нимъ. Иногда даже трудно было писать дневникъ, такъ какъ перо, обмокнутое въ чернила, почти моментально высыхало. «На однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, говорить по этому поводу Николай Михайловичъ, являлась одна и та же помѣха отъ двухъ совершенно противоположныхъ причинъ—жара и холода» *).

Въ половинѣ мая экспедиція вступила въ предѣлы Ала-шаня и вскорѣ встрѣчена была двумя чиновниками, посланными княземъ изъ Дынъ-юань-ина для привѣтствія путешественниковъ.

Очень скоро однако выяснилось, что дѣйствительная цѣль этой любезной встрѣчи заключалась въ томъ, что князь и его сыновья горѣли нетерпѣніемъ поскорѣе получить подарки, предназначенные имъ.

Дѣло въ томъ, что еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ около горъ Муни-ула, путешественники наши встрѣтили своего знакомаго Сорджи, который возвращался изъ Пекина, куда онъ ѣздилъ по порученію своего повелителя.

Вручивъ ему подарокъ за прежнія услуги, Николай Михайловичъ показалъ и вещи, которыя предназначались для князей, и Сорджи поспѣшилъ отправиться домой съ пріятною вѣстью.

Встрѣтившіе теперь экспедицію чиновники съ первыхъ же словъ заговорили объ этихъ подаркахъ и рассказывали, съ какимъ нетерпѣніемъ ждуть ихъ князья. Затѣмъ они начали просить отправить ихъ поскорѣе впередъ.

Николай Михайловичъ согласился и послалъ слѣдующія вещи: старому князю большой двухсторонній пледъ и револьверъ, старшему сыну—такой же пледъ и микроскопъ; Гыгену и Сія—по скорострѣльному пистолету (системы Remington) съ тысячею готовыхъ патроновъ.

Происходило это уже вечеромъ, и путешественники приготовлялись къ ноч-

*) Зимомъ чернила замерзали на перѣ, см. раньше.

легу, тѣмъ не менѣ одинъ изъ посланцевъ немедленно же съ полученными подарками пустился въ трудный и не безопасный путь ночью по пустынѣ, тогда какъ другой чиновникъ остался при караванѣ экспедиціи.

Еще около двухъ недѣль послѣ этого путешественники шли по песчаной и безводной пустынѣ и, наконецъ, 26 мая вступили въ городъ Дынъ-юанъ-инъ, гдѣ расположились въ заранѣ приготовленной для нихъ фанзѣ.

Какъ и въ прошломъ году отъ любопытныхъ не было отбоя, такъ что въ концѣ концовъ путники прибѣгли къ рѣшительной мѣрѣ: привязали своего свирѣпаго Карзу въ дверяхъ фанзы, и эта мѣра оказалась дѣйствительною.

Въ тотъ же день произошло свиданіе съ Гыгеномъ и Сія. На этотъ разъ Николай Михайловичъ нарочно захватилъ, будучи въ Пекинѣ, свой парадный мундиръ офицера генеральнаго штаба. Это блестящее убранство теперь произвело на пріятелей принцевъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе, и они разсматривали мундиръ даже въ мельчайшихъ подробностяхъ.

Уже и въ прошломъ году въ Дынъ-юанъ-инѣ существовало убѣжденіе, что прибывшій иностранецъ (Пржевальскій)—вѣроятно очень важный чиновникъ. Теперь же, благодаря мундиру, это мнѣніе еще больше подтвердилось, и у князей сложилось даже убѣжденіе, что Пржевальскій—довѣренное лицо своего Государя.

Съ этого времени онъ прослылъ за «царскаго чиновника», и съ такимъ титуломъ Николай Михайловичъ совершилъ всю свою экспедицію.

Самъ онъ нисколько не старался разрушить такое мнѣніе о себѣ, такъ какъ оно было чрезвычайно выгодно и давало нѣкоторое объясненіе цѣли самого путешествія. Теперь уже монголы объясняли, какъ не однократно приходилось слышать самимъ путешественникамъ, что «Цаганъ-ханъ*») послалъ въ ихъ страну своего довѣреннаго чиновника, для того чтобы онъ видѣлъ здѣшнихъ людей собственными глазами, и, по возвращеніи на родину, рассказалъ-бы объ этомъ всемъ самому Государю.

На другой день, съ ранняго утра начали появляться ламы, чтобы осмотрѣть и закупить привезенные товары. Въ противоположность прошлому году однако торговля шла очень плохо и князья оказались далеко не такъ падки на покупки, какъ прежде, хотя цѣны на этотъ разъ назначены даже болѣе низкія, чѣмъ въ прошломъ году. Началась прескучная процедура торговли. Одинъ лама бралъ на показъ микроскопъ, другой—стереоскопъ, третій мыло и иголки, четвертый матеріи и т. д. Все это возвращалось однимъ довѣреннымъ, затѣмъ бралось другимъ, передавалось третьему и т. д., но по большей части дѣло и ограничивалось однимъ разсматриваніемъ вещей, которыя потомъ снова возвращались съ какою-нибудь отговоркою.

Но что нашло хорошій сбытъ, такъ это стереоскопы съ картинками соблазнительнаго содержанія, которыя пришлось очень по вкусу грубымъ азіатамъ. Всѣ

*) Цыганъ-ханъ—„Бѣлый царь“—Русскій императоръ.

наличныя картинки немедленно же закуплены были старымъ княземъ и азартъ его дошелъ до того, что черезъ своего адъютанта князь спрашивалъ, нельзя-ли ему привезти изъ Россіи тѣхъ самыхъ личностей, которыя изображены были на картинкахъ.

Между тѣмъ для путешественниковъ выпалъ великолѣпный случай пройти на озеро Куку-норъ. Въ Дынъ-юань-инь пришелъ тангутскій караванъ, который направлялся въ кумирню Чейбсенъ, лежащую въ провинціи Гань-су и отстоящую всего на пять дней пути отъ оз. Куку-нора.

Тангуты съ большою радостью приняли предложеніе Николая Михайловича отправиться вмѣстѣ, такъ какъ видѣли въ нашихъ путешественникахъ прекрасныхъ защитниковъ отъ разбойниковъ дунганъ.

Чтобы еще болѣе убѣдить ихъ въ дѣйствительности подобной защиты, Николай Михайловичъ однажды устроилъ примѣрную пальбу изъ штуцеровъ и револьверовъ. На это зрѣлище собралась огромная толпа и всѣ поражены были убійственнымъ, никогда невиданнымъ спемъ скорострѣльнаго оружія, сами же тангуты чуть не плясали отъ радости, видя, какихъ они приобрѣли себѣ спутниковъ.

Дѣло было уже окончательно слажено. Для Пржевальскаго же такое содѣйствіе отправленіе было необыкновенно благоприятнымъ потому что, какъ можно было судить по нѣкоторымъ предварительнымъ разпросамъ, безъ этого ему едва ли удалось бы найти проводника хотя бы черезъ южную пустыню Алашань, не говоря уже про дальнѣйшій путь къ желанному озеру Куку-норъ. Радость нашихъ путешественниковъ еще болѣе разжигалась разказами тангутовъ, что возлѣ ихъ кумирни находятся высокія лѣсистыя горы, въ которыхъ водятся множество птицъ и звѣрей. Словомъ, обстоятельства складывались самымъ благоприятнымъ образомъ.

Однако, неожиданно встрѣтилось препятствіе со стороны Алашаньскаго князя, который различными уловками началъ отклонять путешественниковъ отъ принятаго намѣренія. По всей вѣроятности, амбанъ дѣйствовалъ, такъ получивъ на этотъ счетъ соответствующія распоряженія изъ Пекина, куда ѣздилъ Сорджи. Весьма возможно, что алашаньцамъ тамъ сдѣланъ былъ внушительный «нагоняй» за радушный пріемъ русскихъ въ прошломъ году.

Этотъ самый лама Сорджи явился теперь главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ переговорахъ путешественниковъ съ княземъ. Прежде всего онъ предложилъ предоставить рѣшеніе дѣла на волю Божию, т. е. прибѣгнуть къ гаданію ламъ о благополучіи предстоящаго пути. Зная, что рѣшеніе этого оракула будетъ во всякомъ случаѣ неблагопріятно, Пржевальскій рѣшительно отказался признать компетенцію ламъ въ этомъ дѣлѣ. Къ такой-же уловкѣ алашаньцы прибѣгали и въ прошломъ году, при первомъ знакомствѣ съ нашими путешественниками и, угваривая ихъ откровенно объяснить, кто они такіе, страшали, что они во всякомъ случаѣ могутъ узнать истину черезъ гыгеновъ.

Когда эта первая уловка не удалась, то начались разказы о томъ, что

тангуты будутъ идти слишкомъ быстро, по пятидесяти и болѣе верстъ въ сутки и что русскимъ не выдержать подобныхъ переходовъ.

Пржевальскій отвѣтилъ на это, что онъ самъ знаетъ, какъ поступить въ подобныя случаи.

Далѣе, Сорджи, какъ человѣкъ бывалый, началъ рассказывать, что на пути къ кумирѣ Чейбсенъ лежатъ непроходимыя горы, на которыя верблюдамъ невозможно будетъ взобраться; но что, если путешественники согласятся подождать съ мѣсяцъ или два, то амбанъ дастъ имъ проводниковъ, которые проводятъ ихъ иною, болѣе удобною дорогою, къ самому озеру Куку-норъ. Между тѣмъ, самъ-же Сорджи, да и другіе ламы, увѣрили въ прошломъ году и теперь, еще нѣсколько дней тому назадъ, что проводниковъ къ озеру нельзя достать ни за какія деньги, такъ какъ всѣ страшно боятся дунгановъ и не пойдутъ даже подъ угрозой страшной казни. Въ то-же время, одинъ изъ чиновниковъ, какъ будто въ припадкѣ добродушной откровенности, но, конечно, по паушенію самого князя, сообщалъ по секрету Николаю Михайловичу, что амбанъ уже приказалъ приготовить двухъ проводниковъ на Куку-норъ и даже въ Тибетъ, если путешественники пожелаютъ справиться въ эту страну.

День за днемъ откладывалась аудіенція со старымъ княземъ, старшаго сына точно также путешественники еще не видѣли, а пріятели Гыгенъ и Сія, послѣ перваго свиданія только украдкой пріѣзжали иногда въ фавзу, занятую путешественниками, но сами уже не приглашали къ себѣ.

Вообще, отношенія съ князьями сильно измѣнились къ худшему, сравнительно съ предыдущимъ годомъ.

Но все это было еще сравнительно пустяки, на амбана и его совѣтниковъ въ концѣ концовъ можно было-бы и не обращать вниманія, но безвыходность положенія путешественниковъ заключалась въ иномъ: въ недостаткѣ матеріальныхъ средствъ. Изъ 87 ланъ, которыя имѣлъ Пржевальскій, при выходѣ изъ Калгана, теперь оставалось уже только 50, а между тѣмъ, для дальнѣйшаго путешествія необходимо было приобрести 6 новыхъ верблюдовъ и 2 лошади, такъ какъ обѣ прежнія лошади, точно также, какъ и 3 верблюда, погибли дорогою.

Положеніе было совершенно безвыходное, такъ какъ денегъ ждать было не откуда и единственная надежда была на распродажу вещей. Зная объ этомъ амбанъ, ему не пришлось-бы прибѣгать къ различнымъ хитростямъ и уловкамъ: стоило только запретить своимъ подданнымъ раскупать товары и путешественники сами, безъ всякихъ препятствій, отказались-бы отъ своего намѣренія пробраться на Куку-норъ, и принуждены были-бы поспѣшить со своимъ возвращеніемъ въ Калганъ и Пекинъ. Успѣхъ всей экспедиціи, такимъ образомъ, зависѣлъ отъ простаго капризнаго случая. А стоило только тангутскому каравану вѣсти, тогда путешественники и за деньги уже не могли-бы найти себѣ проводника.

Но, къ счастью, ни амбану, ни кому-либо изъ его приближенныхъ совѣтниковъ не могло придти въ голову, чтобы такой важный «царскій чиновникъ»,

доверенное лицо Цагань-хана, могъ нуждаться въ деньгахъ и чтобы эта причина могла составлять препятствіе его намѣреніямъ...

Къ великому счастью, гыгенъ согласился дать за скорострѣльный штуцеръ Спенсера 6 верблюдовъ съ придачекъ 100 ланъ деньгами. Около 120 ланъ выручено было къ тому времени еще отъ продажи кое-какихъ другихъ товаровъ, и такимъ образомъ явилась возможность дѣйствовать рѣшительнѣе.

Николай Михайловичъ твердо заявилъ Сорджи, что ояъ пойдетъ съ тангутскимъ караваномъ и потребовалъ, чтобы амбанъ прислалъ ему или деньги за забранные товары, или-же возвратитъ самыя вещи.

Вечеромъ 1-го іюня, наканунѣ отхода тангутовъ, явился Сорджи и объявилъ, что амбанъ приказалъ тангутамъ пробывать въ городѣ еще два дня.

Въ теченіе этого времени ламы все продолжали уговаривать путешественниковъ остаться, говоря, что князь очень опечаленъ ихъ скорымъ уходомъ. Для большей убѣдительности Сорджи сообщалъ еще, что амбанъ «очень любитъ не только русскыхъ, но и всѣ ихъ товары, а именно: стереоскопы, оружіе, сукно, мыло, свѣчи и пр. и пр., забавно перебирая пальцами, считалъ хитрый лама» *),

При этомъ ояъ просилъ подарить князю и его старшему сыну по ружью или какія-нибудь другія хорошія вещи, хотя-бы даже русское платье...

«Вообще, безсовѣстность, до которой доходили въ своемъ попрошайничествѣ какъ самъ амбанъ, такъ и его сыновья, говоритъ Николай Михайловичъ, переходила всякіе предѣлы. Черезъ своихъ доверенныхъ они дѣлали къ намъ со всевозможными просьбами, и дѣло доходило до того, что, ожидая пріѣзда князей, мы должны были прятать многія вещи, во избѣжаніе попрошайничества со стороны своихъ гостей» **).

Требованія объ уплатѣ денегъ за взятые княземъ товары пришлось повторить не разъ въ энергичной формѣ и, наконецъ, принесено было 258 ланъ, такъ что теперь въ кассѣ экспедиціи собралось уже 500 ланъ, а число верблюдовъ достигло 14.

Наконецъ, окончились и два дня отсрочки. Выступленіе съ караваномъ было окончательно рѣшено и назначено на завтра. Хотя отъ князя не приходило никакого разрѣшенія, но зато и отговариванья прекратились. Всѣ приближенные амбана, повидимому, были также окончательно увѣрены въ томъ, что выступленіе состоится, и гыгенъ прислалъ даже въ подарокъ пару лошадей, которыя пришились, какъ нельзя болѣе, кстати.

«Съ лихорадочною поспѣшностью и несказанною радостью, пишетъ Николай Михайловичъ,—тѣмъ болѣе сильною, послѣ всѣхъ пережитыхъ въ послѣдніе дни испытаній—мы до поздней ночи увязывали свои вещи, сѣдлали верблюдовъ и вообще собирались въ путь. Утромъ, лишь только разсвѣло, мы уже были на ногахъ и начали выюжить верблюдовъ. Половина ихъ была готова, какъ вдругъ

*) Монголія, стр. 127.

**) Тамъ-же.

къ вамъ прибѣгаетъ одинъ изъ тангутовъ и объявляетъ, что они сегодня не выходятъ, такъ какъ получено извѣстіе о шайкѣ дунгань, стоящихъ недалеко отъ Дынъ-юань-ина. Не повѣривъ тангуту, я отправилъ своего товарища съ казакомъ разузнать, въ чемъ дѣло; посланные вскорѣ вернулись обратно и объявили, что тангутскій караванъ уже совершенно готовъ къ выступленію» *)...

Между тѣмъ явился Сорджи и точно также завелъ рѣчь о разбойникахъ-дунганяхъ...

Выведенный изъ себя такою наглою ложью, Николай Михайловичъ обругалъ хитраго ламу «русскимъ словомъ», и тогда тотъ сталъ увѣрять, что тангуты—худые люди и сами не хотятъ идти вмѣстѣ съ русскими...

Въ это время приходитъ извѣстіе, что тангуты уже выступаютъ изъ города. Тогда, не обращая болѣе вниманія на Сорджи и другихъ ламъ, бывшихъ здѣсь-же, Николай Михайловичъ приказалъ выючить остальныхъ вѣрблюдовъ и сопровождаемый толпою народа двинулся по улицамъ города съ намѣреніемъ во что-бы то ни стало присоединиться къ каравану или, по крайней мѣрѣ, идти по его слѣдамъ.

Черезъ нѣсколько минутъ прискакалъ Сія и тангутскій лама, начальникъ каравана, и оба они начали увѣрять, что хотя караванъ уже ушелъ, но его пошлютъ сейчасъ вернуть назадъ, такъ какъ получено извѣстіе о приближеніи дунгань, пока-жѣ, по ихъ словамъ, необходимо обождать результата посланныхъ развѣдокъ.

Тогда Николай Михайловичъ рѣшилъ употребить послѣднее средство, хотя и мало вѣрилъ въ его дѣйствительность.

Подойдя къ Сіа и взявъ его за руку, онъ спросилъ его, дастъ-ли онъ слово, что ихъ не обманываютъ и что тангуты не уйдутъ безъ нихъ?

— Даю, даю охотно, ручаюсь вамъ въ этомъ, — отвѣчалъ Сія, видимо обрадованный, что является случай задержать путешественниковъ. Съ своей стороны и тангутскій лама принялся горячо увѣрять, что не уйдетъ безъ русскихъ путешественниковъ.

Николай Михайловичъ плохо довѣрялъ всѣмъ этимъ увѣреніямъ, но больше ничего не оставалось дѣлать, и потому онъ остался, но, не желая возвращаться въ городъ, отправился со своимъ караваномъ въ загородный садъ амбая, гдѣ и разбилъ свою палатку.

«Трудно описать наше волненіе, говорить Пржевальскій, въ особенности въ первые минуты. Дѣйствительно, подобная исторія была слишкомъ тяжела. Завѣтная цѣль давнишнихъ стремленій, для которой понесено уже было столько трудовъ, теперь сразу отдалялась, Богъ знаетъ на какое время. Пусть сначала, въ первые дни нашего прихода въ Дынъ-юань-инъ, намъ отказали-бы идти съ тангутами, тогда горе все еще было-бы на половину—мы сами не думали встрѣтить такой благопріятный случай; теперь-же подобный отказъ становился вдвое тяжелѣе, послѣ того какъ мысль объ успѣхѣ уже сроднилась съ нами»...

*) Тамъ-же, стр. 207

Въ тревожномъ и тяжеломъ ожиданіи путешественники провели цѣлый день. Изъ города теперь никто не показывался и только къ вечеру пріѣхалъ Сія.

Николай Михайловичъ началъ страшать его обѣщаніемъ жаловаться въ Пекинъ на подобное насиліе со стороны Алашаньскаго владѣтеля.

Молодой князь видимо конфузился своимъ участіемъ въ неприятной исторіи, просилъ немного обождать и продолжалъ увѣрять, что тангутскій караванъ ни въ какомъ случаѣ не уйдетъ безъ ихъ вѣдома.

Все повеленіе Алашаньскаго князя, однако, внушало очень мало довѣрія, и Николай Михайловичъ начиналъ уже раскидывать умомъ, куда-бы ему теперь направиться для дальнѣйшихъ изслѣдованій, какъ вдругъ къ вечеру слѣдующаго дня, т. е. 5-го іюля, на бивуакъ снова явился Сія и объявилъ, что тангутскій караванъ стоитъ неподалеку отъ города и ожидаетъ присоединенія русскихъ путешественниковъ, чтобы завтра на разсвѣтѣ тронуться въ путь. Далѣе, Сія пояснилъ, что нарочно посланные развѣдчики возвратились и оказалось, что дунганъ нѣтъ, да и самый слухъ объ нихъ, вѣроятно, былъ ложный.

Какова была истинная причина такой загадочной задержки, не удалось выяснитъ ни тогда, ни впоследствии. Но, по мнѣнію Пржевальскаго, по всей вѣроятности, амбанъ посылалъ въ ближайшій китайскій городъ Нинь-ся, чтобы спросить у губернатора, какъ поступить въ данномъ затруднительномъ случаѣ...

Снова появилась уже потерянная было надежда на успѣхъ, и весь остатокъ дня, точно также какъ и ночь путешественники провели въ крайне напряженномъ состояніи.

ГЛАВА ОДННАДЦАТАЯ.

Южный Ала-шань, переходъ до Гань-су.

Выступленіе изъ Дынъ-юань-ина.—Съ тангутскимъ караваномъ.—Многоглазый Аввакумъ.—Назойливость спутниковъ и помѣхи въ научныхъ изслѣдованіяхъ.—Южный Ала-Шань, пески Тынгерн.—Остановка въ городѣ Даджинъ.—Горы Гань-су.—Курьезная стычка съ дунганами, стоицизмъ плѣнника.—Ночное приключеніе.

Чуть свѣтъ всѣ верблюды были уже завьючены и путешественники наши двинулись, наконецъ, вмѣстѣ съ тангутскимъ караваномъ въ путь по направленію къ цѣли давнишняго стремленія, къ загадочному озеру Куку-нору.

Пржевальскій былъ теперь въ восторгѣ. «Караванъ пойдетъ,—писалъ онъ въ Пекинъ посланнику Влангали,—по самымъ пустыннымъ мѣстностямъ, не заходя ни въ одинъ китайскій городъ—выгода для насъ немаловажная. Отъ города Дынъ-юань-ава до кумирни Чейбсенъ 22 дня ходу, такъ что 25 или 26 іюля я уже буду въ тѣхъ горахъ, которыя лежатъ къ сѣверу отъ Куку-нора и въ которыхъ находится названная кумирня... Эти горы, какъ кажется, составляютъ отечество ревеня, изслѣдованіемъ котораго я займусь подробно, насколько это будетъ воз-

можно. Кроме того, по словам монголов, всё горы покрыты лѣсами, въ которыхъ множество звѣрей, водятся тигры, барсы, олени, кабарги и проч. Ближе къ Куку-неру—множество дикихъ яковъ, длинноногихъ антилопъ, джипатаевъ... Вотъ будетъ гдѣ пожива для моей зоологической коллекціи!.

«Самъ я радъ до невѣроятія. По крайней мѣрѣ, теперь не пропадутъ даромъ всё повесенные труды, и я почти навѣрное могу сказать, что буду на Куку-норѣ. Впрочемъ, на это озеро я отправлюсь не раньше конца августа. Конецъ юня и июль проведу возлѣ кумирни Чейбсенъ и хорошенько изслѣдую флору и фауну. Кроме того, надо будетъ дать отдыхъ верблюдамъ» *).

Караванъ, съ которымъ шли теперь наши путешественники, снаряженъ былъ въ Певинѣ однимъ изъ важнѣйшихъ монгольскихъ кутухтъ, именно Джандыгыномъ, которому принадлежитъ множество кумиренъ въ различныхъ частяхъ Монголіи, но самъ онъ происходилъ изъ кумирни Чейбсенъ.

Караванъ состоялъ изъ 37 человекъ, въ числѣ которыхъ было нѣсколько богомольцевъ монголовъ, которые направлялись въ Лхассу, и 10 ламъ-воиновъ, посланныхъ изъ Дынъ-юанъ-ина Алашанскимъ княземъ, въ качествѣ охранителей. Эти ламы вооружены были европейскими гладкоствольными ружьями, всё же остальные имѣли кремневые ружья, но были вооружены кроме того пиками и саблями.

Подъ охраною этого воинства шли 72 верблюда и 40 лошадей. Начальниками этого каравана были два ламы-донира **), которые были вообще люди услужливые. Чтобы еще больше расположить ихъ въ свою пользу, Пржевальскій подарилъ имъ изъ оставшихся непроданными вещей по небольшому пледу.

Всѣ участники каравана слыли за необыкновенно храбрыхъ, просто отчаянныхъ людей, которые рѣшились идти въ тѣ самыя мѣста, гдѣ живутъ разбойники-дунганы.

Самою замѣчательною личностью каравана оказался Рандземба, тангутъ лѣтъ сорока, откровенный и добродушный и вмѣстѣ съ тѣмъ страшный говорунъ; онъ вмѣшивался во всякое дѣло и любилъ помогать всѣмъ и каждому.

Рандземба рассказывалъ обо всемъ съ большимъ воодушевленіемъ и сопровождалъ свою рѣчь всегда весьма выразительными жестами, и наши путешественники прозвали его «многоглаголевымъ Аввакумомъ». Прозвище это немедленно же

К у т у х т а.

*) Дубровинъ, стр. 151.

**) Дониръ—князичей, одна изъ іерархическихъ степеней ламъ.

Э
вѣ, всѣ горы
звѣрей, во-
проч. Ближе
длиннорогихъ

К у т у х т а.

разнеслось по всему каравану, и Рандзембу съ того времени всё называли уже не иначе, какъ Аввакумомъ.

Охота и стрѣльба въ дѣль, особенно послѣдняя, была страстью Аввакума. Впрочемъ и остальные воители съ большою охотою предавались стрѣльбѣ въ дѣль. Почти каждый день, лишь только караванъ останавливался на ночлегъ, тотъ или другой изъ любителей, уловивъ свободную минуту, устанавливалъ какую-нибудь мишень и начиналъ стрѣлять. Тотчасъ же являлись зрители, сначала безучастные, но потомъ, раззадорившись мало-по-малу, они бѣжали и за своими ружьями, и тогда начиналась неумолкаемая пальба*). Рандземба былъ всегда главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ занятіяхъ этимъ благороднымъ спортомъ. Достаточно было ему услышать выстрѣль, и онъ немедленно же бросалъ какое угодно занятіе. Случалось, что, заснувъ послѣ тяжелаго перехода и сильно уставшій, Рандземба, разбуженный выстрѣлами, вскакивалъ со своего ложа, прибѣгалъ босой съ заспанными глазами и тотчасъ же принималъ самое дѣятельное участіе въ стрѣльбѣ, обращаясь къ каждому изъ участвующихъ со всевозможными, совершенно непрощенными совѣтами, какъ нужно поставить мишень, какой положить зарядъ, какъ исправить ружье и т. п. Пользуясь репутаціей хорошаго стрѣлка, онъ обыкновенно брался пристрѣивать плохо бывшія ружья и отъ постоянной отдачи такихъ ружей правое плечо и правая щека Рандзембы были постоянно сильно распухшими. Выбѣстъ съ двумя компаніонами многоглаголивый Аввакумъ направлялся изъ Пекина. Во время пути онъ постоянно ѣхалъ на лошади, предоставляя двумъ своимъ товарищамъ вести завьюченныхъ верблюдовъ. Самъ же онъ безпрестанно разтѣзжалъ—то въ одну сторону, то въ другую, высматривая нѣтъ ли гдѣ хара-сультъ, а замѣтивъ послѣднихъ, немедленно же во весь опоръ скакалъ къ Николаю Михайловичу или къ Пыльцову съ предложеніемъ начинать охоту, а по большей части и самъ принималъ въ ней участіе, предварительно вырубивъ огня и зажегши фитиль у своего ружья.

Товарищи Аввакума, на которыхъ, такимъ образомъ, падала вся тяжесть ухода за вьючными животными, постоянно негодовали на него за подобныя увлеченія и однажды даже прибѣгли къ рѣшительной мѣрѣ: въ одно утро, по выступленіи каравана въ путь, путешественники наши съ удивленіемъ замѣтили своего пріятеля, возсѣдающимъ на верблюдѣ съ поводями въ рукахъ, а не гарцующимъ, какъ обыкновенно, по сторонамъ на своей лошади. Однако, такое заключеніе, весьма непріятное для вольнолюбиваго Аввакума, продолжалось не долго. Какъ нарочно, въ этотъ день на пути попадались очень много антилопъ.

*) На прилагаемомъ рисунѣ (художника Прянишниковъ) помѣщены трое изъ участниковъ экспедиціи, вѣроятно, Николай Михайловичъ, Пыльцовъ и одинъ изъ казаковъ—въ военной формѣ; это не совсѣмъ правильно, такъ какъ Пржевальскій и его слуги во всѣхъ путешествіяхъ ходили всегда въ парусинныхъ блузахъ, полшубкахъ и т. п., но никогда не носили военныхъ мундировъ, исключая случаевъ торжественныхъ аудіенцій, когда, для подіятія своего престожа среди азіатовъ, они старались одѣться какъ можно параднѣе.

Стрѣльба въ цѣль.

Рандземба, съ высокой спины своего верблюда имѣвшій теперь возможность видѣть еще дальше прежняго, безпрестанно провожалъ далеко неравнодушными глазами этихъ животныхъ, а когда Николай Михайловичъ со своимъ товарищемъ погнался за одною харасультою, то онъ до такой степени увлекся этимъ зрѣлищемъ, что совершенно забылъ про порученныхъ его бдительности верблюдовъ и зазелъ ихъ въ рытвину.

Тогда товарища Рандзембы, видя, что изъ блуднаго сына проку не выходить, поругавши его хорошенько, прогнали отъ верблюдовъ, и онъ съ великою радостью снова пересѣлъ на лошадь и началъ гоняться за кара-сультами.

Во время пути наши путешественники съ своими верблюдами слѣдовали въ хвостѣ каравана, чтобы не задерживать своихъ спутниковъ различными случайными остановками.

Хотя, послѣ распродажи товаровъ въ Ала-шанѣ, багажъ ихъ значительно поубавился, но взамѣнъ того пришлось сдѣлать запасъ рису и проса, котораго, какъ говорили алашанцы, нельзя будетъ достать въ раззоренной дунганями провинціи Гань-су.

Теперь, когда приходилось идти не по своей собственной волѣ, а сообразуясь съ остальнымъ караваномъ, управляться съ вѣчными животными было еще труднѣе, чѣмъ прежде. Напрасно старался Николай Михайловичъ взять въ Дынъ-юань-яиѣ какого-нибудь монгола въ работники,—никто не соглашался отправиться почти на вѣрную смерть, какъ всѣ думали. Точно также и въ спутниковъ тангутовъ никто не соглашался поступить въ услуженіе и едва-едва удалось нанять тангута за красную цѣну по $\frac{1}{2}$ лана въ сутки пасти по ночамъ верблюдовъ путешественниковъ вмѣстѣ со своими. Вообще, не только отъ множества посторонней работы, но также и отъ самаго порядка путешествія во все время пути съ тангутскимъ караваномъ ни о какихъ научныхъ работахъ нечего было и думать.

Палатка путешественниковъ, особенно въ первые дни шествія съ караваномъ, была постоянно биткомъ набита любопытными; ихъ интересовало все до мельчайшихъ подробностей; разспросамъ не было конца. Самая ничтожная вещь осматривалась и «обнюхивалась» по вѣскольбу десятковъ разъ, и при этомъ нужно было двадцать разъ рассказывать одно и то же то одному, то другому псѣстителю... «Это была крайне тяжелая, но неминуемая доля,—говоритъ Пржевальскій,—въ противномъ случаѣ мы не могли пріобрѣсть расположенія своихъ спутниковъ, отъ которыхъ вполне зависѣли въ дорогѣ» *).

Всякое занятіе возбуждало навойливое любопытство и безконечные разспросы. Собираніе растений, производство метеорологическихъ наблюдений, писаніе дневника—все это, несмотря на регулярное повтореніе каждый день, вызывало любопытство и даже подозрѣніе, которое приходилось разсѣивать различными разсказами и притворствомъ.

*) Монголія, стр. 212.

Такъ, напр., относительно писанія дневника Николай Михайловичъ объясняетъ, что онъ записываетъ въ книгу все, что видѣлъ, чтобы не забыть по возвращеніи на родину, гдѣ съ него потребуютъ отчета; растенія собираются на лекарства, чучела звѣрей и птицъ—на показъ, метеорологическія наблюденія—для того, чтобы напередъ узнать погоду; въ послѣднее всё скоро совершенно искренно увѣровали, послѣ того какъ Николай Михайловичъ по паденію барометрическаго давленія предсказалъ бурю.

— Не успѣешь, бывало,—говорить Пржевальскій,—сорвать какую-нибудь травку, какъ тотчасъ же окружаетъ уже цѣлая толпа съ неизмѣнными вопросами: «я муръ-э мъ» (какое это лекарство?), или: «цицыкъ се й хэнъ бэй-на?» (цвѣтокъ хорошъ-ли?). Если же случилось убивать птичку, то безъ преувеличенія, всё наличные люди каравана потѣбжали каждый съ своими и тѣми же вопросами: «какая это птица?» «хорошо-ли ея мясо?» «какъ я убилъ?» и т. п.

Волею-неволею на всю подобную назойливость приходилось смотрѣть съвозъ пальцы, но такое притворство становилось по временамъ черезъ-чуръ тяжело!

Къ счастью, еще титулъ «царскаго чиновника», который утвердился за Пржевальскимъ въ Ала-шанѣ и поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ дальше, до нѣкоторой степени отклонялъ недовѣрчивость и заставлялъ относиться къ нему съ уваженіемъ.

Тѣмъ не менѣе нѣкоторыхъ наблюденій все-таки нельзя было производить, какъ, напр., магнитныхъ, астрономическихъ, измѣренія температуры почвы, и самое главное—совершенно невозможно было дѣлать съемку, тѣмъ болѣе наносить ее на карту. Къ этому же у Николая Михайловича не осталось теперь ни одного карманнаго компаса, такъ какъ оба бывшіе у него онъ принужденъ былъ отдать князьямъ въ Ала-шанѣ, которые неотступно просили подарить имъ эти вещи, казавшіяся имъ красивыми и забавными игрушками.

Скрѣпя сердце, Николай Михайловичъ отложилъ производство всѣхъ этихъ наблюденій до болѣе удобнаго времени и рассчитывалъ наверстать потерянное на обратномъ пути, а пока, чтобы по возможности запомнить дорогу, заносилъ въ памятную книжку различныя примѣты пути. Записываніе въ книжку также до крайности затруднялось постояннымъ присутствіемъ неотвязчивыхъ спутниковъ.

«Случалось иногда,—говорить по этому поводу Пржевальскій,—что вида настоятельную необходимость занести что-либо въ свою карманную книжку, я умышленно отставалъ отъ каравана и, подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ записывалъ видѣнное. Да и въ подобномъ случаѣ слѣдовало быть крайне осторожнымъ, такъ какъ достаточно было кому-нибудь поймать меня только одинъ разъ, и тогда уже невозможно было бы отклонить самаго сильнаго подозрѣнія на счетъ нашего путешествія» *).

*) Монголія, стр. 213.

Самый способ хождения теперь был крайне утомителен, главным образом потому, что нельзя было достать помощника.

Обыкновенно караван выступал около полуночи, чтобы избежать дневного жара, и сдвлав вереть тридцать, а то и сорокъ, останавливался около какого-нибудь колодца; иногда же, за неимением его, опытные тангуты, прекрасно изучившие пустыню, просто принимались копать яму, иногда не болѣе трех футовъ глубины, куда вскорѣ набиралась вода. Наши путешественники только удивлялись, глядя, какъ ихъ слутники по чутью угадывали, гдѣ въ почвѣ должна быть недалеко вода. Последняя какъ въ почвѣ, такъ и въ большинствѣ колодезь, попадавшихся на пути, была соленая или, по крайней мѣрѣ, солонатовая, дурного вкуса, при томъ же не рѣдко въ такихъ колодцахъ находили человѣческія трупы, очевидно брошенные туда дунганами. «У меня до сихъ поръ мутитъ на сердцѣ,—говоритъ Николай Михайловичъ,—когда я вспомню, какъ однажды, налившись чаю изъ подобнаго колодца, мы стали пить верблюдовъ, и, вычерпавъ воду, увидали на днѣ гнилой трупъ человѣка!..»

Послѣ труднаго дневнаго перехода и на мѣстахъ остановокъ невозможно было отдохнуть, какъ слѣдуетъ. Отъ раскаленной почвы пустыни отдавало нестерпимымъ жаромъ, какъ изъ печи, въ воздухѣ—ни малѣйшаго вѣтерка, жажда томить путниковъ и не можетъ достаточно утолиться противною соленою водою...

А тутъ какъ разъ нужно возиться съ развьючиваніемъ и расфдываніемъ верблюдовъ, пить ихъ, что одно уже отнимаетъ болѣе часа времени, такъ какъ воду приходилось черпать маленькимъ черпакомъ, а каждому верблюду въ жару надо дать ведра три воды и т. д.

До поздней ночи обыкновенно наши путешественники возились съ подобными неинтересными, но утомительными работами и до такой степени уставали, что даже въ тѣ немногіе часы, которые оставались для отдыха, не могли заснуть спокойно, а находились въ неприятномъ и переутомленномъ состояніи.

Такъ шли дни за днями. Отъ Дынъ-юань-ина путь каравана шелъ сначала на югъ, а затѣмъ круто повернули на западъ по направленію къ китайскому городу Даджину, лежащему уже въ предѣлахъ провинціи Гань-су. Южная часть Ала-шаня, по которой проходили теперь путешественники, по своему физическому характеру не отличается отъ раньше описанной сѣверной части и представляетъ пустыню въ полномъ смыслѣ этого слова. Сыщучіе пески здѣсь распространены еще больше и не даромъ получили отъ монголовъ прозвище «Тынгери», что означаетъ «небо», вѣроятно, въ томъ смыслѣ, что они представляютъ необъятныя пространства. Голый песокъ этой пустыни безпрестанно переносится вѣтромъ съ одного холма на другой, а въ промежуткахъ между ними образуются ложбины и ямы. Какой бы то ни было тропинки нѣтъ и слѣда и только кое-гдѣ вляющійся сухой пометь верблюда, а иногда и скелеть обозначаютъ направленіе пути; но по большей части караванъ шелъ не по этимъ примѣтамъ разыскивать которыя представляло не малый трудъ, а просто на прямикъ, ориентируясь по солнцу.

Вышеуказанные ямы и холмы представляли большія затрудненія для ходьбы въчужныхъ животныхъ, ноги которыхъ увязали въ рыхлый песокъ, и имъ безпрестанно приходилось карабкаться съ одного холма на другой.

Во время бури приходилось особенно круто, когда вершины холмовъ начнутъ сначала куриться словно дымомъ, а затѣмъ вся окружающая атмосфера наполняется вдругъ такою густою пылью, что даже солнца не видно.

За все время слѣдованія съ тангутскимъ караваномъ населенія нигдѣ не встрѣчалось, такъ какъ всѣ прежнія поселенія разорены были дунганами; по дорогѣ довольно часто валялись человѣческіе скелеты, а въ двухъ встрѣтившихся кумирняхъ путешественники нашли даже цѣлыя груды полудизгнившихъ и полуобглоданныхъ волками и коршунами труповъ.

Миновавъ пески Тынгери, караванъ направился вдоль южной окраины ихъ, по глинистой безплодной равнинѣ, и вскорѣ вдали, сначала неясно, обрисовалась величественная цѣпь горъ Гань-су; по мѣрѣ приближенія эта громадная стѣна, увѣчанная снѣгами, все болѣе и болѣе выяснялась на горизонтѣ и еще черезъ одинъ переходъ предстала передъ путешественниками во всемъ блескѣ своей нерукотворной красоты.

Пустыня вдругъ окончилась. На разстояніи какихъ-нибудь двухъ верстъ отъ сплошныхъ голыхъ песковъ, которые уходили въ необозримую даль къ западу, здѣсь раскинулась хорошо воздѣланная равнина; обработанныя поля, луга, пестряшіе цвѣтами и безчисленныя фавзы сразу измѣнили мѣстность. Культура и пустыня, — жизнь и смерть — такъ близко соприкасались здѣсь между собою, что удивленные путники едва довѣряли своимъ глазамъ...

Здѣсь проходила Великая стѣна, но видъ ея здѣсь былъ далеко не внушительный: это былъ просто глиняный валъ сажени въ три вышиною.

Въ двухъ верстахъ отъ стѣны расположенъ небольшой китайскій городъ Даджинъ, уцѣлѣвшій отъ дунганскаго разоренія. Здѣсь стоялъ гарнизонъ изъ 1,000 солдатъ солонцовъ, т. е. пришедшихъ изъ Манчжуріи и потому хорошо знавшихъ русскихъ, такъ что здѣсь нашихъ путешественниковъ пріветствовали по-русски: «здаластуй, како живешь!»

Несмотря на то, что караванъ не вошелъ въ городъ, а остановился у стѣны, толпы любопытныхъ, какъ и всегда, осаждали палатку янь-гуйзъ и не давали имъ ни минуты покою.

Такія мученія продолжались два дня, пока стояли вблизи города, и единственною утѣхою явилось то, что въ Даджинѣ оказались булки, печенныя на прожжахъ, чего нельзя достать во всемъ Китаѣ, такъ какъ китайцы употребляютъ исключительно прѣсный хлѣбъ.

20 іюня, рано утромъ, караванъ покинулъ Даджинъ и направился прямо въ горы. Здѣсь произошла полная перемѣна физическихъ условій мѣстности: гористый ландшафтъ, черноземная почва, чрезвычайная сырость климата и обиліе осадковъ, явились на смѣну только что покинутой Ала-шаньской пустынѣ, хотя горы от-

стоять отъ нея всего верстъ на 40. Точно также рѣзко измѣнилась флора и фауна: богатѣйшая травяная растительность покрыла плодородныя степи, и густые лѣса осыпали высокіе и крутые склоны; животная жизнь тоже появилась въ изобиліи.

Мѣстность, по которой шли теперь путешественники, прежде густо населенная, теперь была совершенно разорена дунганамъ, слѣды которыхъ попадались на каждомъ шагѣ. Всѣ деревни и города, которые встрѣчались на пути, лежали въ развалинахъ, вездѣ валялись человѣческіе скелеты и нигдѣ не видно было ни одной души человѣческой.

Спутники нашихъ путешественниковъ, тангуты и ламы, трусили до крайности, видя безпрестанно слѣды подвиговъ разбойниковъ. Изъ опасенія привлечь вниманіе, теперь даже на ночевкахъ не разводили огня, на каждомъ привалѣ воины святости свои ружья и постоянно просили русскихъ ѣхать впереди. Однажды храбрость всѣхъ этихъ воиновъ проявилась довольно смѣшнымъ образомъ.

Лишь только караванъ вступилъ въ одну долину, какъ ламы увидѣли нѣсколькихъ человѣкъ, поспѣшно убѣгавшихъ въ горы. Принимая ихъ за дунганъ и радуясь, что непріятеля такъ мало, ламы тотчасъ-же открыли неумолимую пальбу по убѣгающимъ.

Николай Михайловичъ со своими товарищами также поспѣшили на выстрѣлы, но, увидѣвъ въ чемъ дѣло, остались праздными зрителями. Посмотрѣть дѣйствительно было интересно. Хотя непріятеля уже не было видно, и бѣглецы успѣли скрыться въ горахъ, но ламы все болѣе и болѣе продолжали стрѣлять. Послѣ выстрѣла каждый въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ кричалъ во все горло, а затѣмъ уже принимался снова заряжать ружье.

Настрѣлявшись вдоволь, храбрые воители прекратили, наконецъ, свою бессмысленную пальбу, пустились въ погоню и вскорѣ имъ удалось поймать одного изъ бѣглецовъ, который оказался китаецемъ, но быть можетъ былъ и магометанинъ. Плѣннаго рѣшено было казнить по приходѣ на мѣсто остановки, а пока онъ долженъ былъ идти съ караваномъ. Дорогою китаецъ отсталъ и притаился въ густой травѣ, однако, былъ разысканъ, и теперь, во избѣжаніе новаго побѣга, его привязали косою къ хвосту верхового верблюда.

Но вотъ, наконецъ, пришли на бивуакъ. Китайца привязали къ вьюку и тутъ-же рядомъ начали точить саблю для исполненія казни. Въ то-же время между ламами оказалось разногласіе: одни стояли за казнь, тогда какъ другіе предлагали помилованіе. Китаецъ, знавшій по монгольски, прекрасно понималъ, о чемъ идетъ рѣчь, но рѣшительно ничѣмъ не выказывалъ своего безпокойства или волненія. Болѣе того, когда поспѣлъ чай, то монголы по привычкѣ начали угощать и плѣнника, и онъ совершенно спокойно, съ большимъ аппетитомъ выпивалъ чашку за чашкой вмѣстѣ съ ламами, которые въ то-же время продолжали свои горячія пренія насчетъ казни.

«Такая исторія,—говоритъ Николай Михайловичъ,—показалась намъ черезъ чуръ отвратительною, и мы поскорѣе отправились на экскурсію въ сосѣднія горы».

Через нѣсколько дней пути по горамъ, причѣмъ нерѣдко приходилось идти по прекрасной, высѣченной въ скалахъ дорогѣ, удобной даже для колесной ѣзды, но со времени дунганскаго возстанія совершенно запущенной, — вступили въ долину значительной рѣки Тэтунгъ-гола. Горы постепенно по мѣрѣ подъема начали одѣваться растительностью. Сначала попадались низкорослыя, но густыя кустарники, а затѣмъ появились и настоящіе лѣса; по долинамъ-же вездѣ разстилались превосходныя, сочныя пастбища. Новые виды растений попадались на каждомъ шагу, чуть не каждый выстрѣлъ доставлялъ какую-нибудь новую птицу; но всѣ эти сокровища Пржевальскому приходилось хватать только мимоходомъ, такъ какъ тангуты въ горахъ особенно трусили и, не помня подъ собою ногъ отъ страха, спѣшили, какъ можно скорѣе, въ свою кумирню. Даже по ночамъ теперь дѣлались самыя кратковременныя остановки.

Къ несчастью, ежедневно, почти не переставая, лилъ дождь, и въ воздухѣ стояла страшная сырость, такъ что даже и тѣ коллегіи, которыя удавалось собирать мимоходомъ, нерѣдко портились за немѣннѣе времени и возможности просушить ихъ. Ружья и всѣ желѣзныя вещи покрылись ржавчиною и сильно портились.

На одной ночевкѣ случилась опять забавная исторія. Казаки, отправившись вечеромъ за дровами, замѣтили въ одномъ изъ ближайшихъ ущелій огонь и возлѣ него нѣсколько человѣческихъ фигуръ. Немедленно-же объ этомъ было дано знать въ караванъ тангутовъ, и всѣ пришли въ страшное волненіе. Тотчасъ-же рѣшено было, что это разбойники, которые поджидаютъ наступленія ночи, чтобы напасть на караванъ. Николай Михайловичъ со своимъ товарищемъ и казаками рѣшилъ идти къ нимъ, пока еще было не совсѣмъ темно. Къ нимъ присоединилось восемь человѣкъ изъ каравана, самыя отчаянныя храбрецы и въ числѣ ихъ многоглаголивый Аввакумъ, который, однако, теперь, въ виду страшной опасности, прісмирѣлъ.

Войдя въ ущелье, отрядъ этотъ началъ осторожно подкрадываться къ огню, но сидѣвшіе вокругъ него люди замѣтили приближавшихся и бросились убѣгать; тогда ламы съ громкими криками бросились за ними въ погоню, но въ густыхъ кустахъ при наступившей темнотѣ преслѣдованіе оказалось безуспѣшнымъ и они возвратились назадъ съ пустыми руками. Тогда всѣ собрались вокругъ костра. Здѣсь оказался котелокъ, въ которомъ варилась какая-то ѣда, а возлѣ лежалъ мѣшокъ съ какими-то пожитками. Полагая, что убѣжавшіе можетъ быть и не разбойники, ламы стали кричать по-монгольски, тангутски и по-китайски, чтобы убѣжавшіе выходили. Въ отвѣтъ на это вдругъ раздался выстрѣлъ и пуля просвистала какъ разъ около костра, гдѣ собрался весь отрядъ. Тогда по направленію кустовъ, откуда раздался выстрѣлъ, изъ скорострѣльныхъ штуцеровъ пушено было десятка полтора пулъ для острастки. Начали стрѣлять и ламы, особенно-же Рандземба.

Послѣдній долго послѣ этого не могъ придти въ себя отъ изумленія, при

видѣ пальбы изъ скорострѣльныхъ ружей своихъ русскихъ спутниковъ. По возвращеніи въ лагерь, на всѣ разспросы товарищей о случившемся, онъ только твердилъ: «ай, лама, лама», «ай, лама, лама, лама» (вродѣ нашего: «ахъ, Боже мой»), трясъ головою, жестикулировалъ руками и всѣми другими способами выражать свое удивленіе, переходившее всякія границы. Послѣ этого инцидента рѣшено было ночью нарядить караулъ, и наши путешественники легли спать не раздѣваясь, съ ружьями въ рукахъ.

«Не успѣлъ я еще задремать,—разсказываетъ Николай Михайловичъ,—какъ возлѣ самой нашей палатки раздался выстрѣлъ и крикъ. Схвативъ штуцеры и револьверы мы всѣ выскочили наружу, но оказалось, что это караульный выстрѣлялъ на воздухъ».

— Для чего ты сдѣлалъ это?—спросилъ я у него.

— А для того, чтобы разбойники знали, что мы караулимъ!—отвѣчалъ лама. Такой способъ караула намъ пришлось видѣть и впоследствии въ китайскихъ войскахъ *)).

Лишь только разсвѣло на слѣдующій день, какъ въ лагерь явились два охотника-тангута и объявили, что люди, убѣжавшіе вчера отъ огня, были они съ двумя другими товарищами, изъ которыхъ одинъ выстрѣлилъ, принявъ нападающихъ за дунганъ. Каковъ былъ результатъ отвѣтной пальбы, они не могли сказать, такъ какъ не видѣли послѣ того своихъ товарищей, пришли-же они въ лагерь съ просьбой возвратитъ имъ мѣшокъ съ ихъ пожитками. Однако, просьба ихъ не была исполнена, ихъ еще порядочно «оттузили» за то, что они осмѣлились стрѣлять.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Гань-су.

Кумирня Чертынтою.—Разлученіе съ тангутскимъ караваномъ.—Пріятельскія отношенія съ гыгеномъ.—Кумирня Чейбсенъ.—Протекція прежнихъ спутниковъ тангутовъ.—Храмъ и идолы.—Лѣтняя экскурсія въ горахъ, обиліе научной добычи.—Безпрестанные дожди.—Восхожденіе на вершину Соди-Соруксумъ, гора Гаджуръ, озеро Демчукъ.—Паническій страхъ жѣстныхъ жителей предъ дунганями.—Молва о Пржевальскомъ.

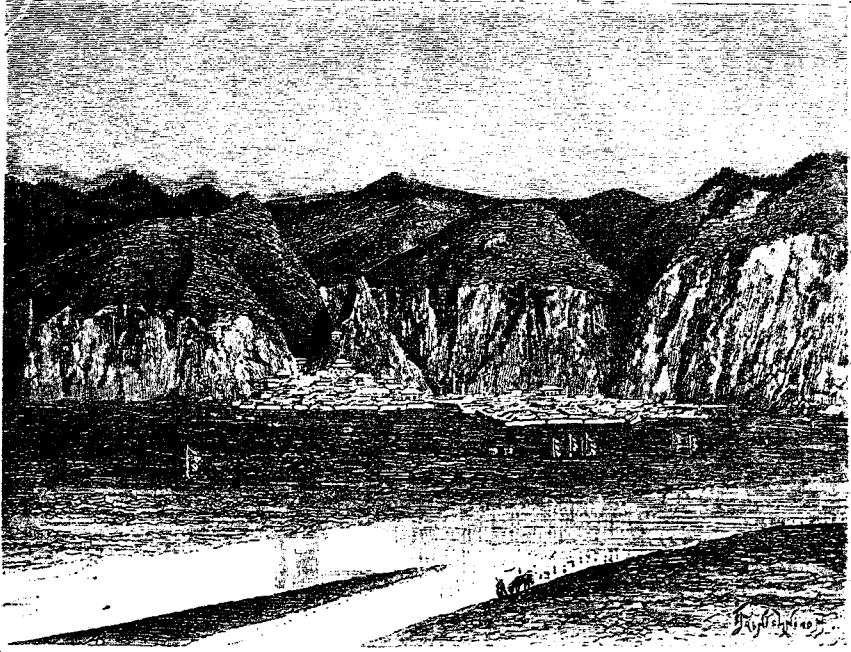
Двинувшись дальше въ горы, караванъ вскорѣ остановился въ долинѣ р. Тэунгъ-гола у кумирни Чертынтоа, которая, благодаря своему неприступному положенію въ горахъ, уцѣлѣла отъ дунганскаго разоренія. Рѣка Тэунгъ-голь въ своемъ среднемъ теченіи, куда теперь вышли путешественники, имѣетъ саженой 20 ширины и чрезвычайно быстро мчится по своему каменистому, усѣянному валунами, ложу. Мѣстами, стѣсненная съ обѣихъ сторонъ гро-

*) Монголія, стр. 222.

мандными отвѣсными скалами, эта бурная рѣка прихотливо извивается и бурными порывами мчитъ по камнямъ; тамъ, гдѣ горы нѣсколько отступаютъ въ стороны, являются живописныя долины.

Въ одной изъ такихъ очаровательныхъ долинъ пріютилась подъ громадными нависшими скалами кумирня Чертынтонъ.

Здѣсь наши путешественники разстались со своими спутниками-тангутами, такъ какъ болѣзнь казака Чабаева задержала ихъ на пять дней, тангуты-же слѣдшили въ кумирню Чейбсень, до которой оставалось пройти всего 70 верстъ.

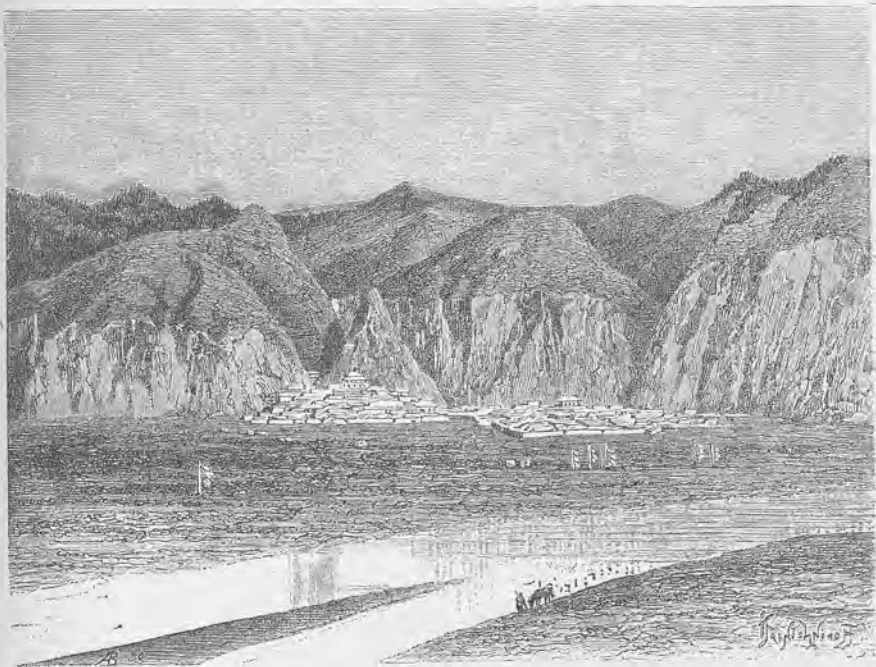

Кумирня Чертынтонъ.

Переправа черезъ рѣку обошлась не безъ приключеній. Быстрота теченія и заваленное камнями русло дѣлаютъ невозможную переправу въ бродъ, и поэтому въ трехъ верстахъ выше кумирни устроенъ мостъ. Однако, навьюченные верблюды не могутъ проходить въ узкихъ и низкихъ воротахъ этого моста, такъ что пришлось развьючивать верблюдовъ и нанимать китайцевъ для перетаскиванія вьюковъ на противоположную сторону.

Путешественники наши нисколько не жалѣли о томъ, что болѣзнь одного изъ товарищей задержала ихъ въ этомъ мѣстѣ.

Настоятель кумирни—гыгенъ оказался весьма любознательнымъ и любопытнымъ человѣкомъ. Узнавъ о прибытіи иностранцевъ, онъ тотчасъ-же пригласилъ ихъ къ себѣ пить чай и завязалъ съ ними знакомство.

Кумирня Чертынтонъ.

Николай Михайловичъ съ своей стороны, чтобы расположить этого нужнаго человѣка въ свою пользу, подарилъ ему стереоскопъ, которымъ святѣй оказался очень доволенъ, такъ что между новыми знакомцами очень скоро завязались самыя дружескія отношенія.

Большое неудобство заключалось только въ томъ, что гыгенъ, будучи родомъ тангутъ, не понималъ монгольскаго языка и бесѣдовать съ нимъ приходилось черезъ двухъ переводчиковъ: съ русскаго на монгольскій переводилъ казакъ-бурятъ, затѣмъ новый переводчикъ-тангутъ передавалъ его слова гыгену, и такимъ же образомъ черезъ два лица къ третьему передавался разговоръ любознательнаго гыгена, который спѣшилъ разспрашивать обо всемъ, что его интересовало. Тѣмъ не менѣе подобные разговоры продолжались часто дѣльными часами. Гыгенъ оказался человѣкомъ обладающимъ различными талантами и между прочимъ весьма недурно рисовалъ; впоследствии, уже при вторичномъ свиданіи, онъ показалъ картину, на которой изображена была сцена перваго его свиданія съ нашими путешественниками.

Невольная остановка у этой кумирни была очень пріятна для Николая Михайловича, потому что теперь онъ могъ сдѣлать нѣсколько научныхъ экскурсій въ горахъ и познакомиться съ флорою и фауною этой мѣстности. Однако, богатство какъ растительнаго, такъ и животнаго міра вскорѣ привело его къ рѣшенію вернуться сюда изъ кумирни Чейбсенъ и посвятить на изученіе Ганьсуйскихъ горъ весь остатокъ текущаго лѣта.

Начиная отсюда, дальнѣйшій путь въ горахъ представлялъ такія большія трудности, что идти дальше съ верблюдами не было никакой возможности. Поэтому, слѣдуя примѣру своихъ прежнихъ спутниковъ тангутовъ, которые оставили всѣхъ своихъ верблюдовъ на тучныхъ пастбищахъ у кумирни Чертынтоя, путешественники поручили своихъ вьючныхъ животныхъ попеченію своего новаго пріятеля гыгена, наняли у мѣстныхъ китайцевъ муловъ и ословъ для перевозки своего багажа и 1-го іюля двинулись вверхъ на горы, слѣдуя по теченію одного изъ притоковъ Тэтунгъ-гола по направленію къ кумирнѣ Чейбсенъ.

Въ узкихъ ущельяхъ этой мѣстности встрѣчались поселенія тангутовъ, состоящія по большей части изъ черныхъ шатровъ, а иногда и изъ бревенчатыхъ хижинокъ.

Окрестныя горы сплошь были покрыты лѣсами, которые въ верхнемъ поясѣ горъ замѣнились густыми кустарниками. Громадныя скалы торчатъ со всѣхъ сторонъ и запираютъ собою узкія боковыя ущелья. Тропинка вьется по большей части по крутымъ горнымъ скатамъ, а на самомъ перевалѣ черезъ хребетъ пришлось идти чуть не по отвѣсной горѣ.

Видъ, который открылся съ вершины перевала, былъ чрезвычайно живописенъ. Къ сторонѣ, противоположной долинѣ Тэтунгъ-гола, хребетъ оканчивался крутымъ, короткимъ обрывомъ, а дальѣ раскинулась обширная холмистая равнина, превосходно обработанная и густо населенная китайцами, тангутами и

Мостикъ черезъ р. Тегунгъ-Гольцъ.

ладдами. Здѣсь расположены значительные города: Нямъ-би, У-ямъ-бу, а нѣсколько далѣе: Сининъ, Донкыръ и Сэнъ-гуанъ, большинство которыхъ, въ томъ числѣ и главный городъ провинціи — Сининъ, находились въ то время въ рукахъ дунганскихъ инсургентовъ.

Тотчасъ за горнымъ хребтомъ, на сѣверной окраинѣ этой равнины расположена большая кумирня Чейбсень, состоящая изъ главнаго храма, обнесеннаго глиняной стѣной, и нѣсколькихъ другихъ меньшихъ построекъ. Вокругъ этихъ храмовъ раскинулось около сотни фанзъ.

Три года тому назадъ кумирня подверглась нападенію дунганъ и выдержала долговременную осаду, во время которой всѣ фанзы и часовни были разорены. Уцѣлѣлъ только главный храмъ, за стѣнами котораго собрались всѣ его защитники, отбивавшіе всѣ нападенія непріятелей *).

По приходѣ въ эту кумирню, путешественники наши встрѣчены были прежними спутниками, тангутами, которые, благодаря своему сану (ламъ-донировъ, см. раньше), пользовались здѣсь не малымъ значеніемъ и сумѣли довольно хорошо устроить своихъ товарищей по трудному и опасному путешествію. Для нихъ отвели просторную фанзу, которая до того времени служила складомъ различныхъ продовольственныхъ запасовъ и, кромѣ того, здѣсь же свалены были идолы, почему-либо получившіе отставку.

Въ этомъ просторномъ помѣщеніи путешественники расположились съ большимъ удобствомъ и прежде всего занялись просушкой собранныхъ раньше растеній, сильно пострадавшихъ отъ постоянной сырости.

Какъ и всегда, съ самаго прихода путешественниковъ, не было отбоя отъ любопытныхъ, приходившихъ посмотрѣть на невиданныхъ людей и надобдавшихъ своими навязчивыми разспросами съ ранняго утра и до поздней ночи.

Всего болѣе догадокъ возбуждали коллекціи растеній и животныхъ, и по поводу ихъ высказывались глубокомысленныя соображенія, что, вѣроятно, все это—очень цѣнныя вещи, но только мѣстные жители не знаютъ въ нихъ толку по своей простотѣ.

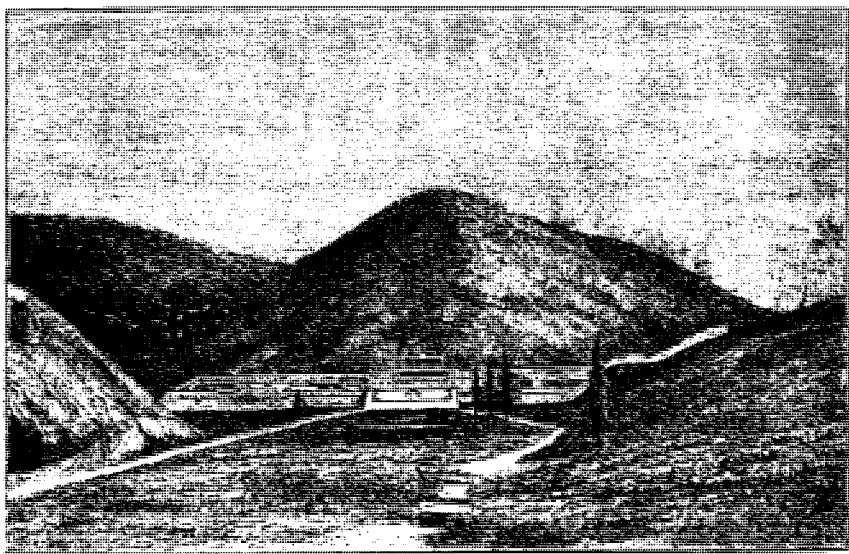
Находясь въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ прежними своими спутниками, тангутскими ламами, Николай Михайловичъ получилъ возможность осмотрѣть храмъ и различныя святыни кумирни, а также ознакомился до нѣкоторой степени съ религиозными обрядами буддистовъ.

Главный храмъ выстроенъ изъ кирпичей и имѣетъ квадратную форму, при чемъ стороны его расположены по странамъ свѣта; съ южной стороны находится входъ съ тремя дверями, а въ глубинѣ храма передъ ними устроена каменная эстрада, на которую ведутъ нѣсколько ступенекъ. Крыша имѣетъ видъ обыкновенной кровли съ покатостью на обѣ стороны, обита листами вызолоченной мѣди, а по угламъ помѣщены изображенія драконовъ.

*) О стурмѣ кумирни дунганями см. дальше.

По срединѣ главнаго внутренняго помѣщенія находится огромная, сажени въ двѣ вышиною статуя Будды—Шакъ-Ямуни, сдѣланная изъ позолоченной мѣди и представляющая сидящаго человѣка. Передъ этимъ идоломъ горитъ неугасаемый свѣтильникъ и стоятъ большіе томпаковые сосуды съ водою, рисомъ и мукою. Справа и слѣва отъ Шакъ-Ямуни стоятъ два другіе идола, нѣсколько меньшей величины, передъ которыми также поставлены сосуды съ питьемъ и нишей, но нѣтъ свѣтиленъ.

Кругомъ, по стѣнамъ и въ шкафатъ, расположена тысяча мелкихъ мѣдныхъ божковъ, величиною въ 1—2 фута. Каждый изъ нихъ имѣетъ свою особенную позу и атрибуты, иногда въ достаточной степени циничные.

Кумирня Чейбсень.

Вокругъ этого храма находится дворъ квадратной формы, окруженный со всѣхъ сторонъ крытой галлереею, примыкающей къ стѣнѣ. Внутри стѣны этой галлерей расписаны картинами, изображающими различныхъ боговъ и героев. «Здѣсь, говоритъ Пржевальскій, фантазія, притомъ самой грубой, нѣтъ конца: змѣи, черти, различныя страшилища — все это перемѣшано во всевозможныхъ формахъ и положеніяхъ». На рѣшеткѣ, ограждающей бока галлерей, устроены небольшія желѣзныя урны, куда вложены молитвы, написанныя на кусочкахъ бумаги. Усердные вѣрующіе, ежедневно во множествѣ посѣщающіе кумирню, не довольствуясь произнесениемъ молитвъ, въ то же время поворачиваютъ эти урны и этимъ вдвойнѣ умилостивляютъ божество.

Во время посѣщенія кумирни нашими путешественниками, число постоянно

Кумирня Чейбсенъ.

живущих здѣсь ламъ простиралось до 150, но до начала дунганскаго возстанія ихъ здѣсь, по рассказамъ, было около 300. Теперь здѣсь же находилась милиція, около тысячи человекъ китайцевъ, монголовъ и далдовъ, для защиты отъ дунгановъ, владѣнія которыхъ отстояли отъ кумирни на разстояніи не болѣе 15 верстъ. Оттуда постоянно появлялись партіи грабителей, которые угоняли скотъ и убивали всѣхъ попадавшихся имъ жителей.

Вышеуказанная милиція была совершенно безсильна противъ такихъ шаекъ; тѣмъ же и вооруженные одними пиками воины беспомощно сидѣли въ стѣнахъ кумирни и боялись выйти, въ то время какъ разбойники грабили среди бѣлаго дня подъ стѣнами самой кумирни.

Пробывъ недѣлю въ кумирнѣ Чейбсенъ, Николай Михайловичъ спѣшилъ заготовить все необходимое къ задуманной имъ лѣтней экспедиціи въ Гань-суйскихъ горахъ. Прежде всего понадобились инья вьючныя животныя, тѣмъ верблюды, и съ большимъ трудомъ куплены были четыре мула. Кромѣ того, благодаря содѣйствію знакомцевъ допировъ удалось, нанять въ услуженіе монгола, знавшаго тангутскій языкъ.

Несмотря на помощь все тѣхъ же пріятелей тангутскихъ ламъ, закупка различныхъ мелочей и съѣстныхъ припасовъ была крайне затруднительна, такъ какъ, по случаю всеобщаго дунганскаго раззоренія, торговля въ кумирнѣ шла очень плохо и чувствовался большой недостатокъ въ привозимыхъ на продажу продуктахъ. Если же что и удавалось купить, то приходилось платить страшныя цѣны.

10-го іюля, оставивъ весь лишній багажъ въ кумирнѣ и завьючивъ самыя необходимыя вещи на купленныхъ муловъ и на двухъ своихъ лошадей, Николай Михайловичъ двинулся въ обратномъ направленіи къ Гань-суйскимъ горамъ, къ кумирнѣ Чергынтоу.

Не стѣсняемые, какъ прежде, въ своихъ движеніяхъ, путешественники шли теперь не спѣша, передвигаясь съ мѣста на мѣсто и выбирая наиболѣе благоприятныя для научныхъ изслѣдованій пункты, гдѣ останавливались на столько, сколько нужно было для научныхъ цѣлей.

Прекрасно чувствовали они теперь себя безъ назойливыхъ посѣтителей и соглядатаевъ, передъ которыми прежде постоянно нужно было скрываться и притворствоваться. Полному благополучію мѣшали теперь только безпрестанные дожди, такъ какъ ни растенія, ни чучела птицъ не просыхали какъ слѣдуетъ, такъ что сушить ихъ приходилось по большей части передъ огнемъ или въ тѣ немногіе дни, когда наступала ясная погода.

Въ верхнемъ поясѣ горъ къ дождямъ часто присоединялся снѣгъ, а по ночамъ даже случались морозы.

Къ особенностямъ Гань-суйскихъ горъ надо причислить чрезвычайно малое количество насѣкомыхъ. Хотя, съ одной стороны, это неблагоприятно отзывалось на сборахъ энтомологическихъ коллекцій, но, съ другой стороны, отсутствіе комаровъ,

оводовъ, разныхъ мошекъ и т. д. было большимъ благомъ, и Николай Михайловичъ въ особенности оцѣнилъ это качество мѣстности, вспоминая о миріадахъ кровопійцъ, отъ которыхъ онъ такъ страдалъ во время своихъ странствованій по дебрамъ Уссури и Амура.

Научная добыча была настолько обильна, что Николай Михайловичъ изъ за собиранія коллекцій забылъ даже свою всегдашнюю страсть—охоту. Впрочемъ, крупныхъ звѣрей здѣсь было сравнительно мало и за все время удалось убить только двухъ куку-ямановъ, такъ что для продовольствія пришлось у мѣстныхъ пастуховъ тангутовъ купить двухъ домашнихъ яковъ.

«Всего несноснѣе, говорить Николай Михайловичъ, было то время, когда дождь лилъ не переставая, по нѣсколько сутокъ. Тогда мы принуждены были сидѣть сложа руки въ мокрой палаткѣ, не видя даже окрестныхъ горъ, такъ какъ облака обыкновенно покрывали весь альпійскій поясъ. Случалось, что мы попадали въ средину грозовой тучи, такъ что молнія сверкала справа, слѣва и ниже насъ. Мокрота и сырость въ нашей палаткѣ стояла невообразимая; оружіе необходимо было чистить каждый день, а патроны для штуцеровъ Свейдера такъ отсырѣли, что давали на половину осѣчекъ» *). Въ силу той же сырости разводить огонь было крайне затруднительно и путешественники купили у мѣстныхъ тангутовъ небольшой раздувательный мѣхъ, при помощи котораго отсырѣвшія дрова скорѣе можно было зажечь.

Переваливъ черезъ главный хребетъ на сѣверную сторону, путешественники разбили свою палатку у подножія высочайшей вершины Гансуйской цѣпи Соди-Соруксумъ. Пользуясь ясною погодою, на слѣдующій день Николай Михайловичъ отправился на вершину этой горы, чтобы опредѣлить ея высоту посредствомъ точки кипѣнія воды. Черезъ нѣсколько часовъ труднаго восхожденія на крутизну, онъ поднялся тысячи на три футовъ надъ бивуакомъ и достигнулъ вершины горы, откуда вдругъ раскрылась дивная панорама. «Долина Тэтунга, узкія ущелья, прихотливо сбѣгавшія къ ней со всѣхъ сторонъ, сѣверный хребетъ и его снѣговья вершины далеко на западъ—все это, говорить Николай Михайловичъ, явилось въ такой чудной картинѣ, какую невозможно передать словами. Я первый разъ въ жизни находился на подобной высотѣ, впервые видѣлъ подъ своими ногами гигантскія горы, то изборозженныя дикими скалами, то оттѣненныя мягкой зеленью лѣсовъ, по которымъ блестящими лентами извивались горныя рѣчки. Сила впечатлѣнія была такъ велика, что я долго не могъ оторваться отъ чуднаго зрѣлища, долго стоялъ, словно очарованный, и сохранилъ въ памяти этотъ день, какъ одинъ изъ счастливейшихъ въ цѣлой жизни» **)...

Очнувшись, наконецъ, изъ оцѣпенѣнія Николай Михайловичъ вспомнилъ, зачѣмъ онъ поднялся на вершину, и началъ дѣлать приготовленія къ опредѣленію абсолютной высоты горы. Каково же было его давленіе и огорченіе, когда, несмотря

*) Монголія, стр. 244.

***) Тамъ-же, стр. 245.

на самые тщательные поиски во всех карманах, он не мог найти спичек и таким образом лишенъ былъ возможности развести костеръ для опредѣленія температуры кипѣнія воды. Оказалось, что, заторопившись при своихъ сборахъ передъ отправленіемъ, онъ забылъ захватить съ собою спички.

Пришлось на этотъ разъ ограничиться созерцаніемъ красотъ природы съ заоблачной высоты, куда онъ забрался, и вернуться ни съ чѣмъ на bivouакъ.

Черезъ день опять выпала хорошая погода, и Николай Михайловичъ снова поднялся на вершину Соди-Соруксумъ, на этотъ разъ уже со всѣми принадлежностями кипѣнія.

«Ну, гора,—сказалъ онъ самъ себѣ, установивъ свой кипятивникъ:—сейчасъ твоя тайна будетъ открыта»—и черезъ нѣсколько минутъ уже зналъ, что Соди-Соруксумъ поднята надъ уровнемъ моря на 13,600 ф.

Проведя весь июнь въ горахъ, составляющихъ южную стѣну долины Тэ-тунгъ-гола, путешественники перебрались въ первыхъ числахъ августа въ сѣверный хребетъ и поставили свою палатку на высотѣ 12,000 ф. у подножія испанской горы Гаджуръ.

Двухнедѣльное пребываніе здѣсь, однако, было не особенно удачное, такъ какъ почти все это время безпрестанно шли дожди, а 7 и 9-го числа разыгралась такая снѣжная метель, что земля сплошь покрылась снѣжнымъ покровомъ, и мѣстами наметены были даже порядочные сугробы. Послѣ этого добыча растеній для коллекцій почти совершенно прекратилась.

Зато интересны были изслѣдованія о топографіи этой мѣстности.

Вершина Гаджуръ состоитъ изъ громадныхъ недоступныхъ скалъ, среди которыхъ лежатъ небольшое альпійское озеро Демчукъ, имѣющее саженей 100 въ длину и около 35 с. въ ширину. Озеро это интересно по своему положенію: доступъ къ нему возможенъ только съ одной стороны, черезъ узкое ущелье, имѣющее видъ воротъ.

У мѣстныхъ жителей озеро это считается священнымъ и здѣсь часто совершаются общественныя торжественныя моленія ламаи кумирни Чертынтонъ. Настоятель этой послѣдней — гыгенъ, съ которымъ путешественники наши уже успѣли завязать пріятельскія отношенія, прожилъ въ пещерѣ на берегу озера Демчукъ гдѣлхъ семь лѣтъ и увѣряетъ, что однажды онъ видѣлъ, какъ изъ водъ озера на поверхность поднялась огромная синяя корова и, поплававъ нѣсколько времени, снова опустилась въ глубину. Такое знаменіе, конечно, еще болѣе подняло въ глазахъ вѣрующихъ святость озера.

По словамъ Николая Михайловича, озеро это дѣйствительно замѣчательно по своему положенію.

«Узкая ложбина, тихія свѣтлыя волны, со всѣхъ сторонъ высятся громадныя скалы, нависшія надъ водою, сквозь которыя едва виднѣется лишь небольшая полоса неба, наконецъ, могильная тишина, лишь изрѣдка нарушаемая шумомъ обваливаемаго камня—все это особеннымъ, торжественнымъ образомъ настра-

иваетъ душу человѣка... По крайней мѣрѣ, говоритъ Пржевальскій, я провелъ здѣсь подъ такимъ впечатлѣніемъ болѣе часа и уходя вѣрилъ въ возможность для неразвитаго ума облечь въ таинственную святость этотъ тихій уголокъ» *).

Подобное этому озеру, по имени Косвинъ, лежать и на горѣ Соди-Соруксума, хотя и менѣе таинственное по обстановкѣ. Впрочемъ, и Косвинъ среди мѣстныхъ тангутовъ слыветъ священнымъ, съ тѣхъ поръ какъ однажды, какъ гласитъ преданіе, духъ выгналъ отсюда охотника, бросившись на него въ видѣ сиваго яка.

Упомянемъ еще про одно тангутское преданіе относительно горы Гаджуръ, по которому вершина эта прислана изъ Тибета какимъ-то Далай-ламоу на показъ мѣстнымъ жителямъ.

Горы, ограничивающія долину Тэтунгъ-гола съ южной стороны, оказались болѣе обитаемыми, чѣмъ хребетъ сѣверной ограды.

Населеніе, состоящее преимущественно изъ бродячихъ и пастушескихъ тангутовъ, здѣсь довольно значительно, хотя и разбросано неравномѣрно, мѣстами скучиваясь, тогда какъ съ другой стороны иногда попадались значительныя пространства, гдѣ не было ни одной живой души. Въ особенности пустыни были окрестности Гаджура, гдѣ проходитъ путь всѣхъ разбойничьихъ шаекъ, отпавляющихся на грабежъ въ восточную часть китайской провинціи Гань-су.

Всѣ окрестные жители до такой степени боялись этой мѣстности, что даже монгольскій проводникъ, нанятый путешественниками въ кумирни Чейбсенъ, ни за что не соглашался идти къ Гаджуру, отговариваясь незнаніемъ мѣстности. Нѣкоторую бодрость ему придало только присоединеніе еще другого товарища-проводника, родомъ тангута, котораго Николай Михайловичъ также нанялъ къ себѣ въ услуженіе.

Какъ только явился новый товарищъ, монголь поговорилъ съ нимъ что то по-тангутски и затѣмъ они оба объявили, что согласны идти. «По всей вѣроятности — говоритъ Пржевальскій, — наши проводники условились дать вмѣстѣ тягу, если на насъ нападуть разбойники».

Такое рѣшеніе, однако, было довольно безразлично для нашихъ путешественниковъ, такъ какъ они и такъ не рассчитывали на какую-либо помощь со стороны своихъ вожатыхъ, въ случаѣ если-бы дѣйствительно произошло нападеніе разбойниковъ. У нихъ была болѣе надежная защита — скорострѣльные штуцеры и револьверы, да и вообще они привыкли надѣяться исключительно на свои собственныя силы.

Громадную пользу оказало имъ также мифіе, распространившееся уже давно по всѣмъ мѣстностямъ, гдѣ появлялись наши путешественники и стоустою молвою далеко опережавшее ихъ въ пути — это слухи объ удивительномъ искусствѣ стрѣлять и о необыкновенныхъ ружьяхъ, что въ воображеніи полудикихъ нома-

*) Монголія. стр 246.

довъ сообщило путешественникамъ, въ особенности ихъ начальнику, т. е. самому Николаю Михайловичу, ореоль таинственнаго и сверхъестественнаго существа. Разказы о томъ, что оны колдунъ и великій святой, знающій обо всемъ напередъ, вездѣ встрѣчались съ полнымъ довѣріемъ; говорили, что этого человѣка не можеть убить никакая пуля и т. п. Такое мнѣніе тапугты неоднократно высказывали Николаю Михайловичу даже въ глаза, а оны съ своей стороны не только не разубѣждали ихъ въ этомъ, но даже, наоборотъ, приказали своимъ казакамъ при случаѣ сообщать какъ будто по секрету, что все это дѣйствительно правда.

Хотя всѣ подобныя слухи должны были безусловно гарантировать путешественниковъ отъ какихъ бы то ни было нападений, однако, они съ своей стороны были постоянно на-сторожѣ и постоянно держали ночной караулъ, въ особенности въ мѣстахъ болѣе опасныхъ. Съ наступленіемъ сумерокъ прекращались всякія сношенія съ мѣстными жителями, во избѣжаніе того, чтобы подъ видомъ друзей ночью не пробрались и враги.

Но всѣ эти предосторожности, повидимому, были излишними, такъ какъ за время пребыванія около Гаджура, по близости прошло нѣсколько разбойничьихъ партій, несомнѣнно знавшихъ о пребываніи здѣсь нашихъ путешественниковъ, и тѣмъ на мѣтѣ ни разу разбойники даже и не показывались вблизи.

Между тѣмъ время летѣло очень быстро, и августъ мѣсяцъ былъ уже на исходѣ. Въ природѣ начали все болѣе и болѣе появляться признаки приближающейся осени; листья на деревьяхъ начали желтѣть, въ верхнемъ поясѣ горъ трава вся посохла, такъ что нельзя было найти ни одной свѣжей былинки, веселыя птички одна за другой покидали горы и переселялись на югъ или въ сосѣднія теплыя низменности, зато безчисленныя кисти рябины, красныя ягоды барбариса и другіе плоды, улизывавшіе кустарники, значительно украшали густыя заросли ущелій... Научная добыча сдѣлалась незначительна, и потому Николай Михайловичъ рѣшилъ вернуться теперь въ кумирню Чейбсенъ, чтобы попытаться оттуда пробраться къ озеру Куку-норъ.

Но прежде всего зашли въ кумирню Чертынтовъ, чтобы захватить своихъ верблюдовъ, оставленныхъ тамъ. Прекрасные дуга, изобилующіе густою, сочною травою, пошли не въ прокъ этимъ сынамъ безводныхъ солончаковыхъ пустынь. За тѣмъ всѣ верблюды сильно исхудали, отъ постоянной сырости у нихъ появился кашель, и на тѣлѣ образовались какіе-то гнойные струнья. Словсмъ, животныя эти сильно испортились на непривычномъ для нихъ кормѣ и въ нездоровыхъ для нихъ климатическихъ условіяхъ, такъ что они весьма мало были пригодны теперь для предстоящаго имъ труднаго пути по горамъ.

1-го ноября Николай Михайловичъ со своими спутниками явился въ Чейбсенъ, гдѣ его уже давно ожидали съ великимъ нетерпѣніемъ.

Дѣло въ томъ, что тѣмъ, во время отсутствія нашихъ путешественниковъ, грабежи дунганъ усилились до крайней степени.

Вышеописанные пѣше и почти безоружные милиціонеры ничего не могли подѣлать съ конными разбойниками, несмотря на то, что теперь число защитниковъ, собравшихся въ кумирнѣ, еще увеличилось и простиралось уже до двухъ тысячъ. Дунганы подѣзжали къ самымъ стѣнамъ кумирни и производили совершенно безпрепятственно свои грабежи среди бѣла дня. Зная, что Пржевальскаго и его спутниковъ нѣтъ здѣсь, они кричали: «гдѣ же ваши защитники-русскіе со своими хорошими ружьями? Мы пришли драться съ ними». Въ отвѣтъ на это милиціонеры стрѣляли иногда изъ фитильныхъ ружей, бывшихъ у вѣкторыхъ изъ нихъ, но пули ихъ по большей части не достигали своего назначенія.

Пріятели нашихъ путешественниковъ, ламы-доиры, бывшіе главными распорядителями въ кумирнѣ, ждали возвращенія Пржевальскаго, какъ манны небесной, и даже посылали гонцовъ къ нему въ горы, чтобы онъ поспѣшилъ своимъ возвращеніемъ въ Чейбсенъ «защищать кумирню отъ дунганъ».

Теперь, когда онъ возвратился, ему оказана была торжественная встрѣча. Около трехъ тысячъ монголовъ, китайцевъ и тангутовъ, беспомощно запершихся въ стѣнахъ, смѣшно сказать, — ожидали своего освобожденія отъ четырехъ чловѣкъ!

Послѣдніе думали, что теперь уже непременно придется вѣдаться съ дунганами, и рѣшили хорошенько показать себя, чтобы оправдать надежды, возлагаемыя на нихъ.

По словамъ осажденныхъ, среди разбойниковъ отличался особенно одинъ богатырь, «заколдованный отъ смерти», какъ увѣряли храбрые чейбсенскіе воины, и наши путешественники попросили подробно разсказать примѣты этого сверхъестественнаго витязя, ѣздившаго всегда на пѣгой лошади, чтобы прежде другихъ именно его попотчивать пулями Снейдера или Бердана.

Какъ бы тамъ ни было, а положеніе нашихъ путешественниковъ было чрезвычайно критическое. Кумирня была биткомъ набита народомъ, и помѣститься тамъ со всѣми верблюдами было затруднительно, да и мало было привлекательности для Николая Михайловича, болѣе всего цѣнившаго просторъ и свободу, запереться въ тѣсныхъ стѣнахъ кумирни въ столь не привлекательномъ сообществѣ.

Въ виду этого, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ цѣлю произвести наибольшее впечатлѣніе, онъ рѣшился на весьма рискованный шагъ и расположился отдѣльнымъ лагеремъ на открытой лужайкѣ, въ одной верстѣ отъ кумирни.

Узнавъ о такомъ рѣшеніи путешественниковъ, чейбсенцы были поражены ихъ безумною отвагою.

Между тѣмъ, Николай Михайловичъ по всѣмъ правиламъ военного искусства старался укрѣпить свой лагерь.

Всѣ ящики съ коллекціями, сумы съ различными пожитками и прочій скарбъ, даже верблюжьи сѣдла были расположены такимъ образомъ, что они представляли ограду квадратной формы; на ночь здѣсь же привязали и уложили всѣхъ верблюдовъ, которые своими неуклюжими тѣлами еще болѣе затрудняли

доступъ къ карре, въ особенности для всадниковъ. Внутри этого импровизированнаго укрѣпленія поставлены были всѣ наличныя ружья съ привинченными штыками и съ кучами патроновъ, а возлѣ лежали десять револьверовъ. Наконецъ, чтобы не терять даромъ пуль, путешественники заранѣе отобрѣли во всѣ стороны отъ своего лагеря разстоянія выстрѣла и замѣтили ихъ кучами камней.

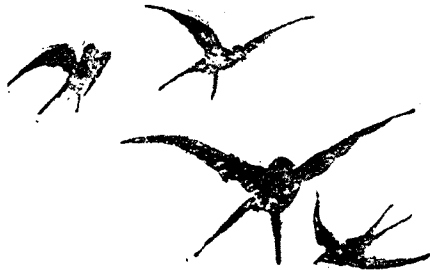
Наступила ночь... Всѣ заперлись въ кумирнѣ и наши смѣльчаки остались одни-одинешеньки, готовые встрѣтить дунгавъ, которые должны были появиться и могли явится не только сотнями, но даже тысячами и, конечно, могли задать удалцовъ прямо своею численностью... Погода стояла ясная и полная луна ярко освѣщала окрестности.

Близость опасности невольно настроила всѣхъ четырехъ товарищей на мнорный тонъ; долго сидѣли они и бесѣдовали о прошломъ, о далекой родинѣ, о всѣхъ близкихъ, давно покинутыхъ на далекой родинѣ..

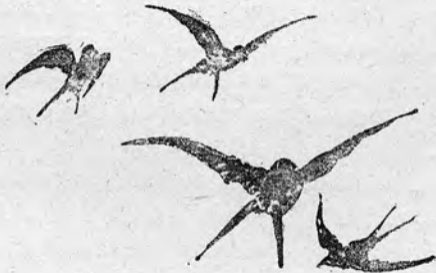
Между тѣмъ, все въ окрестностяхъ оставалось спокойнымъ, дунганы не появлялись...

Около полуночи трое изъ путешественниковъ легли спать, конечно, не раздвѣаясь, а одинъ остался на караулѣ, который поочередно всѣ держали до наступленія утра. Совершенно спокойно прошелъ также и весь день. Разбойники словно канули въ воду, не показываясь даже и заколдованный богатырь. Чейб-сенцы были поражены, но все еще не рѣшались выходить изъ-за стѣны кумирни и даже животныхъ держали взаперти. Но когда и вторая, и третья ночь прошла точно также совершенно спокойно, а о дунганахъ не было ни слуху ни духу, обитатели кумирни, наконецъ, приободрились и выгнали свои стада на луга возлѣ палатки русскихъ.

«Такова обаятельная сила европейца, говорить Пржевальскій, среди азиатскаго люда! Не мы лично являлись виновниками того страха, который внушали разбойникамъ—дунганамъ. Нѣтъ! это была побѣда европейскаго духа, его энергій и отваги, всемогущихъ даже и въ такихъ дѣлахъ, успѣхъ которыхъ является въ какомъ-то сказочномъ образѣ» *).

*) Монголія, стр. 249.

ГЛАВА ТРИПАДЦАТАЯ.

Къ берегамъ завѣтнаго озера. Дунганы.

Удобный случай проникнуть къ оз. Куку-норъ. — Гаданіе. — Перевозка коллекцій въ Чертынтоу. — Дунганское возстаніе. — Слово „дунганъ“. — Первый періодъ возстанія; причины, способствовавшія его упадку. — Ходъ возстанія въ Гань-су. — Шансы возстанія. — Организация дунганъ. — Курьезная осада Чейбсена. — Оборонительная линія китайцевъ. — Китайскія войска (вооруженіе, всеобщая деморализація). — Взятіе Слнпча. — Движеніе на западъ. — Положеніе дѣла въ Восточномъ Туркестанѣ — Якубъ-бекъ и его царство. — Побѣда китайцевъ. — Отправка вѣстей на родину и въ Пекинъ. — Путь по горамъ. — Нападеніе китайцевъ. — Встрѣча съ дунганями. — Прибытіе къ озеру.

Шесть сутокъ простоялъ, такимъ образомъ, Пржевальскій со своими спутниками у кумирни Чейбсепъ и этимъ рискованнымъ подвигомъ купилъ себѣ возможность пробраться на озеро Куку-норъ. Несмотря на то, что озеро это отстоитъ отъ кумирни весьма недалеко, однако, въ виду того, что вся эта мѣстность была занята дунганями, невозможно было ни за какую плату найти проводниковъ.

Прямой путь отъ Чейбсена къ озеру лежитъ черезъ города Сэнь-гуань и Донкыръ, и по этому пути можно достигнуть Куку-нора въ пять сутокъ. Но Сэнь-гуань находился тогда во власти дунганъ и поэтому нечего было и думать направляться этою дорогою.

Но счастье, не оставлявшее нашихъ путешественниковъ во все время ихъ странствованій, выручило ихъ и на этотъ разъ, слѣдующимъ образомъ.

На третій день стоянки подъ кумирнею, изъ хошуна Муръ-засакъ, пробираясь по ночамъ скрытными горными тропинками, сюда прибыли три монгола и пригнали на продажу стадо барановъ. Черезъ нѣсколько дней они собирались отправиться въ обратный путь и, слѣдовательно, путешественники могли воспользоваться ими въ качествѣ проводниковъ.

Однако, монголы на-отрѣзъ отказались взяться за такое рискованное предпріятіе, и чтобы уговорить ихъ, Пржевальскій прибѣгнулъ къ посредничеству своихъ пріятелей, ламъ-донировъ, сдѣлавъ главному изъ нихъ хорошій подарокъ.

Главное препятствіе для монголовъ согласиться стать проводниками каравана экспедиціи, ставившее ихъ совершенно втупикъ, заключалось въ томъ, что путешественники со своими вьючными верблюдами не могли, какъ они, пробираться ночью по горнымъ тропинкамъ, а идя днемъ, они сильно рисковали столкнуться съ дунганями, которые постоянно проѣзжаютъ партіями изъ г. Сэнь-гуаня въ Тэтунгъ.

Но тутъ-то какъ разъ и выручила нашихъ путешественниковъ громкая репутація, которую они приобрѣли себѣ своею безпримѣрною стоянкою у Чейбсена.

«Съ этими людьми, — говорили донеры монголамъ, — вы не бойтесь разбойниковъ; посмотрите, мы съ двумя тысячами человѣкъ заираемся въ своей ку-

мирнѣ, а они въ четверомъ стоятъ въ открытомъ полѣ и никто не смѣетъ ихъ тронуть. Подумайте сами, убѣждалъ онъ ихъ, развѣ простые люди могутъ это сдѣлать? Нѣтъ, русскіе впередъ все знаютъ, и ихъ начальникъ непремѣнно колдунъ или святой».

Такая аргументація, вмѣстѣ съ соблазнительною цифрою тридцати ланъ, предложенныхъ Пржевальскимъ монголамъ за услуги проводниковъ, окончательно побѣдила ихъ нерѣшительность.

Потолковавъ между собою, они объявили, наконецъ, что согласны идти, но только просили погадать впередъ, въ какой день лучше выступить въ путь.

Николай Михайловичъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы произвести кое-какія научныя наблюденія.

Онъ досталъ свой универсальный инструментъ и измѣрилъ высоту солнца для опредѣленія географической широты кумирни Чейбсенъ; затѣмъ произвелъ магнитное наблюденіе. Будущіе спутники монголы и всѣ обитатели Чейбсена обступили кругомъ «колдуна» и смотрѣли на всѣ эти загадочныя дѣйствія вытаращенными глазами. Затѣмъ, монголы принялись еще для большей вѣрности гадать и по своему.

Наконецъ, Николай Михайловичъ, произведя всѣ нужныя вычисленія, торжественно объявилъ, что съ отправленіемъ въ путь слѣдуетъ пообождать.

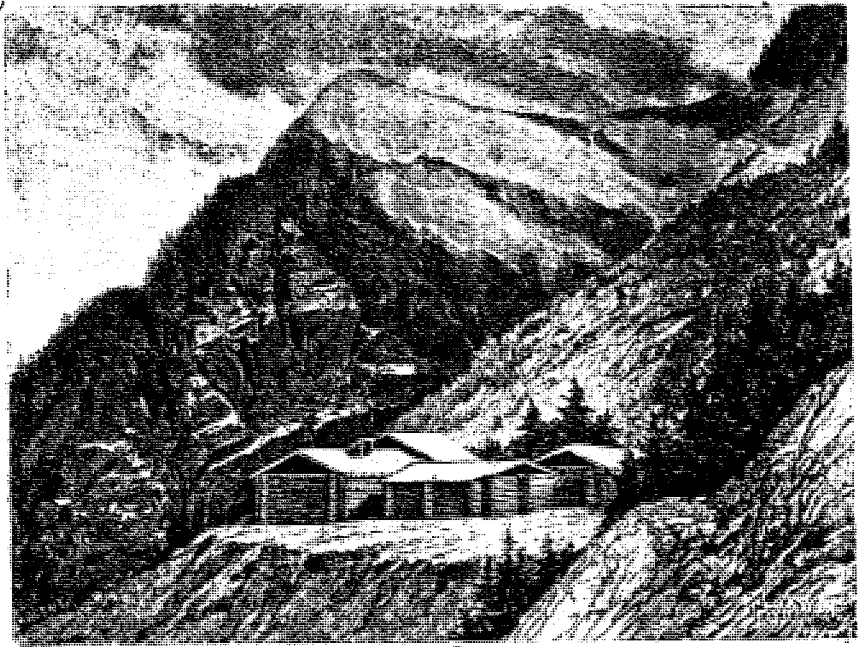
Такое заявленіе сдѣлалъ онъ съ тою цѣлью, что не рѣшался оставить своихъ коллекцій въ кумирнѣ Чейбсенъ, весьма мало полагаясь на ея защитниковъ. Поэтому онъ предпочелъ перевезти всѣ вещи, которыя онъ не намѣревался тащить за собою къ озеру Куку-норъ, въ кумирню Чергынтонь, которая гораздо болѣе внушала довѣрія, относительно безопасности, такъ какъ занимала совершенно неприступную позицію и такимъ образомъ находилась подъ защитою самой природы, а не трусливыхъ и ни куда не годныхъ милиціонеровъ.

По гаданію монголовъ, также вышло, что не слѣдуетъ торопиться съ выходомъ, да, кромѣ того, и у нихъ были свои соображенія: надо было дать подмерзнуть горнымъ болотамъ, черезъ которыя лежалъ путь.

По обоюдному соглашенію отправленіе назначено было на 23 сентября, а до того времени рѣшено было хранить это дѣло въ тайнѣ.

Уплативъ столь благополучно нанятымъ вожакамъ въ видѣ задатка 10 ланъ, Пржевальскій покинулъ Чейбсенъ, отправился снова въ горы и расположился бивуакомъ на южной окраинѣ долины Тэтунгъ-гола, откуда Пыльцовъ, въ сопровожденіи одного казака, отправленъ былъ въ кумирню Чергынтонь и сдалъ на храненіе тамошнему гыгену, пріятелю нашихъ путешественниковъ, всѣ коллекціи, которыя незачѣмъ было тащить къ озеру Куку-норъ.

Все время (12 дней), пока продолжалась эта экскурсія въ горы и перевоза вещей, провело бесполезно для научныхъ запятій, такъ какъ лѣсовъ по близости отъ мѣста стоянки не было, а въ верхнемъ поясѣ горъ наступило холодное время, и на возвышенностяхъ лежалъ уже снѣжный покровъ. При томъ-же

Бревенчатая изба тангутовъ въ горахъ южно-тэтунгскихъ (провинція Гань-су)

по прежнему, почти каждый день шли дожди, переходившіе иногда въ снѣжныя мятели.

Между тѣмъ, подъ г. Сининомъ начались военныя дѣйствія китайскихъ войскъ противъ дунганъ и это прежде всего отозвалось неблагоприятно на положеніи экспедиціи тѣмъ, что китайскими властями, въ интересахъ продовольствія войскъ, издано было запрещеніе для всѣхъ жителей продавать съѣстные припасы, и поэтому Николай Михайловичъ съ великимъ трудомъ могъ сдѣлать необходимые запасы продовольствія, которыми необходимо было запастись на всю предстоящую зиму передъ отправленіемъ на Куку-норъ, такъ какъ по всеобщимъ отзывамъ, тамъ нельзя достать ничего рѣшительно.

Здѣсь мы позволимъ себѣ сдѣлать отступленіе отъ разсказа, чтобы нѣсколько ближе познакомить читателя съ ходомъ пресловутаго дунганскаго возстанія, о которомъ постоянно приходится упоминать. Несмотря на то, что событіе это происходило столь недавно и изслѣдованіемъ его занимались весьма многіе путешественники и ученые *), должно сознаться, что вопросъ этотъ и теперь

*) Литература о дунганахъ и ихъ возстаніи довольно обширна. Кромѣ Н. М. Пржевальскаго, который неоднократно въ своихъ сочиненіяхъ обращается къ выясненію мотивовъ и хода этого возстанія (особенно см. Монголія и страна тангутовъ, т. I, стр. 267—277), изъ русскихъ путешественниковъ-изслѣдователей, объ этомъ-же возстаніи писалъ Г. Е. Грjumъ-Гржимайло: „Дунганскій партизанъ Даху-Баянъ-хуръ“ (Историч. Вѣстн. 1890 г., VI).

Бревенчатая изба тангутовъ въ горахъ южно-тѣтунгскихъ (провинція Гань-су)

еще недостаточно изслѣдовать. Самое происхождение названія «дунгань» не вполне выяснено. Извѣстно, что жители Туркестана такимъ именемъ называютъ китайцевъ, принявшихъ магометанство. Существуетъ мнѣніе, что «дунгань» есть измѣненное «Тунгань», которымъ турецкіе мусульмане называютъ магометанъ китайскихъ и происходитъ это имя, будто-бы, отъ названія древняго тангутскаго царства, покореніе котораго составляло одинъ изъ важнѣйшихъ подвиговъ великаго завоевателя Чингисъ-хана.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что такое имя совершенно не употребляется ни китайцами, ни самими возставшими магометанами. Китайцы называютъ всѣхъ, вообще, мусульманъ, живущихъ въ Китаѣ, именемъ *хой-хой*, а сами дунганы именуютъ себя *хой-ху*.

Кромѣ того, китайцы называютъ магометанъ *сяо-чжао* (что означаетъ: «младшее населеніе»), а себя—*да-чжао* («старшее населеніе»).

Первая причина возстанія, повидимому, заключалась въ томъ, что магометане сочли для себя предосудительнымъ и унижительною повиноваться правительству язычниковъ-китайцевъ. Возстаніе это вспыхнуло съ большою силою въ началѣ 60-хъ годовъ и первое время было очень успѣшно, китайцы почти повсемѣстно несли пораженія. Возникнувъ первоначально въ крайнихъ западныхъ провинціяхъ Китая: именно въ западной части пров. Шень-си и въ пров. Гань-су, возстаніе это очень быстро распространилось, такъ что дунганы вскорѣ достигли своей цѣли—освобожденія отъ ненавистнаго китайскаго владычества на громадной территоріи всѣхъ земель, лежащихъ къ западу отъ Великой стѣны и верховьевъ Хуанъ-хэ.

Однако, отсутствіе выдающихся руководителей и общаго плана борьбы на протяженіи столь громадной территоріи, недостатокъ опытныхъ предводителей и плохое вооруженіе—все это очень скоро измѣнило самый характеръ борьбы за независимость населенія, сплоченнаго религіознымъ фанатизмомъ, и войска дунганъ вскорѣ превратились въ разрозненныя разбойничьи шайки грабителей, дѣйствовавшія каждая болѣе или менѣе самостоятельно.

Съ этого времени, наступательныя военныя дѣйствія дунганъ прекратились и они ограничились только мелкими грабежами въ сосѣднихъ мѣстностяхъ Китая и Монголіи.

Раззореніе Ордоса и Ала-шаня на востокъ, Уля-сутая, Кобдо и Будунъ-тохая на западъ—были послѣдними крупными подвигами дунганскихъ инсурген-

Его-же: „Непознанныя страны Средней Азіи“ (Русск. Вѣстн. 1893 г., IV); Пасепкій „Путешествіе по Китаю“ (1892, т. 2); Васильевъ „Два китайскія записки о паденіи Кульджи и о занятіи ея русскими“ (Русск. Вѣстн. 1872, май); Гейнсъ „О возстаніи мусульманскаго населенія или дунганей въ Зап. Китаѣ“ (Военн. сборн. 1866 г., VIII); Григорьевъ „Восточный или Китайскій Туркестанъ“ (1873). Кромѣ того, нѣсколько статей посвящено этому вопросу въ „Сборникѣ географическихъ, статистическихъ и топографическихъ матеріаловъ по Азіи“; извлеч. соч. Веллю „Исторія Кашгара“ (XII, 1884 г.), Петровскій: „Отчетъ о Башгаріи“ (XXII, 1886), Костенко „Чжунгарія“ (XXVII, 1887) и др.

товъ, которые вслѣдъ за тѣмъ начали терпѣть отъ китайскихъ войскъ одно поражение за другимъ.

Китайское правительство выслало противъ мятежниковъ энергичнаго и жестокаго генерала То, но незначительность войскъ, находившихся въ его распоряженіи, не дала ему возможности совершенно усмирить возстаніе. Однако, онъ услѣлъ за пять лѣтъ своего командованія (1861—1866 гг.) постепенно отгѣбить мятежниковъ за восточные предѣлы провинціи Шень-си.

Въ 1866 г. генералъ То былъ убитъ въ сраженіи и на его мѣсто былъ назначенъ Цзо-цзунъ-танъ (Цзо-чунъ-бо), отличившійся уже раньше въ своихъ дѣйствіяхъ противъ тайпиповъ и піенъ-фей. Однако-же, противъ дунганъ онъ не имѣлъ никакого успѣха. Вся мѣстность, завоеванная его предшественникомъ, была снова потеряна и занята мятежниками.

Весной 1870 г. на западный театр военныхъ дѣйствій отправился зп. мещтній Ли-хунъ-Чанъ. Его войска были обучены по-европейски иностранными офицерами, и снабжены болѣе совершенными ружьями, чѣмъ у его предшественниковъ, поэтому дѣйствія его имѣли большой успѣхъ. Нестройныя войска дунганъ бѣжали передъ нимъ и сосредоточили свои главныя силы на сѣверо-восточной окраинѣ Тибета, преимущественно въ провинціи Гань-су.

Эта провинція все время представляла одинъ изъ самыхъ главныхъ центровъ возстанія. Во время первой экспедиціи Н. М. Пржевальскаго, здѣсь на его глазахъ происходила ожесточенная борьба китайскихъ войскъ съ инсургентами и потому мы остановимся нѣсколько подробнѣе на ходѣ военныхъ дѣйствій, именно въ этой провинціи, слѣдуя его собственному описанію лачно видѣннаго.

Въ Гань-су магометанское возстаніе началось давно, еще въ 1862 г., и первоначально инсургенты имѣли здѣсь большой успѣхъ. Вскорѣ три большихъ города Тэтунгъ, Су-чжеу и даже главный областной городъ Сининъ были взяты ими. Китайскіе гарнизоны, бывшіе здѣсь, были беспощадно вырѣзаны, за исключеніемъ тѣхъ солдатъ и офицеровъ, которые приняли магометанство и перешли на сторону мятежниковъ (число таковыхъ было довольно значительно).

Однако, рядомъ съ этими освободившимися городами, китайцы удержали еще въ своихъ рукахъ многіе другіе города, гдѣ расположены были ихъ гарнизоны, это: Джунъ-липъ, Са-япъ-чицъ, Даджинъ, Ланъ-чжоу, Ганъ-чжоу, такъ что Гань-су еще не окончательно была потеряна для Китая. Земли хой-хоевъ и китайцевъ находились здѣсь въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ, но ни та, ни другая сторона долгое время не предпринимала рѣшительныхъ дѣйствій.

Несмотря на страшную взаимную вражду китайцевъ и хой-хоевъ, тѣ и другіе не отказывались при случаѣ входить и въ мирныя сношенія. Въ Гань-су сплошь и рядомъ Пржевальскій слышалъ, что хой-хои такого-то мѣста дружны съ такою-то кумирною или съ такимъ-то мѣстечкомъ и спокойно ведутъ тамъ торговлю. Такъ, напр., дунганы города Тэтунгъ слыли заклятыми врагами кумирни Чейбсенъ, между тѣмъ какъ они были въ большой дружбѣ съ гыгеномъ

другой сосѣдней кумирни Си и ни, лежащей къ сѣверу отъ Чейбсена, верстахъ въ 60. Точно также, начальникъ одного изъ кукуворскихъ хошуновъ, съ самаго начала возстанія, постоянно находился въ дружбѣ съ дунганами города Ю-н а н ъ - ч е н њ и поставлялъ для нихъ скоть.

При такомъ положеніи дѣлъ, мелкіе разбои и грабежи вскорѣ сдѣлались главною цѣлью освободившихся дунганъ и замѣнили собою ихъ первоначальное стремленіе свергнуть ненавистное иго язычниковъ-китайцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самое ихъ дѣло возстанія пришло въ упадокъ, прежде чѣмъ достигнуты были какіе-либо серьезные политическіе результаты. Вмѣсто того, чтобы сомкнутыми силами двинуться за Желтую рѣку прямо къ Пекину и подъ его стѣнами рѣшить вопросъ о существованіи независимаго магометанскаго государства на обширной территоріи западныхъ провинцій Китая, хой-хон раздробили свои силы, начали дѣйствовать врозь небольшими разбойничьими партіями, для которыхъ грабежъ мѣрнаго населенія сдѣлался единственною цѣлью.

Между тѣмъ, судя по успѣхамъ дунганъ въ первый періодъ возстанія, въ случаѣ энергичныхъ наступательныхъ дѣйствій противъ Китая, инсургенты имѣли большіе шансы на полный успѣхъ своего дѣла.

Не говоря уже про трусость и деморализацію китайскихъ войскъ, о чемъ читатель можетъ себѣ составить понятіе уже изъ предыдущаго изложенія, хотя къ этому вопросу мы еще будемъ имѣть случай обратиться нѣсколько дальше, хой-хон имѣли полное основаніе рассчитывать на существенную поддержку даже и въ провинціяхъ Собственнаго Китая, со стороны своихъ единовѣрцевъ, магометанъ-китайцевъ, одушевленныхъ ненавистью къ владычеству манчжурской династїи и готовыхъ при первомъ удобномъ случаѣ выказать солидарность со своими западными собратьями и поднять кровавое знамя возстанія.

Дѣйствительно, по приблизительному опредѣленію пекинскаго синолога, архимандрита Палладія *), магометанъ въ Собственномъ Китаѣ насчитывается около 4-хъ милліоновъ, и по свидѣтельству этого изслѣдователя, всѣ они, по сравненію съ остальными китайцами, отличаются болѣе энергичнымъ характеромъ и, кромѣ того, сплочены общей религіей и фанатизмомъ.

Если принять это во вниманіе, то должно признать, что дунганское возстаніе, въ случаѣ смѣлаго наступленія ихъ на врага, грозило гибелью если не самому существованію Небесной Имперіи, то во всякомъ случаѣ манчжурскому владычеству въ ней.

Къ этому нужно еще прибавить, что въ это самое время на югѣ Китая правительству пришлось подавлять возстаніе тайпинговъ и мусульманъ, которое, однако, не имѣло ничего общаго съ дунганской инсurreкціей.

Одновременно съ двухъ сторонъ—съ юга и съ запада—Пекину угрожала серьезная опасность, но ни тѣ, ни другіе инсургенты не сумѣли воспользо-

*) См. раньше. Въ сочиненія „Труды членовъ Пекинской духовной миссіи 1866 г.“. Т. IV, стр. 450.

ваться въ должной степени своими первыми успѣхами и дали возможность китайскому правительству оправиться, а затѣмъ перейти и къ наступательнымъ дѣйствіямъ.

Важною ошибкою со стороны хой-хосевъ, по мнѣнію Пржевальскаго, было также то обстоятельство, что они не сумѣли привлечь на свою сторону монголовъ, которые всё страшно ненавидятъ китайцевъ. Одинаковое стремленіе къ освобожденію отъ ненавистнаго витайскаго ига легко могло-бы сблизить номадовъ съ дунганами, и оба народа, хотя и совершенно чуждые другъ другу по

Китайцы и дунганы провинціи Гань-су (окрестности Синина).

вѣрѣ и національнымъ обычаямъ, могли-бы соединиться и идти вмѣстѣ къ достиженію одной и той-же цѣли.

Между тѣмъ, дунганы не поняли, какую большую пользу могли-бы они извлечь изъ національной ненависти монголовъ по отношенію къ китайцамъ, и съ самаго начала возстанія начали звѣрствовать съ монголами точно такъ же, какъ и съ китайцами, и этимъ, конечно, возстановили противъ себя всѣхъ номадовъ Монголіи.

Но ничего этого не могло быть, при отсутствіи какого-либо общаго руководящаго плана возстанія, и при полной разрозненности дунганъ. Каждый большой городъ со своимъ округомъ дѣйствовалъ по собственному усмотрѣнію, имѣлъ собственныхъ, независимыхъ ни отъ кого, начальниковъ—а хунувъ или ход-

Китайцы и дунганы провинции Гань-су (окрестности Синина).

же и. Такъ, напр., въ области Гань-су города Сининь, Тэтунгъ и Су-чжеу каждый со своимъ округомъ были совершенно независимы другъ отъ друга и не вступали даже въ простое соглашеніе относительно образа дѣйствій.

Но даже и при такой разрозненности дѣйствій и раздробленности своихъ силъ, дунганы успѣли въ 1869 г. произвести рядъ опустошительныхъ набѣговъ, разорили весь Ордошъ и Ала-шань, несмотря на то, что здѣсь-же, по среднему теченію Желтой рѣки, расположено было 70-ти тысячное китайское войско. Въ слѣдующемъ году они разграбили Улясутай, а еще черезъ годъ—Кобдо и т. д.

Въ обоихъ названныхъ городахъ были сильныя китайскіе гарнизоны, но при появленіи инсургентовъ они разбѣжались и не оказали почти никакого сопротивленія.

Однако, изъ этихъ фактовъ не слѣдуетъ дѣлать заключеніе о доблестныхъ качествахъ самихъ дунганъ. «Въ сущности,—говоритъ Пржевальскій,—это такіе-же трусы, какъ и всѣ вообще китайцы; они нахальны только тамъ, гдѣ знаютъ, что не встрѣтятъ серьезнаго сопротивленія. Всѣ ихъ разбои и войны съ китацами основаны исключительно на томъ, что трусъ старается перехитрить труса; разъ-же онъ достигнулъ своей цѣли, то дѣлается звѣремъ съ побѣжденнымъ врагомъ *)».

До какой степени доходила жестокость обѣихъ воюющихъ сторонъ, видно изъ слѣдующихъ фактовъ. Очевидцы рассказывали Пржевальскому и его спутникамъ, что хой хой не только убивали китайскихъ женщинъ, но иногда бросали въ глубокіе колодцы цѣлыя сотни дѣтей и сами любовались сверху на предсмертную агонію несчастныхъ жертвъ ихъ звѣрства. Побѣда часто имѣла своимъ послѣдствіемъ поголовное истребленіе побѣжденныхъ; забираше враговъ въ плѣнъ у авіатовъ не практикуется. Во всѣхъ мѣстностяхъ, охваченныхъ возстаніемъ, манчжурскіе чиновники и китайскіе солдаты обыкновенно истреблялись до единого человѣка; единственное условіе, которымъ можно было сохранить жизнь, были, принятіе магометанства и переходъ на сторону побѣдителей. Тѣ-же самыя мѣры примѣнялись и въ мирному населенію: тѣ, которые принимали магометанство, становились равноправными съ дунганами; тѣ-же, которые упорствовали, или истреблялись, или изрѣдка обращались въ рабовъ. Замѣчательно, что отъ женщинъ не требовалось перемѣны религіи.

Дунганскія разбойничьи шайки, наводившія ужасъ на населеніе въ Гань-су и въ другихъ провинціяхъ, формировались изъ всевозможнаго сброда, иногда почти безоружнаго. Лишь нѣкоторые изъ нихъ имѣли пикъ или сабли, а еще менѣе разбойниковъ были вооружены фитильными ружьями. Отряды не рѣдко сопровождаются толпою стариковъ и женщинъ, чтобы собирать награбленное и отправлять это добро домой подъ прикрытіемъ части отряда, тогда какъ остальные отправлялись на дальнѣйшіе подвиги.

*) Монголія стр. 270.

Для иллюстраціи, приведемъ разсказъ Пржевальскаго объ осадѣ кумирни Чейбсень, слышанный имъ отъ самихъ защитниковъ ея. Осада эта происходила за три года до посѣщенія Николаемъ Михайловичемъ этой кумирни.

Какъ уже раньше указано, кумирня обнесена квадратной глиняной стѣною, около 3 саж. вышиною. Въ стѣнѣ этой расположено нѣсколько башенъ, въ каждой изъ которыхъ могутъ помѣститься 15—20 защитниковъ. Для довершенія картины упомянемъ, что самая стѣна имѣетъ деревянную крышу, покатую на обѣ стороны. Наконецъ, замѣтимъ, что кумирня имѣетъ важный недостатокъ въ томъ отношеніи, что внутри ограды нѣтъ колодца, и вода берется изъ ручья, протекающаго неподалеку.

Лѣтомъ 1868 года дунганы въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ подступили къ этой кумирнѣ, съ намѣреніемъ уничтожить ее и разграбить многочисленныя сокровища, накопленныя здѣсь изъ усердныхъ приношеній вѣрнующихъ.

Защитники—витайцы, монголы и тавгуты, также въ значительномъ числѣ, около 1,000 человекъ—уклонились отъ сраженія въ открытомъ полѣ и заперлись въ стѣнахъ кумирни. Дунганы безъ труда заняли всѣ второстепенныя укрѣпленія *), подступили къ главной стѣнѣ и полѣзли на приступъ. Однако-же, несмотря на ветхость этого сооруженія, стѣна эта оказалась достаточно крѣпкою для простыхъ ломовъ, которые употреблялись дунганями въ качествѣ стѣнобитныхъ орудій, и первый приступъ такимъ образомъ былъ неудаченъ.

Между тѣмъ наступило время пить чай—занятіе, которое въ Китаѣ считается настолько важнымъ, что не пропускается даже и во время сраженія. Дунганы прекратили атаку и отошли въ свой лагерь, расположенный въ разстояніи одной версты отъ Чейбсена. Съ своей стороны и осажденные выбѣжали изъ кумирни, на глазахъ у своихъ враговъ набрали воды изъ ручья и также принялись пить чай.

На слѣдующіе дни повторилось то-же самое: дунганы съ утра начинали атаку, но, не окончивъ разрушенія стѣны, въ полдень отступали въ лагерь для чаепитія, а всю остальную часть дня посвящали отдыху.

Такая комедія продолжалась шесть сутокъ; наконецъ, хой-хой, видя «полную неприступность» кумирни, ушли во свояси и Чейбсень такимъ образомъ уцѣлѣлъ.

«Трудно было-бы повѣрить подобному разсказу,—говорить по этому поводу Пржевальскій,—если-бы мы много разъ собственными глазами не убѣждались, до какой нравственной гнилости дожилъ Китай съ подвластными ему народами. Всѣ они «одного поля ягоды», и только полное невѣдѣніе европейцевъ объ этихъ странахъ можетъ приписывать имъ какую-бы то нибыло долю славы и могущества».

*) Вокругъ кумирни помѣщалось около сотни фанзъ, изъ которыхъ многія были также обнесены высокими и толстыми глиняными стѣнами.

Перейдемъ теперь къ положенію Гань-су въ то время, когда былъ тамъ Николай Михайловичъ со своими спутниками.

Потерявъ въ теченіе вѣсколькихъ предыдущихъ лѣтъ весь Восточный Туркестанъ, притяньшавскія земли и значительную часть въ предгорьяхъ Тибета, китайское правительство поняло, наконецъ, страшную опасность, которая угрожала государству со стороны возставшихъ магометанъ, и направило серьезныя усилія къ тому, чтобы положить предѣлъ дальнѣйшему распространенію мятежа, который грозилъ проникнуть уже и въ сѣверныя провинціи Собственнаго Китая. По среднему и верхнему теченію Хуанъ-хэ съ этою цѣлью устроена была непрерывная оборонительная линія. Въ различныхъ пунктахъ ея расположено было 70-ти тысячное войско, размѣщенное отчасти по городамъ: Куку-хото, Бауту, Дынъ-ху, Нинъ-ся, Ланъ-чжоу и др., отчасти-же расквартированное небольшими отрядами въ промежуткѣ между этими городами. Кромѣ того, усилены были гарнизоны тѣхъ городовъ въ Гань-су, которые еще оставались не завоеванными.

На первое время, однако, всѣ эти грозныя приготовленія тѣмъ и кончились. Дунганы удовольствовались своими прежними успѣхами и, прекративъ дальнѣйшія наступательныя дѣйствія, занялись исключительно грабежами, а китайскіе гарнизоны, запершись въ своихъ глиняныхъ стѣнахъ, оставались спокойными зрителями раззоренія страны, не дѣлая никакихъ серьезныхъ попытокъ къ огражденію жителей отъ набѣговъ.

Николай Михайловичъ во время своихъ неоднократныхъ посѣщеній городовъ съ такими гарнизономъ имѣлъ случай довольно подробно ознакомиться съ состояніемъ китайскихъ войскъ.

Солдаты, расположенные въ Гань-су, по большей части приведены были сюда изъ южныхъ провинцій Собственнаго Китая и извѣстны у мѣстныхъ жителей подъ именемъ хотановъ, но не въ большомъ числѣ здѣсь также стояли солданы изъ Манчжуріи.

Вооруженіе ихъ составляютъ сабли и ружья, по большей части фитильныя, но нѣкоторые имѣли европейскія гладкоствольныя ружья англійской работы, а у солданы вѣрѣдка встрѣчаются и двухстволки тульской работы, которыми они запаслись, вѣроятно, на Амурѣ.

Кавалеристы и нѣкоторые изъ пѣхотинцевъ имѣютъ длинныя бамбуковыя пики, украшенныя большимъ краснымъ флагомъ съ изображеніемъ дракона.

«Правственныя качества китайскихъ войскъ, говорятъ Пржевальскій, представляютъ также полное безобразіе во всѣхъ отношеніяхъ, что европею трудно повѣрить, возможно ли существованіе подобной арміи, тѣмъ болѣе на театрѣ военныхъ дѣйствій. Начать съ того, что какъ офицеры, такъ и солдаты, почти безъ исключенія, предались куренію опиума, и не могутъ пробыть безъ этого даже и одного дня. Не только въ казармахъ, но и во время похода, хотя бы подъ самымъ носомъ у непріятеля, китайскіе воины не покидаютъ своей пагубной привычки и ежедневно накуриваются до безчувствія одуряющаго зелья. Резуль-

татомъ этого является расслабленіе какъ физическое, такъ и нравственное, и рѣшительная неспособность солдатъ переносить труды и лишения военного времени» *).

Ясно дѣло, что отъ такого войска нельзя требовать бдительности, хотя бы въ самый критическій моментъ. Каждый день часть солдатъ и офицеровъ непремѣнно накурятся опіума и будутъ спать мертвецкимъ сномъ.

Аванпостной службы и рекогносцировокъ здѣсь не существуетъ, взаимѣнъ этого широко развито пользованіе шпіонами, отъ которыхъ и получаютъ всѣ свѣдѣнія о непріятелѣ. Къ перенесенію какихъ-либо физическихъ трудностей китайцы положительно неспособны, такъ что въ дождь и непогоду, а тѣмъ болѣе ночью, никого нельзя заставить выйти изъ палатки или фанзы даже и подъ страхомъ смертной казни. Совершать длинные переходы пѣшкомъ солдаты эти также неспособны и во время похода всѣ они или ѣдутъ верхомъ, или везутся на подводахъ. Расслабленному китайцу трудно даже нести на себѣ свое оружіе, и нерѣдко даже въ виду непріятеля солдаты складываютъ свои ружья или пики на подводы или на особыхъ верблюдовъ, а сами ѣдутъ налегкѣ, точно на прогулкѣ.

Лишь только отрядъ китайскаго войска приходитъ на мѣсто стоянціи, какъ всѣ они тотчасъ же разсыпаются грабить и воровать у мѣстныхъ жителей, что попало. Одинъ тащить курицу, другой поросенка, третій мѣшокъ муки, четвертый кормъ для своей лошади, словомъ воины эти ведутъ себя съ мирными жителями, со своими же согражданами, какъ будто въ непріятельскомъ городѣ, отданномъ на разграбленіе. Офицеры и сами принимаютъ участіе въ грабежѣ, съ тою только разницею, что отбираютъ добро не у жителей, а у солдатъ. Поэтому никакіе жалобы на солдатъ не принимаются.

Такимъ образомъ ведется продовольствіе войска всегда и до такой степени извѣстно всѣмъ жителямъ, что монголы, слышавъ о приближеніи войска своихъ «защитниковъ», спѣшатъ поскорѣе скрыться и откочевываютъ въ сторону отъ дороги, иногда на сотню верстъ, а въ гористыхъ мѣстностяхъ прячутся со своими стадами въ неприступныхъ потаенныхъ ущельяхъ. Точно также караваны по возможности избѣгаютъ встрѣчи съ войсками, и для этой цѣли иногда избираютъ окольный, гораздо болѣе трудный, путь.

Однако, солдаты грабятъ не только во время похода, но и въ мѣстахъ постоянного своего стоянціи. Здѣсь они прежде всего разграбляютъ до чиста ближайшія окрестности, и когда здѣсь уже не остается поживы, то собираются болѣе или менѣе значительными партіями и отправляются на грабежъ иногда на нѣсколько дней. По возвращеніи, мародеры эти даютъ почетную дань изъ награбленнаго добра своимъ начальникамъ, и тогда все обстоитъ благополучно.

Сами начальники, начиная отъ простаго капитана и кончая генералами, обворовываютъ казну насколько возможно.

*) Монголія, стр. 273.

Но самую главную доходную статью высших офицеровъ составляетъ дезертирство, которое до невѣроятныхъ размѣровъ развито въ китайскихъ войскахъ. Зачастую командиръ, у котораго подъ командою числятся тысячи солдатъ, въ дѣйствительности имѣетъ лишь сотни ихъ, и Пржевальскому неоднократно приходилось слышать мнѣніе, что изъ 70-ти тысячнаго воинства, собраннаго на р. Хуань-хэ, въ дѣйствительности едва ли наберется и 30 тысячъ. Между тѣмъ, на каждаго дезертира, который отнюдь не показывается въ отчетахъ выбывшимъ, точно такъ же, какъ и умершіе, по прежнему получается содержаніе, и, конечно, оно попадаетъ въ карманъ командара.

Рядомъ съ безграничнымъ попустительствомъ всѣхъ начальствующихъ къ своимъ подчиненнымъ (что является неизбежнымъ слѣдствіемъ соучастія всѣхъ въ беззаконіи) въ китайскихъ войскахъ широко практикуются всевозможныя, по большей части чрезвычайно жестокия, наказанія. Не говоря уже про пресловутое наказаніе бамбуковыми палками по пяткамъ, которому солдаты подвергаются иногда даже за малѣйшій проступокъ, болѣе важныя преступленія, какъ, напр., дезертирство, неповиновеніе начальству, а иногда (если дѣло ведется недостаточно умѣло по отношенію къ начальству) и грабежъ—здѣсь наказываются даже смертною казнью. «Но строгость закона,—говоритъ Пржевальскій,—оказывается безсильною тамъ, гдѣ преступленія составляютъ не единичное явленіе, а общій порокъ цѣлой массы. На мѣсто казненнаго грабителя является другой такой же мародеръ, вслѣдъ за повѣшеніемъ дезертира бѣгутъ еще цѣлыя десятки, и деморализація войскъ растетъ съ каждымъ годомъ» *).

Самою характерною чертою китайскихъ солдатъ, по отзыву Пржевальскаго, является безконечная трусость, которая у нихъ не считается безчестіемъ, а даже наоборотъ: бѣгство отъ непріателя признается часто благоразуміемъ. Вся ихъ военная тактика рассчитана на то, чтобы запугать непріателя, не рискуя употребить сильнаго натиска. Къ этой цѣли приноровлено все: расположеніе войскъ въ видѣ дуги для того, чтобы охватить врага одновременно съ фронта и съ фланговъ, бессмысленная пальба съ разстояній, иногда вдесятеро превышающихъ разстояніе выстрѣла изъ ихъ ружей, неистовые крики послѣ выстрѣловъ**) и прочія хитрости китайской тактики. Все это, конечно, не болѣе, какъ дѣтскія проявленія военного искусства и примѣнимо только къ такого же сорта врагамъ, какъ и сами китайцы. Но энергичный непріатель, съ европейскимъ вооруженіемъ, можетъ проникнуть въ любую часть Небесной Имперіи съ полною увѣренностью въ побѣдѣ.

Одинъ волкъ заставляеть бѣжать цѣлое стадо барановъ, и такимъ волкомъ является всякій европейскій солдатъ передъ доблестнымъ китайскимъ воинствомъ...

Цѣлыхъ десять лѣтъ дунганское возстаніе находилось въ провинціи Гань-су

*) Монголія, стр. 274.

**) Какъ это раньше было описано у ламъ-воиновъ таигутскаго каравана, которому сопутствовалъ Пржевальскій изъ Ала-шаня.

въ одномъ и томъ же положеніи. Китайскія войска сидѣли въ городахъ, оставшихся еще въ ихъ власти, а освободившіеся дунганы рядомъ съ ними жили въ завоеванныхъ городахъ, и оба воинства ограничивались мелкими грабежами мѣстнаго населенія. Никакихъ рѣшительныхъ мѣръ не принимала ни та, ни другая враждабная сторона.

Губернаторъ провинціи, изгнанный изъ Синина, жилъ теперь въ городѣ Джунъ-линъ, а въ Сининѣ мѣсто его занялъ дунганскій ахунъ. Говорятъ, что о потерѣ Синина въ Пекинъ даже не сообщала цѣлыхъ три года.

Наконецъ, наступила и развязка. Китайское правительство рѣшилось приступить къ энергичнымъ мѣрамъ для возстановленія спокойствія въ Гань-су и туда послано было новое 25-ти тысячное войско, главной цѣлью котораго было вернуть Сининъ.

Двигаясь не спѣша, небольшими переходами, это новое воинство достигло, наконецъ, въ юнѣ 1872 г. Гань-суйской провинціи и расположилось въ двухъ городахъ—Нимъ-б и Уямъ-б у, лежащихъ первый въ 40, а второй въ 50 в. отъ Синина.

Вѣроятно, желая отдохнуть отъ труднаго путешествія, войско это провело еще два мѣсяца въ полномъ бездѣйствіи и давало о себѣ знать только усилившимся грабежами окрестностей. А между тѣмъ въ Сининѣ стягивались дунганскія силы и къ тому времени, какъ китайцы, наконецъ, приступили къ осадѣ города, здѣсь успѣло собраться около 70 тысячъ инсургентовъ. Однако, при приближеніи врага, всѣ они, по обыкновенію, уклонились отъ сраженія, хотя и сильно превосходили ихъ численностью, и заперлись въ стѣнахъ.

На этотъ разъ, однако, дѣло оказалось дѣйствительно нешуточнымъ. Войска, подступавшія къ городу, имѣли четыре пушки, привезенныя изъ Пекина. Орудія эти, хотя и стариннаго устройства, торжественно велись каждая шестью мулами, сами пушки обернуты были въ красную шелковую матерію и къ нимъ подъ страхомъ смертной казни не смѣлъ приближаться никто, кромѣ посвященныхъ.

- Эти пушки и въ особенности разрывныя гранаты, находившіяся при нихъ, сослужили величайшую службу китайцамъ. Когда ихъ подвезли къ городскимъ стѣнамъ Синина и начали бомбардировку, то дунганы поражены были разрушительнымъ дѣйствіемъ никогда невиданныхъ страшилищъ. Когда же на улицахъ разорвалось нѣсколько гранатъ, то они совершенно растерялись отъ ужаса. Къ довершенію своего несчастія они подняли одну неопнувшую гранату, собрались вокругъ этой диковинки и подъ конецъ, подивившись вдоволь, вздумали добыть изъ нея порохъ... произошелъ страшный взрывъ, многіе изъ окружающихъ были убиты на повалъ, а всѣ остальные въ паническомъ страхѣ разбѣжались, и успѣхъ китайцевъ былъ уже въ значительной степени обезпеченъ этимъ случаемъ.

Проломивъ ядрами стѣну, китайцы массою устремились на приступъ и вскорѣ овладѣли одною стѣною, а дунганы заперлись еще во внутреннемъ укрѣпленіи.

Какъ разъ въ это время получено было извѣстіе изъ Пекина о бравосочетаніи богдыхана.

Китайскія войска немедленно же прекратили военныя дѣйствія, въ ихъ лагерѣ начались празднества, и солдаты занялись устройствами театральныхъ представлений, для ознаменованія столь радостнаго событія.

Цѣлую недѣлю подъ-рядъ продолжались театральныя представленія, фейерверки и тому подобныя увеселенія, вмѣстѣ съ безшабашными кутежами, такъ что почти все время добрая половина какъ солдатъ, такъ и офицеровъ были пьяны или находились въ безчувственномъ состояніи, накурившись опиуму. Все это происходило на глазахъ у непобѣжденнаго еще врага!

Если бы у хой-хоевъ нашлась въ это время хоть одна сотая смѣлыхъ и рѣшительныхъ людей, то одна удачная вылазка могла бы совершенно измѣнить положеніе и доставить побѣду въ ихъ руки; въ ночномъ внезапномъ нападеніи, навѣрное, можно было бы вырѣзать нѣсколько тысячъ безпечныхъ китайцевъ. Но среди поголовныхъ трусовъ, засѣвшихъ въ Сининѣ, не нашлось даже и горсти такихъ смѣльчаковъ! Дунгань хорошо знали, что спасенія имъ нѣтъ, что городъ будетъ взятъ при новомъ приступѣ и что вслѣдъ затѣмъ имъ все равно нечего ждать пощады, тѣмъ не менѣе, даже отчаяніе не придало имъ рѣшимости и не могло побѣдить ихъ флегматической трусости, такъ что они съ философскимъ спокойствіемъ продолжали отсиживаться въ своемъ послѣднемъ укрѣпленіи и ожидать неизбѣжной смерти.

Отпраздновавъ свадьбу богдыхана и оправившись отъ кутежей, китайцы сдѣлали новый приступъ и овладѣли Сининомъ. Тогда началось поголовное истребленіе. «Очевидцы рассказываютъ, — передаетъ Пржевальскій, — что китайскіе солдаты, утомившись убивать оружіемъ, собирали дунганъ безъ различія пола и возраста цѣлыми партіями, гнали ихъ, какъ барановъ, въ горы и сталкивали тамъ въ пропасти... *). Такимъ образомъ, сразу избито было до 10,000 человекъ!

Послѣ столь важной побѣды, китайцы приободрились и въ теченіе зимы взяли остальные три дунганскіе города: Сень-гуань, Ю нань-ченъ и Тэтунгъ, повсюду истребляли своихъ враговъ и оставляли въ живыхъ только тѣхъ изъ нихъ, которые соглашались отречься отъ магометанства и принять буддизмъ. Многіе изъ инсургентовъ бѣжали на западъ къ своимъ единовѣрцамъ.

Затѣмъ подошли изъ Пекина еще новыя подкрѣпленія, и китайцы, постепенно двигаясь къ западу лѣтомъ 1873 г., завладѣли еще однимъ важнымъ пунктомъ—городомъ Су-чжоу, гдѣ, по слухамъ, всѣ жители перебиты были поголовно.

Чтобы покоячить съ вопросомъ о дунганскомъ возстаніи, прослѣдимъ вкратцѣ дальнѣйшую судьбу инсурректіи.

Послѣ того какъ взятъ былъ Су-чжоу, представляющій чрезвычайно важный стратегическій пунктъ, китайцы, преслѣдуя бѣгущихъ дунганъ, перенесли

*) Монголія, стр. 276.

театръ военныхъ дѣйствій на западъ: въ Чжунгарію и Восточный Туркестанъ (въ 1873—74 г.), гдѣ къ тому времени положеніе дѣлъ было слѣдующее.

Здѣсь еще раньше поднялись туркеставцы, и предводитель ихъ Айдынъ-ходжа, соединившись съ ханомъ урумчинскихъ дунганъ Дауръ-Хельпэ, болѣе извѣстнымъ подъ именемъ Лао-тай-хана, взяли городъ Турфанъ и двинулись на Баркуль, но здѣсь неожиданный отпоръ имъ оказалъ Хайджа Ніязьбекъ, который со своими хамійскими горцами предварительно занялъ всѣ проходы въ Баркульскую котловину и не допустилъ туда Айдынъ-ходжа. Тогда послѣдній повернулъ назадъ и разгромилъ въ короткое время Читэй и Гучень. Пока онъ свирѣпствовалъ здѣсь, а его союзникъ Лао-тай-ханъ безуспѣшно осаждалъ китайцевъ въ Шихо, въ Джитышарѣ и въ Шійскомъ краѣ совершились еще болѣе важныя событія. Въ Джитышарѣ началъ усиливаться авантюристъ Якубъ-бекъ, который отнялъ у дунганъ Яркендъ и Турфанъ, а затѣмъ въ рѣшительномъ сраженіи разбилъ на голову Лао-тай-хана (1872 г.). Въ то же время въ Шійскомъ краѣ таранчи, разбивъ подъ Баяндаемъ своихъ прежнихъ союзниковъ, дунганъ, основали независимое Кульджинское султанство.

Такимъ образомъ, когда китайскій полководецъ Цзо-цзюнь-танъ, покончивъ, какъ выше указано, съ дунганями въ Ганьсуйской провинціи и овладѣвъ оазисомъ Су-чжоу, перенесъ свои военныя дѣйствія въ Восточный Туркестанъ, то здѣсь онъ встрѣтилъ уже не разрозненныя шайки дунганъ, но болѣе сильнаго врага Якубъ-бека, ставшаго во главѣ новообразованнаго мусульманскаго царства.

Однако, царство это оказалось непрочнымъ *), въ средѣ его приверженцевъ готовилась измѣна, а онъ, принужденный обратить все свое вниманіе на вѣншнюю политику, не имѣлъ возможности во время принять мѣры къ устраненію многочисленныхъ неурядковъ внутри своего эемернаго государства. Его владѣніямъ одновременно грозила сильная опасность съ двухъ сторонъ: со стороны китайцевъ и со стороны русскихъ, которые въ это время заняли Кульджинскій край и Кокандское царство.

Въ то время, какъ онъ довольно удачно отстаивалъ свою независимость, неожиданно его постигла смерть. Въ 1877 г., по слухамъ, подкупленный Ніязьбекомъ чилими **) поднесъ ему въ чаѣ отраву, отъ которой онъ и умеръ.

Со смертью Якубъ-бека начались смуты, а его царство тотчасъ-же распалось. Ніязьбекъ бѣжалъ въ Хотанъ и возмущилъ этотъ городъ противъ старшаго сына и наследника Якуба, Бокъ-кулы-бека.

Послѣдній, опасаясь соперничества со стороны своего родного брата, Хакъ-кулы-бека, убилъ его собственноручно и всенародно; полководецъ его Хакимъ-ханъ-тюркя, возмущенный этимъ злодѣяніемъ и опасаясь за свою собственную

*) Къ Якубъ-беку мы еще вернемся впоследствии, такъ какъ Николаю Михайловичу во время послѣдующаго путешествія пришлось лично имѣть съ нимъ дѣло.

**) Чилими — придворная должность у восточныхъ влостителей, человекъ, подающій кальянъ.

участь, поднять знамя возстанія во вѣрнномъ ему войскѣ и укрѣпился въ г. Аксу. Такимъ образомъ сплоченное и довольно сильное самостоятельное магометанское государство распалось, силы его раздробились и теперь уже никто не былъ въ состоянн дать отпоръ китайскому полководцу Цзо-цзюнь-тану. Все склонилось передъ нимъ. Только г. Манасъ, въ которомъ засѣли остатки дунганъ, оказалъ ему еще упорное сопротивленіе и на дѣлхъ 6 мѣсяцевъ задержалъ побѣдоносное шествіе китайской арміи. Но и здѣсь среди магометанъ нашелся измѣнникъ, Мада-лэйя, который предалъ г. Манасъ въ руки Цзо-цзюнь-тана. Городъ этотъ подвергся страшному разоренію, большая часть жителей были избиты.

Послѣ паденія этого послѣдняго оплота магометанъ, китайцы почти безъ боя завладѣли остальными городами Кашгаріи. Наконецъ, и Кульджа дипломатическими переговорами была возвращена Китаю, а дунганъ, которые не хотѣли снова подчиняться ненавистному китайскому игу—массами эмигрировали въ сѣдніа русскія провинціи.

Такъ окончилось это знаменитое возстаніе; полною побѣдоу китайцы обязаны не своей личной доблести, а исключительно благоприятному теченію обстоятельствъ и некультурности своихъ враговъ.

Вернемся, однако, къ нашимъ путешественникамъ. Отправивъ свои коллегіи на храненіе въ кумирню Чертынтогъ, Николай Михайловичъ вернулся въ Чейбсея, гдѣ по условію его ожидали проводники, съ которыми онъ намѣревался проникнуть къ берегамъ завѣтнаго озера Куку-нора.

Въ это время тангутскій караванъ, съ которымъ экспедиція пробралась въ Гань-су изъ Ала-шаня, собирався выступить въ обратный путь, въ Пекинъ.

Пользуясь этимъ случаемъ, путешественники отправляли письма на родину, а Николай Михайловичъ послалъ, кромѣ того, и оффціальныя донесенія, въ которыхъ сообщалъ, что отправляется на Куку-норъ, но что въ Тябетъ пройти нечего—разсчитывать по недостатку матеріальныхъ средствъ.

«Вообще расходъ денегъ огромный,—писалъ онъ своему другу Фатѣеву,—такъ что у меня теперь въ наличности только 480 руб. Съ такими ничтожными средствами невозможно дойти до Лхассы и я долженъ съ сокрушеннымъ сердцемъ отказаться на этотъ разъ отъ своего намѣренія проникнуть во внутренній Тябетъ. Взамѣнъ того, думаю подробно изслѣдовать бассейнъ Куку-нора и страну Цайдамъ... Кстати скажу, что моя экспедиція до сихъ поръ уже стоитъ 14,000 рублей, но и это очень мало въ здѣшнихъ мѣстахъ. Для полнаго снаряженія путешествія здѣсь нужно въ годъ отъ 8 до 10 тысячъ рублей» *).

23 сентября, какъ было раньше условлено, путешественники выступили въ сопровожденіи своихъ вожатыхъ изъ Чейбсена. Путь предстоялъ по горнымъ тро-

*) 17 сентября 1872 г., кумирня Чейбсея.

пьянъмъ, вѣдушимъ посрединѣ между двумя дунганскими городами: Сэнь-гуань и Тэтунгъ. Хотя продовольственные запасы, закупленные на всю зиму, составляли выюки всего для 4 верблюдовъ, но Николай Михайловичъ рѣшилъ разложить ихъ на всѣхъ своихъ вьючныхъ животныхъ, такъ какъ верблюды сильно испортились за лѣто на непривычныхъ пастбищахъ и не въ состояніи были идти съ тяжелою ношею по крутымъ горнымъ тропинкамъ.

Проводники монголы страшно трусили и заранѣе предупреждали, что опасность предстоятъ не только со стороны дунганъ, но и отъ китайскихъ солдатъ, которые партіями караулятъ на всѣхъ дорогахъ и грабятъ всѣхъ проходящихъ, не разбирая свои-ли то, или дунганы.

Николай Михайловичъ заявилъ имъ на это, что для него рѣшительно все равно, кто будутъ нападающими, дунганы или китайцы, и что онъ всѣхъ грабителей безъ разбора будетъ встрѣчать пулями.

Предсказанія проводниковъ очень скоро, на другой же день пути, подтвердились. Лишь только экспедиція вступила въ узкій горный проходъ, недалеко отъ кумирни Алтынъ, какъ изъ боковыхъ ущелій выскочили человекъ тридцать всадниковъ и, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ на воздухъ, устремились на караванъ съ дикими криками.

По приказанію Пржевальскаго, монголы проводники начали махать руками и кричать, что это не дунганы, а русскіе и что въ случаѣ нападенія въ нихъ будутъ стрѣлять... Но всадники все продолжали скакать, такъ что Николай Михайловичъ приказалъ взять ружья на прицѣлъ и уже хотѣлъ скомандовать пальбу, когда китайцы, не доскакавъ всего шаговъ двѣсти, вдругъ остановились, видя, что никакія застрашиванія не дѣйствуютъ и что на нихъ наведены четыре ружейныя дула.

Тогда, сойдя съ лошадей, они подошли и начали увѣрять, что они ошиблись и приняли путешественниковъ за дунганъ. Но, конечно, это была не болѣе, какъ отговорка, и они преспокойно ограбили бы караванъ, если бы путешественники трусили.

Черезъ нѣсколько верстъ повторилось опять то же самое отъ другой партіи китайскихъ солдатъ, караулившихъ на дорогѣ.

На третій день предстоялъ самый опасный переходъ, такъ какъ необходимо было пересѣчь двѣ большія дунганскія дороги, ведущія изъ Сэнь-гуаня въ Тэтунгъ.

Первую миновали благополучно, не встрѣтивъ на пути никого, но лишь стали приближаться ко второй дорогѣ, какъ съ вершины перевала увидѣли на разстояніи около двухъ верстъ впереди значительную партію конныхъ дунганъ, человекъ въ сто.

Замѣтивъ караванъ путешественниковъ, дунганы сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ и столпились у входа въ узкое ущелье, черезъ которое путешественникамъ необходимо было проходить.

Проводники монголы при этой ужасной встрѣчѣ такъ и обмерли отъ страха, и, бормоча молитвы, дрожащимъ голосомъ умоляли Николая Михайловича вернуться и идти обратно въ Чейбсенъ. Но предложеніе это, конечно, было совершенно негѣно, такъ какъ выказать признаки страха передъ дунганами значило обречь себя на неминуемую гибель: дунганы на своихъ лошадяхъ легко могли бы догнать убѣгающихъ. Нисколько не колеблясь, Николай Михайловичъ рѣшилъ пройти на проломъ или погибнуть, но съ оружіемъ въ рукахъ, «а не позорною смертью барана, котораго разбойники потащили бы на висѣльницѣ» *).

«Маленькою кучкою изъ четырехъ человекъ,—разсказываетъ онъ,—со штуцерами въ рукахъ, съ револьверами за поясомъ, двинулись мы впереди нашихъ верблюдовъ, которыхъ вели проводники монголы... **).

Послѣдніе чуть было не убѣжали, когда увидѣли, что путешественники продолжаютъ идти впередъ, но Николай Михайловичъ объявилъ имъ, что при первой попыткѣ бѣгства онъ будетъ стрѣлять въ нихъ еще прежде, чѣмъ въ дунганъ, и тѣ, волей неволей, полумертвые отъ страха, принуждены были слѣдовать за своими спутниками.

Нечего и говорить, что положеніе путешественниковъ было чрезвычайно критическое. Занимая узкое ущелье, дунганы даже самымъ несовершеннымъ оружіемъ могли безъ всякаго затрудненія перестрѣлять четырехъ смѣльчаковъ при прохожденіи по тѣснинѣ. Не только ста, но и четырехъ-пяти человекъ для этой дѣли было бы совершенно достаточно. Но Пржевальскій рассчитывалъ исключительно на ихъ трусость и, какъ оказалось, совершенно основательно.

Дѣйствительно, дунганы продолжали все стрѣлять, пока путешественники были еще настолько далеко, что даже изъ ихъ штуцеровъ пули не могли бы достигнуть дѣли. Но лишь только разстояніе это уменьшилось, и Пржевальскій хотѣлъ уже командовать пальбу, какъ эти трусы, пораженные невиданною смѣлостью четырехъ незнакомецъ, которые, нисколько не смущаясь, все продолжали путь, какъ ни въ чемъ не бывало, вдругъ бросились въ разсыпную по обѣ стороны дороги и исчезли за ближайшими выступами горъ...

Караванъ совершенно спокойно прошелъ опасное мѣсто, перешелъ большую дорогу и сталъ подыматься на слѣдующій, очень высокой и крутой переваль.

Въ это время уже начало сильно темнѣть и къ довершенію трудности поднялась сильнѣйшая метель, такъ что верблюды съ большимъ трудомъ карабкались по крутой горной тропинкѣ. Спускъ на противоположную сторону перевала былъ еще труднѣе; верблюды и лошади ощупью въ темнотѣ ползли внизъ, ежеминутно спотыкаясь и падая... Сдѣлавъ дунганы въ это время нападеніе, Николаю Михайловичу и его спутникамъ почти навѣрное не было бы спасенія. Но, видно, они до такой степени были напуганы совершенно непонятною для нихъ смѣлостью путешественниковъ, что оставили всякую мысль о нападеніи и, вѣроятно,

*) Письмо Н. М. Пржевальскаго Я. П. Шихмареву 15 іюня 1873 г.

***) Монголія, стр. 253.

по добру—по здраву поспѣшила убраться во-своихи. По крайней мѣрѣ о нихъ больше не было ни слуху, ни духу.

Пройдя такимъ образомъ съ часъ, Николай Михайловичъ рѣшилъ расположиться на ночлегъ, такъ какъ наступила уже совершенная ночь, и путешественники ежеминутно рисковали свернуть себѣ шею на такой невозможной и при томъ совершенно неизвѣстной имъ дорогѣ.

Мѣсто, гдѣ они остановились, было весьма неудобное для бивуака; это было ущелье до такой степени узкое и съ такими крутыми скатами, при томъ еще поросшее густыми кустарниками, что едва удалось найти площадку для установки палатки.

Не малаго труда стоило также развести огонь, чтобы погрѣть свои окоченѣвшіе члены, такъ какъ въ темнотѣ трудно было собрать сухихъ вѣткокъ, а свѣтъ между тѣмъ уже покрылъ все сплошною пеленою.

Впрочемъ, о большихъ удобствахъ ночевки даже излишне было заботиться, такъ какъ изъ предосторожности путешественники спали лишь урывками и поочередно держали караулъ.

«Мы шли,—говорить Пржевальскій,—тою самою тибетскою дорогою, по которой въ теченіе одиннадцати лѣтъ не осмѣлился пройти ни одинъ караванъ богемольцевъ, собирающихся обыкновенно тысячами для подобнаго путешествія. Насъ четверыхъ разбойники боялись больше, чѣмъ всѣхъ китайскихъ войскъ, и избѣгали встрѣчи. Во время нашей стоянки у Чейбсена все было спокойно, но лишь только мы откочевали въ горы, какъ опять появились дунганы, и разбои начались по прежнему... «вотъ фактъ, характеризующій население внутренней Азіи! Это сплошь одно стадо барановъ, трусливыхъ до невѣроятія... Здѣсь вездѣ можно пройти, только не съ евангеліемъ подъ мышкой, а съ деньгами въ карманѣ, со штурцеромъ въ одной рукѣ и съ нагайкой въ другой. Мы на опытѣ видѣли, насколько необходимы въ тамошнихъ странахъ эти три вещи. Съ ними должны идти сюда европейцы и свести, во имя цивилизаціи, всѣ эти подонки человѣческаго рода. Тысячи нашихъ солдатъ достаточно, чтобы покорить всю Азію отъ Байкала до Гиммалая. И пора бы тряхнуть хорошенько Срединное государство, пора перестать церемониться и сносить всѣ оскорбленія, которыми на каждомъ шагу угощаютъ здѣсь европейца въ предѣлахъ Небесной Имперіи. Здѣсь можно еще повторить подвиги Кортеса. Когда вернусь въ Россію, то, какъ очевидецъ, буду печатно и словесно твердить объ этой необходимости» *).

Весь остальной путь совершенъ былъ безъ всякихъ приключеній, и на пятый день экспедиція достигла ставки Муръ-засака, одного изъ тангутскихъ князьковъ. Засакъ принялъ путешественниковъ весьма радушно, чѣмъ Пржевальскій обязанъ былъ рекомендательному письму своего пріятеля, чейбсенскаго донира,

*) Изъ рапортовъ Пржевальскаго и писемъ его къ различнымъ лицамъ. См. Дубровинъ, стр. 160--161.

въ которомъ тотъ откомендовалъ Николая Михайловича чуть ли не родственникомъ самого богдохана. Онъ далъ двухъ проводниковъ, которые провели путешественниковъ до слѣдующаго тангутскаго стойбища, расположеннаго почти на самыхъ верховьяхъ Тэтунга.

Разстоянія до этого стойбища было всего 55 верстъ, и, несмотря на то, что путь былъ несравненно лучше предыдущаго, путешественники наши едва достигли на полуживыхъ отъ истощенія верблюдахъ.

Тангутскій *зангинъ* оказался очень хорошимъ и услужливымъ человѣкомъ и на подарокъ Пржевальскаго—пять аршинъ плису и тысячу иголокъ—отвѣтилъ присылкою хорошаго барана съ придачею фунтовъ десяти сарлочьяго *) масла.

Отдохнувъ здѣсь одни сутки и получивъ новыхъ проводниковъ, путешественники оставили долину Тэтунгъ-гола, повернули на югъ и отправились прямо къ озеру Куку-норъ.

Характеръ мѣстности началъ быстро измѣняться; горы смѣнились равнинами, сначала лѣса, а затѣмъ и кустарники постепенно исчезли, и путешественники вступили въ степныя равнины, раскинувшіяся вокругъ озера Куку-нора.

Наконецъ, 13 ноября Николай Михайловичъ разбилъ свою палатку на самомъ берегу завѣтнаго озера.

«Мечта моей жизни,—пишетъ Пржевальскій,—исполнилась! Завѣтная цѣль экспедиціи была достигнута! То, о чемъ недавно еще только мечталось, теперь превратилось уже въ осуществленный фактъ! Правда, такой успѣхъ былъ купленъ цѣною многихъ тяжкихъ испытаній, но теперь всѣ пережитыя невзгоды были забыты и въ полномъ восторгѣ стояли мы съ товарищемъ на берегу великаго озера, любясь на его чудныя, темно-голубыя волны» **).

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Озеро Куку-норъ.

Общее описаніе озера.—Легенда о его происхожденіи.—Рѣзкій контрастъ Куку-норскихъ степей съ Ганьсуйской провинціей.—Куку-норскіе монголы, ихъ неслетная рекомендація мѣстнымъ княземъ.—Хара-тангуты, легенда объ ихъ происхожденіи.—Обстоятельства складываются чрезвычайно благоприятно.—Визитъ Далай-ламакаго посланника.—Удачная перестройка каравана, рекомендательное письмо.—Свѣдѣнія о кумирѣ Гумбумъ (дерево Зянда-мото съ пероглифами на листьяхъ).—Дуланъ-китъ.—Триумфальное шествіе.—Баум-шегизмуть.—Цайдамъ.—Снаряженіе въ Дуанъ-васацъ и вступленіе въ Тибетъ.

Озеро Куку-норъ (по переводу съ монгольскаго языка это имя означаетъ «Голубое озеро»), называемое тангутами Цокъ-гумбумъ, а у китайцевъ Цянъ-хай («Синее море»), расположено на абсолютной высотѣ около 10,500 ф. По

*) Сарлокъ—домашній ягъ.

**) Монголія, стр. 255.

Встрѣча съ дунганцами

своей формѣ оно представляеть эллипсисъ, имѣющій въ окружности, по вычисленію Пржевальскаго, около 300—350 верстъ, такъ какъ мѣстные тангуты сообщали ему, что обойти озеро пѣшкомъ можно въ двѣ недѣли, а объѣхать на лошади— въ 7—8 дней.

Берега не извилисты и очень мелки, вода соленая, не годная для питья, но въ силу этой самой солёности имѣеть превосходный голубой цвѣтъ. Вообще озеро имѣеть чрезвычайно красивый видъ, и путешественники наши стояли передъ нимъ, какъ очарованные: «окрестныя горы, покрытыя уже снѣгомъ, стояли бѣлюю рамкою широкихъ, бархатно-голубыхъ водъ, убѣгавшихъ къ востоку за горизонтъ» *)...

Представляя громадную водную поверхность около 8¹/₂ тысячъ квадратныхъ верстъ, озеро это даже и при слабомъ вѣтрѣ приходитъ въ сильное волненіе, такъ что Куку-норъ весьма рѣдко бываетъ спокойнымъ, да и то лишь на короткое время.

По сообщенію миссіонера Гюка, раньше Пржевальскаго посѣтившаго Куку-норъ, на этомъ озерѣ замѣтны даже приливы и отливы, но спеціальныя наблюденія Николая Михайловича рѣшительно опровергли это.

Верстахъ въ двадцати отъ южнаго берега, на озерѣ находится скалистый островъ верстъ 8—10 въ окружности, на которомъ, по словамъ монголовъ, построена небольшая кумирня и въ ней живутъ десять ламъ. Лѣтомъ сообщеніе острова съ берегомъ совершенно прервано, такъ какъ на всемъ озерѣ нѣтъ ни одной лодки, и мѣстные жители совершенно не знаютъ плаванія. Но зимою по льду благочестивые вѣрующіе приносятъ отшельникамъ запасы продовольствія, да и сами они приходятъ на берегъ за подаваніемъ.

Куку-норъ чрезвычайно обилень рыбою, но ловлею ея занимаются лишь нѣсколько десятковъ монголовъ, которые употребляютъ для этого небольшія сѣти и ловятъ только въ мелкой береговой полосѣ.

Весьма интересна легенда о происхожденіи озера, слышанная Пржевальскимъ отъ мѣстныхъ жителей.

Въ очень отдаленныя времена, такъ гласитъ эта легенда, когда еще не существовало Лхассы, нынѣшней резиденціи Далай-ламы, одинъ изъ тибетскихъ царей вздумалъ построить великолѣпный храмъ въ честь божества Будды.

Нѣсколько тысячъ работниковъ трудились надъ сооруженіемъ этого зданія въ теченіе дѣлаго года, но когда храмъ былъ уже почти готовъ, онъ вдругъ разрушился самъ собою. Снова начали работу, но лишь только зданіе доведено было до конца, какъ снова рухнуло отъ неизвѣстной причины. То же самое повторилось и въ третій разъ.

Тогда устрешенный царь обратился къ одному гыгену и попросилъ его разъяснить причину такого загадочнаго явленія.

*) Монголія, стр. 278.

Однако, гыгенъ затруднился дать ясный отвѣтъ на вопросъ, но сообщилъ царю, что въ далекихъ странахъ востока живетъ великій святой, который только одинъ изъ всѣхъ живущихъ на землѣ и можетъ разъяснить эту тайну, и если удастся разыскать этого пророка и выпытать отъ него разъясненіе тайны, то тогда постройка храма будетъ окончена благополучно.

Тибетскій царь немедленно же избралъ благочестиваго лама и послалъ его разыскивать святого, про котораго ему повѣдалъ гыгенъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ посланный лама объѣзжалъ почти всѣ земли, гдѣ чтутъ великаго Будду, посѣтилъ всѣ знаменитыя кумирни, совѣщался со многими гыгенами, но нигдѣ не могъ найти пророка, указанного тибетскимъ гыгеномъ. Отчаявшись въ благополучномъ исходѣ своихъ поисковъ, онъ, наконецъ, рѣшилъ возвратиться домой.

На обратномъ пути онъ проѣзжалъ черезъ обширныя степи на границѣ Тибета съ Китаемъ, здѣсь однажды у него сломалась пряжка у подпруги сѣдла. Оглянувшись кругомъ, путникъ замѣтилъ не вдалекѣ одинокую убогую юрту и направился туда, чтобы починить подпругу.

Здѣсь онъ увидѣлъ слѣпотаго старика, погруженнаго въ молитву. Послѣдній радушно встрѣтилъ путника и предложилъ ему взять пряжку изъ его сѣдла.

Затѣмъ старикъ пригласилъ своего гостя пить чай и началъ спрашивать, кто онъ, откуда родомъ и куда ѣдетъ.

Не желая безъ нужды разглашать всякому встрѣчному о необыкновенной цѣли своего путешествія, лама отвѣтилъ, что онъ родомъ съ востока и ѣздитъ на богомолье по разнымъ знаменитымъ кумирнямъ.

«Да, мы счастливы,—сказалъ на это старикъ,—что имѣемъ много прекрасныхъ храмовъ, какихъ нѣтъ въ Тибетѣ. Тамъ напрасно принимаются теперь строить большую кумирню; это зданіе никогда не устоитъ, потому что въ томъ мѣстѣ, гдѣ хотятъ его воздвигнуть, находится подземное озеро, которое колеблетъ почву.

«Только ты,—сказалъ онъ, обращаясь къ своему гостю,—долженъ хранить этотъ секретъ въ тайнѣ, потому что если кто-нибудь изъ тибетскихъ ламъ его узнаетъ, то воды подземнаго озера придутъ сюда и погубятъ насъ».

Лишь только старикъ сказалъ это, какъ его гость, обрадованный такимъ неожиданнымъ успѣхомъ, быстро вскочилъ со своего мѣста, объявилъ, что онъ то и есть тотъ самый тибетскій лама, который ищетъ разгадки этого секрета, вскочилъ на свою лошадь и указалъ.

Въ отчаяніи старикъ началъ громко проклинать свою неосторожность; и на его крики вскорѣ прибѣжалъ его сынъ, который неподалеку пасъ свое стадо. Тогда старикъ велѣлъ ему немедленно осѣдлатъ коня и догнать путника, недавно бывшаго у него гостемъ, и «отнять у него языкъ» (*хыла*).

Этими словами старикъ давалъ своему сыну приказаніе отнять у ламы «таишу», т. е. убить его.

Но слово хылэ въ монгольскомъ языкѣ имѣеть два значенія: «языкъ» у челоуѣка или у животныхъ, а также металлическій язычекъ у пражки. Черезъ это вышло недоразумѣнїе, имѣвшее роковыя послѣдствія.

Дѣйствительно, когда сынъ старика догналъ ламу и объявилъ ему, что его отецъ требуетъ свой «хылэ», то тотъ отстегнулъ пражку отъ своей подпруги и безпрекословно возвратилъ ее. Съ этимъ «хылэ» сынъ возвратился къ своему отцу въ полной увѣренности, что въ точности исполнилъ давнее порученіе.

Но когда старикъ узналъ, что привезена только пражка, а лама спокойно уѣхалъ, то воскликнулъ: «такова, вѣроятно, воля Божья, теперь все кончено, мы погибли!»

Въ ту же ночь раздался страшный подземный гулъ, земля разверзлась, — и изъ расщелины хлынула вода въ короткое время затопившая обширную равнину. Всѣ люди, находившіеся здѣсь, въ томъ числѣ и проболтавшійся старикъ, вмѣстѣ со своимъ семействомъ и своими стадами погибли при этомъ наводненіи, которое все увеличивалось, угрожая затопить всю страну.

Наконецъ, Богъ сжалялся и послалъ чудовищную, гигантскую птицу, которая отломивъ когтями огромную гору отъ хребта Нань-шаня, бросила ее на то отверстіе, откуда изливалась вода, и прекратила такимъ образомъ дальнѣйшій притокъ ея.

Такимъ образомъ воды, образующія озеро Куку-норъ, пришли сюда изъ Тибета, а спасительная скала, прекратившая потокъ, осталась и по нынѣ въ видѣ выше указаннаго острова.

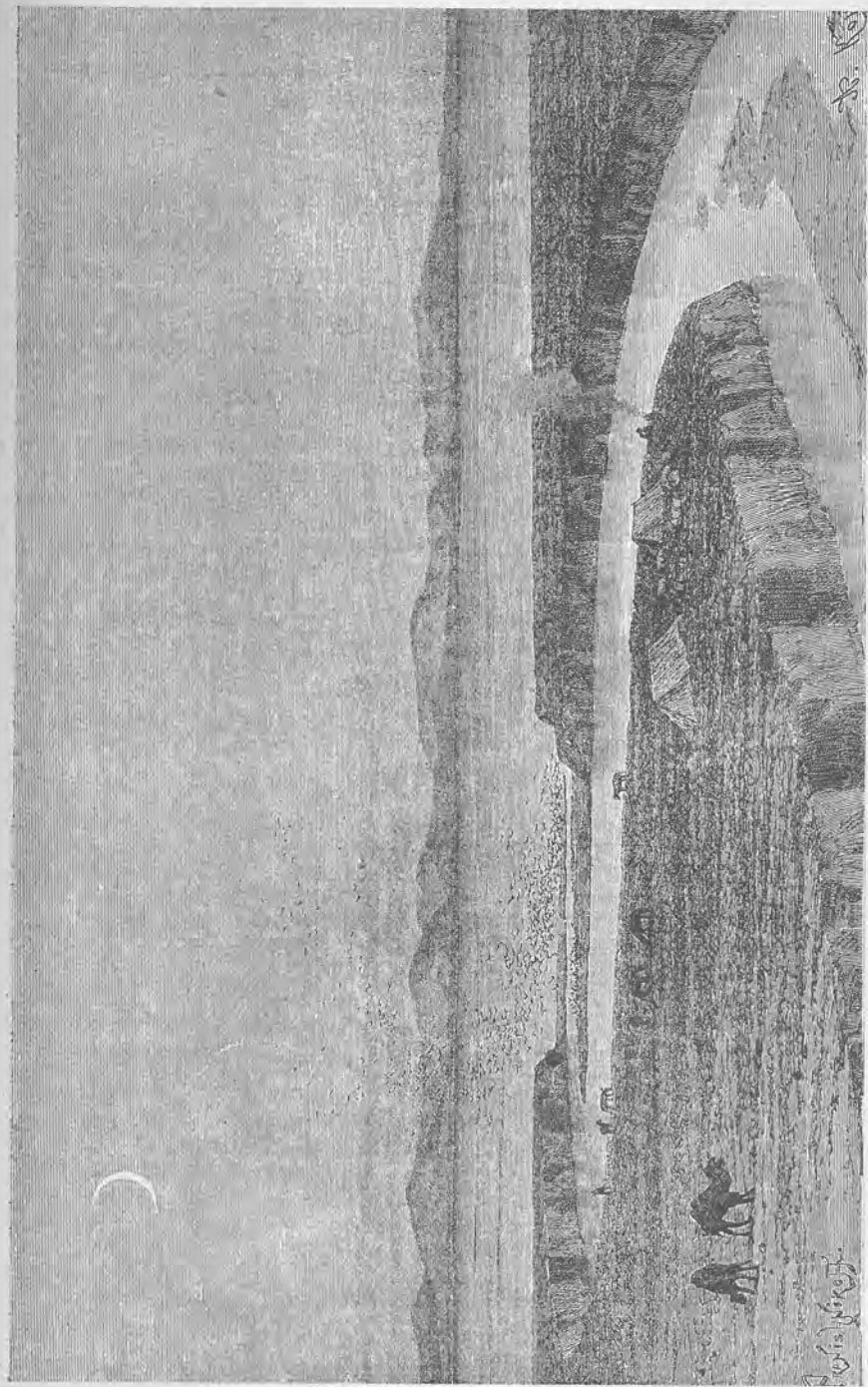
Область озера Куку-нора рѣзко отличается отъ сосѣдней гористой провинціи Гань-су по климату, флорѣ и фаунѣ.

Постоянные дожди, смѣнившіеся подъ конецъ снѣжными мятелями, и вообще страшная сырость, преслѣдовавшая нашихъ путешественниковъ во все время ихъ пребыванія въ Гань-су, смѣнилась теперь прекрасною осеннею погодою.

Но въ то же время, вмѣсто альпійскихъ луговъ, лѣсовъ и тучной черноземной почвы, вокругъ озера раскинулась обширная глинисто-солончакъовая равнина, покрытая превосходною степною травою и высокимъ дырисуномъ. Появились также обыкновенные обитатели монгольскихъ степей: дзерены и пищухи. Самымъ замѣчательнымъ животнымъ этихъ степныхъ равнинъ оказался дивій осель или хуланъ (*equus kiang*), называемый по-тангутски джанъ. Николай Михайловичъ впервые познакомился здѣсь съ этимъ животнымъ, но впоследствии въ Тибетѣ онъ встрѣчалъ ихъ въ огромномъ количествѣ.

Населеніе Куку-нора и сосѣдней съ нимъ страны Цайдама составляютъ монголы и хара-тангуты.

Здѣшніе монголы, подобно ала-шанцамъ, принадлежать къ большому племени олютовъ, но вслѣдствіе многовѣкового гнета господствующихъ здѣсь тангутовъ, они, по описанію Пржевальскаго, представляютъ худшихъ вырожденъ азъ всѣхъ монгольскихъ расъ.

Озеро Буку - портъ.
Видъ съ сѣвернаго берега, при впаденіи р. Балема

«По своей физиономіи они отчасти даже походятъ на тангутовъ, но имѣютъ общее выраженіе лица крайне глупое; глаза тусклые, безсмысленные, характеръ мрачный, меланхолическій. Въ нихъ нѣтъ ни энергіи, ни желаній, а какое-то скотское равнодушіе ко всему на свѣтѣ, за исключеніемъ ѣды» *).

Самъ Куку-норскій ванъ, по отзыву Николая Михайловича, человекъ довольно умный, откровенно говорилъ ему, что его монголы только по внѣшнему виду походятъ на людей, во всемъ же остальномъ—рѣшительно скоты.

«Только выбить въ верхней челюсти передніе зубы, да поставить на четыре ноги, такъ и выйдетъ настоящая корова»,—говорилъ этотъ князь русскимъ путешественникамъ про своихъ подданныхъ.

Преобладающіе по числу въ кукунорскихъ степяхъ и далѣе въ Цайдамѣ, кара-тангуты или, какъ они себя чаще называютъ, салыры исповѣдуютъ магометанскую религію и въ дунганскомъ возстаніи примкнули къ мятежникамъ. Номинально они подчинены китайскому правителю провинціи Гапъ-су, но своимъ законнымъ государемъ они признаютъ тибетскаго Далай-ламу, а въ мѣстномъ управленіи подчиняются своимъ собственнымъ старшинамъ и совершенно не признаютъ монгольскихъ правителей тѣхъ хошуновъ, гдѣ они живутъ.

Про куку-норскихъ и дайдамскихъ кара-тангутовъ Пржевальскій разсказываетъ удивительныя вещи. По его словамъ, специальное занятіе ихъ составляютъ грабежи и разбои, которымъ подвергаются болѣе всего мѣстные мопголы. Разбойники эти безпрестанно совершаютъ свои набѣги, угоняютъ стада и даже убиваютъ людей, или уводятъ ихъ съ собою и обращаютъ въ рабство. Разбои совершаются совершенно безнаказанно и даже отчасти находятся подъ покровительствомъ закона, установленнаго самими же тангутами, по которому монголъ, убившій тангута, долженъ уплатить огромный штрафъ, а въ случаѣ несостоятельности убійцы за него платитъ штрафъ весь хошунъ. Въ случаѣ отказа отъ такой уплаты, тангуты собираются партией въ нѣсколько сотъ человекъ и идутъ уже открытою войною. Несчастные монголы, страшно трусливые уже по самой своей природѣ, въ силу этого закона оказываются совершенно безпомощными. Число ихъ на Куку-норѣ уменьшается изъ года въ годъ и въ недалекомъ будущемъ, по мнѣнію Пржевальскаго, ихъ здѣсь ждетъ полное исчезновеніе, если только китайское правительство не приметъ какихъ-либо энергичныхъ мѣръ для ихъ охраны.

Не довольствуясь грабежами ближайшихъ окрестностей, куку-норскіе кара-тангуты предпринимаютъ иногда и дальніе набѣги, какъ, напр., въ Цайдамѣ. Въ такія экскурсіи разбойники обыкновенно снаряжаются небольшими партіями, человекъ въ десять и каждый изъ нихъ ведетъ въ поводу запасную лошадь, а иногда и двѣ. Отправляясь на свой промыселъ иногда мѣсяца на 2—3, такая партія забираетъ съ собою соответствующее количество продовольствія, которое везутъ вьючные верблюды, а на обратномъ пути на нихъ нагружается награбленное добро.

*) Монголія, стр. 285.

Куку-норскіе хара-тангуты; по срединѣ мужчины, по крайнѣ женщины.

По возвращеніи домой, разбойники, какъ люда религиозные, спѣшаютъ заслужить передъ Богомъ прошеніе въ своихъ грѣхахъ. Они отправляются въ озеру Куку-нору, покупаютъ, а иногда и просто отнимаютъ у промышляющихъ здѣсь рыболовствомъ монголовъ ихъ добычу, и отпускаютъ рыбу обратно въ озеро.

Пржевальскому рассказали мѣстные жители, что разбой хара-тангутовъ въ области Куку-нора и Цайдама начались лѣтъ восемьдесятъ тому назадъ и съ того времени не прекращаются.

Китайскіе губернаторы Гань-суйской провинціи смотрятъ на такое вошющее дѣло сквозь пальцы, такъ какъ получаютъ отъ тангутскихъ начальниковъ хорошія взятки.

Всѣ жалобы монголовъ остаются втунѣ и разбойники совершенно безнаказанно совершаютъ свои грабежи по всей странѣ.

Въ глазахъ монголовъ хара-тангуты являются какими-го исчадіями ада и у нихъ сложилась даже историческая легенда о происхожденіи этого разбойничьяго племени.

Въ давнія времена, такъ гласитъ это преданіе, на Куку-норѣ жилъ народъ тангутскаго племени, по имени Ёгуры; этотъ народъ исповѣдывалъ буддѣйскую религію красношапочной секты *).

*) Тибетскіе буддисты распадаются на двѣ секты: красношапочную и желтошапочную. Путеш. Пржевальскій.

Куку-норскіе хара-тангуты; по срединѣ мужчины, по краямъ женщины.

Егурды постоянно грабили караваны богомольцевъ, проходившіе изъ Монголіи въ Тибетъ, и для наказанія ихъ олютскій владѣтель Гуши ханъ отпразднелъ на Куку-норѣ сильное войско, которое, дѣйствительно, истребило егуровъ. Послѣ этого часть олютовъ ушла обратно въ свою страну, а другая поселилась здѣсь на постоянное жительство.

Но среди всеобщаго истребленія тангутовъ, случилось такъ, что какимъ-то образомъ спаслась одна старуха съ тремя дочерьми. Эта семья удалилась на верховья Хуанъ-хэ, и здѣсь каждая изъ дочерей родила по сыну. Вотъ отъ этихъ-то изгнанниковъ и произошло все племя хара-тангутовъ, которые черезъ нѣсколько времени снова переселились на родину своихъ предковъ; сначала они здѣсь подвергались нападеніямъ со стороны монголовъ, но впослѣдствіи настолько усилились, что сами принялись за грабежи.

«Если бы убили тогда этихъ проклятыхъ дѣвокъ,—говорили съ горечью Пржевальскому рассказчики монголы,—то теперь не было бы хара-тангутовъ, а мы жили бы спокойно».

Пржевальскій только нѣсколько дней оставался на озерѣ Куку-норѣ, а затѣмъ, отложивъ болѣе подробное изслѣдованіе этой страны на будущее время, двинулся дальше въ Тибетъ.

Дѣло въ томъ, что теперь обстоятельства складывались необыкновенно благоприятно для того, чтобы проникнуть въ самую глубь этой загадочной страны и даже являлась полная возможность посѣтить главу всего буддійскаго міра— Далай-ламу въ его резиденціи Лхасѣ.

Дѣйствительно, прослышавъ о прибытіи нашихъ путешественниковъ, на Куку-норѣ явился посланникъ, отправленный Далай-ламою въ Пекинъ съ подарками къ Богдохану еще въ 1862 г. Но въ то время какъ разъ въ провинціи Гань-су началось дунганское возстаніе, и этотъ посолъ не рѣшился пройти черезъ страну, наполненную инсургентами. Послѣ этого десять лѣтъ онъ провелъ на Куку-норѣ, ожидая перемѣны обстоятельствъ въ лучшую сторону, пока явится возможность исполнить важное порученіе, возложенное на него его владыкою, но возстаніе все не прекращалось, и онъ все ждалъ, не рѣшаясь въ то же время вернуться и назадъ въ Лхассу, боясь наказанія со стороны Далай-ламы.

Услыхавъ теперь, что четверо какихъ-то никогда не виданныхъ людей прошли черезъ ту самую страну, которою онъ не рѣшался пробѣхать даже со своимъ огромнымъ конвоемъ, онъ нарочно посѣщилъ на Куку-норѣ «посмотрѣть на такихъ людей», какъ онъ самъ выразился.

Знакомство съ такимъ важнымъ лицомъ было, конечно, необыкновенно благоприятнымъ обстоятельствомъ для нашихъ путешественниковъ и несомнѣнно принесло бы имъ громадную пользу въ томъ случаѣ, если бы они отправились въ Тибетъ.

шапочную, коренное различіе которыхъ заключается въ томъ что у первыхъ ламамъ дозволяется обзаводиться семействомъ, а у вторыхъ ламы обяваны вести безбрачную жизнь.

Посланникъ Далай-ламы, по имени Камбы-нансу, оказался чрезвычайно любезнымъ и услужливымъ человѣкомъ. Узнавъ, что путешественники намѣрены пробраться въ Тибетъ, онъ предлагалъ свои услуги въ Лхассѣ и увѣрялъ, что Далай-лама будетъ чрезвычайно обрадованъ таклмъ помѣщеніемъ русскихъ и что они встрѣтять въ Лхассѣ самый радушный пріемъ.

Словомъ, обстоятельства складывались до такой степени благоприятно, что Николай Михайловичъ никогда даже и не мечталъ ни о чемъ подобномъ.

Можно себѣ представить поэтому, какъ тяжело было ему сознать въ то же время, что пробраться въ глубь Тибета ему все-таки ни въ какомъ случаѣ не придется, несмотря на самое благоприятное стеченіе обстоятельствъ и это единственно потому, что у него не было денегъ для такого путешествія!..

Дѣйствительно, небольшая сумма денегъ, которая была еще у Николая Михайловича при выходѣ изъ Дынъ-юань-пна, несмотря на крайнюю бережливость путешественниковъ, теперь уже почти совершенно растаяла, а между тѣмъ всѣ верблюды, съ которыми экспедиція пришла на Куку-норъ, до такой степени испортились, что непремѣнно требовали замѣны новыми. Кроме того, нужно было сдѣлать запасы провіанта на всю предстоящую зиму, нужно было постоянно платить проводникамъ и т. д. Словомъ, было совершенно ясно, что съ наличными средствами отправляться въ новое далекое путешествіе нечего было и думать.

«Съ грустью слушали мы, говорить Николай Михайловичъ, рассказы посланника далай-ламы, Камбы-нансу...

«А скоро-ли выпадетъ такой благоприятный случай для другого путешественника? Да и сколько потребуется вновь затратить для достиженія цѣли, которая могла бы быть теперь выполняема, сравнительно небольшими средствами. Имѣемъ мы на Куку-норѣ только тысячу ланъ денегъ, и мы навѣрное дошли бы до Лхассы, а оттуда могли бы препринять путь на озеро Лобъ-норъ, или въ какія-либо другія мѣстности» *).

Тѣмъ не менѣе, хотя и зная напередъ, что до столицы Тибета пробраться невозможно, Николай Михайловичъ рѣшилъ пройти впередъ, какъ можно дальше, тѣмъ болѣе, что даже по отношенію къ расходамъ денегъ здѣсь ему вышла большая удача.

На Куку-норѣ оказалось большое изобиліе верблюдовъ и наши путешественники съ незначительною доплатою сумѣли промѣнять своихъ истощенныхъ вьючныхъ животныхъ на свѣжихъ. Тѣмъ не менѣе, даже и при такой выгодной сдѣлкѣ, въ кассѣ экспедиціи въ концѣ концовъ оставалось менѣе ста ланъ денегъ!

Но Николай Михайловичъ не унывалъ и смѣло двинулся впередъ. Путь его лежалъ сначала по сѣверному, а потомъ по западному берегу озера долинами рѣкъ Бухайнъ-гола ***) и Дуланъ-гола и совершенно былъ вполне благополучно.

*) Монголія, стр. 288.

**) По описанію миссіонера Гюга, рѣка Бухайнъ-голъ представляетъ громадный вод-

Здѣсь встаетъ упомянуть еще про одно обстоятельство, много способствовавшее успѣху дальнѣйшаго путешествія.

Въ паспортѣ, выданномъ изъ Пекина, сказано было, что «при русскихъ путешественникахъ находятся два человѣка изъ подданныхъ Небесной Имперіи». Выраженіе это относилось къ проводникамъ-монголамъ или катаямъ, которыхъ путешественники могли нанимать къ себѣ въ услуженіе.

Но пріятель Николая Михайловича, уже много разъ упоминавшійся, тангутскій лама-допирь, посоветовалъ ему придать совсѣмъ иное толкованіе вышеупомянутому выраженію паспорта и выдавать это за предписаніе пекинскаго правительства давать путешественникамъ по два проводника. Кромѣ того, въ своемъ рекомендательномъ письмѣ на имя Муръ-засака, данномъ при разставаніи въ Чейсепѣ, онъ и съ своей стороны разъяснилъ дѣло именно въ этомъ смыслѣ.

Поэтому теперь путешественники не встрѣчали никакихъ затрудненій и легко получали проводниковъ отъ монгольскихъ князей, а при случаѣ и отъ тангутскихъ и ойоновъ (чиновниковъ).

Случайно въ числѣ этихъ проводниковъ попался монголъ, который оказался для нашихъ путешественниковъ весьма интересною личностью, такъ какъ онъ прежде долгое время жилъ въ одной изъ самыхъ замѣчательныхъ мѣстностей буддійскаго міра. Это знаменитая кумирня Гумбумъ, расположенная въ Ганьсуйской провинціи, верстахъ въ 30-ти отъ г. Сиинна.

Въ свободное время на бивуакахъ этотъ проводникъ, бывшій прежде штатнымъ ламой въ кумирнѣ Гумбумъ, рассказывалъ путешественникамъ много интересныхъ свѣдѣній объ этомъ священномъ мѣстѣ.

Прежде всего, самое мѣсто, на которомъ построена знаменитая кумирня, замѣчательно въ томъ отношеніи, что именно здѣсь родился великій реформаторъ ламизма Дзонъ-кава*) (Цзонхава). По увѣренію буддистовъ, великая святость этого человѣка ознаменована была многими чудесами, изъ которыхъ особенно извѣстно слѣдующее: изъ родильной рубашки его, зарытой въ землю, выросло необыкновенное дерево, существующее, по словамъ монголовъ, и до сихъ поръ въ кумирнѣ Гумбумъ и составляющее главную святыню ея. Листья этого дерева испещрены знаками тибетской азбуки. Что касается имени этого дерева,

ный потокъ, черезъ двѣнадцать рукавовъ котораго совершена была страшная переправа большого каравана, съ которымъ Гюкь слѣдовалъ въ Джассу. По словамъ этого автора, спутники его считали свою переправу весьма удачною, такъ какъ изъ всего каравана только одинъ человѣкъ сломалъ себѣ ногу и утонуло два яка. Между тѣмъ оказалось, что р. Вухайнъ-голь въ самомъ своемъ устьи въ періодъ дождей имѣетъ ширину 15 ширины и фута 2 глубины, такъ что вездѣ проходима въ бродъ. Слѣдующею весною Пржевальскій провелъ на низовьяхъ этой рѣки цѣлый мѣсяцъ и точно также убѣдился, что рѣка эта совсѣмъ незначительная. Точно также онъ удивляется, откуда Гюкь насчиталъ цѣлыхъ двѣнадцать рукавовъ, когда на самомъ дѣлѣ существуетъ только одно русло безъ всякихъ развѣтвленій.

*) Знаменитый буддійскій ученый теологъ (родъ въ 1357 г.), написавшій 2 большихъ сочиненія: Ламъ-рима и Нгагъ-рима, которыя сдѣлались катехизисами новаго ламайства. Въ этихъ сочиненіяхъ, составляющихъ 16 томовъ, онъ выяснилъ всѣ противорѣчія и слѣды въ одно цѣлое всѣ разнообразныя системы, господствовавшія до того времени въ буддизмѣ.

то Николай Михайлович не мог добиться толку: название его Занда-мото по это самое название монголы дают, повидимому, и всякому «хорошему дереву».

Ламы-врачи, собирающие лекарственные растения.

как, напр., древесидному можжевельнику и т. п.; рассматривая ореховые логи ружей путешественников, они тоже говорили, что это «занда-мото». По всей

Ламы-врачи, собирающие лекарственные растения.

вѣроятности, какъ думаетъ Пржевальскій, знаки на листьяхъ дѣлаются ламами, или дополняются пылкимъ воображеніемъ усердныхъ вѣрующихъ. «Но если, продолжаятъ онъ, монголамъ простительно вѣрвать въ чудесное дерево, то, мнѣ кажется, несомнѣнно удобно разсказывать про тибетскую азбуку на его листьяхъ миссіонеру Гюбу, который увѣряетъ, что видѣлъ такое чудо собственными глазами и хотя сначала подозрѣвалъ обманъ ламъ, но потомъ убѣдился въ дѣйствительности этого сверхъестественнаго явленія» *).

Кумирня Гумбумъ славится также своею медицинскою школою, въ которой получаютъ специальное образованіе ламы-врачи.

Въ прежнее время, т. е. до начала дунганскаго возстанія, въ Гумбумѣ насчитывалось около 7,000 постоянныхъ ламъ, но послѣ дунганскаго погрома, во время котораго удѣлялось только главный храмъ и священное дерево, число ламъ сократилось на нѣсколько сотъ.

Двигаясь все дальше по направленію къ Табету, путешественники вскорѣ перевалили черезъ хребтъ, ограничивающій Кукунорскую равнину съ южной стороны.

Хребтъ этотъ, не значащійся на картахъ, Николай Михайловичъ назвалъ Южно-кукунорскимъ. За нимъ путешественники снова встрѣтили перемѣну характера мѣстности.

Подобно тому, какъ горы, расположенныя на сѣверной границѣ Кукунорскихъ равнинъ, отдѣляютъ бассейнъ озера отъ гористой, влажной, лѣсной и плодородной провинціи Гань-су, такъ и этотъ новооткрытый хребтъ, служащій рѣзкою границею сравнительно плодородныхъ степей, раскинувшихся вокругъ Кукунора, отъ безплодныхъ равнинъ Цайдама и Тибета, имѣющихъ уже совершенно пустынный характеръ; послѣднія почти совершенно лишены растительности и здѣсь уже появляются хара-султы — всегдашніе обитатели настоящихъ монгольскихъ пустынь.

Здѣсь путешественники встрѣтили значительное (около 40 в. въ окружности) озеро осадочной соли Джаратай-дабусу.

Не далеко отсюда лежитъ урочище Дулань-китъ—резиденція правителя западной части кукунорской провинціи, Цинь-хай-вана, который прежде жилъ у озера Кукунора, но переселился сюда спасаясь отъ безпрестанныхъ грабежей хара-тангутовъ, которые въ теченіе трехъ только лѣтъ ограбили у него 1,700 лошадей, не считая прочаго скота.

Самъ-ванъ умеръ за годъ передъ посѣщеніемъ этой мѣстности Пржевальскимъ, и наслѣдникъ его еще не былъ утвержденъ въ своемъ званіи китайскимъ правительствомъ, а пока управленіе находилось въ рукахъ матери молодого вана.

Съ этою регентшею, точно также, какъ и съ наслѣднымъ принцемъ путешественники познакомились, уже раньше встрѣтивъ ихъ, при прохожденіи около

*) Монголія, стр. 290.

озера Джаратай-дабасу. «Молодой князь, — рассказывает Пржевальскій, при встрѣчѣ только смотрѣлъ на насъ съ тупымъ любопытствомъ, но регентша тотчасъ потребовала у путешественниковъ паспортъ и, прочитавъ его, сказала своимъ приближеннымъ: «эти люди, быть можетъ, посланы нашимъ царемъ посмотреть, что дѣлается здѣсь, и донести ему объ этомъ». Затѣмъ, она велѣла дать двухъ проводниковъ и, дружески распрощавшись съ путешественниками, отправилась со своимъ сыномъ своей дорогой.

По прибытіи въ самую ставку Цинь-хай-вана, экспедиція встрѣтила со стороны дяди молодого князя чрезвычайно радушій приемъ. Этотъ дядя былъ гыгенъ по профессіи и прежде имѣлъ свою собственную кумирню, но съ тѣхъ поръ какъ дунганы разорили ее, онъ поселился въ княжеской семьѣ и теперь являлся также соправителемъ и опекуномъ своего несовершеннолѣтняго племянника. Гыгенъ былъ человекъ бывалый и даже отчасти пресвѣщенный. Ему неоднократно приходилось бывать въ Пекинѣ и въ Ургѣ, гдѣ онъ видѣлъ русскихъ. Онъ отнесся къ путешественникамъ съ большою любезностью и предупредительностью. На сдѣланные ему подарки онъ отвѣтилъ присылкою путешественникамъ небольшой войлочной юрты, которая сильно пригодилась имъ впоследствии.

Но наибольшую услугу Николаю Михайловичу и его товарищамъ гыгенъ-регентъ оказалъ тѣмъ, что запретилъ своимъ подданнымъ ходить безъ надобности въ палатку путешественниковъ, такъ что они въ первый разъ за свою экспедицію не терпѣли отъ назойливаго любопытства многочисленныхъ посѣтителей, хотя и стояли около жилого мѣста.

Со времени вступленія въ провинцію Гань-су, переполненную разбойничьими шайками, а въ особенности послѣ героическаго стоянія подъ кумирней Чэйбсеномъ, громкая слава о четырехъ путешественникахъ разнеслась на громадномъ пространствѣ. Кромѣ того, для всякаго рода преувеличенныхъ толковъ матеріаломъ послужили многіе другіе факты, непонятные для дикарей-туземцевъ: невѣданные приемы охоты, когда звѣри убивались на громадномъ разстояніи, а птицы на лету, далѣе, непонятное употребленіе убитыхъ животныхъ—препарировка шкуръ и изготовленіе чучелъ, наконецъ, неразгаданная цѣль самаго путешествія и т. п.

Когда экспедиція прибыла въ область Куку-норъ, то стоустая молва уже опередила ихъ. Вездѣ стало извѣстно о появленіи въ странѣ какихъ-то необыкновенныхъ людей.

Наивные туземцы передавали другъ другу, что это полубоги, не боящіеся никакихъ разбойниковъ, что они заговорены отъ пуль, вооружены какими-то необыкновенными ружьями, и хотя ихъ всего четверо, но въ случаѣ нападенія, по одному слову ихъ начальника, является цѣлая тысяча невидимыхъ воиновъ, которые сражаются за нихъ.

Личность Пржевальскаго разрасталась все болѣе и болѣе, такъ что воображеніе дикарей олицетворяло въ немъ уже какое-то божество. Рассказывали,

что был по своему произволу располагать стихіями: можетъ вызвать бурю и мятежь, напустить морь на скоть и людей и т. п.

Всевозможные рассказы подобнаго рода росли, являлись въ различныхъ вариацияхъ преувеличивались, когда-же къ путешественникамъ стали издалека прїѣзжать различные гыгены и даже самъ посланникъ Далай-ламы, то населеніе увидѣло въ этомъ полное подтвержденіе своихъ догадокъ, и за Пржевальскимъ окончательно установилась слава великаго хубилгана, т. е. «святого».

Съ этого времени, далеко опержая путешественниковъ, вездѣ разнеслась молва, что «одинъ великій святой запада идетъ въ Лхассу, чтобы познакомиться съ Далай-ламою—великимъ святымъ востока».

Теперь же Пржевальскому туземцы не давали прохода, безпрестанно надѣляя просьбами разныхъ благословеній, предсказаній и тому подобныхъ желѣостей.

«Тангуты и монголы,—рассказываетъ Николай Михайловичъ,—приходили иногда толпами, чтобы помолиться не только намъ, но и нашимъ ружьямъ, а мѣстные князья нѣсколько разъ привозили своихъ дѣтей, прося меня положить на нихъ руку и этимъ знаменіемъ благословить на цѣлую жизнь. При нашемъ приходѣ въ Дуланъ-китъ, рассказываетъ онъ далѣе, собралась толпа человекъ въ двѣсти, которые молились намъ, стоя на колѣняхъ по сторонамъ дороги» *).

Отъ желающихъ пророчества не было отбоя. Къ Николаю Михайловичу приходили не только узнать о дальнѣйшей судьбѣ, но и съ просьбой указать, гдѣ скрывается пропавшая скотина, кто укралъ трубку и т. п. Одинъ тангутскій князь неотступно умолялъ Пржевальскаго указать ему средство, какимъ образомъ можно излечить его жену отъ безплодія и т. д.

Такая слава имѣла чрезвычайно важное значеніе для нашихъ путешественниковъ въ томъ смыслѣ, что они совершенно были гарантированы отъ нападеній какихъ-бы то ни было разбойниковъ. Хара-тангуты не только не дерзали причинить какую-нибудь непріятность лично путешественникамъ, но даже совершенно прекращали свои грабежи въ той мѣстности, куда появлялся Пржевальскій со своими спутниками, а несчастные монголы постоянно прїѣзжали къ ихъ покровительству, и начальники хошуновъ неоднократно просили Николая Михайловича приказать разбойникамъ возвратить пограбленное добро и угнанный скоть.

«Обаяніе нашего имени,—рассказываетъ Пржевальскій,—превосходило всякое вѣроятіе. Такъ, идя въ Тибетъ, мы оставили въ Цайдамѣ лишній мѣшокъ съ продовольственными запасами, и мѣстный князь, принимая его на храненіе, съ радостію говорилъ намъ, что этотъ мѣшокъ будетъ теперь стеречь весь его хошунъ отъ разбойниковъ-тангутовъ».

*) Монголія, стр. 294.

И дѣйствительно, когда черезъ три мѣсяца послѣ того путешественники возвратились, то князь этотъ встрѣтилъ ихъ съ величайшею благодарностью: оказалось, что за все время въ его хошувѣ не показывался ни одинъ разбойникъ и грабежи совершенно прекратились, такъ какъ тангуты боялись вмѣстѣ съ монгольскимъ добромъ захватить и вещи, оставленные русскими.

Наконецъ, Пржевальскій рассказываетъ курьезную вещь, что ихъ проводники, а иногда и посторонніе монголы всегда тщательно подбирали всякій кусочекъ бумажки, который бросали путешественники, и прятали ихъ, говоря, что при появленіи разбойниковъ они будутъ показывать эти листки и выдавать ихъ за охранныя грамоты, данныя имъ русскими.

«Я увѣренъ,—говоритъ Николай Михайловичъ,—что пройдетъ немного лѣтъ, какъ преданіе о нашемъ путешествіи въ этихъ странахъ превратится въ легенду, изукрашенную различными вымыслами фантазіи».

Кромѣ ореола святости и сверхестественности, Пржевальскому присвоенъ былъ также титулъ доктора, могущественнаго исцѣлителя всякихъ болѣзней.

Поводомъ къ такому мнѣнію у мѣстныхъ жителей послужило собираиіе путешественниками растений, а вполсѣдствіи нѣскольکو случаевъ удачнаго леченія лихорадки хининомъ окончательно укрѣпили за нимъ славу великаго доктора, и къ нему постоянно являлась масса страждущихъ всевозможными недугами.

Будучи совершеннымъ профаномъ въ медицину, располагая самымъ значительнымъ запасомъ лекарствъ и, наконецъ, не имѣя ни времени, ни охоты шарлатанствовать, Николай Михайловичъ поставленъ былъ въ очень затруднительное положеніе, такъ какъ съ другой стороны разрушать совершенно столь благопріятствующее успѣху экспедиціи обстоятельство онъ не хотѣлъ.

«Я обыкновенно пускалъ въ дѣло самую шарлатанскую вещь,—рассказываетъ Николай Михайловичъ,—когда либо являющуюся въ медицинскомъ мірѣ, именно баумшейтъизмусъ, который, какъ извѣстно, проповѣдуетъ леченіе всѣхъ болѣзней уколомъ кожи кучею иголокъ, насаженныхъ на пружинѣ, и затѣмъ смазываніемъ этого мѣста какимъ-то особеннымъ масломъ. Слово предчувствовалъ я, насколько будетъ намъ полезенъ подобный инструментъ и захватилъ его съ собою въ экспедицію. И если докторъ Баумшейтъ, изобрѣтатель столь волшебнаго способа леченія, еще живъ, то онъ можетъ гордиться тѣмъ, что его открытіе приводило въ восторгъ обитателей Куку-нора, которые смотрѣли на пружинку съ иголками, какъ на святую вещь, вышедшую чуть ли не изъ рукъ самаго Будды» *).

На обратномъ пути Пржевальскій подарилъ этотъ волшебный инструментъ одному монгольскому князьку, который былъ въ восторгѣ и тотчасъ же началъ упражняться въ такомъ способѣ леченія, дѣлая операціи кровопусканія своимъ адъютантамъ, хотя бы они и были совершенно здоровы.

*) Монголія, стр. 255.

Оставив Дулань-китъ, Пржевальскій перевалилъ черезъ невысокій горный кряжъ, составляющій отрогъ южно-кукунорскаго хребта, и вступилъ въ Цайдамъ.

Подъ именемъ Цайдама извѣстна совершенно гладкая равнина, простирающаяся между сѣверою окраиною Тибета—хребтомъ Бурханъ-Будда на югѣ и сѣверо-западными отрогами Кукунорскихъ горъ на сѣверѣ *). Съ востока естественной границей является также невысокій горный кряжъ, на западъ же равнины Цайдама уходятъ безконечной гладью за горизонтъ и, по словамъ монголовъ, простираются до самаго озера Лобъ-нора **).

Вся эта страна носитъ на себѣ ясныя признаки недавняго пребыванія здѣсь воды. По всей вѣроятности, Цайдамъ въ предыдущую геологическую эпоху представлялъ дно громаднаго внутренняго моря, въ настоящее время высохшаго; теперь

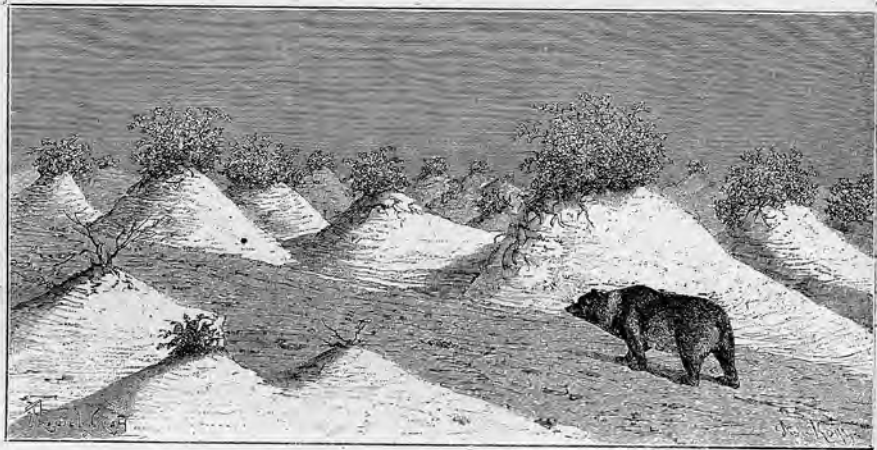

Глиняные бугры тамариска и хармыка въ Цайдамѣ.

эта обширная равнина представляетъ плотную, болотистую равнину, а почва настолько пропитана солью, что она мѣстами выступаетъ даже на поверхности корою, наподобіе льда. Во многихъ мѣстахъ страна эта представляетъ непроходимыя топи и здѣсь въ изобиліи встрѣчаются маленькія озерки, а въ западной части лежитъ большое соляное озеро Хара-норъ. Здѣсь же протекаетъ значительная рѣка Баянъ-голь, истоки которой находятся на высотахъ окраиннаго тибетскаго хребта Бурханъ-Будда, а затѣмъ, пробѣжавъ по равнинѣ верстъ 300, рѣка эта теряется въ болотахъ Западнаго Цайдама.

*) Въ третью свою экспедицію Николай Михайловичъ болѣе подробно ознакомился съ Цайдамомъ, (причемъ многія свѣдѣнія, сообщаемыя монголами, оказались при повѣркѣ невѣрными) и открылъ существованіе непрерывной ограды также и съ сѣвера (Алтынъ-тагъ, хребты Гумбольдта и Риттера, Нанъ-шань).

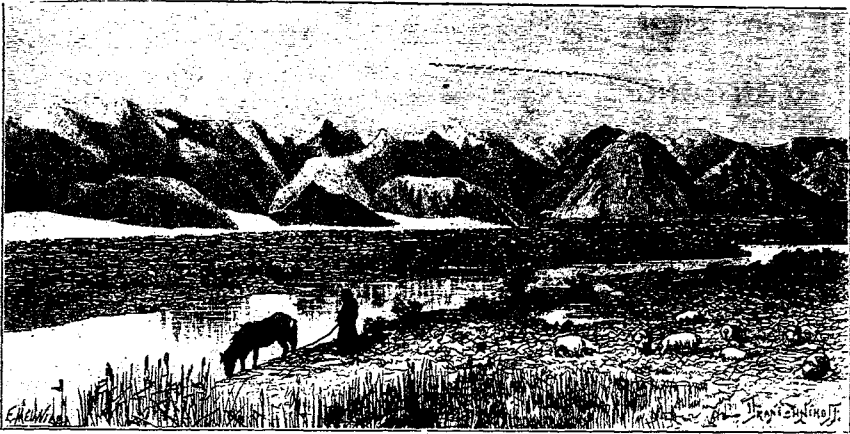
***) Въ четвертую экспедицію Пржевальскій прошелъ прямымъ путемъ отъ Кукунора до Лобъ-нора черезъ Цайдамъ.

Глиняные бугры тамариска и хармыка въ Цайдамъ.

Мѣстами въ изобиліи встрѣчаются густыя заросли высокаго (4—6 фут. вышины) тростника.

Самымъ замѣчательнымъ растеніемъ Цайдама является х а р м ы к ъ (*Nitraria Schoberi*), достигающій здѣсь размѣровъ саженнаго куста. Подобно ала-шаньскому сукхиру, сладко-соленыя ягоды этого растенія обыкновенно очень урожайныя, составляютъ здѣсь главную пишу какъ мѣстнаго населенія, такъ и многихъ животныхъ. Эти ягоды монголы варятъ въ водѣ и ѣдятъ, смѣшавъ съ дзамбою *); кромѣ того они съ удовольствіемъ пьютъ сладко-соленый отваръ ихъ. Этимъ же ягодами питаются не только почти всѣ птицы Цайдама, но и многіе звѣри, не исключая даже медвѣдей, волковъ и лисицъ; для верблюдовъ они составляютъ большое лакомство.

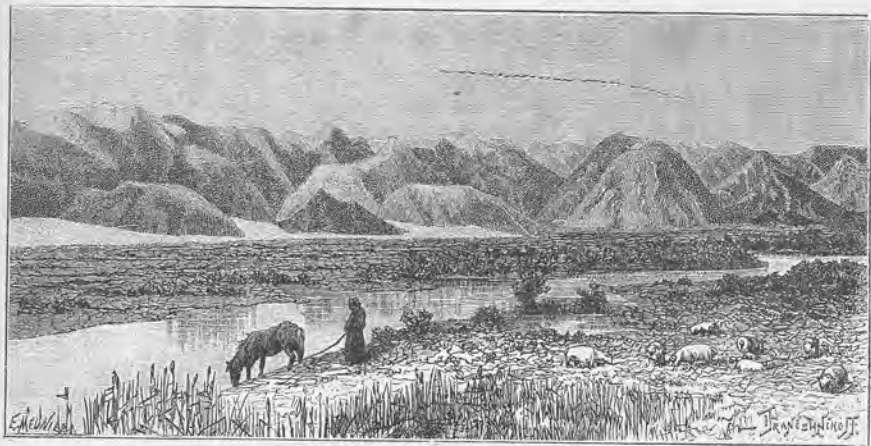

Рѣка Булунгырь въ Цайдамѣ, вдали горы Бурханъ-Будда.

Тотчасъ за отрогомъ Кукунорскаго хребта передъ путешественниками необозримую гладью раскинулись равнины Цайдама, за которыми вдали гигантскою стѣною вздымался хребетъ Бурханъ-Будда. Несмотря на то, что до этихъ горъ разстояніе было около 120 в., краѣжъ совершенно ясно обрисовывался на горизонтѣ даже для простаго глаза, а въ бинокль можно было рассмотреть чуть не каждую скалу. До того прозраченъ осенній воздухъ въ этой мѣстности!

Послѣ небольшого перехода по волнистой равнинѣ, состоящей изъ глинистой и хрящеватой почвы, мѣстами прерываемой пространствами сыпучихъ песковъ,

*) Дз а м б а представляетъ универсальное пищевое средство въ западной части Монголіи и въ Тибетѣ; это мука изъ различныхъ хлѣбныхъ зеренъ, которыя передъ размалываніемъ сильно поджариваются. Главное преимущество сравнительно съ обыкновенною мукою заключается въ томъ, что дзамбу очень удобно сохранять въ пути. Пржевальскій оцѣнилъ достоинства этого рода пицци, и какъ въ эту экспедицію, такъ и во всѣхъ последующихъ постоянно дѣлалъ запасы дзамбы. Употребляютъ ее, заваривая чаемъ и прибавляя масла, а за неимѣніемъ его—какого-нибудь сала. Чаще всего дзамба готовится изъ ячмен-ныхъ зеренъ, но для этого можетъ служить и рожь, и овесъ, и пшеница.

Рѣка Булунгырь въ Цайдамѣ, вдали горы Бурханъ-Будда.

напоминающими Ала-шаньскую пустыню, караванъ вступилъ въ область соляныхъ болотъ.

Путь здѣсь оказался весьма затруднительнымъ для животныхъ. Тропинокъ не было совсѣмъ, а приходилось идти напрямикъ, то по голой соляной корѣ, то по замерзшей глинѣ.

Верблюды начали хромать, а собаки изранили себѣ въ кровь лапы, вслѣдствіе разъядающаго дѣйствія соли.

18 ноября экспедиція достигла ставки князька Дзунъ-засака, откуда по приказанію Куку-норскаго гыгена путешественники должны были получить проводника до самой Лхассы.

Хотя, какъ выше указано, Пржевальскій давно уже видѣлъ невозможность проникнуть такъ далеко вглубь Тибета по недостатку денежныхъ средствъ, но скрывалъ это рѣшеніе отъ туземныхъ жителей для того, чтобы не возбудить подозрѣнія.

Князекъ Дзунъ-засака долго затруднялся, кого ему отправить проводникомъ для столь далекаго путешествія и, наконецъ, на третій день его выборъ остановился на монголѣ по имени Чутунъ-дзамба, который въ совершенствѣ зналъ дорогу, такъ какъ уже десять разъ ходилъ проводникомъ каравановъ богомольцевъ, отправляющихся въ Лхассу.

Договорившись съ нимъ на сравнительно сходныхъ условіяхъ (по 7 ланъ въ мѣсяцъ), путешественники двинулись въ Тибетъ, съ намѣреніемъ попытаться проникнуть такъ далеко, какъ окажется возможнымъ по состоянію материальныхъ средствъ, и рассчитывая пробраться хоть до верховьевъ Голубой рѣки.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Тибетъ.

Тибетское нагорье — Ограничные хребты: Бурханъ-Будда и Шуга. — Условія хожденія по Тибетскимъ пустынямъ. — Обиліе животной жизни. — Трудная зима. — Лишенія отъ недостатка средствъ. — Порядокъ хожденія, ночевка въ юртѣ — Охота на яковъ. — Поэтическая натура Николая Михайловича. — Оронго. — Монголъ Чутунъ-дзамба. — Встрѣча новаго года. — Голубая рѣка. — Рѣшеніе возвратиться.

Грандіозная природа Азіи, проявляющаяся то въ видѣ безконечныхъ лѣсовъ и тундръ Сибири, то безводныхъ пустынь Гоби, то громадныхъ горныхъ хребтовъ внутри материка и тысячeverстныхъ рѣкъ, стекающихъ отсюда во всѣ стороны — ознаменовала себя тѣмъ-же духомъ подавляющей массивности и въ обширномъ нагорьи, наполняющемъ южную половину центральной части этого континента *).

Занимая пространство около 3 милліоновъ квадратныхъ верствъ, страна эта

*) Пржевальскій, „Изъ Зайсака черезъ Хами въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки“, стр. 174.

представляет необъятную столовидную массу, поднятую въ видѣ гигантской естественной крѣпости на страшную высоту въ 13—15,000 ф. надъ уровнемъ моря, ограниченную почти со всѣхъ сторонъ, какъ колоссальными стѣнами, громадными горными цѣпами: Гиммалаями на югѣ, Куэнъ-львемъ на сѣверѣ, горами Памировъ на западѣ, относительно невысокими на своихъ внутреннихъ скатахъ, но на окраинахъ, къ сторонѣ окружающихъ нагорье болѣе низменныхъ равнинъ, развѣивающимися въ могучія горныя системы дѣвкихъ альпійскихъ хребтовъ.

Словно стерегутъ эти великаны трудно доступный для человѣка міръ облачнаго нагорья, непривѣтливаго по своей суровой природѣ.

Это необъятное и высочайшее въ свѣтѣ плоскогоріе,—страна, до путешествій Пржевальскаго почти совершенно не изслѣдованная *),— называется Тибетомъ. Сюда уже въ теченіе многихъ лѣтъ стремились всѣ помыслы Николая Михайловича и теперь онъ достигнулъ, наконецъ, своей завѣтной мечты.

Надъ болотистыми, гладкими какъ полъ, равнинами Цайдама вздымается рѣзко очерченною гигантскою стѣною хребетъ Бурханъ-Будда, составляющій сѣверную грань Тибетскаго нагорья.

Хребетъ этотъ протянулся верстъ на 200 въ длину отъ озера Тосоноръ истока рѣки Баянъ-голь на востокъ до долина рѣки Номохунъ-гола, которая течетъ вдоль южной подошвы Бурханъ-Будда, огибаетъ этотъ хребетъ съ запада и, выйдя въ равнины Цайдама, впадаетъ въ Баянъ-голь. На всемъ обозначенномъ протяженіи горы эти не имѣютъ особенно выдающихся надъ общимъ уровнемъ точекъ и стоятъ непрерывнымъ и массивнымъ гребнемъ.

Названіе свое «Бурханъ-Будда», что въ переводѣ съ монгольскаго языка означаетъ «Богъ-Будда», горы эти получили отъ одного святого гыгена, который нѣсколько сой лѣтъ тому назадъ окрестилъ ихъ этимъ именемъ при переходѣ черезъ нихъ на своемъ обратномъ пути изъ Тибета въ Монголію. Извѣдавъ на себѣ всѣ ужасы Тибетскихъ пустынь и спустившись, наконецъ, въ болѣе теплыя низменныя равнины Цайдама, святой окрестилъ именемъ самого Будды тотъ хребетъ, который стоитъ исполинскимъ стражемъ высокаго, холоднаго и пустыннаго Тибета.

Дѣйствительно, Бурханъ-Будда составляетъ рѣзкую физическую границу странъ, раздѣляемыхъ имъ.

Подъемъ со стороны Цайдама до перевала, находящагося на абсолютной высотѣ 15,300 ф., довольно отлогій и составляетъ разстояніе около 30 в.; къ этому надо прибавить еще промежуточную полосу между хребтомъ и болотами Цайдама, шириною верстъ въ 15, состоящую изъ хрящеватыхъ розсыпей, совершенно бесплодную.

Непосредственно за хребтомъ начинается столовидное плоскогоріе, абсолютная высота котораго составляетъ 13—15,000 ф.

*) Краткая исторія изслѣдованій въ Тибетѣ см. дальше.

Самъ хребетъ Бурханъ-Будда отличается крайнимъ бесплодіемъ, особенно сѣверный его склонъ. Почва состоитъ здѣсь изъ глины, галешника, розсыпей; повсюду торчатъ обнаженные скалы изъ глинистыхъ и кремнистыхъ сланцевъ, сіенита и сіенитоваго порфира.

Растительности здѣсь нѣтъ почти никакой, звѣрей и птицъ также встрѣчается весьма немного.

Южный склонъ немного плодороднѣе сѣвернаго. Здѣсь чаще встрѣчаются ручьи и около нихъ кое-какая травяная растительность, которая, однако, по большей части оказалась выравненной дикими животными, населяющими Тибетъ, а отчасти и домашнимъ монгольскимъ скотомъ, который жители Цайдама пригоняютъ лѣтомъ сюда во избѣжаніе страшнаго бича цайдамскихъ болотъ въ лѣтнюю пору—безчисленныхъ комаровъ, мошекъ и др. насѣкомыхъ.

Несмотря на то, что подъемъ на хребетъ Бурханъ-Будда совсѣмъ не крутой, восхожденіе на перевалъ представило на первыхъ же порахъ чрезвычайныя трудности вслѣдствіе сильной разрѣженности воздуха на столь значительной абсолютной высотѣ, почти равной высочайшимъ вершинамъ Европы, Монблана, Монъ-Розы и др.

— Силы измѣняются здѣсь,—говорить Пржевальскій,—какъ въичнымъ животнымъ, такъ и человеку: чувствуется сильная слабость, дѣлается одышка, голова болитъ и кружится. Зачастую верблюды падаютъ мертвыми; изъ нашего каравана одинъ издохъ мгновенно, а остальные едва взосли на перевалъ *).

Вредное вліяніе на организмъ сильно разрѣженнаго воздуха на Тибетскомъ нагорьи и въ особенности на его порогѣ—хребтѣ Бурханъ-Будда—породило всевозможные рассказы у туземцовъ и у китайцевъ о какихъ-то «вредныхъ испареніяхъ», «чжанъ-цъ», которыя будто бы выходятъ изъ расщелинъ этого хребта.

Вѣроятно, введенный въ заблужденіе подобными рассказами, миссіонеръ Гюкъ, прошедшій здѣсь съ караваномъ буддійскихъ богомольцевъ въ 1845 г., сообщаетъ, что хребетъ этотъ на его сѣверной и сѣверо-восточной сторонѣ замѣчательнень присутствіемъ «заразительныхъ углекислыхъ газовъ», и приводитъ рассказъ о томъ, какъ онъ самъ и всѣ его спутники страдали отъ этихъ газовъ при восхожденіи на перевалъ.

Объ этихъ же вредныхъ газахъ говорится и въ изданномъ И. Р. Г. Общ. переводѣ китайскаго «дорожника» **) (отъ Синина до Лясы). Между тѣмъ, Пржевальскій пробылъ въ сѣверномъ Тибетѣ 2¹/₂ мѣсяца и нигдѣ не встрѣчалъ ничего подобнаго, ни углекислыхъ газовъ, ни какихъ бы то ни было «вредныхъ испареній», и, по его мнѣнію, всѣ трудности, встрѣчаемыя путниками при восхожденіи на высоты Тибета—одышка, неестественная усталость, доходящая до головокруженія и тошноты,—совершенно достаточно объясняются сильною разрѣ-

*) Монголія, стр. 304.

**) Извѣстія И. Р. Г. О. т. IX, стр. 298—305.

женностью воздуха. По этой же причинѣ универсальное топливо Центральной Азіи, аргаль, горитъ здѣсь очень плохо, вода кипятъ при 68° R.

Наконецъ, существованіе здѣсь углекислыхъ или какихъ-либо другихъ вредныхъ газовъ опровергается, по замѣчанію Пржевальскаго, уже однимъ тѣмъ, что на лѣто сюда прикочевываютъ со своими стадами монголы и живутъ огромнѣйшія стада дикихъ животныхъ, что, конечно, въ такомъ случаѣ было бы совершенно невозможно.

У южной подошвы хребта Бурханъ-Будда протекаетъ небольшая рѣка, Номохуль-голь, за узкой, глубоко промытой и довольно плодородной долиной которой возвышается другой хребетъ Шуга, который тянется параллельно первому на протяженіи около 300 в.

По своему характеру Шуга совершенно подобенъ вышеописанному хребту Бурханъ-Будда: здѣсь то же безплодіе и мертвенность, тѣ же голые скаты, отличающіе то красноватымъ, то бурымъ и синеватымъ цвѣтами голой глины, каменныхъ россыпей... На гребнѣ громоздятся въ дикомъ безпорядкѣ огромнѣйшія свалы причудливыхъ очертаній. Точно также и подъемы здѣсь пологи, хотя абсолютная высота перевала горъ Шуга нѣсколько больше, чѣмъ на Бурханъ-Будда.

Еще далѣе къ югу, на разстояніи около 100 в. отъ горъ Шуга уже на границѣ долины Муръ-усу, т. е. Голубой рѣки, проходитъ третій параллельный хребетъ, называемый у монголовъ Баянъ-хара-ула, что означаетъ въ переводѣ «богатія черныя горы», а у тангутовъ извѣстный подъ именемъ Ёграй-воладакцы.

Этотъ послѣдній хребетъ въ отличіе отъ двухъ предыдущихъ характеризуется въ общемъ мягкимъ характеромъ своихъ формъ. Скаты здѣсь вездѣ очень пологи, скалы почти совсѣмъ нѣтъ, почва преобладаетъ песчаная и, благодаря значительному орошенію, покрыта по долинамъ, а отчасти также и по склонамъ горъ болѣе или менѣе обильною травяною растительностью.

Что же касается промежуточнаго пространства между хребтами Шуга и Баянъ-хара-ула, то оно представляетъ собою страшную, совершенно бесплодную пустыню съ средней абсолютной высотой около 14½ тысячъ футъ.

Мѣстность эта имѣетъ характеръ волнистой равнины, въ которой мѣстами разбросаны группы невысокихъ горъ или холмовъ. Только въ сѣверо-западной части этой равнины вздымаются громадныя, покрытыя вѣчными снѣгами горы Гурбу-найджи, составляющія, какъ можно было заключить изъ рассказовъ туземныхъ жителей, восточное начало великой Куэнъ-луньской горной системы.

Замѣчательно, что кромѣ горъ Гурбу-найджи, которыя остались въ сторонѣ отъ пути экспедиціи Пржевальскаго и не были поэтому изслѣдованы имъ лично, всѣ вышеупомянутыя горы: Бурханъ-Будда, Шуга и Баянъ-хара-ула, несмотря на весьма значительную свою абсолютную высоту, не имѣютъ залежей вѣчныхъ снѣговъ.

Этотъ поразительный фактъ объясняется, по мнѣнію Пржевальскаго, тѣмъ

обстоятельствомъ, что горы эти имѣютъ сравнительно незначительную относительную высоту и въ особенности съ южной стороны поднимаются очень немного надъ своею подошвою. Обширныя равнины, раскинувшіяся далѣе къ югу, лѣтомъ нагрѣваются солнечными лучами довольно сильно, и восходящія теплыя воздушныя тѣки сгоняютъ снѣгъ съ самыхъ высокыхъ горныхъ вершинъ.

Кромѣ того, наибольшіе атмосферные осадки выпадаютъ здѣсь лѣтомъ тогда какъ зимы здѣсь обыкновенно очень сухи, и снѣга выпадаетъ далеко недостаточно для того, чтобы могли образоваться глетчерныя залежи.

Возвышенная равнина, раскинувшаяся между хребтами Шуга и Баявъ-хараула, является типичною Тибетскою пустынею. Физическія условія этой мѣстности до крайности суровы. Почва состоитъ изъ глины съ примѣсью песка или гальки и почти вовсе лишена растительности. Кос-гдѣ торчатъ тощія кустики травы, поднимающейся лишь на вѣскольکو дюймовъ надъ поверхностью, да изрѣдка желтовато-сѣрый лишай, типичный представитель мѣстностей крайняго сѣвера, прикрываетъ своими пластинками на футъ или на два оголенную почву, которая мѣстами покрыта, словно снѣгомъ, бѣлымъ налетомъ соли. Поверхность земли повсемѣстно изрыта бороздами или ямами различной величины, выдуваемыми свирѣпствующими здѣсь почти безпреставно бурями. Только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ протекають ключи, образуются кочковатыя болота и травяная растительность здѣсь является въ болшемъ изобиліи, образуя даже жалкое подобіе луговъ. Но даже и въ подобныхъ оазисахъ вездѣ видна мертвая печать пустыни, печальной и безжизненной.

На такихъ лугахъ преобладающимъ и даже почти единственнымъ растеніемъ является одианъ видъ злака, вышиною въ $\frac{1}{2}$ фута, твердаго, какъ проволока и до такой степени высушеннаго вѣтромъ, что подъ ногами путника онъ хруститъ, какъ хворостъ, и разсыпается въ пыль. До какой степени тверды и жестки стебли этого растенія, можно видѣть изъ того обстоятельства, что верблюды, проходя по такимъ лугамъ, накалывали себѣ до крови лапы, несмотря на то, что у этихъ идеальныхъ «кораблей пустыни» ноги обуты въ толстѣйшій кожаный покровъ, позволяющій имъ безъ вреда ходить даже по почвѣ, сплошь устланной островопечными каменными обломками.

Климатъ тибетскихъ пустынь вполне гармонируетъ со всею дикою природою этой страны. Страшные холода и свирѣпыя бури господствуютъ здѣсь всю зиму; весна также характеризуется бурями и частыми снѣжными мятелями; лѣто—постоянными дождями, часто съ крупнымъ градомъ, и только осенью здѣсь случается и стоитъ иногда долго ясная, тихая и довольно теплая погода.

Къ этому времени года и пріурочивается обыкновенно переходъ по Тибету каравановъ богомольцевъ, направляющихся ежегодно изъ различныхъ частей Монголіи въ Лхассу.

Впрочемъ, что касается пилигримства въ Тибетъ, то свѣдѣнія объ условіяхъ путешествій, совершаемыхъ караванами вѣрующихъ буддистовъ къ духов-

тому владыкъ—Далай-ламѣ, Пржевальскій получилъ путемъ разспросовъ туземцевъ и въ особенности своего проводника, а также раньше еще, во время пребыванія въ Алашанскомъ городѣ Дынъ-юань-инѣ, отъ своего пріятели ламы Сорджи. Самому же Николаю Михайловичу не пришлось повстрѣчаться ни съ однимъ изъ подобныхъ каравановъ, такъ какъ, по причинѣ дунганскаго возстанія, пилигримство совершенно прекратилось уже 11 лѣтъ тому назадъ, и теперь въ Лхассу изрѣдка направлялись лишь караваны изъ Цайдама и области Куку-нора, да и то не каждый годъ.

Сборнымъ пунктомъ каравановъ богомольцевъ служитъ озеро Куку-норъ, въ области котораго, на привольныхъ пастбищахъ верблюды, пришедшіе изъ Монголіи, откармливаются и запасаются силами для предстоящаго труднаго путешествія. Нѣкоторые же богомольцы предпочитаютъ отправляться на якахъ, которые, вообще говоря, болѣе приспособлены къ хоженію по дикимъ и суровымъ тибетскимъ пустынямъ, тѣмъ верблюды, но послѣдніе имѣютъ громадное преимущество въ томъ отношеніи, что могутъ идти гораздо скорѣе. На верблюдахъ можно пройти разстояніе отъ куку-норскаго города Донкыра до Лхассы, измѣряющееся приблизительно въ 1,500 — 1,600 верстъ, почти въ два мѣсяца, полагая средніе дневные переходы въ 30 верстъ, тогда какъ на якахъ можно совершить это же самое путешествіе едва лишь въ четыре мѣсяца.

Какихъ-либо постоянныхъ дорогъ въ Тибетъ нѣтъ и помину, но вездѣ есть множество тропинокъ, протоптанныхъ обитающими здѣсь дикими звѣрами. Караваны идутъ всегда напрямикъ, не разбирая дорогъ, а руководствуясь лишь общимъ направленіемъ пути и нѣкоторыми примѣтами мѣстности, извѣстными вожакамъ, много разъ совершавшимъ уже подобныя путешествія.

Изъ Куку-нора караваны отправляются въ сентябрѣ, такъ что въ Лхассу обыкновенно приходятъ въ началѣ ноября. Здѣсь богомольцы обыкновенно проводятъ 2—3 мѣсяца и въ февралѣ пускаются въ обратный путь. Зимой же и лѣтомъ путешествуютъ только въ какихъ-либо исключительныхъ случаяхъ, такъ какъ въ эти сезоны громадныя препятствія составляютъ снѣга или постоянные дожди, и переходы эти сопряжены съ большимъ рискомъ.

Но даже и осеннія, а тѣмъ болѣе весеннія путешествія никогда не обходятся совершенно благополучно. Въ этихъ страшныхъ пустыняхъ всегда гибнетъ много людей, а еще болѣе вьючныхъ животныхъ, такъ что путешественники, отправляясь въ Тибетъ, всегда берутъ про запасъ лишніе вьючныхъ животныхъ на $\frac{1}{4}$, а иногда и на $\frac{1}{3}$ ихъ наличнаго числа. Но и то крупныя несчастія весьма обыкновенны; случается, что путники бросаютъ на дорогѣ всѣ свои вещи и думаютъ только о своемъ собственномъ спасеніи. Такъ, Пржевальскому рассказывали, что незадолго передъ тѣмъ, въ 1870 г. караванъ богомольцевъ, вышедшій изъ Лхассы въ февралѣ, въ числѣ 300 человекъ съ 1,000 вьючныхъ верблюдовъ и яковъ, вслѣдствіе безкормицы, наступившей послѣ того, какъ выпалъ глубокій снѣгъ, и необыкновенно сильныхъ холодовъ, потерялъ всѣхъ почти

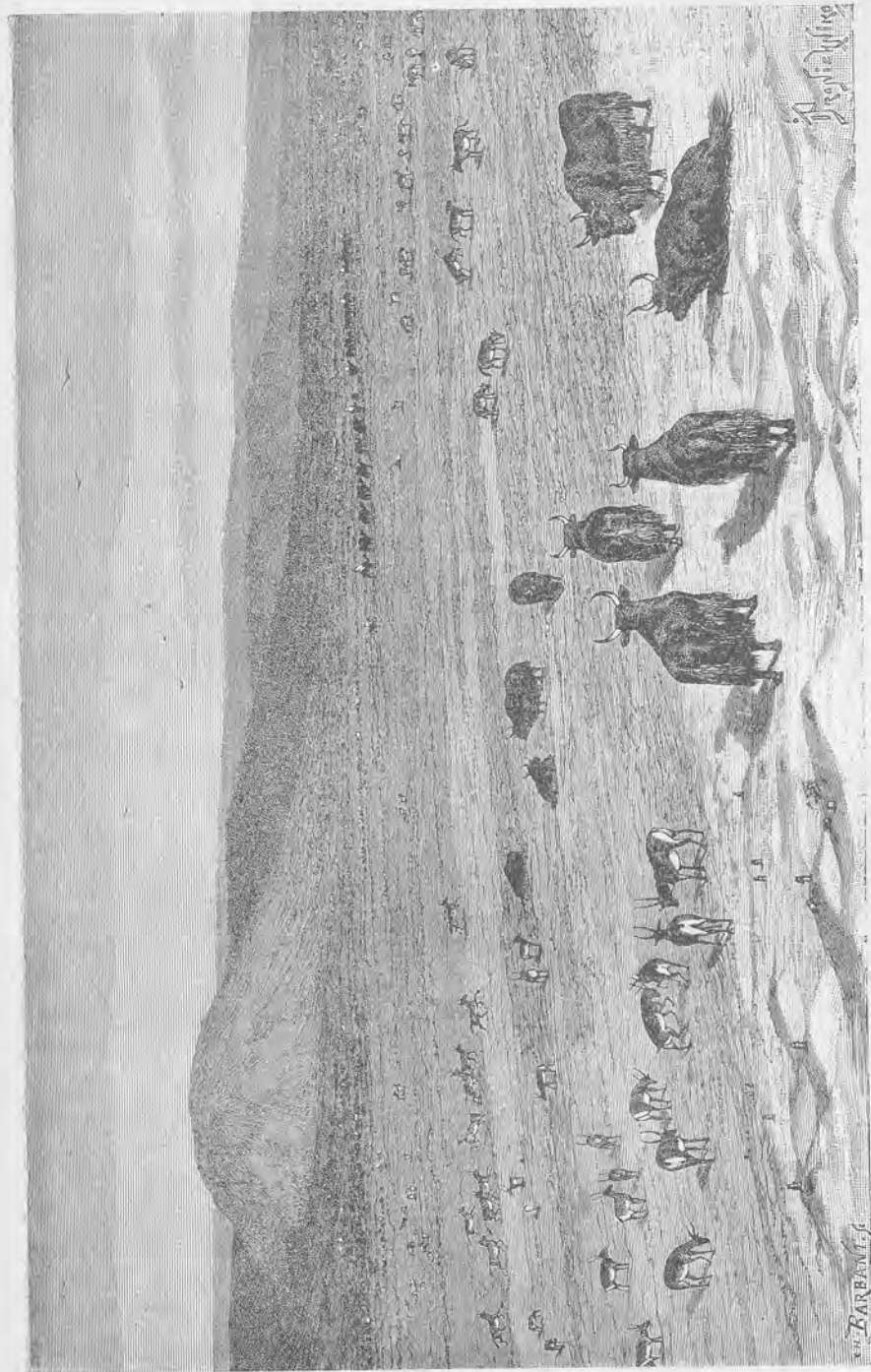
вычбыхъ животныхъ, да и изъ богомольцевъ умерло около 50 человекъ. Одинъ изъ участниковъ этого злополучнаго путешествія рассказывалъ Николаю Михайловичу, что, когда начали падать цѣлыми десятками верблюды и яки, то люди принуждены были бросать товары, которые они везли, и всѣ лишнія вещи; затѣмъ начали понемногу бросать также и вьюки со съѣстными припасами, затѣмъ понѣи пѣшкомъ и несли на себѣ необходимые запасы продовольствія и въ концѣ концовъ удѣлѣно только 3 верблюда, да и то лишь потому, что ихъ кормили дзэмбу. Доставать аргаль для топлива было весьма затруднительно, такъ какъ вся поверхность покрыта была снѣгомъ, а для растопки путешественники употребляли свою собственную одежду, которую разрывали кусками по-очередно. Не проходило дня, чтобы кто-нибудь изъ путниковъ не умиралъ отъ истощенія или не замерзалъ на дорогѣ, а кто заболѣвалъ, беспощадно оставлялся въ пустынѣ на произволъ судьбы.

Казалось бы, что, при столь суровыхъ физическихъ условіяхъ Тибета и при общемъ безплодіи, здѣсь не можетъ быть обилія животной жизни. Но на дѣлѣ выходитъ наоборотъ.

«Не выдавши собственными глазами,—говорить на этотъ счетъ Пржевальскій, невозможно повѣрить, чтобы въ этихъ обиженныхъ природою мѣстностяхъ могло существовать такое громадное количество звѣрей, скопляющихся иногда въ тысячныя стада дикихъ яковъ, хулановъ и различныхъ антилопъ. Только бродя съ мѣста на мѣсто, эти сборища могутъ находить достаточно для себя корма на скудныхъ пастбищахъ пустыни. Но за то звѣри не знаютъ здѣсь своего главнаго врага—человѣка, и, вдали отъ его кровожадныхъ преслѣдованій, живутъ свободно и привольно» *).

«Врядъ-ли гдѣ-либо на другомъ мѣстѣ земнаго шара,—говорить Пржевальскій, также въ описаніи своего третьяго путешествія,—развѣ въ недоступныхъ европейцамъ земляхъ Внутренней Африки и Австраліи можно найти такое количество звѣрей. Встрѣчая на пути иногда въ продолженіе цѣлаго дня сотенныя, а иногда и тысячныя стада яковъ, хулановъ и множество антилопъ, какъ-то не вѣрится, чтобы то могли быть дікія животныя, которыя при томъ обыкновенно довѣрчиво подпускаютъ къ себѣ человѣка, еще не зная въ немъ самаго злого врага своего... Невольно переносясь мыслью въ далекія первобытныя времена, когда подобную картину можно было встрѣтить и въ другихъ странахъ земнаго шара. А теперь только дікія пустыни Тибета, да немногія иныя мѣстности нашей планеты, пока еще уберегли неповинныхъ живстныхъ отъ беспощаднаго уничтоженія ихъ человѣкомъ... Да, его вліяніе страшнѣе и истребительнѣе всяческихъ невзгодъ природы! Ни холода и бури, ни скудный кормъ, ни разрѣженный воздухъ, ни сравнительное обиліе хищниковъ на плоскогорьяхъ Тибета—ничто это, конечно, далеко не можетъ сравниться съ тою роковою гибелью, которую несутъ

*) Монголія, стр. 310.

Животная жизнь вь Тибетъ.

для диких созданий прогрессивно возрастающая культура и такъ называемая цивилизація рода человѣческаго...» *).

Но въ Тибетѣ, начиная отъ хребта Бурханъ-Будда и далеко внутрь страны до истоковъ Годубой рѣки и даже далѣе, до хребта Танъ-ла, стѣдовательно на протяженіи около 800 верстъ въ поперечномъ направленіи, населенія не только осѣдлаго, но даже и кочевго—нѣтъ совсѣмъ.

Дѣйствительно, крайне невыгодныя климатическія и вообще физико-географическія условія тибетскаго плоскогорья дѣлаютъ эту страну непригодною для поселенія человѣка. Не говоря уже про жизнь осѣдлую, связанную съ большей или меньшей степенью развитія культуры, здѣсь по большей части невозможно или, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно затруднительно существовать даже и бродячимъ кочевникамъ.

Не найдется здѣсь достаточно корма для ихъ стадъ, которыя не могутъ подобно дикимъ здѣшнимъ животнымъ безпрестанно переноситься съ одного мѣста на другое, собирая понемногу скудно разсѣянную по поверхности растительность. Кроме того, и самимъ номадамъ трудно свыкнуться съ чрезвычайно разрѣженнымъ воздухомъ, съ крайне рѣзкими переменами температуры, сухости и влажности атмосферы...

Вотъ почему никогда на Тибетѣ не могли большими ордами усѣсться номады, и земля эта, вѣроятно, еще на долго сохранить свое названіе «гурёсу гадзыръ», т. е. «звѣриная страна».

Вернемся однако къ нашимъ путешественникамъ.

22 ноября они выступили изъ ставки цайдамскаго князька Дзунъ-засака и направились прямо на югъ по направленію къ виднѣвшимся отчетливо вдали горамъ Бурханъ-Будда.

Чтобы по возможности облегчить вьючныхъ верблюдовъ въ предстоящемъ имъ тяжеломъ путешествіи, гдѣ даже и малая тяжесть оказывается изнурительною, Пржевальскій оставилъ у Дзунъ-засака всѣ лишніе запасы продовольствія, а лишніе патроны и дробь были закопаны въ россыпяхъ около перевала черезъ хребетъ, когда оказалось, что и оставленные вьюки слишкомъ изнурительны для животныхъ, а одинъ изъ верблюдовъ, какъ выше указано, даже издохъ. Тѣмъ не менѣе потомъ багажъ безпрестанно увеличивался, такъ какъ постоянно прибавлялись новые препараты для коллекцій. Особенно тяжелы были шкуры крупныхъ звѣрей; такъ, шкура яка вѣсила около 7 пудовъ, а двѣ такихъ препарированныхъ для коллекціи шкуры, Пржевальскій даже принужденъ былъ закопать на дорогѣ, и онѣ были взяты уже на обратномъ пути.

Цва съ половиною мѣсяца провелъ Николай Михайловичъ со своими спутниками въ пустыняхъ сѣвернаго Тибета, и это время было самымъ труднымъ періодомъ изъ всей экспедиціи.

*) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, на берега Желтой рѣки, стр. 191.

Время было самое неподходящее для путешествія по Тибету: стояла уже глубокая зима съ безпрестанными сильными бурями и съ трескучими морозами. Несмотря на то, что страна, въ которую вступили путешественники, лежитъ на широтѣ самыхъ теплыхъ областей Европы: южной Греціи, Сиціли, Андалузіи, безпрестанные холода напоминали крайній сѣверъ. По ночамъ безъ перерыва стояли сильные морозы, и термометръ на зарѣ показывалъ—27—29°, а иногда опускались даже до—31° Ц. Правда, съ восходомъ солнца температура начинала довольно быстро повышаться, такъ что около полудня иногда ртуть подымалась въ термометръ даже выше нуля, но лишь солнце пряталось, какъ снова наступалъ холодъ.

Снѣгъ шелъ рѣдко, и зима въ этомъ году вообще отличалась безснѣжіемъ, что было великимъ счастьемъ, такъ какъ выпади сплошной снѣжный покровъ— и животнымъ экспедиціи предстояла бы неминуемая гибель. Снѣжные мятели впрочемъ случались не рѣдко, но снѣгъ былъ всегда мелкій, какъ пыль, и сухой, какъ песокъ, такъ что онъ не въ состояніи былъ образовать сплошного покрова. Буря перемишляла его съ пескомъ и пылью, а затѣмъ онъ окончательно растаивалъ отъ солнечной теплоты. Вообще въ теченіе всей зимы пустыни Тибета лишь изрѣдка бѣлѣли снѣгомъ, да и то не на долго. Даже на вершинахъ высокихъ горъ снѣгъ скоплялся въ очень не большомъ количествѣ и при томъ преимущественно на сѣверныхъ склонахъ.

Но самую характерную черту тибетской зимы составляютъ, по наблюденію Пржевальскаго, пыльные бури, подымавшіяся чуть не каждый день и при томъ съ замѣчательною правильностью. Онѣ всегда случались днемъ и имѣли всегда одно и то же направленіе съ запада или съ сѣверо-запада. Сначала подымался умѣренный вѣтеръ, который все усиливался, къ полудню достигалъ уже силы страшнаго урагана и дулъ такимъ образомъ до заката солнца. Въ это время небо начинало сѣрѣть отъ поднятой въ воздухъ массы пыли, которая все густѣла, такъ что, наконецъ, солнце, свѣтившее, какъ сквозь дымъ, дѣлалось мало-по-малу совсѣмъ не видимымъ. Наступало что то похожее на сумерки, настолько темныя, что даже на разстояніи нѣсколькихъ сотъ шаговъ нельзя было различить даже высокихъ горъ. Пыль, песокъ и мелкіе камешки неслись по воздуху словно снѣгъ въ сильную мятель. Для противъ вѣтра, невозможно было открыть глаза или перевести духъ, такъ какъ и воздухъ насыщенный пылью, дѣлался чрезвычайно тяжелымъ для дыханія.

Даже верблюды, привыкшіе уже ко всякаго рода страшнымъ явленіямъ пустыни, не могли переносить такихъ урагановъ и когда ихъ отпускали на покормку, то они, несмотря на голодъ, тотчасъ же ложились и пригибали головы плотно къ землѣ.

Какъ только солнце скрывалось за горизонтомъ, буря всегда быстро прекращалась, хотя пыль все продолжала держаться въ воздухѣ даже до слѣдующаго утра.

Такимъ образомъ борьба съ физическими условіями въ Тибетскихъ пустыняхъ была весьма трудна. Но еще болѣе всевозможныя трудности положенія путешественниковъ увеличивалась тѣмъ обстоятельствомъ, что у нихъ были слишкомъ стѣснены матеріальныя средства, почему снаряженіе дѣлалось въ очень скудныхъ размѣрахъ.

Теплое одѣяніе, запасенное еще въ Россіи, предъ отправленіемъ въ экспедицію, за два года безпрестаннымъ страствованіемъ до такой степени износилось, что все уже покрыто было заплатами и не могло въ достаточной степени защищать отъ леденящаго холода. Подшубки и куртки были совершенно издраны, сапогъ совсѣмъ не было, такъ что путники своими средствами изготовляли себѣ обувь, подшивая отъ времени до времени куски шкуры убиваемыхъ яковъ къ старымъ голенищамъ...

Бѣ великому счастью букурорскій регентъ, дядя вана, при отправленіи путешественниковъ, подарилъ имъ небольшую войлочную юрту, которая теперь очень пригодилась имъ. Правда, возня съ этою юртою, съ ея установкой на мѣстѣ бивуака и съ укладкой на верблюдовъ при вступленіи, прибавляла очень много работы, но зато она гораздо лучше защищала путешественниковъ отъ морозовъ и бурь, нежели ихъ полотняная палатка.

Порядокъ хожденія по Тибетскимъ пустынямъ былъ очень однообразенъ.

Утромъ, часа за два до разсвѣта, всѣ разомъ вставали и прежде всего принимались варить чай, чтобы согрѣться. При этомъ дѣлался легкій завтракъ— заваривалась чашемъ дзамба, которую ѣли съ масломъ, если оно было, или съ какимъ-нибудь саломъ. Для разнообразія иногда вмѣсто дзамбы приготовляли з а т у р а н ѣ, одно изъ наиболѣе любимыхъ кушаній забайкальскихъ и амурскихъ казаковъ.

Она варится изъ кирпичнаго чая, въ который кладутъ нѣсколько горстей поджаренной на маслѣ муки съ солью, и такимъ образомъ образуется нѣчто въ родѣ супа.

Иногда же, если хотѣли пороскошествовать, казаки ухитрялись печь въ горячей аргальной золѣ лепешки изъ пшеничной муки, которой немного имѣлось въ запасѣ.

Въ хлопотахъ съ приготовленіемъ этого завтрака проходило время до разсвѣта. Затѣмъ приступали къ сборамъ въ дальнѣйшій путь, при чемъ главная работа заключалась въ разбираианіи юрты и въ навьючиваніи ея на верблюдовъ. Все это занимало часа полтора времени, такъ что въ дорогу путешественники выходили уже порядочно уставшіе.

Между тѣмъ, на дворѣ стоитъ тескучій морозъ, и вдобавокъ прямо на встрѣчу дуетъ рѣзкій, холодный вѣтеръ. Сидѣть на лошади при такомъ холодѣ невозможно, а идти пѣшкомъ тяжело, тѣмъ болѣе что охотничьи принадлежности: ружье, патронташъ и сумка составляютъ вмѣстѣ поклажу около полу-пуда, а на высокомъ плоскогоріи, въ разрѣженномъ воздухѣ каждый лишній фунтъ ноши

бавляет не мало силъ; малѣйшій подъемъ кажется труднымъ, чувствуется одышка, сердце бьется очень учащено, руки и ноги трясутся, а по временамъ начинается даже головокруженіе и рвота.

Очень часто случалось, что къ полудню уже поднималась буря, и воздухъ наполнялся тучами пыли и песку. Тогда идти дальше становилось уже невозможно, и путешественники останавливались, несмотря на то, что успѣли сдѣлать переходъ всего версть въ десять или даже меньше.

Однако же даже и при наилучшихъ обстоятельствахъ, когда погода сравнительно благопріятствовала, невозможно было пройти большое разстояніе, такъ какъ въ Тибетѣ переходъ въ 20 версть утомляетъ людей и животныхъ сильнѣе, чѣмъ разстояніе даже въ двое большее въ какой-нибудь другой мѣстности.

Но вотъ, наконецъ, усталость сказывается настолько сильно, что является необходимость остановиться на бивуакѣ.

Здѣсь опять начинается прежняя процедура развьючиванія верблюдовъ, установка юрты, что опять занимаетъ не мало времени.

Юрта имѣла 11 ф. въ діаметрѣ при основаніи и 9 ф. высоты отъ низа до верхняго отверстія, служившаго вмѣстѣ окномъ и дымовою трубою. Трехфутовая дверь служила лазейкою въ это жилище, остовъ котораго состоитъ изъ подвижно скрѣпленныхъ и потому развигающихся деревянныхъ рамъ. Съ боковъ этотъ деревянный остовъ обтягивается тремя войлоками и двумя сверху; кромѣ того, для большаго тепла путешественники съ теченіемъ времени пріумились подкладывать и подтыкать боковые войлоки шкурами звѣрей, которыя у нихъ имѣлись въ изобиліи.

Внутреннее убранство этого переноснаго жилища не отличалось комфортабельностью. Два походныхъ сундука, въ которыхъ заключались книги, бумаги, инструменты и т. п. вещи, служили мебелью; войлоки и другія принадлежности постели, оружіе и проч. размѣщались вдоль стѣнъ юрты, а посрединѣ, какъ разъ подъ отверстіемъ, устанавливался желѣзный таганъ и подъ нимъ зажигался аргаль, который, за исключеніемъ ночи, горѣлъ непрерывно весь день, какъ для приготовления чая и обѣда, такъ и для теплоты.

Мало-по-малу за деревянныя клѣтки боковъ и подъ колья кровли подсовывалось то то, то другое, такъ что къ вечеру, въ особенности послѣ того какъ путники раздѣвались на ночь, весь потолокъ юрты увѣшивался обувью, чулками, подвертками и тому подобными украшеніями.

Лишь только окончена установка юрты, нужно идти собирать аргаль, рубить ледъ для воды, и усталые, голодные путешественники съ нетерпѣніемъ ждуть, когда, наконецъ, сварятся чай. «Съ жадностью ѣшь тогда, — говоритъ Николай Михайловичъ, — отвратительное мѣсиво дзамбы съ масломъ и радъ радехонекъ, что хотя подобнымъ кушавьемъ можно утолить свой голодь» *).

*) Монголія, стр. 332.

Перекусивши такимъ образомъ на скорую руку, Прижевальскій съ товарищемъ обыкновенно отправлялся на охоту, если это позволяла погода, или же Николай Михайловичъ садился писать свой дневникъ, а казаки принимались за приготовленіе обѣда, для чего снова рубятся ледъ и замерзшее мясо. То и другое клалось въ котель, въ которомъ предварительно загиблились дырки кусочками сырой кожи и размятою дзамбою...

Дѣло въ томъ, что единственная посуда: котель и чайникъ отъ времени уже успѣли издыраться и пришли въ совершенную негодность. Но за неимѣніемъ лучшихъ, путешественники ухитрились приготовить нищу и въ этихъ посудинахъ и ежедневно загиблили дырки. Впослѣдствіи, когда дыры сдѣлались уже настолько большими, что прежнимъ способомъ ихъ нельзя было загиблять, побуждаемые необходимостью, путешественники починили ихъ болѣе основательно, заклепавъ дыры мѣдью, для чего пошли мѣдныя гильзы отъ ружейныхъ патроновъ.

При недостаткѣ кислорода въ разрѣженномъ воздухѣ, аргаль горѣлъ очень плохо, и на слабomъ его огнѣ обѣдъ едва успѣвалъ лишь часамъ къ 6 или даже 7 вечера. Проголодавшіеся путники съ волчьимъ аппетитомъ набрасывались на эту трапезу и насыщались на цѣлыя сутки. Обѣдъ всегда былъ очень сытный, такъ какъ теперь они могли ѣсть вдоволь мяса, въ которомъ въ Тибетѣ никогда не было недостатка при вышеописанномъ изобиліи здѣсь дичи.

Прижевальскій говоритъ, что въ Тибетѣ охотой совершенно свободно можно кормить отрядъ даже въ нѣсколько сотъ человекъ; за 2¹/₂ мѣсяца, проведенные здѣсь, онъ со своими товарищами успѣлъ убить 76 крупныхъ звѣрей, изъ которыхъ однихъ яковъ было 32. «Если, говоритъ онъ, положить въ якахъ среднимъ числомъ по 25 пудовъ мяса, а въ остальныхъ по 2 п., то выходитъ, что за это время добыто было 900 пуд. мяса!»

Но бѣда въ томъ, что пригоовленіе этого мяса въ нищу было сопряжено съ большими затрудненіями: огонь аргала былъ слишкомъ слабъ для того, чтобы мясо можно было жарить, а приходилось варить, разрубивъ его на мелкіе кусочки. Да и то по большей части приходилось ѣсть это мясо полусырымъ, такъ какъ, опять-таки вслѣдствіе той же разрѣженности атмосферы вода не нагрѣвалась выше 68° R. и, чтобы мясо сварилось, какъ слѣдуетъ, пришлось бы ждать часовъ 8—10, чего никакъ не позволяли пустые желудки путешественниковъ.

Послѣ обѣда, который вмѣстѣ съ тѣмъ являлся и ужиномъ, предстояла новая работа. Такъ какъ на трескучемъ морозѣ всѣ лужи и ручьи промерзли до самого дна, а снѣгу также достать было нельзя, то приходилось еще ежедневно добывать воду для двухъ, имѣвшихся въ караванѣ, верховыхъ лошадей. Опять рубили ледъ мелкими кусочками и въ томъ же самомъ продыривленномъ котлѣ часа два на слабomъ огнѣ тлѣющаго аргала таяли нужные два ведра воды. Къ счастью верблюды оказывались болѣе приспособленными къ мѣстнымъ условіямъ: для нихъ не было необходимости разстывать ледъ, а достаточно было только нарубить его мелкими кусочками, который они и ѣли вмѣсто снѣга.

Наконецъ, покончена и эта послѣдняя работа. Лошади напоены, верблюды накормлены льдомъ и всѣ животныя пущены на пастбу. Наступаетъ длинная зимняя ночь.

Казалось было, что, послѣ тяжелыхъ дневныхъ трудовъ, ночной отдыхъ долженъ былъ имѣть особенную привлекательность для изнуренныхъ путешественниковъ, но на дѣлѣ выходило совершенно иначе: это было самое тяжелое время изъ всѣхъ сутокъ.

Усталость обыкновенно переходила предѣлы и проявлялась истомленіемъ всего организма; при такомъ полуболѣзненномъ состояніи спокойный отдыхъ оказывался невозможнымъ. При томъ же разрѣженности воздуха и крайняя сухость его оказывали свое вліяніе: во время сна всегда являлось удуше, вродѣ тяжелаго кошмара, ротъ и губы очень сохли. Спать можно было не иначе, какъ съ очень высокимъ изголовьемъ, въ полусидячемъ положеніи. «Прибавьте къ этому,—говоритъ Пржевальскій,—что наша постель состояла изъ одного войлока, насквозь пропитаннаго пылью и посланнаго прямо на мерзлую землю. На такомъ-то логовищѣ и при сильномъ холодѣ безъ огня въ юртѣ, мы должны были валяться по десяти часовъ сряду, не имѣя возможности спокойно заснуть, и, хотя на это время, забыть всю трудность своего положенія» *).

Вообще зимовка въ Тибетѣ была исполнена всевозможныхъ трудностей при полномъ отсутствіи, не только какихъ-бы то ни было жизненныхъ удобствъ, но даже многого самаго необходимаго. «Жизнь наша, говоритъ Николай Михайловичъ, была въ полномъ смыслѣ «борьба за существованіе»,—и только сознаніе научной важности предпринятаго дѣла давало намъ энергію и силы для успешнаго выполненія своей задачи» **).

Дѣйствительно, обиліе звѣрей дѣлало очень интересными зоологическія изслѣдованія проходимыхъ областей, не говоря уже про то что въ такой неизслѣдованной странѣ, какою являлся въ то время (да въ сущности и до настоящаго времени) Тибетъ, всякія физико-географическія, топографическія и т. п. наблюденія представляли большую важность для науки.

Тѣ дни, которые посвящались охотничьимъ и научнымъ экскурсіямъ, являлись болѣе отрадными и вносили много разнообразія въ жизнь. Но сильные морозы и безпрестанныя бури дѣлали такія экскурсіи чрезвычайно затруднительными, а иногда даже и совершенно невозможными.

Даже и въ томъ случаѣ, когда вѣтеръ не превращался въ настоящую бурю, но достигалъ лишь средней силы, что случалось уже рѣшительно каждый день, и тогда являлся большою помѣхою.

«Не говоря про холодъ, заставлявшій охотиться въ наушникахъ, рукавицахъ, кушлянкахъ или полшубкахъ, сильно затруднявшихъ свободныя движенія,

*) Монголія, стр. 334.

***) Тамъ же, стр. 331.

отъ дѣйствія встрѣчнаго вѣтра *) глаза постоянно были полны слезъ, что, конечно, чрезвычайно портило мѣткость выстрѣла. При томъ руки иногда такъ мерзли, что даже въ скорострѣльный штуцеръ трудно было вложить патронъ, не отогрѣвъ предварительно окоченѣвшихъ пальцевъ. Да наконецъ, на сильномъ морозѣ каморы штуцеровъ такъ сильно сжимались, что послѣ выстрѣла очень трудно было достать пустую гильзу и приходилось ее выбивать шомполомъ... Отъ мороза и пыли, набившейся въ механизмъ, очень часто происходили осѣчки и патронъ выстрѣливалъ только послѣ вторичнаго удара боевой пружины» **).

Между тѣмъ, какъ мы увидимъ дальше, охоты были не всегда безопасныя, такъ что всякая осѣчка могла оказаться роковой для охотника.

Разрѣженность воздуха точно также являлась обстоятельствомъ, сильно затруднявшимъ охоту, такъ какъ невозможна была выносливость, столь необходимая охотнику,—и пройдя совсѣмъ немного, онъ чувствовалъ уже большую усталость.

Впрочемъ, звѣрей было такъ много, что ходить за ними далеко и подкрадываться почти нѣкогда не приходилось, развѣ только нужно было выслѣживать экземпляръ, почему-либо особенно цѣнный для науки. Но по большей части охотились по сосѣдству съ мѣстомъ бивуака или отойдя отъ юрты на версту, другую.

Хотя описаніе животныхъ, изученныхъ Пржевальскимъ на мѣстахъ ихъ свободной жизни, будетъ приведено дальше, но мы позволимъ себѣ привести здѣсь нѣсколько интересныхъ эпизодовъ изъ его охотничьихъ экскурсій во время этой трудной зимовки въ Тибетскихъ пустыняхъ.

Самымъ характернымъ и замѣчательнымъ животнымъ здѣсь является длинношерстый быкъ или якъ.

Животное это достигаетъ громаднхъ размѣровъ, 11 ф. длины, а вмѣстѣ съ хвостомъ даже 14 ф. и имѣеть 35—40 пуд. вѣса. Обладая громадною силою и удивительною жизненною крѣпостью, быкъ этотъ при своей свирѣпости является чрезвычайно опаснымъ объектомъ охоты, такъ какъ рассчитывать убить его на повадь невозможно, а между тѣмъ раненный звѣрь очень часто бросается на охотника. Если бы, при всѣхъ перечисленныхъ качествахъ, якъ имѣлъ еще хотя немного болѣе мужества и сообразительности, то онъ являлся бы необыкновенно опаснымъ противникомъ и былъ бы страшнѣе тигра и льва. Но въ томъ то и дѣло, что это колоссальное животное природа сильно одѣлила умственными способностями, такъ что для смѣлаго и хорошо вооруженнаго охотника онъ оказывается довольно безопасною дичью.

Для обыкновенно ходить болѣе или менѣе многочисленными стадами, и въ такомъ случаѣ приближеніе человѣка сначала ихъ не пугаетъ, но лишь раздается

*) А вѣдь на охотѣ всегда необходимо идти противъ вѣтра, чтобы обмануть чуткость звѣря.

**) Тамъ же, стр. 334.

выстрѣль, они пускаются на уходъ, пока охотникъ снова не подойдетъ на разстояніе выстрѣла и не пошлетъ новую пулю.

Но старые быки по большей части бродятъ въ одиночку и вотъ эти-то быки по причинѣ своей бѣльшей раздражительности по большей части и являлись предметомъ охоты. Такой звѣрь, будучи раненъ, обыкновенно бросается на охотника. И тѣмъ страшнѣе становится это животное, что нельзя рассчитывать убить его навѣрное даже при самомъ полномъ искусствѣ и хладнокровіи стрѣлка. Пуля изъ превосходнаго штуцера не пробиваетъ кости черепа, если только не

Охота на яка съ собаками.

попадетъ прямо надъ мозгомъ, количество котораго ничтожно въ сравненіи съ громадными размѣрами головы. Пуля же, попавшая въ туловище, только въ самомъ исключительномъ случаѣ можетъ убить этого звѣря наповаль, какъ, напр., если по случайности перебьетъ прямо позвоночный столбъ. Слѣловательно, даже въ томъ случаѣ, если приходится стрѣлять даже въ упоръ, никакимъ образомъ нельзя рассчитывать на благополучный исходъ борьбы съ этимъ гигантомъ Тибетскихъ пустынь.

Но стрѣлка въ такихъ случаяхъ выручаетъ глупость и нерѣшительность яка, который, несмотря на всю свою силу, чувствуетъ непреодолимый страхъ передъ смѣлымъ человекомъ.

Охота на яка съ собаками.

Подкрасться въ яку на выстрѣль и даже очень близко совсѣмъ нетрудно, такъ какъ животное это не обладаетъ хорошимъ зрѣніемъ и слухомъ. Кромѣ того въ Тибетѣ животныя еще не научились видѣть въ человѣкѣ своего страшнаго врага.

Не испытавъ еще раньше преслѣдованій съ его стороны, колоссальный звѣрь, увѣренный въ своей силѣ, не сграшится приближающагося къ нему человѣка и только пристально смотритъ на него и махаетъ хвостомъ—признакъ раздраженнаго состоянія. Если охотникъ все приближается, то звѣрь, наконецъ, пускается на уходъ. Въ такомъ случаѣ очень удобно преслѣдовать его собаками, которыя легко догоняютъ звѣря, хватаютъ его за хвостъ или за бахрому и принуждаютъ остановиться. Разсвирѣпѣвшее животное бросается тогда то на одну, то на другую собаку, которыя, однако, легко могутъ увернуться отъ его роговъ, а между тѣмъ охотникъ подбѣгаетъ и начинаетъ стрѣлять.

Но и помимо того часто пуля, посланная въ догонъ убѣгающему звѣрю, приводитъ его въ ярость, и онъ бросается на своего преслѣдователя.

При такомъ нападеніи ясно обнаруживалась глупость этого животнаго. Въмѣсто того, чтобы выбрать одно изъ двухъ: или уходить, или смѣло напасть на врага, якъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ въ сторону охотника, останавливался въ нерѣшительности, яростно вертя своимъ пушистымъ хвостомъ и уставившись своими свирѣпыми глазами. Между тѣмъ онъ получалъ новую пулю, снова бросался впередъ и снова черезъ нѣсколько мгновеній останавливался, скованный страхомъ. Въ концѣ концовъ звѣрь падалъ мертвымъ, получивъ послѣдовательно цѣлый десятокъ, а иногда и гораздо больше пуль и все-таки не добѣжавъ до охотника еще съ сотню шаговъ.

Случалось также, что уже во время нападенія, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, онъ вдругъ терялъ мужество и обращался въ бѣгство, но, получивъ еще пулю въ догонку, снова чувствовалъ приступъ ярости, пересиливавшей страхъ, и снова переходя въ нападеніе, по прежнему напращивался на выстрѣлы.

Изъ 32 яковъ, убитыхъ за все время пребыванія нашихъ путешественниковъ въ Тибетѣ, только двое приблизились такимъ образомъ къ охотнику шаговъ на 40 и, вѣроятно, подошли бы и еще ближе, если бы смерть не наступала ихъ здѣсь. Но вообще, по наблюденію Пржевальскаго, чѣмъ ближе подходилъ нападающій звѣрь къ своему врагу, тѣмъ трусливѣе становился онъ и тѣмъ неохотнѣе подавался впередъ.

Вотъ для примѣра одинъ изъ эпизодовъ охоты на яка.

Однажды, — рассказываетъ Николай Михайловичъ, — я замѣтилъ недалеко отъ нашей юрты трехъ яковъ, мирно пасшихся въ горной долинкѣ. Я тотчасъ же направился къ нимъ и, приблизившись шаговъ на 200, выстрѣлилъ въ самаго большого изъ нихъ. Всѣ трое тотчасъ же бросились бѣжать, но, прогалоцировавъ съ полверсты, остановились. Я опять подкрался къ нимъ шаговъ на 300 и снова выстрѣлилъ въ прежде раненаго уже звѣря.

Нуррало

Охота на яка.

Оба его товарища опять бросились на уходъ, но дважды раненный великая остался на мѣстѣ и не спѣша направился въ мою сторону. Со мною былъ скорострѣльный штуцеръ Бердана. Изъ него я пускалъ въ яка одну пулю за другою; онѣ били какъ въ мишень, даже видно было, какъ летѣла шерсть и пылъ съ того мѣста шкуры, куда попадала пуля, но звѣрь все-таки приближался ко мнѣ, то неуклонно, то отбѣгая назадъ, получивъ слишкомъ чувствительный ударъ. Онъ находился шагахъ въ полтораста, когда я разстрѣлялъ всѣ бывшіе со мной тринадцать патроновъ, и, оставивъ одинъ зарядъ на всякій случай неизрасходованнымъ, бѣгомъ пустился въ юрту за новыми снарядами. Здѣсь я пригласилъ своего товарища, взялъ еще одного изъ казаковъ и мы втроемъ отправились добывать могучаго звѣря. Между тѣмъ наступили уже сумерки, что для насъ было очень невыгодно, такъ какъ мѣткій прицѣлъ былъ уже невозможенъ.

Когда мы пришли къ тому мѣсту, гдѣ остался якъ, то нашли его лежащимъ на землѣ; только поднятая голова со страшными рогами свидѣтельствовала, что якъ еще живъ. Мы приблизились къ нему шаговъ на сто и выстрѣлили залпомъ. Въ то же мгновеніе звѣрь вскочилъ и бросился къ намъ. Тогда мы начали сыпать въ него пулями изъ трехъ скорострѣльныхъ штуцеровъ, но звѣрь все продолжалъ неуклонно приближаться и, наконецъ, подошелъ шаговъ на сорокъ. Еще залпъ—и якъ, взмахнувъ хвостомъ, пустился на уходъ, но, отбѣжавъ шаговъ съ сорокъ, подъ непрекращающимся градомъ сыпавшихся на него пуль, снова остановился и перешелъ въ наступленіе. Въ это время уже совершенно стемнѣло, и я прекратилъ пальбу, такъ какъ можно было поручиться, что звѣрь не переживетъ полученныхъ ранъ. И дѣйствительно на завтра утромъ якъ найденъ былъ мертвымъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ его оставили вчера. Когда трупъ осмотрѣли, то оказалось, что въ головѣ его засѣло три пули, но ни одна не была въ состояніи совсѣмъ пробить черепъ и провякнуть въ полость. Одна изъ нихъ угодила прямо въ лѣвый глазъ, разрушила глазное яблоко и, пройдя около дюйма по кости черепа, раздробилась сама на мелкіе кусочки. Кромѣ того въ гуловищѣ насчитали засѣвшими 15 пуль, а остальные только скользнули по непроницаемой кожѣ, въ поддюйма толщиной.

Другой интересный случай былъ нѣсколько иного сорта.

Бродя по горамъ, Николай Михайловичъ вдругъ замѣтилъ трехъ лежащихъ подъ выступомъ скалы яковъ *), которые не подозрѣвали угрожающей имъ опасности и спокойно отдыхали. Не долго думая, отважный охотникъ прицѣлился и выстрѣлилъ въ одного изъ нихъ. Всѣ трое моментально вскочили на ноги, но, не понимая, въ чемъ дѣло, такъ какъ охотникъ былъ имъ невидимъ за выступомъ

*) Замѣчательно, что яки не выносятъ теплоты и несмотря на то, что въ это время года температура даже и въ самое жаркое время дня держалась около 3 — 4° ниже нуля, они всегда прятались отъ солнечныхъ лучей въ тѣнь и выбирали для отдыха всегда съ-верную сторону склона горы.

скалы, остались на мѣстѣ. Вторая пуля, направленная въ того же самаго звѣря, попала такъ ловко, что убила его наповаль.

Остальные два товарища продолжали по прежнему стоять, помахая по своему обыкновению хвостами. Третій выстрѣлъ былъ также очень удаченъ: онъ перебилъ второму яку ногу, и тотъ поневолѣ долженъ былъ остаться на мѣстѣ. Тогда Николай Михайловичъ направилъ свой огонь въ послѣдняго оставшагося звѣря, но съ этымъ удалось не такъ-то скоро покончить.

Послѣ перваго-же выстрѣла, якъ бросился на смѣлаго охотника, но, пробѣжавъ шаговъ десятокъ, остановился. Новый мѣткій выстрѣлъ — и звѣрь, ринувшись на проломъ, подбѣгаетъ еще ближе... Послѣ седьмой пули, наконецъ, великанъ подбѣжалъ уже шаговъ на сорокъ къ своему врагу, какъ вдругъ силы ему измѣнились, кровь хлынула ручьемъ изъ горла, и онъ тяжело рухнулъ на землю.

Пристрѣливъ потомъ безъ труда лежащаго съ перебитою ногой второго яка, Николай Михайловичъ покончилъ со всѣми тремя. Такимъ образомъ, не сходя съ мѣста, онъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ убилъ трехъ огромныхъ животныхъ, изъ тушъ которыхъ можно было добыть около 80 пудовъ прекраснаго мяса!

Когда онъ осмотрѣлъ того изъ поверженныхъ гигантовъ, который старался продать свою жизнь дороже, чѣмъ его два товарища, то оказалось, что всѣ 7 пуль были посажены въ грудь рядкомъ, «словно пуговицы».

«Нужно знать страшную силу штудерной пули, — говорить по этому случаю Пржевальскій, — чтобы понять, насколько былъ крѣпокъ звѣрь, который могъ выдержать семь подобныхъ ударовъ чуть не въ упоръ!»

Вотъ почему монголы страшно боятся дикаго яка, и Пржевальскій не разъ слышалъ рассказы, что цѣлый караванъ богомольцевъ, встрѣтивъ въ узкомъ ущельѣ лежащаго быка, останавливается и терпѣливо ожидаетъ, пока тотъ уйдетъ съ дороги, не рѣшаясь сами дерзновенно нарушить покой могучаго звѣря.

Впрочемъ и среди туземцевъ находятя смѣльчаки, которые отваживаются на опасную охоту за якомъ, соблазняясь его мясомъ и шкурою, такъ что, по словамъ Пржевальскаго, «предельность обжорства пересиливаетъ у нихъ трусость». Но на такую рискованную охоту отправляются не иначе, какъ значительною партією, человекъ въ десяти. Не рѣшаясь, однако, вступить со свирѣпымъ гигантомъ въ открытый бой, охотники стараются подкрасться къ яку въ то время, когда тотъ предается покою, и, помѣстившись сами за какимъ-нибудь прикрытіемъ, стрѣляютъ залпомъ, а сами немедленно прячутся, въ ожиданіи, что будетъ далѣе.

Слабый ударъ фитильнаго ружья, которое обыкновенно заряжается очень маленькими пулями, а часто даже камешками, облитыми снаружи свинцомъ, обыкновенно причиняетъ не много вреда могучему звѣрю. По большей части, послѣ подобнаго залпа, нарушившаго его покой, не видя никого, раненый якъ уходитъ, а охотники слѣдуютъ за нимъ издали, и если хоть нѣсколько пуль пошло хорошо, то на завтра, а иногда лишь черезъ нѣсколько дней звѣря находятъ мертвымъ, и тогда начинается пиршество.

Но случается и такъ, что раненый якъ, убѣгая, встрѣчаетъ на своемъ пути стреноженныхъ лошадей охотниковъ и убиваетъ ихъ своими могучими рогами, наконецъ, нерѣдко случаются несчастя и съ самими охотниками, почему на подобныя отчаянныя подвиги отваживаются только самыя горячія головы.

Но для неустрашимого, страстнаго охотника, каковымъ былъ Николай Михайловичъ, имѣвшій при томъ въ своемъ распоряженіи превосходное вооруженіе, охота на яковъ представлялась необыкновенно заманчивою, именно, вслѣдствіе своей опасности.

Всякую свободную минуту, какъ только состояніе погоды не ставило этому непреодолимаго препятствія, онъ удѣлялъ охотѣ, предавался ей со страстью, съ упоеніемъ и въ своемъ вепомѣрномъ увлеченіи иногда доходилъ до полнаго изнуренія силъ своего организма.

Кромѣ яковъ постоянными объектами его охотничьяго пыла являлись бѣло-грудый аргали (*Ovis Poliï*), антилопа оронго (*Antilope Hodgsonii*), адалзерень, тибетскіе волки, лисцы и ярссы, наконецъ, могучія хищныя птицы: грифы и ягнятники и т. п.

Даже при всѣхъ неимоверныхъ трудностяхъ на трескучемъ морозѣ и сильномъ вѣтрѣ въ дырявомъ полушубкѣ и въ самодѣльныхъ сапогахъ, уставшій, Николай Михайловичъ видѣлъ преимущественно поэтическую сторону охоты и, коченѣя отъ холода, находилъ возможнымъ подолгу сидѣть гдѣ-нибудь въ засадѣ, любуясь дикими животными въ ихъ естественномъ состояніи.

Вотъ какъ, напр., онъ описываетъ свое восхищеніе бѣлогрудымъ аргали: «...Самецъ обыкновенно бѣжить впереди и, сдѣлавъ нѣсколько сотъ шаговъ, останавливается, а за нимъ и все стадо. Столпившись густою кучею, оно смотритъ въ ту сторону, откуда явилась опасность; самецъ въ это время весьма часто взбирается на ближайшій холмъ или на скалу, чтобы лучше разсмотрѣть, въ чемъ дѣло...

«Чудно красивъ въ такой позѣ этотъ звѣрь, котораго стройный станъ рѣзко обрисовывается на вершинѣ скалы, а грудь блестятъ на солнцѣ снѣжною бѣлизною...

«Я нѣсколько разъ задавалъ себѣ вопросъ, кто красивѣе: якъ или бѣлогрудый аргали? и лучшаго отвѣта дать не могъ, что каждый изъ этихъ звѣрей хорошъ по своему.

Мощное туловище яка, громадные рога, длинная бахрома волосъ, свѣшивающихся почти до земли, густой хвостъ, наконецъ, черная окраска звѣря безспорно дѣлаетъ его весьма красивымъ; но, съ другой стороны, стройный аргали, съ большими круто изогнутыми рогами, ярко-бѣлою грудью и гордою походкою, имѣетъ также полное право считаться великолѣпнымъ животнымъ Тибетскихъ пустынь» *)...

Это, конечно, не сантиментальныя изліянія празднаго зрителя, а восхищеніе

*) Монголія, стр. 322.

натуралиста, наблюдающего неизвѣстныхъ еще наукѣ интересныхъ животныхъ въ ихъ родной обстановкѣ среди дѣвственной природы.

Какъ и раньше, во время своей Уссурийской экспедиціи, Пржевальскій всегда старался возможно полнѣе изучить біологическія особенности животныхъ, за которыми онъ охотился. И въ этомъ отношеніи всѣ его наблюденія оказываются чрезвычайно цѣнными для науки, а необыкновенно тонкая наблюдательность и способность живо и увлекательно излагать добытые матеріалы дѣлаютъ его книги чрезвычайно интересными даже и для неспеціалистовъ

А р г а л и.

Возьмемъ для примѣра его краткое, но характерное описаніе біологіи антилопы оронго.

... Мѣстомъ своего жительства оронго выбираетъ горныя долины и волнистыя стени... Вода для этого звѣря такъ же необходима, какъ для яка или хулана, а потому описываемая антилопа держится исключительно въ тѣхъ мѣстахъ пустыни, гдѣ есть рѣчки и ключи... Оронго живетъ небольшими обществами отъ 5 до 20 и даже 40 экземпляровъ и только на особенно хорошихъ пастбищахъ онѣ скопляются стадами въ нѣсколько сотъ головъ. Въ стадѣ всегда есть вожаки изъ старыхъ самцовъ, болѣе опытныхъ и осторожныхъ, нежели самки; впрочемъ, оронго вообще мало остороженъ. При бѣгствѣ стада самцы всегда слѣдуютъ по-

А р г а л и .

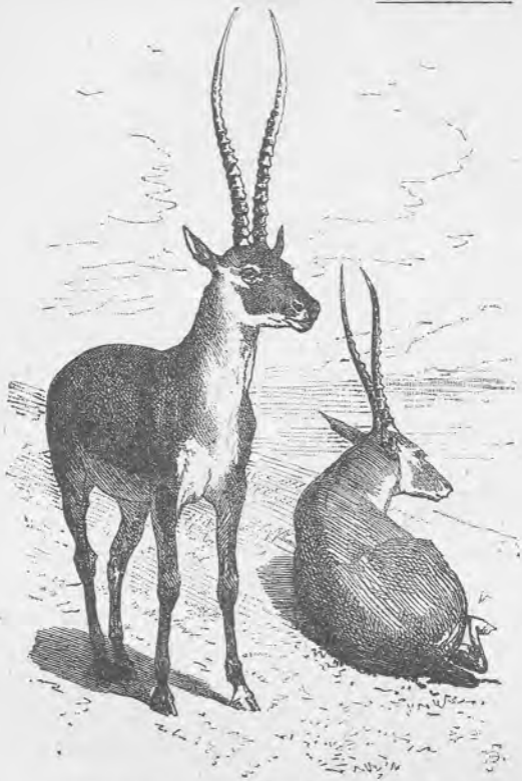
Антилопа оронго (Pantholops Hedgsoni).

зади, словно прикрывая отступление... Во время спокойного хода или даже и при быстромъ бѣгѣ самецъ постоянно держитъ рога вертикально, что чрезвычайно красиво это граціозное животное. При томъ бѣгѣ у него всегда рысистый и до того быстрый, что издали невозможно замѣтить, какъ мелькаютъ ноги; оронго легко уходитъ отъ преслѣдованія собакъ и волковъ.

Въ зимніе мѣсяцы, именно какъ разъ когда Николай Михайловичъ былъ въ Тибетѣ, у оронго былъ періодъ спариванія. Въ это время каждый взрослый самецъ находится въ очень возбужденномъ состояніи. Онъ мало ѣстъ, такъ что запасенный лѣтомъ жиръ быстро спадаетъ и, собравъ вокругъ себя гаремъ изъ 10 или 20 самокъ, строго и неусыпно наблюдаетъ, чтобы

которая-нибудь изъ нихъ не соблазвилась инымъ кавалеромъ. Завидѣвъ другого самца, законный владѣтель стада бросается къ нему на встрѣчу, наклонивъ впередъ рога и издавая глухой отрывистый ревъ. Дѣло часто доходитъ до серьезныхъ дракъ, въ которыхъ острые и длинные рога являются страшнымъ оружіемъ, такъ что противники сильно, а иногда даже и смертельно, ранятъ другъ друга. Когда одинъ изъ борцовъ чувствуетъ себя слабѣе, то пускается на уходъ. Противникъ его преслѣдуетъ и если уходящій видитъ, что ему не избѣжать удара, то онъ въ одно мгновеніе оборачивается и наклоненными рогами встрѣчаетъ нападеніе соперника. Задоръ разгоряченныхъ звѣрей бываетъ иногда такъ великъ, что однажды, во время такой драки одинъ изъ самцовъ, насквозь пробитый пулею Николая Михайловича, все-таки продолжалъ еще нѣсколько минутъ свою битву, пока не грохнулся на мѣтѣ, какъ подкошенный.

Если какая-нибудь самка изъ гарема вздумаетъ отдалиться отъ стада, то самецъ сейчасъ же бросается за нею, реветъ и старается пригнать ее обратно, хотя, вѣроятно, изъ уваженія къ женскому полу, никогда не пускаетъ при этомъ въ ходъ рога. Но иногда случается,—рассказываетъ Николай Михайловичъ,—что въ это самое время убѣгаютъ и другія самки; неудачникъ-кавалеръ пускается

Антилопа оронго (Pantholops Hedgsoni).

то за одной, то за другой, но нерѣдко теряетъ такимъ образомъ весь свой гаремъ. Тогда, оставшись одинъ, онъ начинаетъ сердито бить копытами въ землю, загибаетъ врючкомъ свой хвостъ, наклоняетъ рога, реветъ и вызываетъ на бой противниковъ.

Такія романтическія исторіи повторяются безпрестанно съ утра до вечера, и вообще не существуетъ прочной связи между владѣтелемъ стада и его самцами: сегодня онъ ходятъ на пастбищѣ подѣ предводительствомъ одного вожака-самца, завтра—съ другимъ»...

Мы привели этотъ отрывокъ, какъ образчикъ его зоологическихъ описаній, которыя при своей живости и картинности изобилуютъ массами выводовъ, основанныхъ на продолжительномъ, неустанномъ и глубоко-научномъ наблюденіи жизни животныхъ тѣхъ странъ, которыя онъ посѣтилъ во время своихъ многолѣтнихъ странствованій.

Въ доказательство цѣнности этихъ наблюденій для науки достаточно указать на то обстоятельство, что всѣ спеціальныя зоологическія (точно также какъ ботаническія и этнографо-антропологическія) сочиненія пестрятъ ссылками на Пржевальскаго.

Дальше, въ обзорѣ научныхъ результатовъ путешествій Николая Михайловича мы еще будемъ имѣть возможность обратиться къ этой темѣ, а теперь перейдемъ къ продолженію прерваннаго разсказа о ходѣ излагаемаго путешествія въ Сѣверномъ Тибетѣ.

Какъ выше было уже указано, благодаря содѣйствію цайдамскаго князька Дзунъ-засака, Пржевальскому удалось нанять себѣ въ проводники очень опытнаго монгола Чутунъ-дзамба. Это былъ почтенный человекъ уже не молодыхъ лѣтъ (58 лѣтъ отъ роду), зангинъ, т. е. чиновникъ, и, какъ проводникъ, былъ незамѣнимъ, такъ какъ ходилъ уже девять разъ съ караванами богомольцевъ въ Лхассу и прекрасно зналъ дорогу, насколько это возможно въ совершенно безлюдной, безпрестанно мѣняющей свой внѣшній видъ, Тибетской пустынѣ.

Кромѣ того, онъ оказался и самъ по себѣ очень толковымъ человекомъ и постоянно сообщалъ различныя интересныя свѣдѣнія о мѣстахъ, по которымъ проходила экспедиція.

Вѣроятно,—прибавляетъ Пржевальскій,—отъ него можно было бы узнать и гораздо больше того, чѣмъ удалось, если бы казакъ-переводчикъ былъ болѣе приспособленъ къ своему дѣлу, а не принужденъ былъ наряду съ прочими членами экспедиціи исполнять массу постороннихъ повседневныхъ работъ.

Весьма интересна характеристика этого почтеннаго монгола, приводимая Николаемъ Михайловичемъ:

«Подобно всѣмъ другимъ своимъ соплеменникамъ,—разсказываетъ онъ,—Чутунъ-дзамба былъ страшный ханжа и свинья непомѣрная. Вообразившись на верховаго верблюда, онъ въ теченіе дѣлаго дневного перехода, не умолкая, бормоталъ молитвы, и ни за что не слѣзалъ, чтобы пройти пѣшкомъ, хотя бы

въ самый сильный холодъ, или даже на опасныхъ мѣстахъ, напр. при переходѣ по льду черезъ рѣчка или при спускѣ съ горы. Съ перваго раза, глядя на это, можно было подумать, что нашъ проводникъ — очень смѣлый человекъ, но въ сущности здѣсь только лѣнь пересиливала трусость.

«Какъ вообще всѣ ханжи, Чутунъ-дзамба сильно берегъ свою шкуру и за-
паса на дорогу цѣлымъ мѣшкомъ различныхъ лекарствъ, которыя принималъ
каждый день то отъ одной, то отъ другой воображаемой болѣзни; впрочемъ, —
прибавляетъ съ ироніей Николай Михайловичъ, — онъ дѣйствительно нѣсколько разъ
заболѣвалъ... отъ излишняго обжорства мясомъ.

«Во время обѣда нашъ монголъ ставилъ вокругъ себя, вмѣсто тарелокъ,
широкіе круги замерзшаго аргала дикихъ яковъ и на эти круги клалъ горячіе
куски варенаго мяса, чтобы поскорѣе остудить его. Огъ мокроты и тепла аргаль,
конечно, немедленно же растаивалъ и прилипалъ къ мясу, но Чутунъ-дзамба даже
не трудился обтирать этотъ навозъ, а прямо ѣлъ съ нимъ говядину, словно со
свѣжимъ салатомъ.

«Послѣ обѣда, наѣвшись до-нелзя, нашъ монголъ обыкновенно принимался
рыгать во все горло и производить другіе неделикатные звуки, серьезно увѣряя,
что теперь у него изъ живота выходятъ вѣтеръ, который надуло туда днемъ.

«Вечеръ, да и вообще всякое свободное время Чутунъ-дзамба посвящалъ
истребленію своихъ собственныхъ паразитовъ, населявшихъ его шубу въ несмѣт-
номъ количествѣ *). Усердіе Чутунъ-дзамбы въ подобнаго рода охотѣ было такъ
велико, что, по собственному признанію, онъ ежедневно истреблялъ по полусотнѣ
дожучливыхъ насѣкомыхъ, но все-таки не могъ замѣтнымъ образомъ уменьшить
число своихъ враговъ.

«Еще одною замѣчательною чертою нашего спутника была страсть собирать
и прятать въ свой мѣшокъ рѣшительно все, что мы выбрасывали. Старый кусокъ
кожи, обломокъ жести, негодное стальное перо, лоскутокъ бумаги, разбитый пу-
зырекъ, не говоря уже о пустыхъ гильзахъ патроновъ — все это тотчасъ же по-
падало въ дорожную сумку Чутунъ-дзамбы, такъ что впоследствии, во избѣжаніе
подобныхъ собираній, мы украдкою бросали негодное для насъ» **).

Но, какъ уже выше указано, Чутунъ-дзамба былъ прекраснымъ проводни-
комъ и былъ весьма полезенъ путешественникамъ своими знаніями.

*) Монголы, за весьма рѣдкими исключеніями, не носятъ совсѣмъ рубашекъ и вообще
нижняго бѣлья, а въ холодное время года надѣваютъ прямо на тѣло бараньи шубы и та-
кіе же панталоны. При томъ же монголы поразительно нечистоплотны и никогда не мо-
ются, равнѣ только иногда, въ видѣ рѣдкаго исключенія, слегка умоютъ лицо или руки.
Отъ постоянной грязи одежда ихъ всегда кишитъ тучами паразитовъ, которыхъ они истреб-
ляютъ, не стѣсняясь ничьимъ присутствіемъ. „Постоянно приходится видѣть, — говоритъ
Пржевальскій, — какъ монголъ, иногда даже важный чиновникъ или знатный лама, сидя
въ кругу большого общества, разворачиваетъ свою шубу или (лѣтомъ) халатъ, ловить на-
зобливое насѣкомое и тутъ же казнить его на переднихъ зубахъ“. См. Монголія, стр. 35.

***) Тамъ же, стр. 336—337.

Чутунъ-дзамба.

Въ рукахъ молитвенный, механически вращающийся цилиндръ.

Пользуясь его опытностью, экспедиція благополучно проникла далеко вглубь Тибета.

Новый, 1873 годъ засталъ нашихъ путешественниковъ въ самой мрачной обстановкѣ.

«Еще ни разу въ жизни, записалъ тогда Николай Михайловичъ въ своемъ дневникѣ *), не приходилось мнѣ встрѣчать новый годъ въ такой абсолютной пустынѣ, какъ та, въ которой мы нынѣ находимся. И какъ бы въ гармонію ко всей обстановкѣ, у насъ не осталось рѣшительно никакихъ запасовъ, кромѣ поганой дзамбы и небольшого количества муки... Лишенія страшныя, но ихъ необходимо переносить во имя великой цѣли экспедиціи. Да, хватить ли намъ силы и воли обончить вполне это славное дѣло—вотъ лучшее пожеланіе, которое мы приносимъ себѣ на новый годъ...

«Вчера вечеромъ и сегодня днемъ мы съ Пыльцовымъ много разъ вспоминали про родину, домашнихъ и хотя мысленно могли перенестись туда, гдѣ покинуто все дорогое»...

Наконецъ, 10 января 1873 года путешественники поставили свою юрту на берегу великой азіатской рѣки Янъ-цзи-цяна, т. е. Голубой рѣки, которая здѣсь, въ верхнемъ теченіи, называется у монголовъ Муръ-усу, что означаетъ «рѣка-вода», а у тонгутовъ Ды-чю, т. е. коровья рѣка, названная такъ, вѣроятно, по необыкновенному изобилію здѣсь дикихъ яковъ.

Эта могучая рѣка вытекаетъ съ внутренняго тибетскаго хребта Танъ-ла и, пройдя по высокому нагорью Сѣвернаго Тибета, вступаетъ въ предѣлы Собственнаго Китая, гдѣ вскорѣ достигаетъ громаднхъ размѣровъ.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь остановились наши путешественники, именно при впаденіи въ нее рѣки Напчитай-уланъ-мурени, Муръ-усу имѣла небольшую ширину, саженой около 100, но пространство, усыпанное мелкою галькою и изрѣзанное рукавами рѣки, занимало разстояніе около 800 саж. отъ одного берега до другого. Проводникъ Чутунъ-дзамба сообщилъ, что дѣтомъ, въ періодъ дождей, все это пространство покрывается водами рѣки, которая тогда сильно разливается даже за предѣлами этихъ береговъ; въ другое время года черезъ Муръ-усу существуютъ кое-гдѣ броды, но вообще эта рѣка глубока и имѣетъ чрезвычайно быстрое теченіе.

Долина ея имѣетъ не болѣе двухъ верстъ въ ширину и вслѣдъ обставлена горами, которыя иногда тѣснятся почти у самыхъ береговъ рѣки.

По долинѣ Муръ-усу, вверхъ по ея теченію проходитъ дорога въ Длассу на разстояніи десяти дней пути, почти до самыхъ ея истоковъ. Несмотря на то, что эта долина имѣетъ далеко не такой безотраднй характеръ, какъ остальные мѣстности Тибетскихъ пустынь, населенія и здѣсь совершенно не встрѣчалось. По словамъ проводника, однако, въ этой долинѣ, верстъ 150 выше по теченію рѣки,

*) См. Дубровинъ, стр. 167.

есть стойбище тангутовъ человѣкъ въ 500. Наоборотъ, версть на четьреста внизъ отъ устья Напчитай-улань-мурени начинается довольно густое тангутское населеніе, даже осѣдлое. По разсказамъ монголовъ, тамъ влімать гораздо теплѣе, такъ что, вѣроятно, абсолютная высота здѣсь уже значительно уменьшается.

«На берегахъ Голубой рѣки, писалъ Николай Михайловичъ своему другу Фатѣеву *), чуть не на каждой верстѣ попадаются громаднѣйшія стада яковъ, дикихъ ословъ, антилопъ и горныхъ барановъ... но мы были обыкновенно или для шкуры, или для ѣды, но не для счета. При томъ же никогда не преслѣдовали раненыхъ и брали только убитыхъ на повалъ. Да и изъ этихъ мы всегда брали мяса только на одинъ день, такъ какъ здѣсь можно когда угодно убить какого угодно звѣря. Такимъ образомъ, убивъ быка вѣсомъ пудовъ въ 40, мы брали изъ него мяса фунтовъ 15, или иногда одинъ языкъ да почки, а остальное бросали. На слѣдующій день опять убивали звѣря и опять отъ него брали мяса только на одну варку. Да, такое количество звѣрей, какъ въ Сѣверномъ Тибетѣ, можно встрѣтить еще развѣ только въ Южной Африкѣ и болѣе нигдѣ на нашей землѣ. Обыкновенно кругомъ нашей юрты, въ особенности если она стояла около воды, вездѣ водились дикія животныя, очень часто пасшіяся вмѣстѣ съ нашими верблюдами. Только сильные морозы да постоянныя бури очень мѣшали охотамъ, подобныхъ которымъ въ Европѣ не увидишь и во снѣ».

Отъ береговъ Голубой рѣки до Лхассы оставалось лишь 27 дневныхъ переходовъ, т. е. около 800 верствъ. Однако же отправиться туда было невысказимо для нашихъ путешественниковъ, такъ какъ даже и то, что они зашли такъ далеко въглубь пустыни, было въ сущности безуміемъ и страшнымъ рискомъ.

Всевозможныя трудности Тибетскихъ пустынь до такой степени истомили въичныхъ животныхъ, что всѣ они едва волочили ноги и трое уже издохли. Въ кассѣ экспедиціи въ это время оставалось такъ мало денегъ, что, въ случаѣ несчастія еще съ нѣсколькими верблюдами, пришлось бы бросать коллекціи на произволь судьбы, такъ какъ новыхъ животныхъ уже купить было бы не за что.

Между тѣмъ впереди лежали еще нѣсколько тысячъ верствъ пути.

Рисковать при такихъ условіяхъ уже добытыми результатами экспедиціи было бы неблагоуразумно и потому рѣшено было не идти дальше, а возвратиться въ Куку-норъ и въ Гань-су. Пржевальскій рассчитывалъ провести здѣсь весну и лѣто, такъ какъ мѣстности эти представляли большой интересъ для науки. Отсюда предположено было направиться въ Ала-шань, и оттуда во-своися по знакомой уже дорогѣ, гдѣ можно было обходиться и безъ проводника, имѣя маршрутную съемку.

«Хотя такой возвратъ,—говорить Николай Михайловичъ,—рѣшенъ былъ гораздо ранѣе, но все-таки мы съ грустью покинули берега Янь-дзи-цзяна, зная, что не природа и не люди, но только одинъ недостатокъ матеріальныхъ средствъ помѣшалъ намъ пробраться до столицы Тибета».

*) Въ письмѣ отъ 14 октября 1873 г. изъ Иркутска.

Дѣйствительно, на этотъ разъ обстоятельства складывались исключительно благоприятно для путешествія въ Лхассу, какъ мы это уже раньше указывали. Будь у Пржевальскаго теперь въ рукахъ тѣ дѣй тысячи рублей, которыя, какъ мы увидимъ нѣсколько далѣе, присланы были для него уже въ это время или немного позднѣе въ Ала-шань—и онъ, навѣрное, проникнулъ бы до загадочной резиденціи Далай-ламы.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Снова на Куку-норѣ и въ Гань-су.

Обратный путь по Тибету; переѣзъ климата при спускѣ въ Цайдамъ.—Куку-норъ раннею весною.—Миражи.—Отравленіе икрою.—Путь въ Гань-су.—Продажа оружія для снаряженія каравана.—Новая переѣзъ климата.—Трудный путь по горамъ, встрѣча съ китайскими солдатами.—Удивительная приспособленность растений къ суровому климату.—Охота за грифами.—Хунь-гуресу.

Обратный путь по Тибету совершенъ былъ безъ всякихъ приключеній въ теченіе одного мѣсяца. Путешественники, до крайности истомленные въ этихъ непривѣтливыхъ пустыняхъ, торопились поскорѣе дойти до спуска съ нагорья.

Состояніе животныхъ постоянно внушало серьезныя опасенія.

Уже съ перевала черезъ хребетъ Шуга начало замѣчаться благотѣльное вліяніе сосѣднихъ низменныхъ и потому болѣе теплыхъ равнинъ Цайдама. Правда, ночные морозы по прежнему держались около 25° Ц., но днемъ солнце грѣло довольно сильно и въ воздухѣ въ это время замѣчалось какъ бы весеннее пробужденіе.

5-го февраля, взбираясь на хребетъ Бурханъ-Будда, еще на южномъ, т. е. тибетскомъ его склонѣ, путешественники съ удивленіемъ замѣтили появленіе первыхъ насѣкомыхъ.

Далѣе, когда стали спускаться съ этого хребта къ сторонѣ Цайдама, положительно чуть не съ каждымъ шагомъ чувствовали, что становится теплѣе какъ будто-бы наступала весенняя погода.

Еще одинъ дневной переходъ—и страшныя тибетскія пустыни остались позади, а экспедиція очутилась въ Цайдамѣ.

Здѣсь весна наступила очень рано, но азиатскій характеръ этой мѣстности сказался въ крайней континентальности климата.

Въ половинѣ февраля ночные морозы доходили еще здѣсь до -20° Ц., между тѣмъ какъ днемъ становилось совсѣмъ тепло, термометръ показывалъ въ тѣни $+13^{\circ}$ Ц., и ледъ вездѣ, куда достигало солнце, начиналъ сильно таять. Спустившись въ Цайдамъ, путешественники встрѣтили здѣсь прилетныхъ птицъ, стаи которыхъ все увеличивались съ каждымъ днемъ; по утрамъ уже раздавались веселые голоса различныхъ мелкихъ птишекъ и токованіе фазановъ—сло-

вомъ во всемъ ясно чувствовалось, что природа начинаетъ пробуждаться и наступаетъ благодѣтельная весна.

Но суровая зима какъ будто не хотѣла уступить безъ борьбы своего мѣста. Периодически возвращались сильные холода, со снѣжными метелями и почти настоящими тибетскими бурями, откуда онѣ обыкновенно и приносились.

Правда, здѣсь уже самый снѣгъ отличался отъ того, къ которому путешественники успѣли привыкнуть за зиму, проведенную въ Тибетѣ. Тамъ снѣгъ падалъ мелкою пылью, сухою, какъ песокъ, а здѣсь были настоящіе крупные хлопья. Но страшныя бури приносили такія тучи соленой пыли, что даже долгое время послѣ прекращенія урагана, она еще держалась въ воздухѣ, и атмосфера постоянно была насыщена ею, какъ дымомъ.

Такия рѣзкости климата сильно отзывались на ходѣ весенняго развитія растительности.

Въ началѣ марта экспедиція достигла озера Куку-нора, но въ здѣшнихъ степяхъ встрѣтилось еще меньшее оживленіе природы, чѣмъ въ только что покинутомъ Цайдамѣ. Весна здѣсь, повидимому, запоздала на цѣлый мѣсяцъ.

Озеро было еще сплошь заковано въ толстую ледяную кору и только быстрый Буйханъ-голь мѣстами успѣлъ уже взломать свои зимніе оковы... Птиць здѣсь было еще меньше, чѣмъ въ Цайдамѣ.

Значительная климатическая разница этихъ двухъ областей, по мнѣнію Пржевальскаго, заключается въ томъ, что Кукунорскій бассейнъ имѣетъ болѣе значительную абсолютную высоту, а кромѣ того большое охлаждающее вліяніе оказываетъ и громадная поверхность самого озера.

Избравъ подходящее мѣсто, представляющее хорошее пастбище для животныхъ, у устьевъ Буйханъ-гола, Николай Михайловичъ поставилъ свою юрту и рѣшилъ пробыть здѣсь подольше, чтобы наблюдать весенній пролетъ птицъ на озерѣ.

Куку-норъ представлялъ теперь совершенно иную картину, чѣмъ прошедшею осенью, когда впервые посѣтилъ его Николай Михайловичъ. Ослѣпительно бѣлая ледяная поверхность смѣнила теперь темно-голубой цвѣтъ его соленыхъ водъ, и словно исполинское зеркало, лежало скованное озеро въ темной рамкѣ окрестныхъ горъ и степей. Громадная ледяная поверхность была гладкая, какъ полъ и только мѣстами прикрыта была бѣлоснѣжною скатертью. Въ тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ снѣга не было, ледъ блестѣлъ на солнцѣ прихотливыми переливами и издали представлялъ обманчивый видъ незамерзшей воды.

Береговыя степи отливали однообразнымъ желтовато-сѣрымъ цвѣтомъ изсохшей травы, мѣстами совершенно выбитой многочисленными пасущимися здѣсь дикими животными: хуланами, дзеренами, а отчасти и домашнимъ скотомъ мѣстныхъ жителей, тангутовъ.

Монотонность общей картины здѣсь нарушалась только великолѣпными миражами, которые показывались очень часто. Иногда преломляющая способность

слоевъ атмосферы была до того сильна, что на большомъ разстояніи трудно было даже стрѣлять въ звѣрей: дзерены или хулары принимали почти исполинскіе размѣры и казались плавающими въ воздухѣ.

Стоянка, выбранная на берегу озера, въ общемъ была прекрасная и имѣла еще одно важное достоинство въ томъ, что поблизости нигдѣ не было ни монгольскаго, ни тангутскаго становища.

Но напрасно Николай Михайловичъ вмѣстѣ со своимъ товарищемъ совершали ежедневныя экскурсіи по берегу озера! Прилетѣть птицъ все не начинался, и погода очень туго принимала весенній характеръ. Въ первой половинѣ марта еще нерѣдко случались снѣжные метели, а иногда подымались сильныя бури.

Въ ожиданіи болѣе обильнаго прилета пернатыхъ гостей, путешественники занимались пока рыбною ловлею въ заливахъ Буйханъ-гола. Здѣсь оказались колоссальныя рыбныя богатства, такъ что однажды, напримѣръ, небольшимъ бывшимъ въ багажѣ экспедиціи бреднемъ наши рыболовы вытащили заразъ 136 рыбъ, изъ которыхъ почти каждая имѣла фута 2 длины и вѣсила около 3 фунт.

Рыболовство однако не обошлось безъ приключенія.

Пойманная рыба оказалась очень вкусною и путешественники, которымъ давно уже надоѣла однообразная пища изъ дичи, обрадовались этой перемѣнѣ питанія. Между прочимъ всѣ, за исключеніемъ монгола-проводника, который со всѣмъ не прикасался къ рыбѣ, поѣли икры, показавшейся очень вкусною. Вскорѣ послѣ этого, среди ночи вдругъ у всѣхъ появилась страшная рвота, колики въ желудкѣ и вообще ясныя признаки отравленія: икра оказалась ядовитою.

Единственный, оставшійся здоровымъ, монголъ успѣшилъ развести огонь, и путешественники начали дѣлать себѣ припарки; къ счастью, въ дорожной аптечкѣ оказались противохолерныя капли, и съ помощью этихъ средствъ несчастные страдальцы успѣли оправиться уже на слѣдующій день.

Со второй половины марта погода сдѣлалась теплѣе, и весна начала болѣе рѣшительно вступать въ свои права, хотя морозы до -12° по прежнему продолжались по ночамъ, кромѣ того и рѣзкіе вѣтры, даже бури, дули почти каждый день.

Пролетѣть птицъ, для наблюденія котораго Пржевальскій и провелъ здѣсь около двухъ мѣсяцевъ, все время былъ сравнительно незначительный. Вообще весна эта не оправдала ожиданій, возлагавшихся на нее Николаемъ Михайловичемъ.

Въ виду этого, 1 апрѣля путешественники покинули берега озера Кукурора и направились прошлогоднею своею дорогою въ Гань-су, по направленію къ кумирнѣ Чейбсень.

Политическое положеніе страны въ это время уже измѣнилось сравнительно съ прошлымъ годомъ. Находившіеся прежде во власти дунганъ города Сининъ и Сэнь-гуань теперь были уже завоеваны китайцами, такъ что теперь можно было идти и болѣе удобною дорогою, черезъ городъ Донкыръ, но Пржевальскій,

зная изъ прежнихъ опытовъ всё прелести путешествія черезъ мѣстности, занятя китайскими войсками и китайскимъ населеніемъ, предпочелъ попрежнему пробираться потаенными и дикими горными тропинками.

Покидая кукунорскія степи, Пржевальскій озаботился по возможности привести въ порядокъ свой караванъ.

Главную заботу составляли вьючныя животныя, которыя во время странствованія по Тибетскимъ пустынямъ, пришли въ совершенную негодность къ дальнѣйшему пути. Кое-какъ удалось промѣнять ихъ монголамъ на свѣжихъ верблюдовъ съ небольшими доплатами, на которыя, однако, ушли почти всё наличныя деньги, и у Николая Михайловича осталось всего 10 рублей!

Между тѣмъ необходимо было приобрести еще нѣсколько верблюдовъ, такъ какъ поклажа все увеличивалась новыми научными сокровищами.

Тогда Пржевальскій прибѣгнулъ къ послѣднему, крайнему средству: къ продажѣ оружія. Къ счастью, охотники на такого рода товаръ нашлись среди богатыхъ тангутскихъ и монгольскихъ чиновниковъ и вскорѣ, хотя и не безъ труда, удалось вымѣнять три револьвера на три хорошихъ верблюда, да кромѣ того два револьвера были проданы за 65 ланъ. Этими деньгами обезпечена была возможность провести весенніе мѣсяцы на Куку-норѣ и въ Гань-су.

Кромѣ того вымѣнена была ненужная уже теперь юрта на нѣсколько верблюжьихъ сѣделъ.

Такимъ-то образомъ, цѣною уменьшенія гарантіи личной безопасности, караванъ кое-какъ былъ переформированъ, и экспедиція двинулась въ знакомую уже отчасти по прошлогоднимъ экскурсіямъ страну.

Лишь только вступили въ Гань-суйскія горы, какъ снова произошла перемѣна декораціи.

На Куку-норѣ, подъ конецъ пребыванія тамъ экспедиціи, весна болѣе или менѣе уже установилась, въ воздухѣ замѣчалась сухость, температура, особенно днемъ, стояла довольно высокая и растительность начала быстро развиваться.

Здѣсь съ первыхъ-же шаговъ путешественники попали въ ежедневныя снѣжныя метели, ручьи и рѣчки всё скованы еще были льдомъ, а по ночамъ стояли морозы до -10° Ц.

Словомъ, фizioномія Гань-су, несмотря на то, что былъ уже апрѣль мѣсяць, нисколько не измѣнилась съ прошлой осени, когда путешественники покинули эту область.

Путь по горнымъ тропинкамъ теперь оказался еще болѣе труднымъ, тѣмъ прошлою осенью, такъ какъ почва, замерзавшая по ночамъ, днемъ оттаивала и дѣлалась очень скользкою, такъ что верблюды нерѣдко падали и лишь съ большимъ трудомъ могли карабкаться по крутымъ скатамъ. Наконецъ, вслѣдствіе большой сырости воздуха, всё вьюки сдѣлались гораздо тяжелѣе и болѣе прежняго обременяли животныхъ.

Сами путешественники постоянно принуждены были идти пѣшкомъ, такъ

какъ всё запасныя подковы давно уже израсходовались, а неподкованныя лошади безпрестанно падали на скользкихъ горныхъ тропинкахъ. Между тѣмъ вышеопи-санная самодѣльная обувь точно также была чрезвычайно неудобна для лаза-нія по горамъ.

Какъ нарочно, пришлось еще два раза совершить весьма трудную и опас-ную переправу въ бродъ черезъ рѣку Тэтунгъ-голь: одинъ разъ по осѣвшему на дно льду, а въ другой—прямо по каменистому, усѣянному булыжниками дну этой быстрой горной рѣки. «Поскользнься на такой переправѣ верблюдъ,—говорить Николай Михайловичъ,—и онъ-бы непременно погибъ вмѣстѣ съ вьюкомъ кол-лекцій» *).

Дунганскихъ шаекъ, наводившихъ прежде панику на все окрестное насе-леніе, теперь уже не было, но зато не разъ пришлось испытать еще худшія встрѣчи съ отрядами китайскихъ солдатъ. Какъ разъ въ томъ ушельѣ, гдѣ въ прошломъ году произошла рискованная встрѣча съ дунганами, теперь путь кара-вана преградили одинъ подобный пикетъ. Пока Пржевальскій предъявлялъ офи-церу свой пекинскій паспортъ, солдаты успѣли вырвать изъ сѣдельныхъ кобуръ револьверъ. Замѣтивъ во время покражу, Николай Михайловичъ въ такихъ энер-гичныхъ выраженіяхъ потребовать возврата его, что офицеръ немедленно-же при-казалъ отдать назадъ украденное и только самъ попросилъ для себя, въ видѣ взятки, немного пороку.

15 апрѣля окончень былъ, наконецъ, трудный горный путь, и экспедиція прибыла въ кумирню Чейбсень.

Здѣсь отдохнули только два дня, а затѣмъ направились въ тѣ же самыя горы, гдѣ провели предыдущее лѣто и здѣсь пробыли до конца мая, занимаясь научными экскурсіями.

Когда спустились изъ альпійскаго пояса нѣсколько ниже, то Пржеваль-скій отправилъ Пылцова съ однимъ казакомъ въ кумирню Чертынтонъ, гдѣ въ прошломъ году оставлены были на храненіе часть коллекцій и нѣкоторыя вещи изъ багажа. Въ числѣ послѣднихъ нашлась пара сапогъ, и Николай Михайловичъ несказанно имъ обрадовался, такъ какъ теперь онъ могъ съ гораздо большимъ удобствомъ лазать по горамъ, чѣмъ въ самодѣльныхъ ходакахъ изъ яковой шкуры. Въ привезенномъ багажѣ оказалось также фунтовъ 5—6 сахару, который пока-зался теперь путникамъ большою роскошью.

Со второй половины апрѣля въ горахъ Гань-су начало значительно теп-лѣть и появились первыя наѣкомыя и цвѣты на растеніяхъ. Впрочемъ, хорошихъ весеннихъ дней въ апрѣлѣ не было ни одного. Иногда до полудня было тепло и ясно, но къ вечеру опять начинался рѣзкій вѣтеръ, часто подымалась снѣжная метель и температура падала очень быстро.

*) Монголія, стр. 345.

Такимъ образомъ и весна столь-же холодна и обильна атмосферными осадками, какъ и лѣто, и осень.

Замѣчательно, какъ приспособились растенія въ этой мѣстности къ суровости климата. Николай Михайловичъ рассказываетъ, что онъ видѣлъ цвѣтущія растенія: *Primula*, *Gentiana*, *Iris* и др., которыя не погибали ни отъ значительнаго мороза въ — 9°Ц., ни отъ глубокаго снѣга, которымъ ихъ засыпало ночью. Днемъ, лишь только проглядывало солнце, «эти дѣти весны красовались попрежнему, словно спѣша насладиться жизнью и благотворнымъ тепломъ, которое, спустя немного, опять должно было замѣниться морозомъ или метелью».

Но вотъ, наконецъ, наступилъ май, лучшій мѣсяцъ въ году и даже въ Гань-су онъ начался совершенно по-весеннему.

Снѣжные метели прекратились, а вмѣсто того ежедневно начали идти дожди, но были вообще непродолжительны. Хотя по ночамъ все еще продолжали стоять легкіе морозы, но днемъ наступала часто совсѣмъ жаркая погода, и температура иногда подымалась даже до +30°Ц.

Къ 15 мая въ среднемъ поясѣ горъ деревья уже распустились на половину, а еще ниже и совершенно. Ярко блестя на солнцѣ свѣжая зелень, многіе кустарники покрылись уже цвѣтами, а луга сплошь пестрѣли всевозможными яркими цвѣтами.

Одновременно пробудилась и животная жизнь, въ особенности между пернатыми жителями горныхъ лѣсовъ.

Разнообразные голоса пѣвунновъ сливались въ одинъ общій неумолкающій концертъ; даже по ночамъ въ ясную, теплую погоду часто раздавалось пѣніе той или другой пташки, нетерпѣливо дожидавшейся разсвѣта. Словомъ, жизнь вездѣ была ключемъ послѣ долгаго зимняго застоя, и охотничьи экскурсіи теперь доставляли очень много интересныхъ экземпляровъ преимущественно изъ пернатого царства. Теперь Николай Михайловичъ съ лихвою пополнял свои орнитологическія коллекціи, довольно скудныя въ прошломъ году, такъ какъ въ то время большинство птицъ были въ линяннн и не годились для препарировки.

Еще въ апрѣлѣ, только что прїйдя въ горы, Пржевальскій имѣлъ возможность превосходно поохотиться на замѣчательную птицу здѣшней мѣстности— снѣжнаго грифа. Этотъ гигантъ пернатого царства, имѣющій почти 10 фут. въ размахѣ крыльевъ, носится въ неизмѣримыхъ воздушныхъ высотахъ. Пржевальскій рассказываетъ, что въ то время, какъ его палатка была разбита на абсолютной высотѣ 12 тыс. ф., онъ слѣдилъ за улетающими вверхъ грифами въ бинокль, но птицы, наконецъ, совершенно скрывались даже отъ вооруженнаго глаза. На какую-же страшную высоту поднималась въ такомъ случаѣ птица!

Тѣмъ не менѣе поразительно зоркимъ глазомъ грифъ въ состояннн до мелочей различать, что дѣлается на землѣ.

Вотъ видитъ онъ, что стая вороновъ и коршуновъ копошится въ долинкѣ около падали... Съ поразительною быстротою, словно камень, падаетъ онъ изъ-

подъ облаковъ, сложивъ свои могучія крылья на землю, и, посидѣвъ нѣсколько времени въ сторонѣ направляется къ падали тяжелою, неуклюжею походкою, переваливаясь съ боку на бокъ, а иногда и въ припрыжку. Мигомъ вся пировавшая меньшая братія разлетается въ стороны и уступаетъ мѣсто царственному великану. Одинъ только воронъ остается, но и тотъ теперь ведетъ себя очень почитительно. Съ жадностью начинаетъ голодный грифъ глотать кишки или куски мяса... но въ это время гремитъ выстрѣлъ, сидящаго въ засадкѣ охотника, и пробитая насквозь пулею огромная птица падаетъ.

Въ прошломъ году, еще раньше прихода въ Гань-су, Николай Михайловичъ слышалъ многочисленные рассказы монголовъ про какого-то удивительнаго звѣря хунь-гурѣсу, который водится въ горахъ этой провинціи.

Одно названіе способно было возбудить интересъ въ охотникахъ, такъ какъ имя это означаетъ въ переводѣ: «человѣкъ-звѣрь», но рассказы монголовъ еще болѣе придали ему таинственности.

Говорили, что животное это имѣетъ совершенно человѣческое лицо и ходить обыкновенно на двухъ ногахъ. Въ глазахъ рассказчиковъ звѣрь этотъ являлся какимъ-то необыкновеннымъ страшилищемъ; говорили, что онъ обладаетъ необыкновенною силою, и поэтому не только мѣстные охотники никогда не рѣшаются нападать на него, но даже жители укрываются изъ той мѣстности, гдѣ появляется хунь-гурѣсу.

Когда экспедиція въ прошломъ году достигла Гань-су, то туземцы тангуты также единогласно повторяли эти рассказы и утверждали, что это страшное животное дѣйствительно водится въ горахъ, окружающихъ долину Тэтунгь-гола, но въ общемъ встрѣчается рѣдко.

На вопросы путешественниковъ, не медвѣдь-ли это, рассказчики отрицательно качали головою, говоря, что медвѣдя они знаютъ хорошо.

Тогда еще Николай Михайловичъ объявилъ награду въ 5 лань тому, кто укажетъ мѣстопребываніе этого удивительнаго звѣря, но никто не былъ въ состояніи заслужить эту премію. Всѣ поиски самихъ охотниковъ въ то время были также тщетны, и Николай Михайловичъ уже отчаявался когда-либо увидѣть загадочнаго звѣря и раскрыть его тайну, какъ вдругъ узналъ, что въ одной небольшой кумирнѣ находится шкура хунь-гурѣсу.

Немедленно же онъ отправился туда и, сдѣлавъ нѣсколько подарковъ настоятелю кумирни, попросилъ показать ему рѣдкостную шкуру. Но когда его просьба была исполнена, то онъ былъ сильно разочарованъ, такъ какъ «человѣкъ-звѣрь» оказался ничѣмъ инымъ, какъ небольшимъ медвѣдемъ. Такимъ образомъ всѣ рассказы про это удивительное животное оказались просто игрою воображенія монголовъ.

Теперь, во время вторичнаго посѣщенія Гань-су, Пржевальскому удалось увидѣть этого медвѣдя и на волѣ, но, къ великой досадѣ его, звѣрь этотъ оказался такимъ пугливымъ, что немедленно же скрылся, хотя его и успѣли ранить.

По всей вѣроятности это тотъ-же самый тибетскій медвѣдь, который былъ подробно изученъ Николай Михайловичемъ въ послѣдующихъ своихъ странствованiяхъ.

Несмотря на то что, научная добыча увеличивалась почти съ каждымъ днемъ, по мѣрѣ того какъ становилось теплѣе, путешественники принуждены были сократить свое пребыванiе въ этой интересной области, такъ какъ у нихъ остался всего одинъ кусокъ серебра вѣсомъ въ нѣсколько ланъ, а между тѣмъ добывать пропитанiе попрежнему охотою было невозможно при густотѣ населенiя и предстояло еще пройти съ сильно увеличившимся теперь грузомъ коллекцiй нѣсколько тысячъ верстъ.

Наконецъ, вышла вся дробь, и дальнѣйшее собиранiе птицъ для коллекцiй сдѣлалось невозможнымъ.

Въ концѣ мая путешественники распрощались съ Гань-су, испытавъ на послѣдокъ всю суровость и непостоянство климата этой мѣстности.

Вторая половина этого мѣсяца отличалась вообще рѣзкими переменами, а 16 числа вдругъ поднялась метель и всѣ окрестности покрылись снѣжной пеленою. Затѣмъ, четыре дня сряду по ночамъ стояли морозы до—4° Ц. Послѣ этого снова наступила совершенно теплая погода, но 28-го съ утра вдругъ началась сильная метель, такъ что снѣгу навалило на $\frac{1}{2}$ ф. Затѣмъ грянулъ морозъ въ—5,3° Ц. Мѣжду тѣмъ Пржевальскiй успѣлъ насчитать уже 76 видовъ растений, находившихся въ полномъ цвѣтѣ!

Однако же, растения не погибли отъ такого рѣзкаго неожиданнаго пониженiя температуры и какъ только холода миновали, какъ ни въ чемъ не бывало продолжали цвѣсти.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Возвращенiе въ Ала-шань. Напрямикъ въ Ургу срединою Гоби.

Онова въ пустынѣ.—Блужданiя безъ проводника.—На волосъ отъ смерти.—Прибытiе въ Динь-мань-инъ.—Спасительная посылка.—Экскурсиа въ Ала-шаньскiя горы.—Опасное наводненiе.—Путь черезъ Гоби напрямикъ.—Роковая ошибка проводника.—Физическое изнеможенiе.—Жалкое состоянiе одежды.—Вода въ степныхъ озерахъ.—Прибытiе въ Ургу.—Первыя впечатлѣнiя по окончанiи трудныхъ странствованiй.—Краткiй взглядъ на результаты экспедицiи.

Выйдя въ концѣ мая изъ Гань-суйскихъ горъ, экспедицiя очутилась у порога Ала-шаньской пустыни. Безграничнымъ моремъ раскинулись сыпучiе пески, и путешественники не безъ робости вступили въ эту мертвую пустыню.

Если вообще путь по пустынѣ представляетъ очень много трудностей и всегда сопряженъ съ большею или меньшею степенью риска, то чтó должны

были чувствовать наши путешественники, вступая въ безпредѣльные пески, безъ всякихъ запасовъ, безъ обуви и одежды, на испорченныхъ уже порядкомъ сыростью гань-суйскаго климата верблюдахъ, сами истомленные продолжительными, почти трехлѣтними скитаніями и, наконецъ, что самое главное, совершенно безъ всякихъ денежныхъ средствъ? Денегъ не было на то, чтобы нанять проводника и приходилось пускаться въ пустыню почти на авось, такъ какъ, во время предыдущаго здѣсь прохожденія съ тангутскимъ караваномъ, Пржевальскій не имѣлъ возможности производить съемку и только украдкою дѣлалъ кое-какія замѣтки въ записной книжкѣ. И вотъ эти-то наброски должны были служить единственнымъ путеводителемъ въ безграничной пустынѣ, среди сыпучихъ песковъ.

Но удивительный талантъ Николая Михайловича къ путешествіямъ, его врожденная способность легко ориентироваться въ какой угодно мѣстности и, такъ сказать, чутъемъ угадывать направленіе пути, выручилъ и на этотъ разъ путешественниковъ, такъ что на 15 день, по выходѣ изъ Даджина, лежащаго у подножія горъ Гань-су, экспедиція прибыла въ Дынъ-жанъ-инъ.

Этотъ трудный путь въ общемъ совершенъ былъ благополучно. Только одинъ разъ заблудились и подвергались большой опасности умереть отъ жажды.

Произошло это на переходѣ между небольшими озеркомъ Серикъ-долонъ и колодецъ Шангынь-дала, слѣдующимъ образомъ.

На разсвѣтъ 9 іюня караванъ выступилъ отъ Серикъ-долона и, пройдя нѣсколько верстъ по сыпучимъ пескамъ, вышелъ на глинистую площадь, гдѣ являлась тропинка, по которой путешественники пошли далѣе. Однако, вскорѣ эта тропинка раздѣлилась надвое, и явился вопросъ, по которому изъ двухъ направленій продолжать путь. Сходились эти дорожки подъ очень острымъ угломъ, такъ что и съ помощью буссоли затруднительно было опредѣлить, которое изъ направленій вѣроятнѣе.

Въ прошлогоднемъ дневникѣ, не оказалось никакихъ указаній на этотъ счетъ; вѣроятно черезъ это мѣсто проходили ночью, и потому Пржевальскій не успѣлъ замѣтить себѣ этого раздвоенія дорогъ.

Двинулись наобумъ по правой вѣтви, которая была гораздо болѣе торная.

Нѣсколько верстъ прошли, ничего не подозрѣвая, но потомъ стали являться новыя поперечныя тропинки, которыя сбивали Николая Михайловича съ толку.

Наконецъ, дорожка, по которой шель караванъ, и совсѣмъ окончилась, упершись въ довольно широкую и торную колесную дорогу. Теперь стало ясно, что направленіе выбрано было невѣрно.

Возвращаться назадъ было уже далеко, да при томъ и слѣдованіе по другой вѣтви тропинки совсѣмъ не обезпечивало правильность направленія. Сообразивъ все это, Николай Михайловичъ рѣшилъ идти по своему собственному соображенію, не обращая вниманія на встрѣчающіяся дороги, рассчитывая издали замѣтить ту небольшую группу горокъ, у подошвы которыхъ долженъ былъ находиться колодець Шангынь-далай.

Наступилъ полдень, жара стояла невыносимая, и путешественники, отдохнувъ часа 2—3, пустились напрямикъ по буссоли. Черезъ нѣсколько часовъ пути, показалась, наконецъ, группа возвышенностей, которая подходила по виду къ искомой Шангынъ-далайской. Впрочемъ, разсмотрѣть какъ слѣдуетъ эти возвышенности было нельзя, такъ какъ цѣлый день дулъ сильный вѣтеръ и въ воздухѣ стояла такая пыль, что разсмотрѣть что-нибудь вдали было весьма затруднительно.

Между тѣмъ наступилъ уже вечеръ, и путешественники расположились на ночлегъ въ полной почти увѣренности, что они находятся вблизи колодца.

Дѣло, однако, было далеко нешуточное. Запасъ воды составлялъ не болѣе двухъ ведеръ, хотя не только верблюдамъ, но и лошадямъ не давали ни по одной каплѣ. Последнiя уже страдали отъ жажды и едва волочили ноги. Лишь только установлена была палатка, Николай Михайловичъ засѣлъ за работу: началъ переносить на карту пройденный путь и только тутъ, тщательно вымѣривъ разстоянiя, увидѣлъ, что они далеко уклонились къ востоку, что едва ли поэтому видимая вдали группа горокъ—Шангынъ-далай...

Можно себѣ представить, подъ какимъ впечатлѣнiемъ провели путешественники наступившую ночь! Вопросъ о томъ, найдется ли завтра колодецъ, становился вопросомъ о жизни и смерти...

Ночью вѣтеръ стихъ и пыль осѣла. Лишь только стало разсвѣтать, какъ Николай Михайловичъ взобравшись на искусственное возвышенiе, устроенное изъ нѣсколькихъ поставленныхъ другъ на друга вьюковъ, съ биноклемъ въ рукахъ подвергъ окрестности самому тщательному осмотру.

Вчерашняя группа горъ была теперь видна совершенно ясно и она совершенно подходила къ искомой. Но въ то же время прямо на сѣверъ отъ бивуака виднѣлись вдали очертанiя какой-то другой возвышенности, которая вѣдь тоже могла быть Шангынъ-далай.

Теперь опять предстоялъ вопросъ, къ которой изъ двухъ виднѣвшихся возвышенностей направляться. И вопросъ этотъ былъ роковымъ, такъ какъ обѣ горныя группы были настолько отдалены, что, добравшись до одной, въ случаѣ ошибки, путешественники могли рассчитывать, что у нихъ уже, пожалуй, и не хватить силъ дойти до другой.

Собравшись хорошенько, Николай Михайловичъ рѣшительно отдалъ предпочтенiе сѣверной горкѣ, несмотря на то, что она отстояла даже дальше, чѣмъ другая.

«Въ томительномъ сомнѣнiи завьючили мы,—разсказываетъ Пржевальскiй,—своихъ верблюдовъ и двинулись въ путь. Путеводная вершинка то выглядывала изъ-за пологихъ возвышенностей волнистой равнины, то опять скрывалась за ними. Напрасно мы часто смотрѣли въ нее въ бинокль, чтобы увидѣть характерную примѣту, записанную въ моемъ дневникѣ именно объ о *), устроенное на вер-

*) Обо—кучка камней и различныхъ незначительныхъ приколѣнiй, которыя буддисты устраиваютъ на перевалахъ и на отдѣльныхъ возвышенностяхъ.

шинѣ—разстояніе было еще слишкомъ велико, чтобы замѣтить такой сравнительно малый предметъ.

Наконецъ, верстъ черезъ десять отъ мѣста ночлега мы увидѣли желаемую примѣту; тогда ободренные надеждою, мы ускорили ходъ и еще черезъ нѣсколько часовъ стояли возлѣ колодца, къ которому съ жадностью бросились наши животныя, совершенно измученныя жаждою *).

13 іюня истомленные, полуголодные отъ недостаточности запасовъ продовольствія, грязные, въ изорванномъ платьѣ и дырявыхъ сапогахъ, по виду гораздо болѣе похожіе на нищихъ, чѣмъ на европейцевъ, путешествующихъ для своего удовольствія—прибыли наши путешественники въ знакомую уже столицу Алашаня, Дынъ-юань-инъ и здѣсь были несказанно обрадованы, узнавъ, что Пржевальскаго здѣсь уже давно ожидаетъ посылка изъ Пекина и главнымъ образомъ 1,000 ланъ серебра, присланная заботливостью Влаугали.

Присылка денегъ была какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ безъ этого одна надежда оставалась на продажу послѣдняго оружія ала-шаньскимъ князьямъ, и сановникамъ; въ случаѣ же неудачи такой торговли неизвѣстно, какимъ образомъ Пржевальскій сумѣлъ бы доставить до Пекина или до русской границы свои богатѣйшія коллекція, да, наконецъ, и самимъ имъ угрожала прямо голодная смерть.

Вѣрность ихъ въ это время такъ мало напоминала европейцевъ, что когда они вступали въ Дынъ-юань-инъ, то знакомцы ихъ монголы, смотря на нихъ, говорили: «какъ они сдѣлался похожи на нашихъ людей, совсѣмъ какъ монголы».

Но присылка денегъ сразу мѣняла ихъ положеніе. Теперь уже дальнѣйшій возвратный путь до русской границы былъ обезпеченъ, и Пржевальскій рѣшилъ даже идти не прежнимъ путемъ на Калганъ, а напрямикъ черезъ Гоби на Ургу. Путь этотъ былъ короче, но за то гораздо тяжелѣе и опаснѣе, чѣмъ прежній. Но имѣя въ своемъ распоряженіи денежныя средства, съ помощью которыхъ можно было удовлетворительно переформировать караванъ, Николай Михайловичъ насколько не колебался въ выборѣ, тѣмъ болѣе, что этотъ новый путь не былъ пройденъ еще ни однимъ европейцемъ и потому представлялъ большой научный интересъ.

Прежде всего путешественники, конечно, нуждались въ отдыхѣ. Съ жадностью набросились они на письма съ родины, присланныя вмѣстѣ съ деньгами изъ Пекина, и на три номера газеты «Голось» за 1872 г.

«Трудно передать,—говоритъ Николай Михайловичъ,—какимъ праздникомъ былъ для насъ этотъ день. Съ лихорадочною жадностью читали мы письма**») и

*) Монголія, стр. 362.

**») Курьезную вещь сообщаетъ Николай Михайловичъ относительно одного изъ полученныхъ писемъ. Письмо это адресовано было изъ одного губернскаго города Европейской Россіи на его имя. Адресъ этотъ гласилъ: «Въ Пекинъ черезъ*Кяхту такому-то». Слово

газеты, гдѣ все для насъ было новостью, хотя бы событія, со дня которыхъ минуло уже болѣе года. Европа, родина, былая жизнь—все живо воскресло передъ нами. И еще сильнѣе почувствовали мы теперь свое одиночество, среди тамошнихъ людей, чуждыхъ намъ «во всемъ—отъ самаго своего облика и до малѣйшаго оттѣнка своего характера *).

Ала-шаньскаго князя и его сыновей въ это время не было въ городѣ: всѣ они отправились въ Пекинъ и возвращеніе ихъ оттуда ожидалось не ранѣе осени.

Отдохнувъ всего нѣсколько дней въ Дынъ-юань-инѣ, Николай Михайловичъ, прежде чѣмъ отправиться на Ургу, рѣшилъ еще посвятить нѣсколько времени на дополнительное изслѣдованіе Ала-шаньскихъ горъ. Здѣсь путешественники провели цѣлыхъ три недѣли и за это время изучены были гораздо полнѣе, чѣмъ въ предыдущія посѣщенія флора, фауна и топографія хребта.

Въ Ала-шаньскихъ горахъ теперь уже не было того безлюдія, какъ раньше, въ 1871 г. Съ прекращеніемъ дунганскихъ разбоевъ, сюда прикочевали монголы изъ окрестной пустыни, начали возобновляться разоренныя прежде кумарни и кромѣ того цѣлыя сотни витайцевъ изъ сосѣдняго города Нинъ-ся явились сюда и занялись вырубкою лѣса.

«Едва, едва,—разсказываетъ Пржевальскій,—мы могли отыскать небольшое ущелье, къ которомъ не было дровосѣковъ и то лишь по неимѣнію здѣсь воды; но мы рѣшили лучше ѣздить каждый день за три версты къ колодезю, нежели помѣститься рядомъ съ китайцами или монголами. Верблюдовъ своихъ мы отправили на пастбище верстахъ въ пятьдесятъ отъ Дынъ-юань-ина, а при себѣ оставили только двухъ лошадей, которыя поочередно должны были таскать воду» **).

Въ результатъ подробныхъ изслѣдованій, произведенныхъ теперь, оказалось, что Ала-шаньскія горы вообще небогаты ни растительностью, ни животными. Въ особенности мало оказалось здѣсь птицъ.

Бѣдность орнитологической фауны дѣлаетъ эти горы унылыми даже лѣтомъ въ періодъ наибольшаго расцвѣта и кипучей жизни природы.

Не слышно здѣсь веселыхъ пѣвцовъ, которые оживляли бы мрачныя лѣса и угрюмо нависшія громадныя скалы. Даже раннимъ утромъ или позднимъ вечеромъ лишь изрѣдка можно услышать щебетаніе птички: какъ днемъ, такъ и ночью здѣсь все тихо и мертво, какъ въ сосѣдней пустынѣ.

На основаніи своихъ наблюденій, какъ предыдущихъ, такъ и настоящихъ, Николай Михайловичъ выводитъ заключеніе, что Ала-шаньскія горы въ общемъ по характеру флоры и фауны ближе подходятъ къ горамъ Гань-су, чѣмъ къ Инъ-шаню, несмотря на то, что послѣднія гораздо ближе и соединены промежуточными хребтами.

Пекинъ было зачеркнуто вѣроятно рукою почтового чиновника и тутъ же крупными буквами изображено: «Города Пекина нѣтъ, а потому отправить только въ Кайту».

*) Монголія, стр. 363.

***) Тамъ-же, стр. 307.

Уже не за долго передъ тѣмъ, какъ покинуть эти горы, путешественникамъ нашимъ суждено было подвергнуться еще одной катастрофѣ, во время которой чуть было не погибли безвозвратно труды всей экспедиціи.

«Судьба словно хотѣла,—говорить Николай Михайловичъ,—чтобы мы въ конецъ испытали всѣ невзгоды, которыя могутъ въ здѣшнихъ странахъ грянуть надъ головою путешественника.

Ала-шаньскія горы вообще отличаются безводіемъ и казалось бы, что здѣсь менѣе всего можно ожидать какой либо опасности отъ воды, но нижеслѣдующій рассказъ ясно показываетъ, до какой степени капризна природа въ Азіи, странѣ рѣзкихъ климатическихъ переходовъ, гдѣ каждую минуту должно ожидать всевозможныхъ сюрпризовъ по части погоды...

Утромъ, 1 іюля, производя метеорологическія наблюденія, Николай Михайловичъ обратилъ вниманіе на то, что вершины горъ закутаны въ густыя тучи, что, несомнѣнно, служило признакомъ, что предстоить дождь. Однако же въ полудню начало постепенно проясняться, такъ что путешественники начали надѣяться на ясную погоду и приготовились отправиться въ обычную научную экскурсію, какъ вдругъ часа въ три пополудни облака снова скопились около вершинъ и наконецъ полилъ необыкновенно сильный проливной дождь, буквально «какъ изъ ведра».

Отъ этого ливня, рассказываетъ Николай Михайловичъ, палатка наша быстро промокла и мы, сидя въ ней, отводили въ сторону небольшими канавками, попавшую къ намъ воду. Такъ прошло около часа, ливень не унимался, хотя туча была не грозовая. Огромная масса падавшей воды не могла впитаться почвою или удержаться на крутыхъ склонахъ горъ, такъ что скоро, со всѣхъ ложбинъ, боковыхъ ущелій и даже съ отвѣсныхъ скалъ потекли ручьи, которые, соединившись на днѣ главнаго ущелья, т. е. того, въ которомъ мы стояли, образовали потокъ, понесшійся внизъ съ ревомъ и страшною быстротою.

Ущелье это имѣло версты три длины, но не болѣе 50 саженой ширины и со всѣхъ сторонъ было замкнуто крутыми скатами горъ и отвѣсными скалами.

Глухой шумъ еще издали возвѣстилъ намъ приближеніе этого потока, масса котораго увеличивалась съ каждою минутою. Мигомъ глубокое дно нашего ущелья было полно водой, мутной какъ кофе и стремившейся по крутому скату съ невообразимой быстротою.

Огромные камни и цѣлыя груды меньшихъ обломковъ неслись потокомъ, который съ такою силою билъ въ боковыя скалы, что земля дрожала, какъ бы отъ вулканическихъ ударовъ.

Среди страшнаго рева воды слышно было, какъ сталкивались между собою и ударялись въ боковыя ограды огромныя каменные глыбы.

Изъ менѣе твердыхъ береговъ и съ верхнихъ частей ущелья вода тащила цѣлыя вучи мелкихъ кампей и громадными массами бросала ихъ то на одну, то на другую сторону своего ложа.

Лѣсъ, росшій по ущелью, исчезъ—всѣ деревья были выворочены съ корнемъ, переломаны и перетерты на мелкіе кусочки.

Между тѣмъ, проливной дождь не унимался и сила бушевавшей возлѣ насъ рѣки возрастала все болѣе и болѣе.

Вскорѣ глубокое дно ущелья было завалено камнями, грязью, обломками деревьевъ, такъ что вода выступила изъ своего прежняго русла и понеслась по повзатопленнымъ еще раньше мѣстамъ.

Не далѣе трехъ саженией отъ нашей палатки бушевалъ потокъ, съ неудержимой силой уничтожавшій все на своемъ пути...

Еще минута, еще одианъ лишній футъ прибывшей воды—и всѣ коллекція, труды всей экспедиціи, погибли бы безвозвратно!..

Спасти ихъ нечего было и думать при такомъ быстромъ появленіи воды; въ пору было только самимъ убраться на ближайшія скалы...

Бѣда была такъ неожиданна, такъ близка и такъ велика,—говорить Николай Михайловичъ,—что на меня нашель какой-то столбнякъ: я не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ и, будучи лицомъ къ лицу со страшнымъ несчастьемъ, еще сомнѣвался въ его дѣйствительной возможности...

Но счастье и теперь выручило насъ... Впереди нашей палатки находился небольшой обрывъ, на который волны начали бросать камни и вскорѣ нанесли ихъ такую грудку, что она удержала дальнѣйшій напоръ воды—и мы были спасены *).

Дождь не переставалъ цѣлый день, хотя постепенно и уменьшался; къ утру слѣдующаго дня только маленький ручеекъ катился тамъ, гдѣ наканунѣ бушевала цѣлая рѣка. Яркое солнце освѣтило картину страшнаго, всеобщаго разоренія, произведеннаго вчерашнимъ наводненіемъ.

Наружный видъ ущелья измѣнился до такой степени, что сами путешественники его не узнавали.

Сами же водяные потоки надѣлавшіе столько бѣдъ, пробѣжали до случаяхъ песковъ, окружающихъ горы и бесслѣдно исчезли въ нихъ.

Послѣ этой катастрофы экспедиція торопилась оставить горы и вернулась въ Дынъ-юань-ингъ. Здѣсь Пржевальскій занялся снаряженіемъ каравана въ предстоящему трудному пути. Плохихъ верблюдовъ промѣняли на новыхъ, прикупили еще нѣсколько свѣжихъ, запасились въ достаточномъ количествѣ провіантомъ и т. п. Въ особенности хорошо теперь устроились съ проводниками. Ала-шаньскій тосалакчи, который за отсутствіемъ князя управлялъ всѣми дѣлами, въ благодарность за хорошіе подарки, сдѣланные ему, далъ двухъ проводниковъ и при нихъ официальное предписаніе отъ имени Ала-шаньскаго ямына о томъ, чтобы они позаботились о присканіи себѣ на смѣну двухъ новыхъ проводниковъ. Такое распоряженіе передавалось и далѣе, такъ что путешественники наши безъ вся-

*) Монголія, стр. 367, 368.

них затрудненій получали вездѣ проводниковъ, которые вели экспедицію въ предѣлахъ своего хошуна, а затѣмъ ихъ смѣняли другіе. Такъ какъ предстоящій путь лежалъ черезъ самую дикую часть Гиби и еще совершенно не извѣстенъ былъ нашимъ путешественникамъ, то пройти безъ проводниковъ едва ли оказалось бы возможнымъ, и поэтому вышеуказанное обстоятельство было весьма важно.

14 іюля караванъ выступилъ изъ Дынъ-жанъ-ина, и опять начался длинный рядъ чрезвычайно трудныхъ дневныхъ переходовъ.

Жара стояла невыносимая. Въ полдень термометръ въ тѣни показывалъ $+45^{\circ}$ Ц., и даже ночью температура рѣдко опускалась до $+23^{\circ}$ Ц.

Едва поднявшись надъ горизонтомъ, солнце начинало уже сильно грѣть, а днемъ жгло невыносимо. Почва накалилась до 63° , и даже на глубинѣ двухъ футовъ въ сыпучихъ пескахъ термометръ показывалъ $+26^{\circ}$ Ц.

Днемъ жара обдавала со всѣхъ сторонъ—сверху отъ солнца, снизу отъ раскаленной почвы. Если подымался вѣтеръ, то и онъ нисколько не прохлаждалъ атмосферу, а даже, наоборотъ, взбалтывая самый нижній, раскаленный слой воздуха, еще усиливалъ жаръ.

На небѣ не видно ни малѣйшаго облачка, да и само оно отъ массы пыли, поднятой въ атмосферу, имѣетъ какой-то грязный оттѣнокъ.

Въ палаткѣ жара нисколько не уменьшалась и, несмотря на приподнятыя со всѣхъ сторонъ борта, духота стояла еще большая, чѣмъ наружу.

Напрасно несчастные страдалцы, взнемогая отъ жары, принимались обливать голову не только всю палатку, но также и землю внутри ея—черезъ какіе-нибудь полчаса, все попрежнему было сухо.

Сухость воздуха была страшная; росы совсѣмъ не наблюдалось, а если находила дождевая туча и проливалась дождемъ, то водяныя капли не долетали до поверхности земли и испарялись на пути. Въ такомъ случаѣ на землю попадало буквально нѣсколько капель.

Желая по возможности избѣгнуть трудностей хожденія по жарѣ, путешественники очень рано вставали, чтобы совершить хоть часть дневнаго перехода на прохладѣ. Однако же, возня съ приготовленіемъ чая, выюченъ верблюдовъ и т. п. отнимало такъ много времени, что никогда не удавалось выйти раньше 4 или 5 часовъ утра, а въ 7—8 часовъ наступала уже настоящая жара.

Конечно, можно было бы сильно облегчить путь, дѣлая переходы ночью, какъ это обыкновенно и дѣлаютъ путешествующіе по пустынѣ монголы. Но въ такомъ случаѣ пришлось бы пожертвовать съемкѣй, которая составляла особенно въ настоящемъ пути одинъ изъ самыхъ главныхъ отдѣловъ изслѣдованій.

«На маршрутно-глазѣмѣрной съемкѣй, путь нашъ отъ Дынъ-жанъ-ина до Урги,—говоритъ Николай Михайловичъ, занимаетъ одну линію, не много болѣе двухъ футовъ длиною, но эта линія пріобрѣтена дѣіюю 44 переходовъ, сдѣланныхъ болѣею частью по страшной дневной жарѣ пустыни»... *).

* Монголія, стр. 369.

Караванъ въ пустынь раннимъ утромъ.

Начало путешествія не предвѣщало ничего хорошаго. На шестой день пути случился инцидентъ, который едва не погубилъ въ пескахъ пустыни всю экспедицію, но, по счастью, дѣло ограничилось лишь потерей одного Фауста, вѣрнаго спутника всѣхъ трехлѣтнихъ скитаній.

Произошло это слѣдующимъ образомъ.

Утромъ, 19 іюля, караванъ выступилъ съ мѣста ночевки на берегу озера Джаратай-дабасу и направился къ хребту Ханъ-ула. По словамъ проводника, предстоящій переходъ былъ очень легокъ, версть въ 25, и на этомъ пространствѣ должны встрѣтиться еще два колодца на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга.

Дѣйствительно, не было еще и 7 часовъ утра, какъ путешественники нашли первый изъ предсказанныхъ проводникомъ колодцевъ и, напоивъ своихъ животныхъ, двинулись далѣе, рассчитывая черезъ 8 верствъ встрѣтить другой источникъ и тамъ остановиться на отдыхъ, такъ какъ жара становилась уже невыносимою.

Увѣренность встрѣтить этотъ колодецъ была такъ велика, что казаки даже хотѣли вылить воду изъ запасныхъ боченковъ, чтобы не возить ее даромъ, но, къ счастью, Николай Михайловичъ запретилъ имъ это.

Прошли указанные восемь верствъ, еще версты 2—3—обѣщаннаго колодца нѣтъ, какъ нѣтъ.

Проводникъ объявилъ, что, повидимому, караванъ уклонился немного въ сторону и отправился на ближайшій песчаный холмъ, чтобы лучше осмотрѣть окрестность. Черезъ нѣсколько времени онъ далъ знакъ, чтобы путники направлялись къ нему, и когда они приблизились, объявилъ, что дѣйствительно колодецъ пропущенъ, но что возвращаться къ нему не слѣдуетъ, такъ какъ отсюда совсѣмъ не далеко до третьяго источника, гдѣ первоначально предполагалась ночевка, «всего верствъ пять-шесть»,—увѣрялъ монголъ.

Снова двинулись по указанному направленію. Между тѣмъ наступилъ полдень, жара сдѣлалась невыносимою, раскаленная до 63° Ц. почва обжигала лапы животнымъ и они очень страдали, особенно собаки.

Видя муки вѣрныхъ псовъ, путешественники нѣсколько разъ останавливались и изъ оставшагося запаса воды мочили имъ головы и давали пить. Но такъ долго продолжать было нельзя, такъ какъ воды оставалось уже менѣ половины ведра и ее нужно было беречь на всякій случай.

Прошли уже верствъ десять.

— Далеко ли еще до колодца?—безпрестанно обращались вопросы къ проводнику, и каждый разъ получался успокоительный отвѣтъ, что онъ совсѣмъ близко, за тѣмъ или другимъ песчанымъ холмикомъ; но всѣ эти предсказанія не сбывались.

Между тѣмъ, бѣдный Фаустъ, гораздо менѣ закаленный, чѣмъ его монгольскій собратъ Карза, началъ уже совсѣмъ выбиваться изъ силъ; не получая бо-

лѣ воды, онъ принимался жалобно выть и даже ложился на землю, впадая въ безпамятство.

Пржевальскій послалъ впередъ къ колодцу своего товарища и монгола-проводника, которому приказалъ взять на сѣдло и умирающаго Фауста. Проводникъ все не переставалъ увѣрять, что вода совсѣмъ близко, но когда онъ вмѣстѣ съ Пыльцовымъ взвѣхалъ на холмѣ и указалъ мѣсто нахождения колодца, то оказалось, что онъ отстоятъ не менѣе какъ на 5 версты.

Пробѣхать скоро такое значительное разстояніе было немисливо; до каравана, гдѣ все еще оставалось нѣсколько стакановъ воды, также было уже далеко. Итакъ, участь бѣдной собаки была рѣшена. Съ нимъ начали уже дѣлаться принадки. Его положили подъ вустъ зака и сдѣлали надъ нимъ покрывку изъ войлоковъ и сдѣлали.

Промучившись еще нѣсколько минутъ, Фаустъ издохъ. Все зависѣло теперь отъ того, дѣйствительно ли въ указанномъ мѣстѣ есть вода, если нѣтъ—то судьба Фауста предстояла теперь и всѣмъ членамъ экспедиціи.

Пыльцовъ и проводникъ вернулись назадъ.

Замѣтивъ ихъ возвращеніе, Николай Михайловичъ думалъ, что вода найдена, но, увидя, что это не такъ, сильно вспыхнулъ.

«Въ первое мнovenіе,—записалъ онъ въ своемъ дневникѣ,—я хотѣлъ застрѣлить проводника, такъ какъ онъ былъ главною причиною всѣхъ нашихъ бѣдъ, но потомъ раздумалъ, что этимъ дѣло не поправится, а еще ухудшится, такъ какъ безъ него мы уже навѣрное не найдемъ колодца—и отколотилъ его изо всей силы.

«Положеніе наше въ это время дѣйствительно было страшное. Воды оставалось не болѣе нѣсколькихъ стакановъ; мы брали въ ротъ по одному глотку, чтобы хотя немного промочить почти засохшій языкъ; все наше тѣло горѣло, какъ въ огнѣ; голова кружилась чуть не до обморока...

«Я ухватился за послѣднее средство. Приказалъ одному изъ казаковъ взять котелокъ и вмѣстѣ съ проводникомъ скакать къ колодцу; если же монголъ вздумалъ бы дорогою бѣжать, то я велѣлъ казаку стрѣлять по немъ.

«Быстро скрылись въ пыли, наполнявшей воздухъ, посланные впередъ за водою, а мы брели по ихъ слѣду, въ томительномъ ожиданіи рѣшенія своей участи...

«Прошло долгихъ полчаса...

Наконецъ, показался казакъ, скачущій во весь опоръ обратно... что везетъ онъ намъ: вѣсть ли о спасеніи, или о гибели? Пришпоривъ своихъ лошадей, которыя уже едва волокли ноги, мы поѣхали на встрѣчу и съ радостью, доступною лишь человѣку, бывшему на волосъ отъ смерти, но теперь спасенному, услышали, что колодець дѣйствительно есть и получили котелокъ свѣжей воды»...

Въ это время было уже два часа пополудни, такъ что несчастные путешественники сдѣлали по страшной жарѣ 24 версты и пробыли безъ отдыха въ дорогѣ 9 часовъ!..

Развѣючивъ и напоивъ животныхъ, Николай Михайловичъ успѣшилъ послать за брошеннымъ на дорогѣ вьюкомъ. Оказалось, что Карза остался живъ и довольно спокойно отдыхалъ подъ тѣнью брошеннаго вьюка.

Пржевальскаго неоднократно упрекали въ излишней черствости характера и жестокости, указывая на примѣры, подобные только что приведенному нами приказанію стрѣлять въ проводника, на грубое, деспотичное обращеніе съ азіатскими туземцами, наконецъ, на излишнюю жестокость при избіеніи животныхъ на охотѣ и т. п. Съ такимъ мнѣніемъ, однако же, трудно согласиться, если принять во вниманіе, какъ близко онъ всегда сходилса со своими спутниками по путешествію и какъ послѣдніе его прямо боготворили. При томъ же поэтическіе восторги, которые вызывали въ Николаѣ Михайловичѣ созерданіе красоты природы и наблюденіе ея жизни, также не совсѣмъ вяжутся съ представленіемъ о Пржевальскомъ, какъ о сухомъ, педантичномъ и черствомъ человѣкѣ.

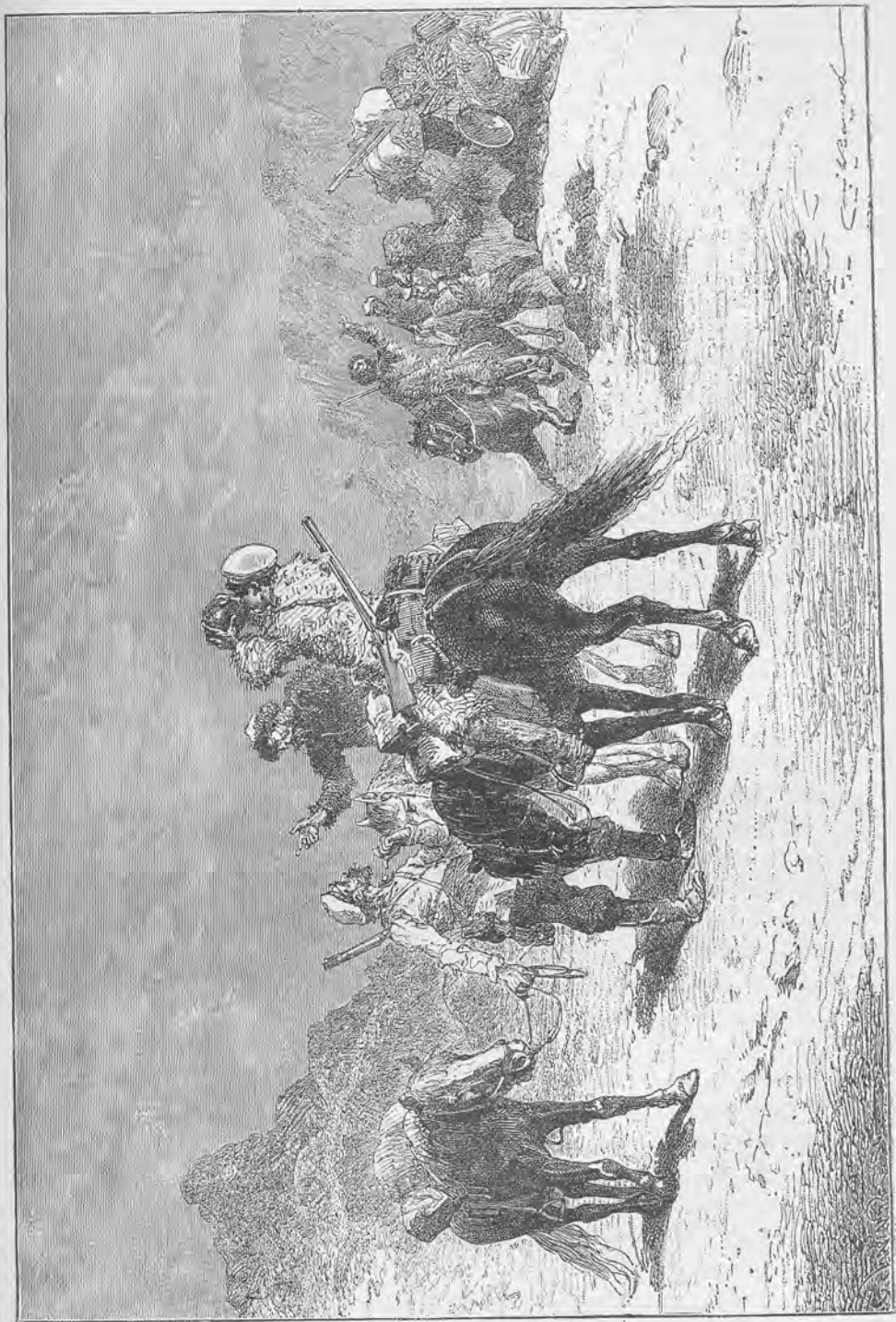
Въ подтвержденіе высказаннаго мнѣнія позволяемъ себѣ привести положительно сантиментальное отношеніе Николая Михайловича къ вышеописанной трагической гибели Фауста.

«Несмотря на все истомленіе, физическое и нравственное,—разсказываетъ онъ,—мы до того были огорчены смертью Фауста, что ничего не могли ѣсть и почти не спали цѣлую ночь. Утромъ слѣдующаго дня мы выкопали небольшую могилу и похоронили въ ней своего вѣрнаго друга. Отдавая ему послѣдній долгъ, мы съ товарищемъ плакали, какъ дѣти... Фаустъ былъ нашимъ другомъ въ полномъ смыслѣ слова. Много разъ, въ тяжелыя минуты различныхъ невзгодъ, мы ласкали его, играли съ нимъ и на половину забывали свое горе. Почти три года зготъ вѣрный песъ служилъ намъ и его не сокрушили ни морозы и бури Тибета, ни дожди и снѣга Гань-су, ни трудности дальнихъ хожденій по цѣлымъ тысячамъ верстъ. Наконецъ, его убилъ палящій зной Ала-шаньской пустыни и, какъ на зло, всего за два мѣсяца до окончанія всей экспедиціи».

До невысокаго, широкой (версть въ 10) сплошной грядой протанувшагося въ направленіи съ юго-востока къ сѣверо-западу хребта Хурху, который, если вѣрить разсказамъ туземныхъ монголовъ, связываетъ собою Инъ-шаньскую систему съ Тянь-шанемъ *), караванъ шелъ по сплошной пустынѣ, столь же дикой и бесплодной, какъ и Ала-шаньская.

Разница съ послѣднею заключается развѣ въ томъ, что сплошные сыпучіе пески смѣнялись здѣсь мѣстами голою глиною, мелкою галькою и даже обнаженіями каменныхъ породъ. Кромѣ того замѣчательную особенность этой части Гоби

*) Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого горы Хурху изслѣдованы были Пѣвцовымъ, и оказалось, что онѣ представляетъ восточное продолженіе юго-восточнаго Алтая, но оканчиваются приблизительно подъ 42° с. ш. и подъ 76¼° вост. долг. отъ Пулково; такимъ образомъ сообщенія мѣстныхъ монголовъ о связи этихъ горъ съ возвышенностями, окружающими долину Хуанъ-хъ—оказались невѣрными. (См. Пѣвцовъ „Краткій очеркъ Путешествія по Монголіи и внутреннему Китаю“. Изв. И. Р. Г. О. 1880 г., т. XVI, стр. 435—457.

Возвращение казака съ водою.

составляют деревья и кусты, которые встречаются здѣсь и образуют мѣстами даже небольшія рощицы, а также кусты дикаго персика, которыхъ нѣтъ ни въ Ала-шанѣ, ни въ Ганьсу, ни въ Сѣверномъ Тибетѣ.

Животная жизнь здѣсь до крайности бѣдна.

Въ первой половинѣ августа въ описываемой пустынѣ все время стояли очень большіе жары, которые все-таки не достигали такой степени, какъ въ Ала-шанѣ. Сильные вѣтры, переходившіе очень часто въ бури, дули ежедневно и днемъ, и ночью. Изрѣдка также случались тропическіе ливни, когда вдругъ появлялись цѣлыя рѣки, которыя приносятъ только вредъ путешественнику, такъ какъ они въ состояніи освѣжить атмосферу самое большее часа на два, а между тѣмъ грязные, бурные потоки весьма часто заносятъ колodцы, такъ что путникамъ приходится, по приходѣ на мѣсто стоянки, употреблять еще не мало труда на предварительное откапываніе ихъ.

Пройти здѣсь безъ проводника, хорошо знающаго мѣстность, невозможно—гибель грозитъ путнику на каждомъ шагѣ.

«Словомъ,—говоритъ Пржевальскій,—описываемая пустыня, равно какъ и Ала-шаньская, до того ужасны, что сравнительно съ ними пустыни сѣвернаго Тибета могутъ быть даже названы благодатною страной. Тамъ, по крайней мѣрѣ, часто можно встрѣтить воду, а по долинамъ рѣкъ—хорошія пастбища. Здѣсь нѣтъ ни того, ни другого, нѣтъ даже ни одного оазиса; всюду безжизненность, молчаніе, «долина смерти» въ полномъ смыслѣ слова. Столь прославленная Сахара едва ли страшнѣе описываемыхъ пустынь, которыя тянутся на многія сотни верстъ по широтѣ и долготѣ» *).

Горы Хурху составляютъ довольно рѣзкую границу совершенно безплодной пустыни съ юга и болѣе степной ея части съ сѣвера.

Впрочемъ и въ этой послѣдней части, какъ и во всей почти Гоби, растительность находится въ полной зависимости отъ осадковъ. Лишь только прольетъ дождь, какъ подъ вліяніемъ палящихъ лучей солнца, дремавшіе до сихъ поръ ростки травы начинаютъ необыкновенно быстро развиваться и черезъ короткое время, въ дикой и безплодной доселѣ пустынѣ появляются зеленѣющіе оазисы.

Тогда приходятъ сюда антилопы-дзерены, монгольскій жаворонокъ запоетъ свою громкую пѣсню, привоочуютъ монголы со стадами и счастливый уголокъ закипитъ жизнью, среди всеобщей мертвечины.

Но не на долго развернется здѣсь такимъ образомъ творческая сила природы! Жгучее солнце испаритъ мало-по-малу влагу, напитавшую и оплодотворившую почву; пожелтѣетъ трава, выбитая стадами, уководятъ монголы, уйдутъ дзерены, улетятъ жаворонки, и пустыня по прежнему останется безмолвна, какъ могила...

Пройдя область урюговъ, путешественники вступили въ Халху и усиден-

*) Монголія, стр. 374.

ными переходами торопились поскорѣе дойти до Урги, которую они жаждали теперь увидѣть, какъ обѣтованную землю и считали не только дни, но даже часы, когда наступитъ желанная минута.

«Жаль только,—записалъ въ своемъ дневникѣ Николай Михайловичъ,—что скоро идти нельзя, устали мы сильно, да при томъ, несмотря на конецъ августа, еще стоять день въ день жары...

Нужно видѣть въ какомъ видѣ теперь наше одѣянье. Сапогъ нѣтъ, а вмѣсто нихъ разорванные унты *); сюртукъ и штаны всѣ въ дырахъ и заплаткахъ, фуражки походятъ на выброшенную старую тряпку, рубашки всѣ поизорвались: осталось всего три полугнилыхъ, изъ которыхъ каждая не выносить болѣе недѣли. Каждый день мы отрываемъ отъ своихъ рубашекъ по отвалившемуся куску и носимъ ихъ до-нельзя, часто даже безъ рукавовъ» **).

Почти три года странствованій среди всевозможныхъ невзгодъ и лишеній такъ истомили нашихъ путешественниковъ, что они не могли теперь не желать скорѣйшаго конца экспедиціи.

Въ той части Гоби, гдѣ они шли, жары, безводіе, бури—все словно соединилось, чтобы доканать путниковъ напоследокъ и методически, день ото-дня подрывало ихъ послѣднія силы.

Теперь еще больше, чѣмъ отъ жаровъ, приходилось страдать отъ недостатка питьевой воды.

Если помнить читатель, въ самомъ началѣ экспедиціи, во время поѣздки къ озеру Далай-норъ, Николай Михайловичъ познакомился уже съ «нектаромъ», который заключается въ озерахъ Монголіи. Но то что имъ теперь пришлось испытать, пожалуй, еще превосходило прежнее. Колодезь здѣсь совсѣмъ почти не попадалось и по большей части приходилось довольствоваться грязными и вонючими лужами, образовавшимися послѣ ливней, которые здѣсь случались довольно часто.

«Иногда, рассказываетъ Пржевальскій, такое озерко имѣло не болѣе сотни шаговъ въ діаметръ и глубину—два, три фута, а между тѣмъ возлѣ него стояло съ десятокъ монгольскихъ юртъ. Ежедневно сюда пригонялись на водопой огромнѣйшія стада, которыя входили въ воду, мутили ее до невозможности и конечно тутъ же отправляли всѣ свои естественныя надобности; подобная вода сверхъ того насыщалась солью изъ почвы, а днемъ нагрѣвалась солнцемъ на двадцать пять градусовъ... Для свѣжаго человѣка одинъ видъ такой жидкости возбудилъ бы отвращеніе, но мы, подобно монголамъ, принуждены были пить ее, предварительно вскипятивъ на огнѣ и заваривъ кирпичнымъ чаемъ».

Миражъ, какъ злой духъ пустыни, почти ежедневно являлся передъ путе-

*) Унты—самодѣльная обувь забайкальскихъ казаковъ, въ данномъ случаѣ выше-описанные ходаки изъ язовой шкуры.

***) См. Дубровинъ, стр. 174.

шественинами и до того обманчиво представлялъ волнующуюся воду, что въ ней совершенно ясно отражались даже скалы сосѣднихъ холмовъ»... *).

Перейдя почтовую Уля-Сутайскую дорогу, караванъ вступилъ въ болѣе плодородную часть Гоби. Галька, устилавшая до сихъ поръ оголенную почву, смѣняется сначала гравиемъ, а затѣмъ крупно-зернистымъ пескомъ, который лишь въ небольшомъ количествѣ примѣшивается въ господствующей глинистой почвѣ. Въ то же время равнина принимаетъ сильно волнистый характеръ.

Здѣсь постепенно тощія пастбища Средней Гоби смѣняются прекрасными лугами, которыя, по мѣрѣ приближенія къ Ургѣ, дѣлаются все лучше и лучше.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ обиліи появляется и животная жизнь: многочисленные зверены бродятъ по прекраснымъ лугамъ, пшухи вездѣ снуютъ по норамъ, тарбаганы грѣются на солнцѣ, а изъ подъ облаковъ льется знакомая пѣснь полевого жаворонка, котораго не слышно было отъ самой Гань-су.

Чѣмъ ближе подходилъ караванъ къ Ургѣ, тѣмъ сильнѣе разгоралось у путешественниковъ нетерпѣніе поскорѣ увидѣть этотъ городъ.

Вотъ, наконецъ, достигли они береговъ Толы, первой рѣки, встрѣченной на всемъ пути по Монголія; отъ самыхъ Гань-суйскихъ горъ ни разу не встрѣтилось не только рѣки или рѣчки, но даже и ручья. Теперь вмѣстѣ съ текучей водою явились и лѣса, которые густо осѣняли собою крутые склоны хребта Хань-ула.

Сдѣлавъ еще одинъ дневной переходъ, путешественники въ вечеру 5-го сентября вступили въ Ургу, гдѣ встрѣтили самый радушный пріемъ со стороны русскаго консула.

«Не берусь описать впечатлѣнія той минуты,—говорить Николай Михайловичъ, когда мы впервые услышали родную рѣчь, увидѣли родныя лица и попали въ европейскую обстановку.

«Съ жадностью разспрашивали мы о томъ, что дѣлается въ образованномъ мірѣ, читали полученные письма и, какъ дѣти, не знали границъ своей радости **).

«Намъ, совершенно уже отвыкшимъ отъ европейской жизни, сначала все казалось страннымъ, начиная отъ вилки и тарелки, до мебели, зеркалъ и проч. Но уже на другой день намъ казалось, что мы какъ будто недѣлю жили среди всего этого. Прошедшая экспедиція и всѣ ея невзгоды казались теперь какимъ-то страшнымъ сномъ.

«Сумма новыхъ впечатлѣній была такъ велика и такъ сильно дѣйствовала на насъ, что мы въ этотъ день очень мало ѣли и почти не спали дѣлая ночь.

«Помышлись на другой день въ банѣ, въ которой не были почти два года, мы до того ослабѣли, что едва держались на ногахъ. Только дня черезъ два мы начали приходить въ себя, спокойно спать и ѣсть съ волчьимъ аппетитомъ» ***).

*) Монголія, стр. 377.

**) Монголія, стр. 380.

***) Изъ путевого дневника Н. М. Пржевальскаго.

«Путешествіе наше окончилось!—такими словами заключаетъ онъ свою книгу. Его успѣхъ превзошелъ даже тѣ надежды, которыя мы имѣли, переступая въ первый разъ границу Монголіи. Тогда впередъ насъ лежало не предугадываемое будущее; теперь же, мысленно пробѣгая все пережитое прошлое, все невзгоды труднаго странствованія, мы невольно удивлялись тому счастью, которое всегда сопутствовало намъ. Будучи нищими относительно матеріальныхъ средствъ, мы только рядомъ постоянныхъ удачъ обезпечивали успѣхъ своего дѣла... Много разъ оно висѣло на волоскѣ, но счастливая судьба выручала насъ и дала возможность совершить посильное изслѣдованіе, наименѣе извѣстныхъ и наиболѣе недоступныхъ странъ Внутренней Азіи».

Дѣйствительно, путешествіе, совершенное Николаемъ Михайловичемъ, было безпримѣрное.

Обладая средствами, далеко не достаточными для выполненія того громаднаго предпріятія, за которое онъ взялся, Пржевальскій своими исключительными талантами сумѣлъ поставить дѣло такимъ образомъ, что достигнулъ даже гораздо болѣе того, на что надѣялся онъ самъ и всѣ тѣ, которые содѣйствовали снаряженію его экспедиціи.

Путешествіе его продолжалось почти три года, считая съ 17 ноября 1870 года, когда онъ выступилъ изъ Кяхты, и по 19 сентября 1873 г.—время его возвращенія туда. За все это время онъ прошелъ 11,100 верстъ караваннаго пути, при чемъ 5,300 верстъ были нанесены на карту глазомѣрною съемкою.

Уже одна эта съемка составила громадную цѣнность, такъ какъ она доставила драгоцѣнные матеріалы для картографіи обширной области, до того времени совершенно не изслѣдованной, обнимающей громадную часть Центральной Азіи отъ русско-китайской границы до верховьевъ Голубой рѣки. При этомъ Пржевальскій первый далъ своими матеріалами ясное представленіе о гидрографической системѣ совершенно загадочной до того времени Куку-норской области.

Пржевальскій первый далъ точныя данныя для сужденія о степени абсолютнаго поднятія и широтнаго протяженія колоссальнаго Тибетскаго нагорья.

Кромѣ того неутомимый путешественникъ производилъ еще массу другихъ весьма цѣнныхъ для науки изслѣдованій: магнитное склоненіе, горизонтальное напряженіе земнаго магнетизма, астрономическое положеніе пунктовъ. Ежедневно четыре раза производились систематическія метеорологическія наблюденія и т. п.

Если мы теперь обратимся къ изученію органической природы посѣщенныхъ Пржевальскимъ мѣстностей, то здѣсь заслуги его еще болѣе громадны. Собранныя имъ коллекціи поразили специалистовъ при ближайшемъ знакомствѣ съ ними обширностью, а главное замѣчательно систематичною подборкою ихъ.

Всего собрано было въ теченіе перваго путешествія: 238 видовъ птицъ въ количествѣ около 1000 экземпляровъ; 42 вида млекопитающихъ въ числѣ 130 шкуръ; съ десятокъ видовъ пресмыкающихся, въ числѣ 70 экз.; 11 видовъ

рыбъ, болѣе 3000 видовъ насѣкомыхъ и 500—600 видовъ растений въ числѣ около 4000 экземпляровъ.

Вся экспедиція за три года обошлась въ 18—19 тысячъ рублей, слѣдовательно, если считать на звонкую монету, то на 1 годъ въ среднемъ вышло около 5000 руб.

«Это такъ мало,—писалъ Николай Михайловичъ своему другу Фатѣеву,— что я удивляюсь, какъ еще могли мы пройти такъ далеко съ такими ничтожными средствами».

Если принять еще во вниманіе, что Пржевальскій ходилъ почти все время по странѣ, охваченной возстаніемъ, гдѣ, въ сущности, не было никакого правительства, а безусловно властвовало лишь право силы, а, между тѣмъ, у него было лишь три спутника, что нитъ постоянно приходилось жить среди разбойниковъ и ежеминутно подвергать свою жизнь опасности, что онъ смѣло проникалъ туда, куда не рѣшался заглянуть ни одинъ изъ европейскихъ путешественниковъ—то несомнѣнно нужно признать, что заслуги руководителя этой славной экспедиціи были по истинѣ громадны...

Отдохнувъ немного въ Ургѣ, Николай Михайловичъ выѣхалъ въ Кяхту, куда и прибылъ 19 сентября 1873 г.

Отсюда онъ послалъ въ Петербургъ, въ Императорскій Ботаническій садъ пять большихъ ящиковъ съ ботаническими коллекціями.

Что касается коллекцій зоологическихъ, то Николай Михайловичъ повезъ ихъ съ собою; они вѣсили въ общей сложности 36 пудовъ и едва умѣстались на 2-хъ тройкахъ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Лавры первой экспедиціи.

Пржевальскій въ Иркутскѣ, въ Москвѣ, въ Петербургѣ.—Оваціи.—Высочайшія награды.—Лекція въ географическомъ обществѣ.—Осмотръ коллекцій австрійскихъ императоровъ и Александровъ II.—Покупка зоологическихъ коллекцій Академіей Наукъ.—Отъѣздъ въ деревню.—Награды изъ-за границы.—Разработка матеріаловъ.—Подарокъ офицеровъ генеральнаго штаба.—Приготовленія къ новой экспедиціи, выборъ спутниковъ.—Почетная грамота отъ международнаго географическаго конгресса „Palme d'Academie“.

9 октября Пржевальскій прибылъ въ Иркутскъ, гдѣ былъ встрѣченъ съ распростертыми объятіями.

Друзья нашли въ его наружности большую перемѣну, которая произошла за время странствованій по Центральной Азіи.

Истощенный организмъ требовалъ отдыха; Николай Михайловичъ рѣшилъ не подвергать себя по напрасну трудностямъ путешествія изъ глубины Сибири въ Россію и потому остался въ Иркутскѣ ожидать, пока установится санная дорога.

Въ ожиданіи отъѣзда онъ однако не бездѣйствовалъ и уже на четвертый день по пріѣздѣ въ Иркутскъ, отправилъ въ главный штабъ рапортъ о современномъ состояніи Китая, а черезъ нѣсколько дней и другой, въ которомъ изложилъ добытыя имъ свѣдѣнія о дунганскомъ возстаніи.

Кромѣ того, каждую недѣлю онъ читалъ публичныя лекціи въ Иркутскомъ благородномъ собраніи и началъ писать свою книгу.

Въ концѣ ноября Пржевальскій выѣхалъ изъ Иркутска и Рождественскія святки встрѣтилъ уже въ родномъ Смоленскѣ.

Проѣздомъ черезъ Москву онъ познакомился съ издателемъ журнала «Природа», г. Сабанѣевымъ, который не просилъ, а приставалъ къ Николаю Михайловичу съ просьбой написать хоть одну статью для журнала. Въ то же время общество испытателей природы предложило ему принять на себя всѣ издержки по печатанію книги со всѣми рисунками.

Въ январѣ 1874 г. Пржевальскій прибылъ въ Петербургъ.

Столица встрѣтила его весьма сочувственно. Первые дни пребыванія его здѣсь были сплошнымъ торжествомъ: поздравленія и всякаго рода оваціи сыпались на Николая Михайловича со всѣхъ сторонъ и онъ сталъ героемъ столичной жизни. Газеты наперерывъ спѣшили пустить въ публику все, что удавалось разузнать про экспедицію.

«Пржевальскому принадлежать,—говорилось въ одной изъ газетъ *), честь почина въ одной изъ самыхъ замѣчательныхъ и отважныхъ экспедицій нашего времени. До него мы знали только официальные командировки и военныя экспедиціи; онъ первый совершилъ частную учевую экспедицію, направленную въ глубь азіатскаго континента, и первый раскрылъ для науки невѣдомыя страны Букурора и сѣвернаго Тибета. Теперь, когда путь проложенъ, найдутся, конечно, и исследователи...»

4-го января товарищи Николая Михайловича по генеральному штабу чествовали его торжественнымъ обѣдомъ въ гостиницѣ Демуть. Тосты и рѣчи были преисполнены удивленія его подвигамъ и заслугамъ въ наукѣ.

«Приглашеніямъ нѣтъ числа, мои фонды растутъ съ каждымъ днемъ», написалъ Пржевальскій въ Варшаву своему другу Фатѣеву, подъ живымъ впечатлѣніемъ этихъ тостовъ.

Военный министръ графъ Д. А. Милютинъ оцѣнилъ заслуги Николая Михайловича; немедленно же онъ прикомандировалъ его въ главный штабъ, чтобы дать возможность заняться описаніемъ путешествія и затѣмъ испросилъ слѣдующія награды: 1) Пржевальскому пожизненная ежегодная пенсія въ 600 р., а Пыльцову въ 200 р., 2) обомъ слѣдующіе чины, 3) на время прикомандированія въ главный штабъ Пржевальскому назначено жалованье въ 2,250 р., а Пыльцовъ уволенъ въ 11-ти мѣсячный отпускъ.

*) «Голось» 1874 г., № 9.

Въ географическомъ обществѣ возбужденъ былъ вопросъ о награжденіи Пржевальскаго высшею наградю общества: большою Константиновскою медалью. Пренія были очень горячія, и голоса раздѣлились: одни стояли за Пржевальскаго, а другіе за Уварова *). За послѣднимъ оказался при баллотировкѣ перевѣсъ одного голоса, но Николаю Михайловичу объявлено было, что медаль эта не уйдетъ отъ него въ слѣдующемъ году.

8 февраля состоялось торжественное засѣданіе общества подѣ личнымъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Николаевича, въ которомъ Николай Михайловичъ прочелъ свою первую лекцію и познакомилъ присутствующихъ съ общимъ ходомъ и главнѣйшими результатами своего путешествія.

Чтеніе было покрыто громомъ руюоплесканій, во всѣхъ газетахъ появились самыя восторженныя рецензіи...

«Фонды мои растутъ съ каждымъ днемъ. Отъ приглашеній и знакомствъ нѣтъ отбоя. Вѣрите ли, мнѣ до того надобія разспросами, что я иногда просто и жизни не радъ», писалъ Николай Михайловичъ **)...

«По большей части я увѣливаю отъ подобныхъ приглашеній, но иногда нужно исполнять ихъ по необходимости» ***)... Такъ относился Николай Михайловичъ къ своимъ чествованіямъ.

9 февраля Пржевальскій показывалъ свою зоологическую коллекцію австрійскому императору Францу-Йосифу. Коллекція была перевезена въ зданіе главнаго штаба, и самъ Пржевальскій размѣщалъ ее по столамъ.

«Я самъ,—говорилъ Николай Михайловичъ,—въ первый разъ видѣлъ въ такомъ блескѣ свою коллекцію. Однѣхъ птицъ лежало 1,110, кромѣ того 35 шкуръ большихъ животныхъ и проч.».

Императоръ долго и съ большимъ вниманіемъ разсматривалъ эту коллекцію, не переставая разспрашивать, много ли онъ вынесъ опасностей и лишеній; по окончаніи осмотра онъ пожаловалъ Пржевальскому кавалерскій крестъ ордена Леопольда.

На слѣдующій день ту же коллекцію осматривали академики и знакомые Николая Михайловича...

Самые извѣстные писатели и ученые, желая познакомиться съ Николаемъ Михайловичемъ, преподносили ему свои книги и брошюры.

Отъ англійскаго путешественника Эліаса, который года за два передъ тѣмъ проѣхалъ по Монголіи изъ Пекина, Пржевальскій получилъ экземпляръ «извѣстій» лондонскаго географическаго общества и въ отвѣтъ на эту любезность послалъ свое «Путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ».

Его письма, которыя онъ присылалъ съ пути, немедленно же рассылались по заграничнымъ географическимъ обществамъ и переводились на иностранныя языки.

*) За его изслѣдованіе «Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ равнинамъ».

***) Письмо къ Фатѣеву, 10 февраля 1874 г.

***) Письмо къ дядѣ, 2 марта 1874 г.

Время текло чрезвычайно быстро. Среди всевозможных занятий и парадных собраний, онъ находилъ возможнымъ еще прочесть нѣсколько публичныхъ лекцій о своемъ путешествіи, сборы съ которыхъ жертвовалъ въ пользу голодающихъ въ то время въ Самарской губ. или въ Красный Крестъ.

21 марта коллекцію Пржевальскаго осматривалъ также императоръ Александръ II.

Государь настолько заинтересовался этою коллекціей, что тутъ же призналъ *необходимымъ* купить ее для музея Академіи Наукъ, но замѣтилъ, что «Академія не имѣетъ для того средствъ». Такимъ образомъ, государь оцѣнивалъ эту коллекцію слишкомъ высоко.

Воспользовавшись этимъ, Николай Михайловичъ написалъ письма въ Академію и въ совѣтъ географическаго общества съ предложеніемъ купить его коллекцію за 10 тысячъ рублей.

По заявленію академикомъ Брандта, Шренка и Штрауха, которымъ поручено было произвести оцѣнку, коллекція эта стоила гораздо болѣе.

Съ своей стороны августѣйшій президентъ географическаго общества лично ходатайствовалъ о вознагражденіи Пржевальскаго.

«Общество не можетъ не признать весьма желательнымъ, — писалъ великій князь министру финансовъ *), — чтобы коллекція г. Пржевальскаго, по отзыву специалистовъ, единственная въ своемъ родѣ, остались въ Россіи памятникомъ замѣчательнаго подвига путешественника».

13 апрѣля 1874 г. географическое общество получило увѣдомленіе, что коллекція Пржевальскаго приобрѣтена на средства государственнаго казначейства.

Изъ полученныхъ 10 тысячъ рублей Николай Михайловичъ немедленно же выдалъ 2 тысячи Пыльцову, какъ своему ближайшему сотруднику по путешествію.

Когда коллекція, собранная въ путешествіи, попали такимъ образомъ въ самыя надежныя руки, и Пржевальскому нечего было беспокоиться о дальнѣйшей судьбѣ своихъ сокровищъ, оставалось только повончить съ описаніемъ самого путешествія, чтобы затѣмъ завести рѣчь и о слѣдующей экспедиціи.

Что касается работы надъ писаніемъ книги, то она очень туго подвигалась впередъ, при той разсѣянной жизни, которую Пржевальскому по необходимости приходилось вести въ Петербургѣ. Столичная сутолока ему, наконецъ, до крайности надоѣла и онъ рѣшился попроситься въ продолжительный отпускъ, для разработки своего сочиненія

Ему отвѣчали, что такъ какъ онъ оставленъ при главномъ штабѣ, по приказанію государя, именно для составленія описанія путешествія, то онъ и можетъ жить, гдѣ хочетъ и гдѣ надѣется скорѣе справиться со своею задачею.

«Вотъ завидная служба! — говорилъ по этому поводу Николай Михайло-

*) Рескриптъ М. X. Рейтерну, 1874 г. № 237.

вичь своимъ друзьямъ.—Фонды мои еще подросли и я нахожусь теперь въ апогеѣ своей славы».

Пржевальскій рѣшилъ поселиться въ своемъ родномъ Отрадномъ, но передъ отъѣздомъ онъ представилъ подробную программу своего сочиненія и, считая, что печатаніе этого труда обойдется въ 10 тысячъ рублей, просилъ географическое общество увѣдомить его, найдетъ ли оно возможнымъ ассигновать эту сумму на изданіе книги.

Общество изъявило свое полное согласіе, и печатаніе книги такимъ образомъ было обезпечено.

Теперь оставалось только поскорѣе окончить писаніе рукописи.

4 мая Пржевальскій пріѣхалъ въ Отрадное, но послѣ суетолики петербургской жизни чувствовалъ необходимость сначала отдохнуть на лонѣ деревенской природы.

22 мая въ Отрадномъ праздновалось крупное событіе: М. А. Пыльцовъ женился на Александрѣ Ивановнѣ Толпыго, сводной сестрѣ Николая Михайловича, отъ второго брака его матери.

— «Эго чисто, какъ въ романѣ,—говорилъ Пржевальскій,—ѣздили вмѣстѣ въ далекія страны, а затѣмъ, по возвращеніи, одинъ изъ путешественниковъ женится на сестрѣ товарища. Не прибавить ли это въ подробномъ разсказѣ къ описанію моего путешествія?..»

Послѣднее писалось не особенно усердно, хотя къ половинѣ іюля уже готово было 6 главъ, а въ октябрѣ авторъ рассчитывалъ уже приступить къ печатанію.

Въ половинѣ сентября оказалось необходимымъ поѣхать въ Петербургъ, и снова начались всевозможныя чествованія и оваціи, которыя положительно изводили непривыкшаго къ шумной жизни Николая Михайловича.

«Едва четыре дня прошло,—писалъ онъ *),—съ тѣхъ поръ, какъ я покинулъ тихій уголокъ въ Отрадномъ и опять нахожусь въ Петербѣ, въ вѣчной суматохѣ и въ толкотнѣ человѣческаго муравейника. Тяжело привыкать къ непривычному и опять закабалить себя въ клѣтку, называемую петербургскимъ домою. Но такъ или иначе, я долженъ буду сидѣть взаперти до Рождества».

Было, конечно, не мало и отрадныхъ минутъ.

Такъ, географическое общество въ собраніи 8 января 1875 г. присудило ему Константиновскую медаль, Пыльцову — малую золотую, а казакамъ Чабаеву и Ирнчинову — бронзовыя.

Еще равнѣе, 10 октября Берлинское географическое общество избрало Николая Михайловича своимъ почетнымъ членомъ.

Въ ноябрѣ 1874 г. онъ получалъ письмо отъ Парижскаго географическаго

*) Пыльцову, 15 сентября 1874 г.

конгресса, въ которомъ его просили принять участіе въ трудахъ конгресса, т. е. написать что-нибудь.

Приглашеніе это чрезвычайно льстило его самолюбію, и онъ хотѣлъ лично отправиться въ Парижъ, а вмѣстѣ статьи послать свою книгу.

Но послѣдняя еще не была отпечатана, и Пржевальскій въ тѣ дни, когда ему удавалось отдѣлаться отъ массы всевозможныхъ приглашеній, работалъ, не вставая съ мѣста.

Упорными трудами онъ достигъ, наконецъ, того, что въ концѣ октября сдалъ рукопись перваго тома въ типографію и къ половинѣ ноября было уже отпечатано 10 листовъ, а къ торжественному засѣданію географическаго общества появился въ свѣтъ I томъ.

Выходъ остальныхъ двухъ томовъ обѣщаль затянуться еще надолго, такъ какъ предстояла еще чрезвычайно трудная работа не только ему самому, но и многимъ другимъ лицамъ.

«Работа по описанію—птицъ, писалъ онъ Фатѣеву *),—подвигается туго... При томъ это описаніе прегнусное, приходится считать перья, мѣрить носы и т. п. Это не та широкая свобода мысли, когда приходится творить описанія природы, нѣтъ, теперь все должно быть уложено въ узкую рамку специальности, для которой прежде всего нужна усидчивость, а не способность. Право, я никогда не думалъ, чтобъ мнѣ такъ противны были эти спеціальныя описанія, но волею-неволею нужно подчиниться необходимости».

Дни его жизни въ Петербургѣ проходили крайне однообразно: утромъ онъ писалъ дома, потомъ шелъ на урокъ англійскаго языка, а затѣмъ въ Академію, гдѣ и занимался до 4—4½ часовъ. Обѣдалъ въ гостиницѣ, и вечеромъ или снова занимался, или уходилъ куда-нибудь по приглашенію.

Теперь еще прибавился довольно впрочемъ пріятный трудъ подношенія своей книги различнымъ лицамъ. Всего роздано было такимъ образомъ 118 экзempl.

«Не для себя лично, — говоритъ онъ **), — дѣлаю я всѣ эти поднесенія. Нѣтъ! ими окупаются широкое снаряженіе моей будущей экспедиціи».

Объ этой послѣдней онъ постоянно мечталъ теперь. Все, что напоминало прошлое путешествіе, доставляло ему истинное наслажденіе. Съ особеннымъ восторгомъ сообщалъ онъ Пыльцову о томъ, что получилъ телеграмму отъ казаковъ Чабаева и Ирнчинова, которые телеграфировали ему: «Память о васъ перейдетъ изъ рода въ родъ; съ вами готовы въ огонь и воду».

Офицеры генеральнаго штаба по подпискѣ преподнесли Николаю Михайловичу превосходный штуцеръ работы Ланкастера, спеціально заказанный въ Лондонѣ черезъ посредство тамошняго военнаго агента, генерала Горлова, который и самъ принялъ участіе въ подпискѣ.

*) 14 февраля 1875 г.

***) Въ письмѣ къ В. А. Бѣльцову, 26 января 1875 г.

Штудеръ этотъ былъ замѣчательной работы и стоилъ около 1,000 рублей. Въ то время во всей Европѣ было только три такихъ ружья.

«Такое ружье,—съ гордостью говорилъ Пржевальскій,—есть только у Наслѣдника».

Мечтая о новомъ своемъ путешествіи, Николай Михайловичъ началъ уже разрабатывать и подробный планъ его.

«Я не намѣренъ успокоиться,—писалъ онъ*),—и въ концѣ будущаго 1875 г., лишь только окончу второй томъ своего сочиненія, снова отправлюсь въ Тибетъ, на этотъ разъ изъ Туркестана. Средства теперь, вѣроятно, дадутъ большія, такъ что я возьму еще человѣкъ 6—7 казаковъ, которыхъ вооружу берданками».

Прежній его спутникъ, по причинѣ своей женитьбы, теперь уже былъ не подходящимъ товарищемъ для предстоящей экспедиціи, и потому Николай Михайловичъ пригласилъ Николая Яковлевича Ягунова, бывшаго съ нимъ въ самомъ первомъ путешествіи въ Уссурийскомъ краѣ.

Послѣдній теперь уже окончилъ юнкерское училище и былъ произведенъ въ офицеры. Зная способности Ягунова къ рисованію, Николай Михайловичъ всѣми способами поощрялъ его въ занятія этимъ искусствомъ, считая, что въ экспедиціи весьма полезно имѣть художника.

Ягуновъ, съ восторгомъ мечтавшій о предстоящей экспедиціи, трудился очень усердно и оказывалъ большіе успѣхи. Одновременно съ этимъ онъ, по порученію Николая Михайловича, занялся присканіемъ еще другаго товарища въ предстоящее путешествіе.

Въ случаѣ, если бы подходящаго изъ юнкеровъ не нашлось, то Пржевальскій просилъ поискать между гимназистами и общалъ назначить такому не казенному спутнику 600 р. содержанія въ годъ изъ своихъ собственныхъ средствъ.

Впрочемъ, онъ сознавалъ, что вполне подходящаго человѣка найти очень трудно; спутникъ, по его мнѣнію, долженъ быть человѣкомъ самъ по себѣ хорошимъ и привязаннымъ всею душою какъ къ нему, такъ и къ общему дѣлу; члены экспедиціи должны составлять одно общее цѣлое и связаны братскою дружбою.

«Тогда,—говорилъ Пржевальскій,—всѣ труды и лишенія, всѣ неприятности отъ мѣстнаго населенія,—все это легче бы переносилось и менѣе бы чувствовалась отчужденность отъ родныхъ и цивилизованнаго міра**).

Во избѣжаніе того, чтобы изъявившій свое желаніе не сдѣлать этого изъ одного расчета на возможность сдѣлать блестящую карьеру, Пржевальскій просилъ втолковать всѣмъ юношамъ, добивающимся зачисленія въ экспедицію, что они ошибаются, если смотрятъ на путешествіе, какъ на средство отличиться и попасть въ знаменитости. Напротивъ, имъ придется столкнуться со всѣми трудностями и лишеніями, которыя явятся непрерывною чредою на цѣлые годы,

*) М. П. Степанову, 8 октября 1874 г.

**) См. Дубровинъ, стр. 198.

при этомъ личная инициатива будетъ подавлена цѣлями экспедиціи; онъ долженъ будетъ превратиться въ безсловеснаго исполнителя и препаратора чучель, собирателя топлива, караульнаго по ночамъ и пр. Долженъ начать съ того, чтобы сидѣть по цѣлымъ днямъ въ музеѣ, учиться дѣлать чучела, а затѣмъ идти на тысячу лишеній и опасностей»...

Желающихъ было очень много и въ числѣ ихъ одинъ нѣмецъ изъ Вѣны, который называлъ себя геологомъ и географомъ. Но Николай Михайловичъ забраковалъ его, не довѣряя ни его знаніямъ, ни способности выдержать всѣ невзгоды путешествія.

Наконецъ, его выборъ остановился на 18-лѣтнемъ юношѣ Эклопѣ, недавно вышедшемъ изъ 4-класса гимназіи.

Проговоривъ съ Эклопомъ цѣлый вечеръ, Николай Михайловичъ нашелъ въ немъ всѣ требуемыя условія. Еще черезъ нѣсколько дней знакомства онъ убѣдился, что лучшаго спутника ему не найти и пригласилъ его на дѣто къ себѣ въ Отрадное. Туда же онъ ожидалъ вскорѣ пріѣзда Ягунова и Фатѣва, какъ вдругъ получилъ горестное извѣстіе, что, купаясь въ Вислѣ, Ягуновъ утонулъ.

Извѣстіе это сильно поразило Пржевальскаго, такъ какъ Ягунова онъ считалъ уже какъ бы своимъ роднымъ...

Впоследствии, уже не за долго предъ отъѣздомъ, Пржевальскій избралъ себѣ еще одного спутника, юнкера Евграфа Пovalo-Швейковскаго, котораго онъ зналъ еще съ дѣтства: мать Швейковскаго имѣла небольшое помѣстье по сосѣдству съ Отраднымъ.

Между тѣмъ, Эклопа онъ усиленно готовилъ къ экзамену на вольноопредѣляющагося и съ этою цѣлью отправилъ его въ Варшаву, поручивъ наблюденіе за нимъ своему другу Фатѣву. Старанія его увѣнчались успѣхомъ и 24-го октября Эклопъ, выдержавъ экзаменъ, былъ зачисленъ въ Самогитскій полкъ.

Занятый спѣшной работой по составленію втораго тома своего труда, Николай Михайловичъ не могъ исполнить своего желанія—поѣхать въ Парижъ на конгрессъ, куда его приглашали.

Тѣмъ не менѣе въ августѣ 1875 г., во второмъ засѣданіи этого конгресса, Пржевальскому рѣшено было выдать почетную грамоту.

Препровождая ее, президентъ международнаго конгресса, вице-адмиралъ де-ла-Ронсіеръ писалъ Николаю Михайловичу:

«Важныя открытія, сдѣланныя вами во время путешествія по Монголіи и землѣ тангутовъ, признаны международнымъ жури достойными и исключительной награды.

«Благодаря вамъ, успѣхи, достигнутые географіей этихъ земель, имѣютъ настолько важное значеніе для науки, что отличія, предусмотрѣнныя въ уставѣ общества, не могутъ соотвѣтствовать вашимъ заслугамъ» *).

*) См. Дубровинъ, стр. 201.

Одновременно съ этимъ французское министерство народнаго просвѣщенія избрало его своимъ почетнымъ сотрудникомъ и прислало золотой знакъ «Palme d'Academie». Орденъ этотъ дается за большія ученые заслуги и состоитъ изъ двухъ золотыхъ вѣтвей: пальмовой и лавровой.

Трудъ по разработкѣ матеріаловъ путешествія, однако, сильно затянулся. Въ августѣ Пржевальскій окончилъ разработку метеорологическихъ журналовъ и еще съ большимъ рвеніемъ засѣлъ за окончаніе описанія птицъ.

Наконецъ и это было готово, рукопись была сдана въ типографію и Николай Михайловичъ приступилъ теперь къ сборамъ въ новое путешествіе.

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Сборы въ экспедицію.

Ходатайство о командировкѣ, планъ предстоящей экспедиціи. — Ассигнованіе средствъ. — Снаряженіе. — Выѣздъ изъ Петербурга. — Жизнь въ Отрадномъ. — Задержка въ Перми. — Путь до Кульджи. — Несчастіе при переправѣ черезъ р. Хоргосъ. — Снаряженіе каравана. — Ухлопоты въ Пекинѣ о выдачѣ паспорта.

Еще въ январѣ Пржевальскій набросалъ планъ своей будущей экспедиціи.

Весну 1876 г. онъ предполагалъ провести въ Кульджѣ и сосѣднихъ съ нею частяхъ Тянь-шаня, лѣто на озерѣ Лобъ-норъ, осень — въ пустыняхъ между озерами Лобъ-норъ и Куку-норъ, а затѣмъ на зиму намѣревался идти въ Лхассу. Весною 1877 года онъ предполагалъ пройти далѣе къ югу, изслѣдовать верховья Брамапутры до ея истоковъ, двинуться къ востоку по сѣверному склону Гиммалаевъ, а зиму 1877—1878 гг. провести опять въ окрестностяхъ Лхассы. Отсюда собранная коллекція, по его плану, отправляются въ Ургу съ какимъ-либо караваномъ богомольцевъ и при конвоѣ одного изъ казаковъ, а экспедиція съ наступленіемъ весны двигается на Иравадди, и если счастье благоприятствуетъ, то пробирается въ Индо-Китай до Салуэна или въ какое-либо другое мѣсто тропической Азіи.

Такими широкими чертами набросанъ былъ грандіозный планъ задуманной экспедиціи.

По приблизительному расчету стоимость такой экспедиціи должна была составить около 36,000 р., но свѣдущіе люди совѣтовали, въ виду значительности этой суммы, просить только 24,000 на два года, а впоследствии, говорили ему, прибавятъ еще на годъ.

Николай Михайловичъ послѣдовалъ этому совѣту и въ январѣ 1876 года

представил докладную записку въ географическое общество съ изложеніемъ вышеприведеннаго плана и съ приложеніемъ расчета приблизительной стоимости путешествія *).

Совѣтъ географическаго общества при обсужденіи подробностей предложенія Пржевальскаго въ засѣданіи 31 января 1876 г. пришелъ къ единогласному рѣшенію принять это предложеніе.

Сношенія съ министрами военнымъ и иностранныхъ дѣлъ показали, что и высшія правительственныя сферы относятся весьма сочувственно къ снаряженію этой экспедиціи.

Военный министръ Д. А. Милютинъ увѣдомилъ совѣтъ географическаго общества, что для приведенія въ исполненіе этого многообщающаго предпріятія онъ намѣренъ испросить Высочайшее повелѣніе на командированіе Пржевальскаго и выбранныхъ имъ спутниковъ на два или на три года съ сохраненіемъ получаемого ими содержанія и выдачею его всередь за два года звонкою монетою, на выдачу всѣмъ путешественникамъ двойныхъ прогонныхъ денегъ, и снабженіе всѣхъ членовъ экспедиціи казеннымъ оружіемъ и боевыми припасами, и, наконецъ, писалъ министру: «я сочту своею обязанностью рекомендовать путешественниковъ особому вниманію нашихъ пограничныхъ властей въ Средней Азіи и просить ихъ оказывать все зависящее отъ нихъ содѣйствіе успѣху экспедиціи» **).

Съ своей стороны, министръ иностранныхъ дѣлъ Н. К. Гирсъ, вполне одобряя выбранный Пржевальскимъ планъ экспедиціи, рекомендовалъ обратить особенное вниманіе на изученіе Тибета и въ частности Лхассы, какъ центра ламайскаго ученія, столь распространеннаго между сибирскими инородцами.

Получивъ такимъ образомъ отовсюду доказательства сочувственнаго отношенія къ задуманному Пржевальскимъ предпріятію, географическое общество просило своего августѣйшаго президента обратиться съ ходатайствомъ къ Государю объ отпускѣ нужной суммы (24,740 р.) изъ средствъ государственнаго казначейства, на что вскорѣ и послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе.

Въ это время Николай Михайловичъ напрягалъ всѣ усилія къ скорѣйшему окончанію своего труда. Почти все время онъ проводилъ среди корректуръ. Работы у него было столько, что онъ едва могъ усталою рукою написать одно или два письма, а, между тѣмъ, какъ нарочно, ему не давали покоя...

20 февраля его пригласили принять участіе въ засѣданіи комиссіи по колонизаціи Амура. Засѣданіе это, къ великому неудовольствію Николая Михайловича, который всегда ложился спать въ 10 часовъ, началось въ 9 часовъ и продолжалось до полуночи.

«За колонизацію Амура я ратовалъ,— писалъ онъ Эклону ***).— Должно быть мои разъясненія понравились предсѣдателю (товарищу министра внутреннихъ

*) См. Дубровинъ, приложение № 8.

**) Дубровинъ, стр. 207.

***) Отъ 21 февраля 1875 г.

дѣль), и онъ просилъ меня принять участіе и въ комиссіи по еврейскому вопросу. Отпирался я ничего-незнаніемъ про евреевъ—ни къ чему не повело»...

Нельзя не удивляться тому, что, обремененный до такой степени массою всевозможныхъ работъ, Николай Михайловичъ все еще находилъ время исподволь заготовлять все нужное для предстоящаго путешествія, а также успѣвалъ оказывать всевозможные знаки сыновней любви къ матери и вниманія во всемъ своимъ близкимъ.

Такъ, напр., объ Эклонѣ онъ не переставалъ заботиться, какъ о своемъ родномъ, и старался доставлять ему всевозможныя удобства передъ тѣмъ, какъ отправится въ Азію на непрерывныя страданія и лишенія.

Въ то же время онъ понемногу закупалъ и заказывалъ различныя принадлежности экспедиціи, хотя деньги, ассигнованныя на нее, еще не были получены; Фатѣва Николай Михайловичъ просилъ купить въ Варшавѣ трое часовъ: одни для себя, а двое для подарковъ; Пыльцову поручилъ лить пули, а консула въ Ургѣ г. Шимарева просилъ прискаты заблаговременно хорошаго переводчика, что тотъ и исполнилъ; поручилъ прискаты казаковъ, годныхъ въ спутники и т. п.

Наконецъ, все было покончено. Багажа набралось такъ много, что Пржевальскій началъ выискивать средства къ сокращенію его. Такимъ образомъ фотографическій аппаратъ, вѣсившій съ упаковкой и со всеми принадлежностями около 17 пудовъ, былъ забракованъ, тѣмъ болѣе, что, какъ оказалось, его молодые спутники: Эклонъ и Швейковскій, не сдѣлали блестящихъ успѣховъ въ пользованіи этимъ аппаратомъ, хотя и проходили специальный курсъ ученія у фотографа. Тѣмъ не менѣе багажа уже въ Петербургѣ накопилось болѣе 100 пуд.

Распрощавшись со всеми петербургскими друзьями и получивъ отъ Великаго Князя Николая Николаевича младшаго въ подарокъ превосходную лагавую собаку, Пржевальскій 7 мая выѣхалъ изъ Петербурга въ Отрадное, гдѣ оставался еще до 23 числа, проводя время среди родныхъ и на охотѣ.

«Ничего ровно не дѣлаю,—писалъ онъ Фатѣву *),—только ѣмъ, сплю и хожу на охоту. Впрочемъ, по утрамъ обучаю своихъ спутниковъ стрѣльбѣ изъ берданку и револьверовъ... Результаты пока еще плохіе... Да, не одинъ разъ вспоминаю я про потерю Ягунова...

«Сборка въ экспедицію стоитъ въ Петербургѣ четыре съ половиною тысячи, да въ Москвѣ надо будетъ истратить еще тысячи полторы. Все это ничего, лишь бы спутники были хороши»...

Надъ этимъ Николай Михайловичъ частенько такъ задумывался. Что касается Эклона, то въ этомъ онъ былъ увѣренъ и не сомнѣвался, что онъ горячо ему преданъ, усердный и энергичный человѣкъ, который несомнѣнно будетъ полезенъ экспедиціи. На раздумье его наводилъ другой спутникъ, котораго ему не удалось еще узнать, какъ слѣдуетъ, характеръ и дѣятельность котораго еще не

*) 18 мая 1876 г., изъ Отраднаго.

выяснились. Впоследствии оказалось, что Пржевальскій, дѣйствительно, ошибся въ Швейковскомъ и съ тяжелымъ сердцемъ ему пришлось съ дороги отправить этого молодого человѣка обратно въ Россію, какъ это указано будетъ дальше.

Въ концѣ апрѣля Пржевальскій со своими спутниками выѣхалъ изъ Ограднаго въ Москву и въ началѣ іюля надѣялся быть уже въ Кульджѣ.

Однако же, на пути встрѣтились разныя задержки, въ особенности въ Перми, гдѣ ему пришлось долго дожидаться прибытія патроновъ, назначенныхъ изъ казенныхъ складовъ для экспедиціи.

Лишь 13 іюня прибыли эти патроны, въ количествѣ 12,000, предвзвѣченные, какъ говоритъ Пржевальскій: «для порушенія различныхъ животныхъ въ пустыняхъ Азіи, не исключая человѣка, если обстоятельства въ тому понудятъ», и экспедиція выѣхала изъ Перми на 13 почтовыхъ лошадахъ въ двухъ тарантасахъ и на двухъ телѣгахъ съ вещами.

Послѣднихъ набралось теперь уже болѣе 130 пудовъ.

Когда въ Перми подвели итоги стоимости снаряженія и содержанія участниковъ экспедиціи, то оказалось, что израсходовано было уже 6,600 р., но зато снаряженіе было сдѣлано въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

При плохомъ состояніи уральскихъ дорогъ, возня съ громоздкимъ и тяжело-вѣснымъ багажомъ составляла большія затрудненія: экипажи очень часто ломались подъ тяжестью грузовъ, и за одну ихъ починку пришлось заплатить въ разное время до 150 р.

Переваливъ черезъ Уралъ, путешественники вступили сначала въ Ишимскую степь, съ тучной черноземной почвой, изобилующую превосходными лугами, а затѣмъ въ степь Барабинскую, которая по мѣрѣ удаленія отъ Омска въ Семипалатинску все болѣе и болѣе приближалась по своему характеру къ пустынѣ Гоби.

На всемъ 727 верстномъ пространствѣ между Омскомъ и Семипалатинскомъ залегла гладкая, какъ полъ, степь, которая, по мѣрѣ удаленія на востокъ, принимаетъ все болѣе суровый характеръ; появляются солончаки съ обычными на нихъ растеніями, озера попадаютъ все рѣже и рѣже и, вообще, бѣдность водою явственно проявляется.

Жары все время стояли ужасныя.

«Днемъ мы ѣдемъ обыкновенно раздѣтые, — пишетъ Пржевальскій *)», — даже безъ сапогъ и штановъ; въ каждой попутной рѣчкѣ купаемся. Мое здоровье отлично и быстро поправилось: головныя боли, кашель, катарръ горла — все прошло. Вотъ что значитъ приволье страннической жизни! Это не то, что сидѣть въ петербургскомъ климатѣ, въ маленькой конуркѣ, въ 5-мъ этажѣ».

Въ Семипалатинскъ Пржевальскій съ товарищами прибылъ въ началѣ іюля и напелъ здѣсь Чабаева и Ирнчинова, съ которыми встрѣтился, какъ со своими

*) Фатѣву изъ Семипалатинска, 3 іюля 1876 г.

братьями. Съ ними быть присланъ еще третій казакъ-переводчикъ Бату-Батаевъ, который очень понравился Николаю Михайловичу.

По всему пути путешественники встрѣчали со стороны мѣстныхъ властей самый радушный пріемъ и предупредительность.

Въ Омскѣ овъ каждый день обѣдалъ у генераль-губернатора; будучи въ Семипалатинскѣ, получилъ по телеграфу отъ Семирѣченскаго губернатора, генерала Колпаковского, увѣреніе въ желаніи оказать полное содѣйствіе при слѣдованіи въ г. Вѣрный.

Дѣйствительно, когда путники вступили въ предѣлы Семирѣченской области, то повсюду встрѣчали необыкновенную предупредительность. Въ г. Сергіевскомъ Пржевальскаго встрѣтилъ почетный караулъ; по станціямъ вездѣ заготовлены были заранѣ лошади...

Заѣхавъ въ Вѣрный, гдѣ выбралъ себѣ трехъ казаковъ, Николай Михайловичъ отправился въ Кульджу, гдѣ намѣревался приступить къ окончательному снаряженію.

Только подъ самый конецъ пути по русскимъ владѣніямъ случилось небольшое несчастье. Не доѣзжая немного до Кульджи, при переправѣ вбродъ черезъ быструю горную рѣчку Хоргосъ, одна изъ телегъ опрокинулась, и всѣ 14 ящиковъ, нагруженные на ней, попадали въ воду и были подхвачены быстрымъ теченіемъ. Часть этихъ вещей совершенно пропала, и нѣкоторыя попортились отъ воды.

Окончательное снаряженіе экспедиціи задержало Николая Михайловича въ Кульджѣ на нѣсколько недѣль.

хлопотъ было множество: нужно было разсортировать всѣ вещи, разложить ихъ въ извѣстной системѣ по вьюкамъ, заготовить ящики и сумы и т. п.

Къ этому присоединилась еще возня съ вещами, съ которыми случилось несчастье на р. Хоргосъ: надо было все распаковать и просушить. Къ счастью, порча оказалась незначительной.

Куплено было 24 верблюда и 4 верховыхъ лошади, но казаки, взятые изъ Вѣрнаго, оказались негодными для ухода за животными: это были лѣтяи и пьяницы, такъ что Николай Михайловичъ былъ сильно недоволенъ ими.

Вообще, вся опора экспедиціи заключалась лишь въ прежнихъ испытанныхъ слутникахъ Чабавѣ и Иринчиновѣ, хотя и Эклономъ Николай Михайловичъ былъ вполне доволенъ.

7 августа Пржевальскій получилъ отъ Туркестанскаго генераль-губернатора Кауфмана переводъ съ письма Кашгарскаго владѣтеля Язубъ-бека, который писалъ, что приметъ русскихъ путешественниковъ, какъ гостей, и пока они будутъ находиться въ его владѣніяхъ, будетъ оказывать имъ всевозможное содѣйствіе.

Одновременно съ этимъ получено было письмо и отъ Чугучакскаго китайскаго амбана, который не совѣтовалъ экспедиціи ходить въ Карашару, «такъ какъ тамъ много разбойниковъ».

«Видите,—писалъ по этому поводу Николай Михайловичъ,—китайцу стало страшно даже въ Чугучакѣ! Плевать на всё подобныя страшанія. При надеждѣ встрѣтить ласковый пріемъ со стороны Якубъ-бека, мы можемъ съ большимъ вѣроятіемъ рассчитывать быть мѣсяца черезъ три и на Лобъ-норѣ...

«Паспортъ изъ Пекина я получилъ на проходъ отъ Хами въ Тибетъ. Только китайцы отказались охранять экспедицію. Это-то и нужно, чтобы возлѣ насъ не было такой... каковы всё китайскіе солдаты».

Добыть этотъ паспортъ отъ китайскаго правительства, однако-же, оказалось дѣломъ нелегкимъ.

Получая телеграмму о командированіи Пржевальскаго къ озеру Лобъ-норъ и въ Тибетъ, русскій посланникъ въ Пекинѣ, г. Бюдовъ, обратился къ китайскимъ министрамъ съ просьбою выдать Пржевальскому и его спутникамъ охранный листъ для этого путешествія.

Министры отвѣчали, что они затрудняются выдать такой листъ, ссылаясь на то, что мѣстности, прилежащія къ Кульджинскому краю, заняты инсургентами, и путь въ Тибетъ не свободенъ.

Посланникъ возразилъ, что листъ требуется для путешествія не въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ исурреція, а въ областяхъ, находящихся подъ управленіемъ китайскихъ властей и въ которыхъ русскій путешественникъ имѣетъ право на покровительство, на основаніи договоровъ.

— Независимо отъ того, что весь южный склонъ Тянь-шаня занятъ инсургентами,—возражали китайскіе министры,—должно имѣть въ виду, что население странъ, черезъ которыя придется пройти путешественникамъ, состоитъ изъ полудикихъ тангутовъ, только номинально признающихъ власть Китая и на которыхъ здѣшнее правительство никакого вліянія не имѣетъ. Въ самомъ Тибетѣ власть правительства Богдохана также очень ничтожна» *).

По всѣмъ этимъ причинамъ китайское правительство считало невозможнымъ принять на себя обязанность охранять русскихъ путешественниковъ и отказывалось выдать паспортъ Пржевальскому на путешествіе изъ Хами въ Тибетъ.

Посланникъ снова повторилъ свое требованіе и указалъ министрамъ на то обстоятельство, что такой-же охранный листъ уже выданъ былъ тому-же самому офицеру Пржевальскому въ 1872 г., а между тѣмъ, насколько ему извѣстно, съ того времени обстоятельства не только не изменились къ худшему, но даже улучшились (подавленіе дунганскаго возстанія въ Гань-су и въ сосѣднихъ областяхъ).

— При неустройствѣ, существующемъ въ тѣхъ краяхъ,—не безъ ироніи замѣтилъ при этомъ посланникъ г. Бюдовъ,—китайское правительство, конечно, не можетъ поручаться за то, что путешественники будутъ совершенно ограждены отъ опасностей. Предостереженія министровъ на этотъ счетъ не должны быть упущены путешественниками изъ виду.

*) Дубровинъ, стр. 224.

Такое заявленіе, какъ видно, облегчило китайскихъ сановниковъ: они согласились выдать охранный листъ. но при этомъ присоединили официальное заявленіе, что оно не можетъ принять на себя обязанности охранять путешественниковъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не существуетъ властей или въ областяхъ, занятыхъ инсургентами...

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Отъ Кульджи до Лобъ-нора.

Выступленіе изъ Кульджи. — Путь по Илійскій долинь. — Отправленіе обратно въ Россію двухъ казаковъ и Швыйковского. — Прибытіе въ Зара-жото. — Лицеѣрный пріемъ въ Курла. — Заманъ-бекъ. — Движеніе въ Лобъ-нору. — Стѣснительный конвой. — Переговоры съ Заманъ-бекомъ, письмо къ генералу Кауфиану. — Умышленныя затрудненія пути экспедиціи. — Стоянка въ сел. Ахтармѣ. — Вѣгство туземцевъ съ пути экспедиціи по распоряженію мѣстныхъ властей.

12 августа, напутствуемый добрымъ пожеланіемъ всѣхъ своихъ соотечественниковъ, Николай Михайловичъ со своими спутниками и съ значительнымъ караваномъ выступилъ изъ города Кульджи и направился вверхъ до долинь рѣки Или.

Мѣстность, по которой теперь проходила экспедиція, очень понравилась Николаю Михайловичу.

— Илійская долина, — говорилъ онъ, — это азіатская Ломбардія, и такой край, право, отдавать не слѣдуетъ.

Въ Илійскомъ краѣ уже долгое время были различныя политическія неурядицы и во время недавняго возстанія таранчей, болѣе 200,000 китайцевъ были вырѣзаны; цѣлые города истребляемы были до одного человѣка. Тѣмъ не менѣе, даже и въ то время, въ 1876 г., долина оказалась густо населенной таранчами, сартами, киргизами и калмыками.

Плодородіе почвы, — писалъ Пржевальскій разнымъ лицамъ, — удивительное, дешевизна небообразимая, всевозможныхъ фруктовъ: персиковъ, яблочковъ, грушъ, арбузовъ, дынь — гибель.

«Каждый день, — писалъ Николай Михайловичъ Пыльцову, — мы объѣдаемся до отвала по нѣсколько разъ; есть персики величиною съ большое антоновское яблоко. Ну, и жрутъ-же мои казаки! Вѣришь-ли, каждый день мы съѣдаемъ отъ 20 до 25 фунтовъ мяса, кромѣ другихъ приложеній».

Пока шли по Илійской долинь, экспедиція не испытывала никакихъ трудностей: скорѣе это была прекрасная прогулка. Красивыя и чистыя деревни, тонущія въ садахъ и обсаженные высокими тополями, слѣдовали одна за другою почти безъ перерыва. Обширныя поля съ обильнымъ орошеніемъ, огромныя стада рогатаго скота, барановъ и лошадей, прівольно размножающихся на тучныхъ

Плоскогорье Юлдусъ.

пастбищахъ, веселили взоръ путешественниковъ и, вообще, во всемъ чувствовалось, что населеніе живетъ зажиточно и въ полномъ довольствѣ.

Пройдя такимъ образомъ версть 50 вверхъ по теченію, экспедиція переправилась на лѣвый берегъ Или и продолжала движеніе въ прежнемъ направленіи.

Здѣсь край имѣлъ уже болѣе степной характеръ, осѣдлага населенія почти не встрѣчалось, но все еще попадались временныя пашни калмыковъ.

Перейдя затѣмъ черезъ рѣку Текесъ, Пржевальскій вступилъ въ долину нижняго Кунгеса. въ лѣсистыхъ заросляхъ котораго онъ рассчитывалъ найти обильную научную добычу и потому рѣшилъ остановиться здѣсь на нѣсколько дней.

Отсюда Николай Михайловичъ отправилъ обратно изъ своего конвоя двухъ казаковъ, оказавшихся лѣнливыми и, вообще, негодными для предстоящаго путешествія.

Въ лѣсахъ Кунгеса охота оказалась дѣйствительно довольно удачною. Между прочимъ, здѣсь удалось убить темно-бураго медвѣдя, отличающагося отъ обыкновеннаго длинными бѣлыми когтями.

Между тѣмъ, начало уже ощущаться приближеніе осени, въ особенности на горахъ. Листья на деревьяхъ начали падать, по ночамъ перепадали морозцы и по временамъ шелъ снѣгъ.

Поднявшись вверхъ по долинѣ Кунгеса и далѣе по рѣкѣ Цагма, экспедиція вступала на обширное и довольно возвышенное плато Юлдусъ, лежащее у подножія хребта Наратъ. Слово «юлдусъ» въ переводѣ означаетъ «звѣзда»; плоскогоріе это находится въ самомъ центрѣ Тянь-шаньской системы и представляетъ обѣтованную страну для номадовъ, такъ какъ изобилуетъ прекрасными пастбищами.

— Мѣсто прекрасное, прохладное и кормное, — говорили Пржевальскому туземные торговцы про плато Юлдусъ: — только и жить господамъ да скотиямъ».

Плоскогорье Юлдузь.

На этотъ разъ Николаю Михайловичу положительно не везло насчетъ спутниковъ: только что отправивши передъ тѣмъ назадъ двухъ казаковъ, онъ принужденъ былъ, къ крайнему своему сожалѣнiю, поступить точно также и съ однимъ изъ своихъ ближайшихъ помощниковъ; какъ это ни тяжело было Николаю Михайловичу, но онъ вынужденъ былъ отправить обратно въ Россiю Повало-Швейковскаго, такъ какъ онъ оказался далеко не удовлетворяющимъ тѣмъ требованiямъ, которыя предъявлялъ Пржевальскiй къ своимъ спутникамъ.

Швейковскому выдано было 800 рублей изъ экспедицiонныхъ средствъ и онъ отправился обратной дорогою.

Такимъ образомъ и теперь Николай Михайловичъ остался только съ однимъ помощникомъ, Экловымъ. Послѣднимъ онъ былъ вполне доволенъ.

«Птиць дѣлаеть очень хорошо, писалъ Пржевальскiй Пыльцову *), все остальное исполняетъ какъ нельзя лучше. Съ нимъ вдвоемъ мы и совершимъ всю экспедицiю».

Поохотившись на тучныхъ настѣщикахъ Юлдуса, Николай Михайловичъ двинулся далѣе по долинѣ рѣки Хайдугола и остановился въ урочищѣ Харамото.

Мѣстные жители торгоуты встрѣтили путешественниковъ очень радушно, но на окрестное магометанское населенiе появленiе русскихъ произвело панику.

Путешественниковъ теперь осталось уже только 8 человѣкъ, но магометане видѣли въ нихъ передовой отрядъ русскихъ войскъ. Безпрестанно раздававшiеся выстрѣлы по фазанамъ и другимъ птицамъ еще болѣе убѣждали туземцевъ въ справедливости подобныхъ слуховъ и многiе поспѣшили бѣжать въ г. Карашаръ, до котораго отъ Харамото разстоянiе составляло всего 50 верстъ.

Въ Харамото Пржевальскому пришлось разстаться еще съ однимъ спутникомъ, на этотъ разъ уже невольнo.

Дѣло въ томъ, что прекрасный проводникъ Тохта-ахунъ, исполнявшiй свои обязанности съ самаго города Кульджи, не могъ дальше слѣдовать съ экспедицiей, такъ какъ онъ раньше бѣжалъ изъ города Курла, куда теперь лежалъ путь экспедицiи и потому онъ боялся быть узаваннымъ въ этомъ городѣ, что могло бы навлечь на него наказанiе съ одной стороны за побѣгъ, а съ другой за то, что онъ былъ проводникомъ чужеземцевъ.

Такъ какъ Тохта-ахунъ направлялся въ Кульджу, то Николай Михайловичъ поручилъ ему довести туда собранныя уже коллекцiи, чтобы не таскать ихъ съ собою понапрасну.

Черезъ нѣсколько дней въ Харамото прибыли посланцы отъ правителя города Курла, которые явились къ Николаю Михайловичу и спросили у него о цѣляхъ прихода русскихъ въ эти края.

Пржевальскiй на это отвѣчалъ, что цѣль его путешествiя извѣстна Якубъ-беку.

*) 20 сентября 1876 г.

Тогда его попросили не двигаться дальше до тѣхъ поръ, пока не возвратится гонецъ, отправленный къ Якубъ-беку.

Черезъ недѣлю явились новые посланцы и съ утонченною любезностью пригласили путешественниковъ слѣдовать въ городъ Курла.

Въ три дневныхъ перехода экспедиція прошла 62-хъ-верстное расстояние, отдѣлявшее Хара-мото отъ Курла. Путешественниковъ сопровождали особые чиновники, по распоряженію которыхъ русскимъ на каждой станціи доставлялось бесплатно по одному барану и фрукты.

Когда прибыли въ Курла, то имъ отведенъ былъ цѣлый домъ, расположенный внѣ черты города и приставленъ караулъ, подъ предлогомъ почетной охраны, «но въ сущности для того, говорить Пржевальскій *), чтобы не допускать къ русскимъ никого изъ мѣстныхъ жителей, вообще крайне недовольныхъ правленіемъ Якубъ-бека». Въ то же время, и самихъ путешественниковъ не впускали въ городъ.

— «Вы наши гости дорогіе,—говорили имъ, при попыткахъ отправиться туда—«вамъ не слѣдуетъ беспокоиться; все, что нужно, будетъ доставлено».

Дѣйствительно, почти ежедневно изъ города присылался въ подарокъ баранъ, хлѣбъ и фрукты, но этимъ и ограничивалось гостеприимство. Все, что интересовало путешественниковъ и что составляло прямую задачу экспедиціи, было совершенно недоступно изслѣдованію. «Мы не знали ни о чемъ, дальше восточнѣе нашего двора», говоритъ Пржевальскій.

Во главѣ почетнаго караула, приставленнаго къ путешественникамъ, стоялъ вѣкто Заманъ-бекъ, хитрый и пронырливый авантюристъ, бывший русскій подданный, кавказскій уроженецъ изъ города Нухи. Онъ пользовался большимъ доверіемъ Якубъ-бека и считался его правою рукою.

Заманъ-бекъ очень зорко слѣдилъ за каждымъ изъ членовъ экспедиціи, во время пребыванія ихъ въ г. Курла, а затѣмъ сопровождалъ ихъ и въ дальнѣйшемъ движеніи къ озеру Лобъ-нору. Присутствіе Заманъ-бека и его свиты было чрезвычайно утомительно для путешественниковъ. Мѣстному населенію вездѣ запрещено было вступать въ какія бы то ни было сношенія съ русскими и даже нерѣдко имъ напередъ посылалось приказаніе укладываться въ стороны отъ дороги, по которой двигалась экспедиція.

Каждую недѣлю пріѣзжалъ специальный гонецъ, съ которымъ Заманъ-бекъ отправлялъ свои донесенія о всемъ, что ему удалось разузнать про экспедицію.

Мало того, даже относительно производства зоологическихъ изслѣдованій многочисленная свита бека оказывалась большою помѣхою, такъ какъ, слѣдуя съ цѣлою ротою конвойныхъ, гарцовавшихъ на жеребцахъ впереди и по обѣимъ сторонамъ дороги, путешественники не могли доставать для своихъ коллекцій не только крупныхъ звѣрей, но даже и птицъ, до такой степени всѣ животныя распугивались.

*) Отъ Кульджи за Тянь-шань и на Лобъ-норъ, стр. 14.

Съ самымъ Замань-бекомъ у Николая Михайловича иногда завязывались и политическіе переговоры. Бекъ высказалъ съ дипломатичною осторожностью, что его повелителю Якубъ-беку извѣстно, будто русскіе не соблюдаютъ нейтралитета въ борьбѣ кашгарцевъ противъ Китая. Такъ, до него дошли извѣстія, что русскіе не только поставляютъ продовольствіе въ китайскія войска, дѣйствующія противъ дунганъ, но что въ рядахъ дѣйствующей арміи китайской находится довольно много русскихъ офицеровъ.

При этомъ бекъ объяснилъ, что Бадуалету (прозвище Якубъ-бека, въ буквальномъ переводѣ означаетъ «счастливецъ») все это чрезвычайно непріятно, тѣмъ болѣе, что съ своей стороны онъ всегда держалъ себя относительно русскихъ дружественно.

— «Когда англичане, сообщили Замань-бекъ, прислали въ Кашгаръ своего уполномоченнаго агента Форсайта съ тѣмъ, чтобы уговорить Якубъ-бека принимать исключительно англійскіе товары и не пускать съ себѣ русскихъ купцовъ, то Бадуалетъ на это не согласился».

Точно также, во время военныхъ дѣйствій русскихъ войскъ въ Коканѣ, коканцы просили помощи у Якуба и даже соглашались признать его своимъ ханомъ, но онъ даже и не выслушалъ пословъ, не желая становиться во враждебныя отношенія къ Россіи.

Послѣ такихъ предварительныхъ вступленій, Заманъ приступилъ и къ выполнению своего порученія, даннаго ему Якубъ-ханомъ.

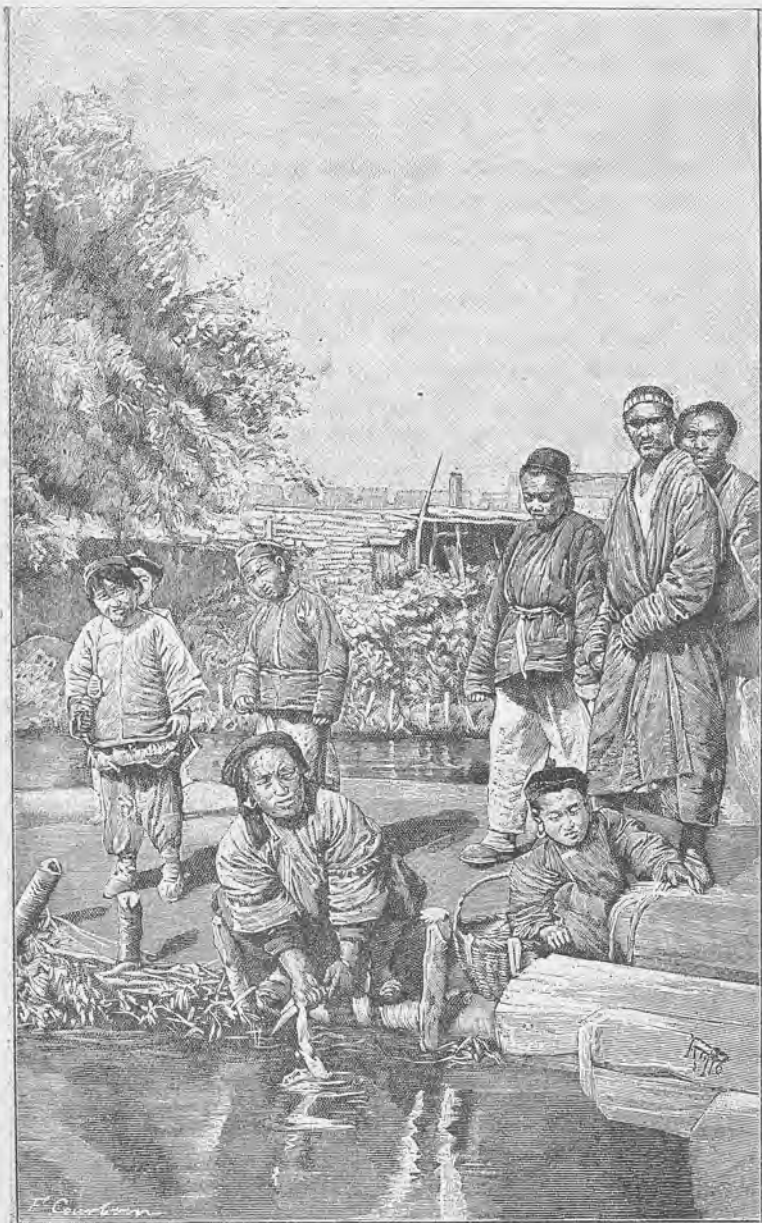
Онъ просилъ Пржевальскаго написать письмо туркестанскому генералъ-губернатору Кауфману и попросить разъяснить это дѣло, т. е. насколько справедливы слухи о содѣйствіи русскихъ китайцамъ. При этомъ онъ политично давалъ понять, что, въ случаѣ отказа со стороны Пржевальскаго написать такое письмо, ему не дано будетъ возможности пробраться на Лобъ-норъ.

Такимъ образомъ Николай Михайловичъ принужденъ былъ принять на себя это щекотливое дѣло, но въ то же время, зная навѣрное, что письмо его будетъ прочтено перекъ отправкою, онъ ограничился въ немъ только изложеніемъ своего разговора съ Замань-бекомъ.

(Съ своей стороны, прибавлялъ Николай Михайловичъ въ концѣ своего письма *), я старался увѣрить бека, что слухи о присутствіи въ китайскихъ войскахъ русскихъ офицеровъ чистѣйшій вздоръ и что поставка хлѣба китайцамъ есть дѣло купцовъ, къ которому правительство не имѣетъ никакого отношенія. Тѣмъ не менѣе вышеприведенные слухи, какъ видно, весьма тревожатъ Якубъ-хана, который говоритъ, что англичане будутъ теперь смѣяться».

Но, конечно, разубѣдить Бадуалета было трудно и возможно только послѣ продолжительной переписки или дипломатическихъ переговоровъ, а пока онъ отдалъ приказаніе употреблять всѣ старанія къ тому, чтобы заставить путешественниковъ отказаться отъ дальнѣйшаго слѣдованія въ глубь страны.

*) Генералу Кауфману 1 ноября 1876 г., см. Дубровнѣ, стр. 229.

Жители города Курла.

Съ этою цѣлью Заманъ-бекъ повелъ экспедицію къ берегамъ рѣки Тарима кружною, самою трудною дорогою. Два раза при этомъ пришлось переправляться черезъ довольно значительныя рѣки впасть при сильныхъ морозахъ, болѣе 16° Ц.

Бекъ пытался такимъ образомъ устрашить путниковъ трудностями пути и измучить, но вскорѣ убѣдился въ бесполезности такого образа дѣйствій; тогда онъ переѣмнилъ тактику и по его приказанію туземцы напередъ расчищали дорогу, а на переправахъ устраивали мостики или пригоняли плоты.

Навонецъ экспедиція достигла береговъ Тарима въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ нее впадаетъ рѣка Угенъ-дарья. Еще черезъ одинъ переходъ дошли до селенія Ахтармы, самаго большого на Нижнемъ Таримѣ и въ бассейнѣ Лобъ-нора.

Здѣсь мѣстность оказалась весьма подходящею для научныхъ экскурсій. Окрестности на большое пространство были покрыты лѣсами, изобилующими всякими животными, въ особенности птицами, а въ прибрежныхъ тростниковыхъ заросляхъ встрѣчались даже тигры.

Пржевальскій пробылъ здѣсь 8 дней, но и на этотъ разъ, какъ и въ Уссурийскомъ краѣ, охота на тигровъ была не удачна, вслѣдствіе большой осторожности этого звѣря. Мѣстные охотники добываютъ тигровыя шкуры посредствомъ отравленной приманки. Изъ Ахтармы путешественники двинулись дальше внизъ по Тариму.

Путь съ большимъ караваномъ верблюдовъ оказался здѣсь чрезвычайно затруднительнымъ. Безпрестанно приходилось пробираться черезъ густыя лѣса или кустарники; но еще хуже было идти съ верблюдами по выжженному тростнику, «скорня котораго, словно желѣзная щетка, до крови израниваютъ верблюжьи пятки».

Погода въ ноябрѣ и въ первой половинѣ декабря все время стояла хорошая и ясная. Хотя по ночамъ бывали морозы до 22° Ц., но съ восходомъ солнца температура начинала быстро повышаться и въ полдень подымалась почти до 0°.

По распоряженію властей, туземцы бѣжали въ стороны отъ пути экспедиціи и прятались въ потаенныхъ лѣсахъ, а при случайной встрѣчѣ всячески обманывали путешественниковъ. Курьезно, что при этомъ обманывали даже и самого Заманъ-бека.

При такихъ условіяхъ производить какія-либо научныя наблюденія было крайне затруднительно, а относительно самаго населенія рѣшительно невозможно было что нибудь узнать.

Переправившись черезъ Таримъ на правый берегъ, экспедиція двинулась дальше на востокъ и вскорѣ расположились на берегу Лобъ-нора у деревни Чархалыкъ.

Здѣсь Пржевальскій пробылъ цѣлую недѣлю.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Джитышаръ, или Кашгарія.

Экспедиція въ Алтынъ-тагъ, невзгоды. — Прибытіе посольства Куропаткина въ Курла, отъѣздъ Замана. — Письма отъ него и отъ Куропаткина. — Возвращеніе на Лобъ-норь. — Исслѣдованія озера и его окрестностей. — Возвращеніе въ Курла, аудіенція у Якубъ-бека. — Его характеристика. — Общее заключеніе о пребываніи въ Кашгаріи. — Рапортъ о политическомъ положеніи Восточнаго Туркестана. — Сподвижники Вадулета. — Настроеніе населенія и войска. — Предсказаніе судьбы Джитышара.

Огромный караванъ изъ 24 верблюдовъ чрезвычайно стѣснялъ движенія экспедиціи. «Прихожу къ заключенію, писалъ Николай Михайловичъ Пыльцову, что идеальная экспедиція въ азіатскихъ пустыняхъ должна состоять только изъ 6 человекъ: начальникъ, его помощникъ и 4 казака. Такъ и пойду въ Тибетъ».

Оставивъ въ Чархалыкѣ большую часть багажа подъ охраною трехъ казаковъ, а главное Заманъ-бека и его свиту, Николай Михайловичъ отправился на второй день Рождества въ горы Алтынъ-тагъ, рассчитывая поохотиться тамъ за дикими верблюдами. Продовольствія взято было на 1½ мѣсяца, запаслись также юртой и все это было нагружено на 11 верблюдовъ.

Въ теченіе 40 дней Пржевальскій прошелъ по подножію Алтынъ-тага около 500 верстъ, но охота за верблюдами оказалась неудачною. За все время встрѣченъ былъ только одинъ верблюдъ, да и того не удалось убить.

«Вообще, говоритъ Николай Михайловичъ, описываемая экспедиція была весьма неудачна и при томъ исполнена всевозможныхъ невзгодъ. На огромной абсолютной высотѣ, въ глубокую зиму, среди крайне бесплодной мѣстности мы терпѣли всего болѣе отъ безводія и жестокихъ морозовъ» *).

Добываніе топлива было очень затруднительно, а дичи встрѣчалось такъ мало, что нерѣдко приходилось даже оставаться безъ мяса... «На мѣстахъ остановокъ рыхлая глинисто-соленая почва миготъ разминалась въ пыль, которая толстымъ слоемъ ложилась вездѣ въ юртѣ. Сами мы не умывались по цѣлымъ недѣлямъ и были грязны до невозможности; наше платье было пропитано пылью насквозь; болѣе же отъ грязи приняло сѣровато-коричневый цвѣтъ».

Конечно, не даромъ путники испытывали всѣ эти лишенія и невзгоды, и наука значительно обогатилась новыми изслѣдованіями Пржевальскаго. Топографія мѣстности оказалась совсѣмъ иную, чѣмъ она представлялась на картахъ. «Мои съемки и астрономическія опредѣленія, писалъ Николай Михайловичъ *), представлять этотъ уголокъ Азіи въ иномъ видѣ **).

Черезъ 12 дней послѣ выступленія Пржевальскаго въ эту экспедицію, въ

*) Отъ Кульджи за Тянь-шань и на Лобъ-норь, стр. 38.

**) А. П. Проценко, 11 февраля 1877 г.

Чаргалыкъ прибыль гонецъ отъ Якубъ-бека съ приказаніемъ Заману явиться немедленно въ Курла.

Вызовъ этотъ обусловливался прибытіемъ русскаго посольства для заключенія договора относительно проведенія границы между Ферганскою областью и владѣніями Якубъ-бека. Во главѣ этой миссіи стоялъ генеральнаго штаба капитанъ, теперь военный министръ, Куропаткинъ.

12 января Заманъ-бекъ явился къ Бадуалету и лично отдалъ отчетъ о своемъ пребываніи при русской экспедиціи.

«Разумѣется,—писалъ послѣ этого Заманъ-бекъ Николаю Михайловичу*),—я все, что слышалъ отъ васъ какъ относительно добраго отношенія къ намъ Императора, такъ и дружбу и благодарность вашу, а также пріятельскіе совѣты объ образѣ веденія войны съ китайцами, передалъ его высочеству, который, вполне одобривъ, остался до высшей степени довольнымъ и велѣлъ мнѣ искренно благодарить васъ, какъ друга и дорогого гостя»...

Вмѣстѣ съ этимъ посланіемъ, отправленнымъ съ нарочнымъ курьеромъ, пришло было и письмо отъ Куропаткина. Оно настолько интересно, что мы позволяемъ себѣ сдѣлать нѣсколько выдержекъ изъ него **).

Посольство, во главѣ котораго стоялъ капитанъ Куропаткинъ, состоявшее изъ 4 офицеровъ (въ томъ числѣ братъ г. Куропаткина), врача г. Эрена, натуралиста г. Вилькенса и 30 конвойныхъ, прибыло въ Курла изъ Ферганской области, переваливъ черезъ Терекъ-Даванскій переваль (Тянь-Шань) и слѣдую далѣе черезъ Кашгаръ и Аксу.

Первое выступленіе этой миссіи было неудачно. На братьевъ Куропаткиныхъ, неосторожно отдѣлившись въ научной экскурсіи отъ конвоя, въ сопровожденіи лишь 10 человекъ, неожиданно напала значительная шайка кара-киргизовъ. Произошла ожесточенная схватка, въ которой русскіе чуть не были перебиты... «Мы успѣли отстояться,—говорится въ письмѣ,—только благодаря тому, что моему брату удалось убить предводителя шайки Ишемъ-бека», а между тѣмъ подоспѣла помощь. «Въ этой схваткѣ,—писалъ г. Куропаткинъ,—я былъ раненъ въ руку и два мѣсяца долженъ былъ вылежать въ городѣ Ошѣ, пока явилась возможность снова отправиться въ путь.

«7 октября мы снова выступили изъ г. Оша, перевалили черезъ Терекъ-Даванскій переваль (на высотѣ 14,000 ф.) и 25 октября прибыли въ Кашгаръ. Здѣсь насъ задержали до 20 ноября, въ ожиданіи разрѣшенія Бадуалета на дальнѣйшее движеніе къ нему»...

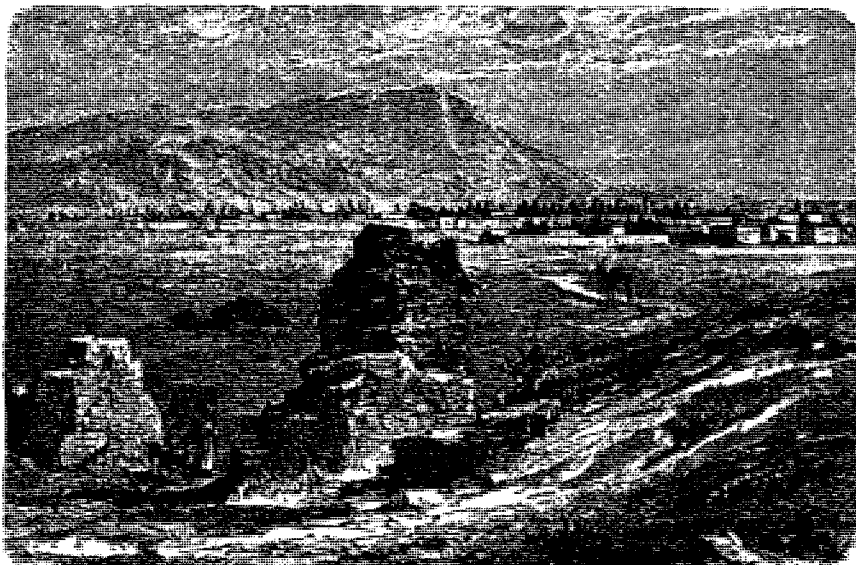
Далѣе г. Куропаткинъ приводитъ нѣкоторыя наблюденія, сдѣланныя имъ въ пути, которыя, по его мнѣнію, могли имѣть интересъ для Николая Михайло-

*) Письмо это писано по-русски изъ Курла отъ 15 января 1877 г.; см. Дубровинъ, стр. 231.

**) Письмо это (отъ 15 января 1877 г.) изъ Курла приведено цѣликомъ въ много разъ уже цитированной нами книгѣ П. Ө. Дубровина; см. приложение № 11, стр. 565.

вича, описывает туземное население и характер мѣстности, по которой слѣдовала миссія.

«Одною изъ нашихъ заботъ по дорогѣ,—говоритъ онъ,—былъ сборъ возможно полныхъ свѣдѣній о васъ и вашихъ спутникахъ. Какъ и слѣдовало ожидать, свѣдѣнія эти мало насъ удовлетворяли. Изъ нихъ то оказывалось, что вы все еще живете въ г. Курла, занимаясь охотою и рыбною ловлею, и мы надѣялись увидѣться съ вами, то намъ говорили, что вы переѣхали въ кишлакъ Лобъ, въ трехъ дняхъ пути отъ Курла... Съ приближеніемъ въ г. Курла, до насъ до-

Городъ Кашгаръ.

шелъ слухъ, что вы отправились въ г. Хотанъ и, наконецъ, уже послѣ официального запроса, мнѣ было сообщено, что вы находитесь теперь въ мѣстности Чагчи, въ 17 дняхъ пути отъ г. Курла, откуда, оставивъ часть своихъ спутниковъ, собираетесь отправиться въ горы на охоту за дикими верблюдами. Если это свѣдѣніе вѣрно, то мнѣ остается радоваться, что вы уже приступили къ выполнению любопытѣйшей части задачи, взятой вами на себя, именно къ разрѣшенію вопроса о дивихъ верблюдахъ...

«Я не знаю, удалось ли вамъ устроить сообщеніе съ Россіей для отсылки время отъ времени вашихъ замѣтокъ, которыхъ всѣ, заинтересованные въ дѣлѣ науки и открытій, ждутъ съ нетерпѣніемъ.

«Прежде оставленія города Курла, я отошлю свою корреспонденцію въ Ташкентъ черезъ Кашгаръ и буду радъ служить вамъ, если вы вздумаете при-

Городъ Кашгаръ.

слать мнѣ для отсылки въ Россію письма ваши. Крімъ того, занимая при Якубъ-бекѣ оффіціальное положеніе русскаго посланца, я, отъ имени туркестанскаго генераль-губернатора, могу заранѣе заручиться согласіемъ Бадуалета на всѣ ваши требованія, необходимыя для успѣха экспедиціи какъ въ настоящее время, такъ и на будущее. Напишите подробно, въ чемъ вы имѣете недостатокъ или терпите стѣсненія: я радъ буду хотя косвенно облегчить выполненіе трудной миссіи, которую вы ваяли на себя...

«Я хотѣлъ бы переслать вамъ новости о послѣднихъ европейскихъ событіяхъ, но мы сами уже два мѣсяца не имѣемъ никакихъ извѣстій изъ Россіи»...

Посылая нѣсколько номеровъ имѣвшихся у него газетъ, г. Куропаткинъ прибавляетъ:

«Изъ 43 нумера «Туркестанскихъ Вѣдомостей» вы увидите, какое грозное положеніе приняла Россія по отношенію къ Турціи для рѣшенія славянскаго вопроса»...

Прибытіе гонца съ письмами и полученіе извѣстій изъ Россіи было чрезвычайно радостнымъ событіемъ для нашихъ путешественниковъ.

Заманъ-беку также очень хотѣлось имѣть свѣдѣнія о послѣднихъ событіяхъ въ Европѣ и онъ убѣдительно просилъ Николая Михайловича передать ему газеты, полученныя отъ Куропаткина, а потомъ достать отъ него новыя, полученныя съ послѣднею почтою.

«Хотя Бадуалетъ объявилъ мнѣ, — писалъ Заманъ-бекъ Пржевальскому, — что черногорско-сербская война при посредствѣ Россіи окончена миролюбиво, но на какихъ условіяхъ — неизвѣстно и потому весьма интересно было бы узнать вѣрные результаты войны и условія мира».

Какъ ни желательно было для Николая Михайловича повидаться съ Куропаткинѣмъ, но это было бы въ ущербъ занятій экспедиціи и потому онъ ограничился лишь отправкой съ гонцомъ писемъ на родину, а самъ продолжалъ свои экскурсіи у подножія Алтынь-тага.

Отдохнувъ съ недѣлю у ключа Чаглыкъ, Пржевальскій рѣшилъ идти обратно на Лобъ-норъ наблюдать весенній пролетъ птицъ и провелъ здѣсь весь февраль 1877 года и болѣе половины марта.

Лобъ-норъ собственно не озеро, а огромное, заросшее тростникомъ, болото. Начиная съ 8 февраля, сюда начали собираться цѣлые миллионы различныхъ водяныхъ птицъ, въ особенности утокъ, и путешественники массами били ихъ какъ для препарировки, такъ и для продовольствія.

Между тѣмъ, оттого ли, что отъ Бадуалета получены были новыя инструкціи послѣ прибытія миссіи Куропаткина, или самъ Заманъ-бекъ просто по-привыкѣ къ русскимъ, только теперь экспедиціи предоставлялось гораздо болѣе свободы въ дѣйствіяхъ, тѣмъ прежде, и, между прочимъ, самъ Заманъ относился къ путешественникамъ гораздо лучше, тѣмъ кто — либо изъ другихъ довѣренныхъ Якубъ-бека.

Пользуясь этимъ, Пржевальскій объѣздилъ на лодкѣ все озеро, посѣтилъ всѣ деревни, расположенныя по его берегамъ и, насколько было возможно, постарался изучить ихъ бытъ.

«Это такіе дикари, — писалъ онъ генералу Кауфману *), — какихъ я не видывалъ даже въ лѣсахъ Амура, среди тамошнихъ кочевыхъ инородцевъ».

Лобъ-норъ изученъ былъ довольно хорошо; Пржевальскій произвелъ съемку его береговъ, промѣрилъ глубину и собралъ большія коллекціи фауны и флоры.

Пирнга на озерѣ Лобъ-Норѣ.

Послѣ этого, 25 апрѣля, экспедиція возвратилась опять въ Курла и здѣсь путешественники помѣщены были въ томъ же самомъ домѣ и подъ такимъ же присмотромъ, какъ и прежде.

Возвращеніе это произошло по настоянію Бадуалета, и многія лица, заинтересованныя въ успѣхахъ географическаго изученія Азіи, сожалѣли, что Николаю Михайловичу не удалось тогда пробраться съ Лобъ-нора прямо въ Тибетъ.

Одинъ изъ дипломатическихъ русскихъ агентовъ въ Пекинѣ, А. Коандеръ, писалъ по этому поводу Пржевальскому **) слѣдующее:

«Извѣстный нашъ миссіонеръ о. Палладій ***) продолжаетъ предполагать, что, несмотря на отрицанія китайцевъ, возможность пройти этою дорогою суще-

*) 15 мая 1877 г.

**) 14 іюля 1877 г.

***) О. Палладій специально занимался раньше изслѣдованіемъ о путяхъ, ведущихъ въ Битай, см. раньше.

Пирѡга на озерѡ Лобъ-Норѡ.

Обитатель Лобъ-Нора.

ствуешь, и вмѣсто обѣщанныхъ безводныхъ пустынь, тамъ должны существовать лѣса и травяныя степи. Единственная надежда убѣдиться въ этомъ была на васъ, такъ какъ кромѣ васъ никто не обладаетъ въ настоящее время достаточной энергіей, чтобы сдѣлать подобную попытку. Теперь овъ (о. Палладій) отложилъ всякую надежду на то, чтобы при нашемъ поколѣннн вопросъ этотъ былъ выясненъ. Китайцы продолжаютъ увѣрять, что и изъ Хами нѣтъ прямыхъ путей въ Тибетъ, но, вѣроятно, вашъ проходъ докажетъ имъ противное».

На пятый день послѣ прибытія въ Курла Пржевальскій имѣлъ аудіенцію у Якубъ-бека.

«Самъ Якубъ-бекъ,—писалъ послѣ этого Николай Михайловичъ*), — такая же, какъ и всѣ азіатскіе халатники. Кашгарское царство не стоитъ мѣднаго гроша».

Въ своемъ рапортѣ**), отправленномъ нѣсколько поздне (6 іюня 1877 г.) въ главный штабъ, Николай Михайловичъ мастерски характеризуетъ этого восточнаго властелина и въ то же время даетъ весьма вѣрную и оправдавшуюся очень скоро оцѣнку политическаго положенія въ Туркестанѣ.

«Человѣкъ довольно пожилой (56 лѣтъ отъ роду), много на своемъ вѣку испытавшій, Бадуалетъ вынесъ изъ житейской практики прежде всего недовѣріе къ людямъ вообще. Подозрительность—главная черта характера Якубъ-бека. Рядомъ съ нею стоятъ жестокость и коварство. Для достиженія своихъ цѣлей онъ не останется ни передъ какими жертвами. «Цѣль оправдываетъ средства»— вотъ девизъ внутренннхъ убѣжденій Бадуалета.

«Такъ, по крайней мѣрѣ, можно было заключить изъ многократныхъ разсказовъ нашего спутника Заманъ-бека, придававшаго большое значеніе подобнымъ качествамъ Якубъ-бека. Отчасти можетъ быть это и примѣнимо въ дѣлѣ управленія азіатскихъ царствъ. Жертвы политики иногда и въ Европѣ бываютъ жертвами искушенія. Но у Якуба жестокости черезъ край: смертная казнь въ его владѣніяхъ—явленіе самое обыденное...

*) Въ письмѣ къ брату Владимиру Михайловичу, 14 іюня 1877 г.

**) Рапортъ этотъ полностью приведенъ у Дубронна, см. стр. 571.

Обитатель Лобъ-Нора.

Лѣтнія жилища Лобъ-норцевъ.

«Бадуалеть человекъ хотя съ сильною волею, но безъ всякаго образованія, кажется, даже безграмотный (не ручаюсь за это свѣдѣніе, полученное мною отъ проговорившагося Заманъ-бека), едва ли имѣеть серьезное понятіе объ управленіи государствомъ, хотя бы въ духѣ мусульманскихъ правителей вообще».

Мелочныя заботы дня поглощаютъ все вниманіе и время джитышарскаго владыки. Мелочность эта доходитъ до того, что Бадуалеть самъ ежедневно осматриваетъ, какъ кормить его лошадей, самъ лечитъ своихъ приближенныхъ, слушаетъ всякіе доносы своихъ слугъ, знаетъ, какой купецъ что привезъ въ городъ (при этомъ часть товаровъ отбираетъ даромъ), принимаетъ подарки въ видѣ лошадей, барановъ и проч. отъ самыхъ простыхъ своихъ подданныхъ, забираетъ въ гаремъ по собственному выбору женщинъ, иногда въ возрастѣ ребенка, заставляетъ приносить къ себѣ на показъ и если понравится, то отбираетъ подарки, полученные чиновниками отъ европейцевъ.

Постоянно опасаясь за свою жизнь, Якубъ-бекъ поселился за городомъ въ фанзѣ, окруженной караулами и лагеремъ солдатъ, не спитъ по ночамъ и, какъ сообщилъ намъ Заманъ-бекъ, даже въ мечеть ходить со штудеромъ Винчестера въ рукахъ. Изъ боязни отравы джитышарскій царь, во время пребыванія въ Курла, выписываетъ для себя провизію (хлѣбъ, рисъ и проч.) изъ Кашгара...

Аудіенція происходила на дворѣ.

На видѣ Якубъ былъ маленькій толстый человекъ, съ черною бородою съ просѣдою. Онъ производилъ впечатлѣніе человека, привыкшаго подавлять свои чувства и не показывать ихъ.

Послѣ поклоновъ и привѣтствій Якубъ всталъ и протянулъ своимъ гостямъ руку.

Разспросивъ, какъ обыкновенно въ Азіи, о «благополучіи пути», онъ заявилъ, что видѣлъ на своемъ вѣку много европейцевъ, но что никто ему такъ не понравился, какъ они.

«Вы отправляетесь въ Петербургъ,—говорилъ онъ:—смотрите же не забывайте своего друга—пишите мнѣ.

Въ продолженіе часа, пока длилась аудіенція, разговоръ все вертѣлся на томъ, что онъ, Якубъ, искренно и чистосердечно расположенъ къ русскимъ.

Факты, впрочемъ, совсѣмъ не гармонировали съ такими горячими увѣреніями въ дружбѣ и расположеніи. Какъ раньше, такъ и теперь путешественниковъ никуда не выпускали изъ занимаемаго ими дома, не допускали возможности имъ съ кѣмъ-нибудь видѣться и говорить.

Въ отвѣтъ на подарки, которые послалъ Бадуалету Николай Михайловичъ, ему дали 10 никуда негодныхъ верблюдовъ и 3 лошади. Кроме того, Якубъ-бекъ подарилъ Эякону и Николаю Михайловичу по плохому золотому кольцу, прося послѣдняго передать своей матери такое же третье кольцо.

«Въ общемъ,—говоритъ Пржевальскій—впечатлѣніе, мною вынесенное изъ путешествія во владѣнія Якубъ-Бека, самое тяжелое.

«Насъ вездѣ ненавидѣли, но наружно оказывали почетъ: подъ маскою вѣжливости много разъ проглядывало проклятье и ненависть къ «кафирамъ» («невѣрнымъ») — такъ было съ перваго и до послѣдняго дня».

Но всего лучше было то, что при расчитываніи съ Николая Михайловича потребовали росписку въ томъ, что онъ и всѣ его спутники остались довольны оказаннымъ имъ приемомъ.

Росписка эта дана была въ самыхъ общихъ выраженіяхъ: «встрѣчали всякое содѣйствіе».

Надобно положительно удивляться тому, что, несмотря на вышеуказанныя строгія мѣры, которыя примѣнялись къ туземцамъ во время прохожденія экспедиціи, а за самими путешественниками постоянно былъ весьма строгій надзоръ, Пржевальскому все-таки удалось собрать довольно подробныя, а главное весьма вѣрныя свѣдѣнія о современномъ политическомъ положеніи въ Восточномъ Туркестанѣ.

Въ своемъ рапортѣ, о которомъ мы уже говорили, Николай Михайловичъ даетъ весьма точную характеристику современнаго положенія дѣлъ въ этой странѣ.

«Сложившись, — писалъ онъ въ этомъ рапортѣ, — какъ извѣстно, въ послѣднее десятилѣтіе изъ обломковъ, уцѣлѣвшихъ послѣ поголовной рѣзни китайцевъ и внутренней междоусобицы, вытѣсннй Дж и т ы ш а р ь, какъ обыкновенно называютъ Кашгарское царство, обнимаетъ собою обширное пространство при Тянь-шаньскихъ и прикуэнь-луньскихъ оазисовъ — отъ Кашгара на западѣ до Хотана и Кэри — на востокѣ».

Извѣстна также исторія коканца Якубъ-бека, который, будучи первоначально сподручникомъ кашгарскаго правителя, мало-по-малу захватилъ въ свои руки власть — сначала въ Кашгарѣ, а потомъ, частью силою, всего же болѣе коварствомъ, овладѣлъ и всѣмъ Восточнымъ Туркестаномъ. Для упроченія своего владычества, новый царь, котораго подданные величаютъ Бадудалетомъ, т. е. «счастливецемъ», призналъ себя вассаломъ турецкаго султана, вѣроятно, въ томъ разчетѣ, что въ магометанскомъ мірѣ главнымъ связующимъ началомъ служитъ не государство, а общность религіи, что въ глазахъ каждаго мусульманина Мекка и Константинополь имѣютъ большую цѣну, нежели родной городъ и даже домашній очагъ.

Дѣломъ завоеванія окончились подвиги Якубъ-бека. Для упроченія новаго царства въ будущемъ необходимо было организовать его внутренній строй, но здѣсь потребовались иныя способности, нежели смѣлость и хитрость. Этихъ же способностей не имѣется ни у самого Якубъ-бека, ни у его ближайшихъ помощниковъ... (Далѣе слѣдуетъ вышеприведенная характеристика Якубъ-бека).

Подъ стать самому Бадудалету является и клика его сподручниковъ, болѣею частью бѣглыхъ проходимцевъ изъ Кокана, Ташкента, Бухары, даже изъ Индіи и Афганистана. Всѣ они извѣстны мѣстному населенію подъ именемъ «Анджановъ», служатъ опорой власти Якубъ-бека, являются исполнителями

его тайныхъ приказаній. Главнѣйшія должности въ Джитышарѣ розданы Анджанамъ или ближайшимъ родственникамъ Бадуалета. Анджаны являются правителями городовъ, начальниками войска, сборщиками податей и составляютъ личную стражу самого царя, нѣчто въ родѣ опричниковъ.

Для мѣстнаго населенія эти люди ненавистны хуже китайцевъ. Дѣйствительно въ нынѣшнемъ Джитышарѣ очень плохо жить. Ни личность, ни имущество не обезпечены, шпіонство развито до ужасающихъ размѣровъ; Бадуалеть, напр., самъ напередъ получаетъ и прочитываетъ письма, адресованныя его подчиненнымъ. Каждый боится за завтрашній день; произволь господствуетъ во всѣхъ отрасляхъ управленія; правды и суда не существуетъ. Анджаны грабятъ у жителей не только имущество, но даже женъ и дочерей. Подати увеличены до громадныхъ размѣровъ, при томъ собиратели ихъ не забываютъ и себя...

Мѣстное населеніе вообще крайне недовольно террористическимъ правленіемъ Якубъ-бека и его приспѣшниковъ Анджановъ.

«Не только на Таримѣ,—говоритъ Пржевальскій,—но даже въ Курла мѣстные жители въ разговорахъ съ переводчикомъ и казаками экспедиціи постоянно проклинали свое правительство и высказывали желаніе подчиниться Россіи. Слухъ объ умертвленіи нами Кокана и Кульджи прошелъ далеко; дикій азіатецъ началъ понимать, что власть русская есть залогъ спокойствія и благоденствія... Не отъ излишняго патріотизма говорю я такимъ образомъ. Нѣтъ, когда, бывало, бѣдныя обобранные калмыки и таримцы украдкой приходили въ намъ и со слезами на глазахъ разсказывали о своей злосчастной участи, завидуя въ то же время своимъ за Тянь-шаньскимъ собратьямъ—тогда я вѣрилъ, что успѣхи русскаго оружія въ Азіи суть не только успѣхи политическіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и человѣчески-гуманные.

«Штуцерная пуля и нарѣзная пушка приносятъ здѣсь тѣ зачатки цивилизаціи, которые инымъ путемъ, вѣроятно, еще долго не попали бы въ окаменѣлый строй Средне-Азіатскихъ ханствъ».

Приведемъ еще выдержку изъ характеристики Заманъ-бека.

«Родомъ изъ закавказскаго города Нухи, вѣроятно, армянинъ по происхожденію, онъ вслѣдствіе какихъ то обстоятельствъ бѣжалъ въ Константинополь и оттуда посланъ былъ въ Кашгарію въ качествѣ агента турецкаго правительства.

«Какимъ именно агентомъ могъ быть человѣкъ безъ всякаго образованія—же знаю; видно и въ Турціи повяли, что для новаго вассала, каковъ Кашгарскій царь, всякій европейскій олухъ будетъ пригоденъ».

Дѣйствительно, Заманъ-бекъ, кромѣ присущихъ всѣмъ азіатцамъ хитрости и лѣни, не отличается никакими другими качествами; образованія нѣтъ ни малѣйшаго, по-русски умѣетъ лишь чятать да писать. По собственному своему признанію, турецкій агентъ прежде даже и не зналъ, что на свѣтѣ существуетъ Кашгарія...

«Другой извѣстный сподвижникъ Бадуалета, по имени Токсабай, былъ

въ вности конюхомъ, но поправившись Якубъ-беку, попалъ въ «бачи» и впоследствии сдѣланъ былъ правителемъ огромной территоріи изъ трехъ областей: Курла, Карашара и Лобъ-нора.

«Этотъ губернаторъ,—говорить Николай Михайловичъ,—получившій воспитаніе на конюшнѣ и совершенно безграмотный, тѣмъ не менѣе пользуется правомъ казнить своихъ подчиненныхъ». Въ особенности жестоко обращался онъ съ калмыками. Съ этими несчастными вообще всѣ Анджаны обращаются хуже, чѣмъ съ животными. Грабятъ послѣдняго барана, послѣдній мѣшокъ муки и за малѣйшее ослушаніе имъ отрубаютъ голову. Въ городѣ Курла имѣется постоянно нѣсколько ямъ, заготовленныхъ заранѣе для принятія труповъ казненныхъ; и ямы эти часто для своихъ же собратій копаютъ сами калмыки.

«Доведенные до отчаянія, они иѣшкомъ бѣгутъ къ намъ на Или, рискуя дорогою погибнуть съ голоду или быть схваченными и неминуемо преданными казни»...

«Рѣшительно вездѣ, при всякомъ удобномъ случаѣ, жители проклинаютъ своего царя и намъ много разъ приходилось слышать, что при китайцахъ было несравненно лучше».

Такой же духъ господствуетъ и въ войскахъ, которыя состоятъ изъ туземцевъ, но начальники вездѣ Анджаны. Вообще войска Бадуалета ни сколько не лучше китайскихъ: та же самая распущенность, такъ же плохо вооруженіе. Во время пути,—говорить Николай Михайловичъ,—намъ пришлось нѣсколько верстъ идти вмѣстѣ съ отрядомъ войскъ Якубъ-бека, отправлявшихся на войну съ китайцами. Нѣсколько солдатъ подѣхали къ нашимъ казакамъ и завели съ ними разговоръ. Послѣ нѣсколькихъ фразъ, джатышарскіе воины начали самими скверными словами ругать своего царя и въ добавокъ объяснили, что идутъ теперь на войну только изъ страха смертной казни за ослушаніе; при первомъ же удобномъ случаѣ удерутъ съ поля битвы, куда глаза глядятъ». Фактъ этотъ мало-значительный самъ по себѣ,—прибавляетъ Пржевальскій, въ достаточной степени характеризуетъ духъ Якубъ-бекова воинства.

Шансы на успѣхъ Бадуалета въ борьбѣ съ китайцами, по мнѣнію Николая Михайловича, весьма сомнительны, что подтверждается и послѣдними фактами: въ началѣ апрѣля 1877 г. китайцы взяли укрѣпленные проходы черезъ Тянь-шань—Дабангу и Токсумъ; вслѣдъ затѣмъ овладѣли Турфаномъ, и весьма вѣроятно, писалъ Пржевальскій въ своемъ рапортѣ, вскорѣ будутъ взяты также Карашаръ и Курла. Въ такомъ случаѣ Якубъ-беку невозможно будетъ удержаться въ открытыхъ и ни чѣмъ не защищенныхъ при Тянь-шаньскихъ оазисахъ, а побѣдители китайцы безъ труда дойдутъ и до Кашгара.

«Мѣстное населеніе, мало въ чемъ повинное,—прибавляетъ онъ,—конечно поплывутся при этомъ, быть можетъ, даже поголовнымъ истребленіемъ, а Бадуалетъ съ ближайшими приверженцами улепетнетъ въ чужія страны, если рагѣ того не найдетъ себѣ достойнаго конца».

Въ заключеніе своего интереснаго рапорта Николай Михайловичъ дѣлаетъ

выводъ, что «Царство Якубъ-бека падеть въ ближайшемъ будущемъ».

«Для Россіи настоящее время,—прибавляетъ онъ,—есть наиболѣе благоприятное, чтобы возможно выгоднѣе обставить свои отношенія къ Восточному Туркестану. На всякое наше требованіе Якубъ-бекъ теперь непремѣнно согласится. Въ районѣ моего путешествія, если только Кульджа останется за Россіей—хорошо было бы теперь-же перенести нашу границу съ хребта Наратъ на хребетъ Далынъ-дабанъ, чтобы закрѣпить въ наше владѣніе никому не принадлежащіе оба Юлдуса, съ ихъ превосходными пастбищами, на которыхъ могутъ свободно устьбься многія тысячи калмыковъ, во всякомъ случаѣ, болѣе тяготящихся къ намъ, нежели къ фанатикамъ мусульманамъ»...

Самыя ближайшія событія показали, что Пржевальскій совершенно вѣрно охарактеризовалъ политическое положеніе въ Восточномъ Туркестанѣ. Дѣйствительно, черезъ мѣсяць съ небольшимъ послѣ того, какъ отправлено было это доведеніе, въ Джитышарѣ смуты достигли крайней степени и предсказанная Пржевальскимъ гибель Бадуалета наступила даже раньше, чѣмъ онъ самъ предполагалъ.

Дѣйствительно, китайцы все болѣе и болѣе тѣснили Бадуалета. Изъ взятыхъ городовъ, Курла и Карашара, массами бѣжало магометанское населеніе въ остающіеся еще незанятыми города, и здѣсь скопилось въ такомъ количествѣ, что наступилъ повсемѣстно голодъ. Доведенные до крайности несчастные бѣглецы продавали своихъ дѣтей по 10—20 р. за мальчика или за дѣвочку.

Самъ Якубъ-бекъ находился въ крайне затруднительномъ положеніи, подвербалъ всѣхъ и видѣлъ въ каждомъ своего врага и предателя, а власть его среди населенія видимо слабѣла.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Неудачное движеніе въ Тибетъ.

Въ Тянь-шанѣ.—Надожъ верблюдовъ.—Стоянка на Юлдусѣ.—Просьбы о назначеніи въ дѣйствующую армію въ Турцію.—Возвращеніе въ Кульджу.—Результаты экспедиціи.—Сборы къ выступленію въ Тибетъ.—Извѣстіе о смерти дяди.—Англичане идутъ въ Тибетъ.—Путь изъ Гучену окольнымъ горною дорогою.—Волѣныя Николая Михайловича.—Прибытіе въ Заисань.—Угнетенное состояніе, безпокойство о матери.—Сборы въ путь.—Дипломатическіе переговоры въ Пекинѣ объ экспедиціи.—Извѣстіе о смерти матери.—Приказаніе прекратить экспедицію.

Подъ сильнымъ конвоемъ Бадуалетъ успѣшилъ выпроводить русскую экспедицію изъ своихъ предѣловъ и условился только тогда, когда путешественники перешли черезъ рѣку Хайду-голь въ Тянь-шань.

Отдѣлявшись отъ весьма стѣснительнаго надзора каврецовъ Якубъ-бека,

путешественники теперь вздохнули свободно, но, какъ на зло, вскорѣ послѣ того, какъ у нихъ развязаны были руки и они получили, наконецъ, возможность заняться научными изслѣдованіями, у нихъ случилось несчастье: лишь только экспедиція вступила въ горное ущелье Балгантай-гола, какъ среди вьючныхъ животныхъ каравана распространилась какая-то заразная болѣзнь, и въ два дня у нихъ издохло 10 верблюдовъ.

Положеніе экспедиціи въ это время было крайне затруднительно. О возвращеніи назадъ въ Кашгарію, послѣ всего испытаннаго тамъ, нечего было и думать и потому Николай Михайловичъ, чтобы спасти коллекцію, рѣшилъ лучше пожертвовать многими вещами изъ багажа, безъ которыхъ можно было обойтись хотя временно; часть вьюковъ была брошена, а остальное размѣстили кое-какъ на остальныхъ верблюдовъ и на верховыхъ лошадяхъ; сами же путешественники отправились пѣшкомъ.

Съ великимъ трудомъ такимъ образомъ взобрались на Юдусъ и здѣсь остановились бивуакомъ.

Пржевальскій, не теряя времени, тотчасъ же отправилъ одного изъ казаковъ съ переводчикомъ въ Кульджу съ заявленіемъ о своемъ затруднительномъ положеніи и съ просьбою о помощи.

Цѣлыхъ три недѣли прошло, пока посланные добрались до Кульджи и возвратились обратно на Юдусъ съ вьючными животными и съ запасами продовольствія, а до того времени оставшимся спутникамъ приходилось питаться исключительно охотою.

Послѣдняя, впрочемъ, была довольно удачна. На Юдусѣ водятся аргали, олени, дикія козы, медвѣди, такъ что въ мясѣ путешественники не чувствовали недостатка. Въ окрестностяхъ стоянки было много дикаго чеснока и по этому ежедневно приготавлилась окрошка, замѣнявшая супъ, за неимѣніемъ крупы или чего-либо подходящаго для приготовления настоящаго супа. Такая пища, правда, была не по сезону, такъ какъ на Юдусѣ въ маѣ мѣсяцѣ стояли еще порядочные холода, и термометръ по ночамъ рѣдко подымался выше 6° Ц. Зато жаркое было почти всегда обильное и состояло по большей части изъ птицъ, которыхъ въ теченіе мѣсяца было съѣдено 440 штукъ.

«Питаемся,—записалъ Николай Михайловичъ въ своемъ дневникѣ,—кромѣ мяса, дзамбою, крупною, какъ ячменная крупа. Право, у насъ лучшею посыпкою кормятъ свиней. Послѣ ѣды, черезъ часъ, дзамба сильно разбухаетъ въ желудкѣ и, зная это, мы ѣдимъ подобную прелесть не черезчуръ».

Избавившись на Юдусѣ отъ опеки Якубъ-бека, Пржевальскій послалъ вышеизложенный нами рапортъ въ Главный штабъ.

«Думаю,—записалъ онъ при этомъ въ своемъ дневникѣ,—что Якубъ-бекъ будетъ теперь понятъ въ Петербургѣ; перестанутъ вѣрить въ талантъ этого проходимца».

«Не даромъ англичане такъ скоро охладѣли въ порывахъ своей дружбы къ
всем. путеш. пржевальскій.

кашгарскому царю, — писалъ онъ въ своемъ рапортѣ. — Практическіе эксплуататоры, вѣроятно, разняхали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и поспѣшили разсчитаться во время».

Посланные за помощью привезли изъ Кульджи также корреспонденцію и запасъ свѣжихъ политическихъ новостей.

Узнавъ, что Россія объявила войну Турціи, Николай Михайловичъ съ новымъ посланцемъ отправилъ просьбу о назначеніи его въ ряды дѣйствующей арміи.

«Сейчасъ узнавъ о войнѣ, — телеграфировалъ онъ начальнику Главнаго штаба *) .— Считаю-бы себя счастливымъ, если-бы получилъ дозволеніе отложить на время Тибетскую экспедицію и стать въ ряды дѣйствующей арміи. Если-же это невозможно, то въ половинѣ августа пойду въ Тибетъ».

Святая болѣе полезнымъ продолженіе начатой экспедиціи, военный министръ отклонилъ это предложеніе, и Николай Михайловичъ со спокойною совѣстью продолжалъ свою экспедицію.

Переваливъ черезъ хребетъ Наратъ, на южную его сторону, экспедиція направилась въ верхнюю долину рѣки Цагма.

Съ уменьшеніемъ абсолютной высоты здѣсь путешественники встрѣтили другой климатъ и другую растительность. Здѣсь было настоящее лѣто, дожди падали почти ежедневно и тучная черноземная почва была сильно пропитана влагою. Растительность, въ особенности луговая, здѣсь была роскошна, трава достигала двухъ футовъ въ высоту, и Николай Михайловичъ въ этой мѣстности сильно пополнилъ свои ботаническія коллекціи.

3 іюля экспедиція снова прибыла въ Кульджу.

«Оглянувшись назадъ, — говоритъ Пржевальскій, — нельзя не сознаться, что счастье вновь послужило мнѣ удивительно. Съ большимъ вѣроятіемъ можно сказать, что ни годомъ раньше, ни годомъ позже изслѣдованіе Лобъ-нора не удалось-бы. Ранѣе Якубъ-бекъ, еще не боявшійся китайцевъ и не заискивавшій вслѣдствіе этого у русскихъ, едва-ли согласился-бы пустить насъ далѣе Тяньшаня. Теперь-же о подобномъ путешествіи нечего и думать при тѣхъ смутахъ, которыя послѣ недавней смерти Бадуалета начали волновать весь Восточный Туркестанъ».

Несмотря на всѣ невзгоды и на сильную помѣху, сопровождавшаго всюду Якубъ-бекова конвоя, Николай Михайловичъ считалъ свою экспедицію на Лобъ-Норъ вполне удавшеюся.

Кромѣ части Тяньшанской горной системы, именно двухъ плоскогорій Юдусъ, имъ изслѣдовано было нижнее теченіе рѣки Тарима, озеро Лобъ-норъ, на которомъ раньше его ни одинъ ученый европеецъ еще не производилъ изслѣдованій. Кромѣ того, довольно подробно изучены были горы Алтынь-тагъ, лежащія къ югу отъ оз. Лобъ-нора.

По всему пути отъ Кульджи вглубь Азіи на разстояніи 1,200 в. произве-

*) Изъ Вѣрнаго, 6 іюня 1877 г.

дена была съёмка, во многих пунктах определена широта и долгота; каждый день на всякомъ болѣе или менѣе важномъ въ орографическомъ смыслѣ пунктѣ определялась абсолютная высота мѣстности и аккуратно по четыре раза въ день производились метеорологическія наблюденія.

Если принять въ соображеніе, что всѣ эти работы и наблюденія приходилось дѣлать или тайкомъ, или съ разнаго рода маскировкой отъ многочисленныхъ зоркихъ соглядатаевъ, приставленныхъ къ путешественникамъ Явубъ-бекомъ и не остававшихъ отъ нихъ ни на шагъ — то всѣ результаты, добытые Николаемъ Михайловичемъ, прибрѣтаютъ еще большую цѣну.

Въ Кульджѣ экспедиція оставалась до второй половины августа. Николай Михайловичъ писалъ отчетъ о совершенномъ уже первомъ періодѣ путешествія и разбиралъ свою коллекцію.

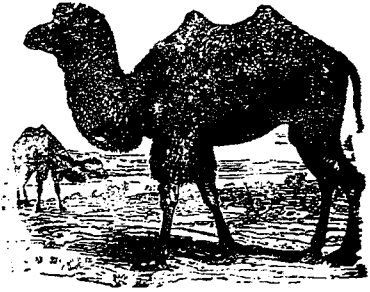
Послѣдняя сильно озабочивала его. Пржевальскій не зналъ, что дѣлать со своими богатыми научными прибрѣтеніями. У него было три шкуры дикихъ верблюдовъ *), чучель которыхъ не было ни въ одномъ музеѣ во всемъ свѣтѣ; кромѣ того, 500 экземпляровъ птицъ, 25 шкуръ большихъ звѣрей и болѣе 2,000 экз. насекомыхъ и пресмыкающихся; ботаническія коллекціи также имѣли большую цѣнность.

Пржевальскій не рѣшался оставить столь богатую коллекцію въ Кульджѣ до своего возвращенія изъ Тибета, такъ какъ за недостаткомъ присмотра препараты могли попортиться. О томъ же, чтобы тащить съ собою всѣ эти ящики, конечно, нечего было и думать. Въ виду этого Николай Михайловичъ обратился къ начальнику Главнаго штаба, графу Гейдену, съ просьбой, разрѣшить ему отправить свою коллекцію въ Петербургъ подъ конвоемъ казачьяго урядника.

Въ ожиданіи отвѣта на свое ходатайство Пржевальскій укупорилъ свою коллекцію въ ящики, сдалъ ихъ на храненіе кульджинскому городничему, а самъ сталъ готовиться къ отправленію въ новую экспедицію.

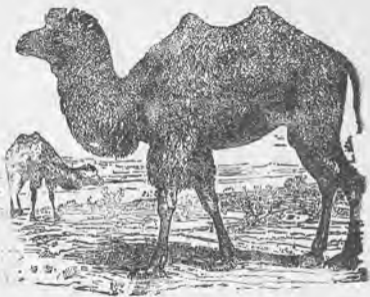
Чрезвычайно важнымъ являлось избрать такое направленіе пути, чтобы какъ можно меньше встрѣчаться съ китайскими войсками и китайскимъ населеніемъ. Раздумывая по этому поводу, Николай Михайловичъ наводилъ также и справки у всѣхъ лицъ, болѣе или менѣе компетентныхъ въ этомъ вопросѣ.

Между прочимъ, онъ написалъ также письмо и къ своему сослужавцу по Генеральному штабу, М. Пѣвцову, путешествовавшему по Центральной Азіи и близко знакомому съ путями, проходящими по Западной Монголіи.

Дикий верблюдъ.

*) Какъ раньше указано, Пржевальскому и его спутникамъ не посчастливилось на охотѣ, предпринятой специально за этими животными, но онъ прибрѣлъ упомянутыя шкуры и еще полный скелетъ новорожденнаго верблюженка покупкою.

Дикій верблюдъ.

Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ Пѣвцовъ посоветовалъ Николаю Михайловичу идти въ Тибетъ черезъ оазисъ Хами по южную сторону Тянь-шаня, по дорогѣ, которая проходитъ почти у самаго подножія. Путь этотъ нѣсколько короче, чѣмъ если идти по сѣверному склону горъ, а главное удобнѣе, потому что тамъ едва-ли есть китайское населеніе.

«Кромѣ того,—писалъ Пѣвцовъ,—слѣдуя по этому пути, вы пройдете по мѣстности совершенно неизвѣстной, тогда какъ сѣверный путь изъ Гучена до Хами изслѣдованъ уже довольно хорошо, по крайпей мѣрѣ въ орографическомъ отношеніи (Магусовскимъ, см. раньше). Что-же касается городовъ: Манаса-Урумчи и Турфана, черезъ которые пролегаетъ этотъ путь, то ихъ можно миновать окольными дорогами, тѣмъ болѣе, что вы идете на вьюкахъ, а потому для васъ вездѣ дорога. Вамъ хорошо извѣстно, какъ ведется у китайцевъ развѣдочная служба и вы, вѣроятно, согласитесь съ тѣмъ, что мимо пункта, занимаемаго китайцами, можно провести отрядъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ, и они не замѣтятъ *)...»

Сличая этотъ совѣтъ съ другими, Николай Михайловичъ намѣтилъ себѣ маршрутъ и рѣшилъ идти черезъ Гучень и Хами.

— Гдѣ можно, обойдемъ китайщину,—говорилъ онъ.—Впрочемъ, по дорогѣ до Лхассы будетъ только три города: Гучень, Хами и Са-Чжоу. Отсюда повернемъ на югъ и пойдёмъ въ Цайдамъ и далѣе, на верховья Голубой рѣки.

«Въ Тибетскую экспедицію,—писалъ онъ Пыльцову **),—беру, кромѣ Чабаева и Ирнчинова, еще трехъ забайкальскихъ казаковъ. Одинъ уже прибылъ, другіе еще идутъ. Впрочемъ, если они не будутъ умѣть хорошо стрѣлать, то я отошлю ихъ обратно и возьму солдатъ. Эти всегда смѣлѣе и усерднѣе».

Интересно, что, поглощенный всецѣло сборами въ экспедицію, Николай Михайловичъ душою пребывалъ на родинѣ, въ своемъ дорогомъ «Отрадномъ», съ любимою матерью и со всѣми дорогими.

«Надняхъ,—писалъ онъ въ томъ-же письмѣ,—я пошлю мамашѣ 300 руб., а также полфунта сѣмянъ знаменитыхъ дынь изъ Хами — большія, вкусныя, могутъ сохраняться до конца зимы. Только условіе: никому не давай этихъ сѣмянъ—рѣдкость большая ***). Блюда садъ и ежегоднодно подбавляй къ нему понемногу. Выкопай въ саду прудъ: я жертвую на это дѣло сто рублей. За ледникомъ, гдѣ были дрова, непременно разсади малину, отличная тамъ будетъ... Это ужъ моя послѣдняя экспедиція. Вернусь, поселюсь въ Отрадномъ и будемъ мы съ тобою жить припѣваючи».

Трудно допустить, чтобы Николай Михайловичъ серьезно могъ думать о прекращеніи своей дѣятельности путешественника, гораздо вѣроятнѣе предпо-

*) См. Дубровинъ, приложеніе № 13, стр. 578.

***) 25 іюля 1877 г.

***) Видѣтъ съ этими сѣменами онъ послалъ также и сѣмена тыяевъ, употреблемыхъ въ Хами вмѣсто бутылокъ.

жить, что заключительныя строки приведеннаго письма написаны были для успокоенія горячо любимой имъ матери и являлись отвѣтомъ на ея послѣднее письмо, недавно передъ тѣмъ полученное.

Въ немъ Елена Алексѣевна поздравляла сына съ производствомъ въ полковники и выражала надежду, что по возвращеніи изъ экспедиціи онъ, вѣроятно, будетъ произведенъ въ генералы.

«А генераламъ всѣмъ надобно сидѣть на мѣстѣ, — прибавляла она *).— Вѣроятно, это твоя послѣдняя экспедиція... Не мучь ты себя и выѣсть съ собой и меня. Чего тебѣ не достаетъ? А то воспоминаніе о тебѣ, лишенія твоя всѣхъ удобствъ жизни измучили меня и я, право, состарѣлась за это время на десять лѣтъ, а еще два года не увижу тебя!»

Въ этомъ-же письмѣ Елена Алексѣевна извѣщала сына о смерти его дяди, Павла Алексѣевича Каретникова.

При весьма близкихъ и сердечныхъ отношеніяхъ Николая Михайловича ко всѣмъ своимъ родовымъ, утрата дяди была для него очень тяжела.

Хорошо еще, что ему некогда было предаваться тяжелымъ размышленіямъ о родинѣ, покинутой матери и о всѣхъ остальныхъ близкихъ сердцу. Теперь было совѣмъ не до того: надо было торопиться выступленіемъ въ Тибетъ... Каждый день былъ дорогъ между прочимъ и потому, что, какъ узналъ Николай Михайловичъ, къ тому-же Тибету въ это самое время направлялись англичане, съ намѣреніемъ пробраться въ Лхассу.

Извѣстіе это получено было изъ англійскихъ журналовъ, въ которыхъ сообщалось, что правительство Индіи, по соглашенію съ китайцами, организуетъ экспедицію въ Лхассу, цѣль которой практическая и заключается въ открытіи Тибета для англо-индійской торговли.

Обстоятельство это было чрезвычайно важно: англичане могли, такимъ образомъ, приобрести вліяніе на Далай-Ламу, духовнаго владыку большей части населенія на громадной территоріи, обнимающей Индійскіе полуострова, Зондскій архипелагъ, Китай, Корею, Японію, Манчжурію и Монголію.

Теперь на Пржевальскаго, можно сказать, обращены были взоры всей Россіи и возникалъ вопросъ, кто раньше достигнетъ Лхассы и какой націи будетъ принадлежать пальма первенства.

Понятно поэтому, какъ рвался Николай Михайловичъ поскорѣе выступить въ экспедицію.

28 августа окончены были всѣ приготовленія, и экспедиція покинула Кульджу, двинувшись по направленію къ Гучену. Караванъ состоялъ изъ 24 завьюченныхъ верблюдовъ и трехъ верховыхъ лошадей. Личный составъ экспедиціи былъ вновь перереформированъ: кромѣ Пржевальскаго и Эклона было взято четыре забайкальскихъ казака и два солдата изъ Турвѣстанскихъ войскъ. Что касается снаряже-

*) Дубровинъ, стр. 243.

нія, то оно было сдѣлано въ широкихъ размѣрахъ, и такъ какъ предстояло идти по мѣстностямъ безлюднымъ и разореннымъ при недавнемъ возстаніи, то взяты были также и значительные запасы продовольствія.

Такъ какъ по большой дорогѣ, ведущей въ Хами черезъ города Шихо и Манасъ, вездѣ, какъ слышно, были расположены китайскія войска, а отчасти даже и «чампаны», т. е. ссыльно-каторжные, то Николай Михайловичъ отпра-вился въ обходъ, чтобы избѣжать различнаго рода неприятныхъ случайностей, которыми онъ уже не разъ подвергался раньше.

Экспедиція направилась мимо озера Эби-нора на сѣверъ. Вслѣдствіе обмана проводника здѣсь еще пришлось сдѣлать лишннихъ нѣсколько десятковъ верстъ по едва проходимымъ для каравана горнымъ тропинкамъ и подняться до горы Сауръ, а отсюда повернули на городъ Гучень.

По такому сѣверному пути пришлось сдѣлать около 200 верстъ лишннихъ и при томъ еще вмѣсто хорошей караванной дороги около 1,000 верстъ пришлось то пробираться по горамъ, то переходить безводныя пустыни. Скудость воды въ ночвѣ здѣсь настолько велика, что иногда приходилось совершать переходы въ 80 и даже въ 100 верстъ, съ запасною водою, не встрѣчая ни одного колодца или какого-либо другаго водоема.

4 ноября экспедиція приблизилась къ Гучену и остановилась въ 20 верстахъ отъ него.

Мѣстныя китайскія власти встрѣтили путешественниковъ не особенно радушно и даже не дали имъ квартиры въ городѣ, такъ что пришлось оставаться въ юртѣ, что впрочемъ было и лучше, такъ какъ сосѣдство китайскихъ солдатъ, которыми занятъ былъ городъ, было гораздо хуже холодовъ, рѣзкихъ вѣтровъ и тому подобныхъ неприятностей стоянки въ пустынѣ.

Достаточно было кому-нибудь изъ путешественниковъ попасться на глаза китайскимъ солдатамъ, чтобы подвергнуться всевозможнымъ оскорбленіямъ.

«Вообще, китайскія войска, — доносилъ Пржевальскій въ главный штабъ, — сколько мы ихъ видѣли въ Гученѣ, весьма деморализованы, грабежи по дорогамъ — ихъ спеціальное занятіе».

Такъ какъ все необходимое для путешествія было запасено въ достаточномъ количествѣ еще въ Кульджѣ, то, конечно, оставаться въ Гученѣ долго не было никакой надобности, если-бы въ караванѣ было все благополучно.

Но этого-то и не было. Экспедиція не могла двинуться впередъ изъ Гучена, такъ какъ самъ Николай Михайловичъ, Эклонъ и еще два казака страдали невыносимымъ зудомъ всего тѣла, что происходило отъ постоянной нечистоты при безпрестанной верховой ѣздѣ на вѣтрѣ. Болѣзнь эта проявилась у Николая Михайловича еще въ юнѣ мѣсяцѣ, когда онъ былъ въ Тянь-шанѣ; по возвращеніи въ Кульджу онъ почувствовалъ большое облегченіе, такъ что, при выступленіи въ экспедицію, даже не обратилъ вниманія на свой недугъ, но при всѣхъ невзгодахъ пути по пустынѣ болѣзнь сильно увеличилась.

«По выходѣ изъ Кульджи,—писалъ Николай Михайловичъ изъ Гучена Пыльцову,—я заболѣлъ вздорною, но нестерпимою болѣзью: у меня сильный зудъ. Мы мазали табакомъ и дегтемъ—не помогаетъ; испытаю послѣднее средство—синій купоросъ. Два казака, бывшіе у меня проводниками изъ Кульджи, возвращаются завтра въ Зайсанскій постъ. Пишу, чтобы прислали оттуда лекарство отъ зуда и газеты. Посланный догонитъ меня въ Хамя, гдѣ будемъ въ половинѣ декабря»...

Изъ этого письма видно, что Пржевальскій надѣялся на свою энергію и выносливость и рѣшил все-таки идти впередъ. Но это предположеніе не осуществилось. Болѣзнь не давала покоя ни днемъ, ни ночью; не было возможности рѣшительно ничего дѣлать ни въ юртѣ, ни на открытомъ воздухѣ. Николай Михайловичъ еще сильнѣе страдалъ отъ вынужденнаго бездѣйствія: ни ходить на охоту, ни дѣлать наблюденія, ни даже писать—онъ не могъ. Ночи обыкновенно проходили почти безъ сна и вообще онъ до крайности измучился.

«Несомнѣнно,—писалъ онъ опять нѣсколько позднѣе Пыльцову *),—мы гдѣ-нибудь заразились на Лобъ-норѣ, вѣрнѣе въ Кульджѣ отъ дурной воды. Причиною также могла быть соленая, постоянно стоящая въ воздухѣ пыль на Лобъ-норѣ и верховая ѣзда. Промучившись почти три мѣсяца я рѣшилъ вернуться изъ Гучена въ Зайсанъ (570 в.) вылечить здѣсь совсѣмъ и раннею весною со свѣжими силами идти въ Тибетъ. Тяжело было мнѣ рѣшиться на возвратъ. Нѣсколько разъ я плакалъ при мысли о такой необходимости. Наконецъ, 27 ноября мы выступили изъ Гучена къ Зайсану тою-же дорогою, которою шли изъ Кульджи. Ѣхать верхомъ я не могъ и потому купилъ передокъ отъ русской телѣги, придѣлалъ къ нему ящикъ, гдѣ я и усѣлся».

Конечно, такой экипажъ былъ неподходящимъ для бѣднаго страдальца, и путешествіе было для него невыносимо тягостно. Въ это время холода стояли такіе, что нѣсколько разъ ночью ртуть замерзала въ термометрѣ, слѣдовательно было болѣе 40° Ц. мороза.

20 декабря экспедиція прибыла въ русскій пограничный городъ Зайсанъ, Семипалатинской области и мѣстные врачи обѣщали вылечить больныхъ въ теченіе мѣсяца. Частое мытье въ банѣ, свинцовая примочка, разныя мази, а главное житье въ удобномъ жилищѣ вскорѣ дѣйствительно облегчили страданія, но на совершенное выздоровленіе въ скоромъ времени нечего было надѣяться.

«Во всѣхъ моихъ странствованіяхъ по Азіи,—говорилъ Николай Михайловичъ,—это первая неудача. Дай Богъ, чтобы она была и послѣднею».

«Облегченія пока еще мало,—писалъ онъ Пыльцову въ концѣ декабря 1877 г.,—это болѣзнь упорная. Надѣюсь, что къ половинѣ февраля, быть можетъ, и скорѣе, пройдетъ. Такъ по крайней мѣрѣ увѣряютъ меня здѣшніе врачи.

«Зайсанъ—пакость такая-же, какъ и Кульджа и вообще всѣ наши сибирскіе города. Какъ курьезъ скажу, что даже лекарство приносятъ мнѣ изъ лаза-

*) Изъ Зайсана, 23 декабря.

рета, за немѣніемъ пузырьковъ, въ водочныхъ бутылкахъ или полустофахъ».

Затягиваніе болѣзни и связанная съ этимъ отсрочка экспедиціи производили на Николая Михайловича угнетающее впечатлѣніе; силы его были потрясены постыльнымъ нервнымъ напряженіемъ вслѣдствіе нестерпимаго и непрекращающагося ни днемъ, ни ночью зуда во всемъ тѣлѣ и онъ, будучи въ мрачномъ настроеніи духа, мечталъ о спокойной жизни въ деревнѣ на родинѣ.

Возвратясь изъ экспедиціи, болѣе не пойду въ Азію, — писалъ онъ въ это время разнымъ лицамъ *):—пора и отдохнуть. Предстоящій путь въ Тибетъ, вѣроятно, уже будетъ послѣднимъ моимъ путешествіемъ въ Азію. Довольно потаскался среди этихъ д....., которыхъ называютъ монголами, китадцами и проч. Будемъ жить по старому, тихо и спокойно. Не нужно мнѣ никакихъ почестей и богатствъ — дайте мнѣ только тихую жизнь въ Отрадномъ. Тамъ можно жить спокойно, а слѣдить за наукою и событіями также не трудно, выписывая журналы и газеты».

Теперь уже несомнѣнно это были его искреннія слова и это объясняется единственно его болѣзненнымъ состояніемъ.

Что таковы были его дѣйствительныя намѣренія, видно между прочимъ изъ того, что онъ просилъ Пыльдова приступить къ постройкѣ специально для него отдѣльнаго флигеля въ Отрадномъ и даже послалъ подробный планъ его.

Кромѣ физическихъ мученій и страданій уязвленнаго самолюбія, при мысли, что въ то самое время, какъ онъ лежитъ въ Зайсанѣ, прикованный къ постели своею вздорною болѣзью, быть можетъ, другіе, иноплеменные путешественники пожинаютъ въ Тибетѣ лавры, по всей справедливости предназначенные ему, Николаю Михайловичу еще сильно беспокоило то обстоятельство, что онъ уже долгое время не получаетъ никакихъ вѣстей отъ горячо любимой матери.

Послѣ нѣсколькихъ писемъ съ запросами относительно этого, онъ сталъ отправлять одну телеграмму за другою, но и на нихъ не получалъ удовлетворительнаго и успокоительнаго отвѣта.

Почти черезъ мѣсяцъ послѣ этого онъ получилъ отъ своего отчима И. Д. Толпыго письмо, въ которомъ тотъ извѣщалъ, что у Елены Алексѣевны болитъ рука и потому-то она сама ему не пишетъ.

«Что-то плохо вѣрится этому, — замѣтилъ Николай Михайловичъ**). — Не случилось-ли что-нибудь съ мамашей», и для разъясненія своего сомнѣнія послалъ нѣсколько новыхъ телеграммъ, прося отвѣтить правду.

Черезъ нѣсколько дней отъ Толпыго получился отвѣтъ: «Маменька была больна, теперь поправляется; писать не можетъ, цѣлуетъ васъ, здорова».

*) Брату Владиміру Михайловичу (3 февраля), Пыльцову (11 февраля) и Фатѣеву (въ мартѣ) 1878 г.

***) Въ письмѣ къ брату Владиміру, 25 февраля 1878 г.

Хотя послѣдній отвѣтъ нѣсколько успокоилъ Николая Михайловича, но предчувствіе чего-то недобраго угнетало его.

Болѣзнь въ это время принимала уже благоприятный оборотъ, но онъ какъ будто апатично и совершенно несвойственно своему пылкому, энергичному характеру относился къ предстоящей экспедиціи.

Ранѣе конца марта все равно двинуться въ путь были невозможно, по причинѣ сильныхъ холодовъ и глубокихъ снѣжныхъ заносовъ, а между тѣмъ жизнь въ Зайсанскомъ посту сильно томила его. При томъ же отъ вынужденнаго бездѣйствія, при хорошемъ питаніи онъ началъ сильно полнѣть, что также раздражало его.

«Въ Зайсанѣ мы живемъ уже почти два мѣсяца,—писалъ онъ Пыльцову*).—Жирокъ заправилъ я себѣ генеральный. Потолстѣлъ противъ того, какимъ пришелъ, на цѣлыхъ два дюйма, а можетъ быть и болѣе. Петербургскій сюртукъ едва впору. Конечно, такой жирокъ начнетъ спадать, но его хватить, я думаю, до Цайдама или до Хами».

Не вынося праздности, Николай Михайловичъ хотѣлъ на весь мартъ уйти на озеро Зайсанъ и, остановившись при устьи Чернаго Иртыша, заняться зоологическими изслѣдованіями, но врачи, лечившіе его, рѣшительно возстали противъ этой экскурсіи и хотя дозволяли ему ходить на охоту, но требовали, чтобы онъ ночевалъ не иначе, какъ подъ теплою крышею.

Между тѣмъ холода все продолжались, и снѣгъ даже въ половинѣ марта лежалъ еще на 1¹/₂—2 фута глубиною.

Дѣлая приготовленія къ выступленію, Николай Михайловичъ съ неудовольствіемъ видѣлъ, что большой караванъ экспедиціи является для него сильно стѣснительнымъ. Для восьми человѣкъ, составляющихъ отрядъ, отправляясь на долгое время въ Тибетъ, приходилось набирать громадное количество запасовъ. Одного серебра было около семи пудовъ...

«Большая экспедиція, какова теперь наша,—писалъ Пржевальскій Фатѣву,—привноситъ очень много лишнихъ заботъ, совершенно чуждыхъ научнымъ изслѣдованіямъ; всего труднѣе подобрать хорошихъ казаковъ. Недавно я принужденъ былъ прогнать за постоянное пьянство и воровство прежняго своего спутника..

Денегъ теперь много, но трудовъ, а главное неприятностей, вдесятеро больше, нежели было въ прошлую экспедицію. Изъ всѣхъ шести моихъ казаковъ только одинъ Иринчиновъ хорошъ; остальные пьяницы и воры, которыхъ необходимо держать въ острасткѣ палкою».

«Трудно бываетъ подчасъ,—говорилъ иногда Николай Михайловичъ,—трудно очень, тѣмъ болѣе, что не на кого опереться. Одному радуюсь, что прежняя энергія меня не покидаетъ, а съ нею успѣхъ дѣла много обезпечить».

Между тѣмъ путешествіе въ Тибетъ при настоящихъ условіяхъ предвѣщало

*) 11 февраля.

большія трудности и даже опасности, совсѣмъ не то, что было въ первую экспедицію.

Положеніе сильно осложнялось проясками китайскаго правительства. Еще въ ноябрѣ 1876 г. китайскіе министры сообщали русскому посланнику въ Пекинъ, что экспедиціи въ Тибетъ угрожаютъ большія опасности и совѣтовали уговорить Пржевальскаго не ходить туда.

«Въ маѣ текущаго года, — говоралось въ официальномъ отношеніи цзунъ-ля-ямыня (министерства иностранныхъ дѣлъ) къ русскому посланнику Бюцову, — согласно желанію вашего превосходительства, министерство выдало билетъ для путешествія офицера Пржевальскаго съ товарищами въ Тибетъ съ ученою дѣлюю и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщило объ этомъ въ Тибетъ и другія мѣста.

«Въ отвѣтъ на это правительственный комиссаръ въ Тибетъ доноситъ министерству, что тибетскіе ламы представили ему адресъ, въ которомъ заявляютъ, что Тибетъ никогда не находился въ сношеніяхъ съ иностранными государствами, что религія и обычаи Тибета не одинаковы съ такими же въ другихъ государствахъ и что поэтому они опасаются, чтобы не вышло какаго-либо дѣла.

«Въ юлѣ мѣсяцѣ 1869 г. одинъ французъ отправился было въ Тибетъ, но положительно былъ задержанъ. Въ настоящее время офицеръ почтеннаго государства Пржевальскій съ товарищами, хотя и снабженный билетомъ, отправляется въ путешествіе, но мы весьма опасаемся, чтобы тибетскіе ламы, не имѣвшіе сношеній съ иностранцами и неизбѣжно мало слышавшіе о нихъ, отнесутся къ путешественникамъ съ подозрительностью, которая повлечетъ за собою множество неудобствъ. Въ данномъ случаѣ нами руководитъ чувство дружбы и мы весьма беспокоимся за нихъ. Мы доводимъ сіе до свѣдѣнія вашего превосходительства для того, чтобы вы посовѣтовали путешествующимъ офицерамъ наблюдать крайнюю осторожность. Если дѣйствительно встрѣтятся какія-либо неудобства, то чтобы они, зная объ угрожающей имъ опасности, непременно возвратились бы. Это наше желаніе» *).

Посланникъ Бюцовъ, на основаніи сообщеній путешественниковъ, бывшихъ въ Лхасѣ, о томъ, что тибетское духовенство вовсе не относится недружелюбно къ иностранцамъ, не могъ допустить, чтобы инициатива подача приведеннаго адреса принадлежала дѣйствительно ламамъ. Многое давало ему основаніе предположить, что это дѣло самого китайскаго комиссара, который желалъ такимъ образомъ напугать путешественниковъ и заставить ихъ отказаться отъ своей попытки проникнуть въ Тибетъ, замѣнутость котораго всегда соответствовала видамъ китайской политики.

На основаніи этого г. Бюцовъ отвѣтилъ слѣдующее:

«Приношу вамъ, почтенные сановники, искреннюю благодарность за тѣ дружескія чувства, которыя побудили васъ сдѣлать мнѣ вышеприведенное со-

*) См. Дубровинъ, стр. 251.

общеніе и за участіе, высказываемое вами къ нашимъ путешественникамъ; они будутъ поставлены въ извѣстность о содержаніи вашего сообщенія.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ позволяю себѣ, однако, обратить вниманіе ваше на то, что комиссаръ вашъ въ Тибетѣ, принявъ адресъ самъ и донесши вамъ объ этомъ, не выполнилъ всѣхъ лежавшихъ на немъ обязанностей. Мнѣ кажется, что долгомъ его было тогда же объяснить ламамъ, что различіе въ религіи и обычаяхъ и отсутствіе сношеній съ другими странами не составляетъ еще причины, чтобы чуждаться иностранцевъ и опасаться какихъ-либо неприятныхъ дѣлъ съ ними. Онъ могъ бы объяснять ламамъ, что русскіе путешественники отправляются въ Тибетъ съ вѣдома китайскаго правительства и такъ какъ это служить вашимъ доказательствомъ того, что никакихъ недружелюбныхъ намѣреній они не имѣютъ, то ламы должны откинуть всякую подозрительность относительно ихъ.

«Такъ какъ комиссаромъ, повидимому, ничего подобнаго не было сдѣлано, чтобы разсѣять высказанныя ему ламами опасенія, то не признаете-ли, почтенныя сановники, умѣстнымъ послать ему надлежащія въ этомъ смыслѣ предписанія.

«При этомъ, — прибавлялъ Бюцовъ, — я покорнѣйше просилъ бы васъ поставить его въ извѣстность о томъ, что подполковникъ Пржевальскій уже путешествовалъ въ Монголіи, Куву-норѣ и Цайдамѣ и что въ этихъ странахъ онъ испыталъ самое радушное гостепріимство въ ламайскихъ монастыряхъ, обитатели которыхъ никогда не относились къ нему съ подозрительностью, и которымъ онъ съ своей стороны неподавалъ повода къ неудовольствіямъ, умѣя уважать и религію, и обычай ихъ. Нѣтъ основанія опасаться того, чтобы онъ не счумѣлъ поставить себя также хорошо и въ отношеніи къ ламамъ въ южномъ Тибетѣ.

«Къ этому слѣдуетъ, впрочемъ, прибавить и то, что въ Лхассу проникали иностранцы, хотя, правда, очень рѣдко и что изъ рассказовъ ихъ о Тибетѣ не видно, чтобы духовенство и народъ высказывала недружелюбныя къ нимъ чувства».

Какъ бы то ни было, но очевидно было, что къ провикновенію Пржевальскаго въ Тибетъ и Лхассу будутъ поставлены серьезныя препятствія, если не ламами, то китайскимъ правительствомъ и ихъ резидентомъ въ Лхассѣ, который, конечно, при желаніи имѣлъ много средствъ къ тому, чтобы дѣйствительно возстановить духовенство и населеніе противъ нежелаемыхъ пришлецовъ.

Въ виду этого г. Бюцовъ, сообщая Николаю Михайловичу о своихъ переговорахъ съ министрами касательно его экспедиціи, посоветовалъ ему записаться рекомендательными письмами отъ вліятельныхъ тибетскихъ ламъ, проживающихъ въ г. Ургѣ, а самъ писалъ объ этомъ русскому консулу, чтобы тотъ постарался получать такія письма и высылать ихъ Пржевальскому въ Кудьджу.

Таково было положеніе относительно экспедиціи въ концѣ 1876 г., но черезъ нѣсколько времени она еще болѣе ухудшилась, какъ мы это дальше увидимъ.

Между тѣмъ Николай Михайловичъ, еще не вполне оправившись отъ своей тяжелой болѣзни, усиленно готовился къ выступленію въ путь. Онъ надѣялся, что наступающая весенняя погода и самая перемѣна обстановки жизни въ пути по-

дѣйствуютъ на него благотворно, и вскорѣ сами собою исчезнутъ послѣдніе признаки болѣзни. Въ видѣ предосторожности онъ, однакоже, не хотѣлъ ѣхать сначала верхомъ, а приобрѣлъ двухколесную арбу, подобную той, въ которой онъ, какъ помнитъ читатель, ѣхалъ въ началѣ своей первой экспедиціи отъ Кляты до Урги.

Окончательно сформированный караванъ состоялъ теперь изъ 29 верблюдовъ, изъ нѣхъ 6 было верховыхъ, 4 запасныхъ, 18 вьючныхъ, а одинъ предназначался для запряжки въ его арбу.

Изъ Петербурга были получены два хронометра и фотографическій аппаратъ новѣйшей системы, специально предназначенный для работъ во время путешествія; вѣсилъ онъ со всѣми принадлежностями всего 1 пудъ.

«Сейчасъ Иривчановъ купилъ на рынкѣ девять пудовъ баранины. Вотъ какіе мы теперь беремъ запасы; охотою десять человекъ нельзя прокормить. Ружья наши всѣ вымыты, вычищены, заряды и патроны изготовлены; словомъ, собрался совсѣмъ...

«Завтра, наконецъ, выступаемъ изъ Зайсанскаго поста. Избавляемся отъ тюрьмы, въ которой сидѣли три мѣсяца. Радость—неописанная!»

Радость эту, однако, сильно отравляло какое-то предчувствіе...

«О мамашѣ беспокоюсь,—писалъ онъ,—выздоровѣтъ-ли она?» Извѣстія о ней онъ попрежнему не получалъ ни изъ Смоленска, ни изъ Москвы, пока, наконецъ, телеграмма отъ брата Владиміра не раскрыла передъ нимъ горькую истину.

«Восемнадцатаго іюня прошлаго года,—телеграфировалъ Владиміръ Михайловичъ *),—мамаша скончалась отъ рака желудка и болѣзни сердца».

Извѣстіе это какъ громомъ поразило Николая Михайловича, столь поздно узнавашаго о кончинѣ вѣжно-любимой матери.

«Глубоко тяжелую вѣсть,—записалъ онъ въ своемъ дневникѣ,—получилъ я сегодня... моя мамаша скончалась. Полугодомъ раньше ея умеръ мой дядя. Невознаградимыя для меня утраты, понесенныя въ такой короткій срокъ! Если-бы я не возвращался изъ Гучена въ Зайсанъ, то о смерти матери не зналъ бы до окончанія путешествія. Быть можетъ, это было-бы къ лучшему...

«Теперь же къ ряду всѣхъ невзгодъ прибавилось еще горе великое. Я любилъ свою мать всею душою. Съ ея именемъ для меня соединены отрадныя воспомнанія дѣтства и отрочества, беззаботно проведенныхъ въ деревнѣ.

И сколько разъ я возвращался въ свое родимое гнѣздо изъ долгихъ отлучекъ, иногда на край свѣта. И всегда меня встрѣчали ласки и привѣтъ. Забывались пережитыя невзгоды, на душѣ становилось покойно и радостно; я словно опять становился ребенкомъ... Эти минуты для меня всегда были лучшею наградою за повеселенные труды...

«Бура жизни, жажда дѣятельности и завѣтное стремленіе къ изслѣдова-

*) 20 марта 1878 г.

пію невиданнихъ стравъ внутрѣнной Азіи снова оторвали меня отъ родного крова. Бросалось многое, даже очень многое, но самую тяжелую минутою всегда было для меня разставаніе съ матерью.

Ея слезы и послѣдній поцѣлуй еще долго жгли мое сердце. Не одинъ разъ среди дикой пустыни или дремучихъ лѣсовъ моему воображенію рисовался дорогой образъ и заставлялъ уноситься неволью къ родному очагу...

«Женщина отъ природы умная и съ сильнѣмъ характеромъ, мать моя вывела насъ на прочный путь жизни. Ея совѣты не покидали меня даже и въ вѣломъ возрастѣ. Правда, воспитаніе наше было много спартанскимъ, но оно закалило силы и сдѣлало характеръ самостоятельнымъ. Да будетъ же миръ прагу твоему, моя дорогая мамаша!»

Въ такомъ безотрадномъ настроеніи находился Николай Михайловичъ, когда вдругъ получено было распоряженіе прекратить дальнѣйшее движеніе въ китайскіе предѣлы.

Экспедиція въ Тибетъ не могла теперь осуществиться, такъ какъ явились неожиданныя осложненія съ китайскимъ правительствомъ, которое предъявило требованіе выдачи дунганъ, бѣжавшихъ въ пограничныя русскія области.

Главнокомандующій войсками западно-сибирскаго округа донесъ военному министру, что, въ виду обострившихся отношеній съ Китаемъ, необходимо остановить экспедицію Пржевальскаго и одновременно съ этимъ извѣстилъ объ этомъ и самого Николая Михайловича.

Послѣдній, въ ожиданіи категорическаго приказанія министра, сдѣлалъ одинъ дневной переходъ отъ Зайсана и, расположившись въ урочищѣ Кендерлыкъ, занялся здѣсь зоологическими изысканіями.

Между тѣмъ военный министръ и министръ иностранныхъ дѣлъ, свесившись другъ съ другомъ, также пришли къ заключенію, что слѣдуетъ отложить экспедицію до болѣе удобнаго времени, о чемъ и послано было по телеграфу предписаніе.

Въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ такая отсрочка была бы для Николая Михайловича крайне тягостною, но теперь онъ былъ до такой степени истерзанъ душою и тѣломъ, что предписаніе не ходить въ Китай было для него отчасти даже пріятно, и онъ немедленно же просилъ разрѣшенія возвратиться въ Петербургъ для поправленія здоровья... «Тибетская экспедиція,—прибавлялъ онъ,—можетъ быть выполнена впоследствии со свѣжими силами и при лучшихъ обстоятельствахъ».

31 марта 1878 г. Николай Михайловичъ, оставивъ все снаряженіе экспедиціи въ посту Зайсанскомъ, отправился въ Петербургъ.

«Сегодня,—записалъ онъ въ своемъ дневникѣ,—исполнилось мнѣ 39 лѣтъ, и день этотъ ознаменованъ для меня окончаніемъ экспедиціи, далеко не столь триумфальнымъ, какъ мое прошлое путешествіе по Монголіи.

Теперь дѣло сдѣлано лишь на половину: Любовь-норъ изслѣдованъ, но Ти-

беть остается еще нетронутымъ. Въ четвертый разъ я не могу попасть туда: первый разъ вернулся съ Голубой рѣки, второй—съ Лобъ-нора, третій—изъ Гучена и, наконецъ, въ четвертый разъ экспедиція остановилась въ самомъ началѣ.

Я не унываю! Если только мое здоровье поправится, то весною будущаго года снова двинусь въ путь. Хотя остановка экспедиціи совершилась не по моей винѣ и при томъ я сознаю, что это самое лучшее, при настоящемъ состояніи моего здоровья—все-таки мнѣ крайне тяжело и грустно воротаться назадъ...

«Цѣлый день вчера я былъ самъ не свой и много разъ плакалъ. Даже возвращеніе въ Отраднѣ теперь мало радуешь...

«Правда, жизнь путешественника несетъ съ собой много различныхъ невзгодъ, но зато она даетъ и много счастливыхъ минутъ, которыя не забываются никогда. Абсолютная свобода и дѣло по душѣ — вотъ въ чемъ именно вся заманчивость странствованій. Не даромъ же путешественники никогда не забываютъ своей труженнической поры, даже среди самыхъ лучшихъ условій цивилизованной жизни.

«Прощай же моя счастливая жизнь, но прощай не надолго. Пройдетъ годъ, уладятся недоразумѣнія съ Китаемъ, поправится мое здоровье, и тогда я снова возьму странническій посохъ и снова направлюсь въ азіатскія пустыни»...

Изъ Омска Николай Михайловичъ отправилъ въ географическое общество донесеніе о приостановленіи экспедиціи.

«Не знаю,—писалъ онъ,—къ худшему ли это служить или къ лучшему? Мнѣ кажется послѣднее вѣроятнѣе. Не говоря уже про то, что китайцы, при настоящемъ своемъ настроеніи къ русскимъ, легко могли надѣлать намъ всякихъ неприятностей и даже прямо не пустить далѣе Гучена—мое здоровье, не вполнѣ еще окрѣпшее въ Зайсанѣ, снова ухудшилось, лишь только пришлось жить на морозахъ въ юртѣ, лазать во время экскурсій по горамъ или болотамъ—словомъ подвергать себя всѣмъ тѣмъ невздамъ, которыя неминуемо сопряжены съ путешествіемъ въ дикихъ странахъ Азіи. Между тѣмъ физическая крѣпость составляетъ одно изъ главныхъ условій для успѣха дѣла. Необходимо вылечиться хорошенько и тогда со свѣжими силами и новымъ счастьемъ продолжать начатое дѣло»...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Итоги Лобъ-норской экспедиціи. Приготовленія къ новому путешествію.

Возвращеніе въ Россію.—Полемика съ Рихтгофеномъ.—Проектъ тибетской экспедиціи, докладная записка.—Лекція въ географическомъ обществѣ—Новые лавры.—Выборъ спутниковъ.—Командировка.—Ухлопоты г. Коандера о паспортѣ въ Пекинѣ.

23 мая Николай Михайловичъ прибылъ въ Петербургъ и прежде всего принялся за поправленіе здоровья. Всѣ доктора, къ которымъ онъ обращался,

объясняли его болѣзнь нервнымъ разстройствомъ, вызваннымъ общимъ утомленіемъ организма. Для излеченія ему совѣтовали купанья и спокойную жизнь въ деревнѣ, чего и самъ Николай Михайловичъ желалъ больше всего.

Черезъ недѣлю онъ получалъ отпускъ на четыре мѣсяца и оставался еще нѣсколько дней въ столицѣ лишь потому, что необходимо было устроить коллекціи, которыя онъ намѣревался пожертвовать въ музей Академіи Наукъ.

По прибытіи въ Петербургъ, онъ узналъ, что ему присуждена еще за прошлую экспедицію золотая медаль Парижскимъ географическимъ обществомъ и большая золотая медаль имени Гумбольдта отъ Берлинскаго географическаго общества.

Медаль эта недавно была учреждена обществомъ по случаю юбилея Гумбольдта, и первый, кто удостоился ея полученія, былъ Пржевальскій.

Предсѣдатель общества, баронъ Рихтгофенъ, въ особой изданной имъ брошюрѣ *), разбирая дѣятельность Николая Михайловича, очень восторженно отзывался о его географическихъ подвигахъ.

При обзорѣ результатовъ послѣдней экспедиціи Пржевальскаго, Рихтгофенъ останавливается на изслѣдованіи Лобъ-нора и на открытіи хребта Алтынъ-тага.

Опредѣленіе дѣйствительнаго положенія Лобъ-нора, — говоритъ Рихтгофенъ, — всегда возбуждало общій интересъ географовъ, и «Пржевальскій, съ безстрашіемъ, отличающимъ *геніальнаго путешественника*, становится разрѣшеніе этой географической задачи цѣлью своего путешествія, которое принадлежитъ къ самымъ выдающимсяъ экспедиціямъ нашего времени». Сдѣланная имъ съемка нижняго теченія Тарима и озера Лобъ-нора совершенно измѣнила то, что прежде было извѣстно объ этихъ мѣстностяхъ.

Раньше Пржевальскаго Лобъ-норъ не былъ еще посѣщенъ ни однимъ европейскимъ изслѣдователемъ, и свѣдѣнія о его географическомъ положеніи почерпались исключительно изъ китайскихъ источниковъ. Изслѣдованія, произведенныя имъ, заставляли существенно измѣнить прежнія воззрѣнія и естественно, что смѣлые выводы Пржевальскаго встрѣтили критику ученыхъ, опирающихся на китайскіе источники и на различныя теоретическія соображенія.

Такъ, Рихтгофенъ, исходя изъ того факта, что равнины, окружающія Лобъ-норъ, пропитаны солью, находилъ невозможнымъ согласовать съ этимъ показаніемъ Пржевальскаго, что вода въ изслѣдованномъ имъ озерѣ — прѣсная. Въ виду этого Рихтгофенъ предполагаетъ, что Лобъ-норъ, найденный Пржевальскимъ, не есть истинный, который долженъ лежать на 3° западнѣе; что въ дѣйствительномъ Лобъ-норѣ вода должна быть соленою; что мѣстные жители не знаютъ названія «Лобъ-норъ», а называютъ его Чокъ-куль...

«Вопреки теоретическимъ соображеніямъ, — говоритъ онъ, — и историческимъ извѣстіямъ, мы узнаемъ отъ перваго европейца, посѣтившаго Лобъ-норъ

*) „Bemerkungen zu den Ergebnissen von Oberstlieutenant Przewalski's Reise nach dem Lop-noor und Altyn-tagh“, Вѣрлянь, 1878 г.

и отличающагося рѣдкою наблюдательностью, что озеро это прѣсное, а не соленое»...

Однако же Рихтгофенъ не рѣшается опровергать мнѣніе Пржевальскаго, а лишь осторожно критикуетъ его съ теоретической точки зрѣнія. Николай Михайловичъ не оставилъ безъ возраженія эту критику.

Описаніе Алтын-тага, сдѣланное Пржевальскимъ, по мнѣнію Рихтгофена, составляетъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ открытій и, подводя итоги результатовъ двухъ путешествій Николая Михайловича въ Средней Азіи, онъ заявляетъ, «что однимъ человекомъ наши знанія о Центральной Азіи значительно расширены».

Полученіе такой изъ ряда вонъ выходящей награды, конечно, дѣстило самолюбію Николая Михайловича; вмѣстѣ съ тѣмъ ему чрезвычайно пріятно было видѣть, что его брошюра немедленно же переводится на иностранныя языки.

«Моя брошюра о Лобъ-норѣ, — пишетъ Пржевальскій Пыльцову *), — встрѣчена чрезвычайно сочувственно за границею. Уже переведена на нѣмецкій и англійскій языки со всевозможными меня восхваленіями. Первый томъ моей «Монголіи», переведенный на англійскій языкъ, продается въ Петербѣ за 24 рубля. Расходы по изданію въ Лондонѣ всѣ окупились и мнѣ прислали еще изъ Лондона 190 руб. — половину чистой прибыли, до сихъ поръ полученной. У насъ же второго тома раскуплено только 40 экземпляровъ».

Пріѣхавши въ деревню, Николай Михайловичъ оставилъ всѣ свои занятія и посвятилъ дѣто полному отдыху для поправленія здоровья. Онъ ежедневно купался или обливался холодною водою, ходилъ на охоту, а въ дни, когда погода была слишкомъ плохая, садился писать возраженіе Рихтгофену, и по окончаніи этой работы — проектъ будущей экспедиціи въ Тибетъ.

Оказалось, что попытка англичанъ проникнуть въ Тибетъ и Лхассу настолько не увѣчалась успѣхомъ, что они даже оставили совсѣмъ намѣреніе снарядить экспедицію, и вмѣсто этого прибѣгнули къ посылкѣ одиночныхъ людей — пундитовъ (обученныхъ съемкѣ и производству другихъ наблюденій туземцевъ-индусовъ). Такіе пундиты командировались индійскимъ геодезическимъ бюро, чтобы собрать хотя какія-нибудь, главнымъ образомъ, топографическія свѣдѣнія объ этой неувѣстной странѣ и путешествовали тайкомъ, подъ видомъ богомольцевъ.

Собираясь предпринять новое путешествіе въ Тибетъ, Николай Михайловичъ представилъ въ географическое общество для передачи въ главный штабъ записку, въ которой обстоятельно мотивировалъ важность этой экспедиціи въ отношеніи политическомъ и научномъ.

«Изъ всѣхъ мѣстностей Внутренней Азіи, болѣе или менѣе подвергнувшихся изслѣдованію европейцевъ, главнымъ образомъ русскихъ, одинъ Тибетъ представляетъ еще страну почти совершенно невѣдомую.

*) 2-го юня 1878 г.

Попытки англичанъ изъ Индіи, начавшіяся сотню лѣтъ тому назадъ, не привели еще до сихъ поръ къ желаемому результату; таковы: путешествіе Богля въ 1774 г., Торнера въ 1783 г., Маннинга въ 1811 г., Пембертона въ 1828 г. и др.

За исключеніемъ Ладака *), гдѣ съ недавняго времени пребываетъ англійскій комиссаръ, въ Собственный Тибетъ изъ-за Гиммалаевъ не рѣшаются проникнуть даже одинокіе ученые, и калькуттскія власти принуждены прибѣгнуть къ тайной посылкѣ пундитовъ, чтобы получить хотя кое-какія свѣдѣнія о недоступномъ сосѣдѣ».

Столь-же неуспѣшны были и попытки миссіонеровъ, старавшихся со свойственною имъ смѣлостью и энергіей пробраться въ Тибетъ съ восточной стороны, т. е. изъ Китая.

Даже свѣдѣнія правительства самого «Срединнаго» государства о Тибетѣ весьма скудны, и вообще вліяніе китайцевъ на эту недоступную страну весьма невелико, а вассальная зависимость Далай-Ламы отъ Богдохана выражается лишь въ подаркахъ, высылаемыхъ изъ Лхассы въ Пекинъ, да и то далеко не регулярно.

«Между тѣмъ,—говорилъ Николай Михайловичъ въ своей запискѣ,—духовное владычество Далай-Ламы, не уступая въ силѣ средневѣковой власти папъ, широко раскидывается по всей Внутренней, Восточной и Южной Азіи. На поклоненіе этому духовному владыкѣ, даже богѣ—воплощенному божеству, ежегодно стекаются въ Лхассу многія тысячи пилигримовъ и изъ холодныхъ пустынь Монголіи, и изъ жаркихъ странъ Индо-Китая. У далай-ламскаго престола сталкиваются люди, чуждые другъ другу по происхожденію и языку, по нравамъ и образу жизни. Общее для нихъ только одно—религія, но эта пружина, какъ учить исторія, достаточно сильна бываетъ для того, чтобы двинуть массы даже на историческій подвигъ».

«Правда, кроткій буддизмъ едва-ли способенъ сдѣлать то, что сдѣлало магометанство, но, все-таки, въ опытныхъ и талантливыхъ рукахъ духовная власть, располагающая 250-ю милліонами послѣдователей, составляетъ силу страшную. Приласкать ее, задобрить, а если будетъ возможно, то и подружиться—вотъ въ чемъ, мнѣ кажется, Россія можетъ найти собѣ немаловажную выгоду».

«Обстоятельства намъ вполне благоприятствуютъ: изолированный Тибетъ пока еще не имѣетъ друзей; русское имя, сколько мнѣ приходилось слышать въ самой глубинѣ Азіи, пользуется симпатіей; наконецъ, вблизи нашей границы и подъ большимъ нашимъ вліяніемъ находится городъ Урга, священный для буддистовъ, въ особенности для монголовъ. Эти послѣдніе всею душою ненавидятъ китайцевъ, и подобное настроеніе трехъ милліоновъ номадовъ, при случаѣ, можетъ также пригодиться въ нашу пользу» **).

*) Въ верхнемъ теченіи Инда.

**) См. Дубровинъ, приложение № 14, стр. 579—586.

Переходя къ разбору причинъ, по которымъ тибетская экспедиція является очень важною въ научномъ отношеніи, Пржевальскій говоритъ въ той-же запискѣ:

«Для научныхъ изслѣдованій Тибетъ представляетъ такое обѣтованное мѣсто, какъ немногія изъ другихъ странъ земного шара. Ученый путешественникъ, несомнѣнно, найдетъ здѣсь богатую добычу по географіи и естествознанію. Прѣжнее мое путешествіе черезъ Куку-пуръ до верховьевъ Голубой рѣки и недавнее изслѣдованіе Лобъ-нора ясно показали, что для этихъ частей Азіи совершенно невѣрны географическія карты, составленныя главнымъ образомъ по китайскимъ источникамъ. То же самое, несомнѣнно, будетъ и для всего сѣвернаго Тибета.

Съ другой стороны, много-ли мы знаемъ объ естественныхъ произведеніяхъ этой страны, достигающей столь высокаго поднятія надъ уровнемъ моря и южными своими частями лежащей въ подтропической зонѣ?

Наконѣцъ, изученіе туземнаго населенія, его образа жизни, отношеній къ своимъ сосѣдямъ и, рядомъ съ тѣмъ, оживленіе съ буддизмомъ въ самомъ центрѣ его развитія и силы—все это представляетъ многосторонній интересъ, ради котораго можно, не задумываясь, рискнуть на всѣ невзгоды труднаго путешествія. При томъ, научныя изслѣдованія,—какъ весьма справедливо выражено въ письмѣ товарища министра иностранныхъ дѣлъ г. военному министру,—будутъ маскировать политическія цѣли экспедиціи и отклонять всякія подозрѣнія нашихъ недруговъ»...

Нѣсколько позже Николай Михайловичъ предлагалъ для политическіихъ цѣлей командировать какое-либо особое лицо изъ преданныхъ буддистовъ. По его плану такому лицу можно было-бы поручить производство въ Лхасѣ разѣдокъ относительно политическаго строя Тибета, его отношеній къ Китаю и другимъ народамъ, вліянія Далай-Ламы за предѣлами своего государства; а также это удобно было-бы и на тотъ случай, если окажется возможность «завязать и упрочить какія-либо отношенія съ главою буддизма.

Полагая взять въ предстоящее путешествіе: 1) двухъ помощниковъ, 2) препаратора, 3) двухъ переводчиковъ, 4) двухъ проводниковъ и 5) семь казаковъ, Николай Михайловичъ опредѣлялъ стоимость экспедиціи на два года въ 27,810 р., а такъ какъ отъ Лобъ-норской экспедиціи еще осталось 8,000, то требовалось выслать только отпускъ 20,000 р., не считая провозовъ и содержанія по службѣ.

«Считаю также долгомъ оговорить,—писалъ онъ въ своей запискѣ,—что въ общій расчетъ включены только обыкновенные подарки, какъ-то: часы, ружья, револьверы, зеркала и т. п. Если-же правительство желаетъ послать Далай-Ламѣ, его сподручнику Вань-Цинь-Эрдени, равно какъ и китайскому резиденту въ Лхасѣ, какія-либо ценныя вещи, то ихъ покупка должна быть произведена изъ особыхъ средствъ»...

Въ концѣ сентября Николай Михайловичъ пріѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь узналъ, что вопросъ о его новомъ путешествіи находится въ полномъ ходу.

Берегъ Тарима.

Географическое Общество пригласило его прочесть лекцію о послѣднемъ Лобъ-норскомъ путешествіи, которая и состоялась 11 октября *).

Николай Михайловичъ изложилъ свои отношенія къ Якубъ-беку и, остановившись болѣе подробно на изслѣдованіи озера Лобъ-нора, нарисовать картину домашняго быта туземцевъ.

При этомъ онъ систематически опровергалъ вышеприведенное мнѣніе Рихтгофена.

Отсутствіе соли въ водѣ озера объясняется тѣмъ, что «Лобъ-норъ собственно не есть озеро, а скопленіе рѣчной воды». Мы провели, — говорилъ онъ, — здѣсь около двухъ мѣсяцевъ, отсюда я ѣздили по Тариму на 53 версты внизъ отъ деревни Абдалы. На всемъ этомъ пространствѣ Таримъ еще сохраняетъ характеръ рѣки, но затѣмъ начинаетъ быстро уменьшаться въ своихъ размѣрахъ и черезъ 53 версты отъ деревни Абдалы совершенно исчезаетъ.

Здѣсь начинаются ручейки и озера, покрытыя тростниковомъ, черезъ который невозможно пробраться даже въ маленькой лодкѣ, но тѣмъ не менѣе вездѣ замѣтно теченіе, которое устремляется къ востоку. Такимъ образомъ Лобъ-норъ есть ничто иное, какъ разливъ водъ Тарима. Поэтому у солончаковъ вода соленая, а здѣсь соленого вкуса быть не можетъ.

«Говорить, кромѣ того, что у меня Лобъ-норъ гораздо жиже, чѣмъ на старыхъ картахъ. Да, это потому, что мѣстные жители безпрестанно отводятъ воду въ канавы для рыболовства **). Это въ дѣйствительности очень удобно и выгодно:

*) Стенографическій отчетъ этой лекціи хранится въ архивѣ Географическаго общества, въ дѣлѣ № 10.

**) Рихтгофенъ въ вышеуказанной брошюрѣ говоритъ, что описанный Пржевальскимъ Лобъ-норъ не есть подлинный; — что Таримъ, можетъ быть, переизмѣнилъ свое теченіе въ сравнительно недавнее время; что берега истиннаго Лобъ-нора должны быть возвышены, потому что весной здѣсь господствуютъ сильныя бури, которыя производятъ большіе на-

Берегъ Тарима.

жоняют канаву, отводят воду и въ образованный такимъ образомъ искусственный бассейнъ загоняютъ рыбу, которую и вылавливаютъ. Затѣмъ снова засыпаютъ канаву и черезъ нѣсколько времени здѣсь начинается расти тростникъ, который представляетъ прекрасный кормъ для барановъ.

Что касается самаго названія «Лобъ-норъ», то мѣстные жители дѣйствительно не употребляютъ его по отношенію къ озеру, а называютъ Лобъ-норомъ административный участокъ, заключающій въ себѣ и все нижнее теченіе рѣки Тарима.

Касательно хребта Алтынъ-тага Николай Михайловичъ заявилъ, что на всѣхъ картахъ горы эти показывались на 36° сѣв. широты, между тѣмъ какъ по его изслѣдованію онѣ оказались на 3° южнѣе.

Описывая этотъ хребетъ, онъ сообщалъ, что Алтынъ-тагъ достигаетъ огромной высоты, и что даже нѣкоторыя долины поднимаются до 11,000 фут. абсолютной высоты. «Два нашихъ проводника,—сообщилъ онъ,—говорили, что за Алтынъ-тагомъ находится еще высокая равнина, шириною версты въ 50; затѣмъ еще идетъ поперечный хребетъ, затѣмъ еще равнина, а дальше огромный вѣчно-снѣговой хребетъ—Чаманъ-тагъ. Всѣ три хребта къ западу соединяются, по нѣ словамъ, въ одинъ хребетъ Тугунъ-дабанъ.

«Открытіе этихъ горъ,—прибавляетъ онъ,—проливаетъ свѣтъ на многія историческія событія, потому что дорога изъ Хотана въ Китай съ глубокой древности шла на Лобъ-норъ; вслѣдствіи этого путь былъ забытъ и вмѣсто него избрали другое направленіе. Теперь весьма легко объяснить, почему именно здѣсь былъ такой путь. Это потому, что подъ горами скорѣе можно было найти кормъ для скота и ключи воды».

Николай Михайловичъ при взрывѣ оглушительныхъ рукоплесканій закончилъ свою лекцію заявленіемъ, что, совершенно поправившись здоровьемъ, онъ готовъ снова идти въ Азію, именно въ Тибетъ.

Экспедиція эта въ принципѣ была уже рѣшена въ правительственныхъ сферахъ, но окончательное ея утвержденіе зависѣло еще отъ Государя, который въ то время находился въ Крыму.

Самъ Августѣйшій предсѣдатель географическаго общества, Великій Князь Константинъ Николаевичъ, отнесся къ дѣлу весьма сочувственно и лично ходатайствовалъ объ ассигнованіи требуемой суммы.

комы. Это обстоятельство, по его мнѣнію, дѣлаетъ невозможнымъ то, что рассказываетъ Пржевальскій, именно, что жители во всякомъ мѣстѣ могутъ сдѣлать себѣ бассейнъ для рыболовства. Рихтгофенъ говоритъ, что дѣйствительный Лобъ-норъ долженъ быть западнѣе, а можетъ быть онъ уже и высохъ.

Николай Михайловичъ отрицалъ возможность такого предположенія и говорилъ, что, проходя по этой мѣстности, онъ не могъ просмотрѣть озера или бывшей его впадины и что онъ не видѣлъ здѣсь ни рукава, ни ручейка.

Воображеніе Пржевальскаго Рихтгофену напечатано въ XV томѣ Извѣстій И. Р. Г. О. и немедленно было переведено на иностранные языки. Рихтгофенъ самъ призналъ основательность этихъ возраженій.

«Нельзя не признать,—писалъ онъ при этомъ министру финансовъ,—что однимъ изъ главѣйшихъ дѣятелей нашего времени на поприщѣ изученія Центральной Азіи является полковникъ Пржевальскій. Его ученныя заслуги высоко оцѣнены всѣми русскими учеными учреждениями, увѣнчаны рядомъ самыхъ почетныхъ наградъ на Западѣ, и безъ сомнѣнія заслуживаютъ всякаго поощренія и поддержки со стороны правительства».

Между тѣмъ «фонды» Николая Михайловича, по его собственному выраженію, все возрастали.

Академія Наукъ и Императорскій Ботаническій садъ избрали его своимъ почетнымъ членомъ; во время пребыванія въ Петербургѣ, Пржевальскій былъ замученъ всевозможными приглашеніями на вечера, обѣды, а также многочисленными просьбами прочесть лекцію о своемъ путешествіи. Къ нему обращались съ такими просьбами даже изъ другихъ городовъ, напр. изъ Кронштадта, Варшавы и даже изъ Кіева. Не будучи въ состояніи исполнить всѣ эти просьбы, Николай Михайловичъ ограничился чтеніемъ лишь одной лекціи въ Соляномъ Городкѣ, 15 декабря, въ 8 ч. вечера.

При шумной и разсѣянной жизни въ столицѣ, Пржевальскій дѣятельно готовился къ предстоящему далекому путешествію и прежде всего озаботился присканіемъ себѣ второго товарища. Охотниковъ было очень много. Къ Николаю Михайловичу безпрестанно являлись и военные, и статскіе и просили взять съ собою, но никто изъ нихъ не удовлетворялъ всѣмъ требованіямъ, которыя къ нимъ предъявлялись.

Среди этихъ требованій не послѣднее мѣсто занимали нравственныя и сердечныя качества претендента. «Сварливый, злой человѣкъ,—говорилъ Николай Михайловичъ,—неминуемо будетъ великимъ несчастіемъ въ экспедиціонномъ отрядѣ, гдѣ должны царить дружба и братство, рядомъ съ безусловнымъ подчиненіемъ руководителю дѣла».

Наконецъ, выборъ его остановился на товарищѣ Эклона по гимназін, прапорщикѣ В. И. Роборовскомъ.

При первомъ же знакомствѣ съ этимъ юношей, Николай Михайловичъ нашелъ въ немъ человѣка, вполне подходящаго.

«Человѣкъ весьма толковый,—писалъ онъ Фатѣеву *),—порядочно рисуетъ и знаетъ съемку, характера хорошаго, здоровья отличнаго».

14 декабря послѣдовало, наконецъ, Высочайшее разрѣшеніе на командированіе полковника Пржевальскаго, прапорщиковъ Эклона и Роборовскаго, четырехъ казаковъ и трехъ солдатъ въ Тибетъ на два года.

При этомъ, какъ и въ предыдущіе разы соотранено было содержаніе всѣхъ участниковъ экспедиціи, выданы двойные прогонныя, отпущено было необходимое оружіе и боевыя припасы. Кромѣ того, изъ Пулковской обсерваторіи выдано было

*) 4 декабря, 1878 г.

два хронометра. Сообщая объ этомъ Пржевальскому, главный штабъ просилъ его доносить по временамъ о ходѣ экспедиціи, «дабы военное министерство, столь живо интересующееся результатами возложеннаго на васъ предпріятія, могло, хотя изрѣдка, слѣдить за успѣхами вашихъ занятій въ неизслѣдованныхъ странахъ азіатскаго материка» *).

Такимъ образомъ все устроилось именно такъ, какъ и желать самъ Николай Михайловичъ. Теперь оставалось еще добиться какихъ-нибудь благоприятныхъ для экспедиціи соглашеній съ китайскимъ правительствомъ, но это было уже дѣло дипломатіи.

Судя по тому, что пришлось испытать уже въ двѣ предыдущія экспедиціи, Николай Михайловичъ заранѣе былъ увѣренъ, что китайское правительство не дружелюбно отнесется къ его путешествію, тѣмъ болѣе, что дѣль предпринимаемой экспедиціи составлялъ Тибетъ, страна, ревниво оберегаемая китайцами отъ всякаго вторженія европейцевъ.

Нелюбезный приемъ, сдѣланный китайцами русской экспедиціи въ Гученѣ въ 1877 г., повудилъ Пржевальскаго обратиться къ русскому посланнику въ Пекинѣ съ просьбой посодѣйствовать тому, чтобы на будущее время китайскія власти хотя наружно относились погостепріимнѣе и хотя бы отводили вмѣ квартиры и давали проводниковъ.

Получивъ письмо Пржевальскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомленіе отъ министерства иностранныхъ дѣлъ о новомъ командированіи его въ Тибетъ, начальникъ посольства г. Козандеръ просилъ Пекинскихъ министровъ, чтобы они предупредили объ этомъ резидента въ Лхассѣ и прочія власти въ мѣстностяхъ, черезъ которыя должна была проходить русская экспедиція.

Советники Цзунъ-ли-ямныя въ отвѣтъ на это совѣтовали предупредить полковника Пржевальскаго, что ему слѣдуетъ отправляться въ путешествіе не иначе, какъ хорошо взвѣсивъ обстоятельства, въ которыхъ онъ будетъ находиться.

«Населеніе Тибета, — сообщали министры, какъ бы въ отвѣтъ на прошлогоднее представленіе посланника Бядова, — издавна и постоянно не желаетъ видѣть въ своей странѣ чужеземцевъ и держится этой мысли твердо, не поддаваясь никакимъ убѣжденіямъ». Далѣе слѣдовали обычныя «дасковыя увѣщанія» и запугиванія.

Министры выражали надежду, что русскій путешественникъ не станетъ, не взирая ни на что, безразсудно стремиться впередъ. Они говорили, что китайское правительство не можетъ ручаться за безопасность путешественниковъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ китайскихъ властей, и просили, чтобы Пржевальскій не отправлялся въ дальнѣйшій путь, если, по прибытіи въ Хами, узнаетъ, что оттуда нѣтъ пути въ Тибетъ, или же что путь, ведущій туда, проходитъ по мѣстамъ безлюд-

* Предписаніе помощника начальника гл. шт., отъ 19 декабря 1878 г., см. Дубровинъ, стр. 271.

и имъ, гдѣ нѣтъ китайскихъ чиновниковъ». Въ такихъ мѣстностяхъ, говорили они, нѣтъ возможности снабжать экспедицію проводниками.

Кояндеръ отвѣчалъ на это, что осторожность Пржевальскаго хорошо всѣмъ извѣстна уже изъ предыдущихъ его путешествій. Относительно нетерпимости тибетцевъ къ иностранцамъ онъ указалъ, что китайскій резидентъ пользуется достаточнымъ вліяніемъ въ Лхасѣ для того, чтобы убѣдить мѣстныхъ жителей въ неосновательности ихъ враждебнаго отношенія къ русскимъ путешественникамъ, «если таковое существуетъ на самомъ дѣлѣ, чего, впрочемъ, по разсказамъ прежде бывшихъ тамъ путешественниковъ, не видно.

«Резиденту тѣмъ легче будетъ это сдѣлать,—прибавлялъ г. Кояндеръ,—что Пржевальскій будетъ въ Тибетѣ, вѣроятно, одновременно съ венгерскимъ путешественникомъ графомъ Сечени, котораго китайское правительство безъ всякаго затрудненія снабдило охраннымъ билетомъ и рекомендательными письмами на проѣздъ въ Лхассу» *).

«По доходящимъ до меня частнымъ путемъ свѣдѣніямъ,—доносили нѣсколько позже г. Кояндеръ въ Петербургъ **),—китайскія власти въ Тибетѣ наиболѣе противятся появленію въ этой странѣ именно русскихъ путешественниковъ. Подтверженіемъ вѣрности этого сообщенія могутъ отчасти служить тѣ затрудненія, которыя Цзунъ-ли-ямынъ ставилъ къ выдачѣ Пржевальскому открытаго листа, и тѣ запугиванія и предостереженія отъ опасностей, которыя приводятся министрами всякій разъ, какъ заходитъ рѣчь о русской экспедиціи; между тѣмъ графу Сечени охранный листъ былъ выданъ безъ всякихъ затрудненій и по первой его о томъ просьбѣ. Но разъ, что китайцамъ не удалось остановить Пржевальскаго, можно надѣяться, что когда путешественникъ нашъ достигнетъ Тибета, тамошнія китайскія власти примутъ надлежащія мѣры къ обезпеченію его безопасности»...

Въ доказательство этого онъ приводитъ тотъ фактъ, что китайскій резидентъ въ Лхасѣ просилъ оставить на своихъ мѣстахъ двухъ чиновниковъ, срокъ службы которыхъ въ Тибетѣ уже истекъ, и мотивировалъ свою просьбу скорымъ прибытіемъ въ Тибетъ иностранцевъ, «во время пребыванія которыхъ, говорилось въ докладѣ резидента, китайскими чиновниками въ этой странѣ должны быть люди опытные, способные своимъ вліяніемъ удержать отъ беспорядковъ народъ, враждебно (будто-бы) настроенный противъ чужестранцевъ».

Далѣе г. Кояндеръ сообщилъ, что прежній Далай-Лама, насколько можно было узнать по различнымъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, умеръ еще въ апрѣлѣ 1875. Въ августѣ 1876 г. найденъ былъ ему преемникъ и недавно привезенъ въ Лхассу.

Далай-Лама вступаетъ въ отправление своихъ духовныхъ обязанностей, по достиженіи четырехъ-лѣтняго возраста (съ 18 лѣтъ онъ принимаетъ свѣтскую

*) См. Дубровинъ, стр. 272—273.

**) Министерству иностранныхъ дѣлъ отъ 14 мая 1879 г.

власть) и резидентъ просилъ богдыханскаго разрѣшенія на то, чтобы, въ выбранный тибетцами день—19-го числа будущаго юля, ребенокъ этотъ былъ внесенъ въ храмъ, находящійся на горѣ Буда-ла и служащій обыкновенно дворцомъ для воплощеннаго Будды. Кромѣ того резидентъ просилъ позволенія вручить новому Далай-Ламѣ печать для веденія духовныхъ дѣлъ и сдѣлать для него желтыя носилки».

Это свѣдѣнiе, почерпнутое г. Кояндеромъ изъ оффиціальнаго источника, противало нѣкоторый свѣтъ на непонятное безъ того упорство Цзунъ-ли-ямьна въ затрудненіяхъ, которыя совѣтники богдыхана безпрестанно поставляли Пржевальскому къ осуществленію его экспедиціи.

Понятно, что китайское правительство не желало допустить европейцевъ въ Тибетъ въ то самое время, когда тамъ совершалась перемѣна духовнаго и свѣтскаго владыки.

Что же касается легкости, съ которою министры выдали охранный листъ графу Сечени, то и это находило себѣ довольно удовлетворительное объясненіе: пекинскіе министры были увѣрены, что Сечени, будучи одинъ, ни въ какомъ случаѣ не доберется до Лхассы, такъ какъ объ этомъ позаботятся власти городовъ, лежащихъ на пути въ Тибетъ, согласно тайнымъ инструкціямъ.

Но относительно Пржевальскаго дѣло обстоило иначе.

Имѣя при себѣ прекрасно вооруженный конвой, и, какъ извѣстно было уже изъ предыдущихъ его путешествій, обладая необыкновенною энергіей, независимый кромѣ того ни отъ кого въ способахъ передвиженія, — онъ могъ при случаѣ проложить себѣ дорогу и силою.

Поэтому-то пекинское правительство и прилагало всѣ усилія къ тому, чтобы отклонить попытку этого отважнаго русскаго путешественника, но разъ это не удалось, то рѣшили ставить ему всевозможныя тайныя преграды.

Такое намѣреніе совѣтниковъ богдыхана проглядывало даже въ мелочахъ. Когда, напр., нашъ повѣренный въ дѣлахъ коснулся, по поводу вышеупомянутаго письма Пржевальскаго, вопроса объ отводѣ квартиръ путешественникамъ при посѣщеніи ими городовъ, то министры замѣтили на это, что по существующимъ договорамъ на китайскихъ властяхъ не лежитъ такой обязанности.

При личномъ свиданіи съ членами Цзунъ-ли-ямьна, А. Кояндеръ замѣтилъ по этому поводу, что, упоминая объ отводѣ квартиръ, онъ не думалъ требовать отъ нихъ обязательства по какому-нибудь трактату, но просилъ это сдѣлать по долгу простаго гостепріимства для путешествующихъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ ни гостиницъ, ни частныхъ домовъ, которые можно было бы нанять.

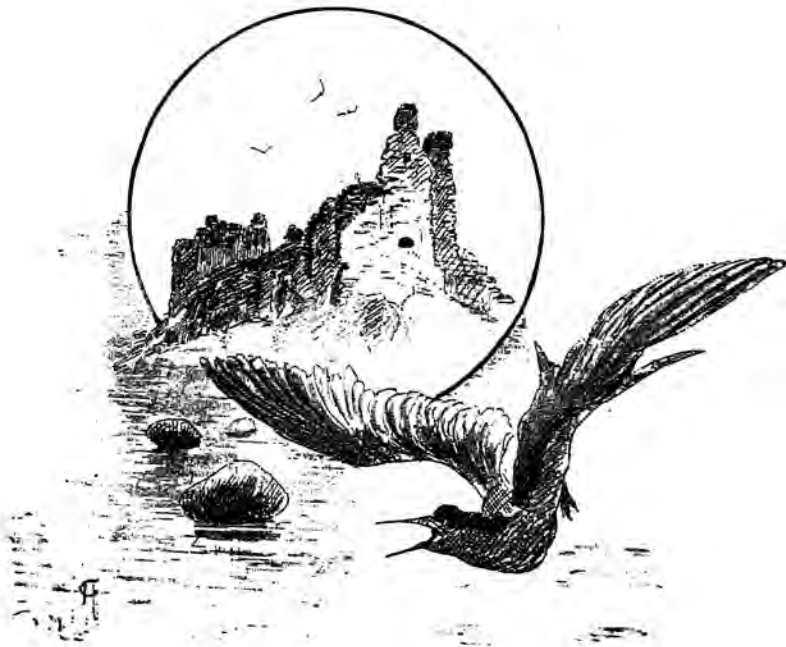
На этотъ разъ китайцы старались отдѣлаться тѣмъ, что просили еще разъ написать Пржевальскому о необходимости соблюдать величайшую осторожность во время путешествія.

«Я надѣюсь,—писалъ Кояндеръ Николаю Михайловичу,—послѣ этого, что китайцы написали представителямъ своей власти въ крайкъ, черезъ которые вы

будете проходить, быть съ вами внимательнѣе и любезнѣе, чѣмъ въ Гученѣ... Но, многоуважаемый Николай Михайловичъ, не могу не попросить васъ быть во время вашего путешествія насколько возможно осторожнымъ. Въ настоящее время на кятайцевъ можно еще менѣе полагаться, чѣмъ обыкновенно, вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, которыя было бы неудобно приводить въ этомъ письмѣ. Считаю однако необходимымъ предупредить васъ, чтобы вы могли быть всегда насторожѣ.

Однако, не въ такихъ былъ Николай Михайловичъ, чтобы его можно было заставить отказаться отъ исполненія задуманнаго плана какими бы то ни было угрозами. Онъ твердо вѣрилъ въ свою энергію и въ свое счастье, которое никогда еще не покидало его.

КОНЕЦЪ I ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Предисловіе.	
Введеніе	7
ГЛАВЫ.	
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.	
Первые періоды жизни Пржевальскаго.	
I.—Наслѣдственность.	
Родословная Пржевальскаго.—Наслѣдственность по отцовской линіи и со стороны матери.—Обновленіе выродившагося дворянскаго рода	12
II.—Воспитаніе.	
Жизнь въ деревенской глуши.—Первоначальное обученіе.—Няня Макарьевна.—Смоленская гимназія.—Капитулярное время.—Страсть къ охотѣ.—Наблюденія природы.—Феноменальная память	17
III.—Военная карьера.	
Поступленіе въ военную службу.—Разставаніе съ роднымъ гнѣздомъ.—Разочарованіе.—Походная жизнь.—Производство въ офицеры, характеристика офицерскаго общества.—Первая неудачная попытка выйти изъ своего положенія.—Академія генеральнаго штаба.—Жизнь въ полку	27
IV.—Жизнь въ Варшавѣ и переводъ въ Сибирь.	
Педагогическая дѣятельность въ юнкерскомъ училищѣ.—Научныя занятія.—Домашняя жизнь.—Внутреннее міросозерцаніе.—Заключенія о личности Пржевальскаго.—Ходатайство о переводѣ на службу въ Сибирь	38
V и VI.—Взглядъ на исторію изслѣдованія Центральной Азіи.	
Центральная Азія.—Прогрессъ географической науки въ XIX вѣкѣ.—Азія—область русскихъ изслѣдованій.—И. Русское Географическое Общество.—Изслѣдованіе окраинъ Центральной Азіи до Пржевальскаго: съ с.-з.—Арало-Каспійская впадина и Туркестанъ, съ с. и с.-в.—Сибирь и Амурскій край.—Попытка проникнуть внутрь Центрально-Азіатскаго нагорья.—Быстрый ростъ русскаго вліянія въ Азіи.—Опасность со стороны Китая для европейской культуры, значеніе Китая для Россіи.—Превосходство Пржевальскаго предъ другими изслѣдователями	50

главы.	ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ УССУРІЙСКІЙ КРАЙ.	стр.
VII.—	Въ Иркутскѣ, командировка и сборы въ путешествіе. Выѣздъ изъ Варшавы.—Робертъ Кёхеръ.—Пріѣздъ въ Петербургъ, знакомство съ П. П. Семеновымъ.—Въ Иркутскѣ.—Занятія въ библиотекѣ Сибирскаго отдѣла.—Командировка.—Денежные ресурсы.—Программа путешествія.	88
VIII.—	Отъ Иркутска по Шилѣ и Амуру до Уссури. На почтовыхъ.—Крушеніе парохода.—Путешествіе въ лодкѣ.—Снова на пароходѣ.	94
IX.—	По рѣкѣ Уссури до озера Ханка. На лодкѣ вверхъ по рѣкѣ.—Характеръ береговъ и растительности, мучители-комары.—Порядокъ дня и ночевка.—Р. Сунгача	104
X.—	На озерѣ Ханка. Прежніе размѣры озера, характеръ его береговъ.—Рыбныя богатства и ихъ эксплуатація.—Идиллія на озерѣ.—Научныя занятія	111
XI.—	Зимняя экспедиція на въюкахъ. Ханкайскія степи.—Археологическая находка.—По р. Суяфуну до Новгородской гавани.—Сборы въ зимнюю экспедицію.—Дороговизна.—Слѣдованіе по „тропѣ“.—Травяные пожары.—Владивостокъ.—Неудачная охота на оленей.—Опасная переправа черезъ р. Май-ха.—Китайскій игорный домъ.—Разспросы пути.—Загадочная фанза.—Манча-гастрономъ.—Долина Сучая.—Бояня фазановъ и охота на тигра.—Окончаніе экспедиціи.—Возвращеніе въ станцію Буссе	119
XII.—	Весна на озерѣ Ханка. Результаты предыдущей экспедиціи.—Оцѣнка ихъ Сибирскимъ отдѣломъ Н. Р. Г. О.—Ходатайство о Манчжурской экспедиціи.—Встрѣча весны на оз. Ханка.—Пустыньность береговъ до наступленія весны и постепенное оживленіе ихъ.—Пляска журавлей.—Охота на ибисовъ и на китайскихъ журавлей.—Баснословное обиліе птицъ.—Комары и клещи.—Ходъ возъ	141
XIII.—	Военная экспедиція противъ Хунъ-Хузовъ. Жизнь въ Николаевскѣ. Исторія восстанія.—Хунъ-Хузы.—Дѣйствія Николая Михайловича.—Награды за экспедицію.—Рискованная охота на медвѣдей.—Жизнь въ Николаевскѣ.—Работа надъ описаніемъ путешествія.—Счастливая игра въ карты.—Неудачная афера съ собольми.—Нелестная характеристика сибирскаго общества.	148
XIV.—	Последняя экспедиція въ Уссурійскомъ край и возвращеніе въ Россію. Наслѣдованіе въ бассейнахъ рѣкъ Сянъ-ха, Лефу, Мо.—Воспитательныя ночевки.—Мучительныя насѣкомыя.—Прощаніе съ Ханка.—Въ Иркутскѣ.—Влестящій докладъ въ отдѣлѣ Географическаго Общества	155

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Четыре путешествія по Центральной Азіи (Монголія, Восточный Туркестанъ и Тибетъ).

ГЛАВЫ.	ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ.	СТР.
I.—	Въ Петербургѣ. Сборъ въ путешествіе. Прибытіе въ Петербургъ и доклады въ Географическомъ Обществѣ.—Ходагайство о снаряженіи экспедиціи въ Центральную Азію.—Матеріальныя средства.—Отзывъ посланника Влангали на запросъ Литке.—Выборъ спутника.—Высочайшая командировка.—Прибытіе въ Иркутскъ.—Двѣ неприятыя „исторіи“	159
II.—	Отъ Кяхты до Пекина. Первыя впечатлѣнія въ Кяхтѣ.—Възда на двухколесной таратайкѣ.—Г. Урга, ея общій видъ; кирпичный чай—денежная единица.—Населеніе.—Нищія.—Пожираніе труповъ собаками.—Опасеніе дунганскаго нападенія.—Шествіе по пустынь Гоби; охота на дауреновъ.—Сахары.—Спускъ съ монгольскаго нагорья; рѣзкая пере мѣна климата.—Великая Китайская стѣна.—Калганъ.—Путь по густо населенной китайской землѣ.—Китайскія гостинницы.—Китайская кухня	168
III.—	Въ Пекинѣ. Сборъ въ экспедицію. Пекинъ.—Первое неблагопріятное впечатлѣніе.—Нищія.—Дороговизна жизни.—Невозможность воспользоваться полезными совѣтами относительно предстоящаго путешествія.—Снаряженіе собственнаго каравана.—Недостатокъ средствъ.—Помощь, оказанная посланникомъ Влангали.—Запасъ оружія и боевыхъ припасовъ.—Скудость прочихъ припасовъ.—Китайскія деньги	182
IV.—	Двухмѣсячная экспедиція къ озеру Далай-норъ. Характеръ мѣстности и климата; вода въ озерахъ.—Городъ Долонъ-норъ.—Великолѣпный видъ травяного пожара.—Озеро Далай-норъ; весенній пролетъ птицъ.—Порядокъ козденія и ночевки.—Отношеніе мѣстнаго населенія.—Съемка и мѣры для скрыванія ея производства отъ мѣстнаго населенія.	191
V.—	Отъ Калгана до Желтой рѣки. Невозможность найти проводника.—Путь по безводной пустынь.—Вѣроломный проводникъ.—Мѣры предосторожности.—Горная область.—Уроты, ихъ нелестная характеристика	200
VI.—	Ордосъ. Переправа черезъ Бога-хатунъ.—Вынужденная четырехдневная стоянка.—Нахальная выходка китайскихъ солдатъ.—Ордосъ, ея геологическое и историческое прошлое.—Великая стѣна.—Рѣзкая граница двухъ странъ.—Исслѣдованіе развѣталей Хуля-хэ.—Пески Куинчи, легенда о ихъ происхожденіи.—Pugilium cognitum.—Стоянка у оз. Иаандеминъ-норъ.—Легенды о Чингисъ-ханѣ.—Слѣды дунганскаго разоренія: разрушенная кумирня, одичавшій скотъ.—Развалины древняго города.—Монголъ Джюльджига.—Горы Арбусъ-ула, легенда о кузнецѣ Чингисъ-хана.—Въ гор. Дынъ-ху.	223
VII.—	Ала-шанъ. Ала-шанская пустыня, пески Тынгеря; флора, фауна и населенія.—Прибытіе въ Дынъ-шанъ-инъ.—Амбаъ и его сы-	

- новья; дружескія отношенія съ молодыми князьями.—Подарки.—Торговля.—Балдынъ Сарджи и его интересныя разсказы (избраніе Далай-ламы, Шамбалынъ).—Аудіенція у князя Экскурсія въ горы.—Охота за куку-янами.—Возвращеніе въ Дынь-юань-инь.—Безвыходное положеніе вслѣдствіе безденежья, рѣшеніе возвратиться въ Пекинъ 242
- VIII.—Обратное шествіе отъ Ала-шаня до Калкана.
Болѣзнь Пыльдова.—Хара-нарпнъ-ула.—Климатъ проходной мѣстности.—Порядокъ хожденія и ночевки.—Столкновенія съ китайскими солдатами.—Пропажа верблюдовъ.—Новое несчастье съ Пыльдовымъ.—Прибытіе въ Калканъ 262
- IX.—Сборы въ новую экспедицію.
Ходатайство объ увеличеніи средствъ на экспедицію.—Затруднительное положеніе и помощь Влангали.—Паспортъ съ отговоркой.—Усиленное вооруженіе.—Недовольство Пекиномъ.—Новые спутники, обученіе ихъ стрѣльбѣ.—Снаряженіе каравана 272
- X.—Снова въ Ала-шань.
Неудачная попытка перейти въ Ордосъ.—Обобщеніе наблюденій о полетѣ птицъ.—Путь по долинѣ Хуань-хэ.—Оригинальная „охота“ на рыбу.—Осадочная соль.—Страшная засуха.—Вступленіе въ Ала-шань и встрѣча чивовниками.—Измѣненіе отношеній къ ала-шаньскому князю и его сыновьямъ.—Торговля.—Удобный случай пройти на Куку-норъ и препятствія со стороны амбана.—Безвыходное положеніе по недостатку средствъ 279
- XI.—Южный Ала-шань, переходъ до Гань-су.
Выступленіе изъ Дынь-юань-иня.—Съ тангутскимъ караваномъ.—Многоглаголивый Аввакумъ.—Назойливость спутниковъ и помѣхи въ научныхъ изслѣдованіяхъ.—Южный Ала-шань, пески Тынгери.—Остановка въ городѣ Даджинъ.—Горы Гань-су.—Курьезная стычка съ дунганями, стонцизмъ цѣнника.—Ночное приключеніе 288
- XII.—Гань-су.
Кумирня Чертынтонь.—Разлученіе съ тангутскимъ караваномъ.—Привѣтскія отношенія съ гыгеномъ.—Кумирня Чейбоси.—Протекція прежнихъ спутниковъ тангутовъ.—Храмъ и идолы.—Лѣтняя экскурсія въ горахъ, обиліе научной добычи.—Безпрестанные дожди.—Восхожденіе на вершину Соди-Соруксумъ, гора Гаджуръ, озеро Демчукъ.—Панический страхъ мѣстныхъ жителей предъ дунганями.—Молва о Пржевальскомъ : 298
- XIII.—Къ берегамъ завѣтнаго озера. Дунганы.
Удобный случай проникнуть къ оз. Куку-норъ.—Гаданіе.—Перевозка коллекцій въ Чертынтонь.—Дунганское возстаніе.—Слово „дунгань“.—Первый періодъ возстанія; причины, способствовавшія его упадку.—Ходъ возстанія въ Гань-су.—Шансы возстанія.—Организація дунганъ.—Курьезная осада Чейбосна.—Оборонительная линія китайцевъ.—Китайскія войска (вооруженіе, всеобщая деморализація).—Взятіе Синца.—Движеніе на западъ.—Положеніе дѣла въ Восточномъ Туркестанѣ.—Якубъ-бекъ и его царство.—Побѣда китайцевъ.—Оправка вѣстей на родину и въ Пекинъ.—Путь по горамъ.—Нападеніе китайцевъ.—Встрѣча съ дунганями.—Прибытіе къ озеру. 311

ГЛАВЫ.

- XIV.—Озеро Куку-норъ.
Общее описание озера.—Легенда о его происхождении.—Ръв-
ный контрастъ Куку-норскихъ степей съ Ганьсуйской про-
винціей.—Куку-норскіе монголы, ихъ нежелательная рекоменда-
ція мѣстнымъ княземъ.—Хара-тангуты, легенда объ ихъ
происхождении.—Обстоятельства складываются чрезвычайно
благоприятно.—Визитъ Далай-ламскаго посланника.—Удач-
ная переформировка каравана, рекомендательное письмо.—
Свѣдѣнія о кумирѣ Гумбумъ (дерево Занда-мото съ тiero-
глифами на листьяхъ).—Дулакъ-китъ.—Триумфальное шес-
ствие.—Баумштейнмусъ.—Цайдамъ.—Снаряженіе въ Даунъ-
засагъ и вступленіе въ Тибетъ. 330
- XV.—Тибетъ.
Тибетское нагорье.—Окраинные хребты: Бурханъ-Будда и
Шуга.—Условія хождения по Тибетскимъ пустынямъ.—Оби-
ліе животной жизни.—Трудная зима.—Лишенія отъ недо-
статка средствъ.—Порядокъ хождения, ночевка въ юртъ.—
Охота на яковъ.—Поэтическая натура Николая Михайло-
вича.—Оронго.—Монголъ Чутунъ-дзамба.—Встрѣча новаго
года.—Голубая рѣка.—Рѣшеніе возвратиться 348
- XVI.—Снова на Куку-норъ и въ Гань-су.
Обратный путь по Тибету, переменна климата при спускѣ
въ Цайдамъ.—Куку-норъ раннею весной.—Миражи.—Отрав-
леніе кровью.—Путь въ Гань-су.—Продажа оружія для сна-
ряженія каравана.—Новая переменна климата.—Трудный
путь по горамъ, встрѣча съ китайскими солдатами.—Уди-
вительная приспособленность растений къ суровому кли-
мату.—Охота за грибами.—Хунъ-гуресу 376
- XVII.—Возвращеніе въ Ала-шань. Напряженіе въ Ургу средно-
юю Гоби.
Снова въ пустынь.—Блужданія безъ проводника.—На во-
лосъ отъ смерти.—Прибытіе въ Дынъ-юанъ-иятъ.—Спаситель-
ная посылка.—Экспедиція въ Ала-шаньскія горы.—Опасное
наводненіе.—Путь черезъ Гоби напрямикъ.—Роковая ошибка
проводника.—Физическое изнеможеніе.—Жалкое состояніе
одежды.—Вода въ степныхъ озерахъ.—Прибытіе въ Ургу.—
Первыя впечатлѣнія по окончаніи трудныхъ странствованій.—
Краткій взглядъ на результаты экспедиціи 383
- XVIII.—Лавры первой экспедиціи.
Пржевальскій въ Иркутскѣ, въ Москвѣ, въ Петербургѣ.—
Овація.—Высочайшія награды.—Лекція въ Географическомъ
Обществѣ.—Осмотръ коллекцій австрійскимъ императоромъ
и Александромъ II.—Покупка зоологическихъ коллекцій
Академіей Наукъ.—Отъѣздъ въ деревню.—Награды изъ-за
границы.—Разработка матеріаловъ.—Подарокъ офицеровъ
генеральнаго штаба.—Приготовленія къ новой экспедиціи,
выборъ спутниковъ.—Почетная грамота отъ международ-
наго географическаго конгресса „Palme d'Academie“ 400

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.

XIX.—Сборы въ экспедицію.

Ходатайство о командировкѣ, планъ предстоящей экспеди-
ціи.—Ассигнованіе средствъ.—Снаряженіе.—Выѣздъ изъ Пе-
тербурга.—Жизнь въ Отрадномъ.—Задержка въ Перми.—

ГЛАВЫ.

СТР

Путь до Кульджи.—Несчастье при переправѣ черезъ р. Хоргосъ.—Снаряженіе каравана.—Хлопоты въ Пекинѣ о выдачѣ паспорта 408

XX.—Отъ Кульджи до Лобъ-нора.

Выступленіе изъ Кульджи.—Путь по Илиской долинкѣ.—Отправленіе обратно въ Россію двухъ казаковъ и Швыльковскаго.—Прибытіе въ Хара-мото.—Лицевыи пріемъ въ Курла.—Заманъ-бекъ.—Движеніе къ Лобъ-нору.—Стѣсельный конвой.—Переговоры съ Заманъ-бекомъ, письмо къ генералу Кауфману.—Умышленныя затрудненія пути экспедиціи.—Стоянка въ сел. Ахтармѣ.—Бѣгство туземцевъ съ пути экспедиціи по распоряженію мѣстныхъ властей . . . 414

XXI.—Джитышаръ, или Кашгарія.

Экспедиція въ Алтынъ-тагъ, невзгоды.—Прибытіе посольства Куропаткина въ Курла, отъѣздъ Замана.—Письма отъ него и отъ Куропаткина.—Возвращеніе на Лобъ-норъ.—Исслѣдованія озера и его окрестностей.—Возвращеніе въ Курла, аудіенція у Якубъ-бека.—Его характеристика.—Общее заключеніе о пребываніи въ Кашгаріи.—Рапортъ о политическомъ положеніи Восточнаго Туркестана.—Сподвижники Вадуалета.—Настроеніе населенія и войска.—Предсказаніе судьбы Джитышара 421

XXII.—Неудачное движеніе въ Тибетъ.

Въ Тянь-шанѣ.—Падежъ верблюдовъ.—Стоянка на Юлдусѣ.—Просьбы о назначеніи въ дѣйствующую армію въ Турціи.—Возвращеніе въ Кульджу.—Результаты экспедиціи.—Сборня въ выступленіи въ Тибетъ.—Извѣстіе о смерти дяди.—Англичане идутъ въ Тибетъ.—Путь къ Гучену окольною горною дорогою.—Волѣвъ Николая Михайловича.—Прибытіе въ Зайсань.—Угнетенное состояніе, безпокойство о матери.—Сборы въ путь.—Дипломатическіе переговоры въ Пекинѣ, объ экспедиціи.—Извѣстіе о смерти матери.—Приказаніе прекратить экспедицію 432

XXIII.—Итоги Лобъ-норской экспедиціи. Приготовленія къ новому путешествію.

Возвращеніе въ Россію.—Полемика съ Рихтгофеномъ.—Проектъ тибетской экспедиціи, докладная записка.—Лекція въ Географическомъ Обществѣ.—Новые лавры.—Выборъ спутниковъ.—Командировка.—Хлопоты г. Комядера о паспортѣ въ Пекинѣ 446

